

№ 8 (127) 2012
Выпуск 20

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательско-полиграфический комплекс НИУ «БелГУ»

**Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В.В. Соколев,
проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических наук

Ответственный секретарь:

Е.Н. Кролевецкая,
доцент кафедры педагогики
НИУ «БелГУ»,
кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Л.Я. Дятченко

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Идеи богочеловечества в философской антропологии С.Л. Франка.
И.М. Невлева 5

Против Ницше и антропоцентризма (полемика с И.И. Евлампиевым).
В.Н. Сагатовский 16

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Духовно-практическое освоение мира как феномен мифо-эпического сознания.
М.А. Шенкао 21

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Этика космического бытия человека.
А.К. Зайцев 26

Нравственно-эстетические поиски русских романтиков.
Т.И. Литич, В.В. Литич 31

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Технология социальной паспортизации населения как инновационный элемент социальной политики региона.
И.Э. Надуткина, В.М. Геращенко 37

Проблемы формирования качественной управленческой учетно-аналитической информации.
Л.В. Усатова, Е.В. Арская 43

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Религиозная вера: факты и комментарии.
С.М. Климова 52

Современное мифосознание и субкультурные религии.
О.Н. Римская, В.П. Римский 67

О семиотическом описании магии.
В.Ф. Филатова 75

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Особенности расследования уклонения от уплаты налогов.
И.В. Александров, А.А. Асочаков 85

Публичные гарантии реализации конституционного права на занятие физической культурой и спортом: исторический опыт и современность.
С.Б. Глушаченко, Р.В. Донец 94

Особенности образовательного правоотношения в контексте права граждан на образование.
А. А. Гусева 99

Оформление субъективных экологических прав в контексте исторического развития российского государства.
В.П. Касаткин, И.С. Чалых 103

Роль уполномоченного по правам человека в обеспечении охраны здоровья граждан и субъективного права на медицинскую помощь.
А.Е. Новикова, А.М. Жорник 113

Целевые установки в деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.
А.Е. Новикова, А.С. Мамин 120

Особенности нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации.
В.Н. Самсонов, Е.Ф. Лукьянчикова 129

Политические и интеллектуальные ресурсы международных профессиональных ассоциаций: о деятельности международной ассоциации школ права (IALS)
В.Ю. Сморгунова 135

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов

кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Н.В. Витрук, доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

М.Н. Громов, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Т.Р. Лоусон, доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор НИУ «БелГУ»

М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.В. Реутов, кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 24.02.2012.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 44,17.
Тираж 1000 экз.
Заказ 163.

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательско-полиграфическом комплексе
НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Процедурно-процессуальное сопровождение муниципального правотворческого процесса. *С.В. Тычинин, Е.Н. Кузнецова* 146

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Федеральные стандарты развития конституционного права на свободу массовой информации. *В.Г. Ермаков, А.А. Царик* 155

Генезис конституционных принципов состязательности и равноправия сторон в современном судопроизводстве России. *В.Г. Ермаков, В.А. Носков, А.Д. Хлебников* 165

Конституционная ответственность государства за нарушение прав и свобод человека. *М.В. Мархгейм, О.Н. Полухин* 172

О состязательности и равноправии сторон как самостоятельных конституционных принципах судопроизводства. *М.В. Мархгейм, А.Д. Хлебников* 184

Конституционно-правовое обеспечение режимов территорий в российском государстве. *А.Н. Нифанов, С.А. Москаленко* 188

Конституционно-правовой статус территории в Российской Федерации в видовом формате исходно-публичных режимов. *О.Н. Полухин, А.Н. Нифанов* 194

Основные теории местного самоуправления в российской и украинской конституционно-правовой науке. *Н.Н. Олейник, Е.В. Мирошников* 202

К вопросу о понятии конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации как научной категории. *В.Н. Самсонов, Е.В. Самсонова* 215

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Человеческий потенциал как научная категория. *В.П. Бабинцев, М.П. Куркина* 223

Символическое насилие в практиках историзации и меморизации революции (на примере кинодискурса 30-х гг. XX века). *О.С. Борисова, С.Н. Борисов* 230

Современное китайское общество: специфика духовно-нравственных ценностей *Д. Ш. Цырендоржиева, Т. М. Ринчинова* 241

Нетрансцендентное иное: этический образ новой онтологии. *И.В. Гибелев* 246

Рациональная и паранаучная формы миропонимания. *Г.Н. Калинина* 265

Современные кадровые технологии в системе муниципального управления. *М. А. Коломьцева* 260

Понятие космизма и проблема его классификации. *В.В. Лыткин* 265

Социокультурная трансформация религиозного опыта в системе «анти-религиозной пропаганды» 20-30 –х гг. На примере советских праздников. *Е.С. Молостова* 273

В.В. Розанов: жизнелюбие как философский аргумент русской литературы. *Н.М. Мурадова* 279

Социальная функция субкультурной религиозности (на примере старообрядчества и меннонитства). *С.С. Почепцов* 284

Образы и символы детства в прозе Германа Гессе. *Н.В. Рожкова* 292

Предупреждение и урегулирование конфликтов в трудовых коллективах. *С.В. Рязанцев* 299

Философско-правовая концепция социальной защиты как основа стратегии противодействия экстремизму: критический анализ. *Е.В. Сальников* 303

Исследование семейных образов в изобразительном искусстве (контент-анализ материалов русского и советского искусства XIX-XX вв.). *Л. А. Соловьева* 313

Функциональный подход к педагогической деятельности: противоречие и перспектива. *Г.Н. Травников* 321

Святоотеческое видение проблемы достоинства человека в период вселенских соборов (IV-VIII вв.). *В.Г. Устьян* 329

Высшая школа как пространство самореализации студенческой молодежи. *Е.Н. Шутенко* 353

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Современные проблемы правового регулирования межнациональных отношений. *Е.Е. Тонков* 360

Сведения об авторах 372

Информация для авторов 376

№ 8 (127) 2012

Issue 20

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,
Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

V.V. Sokorev,
Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

E.N. Krolevetskaya,
Associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko
Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociology, Professor

Chief editor

V.P. Rimskiy
Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov
Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Ideas of godlike mankind in the philosophical anthropology of S.L. Frank.

I.M. Neveleva 5

Against Nietzsche and anthropocentrism (arguing with I.I. Evlampiev.

V.N. Sagatovskiy 16

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Spiritual-practical exploration of the world as phenomenon of mythical-epical consciousness. **M.A. Shenkaov 21**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Ethics of cosmic being of human. **A.K. Zaitsev 26**

Russian romanticists' moral and aesthetic retrieval. **T.I. Lipich,**

V.V. Lipich 31

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Technology of social pasportization as an innovation element of region social policy. **I.E. Nadutkina, V.M. Gerashchenko 37**

Problems of formation of high-quality management accounting and analytical information. **L.V. Usatova, E.V. Arskaja 43**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Religious faith: facts and comments. **S.M. Klimova 52**

Modern mythical consciousness and subcultural religions. **O.N. Rimskaya,**

V.P. Rimskiy 67

On the semiotic description of magic. **V.F. Filatova 75**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Peculiarities of tax evasion investigation. **I.V. Aleksandrov,**

A.A. Asochakov 85

Public guarantees for realization of constitutional law on occupation by physical culture and sport: historical experience and the present.

S. Glushachenko, R. Donetz 94

Features of educational legal relationship in a context of the right of citizens for education. **A. Guseva 99**

History of Russian state registration as a subjective factor of environment.

V. Kasatkin, I. Chalykh 103

Role of the commissioner for human rights protection of citizens' health and subjective right to medical assistance. **A. Novikova, A. Zhornik 113**

Target installation of the commissioner for human rights in the Russian Federation. **A. Novikova, A. Mamin 120**

Features of law-making relations of legislative (representative) agencies of state authority of Russian Federation. **V. Samsonov, E. Lukyanchikova 129**

Political and intellectual resources of the international professional associations: about activity of the international associations of law schools.

V. Smorgunova 135

Procedure of provisioning municipal law-making process. **S. Tychinin,**

E. Kuznetsova 146

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, Associate professor (Belgorod National Research University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 24.02.2012
Format 60x84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 44,17
Circulation 1000 copies
Order 163.

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Press
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

ACTUAL PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL MUNICIPAL LAW

Federal standards of constitutional law of freedom of media. **V. Ermakov, A. Tsarik 155**

Genesis of constitutional adversarial and equal principles in modern Russia proceedings. **V. Ermakov, V. Noskov, A. Khlebnikov 165**

Constitutional responsibility of the state for violation of the rights and freedoms of the person. **M. Markheim, O. Polukhin 172**

About competitiveness and equality of the parties as independent constitutional principles of legal proceedings. **M. Markheim, A. Khlebnikov 184**

Constitutional and legal support regime of territories in the Russian state. **A. Nifanov, S. Moskalenko 188**

Constitutional and legal status of territory in the Russian Federation in specific format of initial public-security regime. **O. Polukhin, A. Nifanov 194**

Main theories of local government in the Russian and Ukrainian constitutional and legal science. **N. Oleinik, E. Miroshnikov 202**

To the question of concept of the constitutional production of legislative (representative) public authorities of the Russian Federation subjects as scientific category. **V. Samsonov, E. Samsonova 215**

THESIS

Human potential as a scientific category. **V.P. Babintsev, M.P. Kurkina 223**

Symbolic violence in practices of historization and memorization of revolution (the case of cinematic discourse of 1930s). **O.S. Borisova, S.N. Borisov 230**

Modern Chinese society: specifics of spiritual and moral values **D.S. Thyrendorzhieva, T.M. Rinchinova 241**

Non-transcendent other: the ethic form of new ontology. **I.V. Gibelev 246**

Rational and parascientific forms of world-viewing. **G.N. Kalinina 254**

Modern personnel technologies in the system of municipal government. **M.A. Kolomytseva 260**

Notion of cosmism and problem of its classification. **V.V. Lytkin 265**

Social-cultural conversion of the religious experience in the system of «antireligious advocacy» in the period of 1920-30s on the pattern of soviet holidays. **E.S. Molostova 273**

V.V. Rozanov: life and creation as a philosophical argument of the Russian literature. **N.M. Muradova 279**

Social function of sub-cultural religiosity (the case of the old believers and the mennonites). **S.S. Pocheptsov 284**

Images and symbols of childhood in the prose of Herman Hesse. **N.V. Rozhkova 292**

Prevention and settlement of conflicts in labour collectives. **S.V. Ryazantsev 299**

Law philosophical concept of social protection as a basis of strategy of counteraction to extremism: critical analysis. **E.V. Salmikov 303**

Research of family images in fine art (content-analysis of materials of Russian and Soviet art of the XIX-XXth centuries). **L. A. Solovieva 313**

Functional approach to educational activity: contradictions and perspective. **G.N. Travnikov 321**

Patristic vision of the problem of human dignity in the period of oecumenical councils (IV – VIIIth centuries). **V.G. Ustyan 329**

Higher school as the space of self-realization of student youth. **E.N. Shutenko 353**

ISSUE OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN RUSSIA: PAST, PRESENT AND FUTURE

Contemporary issues of legal regulation of international relations. **E.E. Tonkov 360**

About authors 372

Information for authors 376

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ИДЕИ БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ С.Л. ФРАНКА

И.М. НЕВЛЕВА*Белгородский
университет кооперации,
экономики и права*

В статье раскрываются идеи Богочеловечества в философской системе С.Л. Франка. Франк считает, что человек есть не более чем эмпирически-природное существо; признаком человека является его сверхчеловеческая, богочеловеческая природа.

С.Л. Франк один из наиболее крупных русских мыслителей XX столетия, продолжатель научной философской традиции, идущей от Плотина, Николая Кузанского и Спинозы.

Рассматривая ценность жизни, Франк обращается к онтологии всеединства, проблеме человека, внутреннему миру личности, особенностям проявления человеческого бытия в искусстве, морали, религии, специфике русского религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: философская антропология, основоположное бытие, трансцендентность, религиозное сознание, соборность, сверх-природное всеединство, богочеловеческое бытие, эмпирическое бытие, духовная реальность.

Семен Людвигович Франк (1877-1950 гг.) – выдающийся, яркий, самобытный русский философ – родился в Москве, в интеллигентной семье, отец был врачом. Увлекаясь гуманитарными знаниями, С.Л. Франк интересуется проблемами философии, посвятив этому всю свою дальнейшую творческую деятельность.

Философия Франка представляет систему, изложенную в его основных философских работах «Реальность и человек», «Предмет знания», «Душа человека», «Смысл жизни», «Духовные основы общества», «Непостижимое».

В книге «Реальность и человек» Франк рассматривает идею реальности как основоположного бытия, отличного от бытия объективной действительности. Здесь же Франк с позиций философии предлагает идею Бога как первоисточника реальности и как начало абсолютной святости. По существу, это является общефилософским введением в проблему человека, опытом метафизики человеческого бытия или философской антропологии. Франк устанавливает неразрывную связь между идеей Бога и идеей человека, раскрывающуюся в идее «Богочеловечности», в которой Франк усматривает смысл христианской веры как веры в Бога и веры в человека.

Франк признается, что его идея «Богочеловечности» по своему содержанию близка религиозно-философской интуиции В.С. Соловьева. «Я должен к стыду моему признаться, что это сродство уяснилось мне самому только после того, как изложенное в книге построение окончательно сложилось во мне. Влияние на меня мировоззрения В.С. Соловьева было, очевидно, бессознательным. Но я охотно и с благодарностью признаю себя в этом смысле его последователем. Сознательно моя философская мысль определена... платонизмом вообще и в частности влиянием двух величайших его представителей – Плотина и Николая Кузанского»¹.

«Из основной идеи «Богочеловечности», – пишет Франк, – вытекает сочетание трезвого сознания несовершенства эмпирического бытия и потому трагизма положения человеческой личности в мире, с метафизическим восприятием бытия как гармонического всеединства, имеющего свою первооснову в абсолютном Духе и абсолютной Святыне»².

Франк признавался, что следует классической традиции философии: «Остается неоспоримым фактом, что во все эпохи расцвета духовной культуры – в афинском просвещении V-IV веков до Рождества Христова, на апогее средневековой культуры в XIII веке, в эпоху Ренессанса, в эпоху бурного роста научной мысли XVII века, в немецком идеализме конца XVIII и начала XIX веков – философия одновременно была и независимой, и религиозной и именно в этой своей классической форме была и нужной всем мыслящим людям и плодотворной. И, напротив, пренебрежительное и отрицательное отношение к самому замыслу философии осмыслить тайны бытия есть признак упадка духовной культуры»³.

Франк подчеркивал, что из существа «умуренного неведения», из которого вытекают все его мысли, следует, что философия для рационального выражения сверхрациональной сущности реальности, понимается как приблизительное, относительно верное отображение подлинной истины бытия, которая является путеводной и одновременно недостижимой.

Франк в работе «Реальность и человек» рассматривает проблемы: реальности как основоположного бытия, отличного от бытия в значении объективной действительности; как она (реальность) обнаруживается в отношении к субъекту и объекту, к нравственному, эстетическому и познавательному опыту человека; Бога как первоисточника и первооснования реальности; человека, раскрывающегося лишь в его отношении к Богу; и, наконец, проблема сотворенного Богом нашего бытия, с его греховностью и свободой, с его трагизмом и надеждами.

Франк, считает, что в идее человека как твари, как существа, целиком созданного иной инстанцией бытия и возникшего и сущего по чужой воле, находит своё кульминационное выражение сознание ничтожества и бессилия человека и в его существе, и в его бытии»⁴.

Представление о трансцендентности Бога С.Л. Франк признает необходимым и нормальным; он не принимает лишь его старого – ветхозаветного и отчасти античного и нового – рационалистического толкования, результатом которого является представление о Боге как объекте среди других объектов, противостоящих в этом качестве человеку. Такое толкование несостоятельно и в гуманистическом, и в логическом отношениях. Если человек перед Богом вполне ничтожен, то это делает невозможным само сознание отношения человека к Богу, но возможным свободное исполнение человеком Божьей воли.

С.Л. Франк считает, что хотя человек и является образом и подобием Божиим и как таковой отличается от чисто природного существа, но в силу своей только тварной природы он «не имеет достаточной силы, чтобы самому, своей свободной волей, опираясь на самого себя, осуществлять Божий замысел о нем, исполнить волю Божию: он впадает в грех, в силу чего его свобода хотя и не уничтожается, но становится реально бессильной»⁵.

Франк развивает мысль, что человек есть большее чем эмпирически-природное существо; признаком человека является его сверхчеловеческая, богочеловеческая природа.

¹ Франк С.Л. Реальность и человек. – СПб., 1997. – С. 5.

² Там же. – С. 5.

³ Там же. – С. 6.

⁴ Там же. – С. 24.

⁵ Там же. – С. 45.

Человек как носитель религиозного сознания имеет сознательную внутреннюю связь с Богом, в то же время это знание Франк расценивает как присутствие Бога в человеке; «человек сознает Бога в самом себе, смотрит на себя как бы глазами Бога и подчиняет или стремится подчинить свою волю действующей в нем воле Бога».

При рассмотрении соборности Франк подчеркивает теснейшую связь между соборностью как первичным единством «мы» и религиозностью – отношением человеческой души к Богу. Соборность есть выражение полноты и свободы жизни, которая будучи божественной основой бытия, в своем действии на мир, есть преображение и обожение мира, воплощение в нем Божественной правды.

Соборность, лежащая в основе человеческого бытия, есть свидетельство духовного существа человека, действия в его эмпирической природе высшего, преобладающего её начала «правды». Следовательно, в основе общества, считает Франк, лежит некое сверх-природное всеединство, и общество со всей громоздкостью, механичностью и внешней тяжеловесностью его строения и функционирования творится и приводится в движение силой некоего первичного духовного организма, лежащего в его основе.

Этот первичный духовный организм есть богочеловечество, слитность человеческих душ в Боге. Такой духовный организм Франк называет церковью. В основе всякого общества, делает вывод Франк, как его ядро и животворящее начало необходимо лежит церковь. То, что было рассмотрено как соборность, как первичное единство «мы», раскрывается полнее и глубже как церковь. Франк называет церковь универсальной и имманентной категорией общественной жизни, т.е. в основе всякой общественности лежит соборность как церковь.

Социальное бытие изнутри органически пронизывается и одухотворяется его душой – «церковью», а с другой стороны, формируется относительно «плотскому», эмпирическому существу человека. Двойственность между «церковью» и «миром», как между «душой» и «телом» общества, проявляется как связь между божественным и человеческим началом в богочеловеческом единстве человеческого бытия. Чистая, благодатная жизнь действует в нравственном законе, одухотворяет нравы, быт, законодательство, политические и социальные отношения.

Франк считает, что вопрос о том, являются ли «идеи» определяющим «фактором» исторической жизни, методологически не верен, так как действующей силой исторической жизни является только сам человек во всей целостности его духовно-душевного существа, вмещающего в себе «идеи».

В духе человек возвышается над природой, создает второй идеальный мир, познает закон Вселенной и может на основании этих законов строить машины, возводить дома, посылать в космос ракеты.

Душа, её глубина и развитость делают человека живым. Дух укоренен в душе как предметное сознание и самосознание. В глубине человеческого сознания постоянно находится поток душевных переживаний. Сознание никогда не возвращается в прежнее состояние, так как тянет за собой все прошлое; все что бы ни случилось с человеком, откладывается в его памяти, и попадая в подобную ситуацию, человек каждый раз – уже другой; накапливаются опыт, переживания, больше впечатления. Поток душевных переживаний имеет свое внутреннее пространство и время, благодаря которым мы познаем пространство и время окружающего мира⁶.

По Франку, человек перестает быть человеком перед лицом превосмогающего его всемогущего величия Бога; и человек перестает быть человеком, теряя свое отношение к Богу, мысля себя в изолированности от Бога, объявляя себя человекобогом. В этом, по Франку, основная причина всех кризисов современности. Выход из этой кризисной антиномичности состоит в идее богочеловечности, в силу которой обладание Богом как трансцендентной инстанцией образует само имманентное существо человека.

Человек несет в себе Бога, но откуда же происходит зло? Почему мир фактически не таков, каков он есть в своей глубинной первооснове, т.е. в качестве творения и «одеяния» Божия? Почему раскалывается, «надтрескивается» всепронизывающее гармоническое единство? Почему «небытие утверждает себя как бытие»? Ответа на эти вопросы нет.

⁶ Франк С.Л. С нами Бог: Три размышления. – М., 1992. – С. 45-98.

И прежде всего потому, что объяснение зла, по Франку, есть его оправдание: находя ему основания, мы тем самым его узакониваем. Единственное, в чем можно признаться, так это в том, что зло по природе духовно и преодоление, погашение его (теодицея) возможны только осознанием вины. Не в отвлеченном мышлении, а в реальной, полной страданий жизни, ибо вне страдания нет совершенства.

Бог есть абсолютная первооснова и всеобъемлющее всеединство, я есть ничто; а поскольку он есть творящая и определяющая меня первооснова, я есть; и именно потому я есть сущее ничто. В этом Франк усматривает проявление антиномистического двуединства как проявление отношений между абсолютным и всем остальным⁷.

Единство с Богом, считает Франк, проявляется в форме подлинной реальности и полноценной двойственности. Всеединство и всемогущество Бога антиномистически проявляется в двух слоях бытия: в проистекающих от Бога, им обоснованных и в нем пребывающих свободе и изначальности и во взаимодействии с ними. Действие Бога на меня, предполагает мое независимое бытие как отдельного существа и мою свободу как творческую, абсолютную, трансрационально постижимую «благодать».

Бытие – с – Богом, жизнь человека с Богом, то, что называется «религией», или «верой», – есть самый могущественный, влиятельный и определяющий фактор всей человеческой жизни. В этом сочетании трансцендентности с имманентностью, отрешенности с вездесущием и всемогуществом мое бытие – с – Богом отражает в себе абсолютно трансрациональное существо самого Бога. «Я – с – Богом», «Бог – и – Я» есть особое бытие, которое, как всякое бытие, сводится к единству. Путь к Богу идет через духовную жизнь, через область духа. Дух стоит как бы на пороге между «мною» и всем, что является мне как «ты» и «он». Откровение Бога как «ты» – «Бог – со – мною» или «я – с – Богом» – дополняется имманентной мне формой бытия, которую можно обозначить как «Бог – во – мне» или «я – в – Боге».

«Ты еси» Бога есть собственная основа «я есмь», но это ведет к тому, что «еси» Бога содержится в глубине моего собственного «есмь» или что мое «есмь» как-то укоренено в «есмь» самого Бога. Это отношение в христианстве признается как «обожение» человека.

Сознание внутреннего единства человека с Богом является богочеловеческим бытием человека. Духприродная «Богочеловеческая» сущность Иисуса Христа позволяет видеть в Иисусе Христе основателя Богочеловечества всех людей, воспринявших Его существо: «Тем, которые приняли его..., Он дал власть быть чадами Божиими, которые... от Бога родились» (Ев. Иоан. 1:12-13).

Это обосновывает сознание Бога как «Отца», сознание, что я, несмотря на мою «тварность», все же происхожу из Бога, неким образом принадлежу к Божьей реальности⁸.

Опыт общения с Богом дает нам возможность узнать величие и блаженство любви Бога к нам и нашей любви к Богу. Опыт реальности Бога-Отца дает нам опыт вселенского братства людей как детей Божиих, несмотря на неодолимые в земном плане силы раздора, ненависти и отчужденности между людьми. Франк приходит к выводу, что абсолютная первооснова бытия воспринимается как фундамент нашего личного бытия, «должна быть как-то сродни ей»; и мы опытно знаем, что эта глубина есть первоисточник того, что мы сознаем как абсолютное Благо, Святыню, Правду. Это находим в «догмате» – мир есть «творение» Бога.

Ссылаясь на Евангелие Иоанна, (Ион. 14: 7-11); Франк пишет, что христианская религия есть не вера, а «учение» возведенное Христом.

«Прийти к Христу» – значит испытать в душе внутреннее действие самого Бога, открывающего нам истину. Франк обращается к утверждениям Евангелия. Христос говорит: «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Иоан. 6: 44), «Никто не приходит к Отцу, как только «через меня» (Иоан. 14: 6).

Христианская мораль, по Франку, включает в себя нормы поведения, однако это является второстепенным, производным. Её истинный объект есть не поведение, а «внутренний строй человеческой души», её цель есть чистота и совершенство самого существа человека, его сердца; она направлена не на действия, а на само бытие. Верховная запо-

⁷ Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – СПб., 1997. – С. 120-145.

⁸ Франк С.Л. С нами Бог: Три размышления. – М., 1992. – С. 49-58.

ведь христианства предписывает человеку «быть совершенным, как Отец небесный»; здесь имеется в виду духовное состояние, а не образ действий. Внутреннее состояние «узняется по его плодам»: доброе дерево не может приносить дурных плодов. Христианская мораль есть мораль совершенствования, мораль блюдения и развития добра святости в «составе человеческой личности». Содержание христианской морали – всеобъемлющая, захватывающая всю душу любовь к Богу и самоотверженная любовь к ближнему. Христианство учит, что любовь к Богу, «к ближнему» есть высшее и единственное подлинное блаженство человека, необходимое условие жизни его души. Это вытекает из онтологической взаимосвязанности человеческих душ, где завет любви передается в здоровом, совершенном строе внутреннего бытия личности. Причем у каждого человека считает Франк, должно быть свое особое совершенство, а именно совершенство его собственной, единственной, непохожей на других личности, свой «талант», вверенный Богом⁹.

Франк, называя христианство религией личности, подчеркивает, что живая человеческая личность ценится выше морального добра. Это выражено в сознании, что Бог есть прежде всего спаситель, а не судья. Христос говорит о себе: «Я пришел не судить, а спасти мир». В христианстве, Франк подчеркивает, имеет место «обратное соотношение»: степень близости человека к Богу, интенсивность влечения, тяга к Богу, сознание своего спасения. Бог пребывает «по ту сторону добра и зла». Бог есть любовь и христианская религия воспитывает человека ради жертвенной любви и ради вступления на крестный путь во имя Богочеловека Иисуса Христа. Тяга к Богу, с одной стороны, есть осознание греховности, а также это единственное условие, при котором Бог и хочет, и может спасти человека.

Спасение через веру есть прямое исцеление, «внутреннее благодетельствование» и очищение души; «живое, сердечное восприятие связи души с Богом». Франк называет христианство «религией человечности», поскольку здесь человек обретает утешающее убеждение, что Бог, верховная инстанция бытия, имеет интерес помочь человеку.

«Христианство, – пишет Франк, – открыло глаза души для упоительно-прекрасного видения царства любви... душа в своей последней глубине знает, что Бог есть любовь, что любовь есть сила Божия, оздоравливающая, совершенствующая, благодатствующая человеческую жизнь». С.Л. Франк рассматривает христианство как религию личности, Богочеловечности и любви.

Общение с Богом происходит в незримой миру глубине; человеческая душа выходит за пределы своего земного, эмпирического бытия и вступает в сферу бытия сверхмирного, божественного. «Тогда нам дается, – пишет Франк, – реальное, актуальное обогащение нашего бытия, восполнение нашего только человеческого, земного существования тем богочеловеческим бытием, которое есть наше истинное существо. Общение с Богом есть хотя бы в минимальной мере преображение души. Как бы просто и естественно оно ни было для людей, имеющих навык к молитвенной жизни или, в более общей форме, к сознательной и умышленной духовной жизни, – оно есть явление и процесс не естественного, а уже сверхъестественного порядка, некое извне незримое, интимное чудо. Ибо в его лице мы имеем дело не с простой человеческой внутренней активностью, а с реальным притоком благодатных сил из сферы божественного бытия, с реальным внедрением Бога в человеческую душу»¹⁰.

Мир, будучи творением, а потому, неким образом Божиим, в своей первооснове как бы пропитан божественным бытием, может быть сам проводником общения между человеческой душой и Богом, пишет Франк.

В храме человека охватывает исключительно острое чувство близости Бога, Его живого присутствия. В Ветхом завете в молитве Соломона при освещении построенного им храма передано это чувство: «Бога, которого не может вместить все небо и небеса всех небес, тем более не может вместить дом, построенный Соломоном; но да снизойдет Бог на эту обитель, да услышит молитву, которую Его раб возносит в неё» (III Цар. 8: 27-30). В составе литургического общения с Богом, сознание этого общения достигает как бы кульминационного пункта, душа открывается Богу, благодатная сила вливается в нас.

⁹ Франк С.Л. Непостижимое – М., 1990. – С. 85-93.

¹⁰ Франк С.Л. С нами Бог. – М., 1992. – С. 358.

Франк пишет о церкви как педагогическом учреждении, призванном воспитывать, совершенствовать человечество, человеческие души, человеческое поведение для наведения общего порядка человеческой жизни. Задачу христианского воспитания Франк видит в собственном христианском самовоспитании через «внутреннюю подчиненность закона благодатным божественным силам»¹¹.

В работе «Непостижимое» тайна бытия приоткрывается через усилие постижения, путем напряженного вдумывания, всматривания в самый акт познавательной деятельности. Развивая традицию критического рационализма, Франк срывает со всех форм человеческого суждения о мире покров «здорового смысла», пытающегося «узаконить» мир в его последних основаниях, разложить константы, т.е., по существу, «объять необъятное».

Человек живет в двух мирах в общем для всех предметном мире, в составе которого его собственное бытие есть лишь малая, несущественная, подчиненная частная реальность, и в «интимном», извне невидимом «внутреннем» мире его мечтаний, радостей, страданий и желаний. Причем человек ответственен за «своеобразие» внутреннего бытия, осознавая его как подлинную внутреннюю реальность.

Личность – образ Бога, принцип сверхъестественного бытия, которое проявляется в непосредственном бытии для себя. Она индивидуальность, ибо она единственна в своем роде и незаменима. «Ибо личность всегда есть индивидуальность – это выражается в ее безусловной единственности, незаменимости, неповторимости... Тайна личности как индивидуальности состоит... в том, что в ней именно в ее глубочайшей, определяющей ее существо особенности получает выражение общезначимое – общая всем людям, всех одинаково затрагивающая всеобъемлющая бесконечность трансцендентного духовного бытия... Сущность всеединства как духа, как реальности самоценного и самозначимого бытия обретает последнюю определенность лишь в конкретной индивидуальности... Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретностью индивидуального... В этом трансрациональном соотношении трансрациональное единство между субъективностью и объективностью»¹².

Человеческая жизнь во всех её областях, начиная с семьи и экономического сотрудничества и кончая высшими духовными её функциями – научной, художественной, религиозной жизни, имеет форму общественной жизни, совместного бытия, выражает глубочайшее онтологическое всеединство, лежащее в основе человеческого бытия.

Общество, по Франку, – подлинная целостная реальность, а не произвольное объединение отдельных индивидов; оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек. «Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком»¹³.

Франк считает, что общественная жизнь, будучи в качестве духовной жизни жизнью в Боге, имеет целью осуществление онтологической природы во всей её полноте, то есть «обожение» человека, воплощение «божественной правды» в человеческой жизни. Из общей цели общественной жизни вытекает иерархическая структура тех отдельных начал, которые в своей совместности её выражают. Наиболее общим и первичным из таких начал является триединство начал служения, солидарности и любви.

Франк признает в реальности несколько слоев, подразделяя её на отдельные «роды». Первый слой есть «эмпирическая», «материальная» реальность, общий всем нам мир, существующий вне нас, частью которого мы являемся. Более глубокий слой представлен сферой «идеального». Сюда относится то, что образует «форму» предметов и выражается в их структуре. Следующий слой реальности – это внутренний мир человека, духовная реальность.

Сопоставляя материальную и духовную реальность, Франк «первичной» считал духовную. Однако оценка духовной реальности как «первичной» трактуется Франком не как порождаемость материального духовным, а как приоритетность для человека его внутреннего духовного мира в сравнении с эмпирическим материальным бытием.

¹¹ Франк С.Л. С нами Бог. – М., 1992. – С. 298.

¹² Франк С.Л. Непостижимое. – М., 1990. – С. 113-114.

¹³ Франк С.Л. С нами Бог: Три размышления. – М., 1992. – С. 154-163.

С позиций общечеловеческих ценностей Франк защищает достоинство и самоценность человека, тяжело переживает следствие революции в России. В работе «Крушение кумиров» философ рассматривает кризис современной культуры, экзистенциальный кризис, который выразился в утрате веры в идеалы или «кумиров», в результате социальных потрясений XX века. Это вера во всемогущество человека, в его безграничные способности изменить природный и социальный мир с помощью науки, техники, революции. Человечество вообще, и европейское человечество в частности, считает Франк, не совершенствуется непрерывно, не идет неуклонно по ровному и прямому пути к осуществлению добра и правды. Оно постоянно блуждает, то поднимаясь на высоты, то падая в бездны, каждая эпоха живет своей верой, ложность и односторонность которой потом изобличаются. Так, после яркого развития просвещения, культуры, свободы и права, в новое время человечество пришло к состоянию нового варварства. Нет заранее начертанного пути, по которому бы шло человечество и который можно научно познать. «Чтобы знать, для чего жить и куда идти, каждому нужно в какой-то совсем иной инстанции, в глубине собственного духа найти в себе абсолютную опору; нужно искать всем свой путь не на земле, где плывешь в безграничном океане, по которому бессмысленно движутся волны и сталкиваются разные течения, – нужно искать, на свой страх и риск и ответственность, путеводную звезду в каких-то духовных небесах и идти к ней независимо от всяких течений, а может быть вопреки им»¹⁴.

Франк писал, «что в духовном пути мыслящего русского человека, сознательно пережившего последнюю четверть века нашей, столь трагической, общественной и духовной истории и действительно чему-то из неё научившегося, содержится нечто объективно ценное и в особенности нужное ныне подрастающему поколению молодежи»¹⁵.

С.Л. Франк пишет о крушении устоявшихся кумиров, одним из которых является революция. Многие ждали революцию и принимали её как желание обновления общества и всех сторон общественной жизни. Франк замечает, что много подлинно талантливых, вдохновенных душ жертвовали ради этого кумира своей жизнью, спокойно восходили на виселицы или в ссылку и в тюремное заключение, отрекались от семьи, богатства, карьеры, даже от духовных благ искусства и науки, не осознавая всей ложности и гибельности слепой веры в революцию, олицетворяя потерю этой веры с потерей смысла жизни. Но вот вера эта умерла, её уже нельзя воскресить, повергнут кумир, которому поклонялись многие поколения людей, которого считали «живым богом-спасителем». Однако остались «тухие фанатики или бессовестные лицемеры, которые заставляют поклоняться этому кумиру, восхвалять и прославлять его. Во имя этого кумира расстреливали людей, калечили русскую жизнь»¹⁶.

Крушение кумира революции породило нового истукана, сложилась система его поклонения и почитания. Пусть социализм как универсальная система общественной жизни изобличен в своей ложности и гибельности, «но история показывает, что и крайний индивидуализм, всевластие частнособственнического начала, также калечит жизнь и несет зло и страдание»¹⁷, может это и побудило уверовать в социализм. Франк называет веру в революцию идолопоклонством, ложным идеалом, а падение кумира революции началом глубокого неизбежного кризиса.

Следующим повергнутым кумиром Франк называет политику. Интересно и удивительно проводится сравнение судьбы русской революции со всякой революцией вообще, когда якобы во имя торжества разума творятся дикие безумия. «История революций в бесконечных вариациях и видоизменениях повторяет одну и ту же классически точно и закономерно развивающуюся тему: тему о святых и героях, которые, горя самоотверженной жадностью облагодетельствовать людей, исправить их и воцарить на земле добро и правду, становятся дикими извергами, разрушающими жизнь, творящими величайшую неправду, губящими живых людей и водворяющими все ужасы анархии или бесчеловеч-

¹⁴ Франк С.Л. Крушение кумиров. Соч. – М., 1990. – С. 142.

¹⁵ Там же. – С. 113.

¹⁶ Там же. – С. 196.

¹⁷ Там же. – С. 125.

ного деспотизма»¹⁸. Что же произошло с миром культуры? Действительно, среди всеобщего смятения и маразма, так мало интереса к подлинному духовному возрождению. Пала вера в европейскую культуру. Социалистическая вера духовно умерла, разоблаченная неслыханным злом коммунизма, обессиленная и потонувшая в болоте буржуазной обыденщины и пошлости. Крушение кумира «культуры» привело к потере веры в возможность нравственной жизни, нравственных устоев культурного человечества.

В связи с потерей веры в прогресс Франк говорит, что важно учитывать различие между культурой и цивилизацией, «между духовным творчеством и средствами внешнего устройства жизни, между глубиной и интенсивностью самой духовной жизни с одной стороны, и экстенсивной распространенностью её внешних результатов с другой, между истинной просвещенностью и блеском внешней образованности, между внутренними нравственными основами жизни и официально возвещаемыми лозунгами или внешне нормированными правовыми и политическими отношениями, между культурой духа и культурой тела»¹⁹.

Крушение кумира культуры приводит к духовному варварству народов утонченной умственной культуры, к черствой жестокости при господстве гуманитарных принципов, душевной грязи и порочности при внешней чистоте и благопристойности, внутреннему бессилию внешнего могущества. Франк называет культуру основой духовной жизни человечества, в которой поиски истинного смысла жизни побуждают к истинной культуре. Итак, русская революция повергла общественные верования, сложившиеся в кумиров «революции», «политики», «культуры и прогресса». Но более глубинный личностный анализ говорит о внутренне моральном, духовном перевороте. Франк называет этот духовный переворот катастрофой, крушением кумира «идеи», или «нравственного идеализма», переломом в общем моральном устроении.

Верность «идеям», идейная убежденность – высокие качества человеческой личности – побуждают ограничивать свою свободу неукоснительным соблюдением определенных норм поведения, нравственных правил.

В свете обретенного знания истинного бытия открывается новый мир – сфера духовных основ жизни; и в этом мире строгая, неукоснительная закономерность – не менее точная, чем в мире физическом, но иного порядка. Основные черты этого порядка открыты в христианстве, которое является абсолютной истиной человеческой души. Франк с уверенностью пишет, что живая религиозная мораль глубоко отлична по своему внутреннему строю от мертвой морали долга и «нравственного идеала», потому что она является излучением любви и стремлением к спасению. Здесь становится очевидным, что добро есть не механический результат истребления зла, а плод внутреннего взращивания добра в себе и других. Поэтому зло вытесняется реальностью добра. Восприятие вечного бытия и живой близости Божеству вытекает из восприятия церкви как живой вселенской души человечества, как соборной личности через связи, благодаря которым мы соучаствуем во вселенском, космическом таинстве Богообщения. В заключении книги «Крушение кумиров» Франк благодарит Бога за пройденный родиной тяжелый путь, потому что испытание предопределило пройти сначала через поклонение кумирам, затем через горечь постепенного разочарования в них, для того чтобы очистившись, обрести подлинную полноту и духовную ясность. Человеку жутко и тоскливо после этого сокрушения кумиров. Он висит в воздухе над бездной, ибо утратил внутреннюю связь своего духа, своей личности с бытием, и хочет восстановить эту связь, опереться на твердую духовную почву. «Мы страдаем не от избытка, а от недостатка духовной силы. Мы изнемогаем в пустыне, душа наша ищет не бессмысленного простора отрешенности от всего, а, напротив, тесного, последнего слияния с чем-то неведомым, что может раз и навсегда заполнить, укрепить, насытить её»²⁰.

Глубочайшие корни революции, считал Франк, – в духовной неудовлетворенности народа, в искании целостной и осмысленной жизни. «Со стороны мыслящей части русского общества, стремящегося к национальному возрождению родины и призванного ру-

¹⁸ Франк С.Л. Крушение кумиров. Соч. – М., 1990. – С. 127.

¹⁹ Там же. – С. 149.

²⁰ Там же. – С. 163.

ководить им, – пишет Франк, – нужна величайшая внимательность к народной душе, преодоление всех слепых чувств мести и ненависти, величайшая политическая трезвость и духовная свобода, чтобы облегчить и ускорить этот процесс, от нормального осуществления которого зависит вся судьба России»²¹.

По Франку, христианство основывается на религиозном опыте, на «соединении человеческого сердца с Богом», на живом общении с Богом. «... Мы познаем «объективное существо» Бога именно в Его отношении к нам, Его действию на нас, Его значении для нашей жизни; или выражая то же самое в порядке субъективном мы пытаемся выразить наше впечатление от Бога... Бога мы воспринимаем всегда лишь в живом конкретном контексте нашей религиозной жизни, нашего бытия с Богом»²².

Франк в унисон с христианством приходит к мысли, что «Бог... не существует в определенном месте пространства и времени... он существует везде и всегда... будучи внепространственным и сверхвременным, он объемлет все пространство и время и возвышается над ними»²³.

Франк различает две концепции веры – вера как доверие, то есть как вера в авторитет, и вера как достоверность, то есть как знание. Франк указывает, что вера в авторитет предполагает опыт, который свидетельствует, что авторитет действительно выражает истину о Боге. Отсюда, даже вера в авторитет опирается на веру как знание, основанное на религиозном опыте. Точно таким же образом Франк доказывает, что наша вера в «положительное откровение» связана с нашим непосредственным религиозным опытом.

Вера в Бога, в существование некоей всеблагой и всемогущей личности, от которой зависят все события и нашей личной жизни, и жизни всего мира, есть уверенность в реальном бытии того, что никто никогда не видал и что не может быть удостоверено с полной очевидностью. Здесь ничего нельзя усмотреть или с очевидностью доказать: наша уверенность в бытии такой реальности, упорство нашей убежденности есть вера.

Франк проявляет глубокое уважение ко всем великим религиям человечества, потому что они содержат элементы правды, которую мы обязаны воспринимать. И Моисей, и еврейские пророки, и Будда, и творец Упанишад, и Лаотце, и античные религиозные мудрецы, и Магомет могут и должны быть нашими учителями – именно в том, что они адекватно выразили подлинную правду, голос Божий. «Именно потому, что в лице Христа и в Его откровениях христианин видит абсолютное выражение Бога и Его правды, он знает, что эта правда универсальна и что ее отголоски всегда и всюду были слышны человеческой душе»²⁴.

Франк приходит к выводу, что признание одной религии как истинной – не значит отвергать все другие как ложные.

Религиозная вера, по Франку, включает питающие душу силы добра, проявляет потребность выразить свою веру в переживаниях эстетического порядка, в поэтическом и музыкальном славословии Бога.

По мнению Франка, является ли Бог – архитектором мира, творцом мирового порядка, достоверно сказать сложно. Но известно совершенно подлинно, что он создал меня, создал тогда, когда я уверовал в высший смысл своего существования, стал искать его на путях своей души, бороться за свою человечность, пытаться жить по законам свободы и любви и, наконец, встретиться с Богом, почувствовал поднимающиеся во мне творческие силы, почувствовал красоту мира и любовь к людям, то есть вошел в состояние, которое в религии называется благодатью. И в достижении этого состояния, по Франку, – главная заслуга – веры, заслуга воспитания в себе интереса и внимания к истине. Все остальное уже само дается религиозным опытом, раз мы только согласны его иметь, отказываемся от нашей слепоты и глухоты, от склонности пренебрегать им, проходить мимо него или отталкиваться от него. Вера, будучи опытом, есть нечто совершенно простое, легкое и естественное. Чтобы её обрести, достаточно держать открытыми глаза души, отказаться от циничной установки, перестать отворачиваться от истины²⁵.

²¹ Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. – Прага; Берлин, 1923. – Кн. VI-VIII. – С. 270.

²² Там же. – С. 256.

²³ Франк С.Л. Духовные основы общества. С нами Бог. – М., 1992. – С. 256.

²⁴ Там же. – С. 45-53.

²⁵ Там же. – С. 254-255.

Франк писал, что эпохи веры были эпохами творческими и плодотворными, тогда как эпохи безверия были бесплодными и пассивными. Поиски веры как источника творчества – преобразования человеком самого себя – и составляют смысл его существования, а обретшие такую веру могут сказать о себе, что они действительно живут, наполнены жизнью.

То, что называется вдохновением, говорил Франк, испытывается всегда как соприкосновение человеческого духа с некой высшей, сверхчеловеческой инстанцией, как прилив в душу сил неземного порядка. И одновременно действует и обратное соотношение: кто уже обладает религиозной верой, тот сознает её некий резервуар питающих душу сил добра и имеет неудержимую потребность выразить свою веру в переживаниях эстетического порядка²⁶.

«Искание смысла жизни есть борьба за смысл против бессмысленности, и не в праздном размышлении, а лишь в подвиге борьбы против тьмы бессмыслия мы можем добраться до смысла, утвердить его в себе, сделать его смыслом своей жизни и тем подлинно усмотреть его или уверовать в него»²⁷. Поиск смысла – это укрепление в себе веры, которая есть напряженное внутреннее действие по преобразованию нашей жизни.

Таким образом, подлинно творческое и плодотворное дело совершается в глубине человека, и это глубоко внутреннее дело есть настоящее основное дело человека. Оно, согласно Франку, состоит в действенном утверждении себя в первоисточнике жизни, в молитвенном подвиге обращенности нашей души к Богу, в аскетическом подвиге борьбы с мутью и слепотой наших чувственных страстей, нашей гордыни, нашего эгоизма.

Обычно, говорил Франк про людей, занимающихся таким делом, думают, что они либо ничего не делают, либо заняты только своим личным спасением. Им противопоставляют общественного деятеля, занятого устройством судьбы множества людей. Но это рассуждение в корне ложно, ибо строится на непонимании сути подлинно производительного дела. Для того чтобы пропагандировать идеи и устраивать жизнь в согласии с ними, надо их иметь; для того чтобы творить добро людям и ради этого бороться со злом, надо иметь само добро. Без этого производительного труда и накопления невозможна жизнь. В большинстве своем люди, по Франку, не понимают, что добро – не только естественное качество нашего поведения, что добро субстанциально и оно реальность, которую нужно добывать, которой надо обладать, чтобы одаривать им других людей. Но добывается и накапливает добро только подвижник, и каждый из нас – в той мере, в какой он есть подвижник, – и посвящает свои силы этому подвигу²⁸.

Без ценностей человек не может представить полноценной жизнь, для него ценности являются святынями.

Исследования онтологии религии позволяют Франку прийти к выводу, что каждый из нас, нуждается в Боге, в дружественной нам охранительной силе, которая одновременно спасала бы от бедствий, причиняемых слепотой и равнодушием «мира», и от губительной безопасности и слепоты сил, властвующих внутри нас. «Чтобы спасти нас от мира, эта сила должна быть в состоянии компенсировать страдания, причиняемые внешними бедствиями, более глубоким и полным удовлетворением истонченных и подлинных потребностей нашей души; это значит, что она должна быть сродни самому существу нашей личности, так, чтобы она могла быть нам настоящим приютом, чтобы душа могла чувствовать себя с ней или в ней сполна удовлетворенной, сознавать себя «дома», – писал Франк²⁹.

Франк признает, что Бог является силой хранительной, бескорыстно и радостно признанной за высшую ценность, всемогущего творца; на основе личного опыта выдвигает «доказательство бытия Бога»: «Живой непосредственный религиозный опыт говорит – вне всяких рассуждений и обоснований, что Бог есть»³⁰.

Франк доказывает, что Бог является также центром и абсолютным первоисточником реальности. Если реальность есть единство актуальности и потенциальности, то Бог как её первооснова и есть самое самоосуществление и самотворчество, абсолютный творческий динамизм, в котором категория завершеного бытия и творческой жизни совпадают.

²⁶ Франк С.Л. Духовные основы общества. С нами Бог. – М., 1992. – С. 237.

²⁷ Франк С.Л. Смысл жизни. – М., 1992. – С. 197–198.

²⁸ Там же. – С. 74–85.

²⁹ Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – СПб., 1997. – С. 36–41.

³⁰ Там же. – С. 134.

Русская философия в гораздо большей степени, чем западноевропейская, является именно мировоззренческой теорией; её суть и основная цель не лежит в области чисто теоретического, беспристрастного познания мира, но всегда – в религиозно-эмоциональном толковании жизни. Поэтому русская философия может быть понята через изучение её религиозно-мировоззренческих основ.

Русскому духу, отмечает Франк, присуще стремление к целостности, поэтому русское мышление и духовная жизнь религиозны не только по своей внутренней сути, религиозность проникает во все сферы духовной жизни.

Русский дух, по мнению Франка, насквозь религиозен. Он «не знает ценностей помимо религиозных, стремится только к святости, к религиозному преображению»³¹.

Философская система С.Л. Франка теснейшим образом связана с духовной культурой России, продолжая её развитие в русле философско-культурной проблематики. В традициях русской философии и исканиях Франка отмечаем стремление охватить весь культурно-философский процесс, во всем его внутреннем многообразии. Философия духовного творчества Франка тесно связана с проблемами религии, практической морали, истории, политики, художественного творчества, то есть всем богатством духовной культуры. С.Л. Франк, будучи сторонником экзистенциальной философии, включает в ткань философской культуры темы свободы и творчества, души и духовности, смысла жизни и судьбы, рождения и смерти. Такой способ анализа историко-философских проблем имел свои преимущества и приоритеты для передачи и восприятия национальной философской культуры, которая в результате такого изложения становилась более понятной и доступной.

Философия Франка представляет синтез, античной, новоевропейской и духовной культуры России. Франк смог соединить философские культурные традиции, выработать на основе этого свое собственное видение, свою философскую концепцию: в этом талант и оригинальность философии Франка, её своеобразие, в этом широкое панорамное мышление великого философа, сумевшего оставить миру свое «Я» и подтвердить, что «многочисленна премудрость Божия, многозначительно каждое дело наше».

Философское наследие С.Л. Франка знакомит нас с русской философской мыслью, позволяет проникнуть в глубинные основы духовного творчества, лучше разобраться в нем и увидеть своеобразие менталитета русского народа.

Список литературы

1. Невлева И.М. Философия культура С.Л. Франка. Монография. – СПб: Алетейя, 2007.
2. Невлева И.М., Соловьева Л.В. Философия духовного творчества: Монография. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2012.
3. Франк С. Л. С нами Бог. Три размышления. – М., 1992.
4. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992.
5. Франк С.Л. Крушение кумиров. Соч., – М., 1990.
6. Франк С.Л. Непостижимое. – М., 1990.
7. Франк С.Л. Реальность и человек. – СПб., 1997.
8. Франк С.Л. Смысл жизни. – М., 1992.

IDEAS OF GODLIKE MANKIND IN THE PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF S.L. FRANK

I.M. NEVLEVA

*Belgorod university
of cooperation,
economics and law*

The article discusses ideas of godlike mankind in the philosophical system of S.L. Frank. Frank claims that the man is more than an empirical natural being; the human being possesses the superhuman, godlike nature.

S.L. Frank is one of the prominent Russian philosophers of the XXth century who follows the tradition of Plotinus, Nicolas de Cusa and Spinoza.

Discussing the value of life, Frank refers to the ontology of the wholeness, to the problems of human being and his soul, to the representation of the human being in art, morality, religion, and also to the specifics of the Russian religious worldview.

Key words: philosophical anthropology, fundamental being, transcendence, religious mind, collectiveness, supernatural wholeness, godlike human being, empirical being, spiritual reality.

³¹ Франк С. Л. С нами Бог. Три размышления. – М., 1992. – С. 94.

УДК 130.2

ПРОТИВ НИЦШЕ И АНТРОПОЦЕНТРИЗМА (ПОЛЕМИКА С И.И. ЕВЛАМПИЕВЫМ)

В.Н. САГАТОВСКИЙ*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры**e-mail: sagatvn@mail.ru*

В статье дается критика антропоцентризма в целом и особенно того его варианта, который представлен в философии Ф.Ницше. Антропоцентризму противопоставляется антропокосмизм, воле к власти – диалог и сотворчество человека с миром.

Ключевые слова: антропоцентризм, творчество в бытии, воля к власти развивающаяся гармония, антропокосмизм.

Я не претендую на анализ книги И.И. Евлампиева¹ в целом. Скажу только, что работа эта интересная, в ней много такого, с чем я согласен и не согласен, но выделю её основное, на мой взгляд, достижение: *четкое различие классической и неклассической метафизик по двум параметрам*. А именно по отношению к примату вечности и общему в первой из них и становления и индивидуального во второй. И это очень хорошо показано на примере Шопенгауэра, Достоевского, Ницше, Бергсона и др.

Сосредоточу свое внимание на том, что оказалось основным водоразделом в наших философских взглядах: И. И. Евлампиев – убежденный антропоцентрист, а я – столь же убежденный антропокосмист. Не вступая в полемику с его точкой зрения, согласно которой ницшевский сверхчеловек, якобы, не преодоление человека, но выражение абсолютного идеала творческого развития человека, я согласен с тем, что Ницше наиболее ярко выразил смысл, если не классического антропоцентризма, то, во всяком случае, «суперантропоцентризма». И это различие сейчас для меня не столь важно, ибо я буду выступать против абсолютизации понимания человека (или сверхчеловека) как некоего творческого центра бытия (именно так трактует мой оппонент ницшевскую «волю к власти»). Более того, в книге прослежена единая линия от гностицизма до Ницше и идей неклассической метафизики, и моя критика в основаниях своих будет касаться этой линии в целом. Так сказать, здоровый консерватизм и осовремененный Эпикур (известно, как не любил его Ницше) против «героико-трагического» модернизма и Ницше. Ещё более резко: «маленькие люди» (вспомним презрение к ним со стороны Заратустры), ориентированные, независимо от их творческой «яркости», на *развивающуюся гармонию* («вплетающие свою нить в Божью ткань мира» по выражению И.Ильина), мне ближе, чем самый талантливый супермен, ориентированный на самое яркое творческое самовыражение «без заранее заданного масштаба» по выражению К.Маркса.

Начнем с критики антропоцентризма. Меня искренне поражает размах человеческой гордыни, объявляющей человека творческим центром бытия и присваивающей ему наименование «Homo sapiens». Мы только сейчас приоткрываем для себя роль внутренних информационных программ в жизни дочеловеческой природы. Мы только подозреваем (с очень большой долей вероятности) наличие в мире гораздо более разумных существ. И, если представить, что такое существо наблюдает за историей и современным состоянием человечества, очень трудно допустить, чтобы оно посчитало нас по настоящему разумными. Конечно, человеческий интеллект и творчество демонстрируют великолепные результаты, но *в целом* мы неуклонно движемся к глобальной катастрофе и являемся самым вредным видом для биосферы нашей планеты.

Человек в том варианте антропоцентризма, который мой оппонент находит у Ницше, не просто любимое детище Бога, но сам в глубине своей является Абсолютом. И суть его жизни «это «преодоление» своей эмпирической ограниченности через раскрытие в себе не только абсолютного основания своей ограниченной личности, но и абсо-

¹ Евлампиев И.И Становление европейской неклассической философии. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2008.

лутного основания бытия всего мира»². А именно: «совокупность творческих центров Я, совокупность творческих начал, выступающих как подлинно *первичное* и *абсолютное* в бытии, порождает все мировое бытие, «творит» его»³. Такое отношение личности к мировому бытию, подчеркивает далее автор, «позже было выражено в известном постулате Хайдеггера о том, что подлинная онтология есть феноменология человеческого бытия»⁴. Заметим в скобках, что в 40-е годы М.Бубер именно за это подверг Хайдеггера убедительной (для меня, во всяком случае) критике. Ведь такой подход, характерный для так называемого атеистического экзистенциализма в целом и наиболее ярко проявившийся у Сартра и Камю, обрекает новоявленного абсолюта на абсолютное одиночество.

Есть ли, однако, за подобными аксиологическими декларациями, какое-то серьезное онтолого-гносеологическое обоснование? Евлампиев находит его у А.Бергсона. «Творение» бытия человеком, мол, не имеет ничего общего с субъективным идеализмом, «поскольку человеческое сознание не предпосылается в концепции Бергсона бытию, акт человеческого восприятия, конституирующий материальный мир, – это акт, протекающий в самом бытии, его суть состоит в *ограничении бесконечности бытия*. Его можно описать как выделение из бесконечного многообразия характеристик, присущих отдельным элементам бытия, только ограниченного набора характеристик, и как фиксацию только некоторых связей между этими элементами на фоне бесконечного многообразия взаимосвязей»⁵. Прекрасно! Но кто вам сказал, что во внечеловеческом мире *актуально*, а не в потенции Бога по Николаю Кузанскому, существует такая бесконечность? Разве *любое* взаимодействие не ограничено объективно актуализированными характеристиками, в том числе информационными программами взаимодействующих систем? И на любом уровне существовать в каком-либо качестве означает находиться в отношении с чем-либо (*принцип конкретности существования* в разрабатываемой мной коррелятивной онтологии)? Разумеется, я не отрицаю специфики и больших возможностей такого ограничения, производимого на уровне человека. Но это не отменяет общего *онтологического* правила, что все существующее в этом мире, имеет дело не с миром «вообще», но с его конечным срезом, и не отражает этот мир вне зависимости от собственной специфики. Абсолютное проникновение в иной образ мира невозможно (вспомним тютчевское «*Silentium*»), но бесконечное приближение к этому пределу и составляет суть информационного отражения (к сожалению, те современные философы, для которых все достигнутое в советский период устарело, не знакомы с этим понятием), в том числе человеческого познания.

Человек «полагает» мир в своем познании и деятельности в целом, но и мир – не просто пассивный материал или ничто, из которого творит новый абсолют. Наталкиваясь на сопротивление этого материала при решении наших задач, мы вынуждены считаться с ним как с *объективной* реальностью и с его собственной активностью. Антропокосмист, в отличие от антропоцентриста, способен относиться к миру с уважением и любовью. При этом мир как «космос» не сводится к природному космосу в его античном понимании. Внечеловеческий мир включает в себя, кроме объективной реальности, иные субъективные реальности и реальность *надчеловеческую* и *надприродную* – реальность *Духа* или *трансценденции*, в отличие от *экзистенции* или *души*.

Однажды в разговоре со мной И.И.Евлампиев заметил, что я напрасно пишу через запятую «душа, экзистенция». С его точки зрения душа – это понятие классической метафизики, подчеркивающей её сопричастность вечности, а экзистенция – понятие метафизики неклассической, подчеркивающей в ней чистое становление. Я думаю, что при таком подходе допускается ошибка, так пока и не преодоленная в философской работе с категориями. Ведь атрибуты и отражающие их категории *по определению* всеобщи и, стало быть, – характеризуют любое явление, только в разных отношениях. Не углубляюсь в теорию этого вопроса, которая раскрыта в моих работах, ограничусь «образным» пояс-

² Евлампиев И.И. Становление европейской неклассической философии. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2008. – С.128.

³ Там же. – С.130.

⁴ Там же. – С.130-131.

⁵ Там же. – С.178.

нением. Река, конечно, катит на нас новые воды, когда мы в неё входим, но при этом *остаётся рекой*. Не обсуждая здесь проблему бессмертия души, скажем лишь, что специфика души-экзистенции в её индивидуальной неповторимости, а устойчивость и становление в ней *дополняют* друг друга. Попытки же все объяснить только с позиции одной всеобщей характеристики (либо Платон, либо Ницше и Хайдеггер!) превращает инструменты объяснения в то, что В.С. Соловьев назвал «ложными отвлеченными началами».

Дух же или трансценденция обнаруживается внутри души, но, в то же время, «объемлет» (в терминологии К.Ясперса) и человеческие души и природу, задавая *целостность бытия*. И человек как часть сопричастен этому великому целому, укоренен (в своих потенциях, по крайней мере) и в природе и в духе, нисколько не утрачивая при этом самоценности своей индивидуальности. Опять-таки, сопричастность целому и самоценность индивидуальности не исключают, но дополняют друг друга, чего в принципе не могут вместить либеральные антропоцентристы. Для них *служение* целому воспринимается только как рабское прислуживание. Так уж устроены их «гордые» души. И потому их отношение к миру – властный монолог собственного творческого самовыражения, в то время как для антропокосмиста это *диалог* и *сотворчество*. Как заметил однажды Бердяев, личность, в которой нет ничего надличностного, перестает быть личностью.

Вернемся снова к аксиологии. В чем же заключается то творчество в бытии, которое так прославляет Ницше? Сейчас мы увидим, что декларированное мной выше противопоставление Ницше и Эпикура, не является чем-то странным. Стоит процитировать сочувственное изложение понимания Ницше, принадлежащее Делезу, чтобы подобрать к сути дела: «Как отмечает Делез, в представлении о смысле человеческого бытия для Ницше принципиальным является различие двух фундаментальных «сил» в нем: действующих, активных и противодействующих, реактивных. В истории человека победу постоянно одерживали вторые, приводящие к тому, что в жизни и культуре господствуют косное постоянство, усредненная однородность, отрицание всего нестандартного и нового. Но подлинный смысл всего происходящего в жизни и культуре определяют первые силы, поскольку без них невозможно *творчество*, самопожертвование ради созидания *абсолютно нового*. Понятие *воли к власти* потому и становится главным для Ницше, что он вкладывает в него содержание, ничего общего не имеющее с обыденным пониманием «власти» и «воли к власти»⁶. Оставим на совести автора малообоснованное утверждение, что откровенный социал-дарвинизм Ницше не более чем внешний слой. Вдумаемся в смысл того содержания, которое имеют в виду небрутальные поклонники Ницше.

И что же мы увидим? После Делеза И.И. Евлампиев ищет поддержку в статье С.Л. Франка «Ницше и этика «любви к дальнему»». Франк один из моих любимых мыслителей, и очень жаль, что в данном случае я не могу с ним согласиться. Он противопоставляет ориентации на «достижение наибольшего счастья наибольшего числа людей» «новую этику» «активного героизма» и «трагической красоты» и провозглашает «верховное и автономное значение *культурного прогресса*, морально-интеллектуального совершенствования человека и общества, вне всякого отношения к количеству счастья, обеспечиваемому этим прогрессом»⁷. Конечно, мораль может потребовать принесения в жертву, к примеру, личного счастья. Но во имя чего? Во имя ещё большего и по качеству и по охвату общего счастья или во имя «прогресса» как такового? Тем более, что Франк вслед за Ницше отрицает возможность четко определить высшие ценности, якобы скрывающиеся за дифирамбами духовности и прогрессу. «В качестве системы таких высших принципов – резюмирует Евлампиев – невозможно указать *ничего определенного*, ничего такого, что опиралось бы в своей сущности на наличные условия нашего бытия (духовного и материального), ибо все определенное и зависимое от наличных условий неизбежно является односторонним и именно поэтому рано или поздно перестанет удовлетворять целям *творческого развития человека... Абсолютны только само творческое начало личности* и в определенной степени те условия, которые гарантируют раскрепощение творческого начала в человеке...»⁸.

⁶ Евлампиев И.И. Становление европейской неклассической философии. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2008. – С.131.

⁷ Там же. – С.136, 137.

⁸ Там же. – С.137-138.

Не могу удержаться от, может быть, грубоватого истолкования последней оговорки. На практике для иных свободлюбивых интеллигентов, полагающих себя элитой, это означает: «Мы теперь можем говорить и публиковать то, что думаем, и при наличии спонсоров ездить за рубеж. А сумма общего счастья – фи, как это устарело!». Если же подвести итог, то он выглядит так: то, что ново, то и самоценно, и любые жертвы ради этого оправданы. Я не очень одобряю, когда творец демонстративно жертвует, скажем, своим здоровьем и счастьем. Хотя повторяю, в определенных ситуациях такой выбор оправдан, только без «трагически-героической» позы. К сожалению, однако, жертвами «безмерного и непредсказуемого» чаще оказываются другие (но что ему до «счастья» «маленьких людей» и прочего материала, который призван послужить творчеству). К тому же жесткие испытания первой половины XX столетия (мы до сих пор как следует не осознали, что тогда было поставлено на карту, и какие силы победили на самом деле под флагом «свободы и демократии») очень быстро обусловили переход от героической позы модернистов к трусоватому пошлячеству постмодерна.

Итак, либо безоглядное творчество нового, либо застойное болото «счастья»? Понятно, почему тоскующий по брутальности Ницше не любил «садовника» Эпикура. Абсолютизации «спокойствия» противопоставлялось беспокойное становление. Если бы выбор действительно сводился к такой альтернативе, то я, повторяю, предпочел бы негероическое, но доброе счастье стоящему, якобы, «по ту сторону добра и зла» и не знающему *меры* творчеству. Да, такая вот «мещанская» позиция. Но выход из этой альтернативы есть. И мы уже говорили об его *онтологических* основаниях. Это «третий путь» преодоления абсолютизации «отвлеченных начал» и взаимодополнительность содержащихся в них положительных моментов. (Сейчас кто-нибудь обвинит меня в «эклетике», но я давно и не раз показал отличие от неё *системного синтеза*). В нашем случае речь идет об *оптимальной мере* взаимного дополнения устойчивости и становления, что находит выражение в идеале *развивающейся гармонии*. На этом пути никто не гарантирует *happу end*, ему имманентна и трагичность и борьба, но не как самоценности и самоцели, но как неизбежное средство расширения ареала гармонии и, тем самым, счастья. Абсолютно оптимальной меры на этом пути нет, но без постоянного держания чувства меры на пульсе развития, которое, конечно же, не может быть (по определению!) полностью детерминированным и предсказуемым, нет и верного пути.

Во времена Эпикура ещё не сформировалось такое представление о гармонии и счастье. Вот почему я употребил выражение «современенный Эпикур». Биология прошедшего столетия выработала представление о жизни, где упор делался не на борьбу за существование, как во времена Ницше, но на *подвижное равновесие* как сущность живого. Не случайно Иван Антонович Ефремов (понятно, не авторитет для наших «продвинутых») сделал идею прохождения «по лезвию бритвы» одним из основных мировоззренческих принципов. Разве не дополняют здесь друг друга «классическая» идея меры в соблюдении определенной устойчивости и «неклассическая» идея становления? А так же идеи самоценности целого и индивидуального? Концепция развивающейся гармонии пытается синтезировать различные начинания на этом пути.

Но, Боже, как все это должно быть скучно для убежденного ницшеанца! Умеренность? Гармония? Да никогда! Воля к власти – вот это то, что нужно. Героический максимум, а не мещанский оптимум. В заключение я хотел бы высказать мысль, уже совершенно неприемлемую для апологетов «духовности» ницшеанского типа. Честно, говоря, я не вижу *принципиальной аксиологической разницы* между трактовкой воли к власти как brutального насилия и ничем неостановимого творчества. И то и другое, между прочим, в чем-то может оказаться полезным. Но и то, и другое смотрит на мир как на материал для организации из «суперменского» центра: нам сверху видно все. Нет ни уважения, ни любви к миру, независимо от brutальной ли, «духовной» ли воли антропоцентриста. В разной форме и мере проявляется это у оригинальничавшего «стиляги», у лидера, манипулирующего «биомассой» и у, скажем, гениального режиссера или ученого,

готового принести в жертву все ради своего замысла (просто не думающего ни о чем вне его). И Ницше, если, конечно, они его знают, всем им понравится.

Список литературы

1. Евлампиев И.И. Становление европейской неклассической философии. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2008.

AGAINST NIETZSCHE AND ANTHROPOCENTRISM (ARGUING WITH I.I. EVLAMPIEV)

V.N. SAGATOVSKY

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: sagatvn@mail.ru

The article criticizes anthropocentrism as a whole and in particular its variant represented in the philosophy of F. Nietzsche. Anthropocentrism is juxtaposed to anthropocosmism, while will to power is juxtaposed to the dialogue and co-creation of the mankind and the world.

Key words: anthropocentrism, creation in essence, will to power, developing harmony, anthropocosmism.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2

ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ МИРА КАК ФЕНОМЕН МИФО-ЭПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

М.А.ШЕНКАО*Карачаево-Черкесская
государственная
технологическая академия**e-mail: Schenkaom@mail.ru*

Статья посвящена способам футурологического анализа будущего через призму духовных возможностей древнего общества.

Ключевые слова: истина, судьба, гостеприимство, предсказание будущего древними.

*«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
что сбудется в жизни со мною ...»
(А.С. Пушкин)*

Эта статья для журнала идет впервые. До этого она была опубликована в моих книгах еще в 1997 и 2005 годах. А текст был написан еще в советское время. Чтобы не ломать стиль мышления, я все оставил по-старому.

Первый «исторический акт» человека – это производство средств, необходимых для удовлетворения потребностей в пище, питье, одежде и прочем, т.е. «производство самой материальной жизни»¹. При производстве материальной жизни человек вступает в отношения с природой и с окружающими его людьми. Природа при этом «противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот,» точно также в отношениях между индивидами, на первоначальной стадии истории, господствующее значение принадлежит стадному сознанию, осознанному инстинкту»².

Ограниченное отношение человека к природе порождает ограниченные социальные отношения. Также как ограниченные отношения между людьми порождают слабость перед силами природы. Мифологическое сознание, возникающее на базе ограниченного отношения между людьми, на основе бессилия и слабости людей перед силами природы и на основе необходимости созидания условий, удовлетворяющих потребности человека, имеет свою предысторию: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение лю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966. – С. 37.

² Там же. – С. 40.

дей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий»³. Сознание при таком состоянии дел еще не отделилось от производства и не вообразило себя свободным от материальной жизни. Перед нами становящееся сознание, которое мыслит о мире образо-словами, знаками, знаменами. Известно, что отражение окружающего мира, т.е. «освоение мира общественным человеком осуществляется в ряде основных форм, среди которых можно выделить материально-практическое – преодоление «внешности», «чуждости» мира с помощью его преобразования в процессе труда; духовно-практическое – преодоление «чуждости» мира, внешних сил, которые господствуют над человеком в воображении, в сознании, в мышлении; и, теоретическое – познание природы, закономерностей мира, раскрытие его тайн⁴.

В ходе духовно-практического освоения мира происходит «осознание ближайшей, чувственно воспринимаемой среды и сознание ограниченной связи с другими лицами и вещами»⁵ и при этом человек оперирует не столько строго логическими понятиями «истины и лжи», сколько – понятием «правды». «Правда» мифо-эпического сознания есть правда рода или же правда народа, от имени которого выступает данный индивид. Прочувствованная истина, истина добытая кровью и потом рода, его ошибками и победами над силами природы – вот та истина или вернее правда рода, в соответствии с которой живет человек мифо-эпического сознания. Такая «истина» означает верность человека в его поступках традициям рода, племени, народа. «Правда» – это истина, сделавшаяся принципом жизни. Это не чисто гносеологическое понятие, так как она отражает еще правильность жизненной позиции (или программы) индивида, рода, племени народа. «В отличие от истины как характеристики знания ... «правда» характеризует и оценивает действия субъекта знания. Правда ... выражает императив, идеал поведения, заключающийся в соответствии наших поступков требованиям долга, велению совести и морали»⁶. Обычаи и заветы предков как социальное приобретение, как ценность рода, общины, племени, народа и есть правда. Именно таким понятием правды рода оперировали абазины и адыги. Для них были очень важны основополагающие принципы жизни рода нартов: ненависть к «иныжам», «чинтам», верность своему слову, любовь к своей родине и народу, взаимоподдержка и взаимопомощь в беде, гостеприимство, месть за пролитую кровь и оскорбленную честь, уважение к старшим и женщине, любовь и забота о детях – по этому неполному перечню «истин», т. е. правды рода, жили наши предки. Именно эти «правда рода» составляли ядро их мифо-эпического сознания. Известно, что на Северном Кавказе не так много архитектурных памятников прошлого по сравнению с Францией или Германией. Древний мир и средневековье не оставило после себя здесь, на Кавказе, грандиозных замков. Естественно задать вопрос: «В чем дело, какая установка, правда этноса удерживала людей прошлого от строительства крепостей?». Ответ на наш вопрос мы найдем у Дж. Интериано, итальянского путешественника XVI века, побывавшего на Кавказе, среди адыгов. Он писал: «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться»⁷. Человек мифо-эпического героического сознания считал свою грудь воина единственно надежной оградой от всех напастей судьбы. Общественное мнение той поры осмеяло бы любого, кто показал бы спину врагу, кто отдал бы себя под покровительство женщины или священной рощи в минуты смертельной опасности. Уклонившегося от вызова («Улмэ умышынэу кьыдэкIи дызэгъэбэн», т. е. «если ты мужчина, не бойся и выйди

³ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, – С. 29.

⁴ Шинкарук В.И., Иванов В.П. Актуальные проблемы исследования мировоззренческих функций диалектического материализма // Вопросы философии, 1981, № 2, – С. 50.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, – С. 39.

⁶ Яковлев В.П. Истина и правда // Известия СКНЦ ВШ, 1978, № 1, – С. 87-88.

⁷ Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, – С. 51.

на единоборство») обычно подвергали осмеянию. Его поступок рассматривался как проявление трусости, его имя становилось нарицательным именем, выражающим верх трусости в поведении.

Многие путешественники прошлого и теперь удивлялись и удивляются бескорыстию в гостеприимстве абазин и адыгов. Сколько бы времени не находился гость в доме хозяина, последний не вправе брать за гостеприимство подарки и подношения от гостя, ибо в противном случае он навлек бы на себя гнев и презрение соседей и сородичей. Скорее всего сам хозяин был обязан дарить все то, что расхваливалось, т.е. понравилось гостью. При этом адыги подчинялись мнению, дошедшему до нас: «И нэ зытенар ет, йомытми абы хьер кьыхэкЪжынукъым», т. е. дари все то, что понравилось (буквально: на что упал глаз и невозможно отвести) гостю, иначе от этого предмета больше счастья не будет. Этот предмет считался замороженным («сглаз» по-простонародному) гостем. Что же утешало хозяина после провода гостей, какое он себе вознаграждение искал? В материальном смысле хозяин никакого вознаграждения не получал. «Хозяин находит вознаграждение в самом себе, в голосе совести своей, которая говорит ему: «Ты исполнил завет отцов – священный долг гостеприимства!»⁸. Приведенные примеры показывают, что так называемые законы жизни адыгов были их правдой жизни и неукоснительное следование им, (т. е. «адыгагэ», а после «нэмыс», которые регулировали общественную жизнь адыгов) считалось образцом «поведения»⁹. Таким образом, мы видим насколько действительно и активно влияло мифо-эпическое героическое понимание правды на нормы поведения, социальную жизнь адыгов.

С научной точки зрения совершенно очевидна «неистинность» тех «знаний», которые имелись у всякого рода гадателей древности. Но таково мифо-эпическое сознание, что оно доверяется всякого рода кудесникам, волхвам. Их мненья и знаменья, знаки неба говорят о судьбе человека, военного похода – так мыслили древние. Так в адыгском эпосе «Нарты» мы замечаем, что перед смертью Сосруко появляются знаки и знаменья, предупреждающие его о близости его конца, его смерти. Так загорается кровавым светом кольцо его матери Сатаней, веревки преграждают ему путь, небо покрывается тучами и т.п. Разгадку всем этим явлениям дает девушка Сосрыко и его мать, мудрая, вещая мать нартов Сатаней¹⁰. Следует сразу отметить, что гадателями у адыгов в большинстве случаев (если не во всех) выступают женщины. Для мужчин считалось зазорным делом заниматься гаданием, он должен был, по героическим понятиям быть немногословным, человеком дела прежде всего.

Чтобы заглянуть в будущее, чтобы узнать заранее исход события, человек древнего мира обращался к гадателям: птицегадателям, гаруспикам, сивиллам, пифиям. Все эти люди были посредниками между человеком и его судьбой. Только они умели переводить на человеческий язык непонятный «язык» судьбы. Насколько сильно было убеждение древних в непогрешимости слов гадателей показывает широко известный пример с Агамемноном, который принес в жертву богам свою дочь Ифигению, чтобы добиться победы над Троей.

Спустя почти 1000 лет после гибели Трои, были еще живы прежние взгляды на мир. Так Аммиан Марцеллин в своих «Историях», приводит многочисленные примеры веры древних римлян в слова авгуров, ауспиций, гаруспиков – этрусков. По мнению Марцеллина, через знаменья боги дают знаки, а уже от ума человека зависит: сумеет или нет он отгадать тайный смысл, сокровенное, (вернее – закрытое) в знаке. Так, Марцеллин приводит примеры того, как гаруспики отгадали, что небо дало знать императору Юлиану, что завтра его ожидает смерть в бою¹¹.

Красочно описывает Марцеллин знаменья, которые заранее указывали на гибель императора Августа Валента и на разрушение Рима: «Метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики ... Все это чуть ли не прямыми словами указывало, какой конец жизни грозит императору», ко всему этому вдобавок ему явились во

⁸ Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980, – С. 112.

⁹ Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983, – С. 61-65.

¹⁰ Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1-7. – Майкоп, 1968-1971. Т.2, – С. 277-288.

¹¹ Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, – С. 19, 43-44, 51-52, 85-97, 134, 169-170, 242-243.

сне тени невинноубиенных по его приказу. Они изрекали страшные, зловещие слова и наводили ужас¹².

Рассуждая о печальной судьбе Рима, Марцеллин свидетельствует: «Нашли какого-то мертвого орла, лежавшего с разрезанным горлом и смерть его знаменовала собою громадные и широко хватающие бедствия общегосударственного значения», и в добавок к этому, когда сносили старые стены нашли «темный» текст при расшифровке которого узнали: когда, как и от кого падет римское государство¹³.

При чтении «Историй» Марцеллина нас удивляет вера старого солдата, военачальника в знаки и знаменья. Грек по-национальности, человек трезвого склада ума, военный, Марцеллин, казалось бы должен был полагаться только лишь на силу: на силу армии, ум и расчет полководца. Но такова была, видимо, сила традиций и мифо-эпического сознания, что человек древнего мира на первое место ставит правоту «истин» гаруспиков. По мнению Марцеллина, кто ослушается гаруспиков, и слушает философов, тот терпит неминуемо крах, как это было в истории с гибелью императора Юлиана, когда гаруспики предлагали отменить поход и битву, а философы настаивали на обратном¹⁴.

Общеизвестно, что античный герой, зная близкую развязку своей судьбы, свой близкий конец, тем не менее самоотверженно шел до конца. Так знали свою судьбу (от кого и как примут смерть) доблестные мужи-герои Ахиллес и Гектор. Знание своей судьбы делало их спокойными, героичными. Для них как-будто бы и не было смерти, они действовали как бессмертные. Не смерть, казалось, прибирала их к себе, а они будто бы после смерти уходили от нее в бессмертие, к своим предкам. Незнание конца своей жизни, неведение того, куда денется их душа после смерти, беспокойство о том, будут ли потомки украшать и «кормить» их души после смерти – вот что тревожило ум живых ранеклассового общества. Самый ужасный конец был более предпочтительным, чем неизвестность судьбы. Последнее было бы трагедией для человека древнего мира: для них страшно было уйти в небытие, чем в инобытие, т.е. в мир предков, в Аид, в Вальгаллу, в мир теней. Но жизнерадостные греки и другие язычники отнюдь не склонны были побыстрее попасть в мир иной: для них лучше было быть последним рабом на этой земле, чем быть первым в мире призраков, в мире предков, в Аиде.

По мнению наших предков, непослушание старшим, пренебрежение мнением рода вело к несчастьям. Поэтому для адыгов самым страшным проклятием было то, что у нашего современника вызовет лишь легкую улыбку: «Зыми уемыдэIужу, пщIэри умыцIыхужу тхьэм дунейм укьытригъанэ!» – то есть: дай бог, чтобы ты не знал, что делать, и не хотел бы никого ни слушать, ни с кем не хотел бы советоваться¹⁵. Само по себе наговаривание такого рода есть начало бед, есть плохое предзнаменование и, по мнению древних, поэтому следовало бы пройти обряд очищения от слов, от взглядов и т.п.

Греки и римляне – народы, завещавшие всему миру богатую культуру. Казалось бы, уж они-то, рационалистично мыслящие философы, воины, математики, юристы, должны были бы быть свободными от суеверий, от своеобразных «идолов» разума. Но на деле все обстояло как раз наоборот. Древние люди боялись судить неверно обо всем том, что выходило за пределы их физических и умственных возможностей. И потому, остерегаясь того, чтобы чувства не вмешались в дела разума при решении неподвластных задач предвидения, они скорее обращались ко всякого рода незаинтересованным умам, к «специалистам» – гадалкам, чем к силе своего ума.

Объяснение мира через разгадывание смысла знаков, знамений богов и т.п. – все это было мифологическим объяснением мира. Такого рода процедуры оказывались при внешнем восприятии иносказанием и сами, естественно, требовали специального объяснения или разъяснения¹⁶.

Так, боясь быть опознанным, человек древнего мира, не желал называть свое имя, («Ибо в имени жизненная сила», – так мыслили древние). Через иносказания, метонимы обращается он к богу, называя при этом вещи и предметы не своими именами. Так вме-

¹² Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 3. Кн. 26-31. – Киев, 1908. – С. 235-236.

¹³ Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907. – С. 169-170.

¹⁴ Там же. – С.169-170.

¹⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978, – С. 309.

¹⁶ Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. – Киев, 1979., – С. 20.

сто бога Созреш, в древних адыгских песнях говорили: «Зиусхьэн», т. е. «зи уз схьын», т. е. чью болезнь (оспу) я возьму (для прививки, или же вместо ребенка я заболею). Вместо «мэзыхьэ» (волк) говорили «дыгъужь» от слова «дыгъуэ», т. е. вор).

Часто бывало так, что забывались или становились архаичными, или же приобретали совершенно новый смысл древние привычные слова. Так своеобразную эволюцию проделало нынешнее понятие «господин», т.е. «зиусхьэн». От явления (оспенной болезни) появился бог оспы: Созреш, от него же произошло понятие «зи уз схьын», а от последнего – «зиусхьэн», т.е. господин¹⁷.

Духовно-практическое освоение мира через призму мифологического сознания не мешало абазинам и адыгам лечить оспу. Об этом писали многие путешественники, посещавшие Северный Кавказ¹⁸. Но при всем при этом, надо заметить, что всякие положительные знания были у них орнаментированы мифологическими воззрениями. Органическое единство мифа и эмпирического знания позволяло людям того времени изменять форму вещи, внешнюю сторону предмета природы, но такое знание и само ограниченное отношение индивида к миру не позволяли человеку изменять саму природу, внутреннюю структуру вещи или явления. Человек оставался по эту сторону предмета, хотя субъективно ему казалось, что он имеет дело с сутью дела, с анатомией, с внутренней организацией предмета.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 37.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 40.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 29.
4. Шинкарук В.И., Иванов В.П. Актуальные проблемы исследования мировоззренческих функций диалектического материализма // Вопросы философии, 1981, № 2, с. 50.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 39.
6. Яковлев В.П. Истина и правда // Известия СКНЦ ВШ, 1978, № 1, с. 87-88.
7. Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, с. 51.
8. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980, с. 112.
9. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983, с. 61-65.
10. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1-7. – Майкоп, 1968-1971. Т.2, с. 277-288.
11. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, с. 19, 43-44, 51-52, 85-97, 134, 169-170, 242-243.
12. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 3. Кн. 26-31. – Киев, 1908, с. 235-236.
13. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, с. 169-170.
14. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, с.169-170.
15. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978, с. 309.
16. Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. – Киев, 1979., с. 20.
17. Нало З. Джэгъуакгуэмрэ усакгэмрэ. – Нальчик, 1979, с. 17.
18. Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, с. 178.

SPIRITUAL-PRACTICAL EXPLORATION OF THE WORLD AS PHENOMENON OF MYTHICAL-EPICAL CONSCIOUSNESS

M.A.SHENKAO

The article discusses the methods of futurological analysis of the future through the prism of spiritual abilities of the ancient society.

*Karachaevo-Cherkess
State Technological Academy*

Key words: truth, fate, hospitality, fortune-tellings of the ancients.

e-mail: Schenkao@mail.ru

¹⁷ Нало З. Джэгъуакгуэмрэ усакгэмрэ. – Нальчик, 1979, – С. 17.

¹⁸ Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, – С. 178.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 13

ЭТИКА КОСМИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

А.К. ЗАЙЦЕВ

Калужский
государственный
университет
им. К.Э.Циолковского

e-mail: akz3@yandex.ru

В данной статье автором рассматриваются вопросы трансформации этики как общественного идеала в условиях перестройки цивилизации. Констатируется ее нахождение в точке бифуркации. Предлагается переход от землецентристских к космоцентристским ориентирам этики. Показываются основные понятия этики новой жизни в реконструкции автора.

Ключевые слова: этика, мораль, этика земная, этика космическая, свобода воли, этические максимы, этические принципы, добро и зло, этика новой жизни.

*«Мы – племя бесчисленных учеников,
шагающих ввысь по ступеням веков»
(Нгуен Зу)*

*«Страдание – единственное на свете чистое, неосложненное зло...
врата ада заперты изнутри»,
(К.С. Льюис)*

Э – экзистенциальная
Т – теория
И – истинных
К – критериев
А – абсолютной идеи.

В истории этики как части философии мы выделяем пять этапов:

- Этап первый: этап жестких ограничений (Тора, книга Бытия).
- Этап второй: дионисийский – этика древних греков, объясняющая принципы поведения свободного человека с другими свободными людьми.
- Этап третий: религиозный – этика средневековья и эпохи Возрождения, этика деловых ограничений во имя неограниченного дела.
- Этап четвёртый: нигилистический, когда под давлением обстоятельств этика стала идеалом, которого практически невозможно достичь (в мире насилия).
- Этап пятый: созидательный, поиска новых опорных идей, идей нового мира, мира ненасилия.

Последний этап связан с вхождением Земли и человечества в точку бифуркации доказываемая множеством астро- и геофизических явлений, напряжениями мировой

экономики, неустойчивостью политических режимов и социальной обстановки. Новое, настойчиво пробивающееся в жизнь слабо наблюдаемыми аттракторами, встает в мощных флуктуациях, затрагивающих основы поведения людей, традиционные константы этики. В этих условиях дискуссии о нормативной базе вновь выводят нас на соотношение должного и сущего, ибо только в сущем мы можем обнаружить опору человеческих взаимоотношений настоящего-будущего..

Есть два основных понятия, описывающих феномен социальных норм: этика и мораль. Этика есть идеальный вариант норм, выстроенный либо от теории, либо от обобщения практики. Мораль есть реальные нормы общежития, те нормы, которые люди не просто согласились признавать, а реально исполняют и передают друг другу. Сегодня мы наблюдаем размывание как этики, так и морали. Выстраивание нового требует выхода за пределы существующего. Рефлексия ситуации ставит перед философами задачу отражения космического опыта организации бытия, нового выхода в трансцендентное.

Отсюда исходит наше утверждение, что есть этика земная и этика космическая. Попробуем сравнить.

Этика земная есть согласование принципов развивающегося общежития человечества. Она концентрирует идеи поведения сообразно этапу человеческой истории. Менее развитому соответствуют менее развитые этические принципы. Более развитому – более совершенные нормы. И всё это в условиях непрерывно декларируемой робинзонады человечества в Космосе.

Человеческая этика ориентирована на внешние формы социализации. Ее формальное или неформальное функционирование обеспечивается социальными институтами, закрепляется законами и кодексами. Мораль представляет собой часть присвоенной человеком практически этики, то, что освоено им в действительности. Здесь могут быть системные и несистемные, неформальные нормы. Несистемные в смысле институциализации. Принципы, правила и нормы морали определяются общественным бытием и изменяются вместе с ним.

Согласно Дробницкому, мораль включает три действующих фактора: нормативное предписание, нормативное восприятие и свободу воли человека. Именно свобода воли¹ организует предписанное и воспрещенное в единую систему правил для человека. Весь вопрос в свободе воли. Именно воля размещает человека относительно земных или космических координат. И именно воля «оставляет» человека в потоке механического или творческого бытия. Механический человек нуждается в оценках. Творческий человек опирается на самооценку в системе социума. Человек, служащий себе, реагирует только на внешние оценки. Человек, служащий другим, в оценках не нуждается – он служит. Его оценки проходят через совесть. Совесть в том смысле, как об этом писал Дробницкий: «...будучи результатом предельной «интериоризации» моральных запросов и требований к человеку... Самокритический аспект явлений совести... «открытости» личного самосознания...»².

Вместе с тем даже многочисленные точки зрения на множество земных этик могут быть сведены к ключевым принципам. И.Дьяконов в этой связи выдвинул два таких этических принципа. Первый этический принцип или максима, заключается в том, что благо моего ближнего важнее моего личного блага. И второй принцип или максима: по мере твоих сил не умножай мирового страдания³. И это максимы уходящего мира.

Максимы нового мира уже иные.

Космическая этика, закрепленная в семантических полях мироздания (В.В.Налимов) имеет два основных фактора. Фактор первый – согласованные различными цивилизациями принципы бытия различных планетных систем и цивилизаций. Своеобразная космическая институциализация. Она напоминает земные законы и кодексы. Тексты этих кодексов приходят на Землю в форме многочисленных ченнелингов и через многочисленных контактеров.

¹ Дробницкий О.Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии, 1972, 2. – С.34-35.

² Дробницкий О.Г. Структура морального сознания // Вопросы философии, 1972, 6, – С.61.

³ Дьяконов И. Киркенеская этика // Знание-сила, 1989, июнь. – С.83-86.

Фактор второй можно и необходимо соотнести с законами Космоса, ибо он есть Воля Творца, те этические принципы, на основании которых устроен Мир. Добрые законы, Свет и Любовь, Вера и Надежда – есть краеугольные камни более высоких форм мироздания. И на этой базе максимы уже другие, как это мы увидим ниже.

***«Общение добрых сердца озаряет,
На доброго добрый без страха взирает.***

***На добрых земля утвердилась в покое,
В них, в добрых, – и будущее и былое.***

***От доброго добрый не ждет злодеянья,
За злодеянье не ждет воздаянья.***

***Добро никогда не бывает напрасно,
Всевластно добро, потому и прекрасно!»
(Махабхарата)***

Пробуждение человека есть одновременно его движение от морали той группы, с которой он себя идентифицирует, к институционализированной, а затем и к Высшей Космической Этике. Целесообразнее сразу идти через Высшее, тогда острее видны несовершенства более низких уровней. Движение человека в мудрости открывает все новые и новые стороны Космической Этики. Она беспредельна, как и беспределен Творец. Как нет пределов совершенству Живого.

«Этики, которая основывается только на разуме, просто не существует, она непременно нуждается в основных ценностях, которые (хотя они и недоказуемы, как аксиомы в математике) надо положить в основу всей системы мышления. В этом состоит трудность всякой философской этики, если она не хочет допускать другого источника, кроме разума»⁴.

Этика начинается с вопросов о добре и зле. Человек так уж устроен в своей нынешней двоичной жизни, что везде ищет или Добро, или Зло. Под добром понимается в разных культурах очень отличающиеся содержания. В одних системах добро есть поддержка других людей. В других системах – насилие во имя «добрых» целей.

Зло однозначно ассоциируется с насилием.

Д – дарение
О – окружающим
Б – бесконечной
Р – радости
О – от души.

З – забытая
Л – Любовь
О – Отца.

Как в космической философии? Человек живет в зеркальном или, скорее, зазеркальном мире. Тени реальных событий (Платон), с одной стороны, и космос личного бытия, не обнаруженный большинством, оформляют этот мир. И насильственная смерть в этом мире только зло, хотя в Космосе зло может оказаться в этих измерениях актом гармонизации. Причем не только человека, но и очень больших групп и даже целых космических систем. Так уж устроен человек, что даже невольно, подсознательно он действует космически.

Но через эту двоичность добра и зла было необходимо пройти, чтобы понять троичность, семеричность и куда более сложную топологию Космоса. «...То, что мы называем злом, всегда является механическим, оно никогда не может быть сознательным; и то, что мы называем добром, всегда сознательно, оно не может быть механическим»⁵. И еще: «...Так называемое Зло существует только для совершенствования человека, ибо Бог – есть все – и Свет, и тень, и порядок, и хаос, ибо Он – Един» (Исход 2-1998, 350). Следует

⁴ Фалькманн Б. Наука, этика и вера сегодня // Поиск, 1999, 27 августа.

⁵ Успенский П.Д. Четвертый путь. 1999. – С.31.

понимать что и тьма есть прежде всего «низкочастотные вибрации ваших мыслей, вашего организма, которые, в конце концов, притягивают представителей темного царства, которые начинают жить около вас, питаться вашей негативной энергией, поработая и подпитывая вас и темной энергией, и подсовывая темные мысли. Свет стремится к свету, тьма притягивает тьму» (Исход 3-1998, 225). «...Чрез недостаток Гносиса и умения познавать вещи сущие множеству присуще зло»⁶.

Итак, двойность категорий добра и зла подсказывает, что они из мира дуальностей. Как же тогда в более сложных мирах, в которые мы сейчас входим? Два лика одной монеты превращаются в сложный спектр энергий и вибраций, обеспечивающих гармонику Космоса. Возможная здесь метафора: семь разнонаправленных колес энергии, имеющих свой основной луч, но способных передавать и излучать и все остальные цвета радуги. Есть луч ведущий и есть соотношение цветов, их палитра, непрерывно вращающихся и обеспечивающих реальный спектр вибраций.

Здесь уже гармоника есть гармоника света. А добро и зло растворяются в тусклости или яркости оттенков самых различных цветов, где Белый и Черный есть полярные градации. Новое пространство, вместе с тем, позволяет говорить об асимметричности в сторону Света и соответствующих этому состоянию идеалах новой жизни.

В конкретности нам они видятся следующими (изложим их с небольшими комментариями и пояснениями):

1. Время Любить.

Наступающее время требует от нас толерантности к бытию Другого. И первый шаг в этом направлении есть уважение каждого субъекта к своей собственной жизни и ее приятию как совершенной в каждом своем моменте. Жизни здесь-и-теперь, а не завтра и не здесь. Без этого уважения к себе мы не можем любить других.

2. Мир богат для каждого из тех, кто в Любви и Любит.

Исцеление себя открывает путь к пониманию безграничности ресурсов Космоса и крайней ограниченности бытия тех, кто размещает себя в этике аскезы. Бедность не есть сторона реальности, а есть реальность качества мышления разместивших себя в этом пространстве людей. «Как мыслим, так и живём».

3. Мысль требует огранки Любовью и приятия всех людей.

«Люби и делай, что хочешь», – говорил Аврелий Августин. Только Любовь позволяет снять оценочность суждений одних о других, и взаимно. Только Любовью снимается дезорганизующая энергетика общения, и расцветает обмен аурой созидания друг друга.

4. Ровные эмоции созидают почву для Любви.

Эмоциональная неустойчивость не позволяет реализовать потенциал Любви. И это касается как гнева, так и безудержной радости. Любовь размещается в ровной радости собственного бытия.

5. Творение жизни есть цель каждой Любящей семьи.

Целостность семьи выстраивается только Любовью. А Любовь своей основной целью имеет гармонизацию жизни, творить которую и призвана семья.

Нас ожидает ренессанс семейных отношений свободных своей волей людей.

6. Карма помогает любящим.

Причинность гонит судьбой одних и выстраивается Любовью других. «Что посеешь, то и пожнешь».

7. Нет добра и зла – есть Любовь, открывающая сердца всех людей.

Относительность этих категорий давно изучена и исследована. Их применение зависит от занимаемой точки зрения. И их суть – в выбранном пути следования жизнью – быть тем «кто ты не есть» или тем, «кто ты есть». Нам предстоит развернуться в сторону «КТО МЫ ЕСТЬ».

8. Люди в Любви служат другим каждой своей мыслью.

В новой жизни на первый план выходит качество собственного мышления. И именно Любовь позволяет реализовать это качество. Других способов просто нет.

9. Дело возможно только в унисон песне души человека.

Труд самореализации станет основным.

⁶ Мид Дж.Р.С. Трижды величайший Гермес. Пер с англ. – М.: Алетейя, 2000. – С.248.

10. Радость созидает красоту.

Внутреннее состояние счастья внешне проявляет себя ровной радостью, что формирует внешнюю красоту сущности. Телесность одухотворяется.

11. Творчество есть каждый шаг жизни.

Бытие в Любви позволяет творить буквально через любую форму действия и мышления. Начинает работать просто эффект присутствия такого человека в конкретном пространстве.

12. Дитя есть высшее в творении жизни.

Восстановление ценности жизни как таковой на первый план выдвигает вопросы творения и воспитания новых землян в полном осознании глубины происходящего, когда на Землю приглашаются выдающиеся сущности, или творятся вообще новые души. И открывающиеся здесь возможности действительно беспредельны.

13. Доброе слово созидает миры.

Практика позитивного мышления, позитивных мыслеформ создаст основу космического содержания бытия, как это всегда и было на Земле.

14. Совместное в Любви есть лучшее в жизни.

Чем глубже человек вошёл в новое содержание этики, тем успешнее его совместное бытие с другими как в труде, так и в досуге. Ценность всех форм общения становится абсолютной.

15. Свобода Любить есть свобода творить.

Треугольник «Свобода» – «Любовь» – «Творение» аксиоматичен для новой этики, ибо одно без другого и третьего просто невозможно в рамках формирующегося образа жизни.

Освоение новой этики есть самый большой вызов для каждого человека, соотносящего себя с великим космосом.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Заповедь Любви // Человек, 1994, 2, 5-14.
2. Дробницкий О.Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии, 1972а, 2, 32-42.
3. Дробницкий О.Г. Структура морального сознания // Вопросы философии, 1972б, 6, 51-62.
4. Дьяконов И. Киркенесская этика // Знание-сила, 1989, июнь.
5. Зайцев А.К. Государство аграрно-информационной экоцивилизации. – Калуга: Эйдос, 2009.- 580с.
6. Зайцев А.К. Философия.- Калуга: Эйдос, 2012. – 647с.
7. Исход. Книга вторая. – С.-П.: Диалог, 1998.
8. Исход. Книга третья. – С.-П.: Диалог, 1998.
9. Кант И. Критика чистого разума / Соч., в 6 тт. М., 1964, т.3.
10. Книга Урантии. Пер. с англ. – Чикаго: Фонд Урантии, 1998.
11. Мид Дж.Р.С. Трижды величайший Гермес. Пер с англ. – М.: Алетейя, 2000.
12. Спиноза Б. Этика. / Избранные произведения. В 2-х тт. М., 1957. т.1.
13. Успенский П.Д. Четвертый путь. 1999.
14. Фалькманн Б. Наука, этика и вера сегодня // Поиск, 1999, 27 августа.

ETHICS OF COSMIC BEING OF HUMAN

A.K. ZAITSEV

*Tsiolkovsky Kaluga
State University*

e-mail: akz3@yandex.ru

In the article the author discusses the ethics transformation issues during the Earth civilization restructuring. It is stated that all societies are now being at the bifurcation point. At this situation ethics need in transparency from the earth-centering to the Universe-centering. The author suggests a system of new life ethic maxims.

Key words: ethics, morality, earth ethics, universe ethics, freedom of will, ethics maxims, ethics principles, new life ethics.

УДК 130.2

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ РУССКИХ РОМАНТИКОВ

Т.И. ЛИПИЧ
В.В. ЛИПИЧ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

В статье рассматривается русский литературно-философский романтизм. Выделяются его нравственно-эстетические искания, особенно проявившиеся в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, В.Ф. Одоевского и других представителей русской литературы XIX.

Ключевые слова: философская антропология, литературно-философский романтизм, нравственно-эстетическое сознание, личность, духовность.

История теоретического осмысления романтизма как культурного явления насчитывает более двухсот лет. Но, несмотря на это, споры и дискуссии вокруг него не умолкают, ведь романтизм как общественно-культурное движение начала XIX века охватывает и литературу, и философию, и музыку, и религию, и нравственность, и естествознание, и живопись, и архитектуру. Романтизм – это одно из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества и являет собой особый тип философско-исторического осмысления мира, особый тип эстетического сознания и литературно-художественного поведения, это особая форма самосознания личности. Литературно-философский романтизм есть сложный, исторически и культурно-идеологически обусловленный, коммуникативный мировоззренческий феномен, порождающий систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов и контекстов, обладающих связанностью и целесообразностью, в которых соединены принципы художественно-образного (нарративного) и философско-рефлексивного познания и осмысления мира и человека в различных языковых, творческих и коммуникативных практиках. Можно выделить несколько особенностей русского литературно-философского романтизма.

Во-первых, важнейшей особенностью литературно-философского романтизма, формулирующего свои идеи при помощи определенных концептов-понятий, явилась философизация искусства и литературы. Во-вторых, проявлялся особый интерес к философской проблематике, к философии духа, к философии человека и общества, ценности человеческой личности, важности внутреннего мира человека. Этот интерес предопределялся самой русской действительностью, тем контекстом эпохи, который характеризовался определенным уровнем развития общей культуры, сложившейся в России к началу XIX века. В-третьих, отличительной особенностью русского литературно-философского романтизма эпохи 30-х – 40-х годов XIX века явились глубокое разочарование в действительности, неверие в возможность общественного прогресса, что вело к мысли об изначальной трагической противоречивости человеческой природы и человеческого бытия, к поискам онтологических оснований духовного статуса личности. В-четвертых, это стремление к преодолению отчужденности человека в обществе, «разорванности» человеческого существования.

Исходя из всех этих особенностей, можно сделать вывод, что литературно-философский романтизм представлял собой «синтетическую систему взглядов по философским, эстетическим, этическим проблемам», порождающим новые смыслы, сконцентрированные вокруг самоценной личности. Поэтому, моральная проблематика являлась одной из ведущих в русском литературно-философском романтизме.

В философско-эстетических текстах романтиков на первое место выходит не объект, а субъект, личность. Романтики внесли много нового в рассмотрение и познание таинственных глубин человеческой души и открыли много новых граней самой личности. Справедливо отмечает И.Ф. Волков, что в романтическом произведении личность становится «центром окружающего мира», сама в себе таит смысл своего бытия, сама является первопричиной своего настоящего и первоисточником своего будущего». Опора делается на возможности человеческого творческого сознания, на стремление человека опередить

конкретно-историческое развитие мира и представить свои идеалы как единственно достойные человека. Романтики сосредотачивают внимание на внутренней душевной жизни человека, они ставят своей целью заглянуть во внутренний мир страдающего, переживающего, рефлектирующего и постоянно ищущего смысл жизни человека. Поэтому, их интересуют в первую очередь «так называемые вечные философские вопросы, отношения субъекта и объекта, конечного и бесконечного, духа и природы, свободы и необходимости».

Так как романтизм в большей степени получил распространение в искусстве, то в мировоззрении романтиков доминировали художественное мироощущение и мироотношение. Это проявлялось в том, что они старались перенести в философию свое художественное ощущение мира, свое отношение ко всей действительности в её конкретности и полноте, в её текучести и непредсказуемости. Весь мир романтики воспринимали как «художественный организм», как художественное произведение.

Поэтому нет никакого противоречия между интеллектуальным и духовным контекстом, в котором формируется русское эстетическое и нравственное мировоззрение, методологической основой которого является концепция жизни. Эта основа включает в себя возвеличение духовного, исследование внутреннего мира человека и его бытия, а также возможность выражения и фантазии художника в представлении свободной человеческой сущности.

Русские романтики создавали свой, неповторимый художественно-эстетический мир, тем самым, формировали свой литературно-философский романтизм.

А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов проявляли интерес к романтизму как органической части общего философского движения времени, утверждавшего примат искусства над другими формами проявления духовной жизни общества. И.И. Замотин отмечал, что в романтизме «открывается взору наблюдателя целое мирозерцание; романтики как бы вновь строили всю философию жизни». Для поэтов XVIII века важнее всего были законы нравственности, а искусство являлось средством воспитания личности. Для романтиков же творчество становится самой главной областью, где возможно осуществление свободы личности во всем её богатстве внутреннего мира. Исходя из этого, Пушкин осознает идею романтической личности, внутренняя духовность которой становится основой для высшего проявления свободы, которая вместе с душевным порывом приобретают у него статус высших ценностей. Эстетический идеал приобретает нравственную окраску, поэтому романтический идеал для Пушкина – это одновременно и новое состояние души, новая форма понимания и переживания жизни и единство созерцательного состояния и жизненной активности. Пушкин размышляет о *концептах* «романтическом сознании», «романтической душе», «романтическом человеке». Для лирики Пушкина романтизм обусловил новое соотношение лирического субъекта и лирического объекта. На первый план выходит личность со всеми чувствами и эмоциями в своем порыве к романтическому идеалу, проявляющемуся в возвышенном представлении о поэте-пророке поэте-жреце. Таким образом, в творчестве Пушкина прослеживается связь эстетического идеала и исторически изменяющегося общественного идеала. В качестве примера можно привести следующие слова А.С. Пушкина:

Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря¹?

В отличие от многих современных ему поэтов, провозглашающих в традициях «легкой поэзии» принцип чувственного наслаждения, для Пушкина идея прекрасного предстает как духовная ценность, как особый высший уровень гуманизации отношений между людьми. В творчестве Пушкина происходит соединение личного и сверхличного начал на основе вдохновения, в полной мере проявляющегося в творческой, свободной личности. В этой связи важную роль играет *фантазия*, так как в ней заключена способность поэта раскрыть идеальное начало сущего, обнаружить связи природного и духовного и объединить их в сфере высокого искусства. Это объясняется особым положением по-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т.М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1937-1947. – Т.II-1. – С. 91.

эта, который выступает посредником между материальным и духовным, выступает своего рода проводником универсальных сил «мирового духа». Как верно отмечает А.А. Смирнов: «Поэт погружается в непроницаемую «тайную свободу», и вдохновение как бы следует за ним, оставаясь недоступным для непосвященных»². Таким образом, в своем творчестве Пушкин рассматривает глубинные основания души, её движения, переживания, другими словами, «самостоянье человека». В.А. Грехнев совершенно справедливо связывает пушкинскую мысль о «самостоянии человека» с представлением о «духовно завоеванной суверенности личности, способной опереться на самое себя, на силу своего духа и воли... Больше того, именно разомкнутость её сознания в область национально-исторического опыта и расценивается как оплот и гарантия её «самостояния»»³.

Необходимо отметить, что для русской романтической нравственно-эстетической мысли 20 – 30-х годов XIX века одной из характерных особенностей являлась её глубокая связь с жизнью и потребностями общества.

Трагичность общественных отношений ассоциируется с трагичностью природы самой личности, которая, согласно шеллингианскому учению, характеризуется двойственностью человеческой природы. Поэтому мечта о личном счастье, о душевной гармонии представляется несбыточной, что особенно ярко выразилось у Лермонтова-романтика. Сутью его творчества явился «романтический индивидуализм и искание абсолюта», например, Мцыри. Он мечтал о полном преодолении трагических противоречий бытия и роковой раздвоенности сознания, грезил о «рае на земле», о жизни гармоничной и прекрасной. Поэтому трагическая необходимость бороться с целым миром во имя добра превращает чистую душу поэта в гордого демона – носителя мирового зла. Так рождается трагический духовный разлад – источник постоянной рефлексии и самоанализа.

Романтическая проблематика трагичности бытия, личности своеобразно преломляется в творчестве другого романтика Тютчева в трагичность самой природы, в глубине которой скрыт «хаос». Этот «хаос» бестелесен, бессознателен, иррационален. Это такая стихия, которая не знает ни времени, ни пространства, она мертвая и страшная стихия. Перед этим «хаосом» эфемерно все: и существование человеческой культуры, и отдельной личности. Но в то же время Тютчев разделяет живой телесный космос и мертвящий бестелесный хаос. Эти противоположности в мировом бытии объединяются. Это объединение и составляет для поэта тайну, загадку мира. Результатом такого таинственного союза выступает человек. Если он соединяется с гармонической природой – это положительно для человека, а если с хаосом – то губительно. Здесь мы видим, как Тютчев подчеркивает идею ценности телесного существования и самостоятельной жизни природы.

Трагичность жизни ужасает поэта и одновременно кажется ему возвышенно-прекрасной, позволяющей развернуть человеку потенции своего духа.

Исторические события первой трети XIX века подталкивали русских романтиков к философскому осмыслению жизни и поискам мирообъемлющей истины, которые могла им дать только поэзия, как «согласие ума и сердца». Такое понимание роли поэзии в жизни общества способствовало осмыслению особой, исключительной роли поэта, художника в широком смысле слова, который в своем творчестве выражает сложное взаимодействие духовного и вещественного. Кроме темы поэта и поэзии, темы природы, большое внимание романтики уделяли проблеме жизни и смерти.

Эти размышления встречаются чаще всего в виде явного или скрытого диалога, например, стихотворение Веневитинова «Поэт и друг». Особое внимание этой проблематике уделял В.Ф. Одоевский. Философия для него не была самоцелью, она была нужна ему для разработки эстетических проблем. Также как и Шеллинг, Одоевский уделяет большое внимание идее интеллектуальной интуиции и основанной на этом платонической объективно-идеалистической концепции Абсолюта. Соотношение духовного и материального он рассматривал с позиции философии тождества. Поэтому идеальное и реальное соединяются в высшем существе – Абсолюте. Человека он трактует только как ду-

² Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность / А.А. Смирнов. – М., 2007. – С. 223.

³ Грехнев В.А. Болдинская лирика А.С. Пушкина. 1830 год / В.А. Грехнев. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1977. – С.12.

ховное существо, которое стремится к познанию, в котором соединяются и дух, и предметы, истина и заблуждение. Душа человека божественна, а философы и поэты наиболее близки божеству, отмечал Одоевский. Опираясь на философию Шеллинга, он провозглашал главную задачу современности, когда науки и искусства стремятся к единству, в «познании живой связи всех наук». Он выводит важную диалектическую идею «полярности противоположностей», а также идею единства сущего и связи отдельного и общего. Из этого он выводит противоречивую связь природы и духа, которая проявляется в диалектике интенции и экспансии. В самом же духе и во всех его формах – в познании, в истории человечества, искусства – происходит постоянное развитие и взаимодействие всех форм в виде «лестницы различных степеней», которой соответствует «лестница различных произведений».

Таким образом, он подводит теоретическую базу для своей эстетики, которая развивается с исторической последовательностью, даже религиозность людей подвержена этой идее развития. Совершенствование духа и есть развитие, которое имеет три момента: два противоборствующих и один их примиряющий. В качестве иллюстрации он описывает в развитии искусства пластику, музыку и поэзию как последовательные моменты совершенствования искусства. В духе философии тождества прослеживается им и идея об отношениях нравственно совершенной личности и развращенного, эгоистического общества. Просвещенная, воспитанная личность сможет установить гармонию между личностью и обществом. Наука, искусство и религия выступают у Одоевского как условия формирования свободного человека будущего, наделенного и руководящегося в своих действиях «долгом». Философия тождества здесь предстает в несколько ином виде, нежели у Шеллинга. Этот факт был отмечен И.И. Замотиным, который считал, что Одоевского интересует «не столько философия природы, сколько философия тождества идеального и реального с выходами к проблемам «человеческой индивидуальности», «национального духа», подчинения всего «идеалу истины, добра, красоты».

Господствующее место у Одоевского занимает идея «романтического универсализма», которая опирается на положение о том, что деятельность и отдельного человека, и историческая роль нации есть «средство для достижения универсального блага» и «общечеловеческого прогресса». Универсализм Одоевского проявляется и в поиске им универсального, цельного знания, основанного на поэтическом прозрении и поэтическом «инстинкте». Все индивидуальные «Я» подчиняются универсальной цели: слияние отдельных волей в интересах всеобщего блага. Эти положения явно навеяны идеями философии тождества Шеллинга. Но вместе с тем, он развивает дальше идею блага, которая является регулятором, нравственно-социальной нормой деятельности личности в обществе.

А для Н.В. Гоголя, избравшего философско-эстетическую программу любомудров в качестве важнейшего идейного ориентира, эталона новейшего эстетического сознания, центральной идеей своего творчества определялась как идея преображения искусством действительности, что будет содействовать нравственному преобразованию общества и человека.

Одним из главных вопросов, интересующих романтизм, явился вопрос о роли и назначении человека, о мере его ответственности за происходящее, о свободе и необходимости действий отдельных личностей. Романтики создают свою антропологически ориентированную философию, где человек провозглашается мерилем, целью и смыслом всего существующего. Он есть уникальный субъект, микрокосм, равный богу и природе. Личность у романтиков индивидуальна, самобытна. Ф. Шлегель считал, что только самобытность нравственна, только она оправдывает человеческое существование. Следовательно, эти субъективно-эмоциональные переживания, приобретаемая в романтизме философское осмысление, формируют своеобразную неклассическую философию, противостоящую рационализму и эпохе Просвещения.

Романтики внесли много нового в рассмотрение и познание таинственных глубин человеческой души и открыли много новых граней самой личности. Только творец, художник в широком смысле слова олицетворяют собой вершину романтического духа. В связи с этим, романтики отводили искусству главную роль. Вершиной творческого духа является романтическая поэзия, которая должна быть свободной от реального или идеального интереса, которая может стать, по меткому выражению Ф. Шлегеля, «образом

эпохи», зеркалом мира. Поэтому романтики считали, что только поэт с помощью субъективных переживаний может проникнуть в тайны души и тайны природы, т.е. приобщиться к абсолюту через свое «я». Но для того, чтобы «прислушаться» к своему «Я», художнику необходимо отрешиться от внешнего мира и погрузиться во внутренний. Это позволяло ему постичь то, что неподвластно обычному зрению. Поэтому представление о внешнем мире ставится в зависимость от глубины и развитости самой личности, её интуиции внутренней культуры. Личность должна развивать свои творческие потенции. Ф. Шлегель отмечал: «Стать богом, быть человеком, развить себя – все эти выражения означают одно и то же».

Поэзия в творчестве романтиков воплощала возможности творческой личности и представляла не только как реализация этих способностей, но и как творческая сила, которая скрыта за всем бытием. Антропологический характер романтизма выводился из самой действительности: изменялись взгляды людей на мир, следовательно, изменялись их этические и эстетические взгляды. Это отражалось в их произведениях, они запечатлели в них, по выражению Гегеля, «свое особое мирозерцание, которое именно благодаря поэзии всего яснее и определеннее доходит до художественного сознания, поскольку слово в состоянии раскрыть весь человеческий дух». Этот человеческий дух самодостаточен, так как человек не просто отражает в себе природу и мир, но он их и творит. Все романтики стремились к раскрытию человеческого духа во всех его поворотах и изгибах, во всей его бесконечности, или, как говорил Новалис, «настроенности внутреннего мира в его совокупности». Т.П. Емельянова справедливо, отмечает, что «рефлексия и саморефлексия творческого сознания – центральные атрибуты романтической личности. Исследование мира через себя становится основным направлением познания и смыслом творческого существования»⁴. Действительно, исследование механизмов движения души, погруженных в иррационально-психологические контексты, то есть в экзистенциальный слой бытия, связано с рассмотрением противоречий, их внутреннего столкновения, с анализом диалоговых отношений внутри себя.

И. Тертетян, на наш взгляд, вполне обоснованно выделяет одно из важнейших оснований романтической личности – страсть, которая может соединяться с ледяным равнодушием. Но для проявления своей страсти личности необходима свобода, ради которой она готова на все. Романтический герой выбирает свободу в широком смысле: от свободы художника, творца до общественно-политической свободы. Свобода – это непременная составляющая творчества, а философское умонастроение способствует созданию простора для её проявления. Другим, не менее важным основанием романтической личности является воображение. Жить воображением для романтика более реально, чем жить непосредственно реальной жизнью. Романтики конструировали свои концепты-понятия, свой мир и в нем жили – эта черта была одной из характерных черт духовной культуры целой эпохи под названием «романтизм». Они занимались собственным «жизнетворчеством», в котором они надеялись найти гармонию личности и общества. Иногда это строительство перерастало в утопии. На этом фоне вполне справедливым можно считать замечание Л.Е. Семенова⁵, который выделил романтический универсализм, включающий в себя мироздание не только по пространственной оси, но и по временной, как основу историзма миропонимания романтиков. «Каждый художник, – отмечал Вакенродер, – вбирает сущность прошедших столетий в свое сердце и оживляет её духом и дыханием своего времени»⁶. При этом необходимо отметить, что романтический универсум – это образ-символ человеческой духовности, выражение души художника, абсолютная субъективность, где правят чувства и переживания, страсти и устремления личности. Совершенно справедливо, на наш взгляд, характеризует романтический антропологизм А.А. Смирнов: «У романтиков человек слит с универсумом как носитель «пламени жиз-

⁴ Емельянова Т.П. Образ человека в мирозерцании романтизма (Ф. Шлегель) / Т.П. Емельянова // Человек и культурно-историческая традиция. – Тверь, 1991. – С.78.

⁵ См. Семенов Л.Е. Христианство и романтизм: об этапах развития представлений о личности в европейской мысли. / Л.Е. Семенов // Человек и культурно-историческая традиция. – Тверь. 1991. – С. 74.

⁶ Вакенродер В. Г. Сердечные излияния отшельника – любителя искусств / Вакенродер В.Г. // Фантазии об искусстве. – М.,1977. – С.27.

ни», он не только цель и вершина мироздания, но и проводник таинственных сил вселенной»⁷.

Таким образом, необходимо отметить, что личность, индивидуальность, в целом, в системе романтического мировидения предстают в жизнеутверждающем ореоле. Это очень точно подметил Н.Я. Берковский, который считал, что «по духу времени романтики были максималисты, считали себя призванными дать самый широкий безболезненный выход лучшим силам жизни, её красоте и поэзии, устранить следы тюремного режима, которым они подвергались и подвергаются, устранить всякое над ними насилие и всякое их уродование»⁸.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1937-1947. – Т. II-1. – С. 91.
2. Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. / А.А. Смирнов. – М., 2007. – С. 223.
3. Грехнев В.А. Болдинская лирика А.С. Пушкина. 1830 год. / В.А. Грехнев. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1977. – С.12.
4. Емельянова Т.П. Образ человека в мирозерцании романтизма (Ф. Шлегель) / Т.П. Емельянова // Человек и культурно-историческая традиция. – Тверь, 1991. – С.78.
5. Семенов Л.Е. Христианство и романтизм: об этапах развития представлений о личности в европейской мысли. / Л.Е. Семенов // Человек и культурно-историческая традиция. – Тверь, 1991. – С. 74.
6. Вакенродер В.Г. Сердечные излияния отшельника – любителя искусств / Вакенродер В.Г. // Фантазии об искусстве. – М., 1977. – С.27.
7. Смирнов А. А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность / А.А. Смирнов. – М., 2007. – С.228.
8. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. / Н.Я. Берковский. – Л., 1973. – С.18.

RUSSIAN ROMANTICISTS' MORAL AND AESTHETIC RETRIEVAL

T. LIPICH
V. LIPICH

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

The present article dwells on the Russian Literal and Philosophical Romanticism, with its moral and aesthetic explorations with an emphasis on those which were shown up in the works of Alexander Pushkin, Michail Lermontov, Fyodor Tyutchev, Vladimir Odoevsky and other representatives of Russian Literature of the 19 th century being singled out.

Key words: philosophical anthropology, literary and philosophical romanticism, moral and aesthetic consciousness, personality, spirituality.

⁷ Смирнов А. А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность / А.А. Смирнов. – М., 2007. – С.228.

⁸ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. / Н.Я. Берковский. – Л., 1973. – С.18.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.422

ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАСПОРТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

И.Э. НАДУТКИНА¹
В.М. ГЕРАЩЕНКО²

*¹Белгородский государственный
национальный исследовательский
Университет*

e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru

*²Белгородский государственный
национальный исследовательский
Университет*

e-mail: Vgerashchenko@bsu.edu.ru

Современный этап развития системы местного самоуправления в РФ характеризуется не только активным реформированием, но и внедрением качественно новых форм организации работы органов управления социальной сферой. Одно из приоритетных направлений – формирование и реализация инновационных программ. В статье рассматриваются теоретические основы и практические примеры внедрения инновационных элементов системы управления социальной сферой региона. В качестве одного из направлений технологизации и формирования системного подхода в оказании комплекса социальных услуг, описывается проект внедрения технологии социальной паспортизации населения региона. Применительно к изучаемой проблеме, уделено внимание рассмотрению таких понятий как регион, социальная сфера, социальная политика, социальная паспортизация населения, реляционная модель.

Ключевые слова: социальные технологии, социальная сфера, социальные услуги, социальная паспортизация, социальная политика региона, управление социальной сферой.

Наличие большого количества показателей, характеризующих социально-экономическое развитие как региона в целом, так и отдельных муниципальных образований, входящих в его состав, не позволяет быстро и однозначно оценить состояние социальной сферы и уровень социально-экономического развития. Поэтому необходима разработка системы обобщающих (интегральных) показателей состояния социальной сферы региона, применение которых, в виде социального паспорта населения, позволит объективно оценивать, сравнивать и анализировать уровень, выявлять основные тенденции и закономерности, четко обозначать наиболее острые проблемы развития управляемой системы.

По своей сути социальная паспортизация населения региона это управляемый процесс технологизации и информатизации социального пространства, то есть создания единого информационного ресурса, позволяющего повысить оперативность управления социальной сферой региона. Он способствует развитию социальных систем, мотивирует их саморазвитие и блокирует деструктивные силы, порождающие социальные потрясения. В результате широкого внедрения социальный паспорт призван развивать межве-

домственное сотрудничество, объединять различные структуры системы управления социальной сферой региона.

Характеризуя действующую модель реализации социальной политики на региональном уровне, следует отметить, что данное направление деятельности органов власти и управления пребывает в состоянии активного реформирования и процесс это достаточно подвижен. Так, например, закрепленные правовые нормы (принятие Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О монетизации льгот»), призванные формировать качественно новую стратегию предоставления социальных услуг населению, по истечении некоторого срока действия порождают дополнительно возникающие проблемы, затрагивающие большие социальные группы.

Совокупность наиболее значимых социальных проблем, представленных в аналитических работах и результатах крупных социологических исследований выглядит следующим образом: жители России считают главными социальными проблемами бедность, низкие зарплаты и безработицу. К такому выводу пришли эксперты фонда «Общественное мнение» по результатам опросов населения в рамках проекта «ГеоРейтинг»¹. В рамках данного исследования «мегаопросы» населения проводились в 65-ти субъектах Российской Федерации (91% взрослого населения России). В каждом субъекте РФ репрезентативная выборка составила 500 респондентов. Таким образом, было опрошено 32500 человек. Россияне назвали такие проблемы как низкий уровень жизни (17%), низкая зарплата (15%), безработица (15%), маленькие пенсии (13%), высокие цены (8%), большие коммунальные платежи (6%), жилищные проблемы (8%), проблемы ЖКХ (8%), проблемы в сфере здравоохранения (6%), проблемы со здоровьем (4%), терроризм и преступность (4%), наркомания (4%).

Приведенная статистика и аналитический материал свидетельствует о том, что большинство выявленных социальных проблем формируются на региональном уровне. Следовательно, вопросы их решения также находятся в сфере компетенций региональных органов власти и управления. Практика разработки подходов к решению социальных проблем в условиях стремительных преобразований в системах муниципального и регионального управления свидетельствует о необходимости внедрения инновационных элементов, позволяющих повысить эффективность управления социальной сферой.

К числу их относится социальная паспортизация. Социальная паспортизация населения региона направлена на индивидуализацию социальной политики, что позволяет отметить перспективность данной инновации в современных условиях.

Ядром социального паспорта населения региона, по нашему мнению, является модель данных, содержащая информацию о состоянии социальной сферы региона. Информационная модель данных социального паспорта представляет собой множество структур данных, ограничений целостности и операций манипулирования данными. Непосредственно информация, содержащаяся в социальном паспорте, выступает в двух взаимосвязанных формах: социальной, представляющей движение знаний в общественных системах и машинной или автоматизированной. Отметим, что формирование информационной основы социального паспорта предлагается в виде иерархической системы, которая характеризуется тем, что в ней каждый подчиненный элемент данных всегда связан только с одним исходным. Это позволяет обеспечить высокую достоверность данных, путем ограничения возможности дублирования информации в процессе сбора и аккумулирования в информационной базе социального паспорта населения региона. Это обеспечивается посредством того, что к каждой записи информационной базы данных существует только один (иерархический) путь от корневой записи. Достоинства такой модели, на наш взгляд, несомненны: простота представления предметной области, наглядность, удобство анализа структуры и простота описания объекта.

Социальный паспорт как элемент системы управления социальной сферой региона создает возможность для изменения неэффективного бюрократического подхода к управлению, не учитывающего индивидуальные особенности граждан. Реализация проекта социальной паспортизации населения, по сути, является мониторинговым представ-

¹ Данные социологического исследования // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/report/cat/fomgeo120506>

лением региона. Социальный паспорт населения региона, на наш взгляд, должен предполагать техническую возможность социальной идентификации, т.е. включать социально-значимые сведения о человеке, определяющие его общественный, имущественный и правовой статусы, позволяя отслеживать изменения данных категорий. Помимо этого, содержание и особенности информационной базы социального паспорта населения региона раскрываются указанием действий, которые производятся с ней в дальнейшем:

- хранение (на носителе информации, сервере);
- преобразование (обработка и анализ в соответствии с некоторым алгоритмом);
- передача (с использованием линий сетевой связи).

Непосредственное представление социального паспорта населения региона осуществляется нами в виде реляционной модели автоматизированной информационно-справочной системы. Следует отметить, что в настоящее время сетевые информационные технологии получили весьма широкое распространение, что связано, прежде всего, со сравнительной простотой их создания и исключительно высоким эффектом от внедрения.

Модель социального паспорта населения региона, в нашем понимании, представляет собой совокупность структур данных и операций их обработки. Для представления формы социального паспорта населения региона нами предлагается описание модели базы данных.

Во-первых, разрабатывая содержание социального паспорта, обратим внимание на определяющую характеристику его, как электронного информационно-аналитического ресурса, предполагающего доступ, посредством сетевого подключения.

Ядром социального паспорта населения региона является модель данных, содержащая информацию о состоянии социальной сферы региона. Информационная модель данных социального паспорта представляет собой множество структур данных, ограничений целостности и операций манипулирования данными. Непосредственно информация, содержащаяся в социальном паспорте, выступает в двух взаимосвязанных формах: социальной, представляющей движение знаний в общественных системах и машинной или автоматизированной. Используя различные методы обработки информации, содержащейся в модели данных социального паспорта, можно представить объекты предметной области исследования (социальной сферы) взаимосвязи между ними.

Формирование информационной основы социального паспорта предлагается в виде иерархической системы, в которой каждый подчиненный элемент данных всегда связан только с одним исходным, что позволяет обеспечить высокую достоверность данных, путем ограничения возможности дублирования информации в процессе сбора и аккумуляции в информационной базе социального паспорта населения региона. Это обеспечивается посредством того, что к каждой записи информационной базы данных существует только один (иерархический) путь от корневой записи. Достоинства такой модели, на наш взгляд, несомненны: простота представления предметной области, наглядность, удобство анализа структуры и простота описания объекта. Однако, соблюдая объективность, следует обратить внимание на некоторые недостатки, к которым мы относим определённую сложность добавления новых и удаления существующих типов записей, невозможность отображения отношений, отличающихся от иерархических, а также возникающую со временем громоздкость описания и информационную избыточность. В целом, иерархическую систему формирования информационной базы социального паспорта населения региона можно представить в следующем виде (рис. 1).

Содержание и особенности информационной базы социального паспорта населения региона раскрываются указанием действий, которые производятся с ней в дальнейшем: хранение (на носителе информации, сервере); преобразование (обработка и анализ в соответствии с некоторым алгоритмом); передача (с использованием линий сетевой связи).

Реляционная модель, предлагаемая нами в качестве основы социального паспорта населения региона, ориентирована на организацию данных в виде двумерных таблиц. Каждая реляционная таблица социального паспорта представляет собой двумерный массив и обладает следующими свойствами: каждый элемент таблицы — один элемент данных; все столбцы в таблице однородные, т.е. все элементы в столбце имеют одинаковый тип (числовой, символьный и т.д.) и длину; каждый столбец имеет уникальное имя; одинаковые строки в таблице отсутствуют; порядок следования строк и столбцов может быть произвольным.

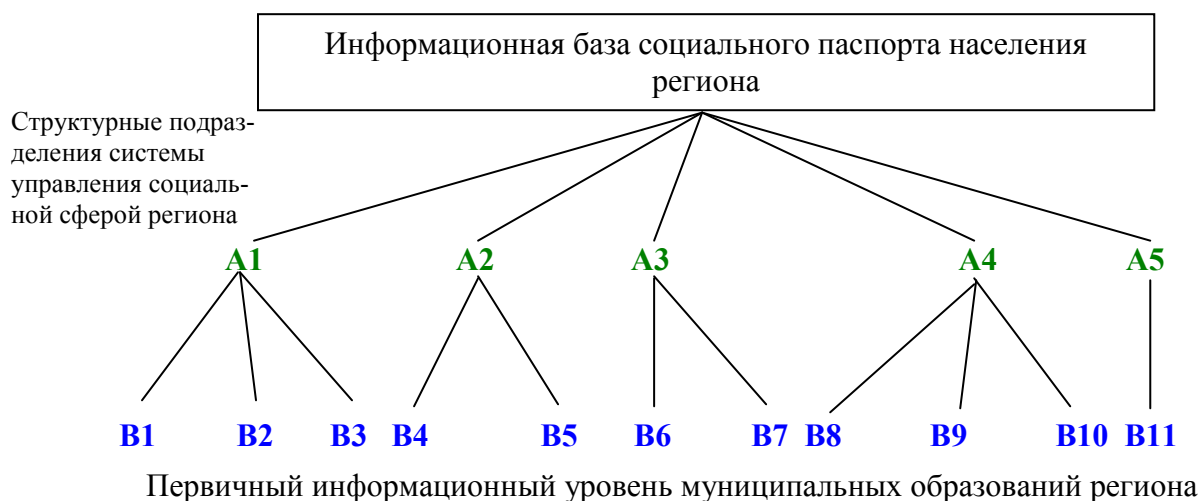

Рис. 1. Иерархическая система формирования информационной базы социального паспорта населения региона

В основе реляционной модели социального паспорта населения региона лежат не графические, а табличные методы и средства представления данных, а также обработки и манипулирования ими. В предлагаемой реляционной модели для отображения информации о предметной области исследования (комплексной оценке состояния социальной сферы региона) используется таблица, называемая «отношением». Табличная организация структуры социального паспорта позволяет реализовать ее важнейшее преимущество перед другими моделями данных, а именно – возможность использования точных математических методов манипулирования данными, и, прежде всего, аппарата реляционной алгебры, статистики и исчисления отношений различных категорий данных.

Укажем на ряд достоинств реляционной модели социального паспорта населения региона, к которым можно отнести наглядность, простоту изменения данных и организации разграничения доступа к ним. Характеризуя предлагаемую модель, следует отметить, что одним из её недостатков ранее считалась информационная избыточность, что вело к перерасходу ресурсов вычислительных систем. Однако современный этап развития компьютерной техники позволяет говорить о практически неограниченном ресурсе вычислительных систем, основанном на высокой производительности. Правомерным будет вывод о том, что именно реляционная модель данных наиболее полно соответствует качеству основы социального паспорта населения региона, поскольку именно она находит более широкое применение в практике автоматизации информационного обеспечения профессиональной деятельности.

Последовательная реализация свойств социального паспорта населения региона как реляционной модели представлена на рис.2, в котором отражены следующие процедуры :

- 1 – интерпретация данных;
- 2 – построение внутренней структуры связей;
- 3 – построение внешней структуры связей;
- 4 – шкалирование, применение системы социальных индикаторов;
- 5 – определение семантической метрики;
- 6 – расчет мониторинговых показателей для формирования комплексной оценки состояния социальной сферы региона.

Отметим, что структура реляционной модели социального паспорта населения региона предполагает возможность работы как в направлении «движения вверх» по лестнице иерархических уровней смыслового содержания материала, так и в направлении «движения вниз», к «конкретизации смысла».

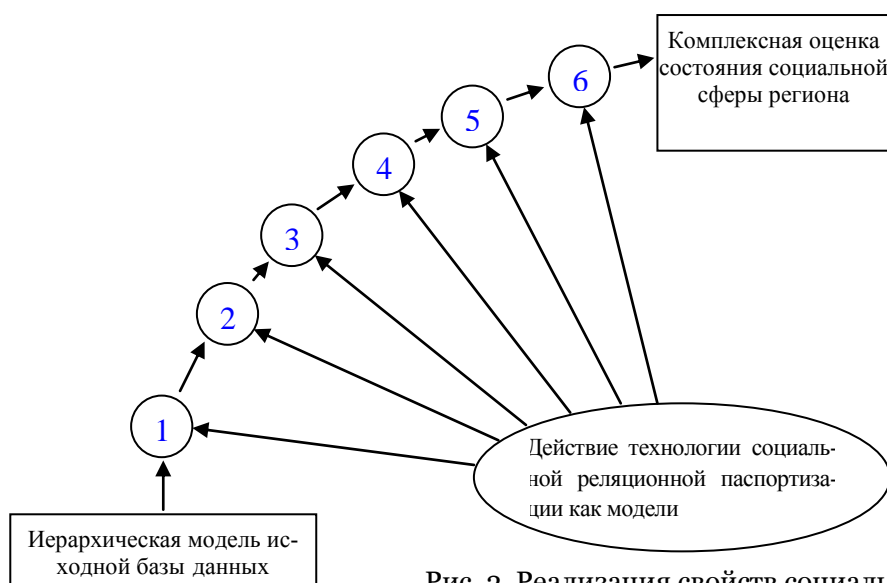

Рис. 2. Реализация свойств социального паспорта в процессе формирования комплексной оценки состояния социальной сферы региона

Обработка и представление информации с использованием технологии социальной паспортизации позволяет вести речь не о “чистых” статистических показателях, а о некоторых “производных” от них, обобщенных, качественных социальных показателях. Под социальным показателем в данном случае понимается существенная характеристика отдельных свойств и состояний социальных объектов или процессов, имеющая количественное выражение ².

Основной идеей предлагаемой модели является введение одного глобального обобщенного показателя оценки состояния социальной сферы региона.

Реализация проекта социальной паспортизации полностью зависит от того, насколько успешно был проведен подготовительный этап, включающий оценку и диагностику, концептуальное осмысление проекта, перевод концепции в планы работ, финансирования и ресурсного обеспечения.

Разработка и внедрение концепции социального паспорта позволит эффективно решать задачи адресного взаимодействия с основными категориями населения, в том числе с социально незащищенными гражданами, инвалидами, безработными и т.д. Внедрение социального паспорта населения региона как элемента системы управления социальной сферой региона открывает следующие возможности, как для органов управления так и для населения, как основного потребителя социальных услуг:

- повышение открытости, доступности и достоверности информации по социальным льготам и выплатам;
- интеграцию в едином месте для граждан информации о социальных законах федерального, регионального и муниципального уровней;
- сокращение времени и упрощение механизма оформления документов, подтверждающих право на получение той или иной социальной льготы;
- обеспечение единого информационного пространства и более эффективного обмена информацией между департаментами и подведомственными им организациями в социальной сфере;
- сокращение очередей, повышение качества приема населения и персонализации оказания медицинских услуг гражданам;
- повышение активности учреждений в системе управления социальной сферой на основе предоставляемой обратной связи с населением.

Таким образом, социальный паспорт населения региона представлен нами как универсальная социологическая модель предполагающая многомерность в изучении со-

² Луков В.А. Социальное проектирование. М., 2004.

стояния социальной сферы, что даст возможность для принятия конструктивных, функциональных, объективно обоснованных управленческих решений.

Теоретически охарактеризованная система показателей-апрейзеров, при внедрении социального паспорта существенно оптимизирует процесс информационного обеспечения системы управления социальной сферой региона, являясь весьма значимой составляющей.

Реляционная модель социального паспорта населения региона, с учетом интегральной величины глобального обобщенного показателя поможет корректно адекватно отражать степень достижения цели органов управления социальной сферой региона, учитывая, что ухудшение значений любого обобщенного показателя может быть лишь частично компенсировано улучшением остальных показателей.

Как показывает практика, главная проблема в подготовке и реализации предлагаемого проекта заключается в том, чтобы обеспечить согласованную работу всех служб, включенных в систему управления социальной сферой региона, в условиях ограниченных ресурсов. Важная роль отводится применению новых информационных технологий и систем, позволяющих добиться адресного и эффективного использования выделяемых средств. При этом открытость управления поможет установить действенный контроль за расходованием бюджетных средств и социальных дотаций со стороны государственных органов и населения.

Подводя итог, можно сказать, что социальный паспорт населения региона разрабатывается для повышения эффективности управления социальной сферой и улучшения взаимодействия органов власти с населением. Эффективное управление социальной сферой региона является одной из наиболее сложных, но в тоже время важнейшей задачей органов регионального управления. Широкий перечень процессов, происходящих в социальном пространстве, требует от системы управления социальной сферой региона незамедлительных реакций и обоснованной управленческой стратегии. Выработка таковой должна осуществляться на основании исчерпывающего информационного обеспечения процесса управления социальной сферой региона. В конечном итоге это позволит обеспечить индивидуализацию социальной политики региона.

Список литературы

1. Данные социологического исследования // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/report/cat/fomgeo120506>
2. Луков В.А. Социальное проектирование. М., 2004

TECHNOLOGY OF SOCIAL PASPORTIZATION AS AN INNOVATION ELEMENT OF REGION SOCIAL POLICY

V.M. GERASHCHENKO¹⁾

I.E. NADUTKINA²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: Vgerashchenko@bsu.edu.ru

The modern period of the development of municipal management system in the Russian Federation is characterized by both active reforming, and involvement the new forms of work organizing in the region social sphere.

The one of priority ways is forming and accomplish the innovation programs. This article deals with theoretical basis and practice examples of involvement of the innovation elements in management system of region social sphere.

Key words: social technology, social sphere, social services, social passportization, regional social policy, social management.

УДК 316.422

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Л.В. УСАТОВА¹
Е.В. АРСКАЯ²

*¹ Белгородский государственный
национальный исследовательский
Университет*

e-mail: usatova@bsu.edu.ru

*² Белгородский государственный
технологический
университет им. В.Г. Шухова*

В статье рассмотрен системный подход к менеджменту качества учетно-отчетной информации, позволяющий организации анализировать конкретные требования всех заинтересованных групп потребителей информации, определять процессы, способствующие получению информации, приемлемой для принятия эффективных управленческих решений, способствующих устойчивому развитию хозяйствующих субъектов и повышению их конкурентоспособности в условиях неопределенности среды, а также поддерживать эти процессы в управляемом состоянии.

Ключевые слова: информационная система, качество учета, качество контроля, система качества, управленческий учет, нейтральность информации, прозрачность отчетности.

С переходом к рыночной экономике в России изменился характер взаимоотношений между государством и предприятием. Если в условиях централизованной экономики государство несло полную ответственность за существование предприятия, то в новых рыночных условиях хозяйствующие субъекты стали фактически независимы от государства экономически. Получение предприятиями экономической самостоятельности привело к возникновению у них полной ответственности за результаты своей деятельности. Основной целью хозяйствующих субъектов стало обеспечение непрерывности деятельности в долгосрочной перспективе.

Учетная и аналитическая информация служит основой для принятия управленческих и финансовых решений как внутри организации, так и за ее пределами. При этом она обеспечивает выполнение таких важнейших функций как планирование, контроль и сохранность.

Информация (от латинского *informatio* – разъяснение, изложение), первоначально – сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом с помощью условных сигналов, технических средств; с середины 20 века общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом¹.

Значимость учетно-аналитической информации в принятии научно обоснованных управленческих решений в условиях быстро меняющейся внешней среды, неопределенности поведения хозяйствующих субъектов рынка существенно возрастает и зависит от качества учетной информационной системы. Мы разделяем точку зрения ученых, рассматривающих учетно-аналитическую систему, как информационную систему, представляющую собой коммуникационную систему сбора, передачи и обработки информации об объекте, с целью обеспечения различных уровней управления необходимой информацией.

Информационная система – система, состоящая из различных подсистем, среди которых наибольший удельный вес занимает экономическая, использующая, в основном, информацию учетной системы. Целенаправленная система – система, управление которой направляет систему к определенному поведению или состоянию, компенсируя внешние возмущения².

¹ Краткая Российская энциклопедия: В 3 т. Т. 1: А-К / Сост. В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия: ООО «Издательский дом» ОНИКС 21 век», 2004. – 1135 с.

² Керимов В.Э. Управленческий учет: Учебник. М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001. – 268с.

Система обработки данных предназначена для информационного обслуживания специалистов разных служб, принимающих управленческие решения в части управления затратами предприятия³. Системный подход предполагает рассмотрение учета и отчетности как системы взаимосвязанных элементов. Цели организации и функционирования учетно-отчетной системы задаются и определяются системами более высокого уровня, а именно системой управления предприятием и его внешней средой. Элементы системы качества в том или ином виде встречаются в учете и безотносительно применения методов и подходов менеджмента качества (например, учетные процедуры, документы, регламенты, рабочие инструкции, идентифицированные требования пользователей и т.д.).

Существенную роль в выяснении природы информации сыграло изучение количественного аспекта информации. Теория информации, созданная К.Э.Шенноном и Н.Винером, использовала для этого статистико-вероятностные представления, то есть характеризовалась вероятностной мерой, степенью снятия, уменьшения неопределенности⁴.

Учетно-аналитические процессы необратимы и не являются в отличие от простых систем классической физики предопределенными. В то же время информация представляет собой свойство, обратное к неопределенности. Данные, которые могли бы позволить уменьшить неопределенность, современные философы называют релевантной информацией.

В российской практике традиционно большее внимание уделялось учету, чем отчетности. По нашему мнению, на современном этапе значимость отчетности существенно возрастает, в том числе, в части достоверности и прозрачности предоставляемой информации. Современный автор О.А. Агеева выявила преобладающую тенденцию в развитии теории и методологии бухгалтерского учета и отчетности: сближение бухгалтерского учета и отчетности, которое, по ее мнению, может привести к их синтезу на новой качественной основе – единой системе бухгалтерского учета и отчетности⁵.

На наш взгляд, учетно-аналитическую систему, как уже отмечалось выше, следует расширить блоком отчетности, как завершающей стадией формирования информационной системы. При этом системы финансового, налогового и управленческого учета должны исследоваться в формате финансовой, налоговой и управленческой учетной информации, имеющей сложную многокомпонентную структуру.

На рис. 1 представлена схема формирования и представления документов при формировании отчетности, как для управленческой, так и для финансовой отчетности предприятия.

Экономическая и юридическая самостоятельность экономических субъектов привела к возникновению у предприятий полной ответственности за свою жизнеспособность, экономическую безопасность и, как следствие, за непрерывность деятельности. Это требует нового подхода к процессам управления предприятием, характерной особенностью которого является усиление контрольной функции со стороны менеджмента (ранее ее выполняло государство как собственник имущества предприятия). В сложившихся условиях возникла потребность у руководства предприятия в построении эффективной системы внутреннего контроля.

Определение качества учета и контроля является первым шагом на пути привлечения методов и инструментов менеджмента качества к учетной дисциплине и учетной деятельности. Вопросами качества многоцелевых учетных систем занимался А.Б. Малявко. Развивая проблематику качества в учете и контроле, необходимо выделить основные составляющие, задающие и определяющие уровень качества учетной системы предприятия. К таковым относят саму систему качества, принципы системы качества, а также требования к системе.

Система качества в учете – это способ организации эффективного взаимодействия управляющих и исполнительных подразделений и конкретных лиц, участвующих в соз-

³ Попова Л.В. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы: Учебно-методическое пособие / Л.В. Попова, И.А. Маслова, С.А. Алимов, М.М. Коростелкин. М.: Дело и Сервис, 2007. – 448 с.

⁴ Винер Н. Кибернетика. М: Наука, 1983. – 344 с.

⁵ Агеева О.А. Методология обеспечения единства бухгалтерского учета и отчетности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12/О.А.Агеева; ГОУВПО «ГУУ». М., 2008. – С. 42.

дании и обеспечении функционирования учетной системы предприятия с целью придания ей свойств, обеспечивающих удовлетворение информационных запросов групп потребителей учетной информации при минимальном расходе имеющихся ресурсов⁶.

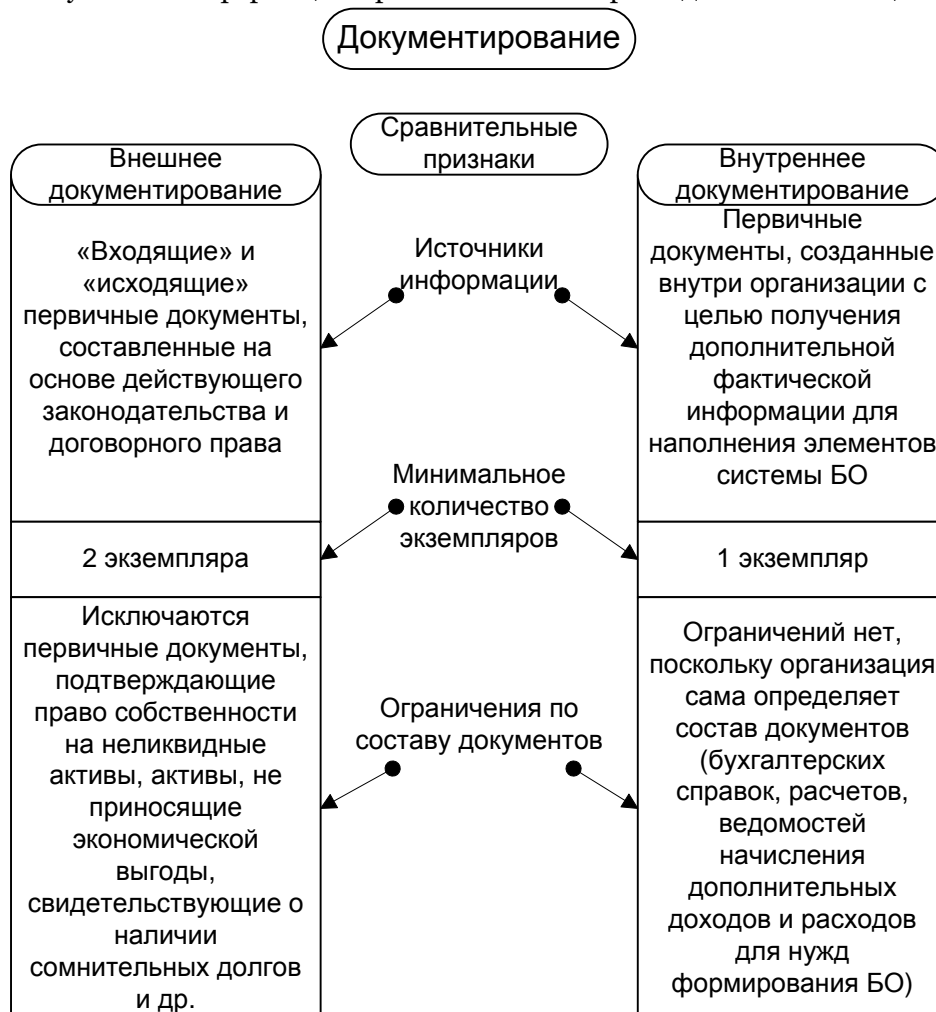

Рис. 1. Схема Документирование при формировании отчетности

Рассматривая аспекты качества в многоцелевых учетных системах, А.Б. Малявко использовал термин «качество» стандарта ИСО 8402:1994 «Управление качеством и обеспечение качества», ориентированного на функциональный подход к управлению организацией.

Как отмечает В.Д. Бджола, функциональный подход позволяет представлять систему управления как комплекс выполняемых функций. Его сущность заключается в том, что потребность рассматривается в качестве совокупности функций, которые нужно выполнить для достижения поставленной цели⁷. По мнению В.В. Герчиковой, управленческое решение составляет один из главных инструментов выработки и реализации эффективной концепции функционального менеджмента в организации⁸.

Однако следует отметить, что неэффективность функционального управления, характеризующегося отсутствием ориентации на внешнего потребителя, обособленностью структурных подразделений друг от друга и стремлением к оптимизации функциональных решений вместо оптимизации деятельности организации в целом, обусловили необ-

⁶ Малявко А.Б. Аспекты качества в многоцелевых учетных системах // www.audit-it.ru

⁷ Бджола В.Д. Функционально-стоимостной анализ и его место в системе оптимизации финансовых потоков предприятий // Финансовые исследования. 2002.-№2. – С.24-34.

⁸ Герчикова В.В. Менеджмент: Учебник/В.В. Герчикова. М.: ЮНИТИ, 2001. – 501 с.

ходимость использования системного подхода в управлении реальными процессами современного бизнеса и разработку соответствующих стандартов.

Разделяя мнение автора А.Б. Малякко в области качества учетных систем, вместе с тем, считаем целесообразным на современном этапе при формировании качественной учетно-отчетной информационной системы применение семейства действующих стандартов ИСО 9000:2000.

Семейство стандартов ИСО 9000:2000 включает согласованный комплекс стандартов на системы менеджмента качества на основе процессного подхода к управлению, содействующий взаимопониманию на национальном и международном уровне: ИСО 9000:2000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», ИСО 9001 «Системы менеджмента качества. Требования», ИСО 9004 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности», ИСО 19011 «Руководящие указания по аудиту систем менеджмента качества». Указанные стандарты приняты в качестве национальных и имеют как в Российской Федерации, так и во всех развитых странах мира, добровольный статус применения. В настоящее время при осуществлении деятельности в области менеджмента качества используется терминология, содержащаяся в стандартах ИСО версии 2000 года.

По нашему мнению, универсальность применения семейства действующих стандартов ИСО 9000 обуславливает возможность, целесообразность и необходимость их использования при рассмотрении проблемы качества учетной – отчетной информации.

В соответствии со стандартом ИСО 9000:2000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», качество рассматривается как степень, с которой совокупность собственных характеристик выполняет требования⁹. По нашему мнению, многоаспектность приведенного определения качества, позволяет применять его к любому объекту, призванному удовлетворять требования потребителей, в том числе, к учетно-отчетной информации. В данном случае, объектом системы менеджмента качества выступает учетно-отчетная информация, включающая такие элементы как учет, процессы и документирование.

Информация о движении конкретных объектов, отражаемая на счетах и регистрах бухгалтерского учета, требует соответствующего обобщения в отчетности для принятия управленческих решений. Управленческая отчетность – это комплекс взаимосвязанных данных и расчетных показателей, отражающих особенности функционирования организации как субъекта хозяйственной деятельности в целом и в разрезе различных ее направлений. Управленческая отчетность представляет систему показателей:

- характеризующих объекты управления;
- используемых для оперативного, текущего и стратегического управления организацией;
- содержащихся в отчетных формах, регламентированных каждым хозяйствующим субъектом.

Основные проблемы в подготовке управленческой отчетности связаны с отсутствием общих рекомендаций о формировании системы отчетных показателей и информационной базы для их расчета, что затрудняет разработку внутреннего положения по управленческой отчетности организации, а также создание программных продуктов по автоматизации процессов ее составления.

При разработке внутреннего положения по управленческой отчетности необходимо создать информационную базу. В многочисленных публикациях, посвященных управленческой отчетности, отсутствуют конкретные рекомендации и указания на источники данных, которые будут отражены в отчетности, а без четкого определения источников информации для получения каждого из показателей управленческой отчетности процесс ее создания не будет упорядочен. Информационной базой для управленческой отчетности служит весь комплекс первичного, финансового, налогового, статистического и, собственно управленческого учетов. «Выходные» данные управленческой отчетности можно представить в виде блоков:

⁹ Стандарт ИСО 9000:2000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь».

- операционная деятельность;
- инвестиционная деятельность;
- финансовая деятельность, интерпретация данных и пояснения для руководства (рис. 2).

Поэтому к данным управленческой отчетности вполне закономерен интерес как внутренних, так и внешних пользователей экономической информации.

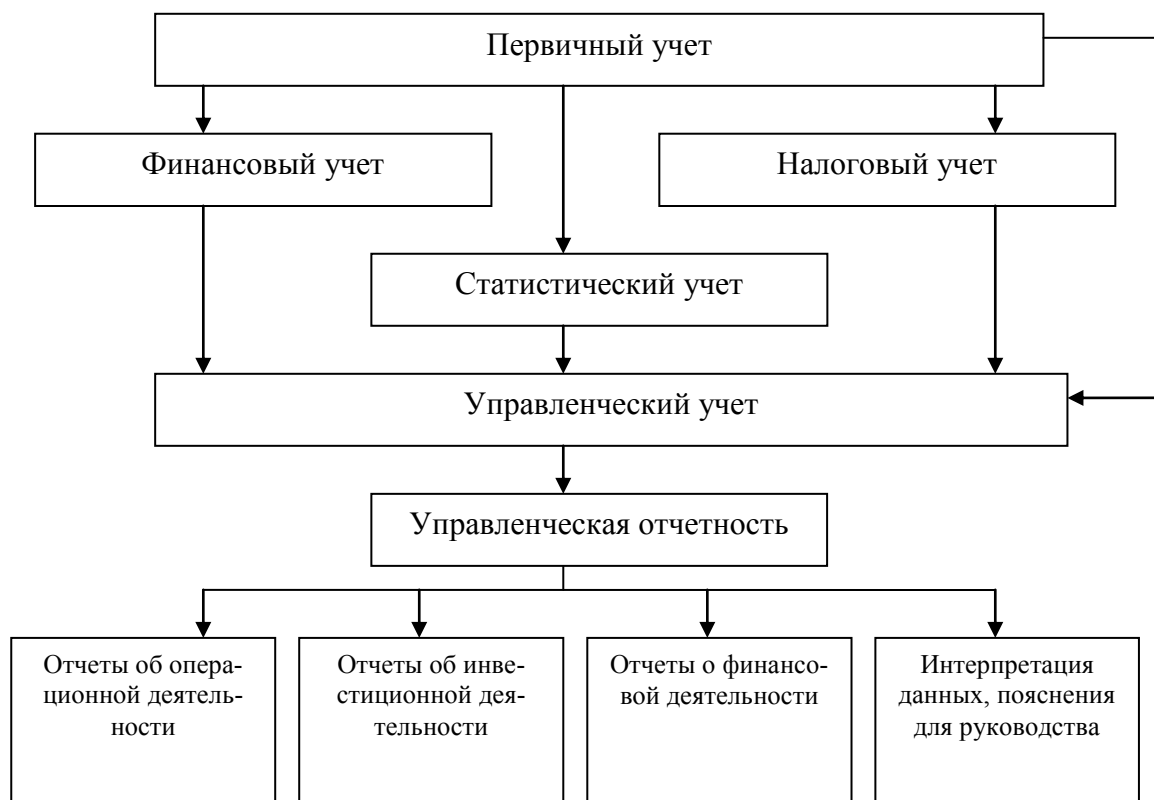

Рис. 2. Источники информации отчетности

В связи с этим, с целью повышения качества учетной информации для принятия управленческих решений, в блок об операционной деятельности разработаны и рекомендованы к внедрению следующие отчеты:

- о расходе сырья и материалов;
- о начисленной заработной плате по категориям и подразделениям;
- отчет о браке по цехам;
- ведомость общепроизводственных расходов;
- ведомость общехозяйственных расходов;
- о затратах на производство продукции по статьям.

Совершенствование системы внутренней отчетности в перечисленных выше аспектах будет способствовать повышению оперативности и ценности получаемой информации, снижению затрат рабочего времени на ее подготовку, обеспечению контроля за издержками производства, создаст условия для эффективного управления.

Отчетность в целях управления хозяйствующими субъектами должна быть емкой по содержанию и составу показателей. Для создания такой отчетности ее необходимо классифицировать с целью рационального использования в управлении организацией. В таблице 1 представлена классификация отчетности по технике и методике составления.

Таблица 1

**Классификация управленческой отчетности по технике
и методике составления**

Классификационные признаки	Направление формируемых отчетов	Конкретизация направления
По формату представления	табличные	по числовым показателям и разработан-
	графические	график по установленным объектам
	текстовые	в виде записки или пояснения
По видам носителей	электронные	с применением компьютерных технологий
	бумажные	Традиционные
	комбинированные	сочетание электронных и бумажных носителей
По методу формирования информации	на основе количественных	с применением статистических, математических методов.
	на основе эвристических методов	на основе логики, интуиции, опыта и знаний, анализа
По применяемым направлениям управленческого учета	планирование	по нормам и отклонениям
	контроль	по поставленным целям и задачам
	по традиционным методам учета затрат	система полной и неполной себестоимости, стандарт-костинг и нормативный, позаказный, попроцессный метод
	кайзен-кост таргет-костинг	акцент на сокращении затрат на стадии калькулирование на стадии проектирования
По объему информации	накопитель- ные отчеты сводки	по объектам информация на конкретную дату
	итоговые отчеты	по состоянию на 1-е число месяца, квартала, года
	оперативные	ежедневные, еженедельные, за смену
По периодичности представления	текущие	за установленный период
	сводные	на установленную дату
	По доказательности	имеющие юридическую силу
не имеющие юридическую силу		не регламентированные нормативными актами

Существенное значение при построении учетного процесса и для представления заинтересованным пользователям информации имеет классификация управленческой отчетности по содержанию (табл. 2). Построение отчетности по названным признакам позволяет ее наполнить соответствующим содержанием по уровням управления, конкретным направлениям и пользователям и получить информацию по разным аспектам для представления в целях управления организацией.

Использование двух классификационных признаков составления отчетности позволяет построить систему отчетности, необходимую пользователям в различные периоды деятельности организации. Это позволит формировать внутреннюю управленческую отчетность и оценить результаты деятельности подразделений по отдельным аспектам и обеспечивающей необходимой информацией пользователей в целях принятия управленческих решений.

Таблица 2

Классификация управленческой отчетности по содержанию

Классификационные признаки	Направление отчетов	Конкретизация направления
По хозяйственным процессам	по закупке и заготовке по производству	по обеспечению материальными ресурсами по производственной деятельности
	по продаже	продажи продукции (работ, услуг)
По направлению деятельности	Производство	продажа продукции выполнение работ, услуг
	обращение и потребление	продажа товаров и услуг
По видам производств организации	основное производство	по видам продукции и подразделениям
	вспомогательное производство	по видам выполненных работ и услуг в разрезе подразделений
	обслуживающие производства и хозяйства	по видам выполненных работ и услуг для работников в разрезе подразделений
По уровню управления	для высшего руководства	совет директоров
	для менеджеров структурных подразделений	для руководителей структурных подразделений
	для менеджеров нижнего звена	конкретным исполнителям по направлениям
По содержанию	комплексные	по организации
	по ключевым позициям	по направлению
	аналитические	анализ по направлениям бизнеса
Для контрагентов	покупателям и заказчикам	по интересам сторон
	поставщикам и подрядчикам	по интересам сторон
По показателям	общим	по степени достижения целей
	ключевым	по основным показателям
	специальным	по требованию пользователей
По показателям устойчивого развития	экономическим	влияние на экономические условия заинтересованных сторон и системы
	социальным	влияние на социальные системы, в которых она действует
По сегментам организации	организации в целом	по всем направлениям бизнеса
	центрам ответственности	по центрам: инвестиций, прибыли, доходов, затрат
	отраслевым	по объектам в зависимости от направления
	географическим	по объектам в зависимости от территориального признака
По пользователям	внешние пользователи	в разрезе дебиторов и кредиторов
	внутренние пользователи	акционеры, менеджеры.

Элементы системы менеджмента качества учетно-отчетной информации представлены в табл. 3.

На наш взгляд, система менеджмента качества учетно-отчетной информации должна включать структурную организацию учетно-отчетной информации, методические положения формирования системы менеджмента качества учетно-отчетной информации, ресурсы и процессы формирования системы менеджмента качества учетно-отчетной информации.

Таблица 3

Элементы системы менеджмента качества учетно-отчетной информации

Система менеджмента качества учетно-отчетной информации	Принципы системы менеджмента качества учетно-отчетной информации	Общие требования к качеству учетно-отчетной информации
Структурная организация учетно-отчетной информации	Ориентация на пользователя информацией	Требования к учетным процессам
Методические положения формирования системы менеджмента качества учетно-отчетной информации	Роль высшего руководства в формировании учетно-отчетной информации	Требования к документации
Ресурсы учетно-отчетной информации	Вовлечение сотрудников в формирование учетно-отчетной информации	
Процесс формирования учетно-отчетной информации	Процессный подход к формированию учетно-отчетной информации	

По нашему мнению, принципы менеджмента качества: ориентация на потребителя, лидерство руководителя, вовлечение работников, процессный подход, системный подход к менеджменту, постоянное улучшение, принятие решений, основанное на фактах, взаимовыгодные отношения с поставщиками, установленные данным стандартом, также применимы к учетно-отчетной информации. Общие принципы менеджмента качества также могут использоваться высшим руководством хозяйствующих субъектов: в разработке, поддержании, популяризации политики, целей в области качества учетно-отчетной информации; для повышения мотивации и вовлечения персонала в обеспечение требований потребителей информации, разработку, внедрение и поддержание эффективной системы менеджмента качества учетно-отчетной информации; в обеспечении необходимыми ресурсами, проведении анализа и принятии решений в отношении политики, целей и мер улучшения системы менеджмента качества учетно-отчетной информации.

Желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом. Выявление, понимание и менеджмент взаимосвязанных процессов как системой вносят вклад в результативность и эффективность организации при достижении ее целей.

Постоянное улучшение деятельности организации в целом следует рассматривать как ее неизменную цель. При этом эффективные решения основываются на анализе данных учетно-отчетной информации. Организация и ее контрагенты взаимозависимы, и отношения взаимной выгоды повышают способность обеих сторон создавать новые ценности.

Таким образом, по нашему мнению, рассмотренные восемь принципов менеджмента качества, образующие основу стандартов на системы менеджмента качества, входящих в семейство ИСО 9000, могут использоваться организациями, стремящимися добиться преимущества посредством внедрения системы менеджмента качества учетно-отчетного пространства¹⁰.

Требования к системам менеджмента качества, установленные в ИСО 9001, являются общими и применимыми к организациям в любых секторах промышленности или экономики¹¹. Следует отметить, что любая деятельность, в которой используются ресурсы для преобразования входов в выходы, может рассматриваться как процесс.

Чтобы результативно функционировать, организации должны определять и управлять многочисленными взаимосвязанными и взаимодействующими процессами. Часто выход одного процесса образует непосредственно вход следующего. Систематическая идентификация и менеджмент применяемых организацией процессов, и особенно

¹⁰ Стандарт ИСО 9000:2000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»

¹¹ Стандарт ИСО 9001:2000 «Системы менеджмента качества. Требования»

взаимодействия таких процессов, могут считаться "процессным подходом". Следовательно, система менеджмента качества, основанная на процессном подходе, описанная в семействе стандартов ИСО 9000, по нашему мнению, может быть положена в основу формирования качественной учетно-отчетной информационной системы на современном этапе. При этом процессный подход к созданию системы менеджмента качества учетно-отчетного пространства можно рассматривать как совокупность действий: четкое разграничение операций во времени и пространстве; фиксацию и регистрацию входных и выходных данных учетно-отчетных процессов; своевременное определение полномочий и ответственности работников; организацию управления учетно-отчетными процессами, нацеленность их на достижение целей организации.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что управленческий учет представляет собой информационно-вычислительную систему, объединяющую совокупность форм и методов планирования, учета, контроля и анализа, направленную на формирование альтернативных вариантов функционирования предприятия и предназначенную для информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений. При полном отсутствии государственного регулирования в настоящее время наблюдается исключительно высокий уровень неопределенности в бухгалтерском учете. Между тем, подобное регулирование, безусловно, необходимо, использование его обеспечивает снижение неопределенности в области бухгалтерского учета, что благоприятно сказывается на экономической безопасности, как отдельного предприятия, так и заинтересованных пользователей его бухгалтерской информации.

Список литературы

1. Краткая Российская энциклопедия: В 3 т. Т. 1: А-К / Сост. В.М. Карев. М., 2004.
2. Керимов В.Э. Управленческий учет: Учебник. М., 2001.
3. Попова Л.В. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы: Учебно-методическое пособие / Л.В. Попова, И.А. Маслова, С.А. Алимов, М.М. Коростелкин. М., 2007.
4. Винер Н. Кибернетика. М., 1983.
5. Агеева О.А. Методология обеспечения единства бухгалтерского учета и отчетности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12/О.А.Агеева; ГОУВПО «ГУУ». М., 2008.
6. Малявко А.Б. Аспекты качества в многоцелевых учетных системах // www.audit-it.ru
7. Бджола Б.Д. Функционально-стоимостной анализ и его место в системе оптимизации финансовых потоков предприятий // Финансовые исследования. 2002.-№2.
8. Герчикова В.В. Менеджмент: Учебник/В.В. Герчикова. М., 2001
9. Стандарт ИСО 9000:2000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь».
10. Стандарт ИСО 9000:2000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»
11. Стандарт ИСО 9001:2000 «Системы менеджмента качества. Требования».

PROBLEMS OF FORMATION HIGH-QUALITY MANAGEMENT ACCOUNTING AND ANALYTICAL INFORMATION

L.V. USATOVA¹⁾
E.V. ARSKAJA²⁾

¹⁾ *Belgorod State National Research University*

e-mail: usatova@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod Shukhov State Technological University*

The article discusses the system approach to quality management of accounting and reporting information/ This management system allows organizations to analyze concrete requirements of all interested groups of information consumers, to define the processes, stimulating information receive, suitable for making of effective management decisions, stimulating regular development of managing subjects and increase of their competitiveness in conditions of environment uncertainty, and also keep these processes in management condition is considered.

Key words: information system, accounting quality, control quality, quality system, management accounting, neutrality of information, transparency of accounting.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ¹

С.М. КЛИМОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: sklimova@bsu.edu.ru

Задача статьи – в очередной раз попытаться взглянуть на свою интеллектуальную историю критически, вновь попытаться понять «Кто мы?» и «Куда идем?», преодолевая очередные идеологические (ценностно-ориентированные) конструкты уже постсоветской гуманитарной науки. При этом приоритет эмпирического подхода или «опора на факты» остаются наиболее важными «критериями» для поиска ответов, понимания идей и интерпретации истории. В статье показана устойчивость исследовательского стереотипа – бинарного подхода и инверсионного сознания при анализе мировоззренческих проблем, затрагивающих предельно общие оппозиции и противопоставления, например, религиозного и атеистического мировоззрения и дана попытка его критического переосмысления. В статье также предлагается ознакомиться с рядом архивных документов, характеризующие известных личностей в военный период советской истории, опираясь на диалектический подход и синкретический метод.

Ключевые слова. Бинарный подход, инверсия ценностей, архивные документы, православие, вера.

«А во главе Совета поставим товарища Карпова, – сказал вождь, с острым интересом посмотрел в лица стариков в рясах. – Знаете товарища Карпова?»... Митрополиты испуганно молчали. Наконец, Сергей нашел в себе силы промолвить: “Богопоставленный вождь, но ведь он, Карпов, из гонителей наших...” “Правильно, – явно довольный произведённым эффектом, ответил Сталин, – партия приказывала товарищу Карпову быть гонителем, он исполнял волю партии. А теперь мы ему поручаем стать вашим охранителем. Я знаю Карпова, он исполнительный товарищ. Ну, стало быть, согласны, чтобы Карпов стоял во главе Совета?”. Удерживая вздох, митрополиты закивали головами...»²

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2012 год (номер проекта 6.1239.2011)

² Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Hermitage Publishers, 1999. –С. 375. Цитируя данную книгу, мы перелагаем критически осмысливать, изложенные в ней факты и оценки, так как они зачастую не совпадают с архивными документами, которые в свою очередь также должны стать основой острашения и критической переоценки читателя. Так, например, даже робкая критика в адрес Г.Г. Карпова кажется нам преувеличением «смелости иерархов», так как на знаменитой встрече в Кремле 4 сентября 1943г. присутствовал, в том числе и Г.Г. Карпов.

I

Бинарный подход был широко распространен, по сути, с самого начала человеческого познания. Очевидно, что бинарный код – самый удобный для понимания человека, созданного по принципу «два в одном» (деление на два заложено в структуре человеческого организма). Но именно это в итоге превращается в «время традиций» (Н. Луман), особенно когда бинарность оказывается главным принципом постижения человека, общества, мировоззрения. Как отмечал Н. Луман, науке до сих пор «приходится опираться на давно устаревшую теорию познания, которая исходит из таких различений, как мышление/бытие, познание/предмет, субъект/объект, а реальный процесс познания способна постигать лишь как рефлексию, локализованную, соответственно, на одной стороне этого различения. Но это было отвергнуто, начиная, по меньшей мере, с лингвистического поворота в философии, несмотря на все те логические проблемы, которые были привнесены переходом к “натуралистической эпистемологии” (Куайн)»³.

Однако, отвергнуть в теории вовсе не означает расстаться со старым методом практически. Так, например, деконструкция бинарной оппозиции «наследственность-среда» в биологии или «природа-воспитание», применительно к человеку и обществу, хотя и началась с появлением генетики, но до сих пор не закончена. Как указывал Франц де Вааль в статье «Конец Природы против Природы»: «наиболее вероятно, что в следующем тысячелетии эволюционные подходы к поведению человека будут становиться все более и более утонченными, принимающими во внимание явную гибкость культуры. Следовательно, традиционный подход: “или инстинкт, или обучение” будет замещен на более интегрированный подход. Вместе эти две различающиеся точки зрения ослабят популярную сегодня дихотомию вплоть до ее устранения. Мы добьемся более глубокого понимания поведения человека, если не будем рассматривать культуру как антитезис природы и потихоньку перенесем старые дебаты природа/воспитание в могилу»⁴.

«В могилу — это, конечно, метафора. Но имеются уже и более конструктивные предложения, в том числе и предложение рассматривать как эту, так и все другие многочисленные бинарные оппозиции, сформулированные в процессе многовековых философских дискуссий по вопросу о природе человека, не как единственно возможные альтернативные способы решения соответствующих проблем, а как крайние позиции континуума решений, лишь в совокупности способных отобразить всю невероятную сложность соответствующего аспекта бытия человека и механизмов его формирования»⁵.

В области культуры альтернатива бинаризму была найдена в диалогическом подходе, появившемся вместе с возникновением мирового рынка, распадом европоцентризма, открытием полиэтнического (полифонического) мира «других» народов и культур в Европе в XIX веке. В это же самое время Россия лишь укрепляла бинарный подход, по крайней мере, в мировоззрении, от которого она не желает отступать и сегодня.

Начиная с петровских реформ, бинарность традиционного русского сознания нашла себе специфический объект, вскоре ставший центром, осью всех значимых позднейших оппозиций: *старое* и *новое*, противостоящие друг другу как аксиологические оппозиции («хорошее» и «плохое»/ «плохое» и «хорошее»). Этот конфликт определил характер всех споров, вплоть до современных — тех, что идут в терминах «глобализации»/ «локализации», «идентичности»/ «всеобщности», индивидуальности/соборности, религии/атеизма и т.п. Все это — лишь дискурсивная перекодировка исконных культурно-религиозных смыслов, которые описывали и описывают в логике бинарного мышления русскую культуру как форму самоидентификации русской интеллигенции всех поколений.

Инверсия ценностей — результат развития и трансформации общества, явление общепринятое и очевидное. Если бы ценности не сменяли друг друга, не развивались или не переходили в свои противоположности, то развитие культуры было бы невозможно в принципе. Однако, когда речь идет о способах, механизмах смены и сущности ценностей проблема становится не такой очевидной. Именно здесь возможен разговор о нацио-

³ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. — С. 21.

⁴ Цит. по Борзенков В.Г. Эпистемологические препятствия на пути научного познания человека // Человек. — №1.-2012. — С. 18

⁵ Борзенков В.Г. Там же. — С.18

нальной специфике. В русском самосознании, носителями которого традиционно являлась русская интеллигенция, ныне – интеллектуалы и ученые, по-прежнему характерна принципиальная установка на инверсию ценностей “старого/нового”, когда тем или иным элементам картины мира приписывают попеременно то положительную, то отрицательную ценность. Сама же картина, ее структура, “репертуар” базовых элементов почти не меняются. Любые, в том числе и новые, проблемы, противоречия, факты замечаются и осмысливаются лишь в той мере, в какой укладываются в “базовую” оппозицию. Данный механизм интеллигенция унаследовала от предшествующих эпох – традиционное русское православное сознание вообще отличалось крайней остротой бинарных оппозиций и почти полным отсутствием нейтральных, ценностно не отмеченных элементов⁶. Но именно интеллигенция “захватила” эту особенность из позднего средневековья в Новое время, приспособила к особенностям этого времени и распространила на вполне секуляризованное современное сознание.

Оппозиция “старого” и “нового” рождается практически одновременно с появлением специфической российской светской идеологии. Одни и те же образы и понятия обрастают диаметрально противоположными смыслами и кодируют противоположные значения. Запущен семиотический механизм, который будет работать столетия. *Старое* и *новое* меняются местами в оценках, но все мировоззренческие установки на лучшее, на благо, на религиозное совершенство, по сути, остаются неизменными. И обе стороны, при всей их непримиримости, равно не способны усомниться в “актуальности” этой и только этой оппозиции, помыслить возможность описания мира в каких-то других терминах или другим способом.

В зеркале нового мировоззрения все плюсы становятся минусами и все минусы – плюсами, но речь все время идет об одних и тех же понятиях и смыслах. Отсюда и накал, непримиримость борьбы, нетерпимость: ведь “новое” претендует не на новое место, не на новый статус, а на статус, роль и значение старого. При этом оппозиция не мыслится через какие-то переходные состояния, но представляет собой непримиримость до полного уничтожения нового старым и перестройку *как бы* на пустом месте. И всегда кризис воспринимается как “момент истины”, апокалипсис, влекущий за собой *метаною* (перерождение сознания) наиболее передовой части общества.

Эту оппозицию подхватили и нынешние ученые – интеллектуалы. Началась уже не просто инверсия ценностей, но ее рефлексия и личностное переживание. Они и стали первоосновой всего механизма “смены веков”, принципом репрезентации всех культурных и аксиологических перекодировок и переосмыслений. При этом абсолютно очевидно, что религию нельзя автоматически заменить атеизмом, а затем также автоматически вернуться назад «к Богу»⁷, как ничего нельзя *возродить, заменить, вернуть, «воскресить»* (по крайней мере, в этом мире), а между тем, именно так рассуждает большинство нынешних интеллектуалов при обсуждении сложнейших мировоззренческих процессов, происходивших в XX и продолжающихся в XXI веке в России.

С нашей точки зрения, если уж мы придерживаемся маятникового принципа в аксиологии, то надо, либо отчетливо признать, что в советском эксперименте по построению атеистического государства, «очевидная всем» инверсия ценностей не затронула самих оснований религии (идеи Бога, души, веры самого «развратного и самого святого» (Достоевский) – русского народа) и, следовательно, ничего не было разрушено, но всего лишь переименовано и перекодировано; при этом при смене названий и ярлыков, методов атеистической работы с населением, сохранялись прежние смыслы, ориентиры и чувства, и поэтому коммунизм явился лишь разновидностью христианства и так легко победил, о чем убедительно написано у Н.А. Бердяева.⁸ Либо, следует признать, что никаких

⁶ См.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. – С. 219–253.

⁷ но очень даже можно разрушить прежнюю церковь и на ее месте создать новую: на месте Храма Христа Спасителя построить Дворец советов, создать новый завет \Краткий курс\, организовать партию по принципу иерархии ордена меченосцев \Сталин\, сносить памятники одним кумирам и воздвигать другим. А потом опять восстанавливать храм, сбрасывать с постамента Дзержинского и ставить на его месте памятный знак мученикам.

⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1987 – 300 с.

метафизических основ, «потрясенных» безбожниками-большевиками, разрушенных советами не было вовсе, ибо к моменту крушения империи, страна давно уже была больна атеизмом, нигилизмом, скептицизмом, и вера оказалась лишь уделом избранного меньшинства (чудаков-богоискателей, осужденных всеми и справа, и слева).

Мало изменилось положение интеллигенции и ее словарь и в конце XX-нач. XXI вв. Наиболее наглядной демонстрацией постоянного «оборотничества» русских идей стала утопия под названием «перестройка». Бинарное сознание уже в который раз оказалось на перепутье двух дорог: искать (до бесконечности) путь к своей уникальности или отказаться и перестроить (синоним: разрушить, начать с нуля, находится в вечном поиске) свою хрупкую самобытность и пойти чужим путем цивилизованного (синоним либерального, информационного, технологического) развития.

Наиболее яркий пример – склонность к инверсиям в области научной методологии изучения религиозного сознания и интерпретации фактов духовной жизни современного российского общества. Религия и атеизм – два извечных полюса маятника, в рамках которого развивается российское научное познание. При этом не важно, чем наполнить эти два мировоззренческих сосуда: материалистической диалектикой, дарвинизмом, формальным литературным методом или, напротив, богословием, православием, Богом или православно-ориентированной наукой. «Старое» – атеистическое мировоззрение во всех областях гуманитарной науки с успехом заменяется на «новое» – православное мировоззрение ученых, предавших забвению свое атеистическое прошлое и уже беззастенчиво служащих нынешнему превращению «официальной» религии в авторитетный «инструмент научного знания» и понимания «истинной картины религиозного (научного) мировоззрения». Теперь уже опираться на объективный (безоценочный) подход, означает, как минимум оказаться на подозрении у «истинно верующих», ибо о «вере вправе рассуждать лишь верующий», а все остальное – лишь плоды атеистического безбожного мировоззрения, которое многие предпочитают не обнародовать, даже в научном анализе, ибо не безопасно для карьеры и «подозрительно с точки зрения нравственности» (Р. Докинз).

Успех инверсионной смены ценностных ориентаций сегодня можно наблюдать почти во всех областях гуманитарного познания: в литературоведении расцвело *христианское литературоведение*, (например, позиция М.М. Дунаева, Т.А. Касаткиной, А.Г. Гачевой и др.) – «новое вино» бродит внутри такой старой научной структуры, как ИМЛИ РАН; в стенах МГУ возникла и новая *христианская социология* (основатель направления В.А. Добренев); религиозные инверсии наблюдаются в методологии исторического, философского, педагогического или религиоведческого познания⁹. Возникает ощущение, что наши гуманитарии даже не пытаются мыслить разнообразно и работают в рамках пресловутого бинаризма, либо все, сводя к православному веру, либо к атеизму, либо к Богу, либо к черту, «либо к Достоевскому, либо к Толстому». К сожалению, для многих современных исследователей институциональное православие отныне выступает каким-то неисторическим Столпом истины, подобием платоновского Блага – вечного и неизменного, до которого обязано дотянуться любое верующее сознание, в том числе и обыденное, и научное, несмотря ни на какие факты реальной духовной жизни общества, отдельных личностей, оксюморон понятия «верующая наука».

Один из важных аргументов – опора на факты, которые, как известно, вещь упрямая, а документы – «красноречиво говорят». Но о чем? «Ценностно-ориентированные ученые» требуют ценностно-ориентированных контекстов, говорят о невозможности что-то понять или наоборот «не понять» в стране тоталитаризма, идеологических зажимов и т.п., а по сути, превращают научные архивы в кормушку для получения собственных предпочтений, тащат факт в ту сторону, которая удобна или выгодна им – научным страдальцам за веру/объективную истину. Попросту говоря, занимаются манипуляциями, ибо удачно подобранные факты и цитаты могут убедить читателя в чем угодно, даже в том, что все выводы он делает сам, самостоятельно понимает и анализирует то, что ему выдают за факт. «... Внешние технологии воздействуют на то, что мы видим, а внутрен-

⁹ Хочется обратить внимание на характерный сайт Ateism Watch, созданный православными философами.

ние – на то, что думаем».¹⁰ Для того, чтобы эти слова не звучали иронично, хотим напомнить, сегодня почти забытую концепцию советского социолога В.З. Когана¹¹, который ввел более тридцати лет назад понятие «инфологема», означающую ложную, искаженную или неполную информацию, представляющую *реальные события* артефактами, идеологическими мифами, политическими пропагандистскими измышлениями. Непоколебимость многих мифологических представлений о каком-либо явлении или процессе связана с тем, что миф чаще всего отождествляет явление с моральным идеалом и поэтому никакой критике он не поддается, ибо становится выше всяких оценок и логик, противящихся инфологемам. Потому, ко многим современным текстам, даже чрезвычайно убедительным с фактологической точки зрения, но изначально написанным под влиянием инфологем и с целью, либо создания мифов, либо их поддержания, трудно не отнестись критически или даже иронически. Речь идет о распространении мифа о «живой вере», «служении Богу», «самоотречении» некоторых наших русских служителей культа в условиях советского тоталитаризма и атеизма, их непримиримой борьбе и противостоянию системе или режиму, их нравственности в условиях тотальной безнравственности. Безусловно, такие люди были, и их имена окружены ореолом святости именно потому, что их жизнь была служением и подвигом, о котором мы судим по тем же фактам, а не по их «статусу или сану»,¹² и последующим оценкам. При этом оценивая любого человека, даже того, кто удостоен был канонизации, нельзя представлять в однолинейных категориях служения, подвига, самопожертвования, то есть априорной святости, забывать о его словах, идеях, поступках, приспособительстве и отступничестве, подвиге и предательстве, позволяющих увидеть более объективную картину и сделать факт лишь элементом всего экзистенциального континуума человека. При этом объективность – весьма условная категория, не «остраиваясь» от ситуации, не находясь в критическом диалоге с «объектом анализа», легко стать апологетом или гонителем, отлучать и грозить анафемой или напротив, восхвалять и приписывать подвиги святости, человека слабому и грешному, каковыми мы все являемся. Деконструкция бинарного подхода, рассматривая многообразные жизненные ситуации, факты истории или биографии, мировоззрение людей в континууме исторического и экзистенциального бытия, позволит избежать не только грубых инверсионных фальсификаций ангажированной науки, но и тонких изощрений современных манипулятивных практик.

С какими бы фактами мы не сталкивались – все дело в точке зрения, мировоззренческой позиции, судить о которой нельзя потому, что человек «думает о себе во времени», но лишь потому, как «думает о нем Бог в вечности» (перифразируя Вл. Соловьева). По-другому говоря, наш мир, наша жизнь «не проходят бесследно» и любой факт биографии, или содержание личного опыта, собранные и обобщенные исследователем, обязательно станут объектом рефлексии и оценки со стороны другого мировоззрения и другой эпохи, другого опыта и культуры. Но может быть потому, что у каждого из нас есть своя «память тела», свой груз поступков и ответственности, мы способны уловить фальшь инверсионных подходов и оценок по отношению к вере и ее метаморфозам в истории.

Следует помнить, что в отличие от конфессиональных установок, существующих в институализированной форме устоявшихся богословских догматов и церковной практики, мало изменяющихся во времени в силу имманентного консерватизма религии, «бытовая», или повседневная религиозность, весьма динамична и человекоизмерима. В последние десятилетия мировое гуманитарное знание от массовости и статистики цифр перешло к исследованиям «живой» религиозности отдельной личности, субкультур, изучению индивидуального духовного опыта. Преимущества такого подхода давно известны науке и успешно используются в социологических, биографических, исторических работах; тем более их положительный результат явен тогда, когда речь идет о близком и родном – своей собственной культуре и мировоззрении. «Пишущей о своей культуре облада-

¹⁰ Пелевин В.О. Шлем ужаса: миф о Тесее и Минотавре. – М, Эксмо, 2010. – С.83.

¹¹ Коган В.З. Качество информации и мир инфологем // Проблемы инфовзаимодействия. – Новосибирск. 1993

¹² Оценка «по статусу и сану» – православная черта, уж очень уроденная партийному мышлению большинства идеологов.

ет тем, что не может быть дано наблюдателю со стороны: памятью тела – тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно благодаря памяти тела рождается ощущение подлинности воскрешенного прошлого, и мы испытываем радость, обретая действительность», – указывала современная исследовательница Н. Н. Козлова¹³.

II

Столь длинное вводное теоретическое рассуждение предваряет демонстрацию нескольких, найденных автором статьи в РГАСПИ¹⁴ уже не секретных исторических документов, позволивших представить небольшой «религиозный» фрагмент нашей советской истории нагляднее. Документы связаны с именами патриарха Сергия Старгородского и Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (в монашестве Луки), относятся к самому плодотворному периоду взаимоотношений церкви и государства – Великой Отечественной Войне. Эти два человека, с моей точки зрения, олицетворяют две грани веры, два типа личности и два вида служения в одной отдельно взятой атеистической стране. При всей разности этих личностей, вряд ли кто-то с легкостью сможет данные документы вместить в прокрустово ложе бинарности.

Несколько высказываний по теме: *Сергий Старгородский (1876-1944)* – патриарх Московский и всея Руси. «Жил в Москве Местоблюстителем давно уже пустовавшего патриаршего престола митрополит Сергий, старый человек, имевший от царского правительства орден св. Александра Невского. Преуспевающий чиновник дореволюционного Св. Синода, он в новое время прославился своими верноподданническими выступлениями, лживыми интервью, которые давал иностранным корреспондентам о положении в русской церкви. Принадлежали митрополиту Сергию, в частности, достопамятные слова: “Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз... сознается нами как удар, направленный на нас”»¹⁵.

«Симптоматично как раз то, что и митрополит Сергий в первом послании, и И. Сталин в речах от 3 июля и 7 ноября 1941 года, преодолев идеологический барьер, обратились к истинным истокам русского православно-исторического патриотизма, что и привело в конечном итоге к общей победе»¹⁶.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (Лука) (1877-1961). «Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) 1877г.р. с 1920г. профессор по оперативной хирургии, с 1916 – доктор медицинских наук. Имеет звание лауреата первой Сталинской премии за научный труд «Очерки гнойной хирургии». В духовном сане с 1921, а монашество и архиерейство принял в 1923году. Архиепископ Лука имеет трех сыновей, из них: один – профессор института им. академика Павлова, второй – Львовского медицинского института, третий – научный сотрудник Института академика Филатова. Архиепископ Лука известен Совету, как реакционер и большой фанатик, стремящийся к разжиганию религиозности. Карпов»¹⁷.

«...не погиб в лагере, но прошел через все круги ада; он не был оппозиционером, однако почти на всей его биографии лежала печать изгойства. Врач, писавший научные труды в тюремной камере, он не только дождался их публикации, но и получил за них

¹³ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – С. 18.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории образован по постановлению Правительства Российской Федерации в марте 1999 г. путем объединения Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Центра хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Оба объединившихся архива в свою очередь были созданы в 1991 и 1992 гг. на базе прекративших свою деятельность Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА) и Центрального архива ВЛКСМ (ЦА ВЛКСМ).

¹⁵ Поповский, указ. соч. – С. 353.

¹⁶ Шимон И.Я. Сталин сказал «Да»: Новая политика Советского государства в отношении церкви в период ВОВ// http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_sheemon_stal_yes/~ist_sheemon_stal_yes.htm

¹⁷ ЦК ВКП/б тов. Маленкову 19 февраля 1949г./РГАСПИ, Ф. 17 опись 132, ед.хр.109, 36л.

при Сталине Сталинскую премию¹⁸. При этом он одновременно был и хирургом, и священнослужителем Русской Православной Церкви, архиепископом...»¹⁹

Хочу познакомить читателей с несколькими документами, относящимися примерно к одному и тому же периоду времени. Первый – «секретный документ», посвященный празднованию юбилея патриарха Сергия, написанный председателем Совета по делам русской православной церкви при СНК Союза ССР Карповым Г.Г. от 27 января 1944г. на имя Молотова В.М.:

«24 января сего года был день рожденья патриарха Московского и всея Руси Сергия, которому исполнилось 77 лет.

В этот юбилейный день Сергием был дан обед на 23 человека, на котором его приветствовали представители московского духовенства и личные знакомые патриарха.

В тот же день, согласно Ваших указаний, Сергию был передан от Совета подарок общей стоимостью в 28 174 рубля.

Подарок состоял из следующих предметов:

а) золотые карманные часы, стоимостью в 14 500 рублей с золотой цепочкой стоимостью в 8 598 рублей;

б) 28 метров плюша зеленого на две рясы, 15 метров черного шолкового репса на рясу и материал на шесть пар нательного белья;

в) коньяк, шампанское, зернистая икра, фрукты.

Кроме того, дан заказ на изготовление 25 метров шолкового бархата зеленого цвета для патриаршей мантии.

Вечером того же дня я лично посетил патриарха Сергия, поздравил его с днем рожденья и вручил указанные выше золотые часы.

Сергий был весьма обрадован вниманием, выразил искреннее удовлетворение и просил меня передать Правительству его сердечную благодарность.

В последующей беседе Сергий, между прочим, высказал пожелание, чтобы на крышке часов была сделана надпись о подарке от Совета.

Мне известно, что последующие дни Сергий все еще находится под впечатлением полученного подарка и среди окружающих его лиц делает восторженные высказывания.

В соответствии с Вашими указаниями Совет по делам РПЦ при Совнаркомом Союза ССР намечает к церковному празднику – пасхе, который состоится 16 апреля сего года, сделать подарки митрополитам Алексею и Николаю – на 10 тысяч рублей каждому и восьми епископам, показавшим себя наиболее активными в патриотической деятельности – по 5 тысяч рублей каждому.

В это число предполагается включить: архиепископа Рязанского Алексея, архиепископа Куйбышевского Алексея, архиепископа Смоленского Василия, архиепископа Казанского Андрея, архиепископа Ярославского Иоанна, архиепископа Курского Питирима, архиепископа Ростовского Елевферия и управляющего делами Патриархии протоирея Н. Ф. Колчицкого.

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов Г.Г.»²⁰.

¹⁸ В 1944 году Войно-Ясенецкий получил Сталинскую премию в размере 200000 рублей – 130000 были перечислены на «помощь сиротам, жертвам фашистских извергов»//Поповский, указ. соч. – С. 386.

¹⁹ прт. Александр Мень. Предисловие// Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Hermitage Publishers, 1999. –С.3.

²⁰ РГАСПИ, Архив Молотова Вячеслава Михайловича, Ф. № 82, опись №2, Дело №498, л.21 (21 об). Забота о иерархах РПЦ началась сразу после знаменитой встречи в Кремле 4 сентября 1943г. «После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, сказал им: "Вот мне доложил т. Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартирка, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от Правительства". В ответ на вопрос т. Сталина митрополит Сергей сказал, что в качестве помещений для патриархии и для патриарха он просил бы принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины... Правительство вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив вам 3-этажный особняк в Чистом переулке, который занимался ранее бывшим немецким послом Шуленбург-

Второе письмо – копия письма арх. Луки патриарху Алексию I.
«Товарищу Маленкову Г.М.»

Направляю вам письмо архиепископа Тамбовского главе Московской епархии, представляющее весьма большой политический интерес. Автор письма архиепископ Тамбовский Лука /Войно-Ясенецкий/ доктор медицинских наук, работает главным хирургом в одном из эвакуационных госпиталей гор. Тамбова и хорошо известен Наркомздраву РСФСР.

В своем письме Войно-Ясенецкий выдвигает широкую программу активизации деятельности духовенства и непримиримой борьбы церковников против материализма. Письмо Войно-Ясенецкого показывает насколько далеко идут планы некоторых видных деятелей из духовенства. *Г. Александров, 2.08.1944.*

Копия 29.06.44. отв.1 УП.44.

Высокопреосвященнейший и дорогой Владыко²¹.

Не терпит душа и не могу молчать, видя, что творится в Церкви Божьей. О, какая страшная разруха, какой страшный голод духовный, какое множество некрещеных и лишнего христианского погребения, какая беспросветная религиозная тьма. Поскорее, поскорее надо нам, архипастырям, не покладая рук трудиться над восстановлением, лежащей в развалинах и пепле Церкви Российской, да покарает нас Господь, если не будем спешить. Страшно, страшно для меня, что мало будет помощников нам, что так оскудели делатели на ниве Христовой, ничему не научились за 27 лет страшной и великой революции, продолжают мечтать о митрах, набивать карманы и мешки деньгами, не радея о славе Божьей. Поскорее, поскорее прекратите, дорогой Владыко, награждение митрами.

Чтобы лечить больных, надо знать состояние всего организма их и с изучения его начинать лечение. Надо и нам понять религиозное состояние различных групп народа нашего, чтобы начать духовное врачевание.

1. Простой народ, крестьянский народ, тот, который прежде вереницами шел за тысячи верст в Киево-Печерскую и Троице-Сергиевскую лавры, в массе своей, несмотря на антирелигиозную пропаганду, остается тем же почти в религиозном отношении, как и до революции, но дичает в голоде духовном. Ему надо помочь экстренными мерами в деле восстановления богослужения, ибо оно важнее всего; поскорее надо приобщать его к великим таинствам христианским, без которых грозит маразм духовный. Медленно, нетерпимо медленно идет открытие церквей в селах, и надо ускорить его двумя мероприятиями:

гом. Но это здание советское, не немецкое, так что вы можете совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк мы вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в этом особняке, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас вам покажем план его"... Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, т. Сталин сказал митрополитам: "На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами вас по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение 2 – 3 легковые автомашины с горючим"» // Записка Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской православной церкви – Опубликовано: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1.Л.1 – 10. Подлинник.

О теплоте и любви не только власти по отношению к патриарху, но и Сергия к Иосифу Сталину говорит его постоянно употребляемое выражение: «богопоставленный Вождь». Приведем, цитату из письма к Иосифу Сталину митр. Алексия I (будущего патриарха) в день смерти патриарха Сергия: «А нам, его (Сергия – мое С.К.) ближайшим помощникам, известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам, как мудрому богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза. Это чувство проявлялось в нем с особой силой после личного его знакомства с Вами.... В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководствоваться теми же принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего патриарха: следование канонам и установлениям церковным, с одной стороны, и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами правительству нашему – с другой. Действуя в полном единении с Советом по делам РПЦ, я вместе с учрежденным покойным патриархом свщ. Синодом, буду гарантирован от ошибок и неверных шагов. Прошу Вас, глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с такой же доверенностью, с какой они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все отныне мною руководимые церковные работники»// Архив Молотова Ф.82, опись 2, 498, л. 24-25.

²¹ Патриарх Алексий I.

1) всемерно добиваться перед Правительством немедленного открытия тех многочисленных сельских церквей, которые сохранились неповрежденными, в которых есть и утварь церковная, и облачения, и книги, возле которых часто живут без дела священники, потому что заперты двери храма. – До сих пор такие церкви числятся подлежащими открытию только в общем порядке. Их должны открывать вне очереди.

2) Не следует добиваться восстановления и открытия более или менее сильно поврежденных церквей, или церквей, занятых мастерскими, которые трудно освободить. Вместо этого гораздо разумнее, проще и дешевле строить новые, деревянные церкви – обыденки (а не молитвенные дома, о которых часто ходатайствуют). В каждом селе найдется несколько нежилых изб, которые можно разобрать и построить из них избу с небольшим алтарем, одной главой с крестом. Вот и церковь – обыденка.

Надо возобновить перед Правительством ходатайство о разрешении постройки таких церквей во всем Союзе; надо поручить московским архитекторам выработать стандартные планы таких церквей и иконостасов, по возможности простых и дешевых.

В Москве и во всех епархиях надо поскорее организовать мастерские по изготовлению утвари и свечные заводы, иконописные мастерские и переписку важнейших церковных книг, не ожидая пока станет возможным напечатание их.

Нам следует взять пример с мусульман, у которых в каждом кишлаке и ауле непременно есть не одна, а несколько маленьких мечетей.

Предвижу возражение: где же взять столько священников, если построить много церквей-обыденок? Невозможное людям – возможно Богу. Возвещая горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Его, Господь говорит: «Соберу остаток стада Моего из всех стран, куда Я изгнал их, и возвращу их во дворы их, и будут плодиться и размножаться. И поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их, и они уже не будут бояться и пугаться, и не будут теряться, говорит Господь» (Иер. 23, 104).

А словами пророка Иезекииля (гл.34) Господь говорит еще решительнее: «Вот я сам отыщу овец Моих и осмотрю их. Я буду пасти овец Моих и покоить их, говорит Господь».

Не надо останавливаться перед трудностями, не надо лавировать и изобретать способы человеческие, чтобы обойти их. «Ищите же прежде Царствия Божьего и правды Его, и это все приложится вам. При глубокой вере в Бога все будет возможно нам, верующим, если всегда будем идти путем высшей правды. Авраам ответил сыну своему Исааку: «Бог усмотрит себе агнца для всесожжения, сын мой», ибо в самых отчаянных обстоятельствах не поколебалась вера его. Так и мы скажем сомневающимся: «Бог усмотрит пастырей Себе», найдет их там, где мы не ищем; не из окончивших семинарии и не редко не достойных священства, а в недрах народа Божьего, среди простых и чистых сердцем овец Христова стада; и наша задача будет в том, чтобы дать им минимум богослужебных, богословских и практических знаний, необходимых для священника. Такие священники – простецы будут даже во многих отношениях лучше священников-семинаристов, ибо они близки к народу, плоть от плоти его. Я знал священника из полуграмотных слесарей, проповеди которого казались мне сумбурными и мало понятными, но простой народ очень хорошо понимал его, высоко ценил и любил за истинно христианское горение духа. Мы теперь все же в гораздо лучшем положении, чем архиереи древней Руси, набравшие священнослужителей из неграмотных мужиков. Даже в недавнее от нас время св. Иосафа Белгородского культурный и нравственный уровень священников был так низок, что Святителю приходилось пороть их розгами и плетью.

Не дожидаясь открытия средних богословских школ, надо кликнуть клич в народе и находить достойных священства простецов, поручая образованным протоиереям и священникам вести индивидуальные занятия с ними по подготовке к священству. Ведь средние школы во всех епархиях откроются не скоро.

II. До крайности плачевно религиозное состояние советской молодежи. Она абсолютно невежественна в религиозном отношении, и ей надо было бы проповедовать Евангелие, как пермякам, мордве и черемисам. Это, однако, невозможно по советским законам и проповедь среди молодежи возможна двумя путями: богослужениями, которые, Слава Богу, уже привлекают много молодежи и религиозным воспитанием детей через родителей. Однако и родители в значительном большинстве весьма мало подготовлены к

этому, и им надо помочь внеслужебными беседами, на которых должны излагаться основы догматического и апологетического богословия и священная история ветхого и нового завета. Советское законодательство разрешает ознакомление с религиозным учением молодых людей, достигших 18 летнего возраста, и следовало бы поставить вопрос об открытии воскресных школ для них.

III. Особой заботы требует религиозное просвещение нашей интеллигенции. Широко распространившееся, но и прежде сильное, безбожие среди людей, более или менее причастных к современному научному знанию, нельзя считать явлением серьезным и сколько-нибудь глубоким. Феликс Данте в своей книге «Атеизм», которую можно назвать искренней исповедью атеиста, прямо говорит, что подлинный атеизм, который он сравнивает с дальтонизмом, безусловно, редок и даже может считаться духовной аномалией. О себе самом он говорит, что родился атеистом, и по складу своего ума отличается от огромного большинства людей, для которых естественна вера в Бога.

Широкое распространение безбожия в нашем народе и причастном к науке обществе объясняется двумя причинами. Данте справедливо настаивает на необходимости строго различать подлинный атеизм от антиклерикализма, как явление редкое от настроения очень распространенного. Все революции, по самому их существу, всегда сопровождалось огромным подъемом антиклерикализма. Это вполне понятно, т.к. Церковь считают главным врагом революции и это особенно ярко проявилось в нашей Великой революции. Гнев народа, разбившего цепи самодержавия, бурно обрушился на русскую Церковь, которая в большом числе своих представителей, действительно была опорой и пособницей самодержавия. Но настало уже время, когда более умные стали понимать, что «вместе с ванной выплеснули и младенца»²² и что нельзя отождествлять черносотенное духовенство с Господом Иисусом Христом, а «Русское знамя» и «Колокол» с Евангелием.

Безбожие русской дореволюционной интеллигенции всегда связывалось с нигилизмом и революционностью, и потому не удивительно, что революционный подъем антиклерикализма был встречен с радостью и очень содействовал широкому распространению антиклерикализма, смешиваемого с атеизмом.

Вторая причина распространения безбожия и отказа от религии в наших образованных и полубразованных кругах состоит в том, что скудомыслие и духовное убожество свойственно всякой толпе, все равно, образованной или темной, пожалуй, даже в гораздо большей степени полубразованной толпе, чем простым неученым людям, среди которых немало людей ясного ума и глубоких духовных запросов.

Широкая образованность и глубокое приобщение к науке, большая самостоятельная работа на научном поприще не только не уводит от Бога, а напротив, приводит к нему всех тех ученых, которым свойственны глубокие вопросы духа. Те самые великие открытия астрономии, которые полужнаек, людей толпы так легко побуждают к издевательству над религией, очень многих глубокомысленных астрономов приводят к трепетному благоговению перед Всемогуществом Творца. Изучение физики и химии, анатомии и физиологии у людей поверхностного мышления служит поводом к укоренению в механистическом и материалистическом воззрении, а у людей более глубокого духа рождает преклонение перед премудростью Создателя.

Но немногие способны прийти к Сократовскому «Я знаю только то, что ничего не знаю». Такие избранные глубоко сознают, что их незнание неизмеримо больше, чем малое научное знание, и никогда мера нашего знания не пройдет меры незнания просто в силу ограниченности нашей способности познания, нашей телесной и духовной ограниченности.

Люди интеллигентной толпы этого не понимают и с чрезвычайной легкостью принимают за непреложную истину «последнее слово науки», столь изменчивое и нередко противоречивое, и без критики, охотно подхватывают легкомысленные антирелигиозные выводы из такого «последнего слова». Поистине удивительна умственная и духовная ограниченность таких «безбожников», часто совершенно не знакомых с религиозными учениями, никогда не читавших Евангелия и тем не менее отвергающих его и издевающихся над ним. Помню пожилую врачиху, всегда старавшуюся импонировать своей куль-

²² Такой не точный оборот использован в письме.

турностью, которая на мой вопрос, что заменяет для нее религию, дала исключительный по глупости ответ: «врачебная этика».

Такие убогие интеллигенты безнадежны для истины. Но люди средние далеко не безнадежны и очень многие из них могут притти ко Христу, если им помочь. А помощь им крайне необходима, ибо легко верят в Бога только люди, обладающие детским простосердечием и чистотой; а для людей, головы которых затуманены наукой, вера – очень трудное дело, ибо она требует устранения множества противоречий и разрешения трудных вопросов.

Чем же может и должна помочь им Церковь?

Материализм очень силен – легко овладевает даже сильными умами, если они не склонны к познанию трансцендентального мира. Прямая критика его, научная и философская, встречает в нем трудно победимого противника и до сих пор мало успешна. Но у него есть Ахиллесова пята – его крайняя ограниченность; ибо материалисты заняты только видимым миром.

Чтобы избавить образованных людей от власти материализма, есть только одно средство: открыть перед ними безграничный мир трансцендентного.

За время нашей революции в Европе и Америке возникла новая наука, метапсихология, занимающаяся изучением тех проявлений человеческого духа, которые явно принадлежат к области трансцендентного, но официальной, материалистической наукой игнорируются или даже клеймятся именем суеверий. Крупнейшие ученые всех специальностей разрабатывают эту новую науку, в крупных центрах Европы и Америки создан ряд метапсихологических институтов, издается много журналов и написано много книг по метапсихологии. Две из них я имел возможность прочесть с большим интересом и пришел к заключению, что метапсихология может послужить важным средством освобождения умов нашей интеллигенции от пут материализма; ибо она вводит в мир трансцендентного, пользуясь строго научными методами и тем внушая доверие людям, преклоняющимися перед наукой – метапсихология, как мне кажется, послужит мостом между наукой и религией, и Церковь должна использовать эту новую науку, как средство для начального отрезвления безбожников по недомыслию.

Конечно, Церковь обладает более могучим средством, чем метапсихология, для раскрытия и проповеди истины в священном писании и в житиях святых; но и от вспомогательных средств мы не должны отказываться. За последнюю четверть века, несомненно, появилась в католических и протестантских странах большая, неведомая нам, богословская и религиозно-философская литература, доступа к которой нам следует всемерно добиваться. Организация высшего богословского института может очень помочь нам в этом деле, так как для плодотворной преподавательской и научной деятельности необходимо пополнение институтской библиотеки новейшей иностранной литературой, и вряд ли Правительство откажет в этом.

Иностранная литература будет необходима нам и для осуществления другой задачи, которую я считаю очень важной и неотложной, именно для создания новой апологетики, направленной, прежде всего против материалистического атеизма. Обширная антирелигиозная литература, отравившая своим ядом множество слабых и неустойчивых умов, не должна оставаться без нашей критики и ответа. Коллективным трудом христиан – ученых всех специальностей, объединенным компетентным архиерейским руководством, должна быть изучена и подвергнута критике вся антирелигиозная литература и создана новая, серьезная апологетика. Это большое дело займет не менее трех лет и к тому времени, отсутствующая теперь возможность издания богословских книг может открыться; наше дело не терять времени для осуществления этой важной задачи. Без критического разбора антирелигиозной литературы и без новой апологетики не только сельское духовенство, но и многие городские протоиереи не смогут отвечать на запросы нового времени, предъявляемые к религии.

Кроме обширной и серьезной апологетики, мало доступной сельскому духовенству, необходимо написать краткий критический обзор антирелигиозных нападок для руководства малообразованных священников.

Церковь жива и сильна кровью мучеников, страданиями исповедников, великими подвигами преподобных и ради их умножающейся благодатью Божьей. Жития святых,

конечно, неизмеримо сильнее книг и журналов по метапсихологии, и широкое распространение их в народе очень необходимо для обращения неверующих и колеблющихся.

Двенадцатитомные Четьи Минеи св. Дмитрия Ростовского мало кому доступны, а многочисленные краткие сборники страдают общим недостатком: то, что очень важно, изложено в них также кратко, как и менее важное. Кроме того, богатство легендарных сказаний многих, сколько-нибудь образованных людей отталкивает от чтения житий святых. Поэтому весьма необходимо издать новый сборник житий, в котором не повторялись бы очень многочисленные и однообразные биографии святых, особенно мучеников, а излагались бы только самые яркие и святые подвиги мучеников, и серьезно, подробно изложенные, биографии святых, изъясняющие путь спасения и руководящие к духовному деланию. Число житий в таком сборнике будет гораздо меньшим, чем в наших прежних Четьи Минеях, ставивших своей целью не оставить без упоминания ни одного святого; но, концентрируя, лишь самое ценное, можно избавить читателей от однообразия и скуки, и не утяжелить их объемом книги.

К большой работе по избранию и обработке важнейших житий надо приступать неотложно.

Как ни важна устная и печатная проповедь и пропаганда христианского вероучения, но все наши старания в этом отношении будут медью звенящей и кимвалом бряцающим, если личным примером глубокой веры и любви ко Христу, исполнением заповедей Его не будем утверждать проповедь нашу. А старые язвы духовенства и церковной жизни не излечены и страшными уроками революции. Общеизвестны важнейшие из них: корыстолюбие, небрежение в священнослужении, тщеславие и честолюбие, недостаток братолюбия. Важнейшим средством воздействия на таких худых священнослужителей всегда была архипастырская любовь к ним, великое тщание к исправлению кротким наставлением и личным примером святой жизни. Но и меры строгости, наказания и прощения необходимы и неизбежны, и плохи те архиереи, которые заботятся больше всех о том, чтобы жить в мире ос всем духовенством, не восстанавливать их против себя, и потворствуют им в их прегрешениях. Очень важным и неотложным делом считаю я немедленное прекращение награждения священников митрами, ибо это очень сильное и вредное средство к усилению тщеславия и честолюбия духовенства, препятствующее борьбе с этими тяжелыми пороками.

До крайности трудна борьба с очень тяжелым следствием общей церковной разрухи – всякими расколами и самочинием священнослужителей и монашествующих, не признающих патриаршей и архиерейской власти. И здесь на первое место должны мы поставить кроткое и любовное увещание и вразумление верующих народных масс и разъяснение им церковных канонов и их важности. Это должно быть делом, прежде всего, самих архиереев, неустанно проповедующих в городах и селах своих епархий о единении и взаимной любви, о единстве Церкви, о смирении и послушании.

Но большая твердость и непреклонность в отношении не подчиняющихся и вожakov церковного разделения, запрещение их в священнослужении, лишении сана и даже отлучении от Церкви совершенно необходимо для искоренения расколов и разъединения.

Примите, дорогой Владыко, с любовью и снисхождением это излияние наболевшего сердца моего и утешьте меня Вашими святыми молитвами.

Лука, Архиепископ Тамбовский,

15 июля 1944».²³

В этом письме каждое предложение может стать объектом серьезного анализа. Однако, есть поразительная общность двух диаметральных документов эпохи: между письмом арх. Луки и предложениями, обсуждаемыми на знаменитой встрече правительства с представителями высшего духовенства 4 сентября 1943г. На этой первой встрече с тремя митрополитами РПЦ все инициативы шли от «Богопоставленного вождя». Именно Иосиф Сталин предложил церкви некоторые узловые моменты программы религиозного реформирования страны, которые во многом совпали с программой арх. Луки. Многое было продумано им, а не будущими патриархами (Сергием и Алексием). «Вождь даже укорил митрополитов за узость планов, за отсутствие настоящего размаха. «Вам надо соз-

²³ РГАСПИ, Ф. 17, опись 125. Ед. хран. 235 (январь – декабрь 1944) Л.84-93.

дать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещалась, и все другие учреждения, необходимые такой крупной Патриархии, каковой является Патриархия Московская»²⁴. «Богопоставленный вождь» поднял вопрос о церковных кадрах, предложил организовать духовную академию, открыть церкви, срочно организовать издательскую деятельность, начать обмениваться изданиями с зарубежными церквями; в частности, по его настоянию в кратчайшие сроки был выпущен первый номер «Журнала Московской патриархии». Тогда был решен вопрос и о созыве Собора и избрании будущего патриарха (больше всего волновавший иерархов), и о Совете по делам РПЦ, под руководством Григория Григорьевича Карпова – руководителя того самого отдела НКВД, в котором все годы советской довоенной жизни арестовывали, ссылали и расстреливали церковников. «Встреча оставила у иерархов самые светлые воспоминания».²⁵

Программа, предложенная Сталиным, была грамотной и вполне объективной в реалистичной в организационно-управленческом плане, но в ней нет и не могло быть ничего касающегося сути веры или мировоззренческих перемен. Ни слова не было сказано об изменении идейной направленности общества, строящего атеистическое государство. В ее основании был лишь прагматический расчет и необходимость использования новый «идеологический» ресурс для укрепления морального духа народа, успешного решения политических проблем на международной арене, скорейшей победы в войне. При этом последовательность вождя была весьма наглядна: через 4 дня после достопамятного разговора состоялся Собор русских иерархов, и епископы избрали своего Патриарха. «Тот же собор избрал Священный Синод из шести человек. Членом Синода был избран и Архиепископ Красноярский Лука»²⁶. В сентябре 1943г. вышел первый номер «Журнала Московской патриархии»; 9 ноября 1943 г. было принято постановление об открытии Православного Богословского института в Москве (3-х годичного) и Богословско-пасторских двухгодичных курсов; начал издаваться церковный календарь и т.д. Никто из иерархов ни словом не обмолвился о борьбе с атеизмом или об укреплении веры, идущей изнутри человеческого духа.

Но нельзя не заметить, что эта встреча могла стать возможной, переломной точкой для истинно верующего сознания людей, но так ею и не стала. Всю свою жизнь Правительство занималось манипуляциями, создавая мифы, выдавая их за первичную реальность, в которую верили больше, чем в самих себя. Удивительно, как легко было купить и подкупить «митрами», «икрой» и пр. ценностями тех, кто должен был стать «личным примером глубокой веры и любви ко Христу, исполнением заповедей Его не будем утверждать проповедь нашу» (Лука). Может быть поэтому, идеи, высказанные вождем советского государства верхушке религиозных лидеров, так и не стали внутренним делом

²⁴ Поповский, указ. соч. – С. 374. К этой ссылке, которую сделал автор: «Так, по крайней мере, митрополит Алексей, впоследствии Патриарх, рассказывал близкому своему человеку Анатолию Васильевичу Ведерникову, а Ведерников после смерти Алексея автору этих строк», также следует отнестись осторожно. Из записки Г.Г. Карпова об этом событии становится ясно, что многие предложения шли все же от самих иерархов. Но ясно и другое, что по ключевым вопросам религиозного возрождения они «спасовали» и отказались от предложений, которые несомненно могли бы укрепить не только формальное развитие РПЦ, но и способствовать ее духовному развитию. Приведем несколько цитат, созвучных письму Луке: «Тов. Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно. Митрополит Сергей, а затем еще больше митрополит Алексей сказали, что для открытия духовной академии у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий – принимать в них лиц не моложе 18 лет они считают неподходящим по времени и прошлому опыту, зная, что, пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, т. к. получается большой отсев, и, может быть, в последующем, когда церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос, но и то организационная и программная сторона семинарий и академий должна быть резко видоизменена. Тов. Сталин сказал: "Ну, как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы, начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий"»// Записка Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской православной церкви – Опубликовано: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1.Л.1 – 10. Подлинник.

²⁵ Поповский, указ. соч. – С. 375.

²⁶ Поповский, указ. соч. – С. 376.

РПЦ и спровоцировали критическое и программное (яростно анти-атеистическое) письмо арх. Луки, который, отсидев десять лет в советских лагерях, всю свою жизнь служил людям и как хирург, и как пастырь.

Но отчего таким отчаянием наполнено письмо арх. Луки? Не оттого ли, что он прекрасно понимал разницу между институциональной верой, формальные признаки которой оказались налицо «через 27 лет советской власти» и верой живой и вдохновляющей, которой практически нельзя было найти в церкви, среди жаждущих митр, наград и ласк от властей любой масти. Трудно было найти эту веру в интеллигенции или среди молодежи, но она была живой и имманентной русскому народу и простцам, которые не потеряли ее за годы атеизма, о чем так ярко написано Лукой. В письме он предстает перед нами как глубокий аналитик, не только хорошо знающего духовную ситуацию в стране, но и осуществившего социологическую реконструкцию советского общества и предложившего программу по возрождению веры, которая только внешне совпадала с предложениями вождя. В основании его предложений явно просматривается возвращение к идее подлинной русской веры, живой и сохранившейся в народе, его простом и открытом сердце, способном восстановить существо православия с помощью честного пастырского слова, возвращения к традициям проповеди, исполнения таинств.

Вера в русский народ возвращает нас не только к исследованиям по этнографии и диалектологии начала XX века, учащих о диалогической и синкретической природе русского народного православия, но и к современным исследованиям²⁷, стоящих на этих же позициях. Подобно арх. Луке они понимают, что религиозное сознание или народную духовную культуру следует рассматривать не с точки зрения соответствия или несоответствия «религиозной институционализации» (клерикализма в терминологии Луки), возводимой в некий идейный абсолют-архетип, а как культурный образец диалогического подхода, исторической динамики²⁸ или мировоззренческих установок. Каноническое – официальное и неканоническое – народное – при таком подходе не противостоят или борются друг с другом, а постоянно взаимодействуют, переходят друг в друга, взаимно дополняют, развиваясь уже в новом качестве, и являются действенным примером живой²⁹ веры. Действительно, с одной стороны, на народные верования существенное влияние оказывает церковь, ее базовые установки и догматы. Но с другой стороны, во многих случаях – церковь сама изменяется под влиянием народных традиций и обрядов, довольно пластично соединяя свои обряды и праздники с народными. Как убедительно показано в монографии Филатовой В.Ф., зачастую диалогизм «не удается» и верования народа и официальной церкви оказываются в состоянии синкретического (смешанного) сосуществования, что, однако, также не следует рассматривать с этико-иерархических позиций – более «правильной» или «менее правильной» веры. «Синкретизм предполагает неосознанность, нерелефтируемость тех или иных составляющих культуры изнутри в ситуации тотального господства одной точки зрения, замкнутости культуры, отсутствия инокультурных текстов. (Имеется в виду отсутствие возможности носителям культуры высказывать свою точку зрения, поскольку даже самые замкнутые культуры так или иначе не лишены притекания текстов извне. Внешние тексты, конечно, могут игнорировать-

²⁷ Хотелось бы привести в качестве наглядного примера анкетные данные, собранные российскими учеными в ходе опросов населения в 60-е годы, после полета человека в космос: «Особое затруднение, касается верующих, когда принудишь их размышлять над вопросом, где находится бог. Некоторое время назад для них было ясно, что бог – создатель всего – сидит на тверди небесной за облаками. Как быть теперь, когда совершаются космические полеты. При ответах на вопрос о месте нахождения бога более выгодно находится третья и четвертая группа: «они отвечают, что космонавты не видели бога, потому что бог есть неосязательный, невидимый дух». Первые же две группы придерживаются взгляда, что бог-троица или бог – конкретное существо, вступают в прямое в непримиримое противоречие с научно-техническим прогрессом. Они, либо объявляют полеты космонавтов атеистическим обманом, не верят в их подлинность, либо пересаживают бога в места, еще космонавтам недоступные, говорят, что космонавты низко летали, поэтому бога не видали, бог на седьмом небе, а космонавты только вокруг земли крутятся; некоторые же прямо заявляют вопрос обиталища бога для них труден, говорят бог в воздухе, а где, право не знают// РГАСПИ фонд. 606 опись 4 ед. хр. 41 л.18.

²⁸ Филатова В.Ф. Магический дискурс. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2010 – 380с.

²⁹ Живой – значит присутствующий здесь и сейчас, развивающийся и образцовый. В этом смысле не важно является ли ее носителем народ или отдельный человек.

ся культурой, однако имплицитно они всегда подразумеваются ею). Этимологически неисконные, инокодовые элементы, уже имеющиеся в структуре культуры, в случае синкретизма не воспринимаются носителями культуры как чужеродные. Диалог, напротив, возможен только при условии открытости, толерантности культуры, возможности оценки её в целом и входящих в неё извне элементов носителями традиции»³⁰.

Данная позиция позволяет по-иному представить процесс развития религиозного сознания не только в народной вере, но и вере других слоев современного российского общества, по иному подойти к анализу мировоззрения религиозных личностей нашей истории. Способность к синкретизму или диалогизму отражает исторически обусловленный процесс, демонстрирующий, насколько нашей культуре дозволено было существовать как «открытой или закрытой» в собственной истории.

До окончания Великой Отечественной Войны оставался почти год и почти сорок лет до «победы православия» над атеизмом.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. -Париж, 1987 – 300 с.
2. Борзенков В.Г. Эпистемологические препятствия на пути научного познания человека // Человек. – №1.-2012. – С.5-24.
3. Коган В.З. Качество информации и мир инфологем // Проблемы инфовзаимодействия. Новосибирск. 1993 -320с.
4. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – 430 с.
5. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. – С. 219–253.
6. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. – 280 с.
7. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994. – 400 с.
8. Пелевин В.О. Шлем ужаса: миф о Тесее и Минотавре. М, Эксмо, 2010. – 225 с.
9. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Hermitage Publishers, 1999 – 600 с.
10. Филатова В.Ф. Магический дискурс. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2010 – 380с.
11. Шимон И.Я. Сталин сказал «Да»: Новая политика Советского государства в отношении церкви в период ВОВ// http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_sheemon_stal_yes/~ist_sheemon_stal_yes.htm

RELIGIOUS FAITH: FACTS AND COMMENTS

S.M. KLIMOVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: sklimova@bsu.edu.ru

The main task of this article is critical looking at our intellectual history. We want again to try to understand "Who are we?" and "Where are we going to?", overcoming ordinary ideological (value-based) constructs of post-Soviet humanities. The priority of empirical approach or the "reliance on the facts" remains the most important "criterium" for finding answers and understanding ideas and interpretations of history. The article shows the stability of the stereotype of the research – binary approach and the inversion of consciousness in the analysis of philosophical problems involving very general opposition, such as religious and atheistic world view and gives a critical attempt to rethink. The article discusses a number of archival documents that characterize well-known personalities in the war period of Soviet history, based on a dialectical approach, and syncretism method.

Key words: binary approach, inversion of values, archival documents, Orthodoxy, faith.

³⁰ Филатова В.Ф. Указ. соч., – С. 47.

УДК 130.2

СОВРЕМЕННОЕ МИФОСОЗНАНИЕ И СУБКУЛЬТУРНЫЕ РЕЛИГИИ**О.Н. РИМСКАЯ**
В.П. РИМСКИЙ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье современная социальная мифология рассматривается в качестве ментального механизма воспроизводства субкультур и субкультурных религий, трансформации психологии, сознания и поведения человека в превращенных (инновационных, поисковых) и извращенных (отчужденных, деструктивных) формах.

Ключевые слова: субкультурная религиозность, миф и религия, современная мифология, превращенные формы.

В предыдущих публикациях* мы помимо эпистемологических проблем рассматривали социокультурные контексты и факторы производства и воспроизводства субкультур и субкультурных религий в сложной динамике эпохи перехода к постиндустриализму, получившей применительно в культурологии номинацию «эпохи постмодерна». Однако сами «факторы» и «контексты» прямого отношения к феноменам сознания не имеют – сознание всегда существует не как некий «левиафан» («общественное сознание», «коллективные представления» и т.п.), а как сознание вполне конкретно-исторических людей, погруженных через повседневность собственной жизнедеятельности в эти самые «контексты», формируемые «факторами».

Человек всегда воспринимает свое непосредственное жизненное пространство, мир сквозь призму повседневности и повседневной деятельности, в которой собственно и формируются многие фетишизации, иллюзорные и превращенные, «объективно-мыслительные» формы (прямо по Марксу) сознания и самосознания человека. Собственно, они и определяют конкретный ментальный механизм жизнедеятельности человека, который при ближайшем рассмотрении оказывается специфической формой *современного мифологического сознания*.

Современная (социальная) мифология нами рассматривается в качестве коллективного (институализированного) и индивидуального ментального механизма воздействия на психологию, сознание и поведение человека, что определяет измененные формы самосознания и *децентрированной* личностной идентичности человека в субкультурных религиях*. При этом мы исходим из того, что не существует какого-то особого, субстанциального «мифологического» или «религиозного», как и «научного» сознания и самосознания, а есть лишь их конкретно-исторические формы, которые проявляются и закрепляются в специфических формах деятельности, в том числе и духовной, мыслительной, в продуктах этой деятельности, выраженных в знаково-символических системах как носителях специфических культурных кодов.

Мы в данной статье более интенсивно употребляем понятие «субкультурная религиозность». Оно в отличие от понятия «субкультурные религии» отражает *процессуальную сторону* существования субкультурных религий, *социокультурную динамику* современного религиозного плюрализма, в которой и происходит жизнедеятельность конкретного человека. Мы обосновываем точку зрения, заключающуюся в том, что современные субкультурные религии как формы сознания и жизнедеятельности являются

* См.: М.М. Белоусова, Римская О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3 (34). – Ростов-на-Дону, 2007. – С.35-40; Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252; Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 71-78; и др.

* Заметим, что этот феномен присущ вообще человеку наших дней – в субкультурных религиях децентрированность личности и самосознания как-то иерархизируется, пусть и в превращенных формах.

разновидностью современной мифологии как продукта техногенных культурно-цивилизационных систем. Это и вызывает эпистемологические парадоксы, когда их пытаются сравнивать с традиционными религиями, которые формировались в контексте доиндустриальных культур и цивилизаций, а в наших реалиях лишь трансформируются, адаптируются. При этом нами проводится последовательное различение мифологии (в том числе современной, социальной) и религии как культурных и ментальных форм.

Проблема соотношения мифа и религии – очень старая, чуть ли не из разряда «вечных» философских проблем. Проблема мифа и религии, как и конкретно-исторических форм мифосознания и мифологической ментальности, имеют и длительную историко-философскую традицию. Если даже не упоминать имена философских классиков (Гегеля и Шеллинга, романтиков и Ницше), то стоит помнить традиции теоретиков «мифологической школы» (А. Кун, К. Зимрок, М. Мюллер, А. Афанасьев, Ф. Буславев и др.) и культурно-антропологического эволюционизма (Э. Тейлор, Дж. Фрезер, Б. Малиновский, Ф. Боас, Л. Леви-Брюль и др.) XIX-XX вв. Их интересовали не только архаические формы мифа и его историческая эволюция в религиях, фольклоре, языке, искусстве и литературе. Уже в их работах ставился вопрос о «рациональных» и «нерациональных» элементах мифа, о его «живучести» даже в лучах «научного разума», о связи мифа с современными идеологическими конструктами. Далее проблематика развивается в философских, психологических, семиотических и культурно-антропологических концепциях ментальности, мифа и религии, современной мифологии Р. Барта и С.С.Аверинцева, М.Блока и М.М. Бахтина, Ф. Броделя и А.Я. Гуревича, Э.Кассирера и А.Ф.Лосева, Л. Леви-Брюля и О.М. Фрейденберга, К. Леви-Стросса и Ю.М.Лотмана, Ж. Ле Гоффа и Б.А. Успенского, М. Элиаде и Е.М. Мелетинского, К. Юнга и М.К. Петрова, Ф. Кликса и Вяч. Вс. Иванова, и др.

Поэтому удивляет наивность, с которой заявляют о проблеме соотношения мифологического и религиозного сознания, как о чуть ли не вновь открываемой некоторыми авторами¹. Это вообще характерно для нашего отечественного философского дискурса последних двух десятилетий, когда о той или иной проблеме пишут так, будто в советское время она не поднималась и не рассматривалась, а пишущие авторы считают зазорным заглянуть в статьи и книги советского периода и якобы начинают на пустом месте.

Но, так или иначе, различали миф и религию А.С. Богомолов, Ю.М. Бородай, П.С. Гуревич, А.В. Гулыга, В.Е.Давидович, Г.В. Драч, Ю. А. Жданов, М.С. Каган, Ф.Х. Кесиди, М.А.Лифшиц, Л.К. Науменко, Д.М. Угринович и многие другие философы советского периода. Одним из первых отечественных философов, вслед за Э. Кассирером вполне сознательно поставившим проблему соотношения религии и мифа, был А.Ф. Лосев. Но при постановке вопроса специфики мифа и религии А.Ф.Лосев, на наш взгляд, допускал определенные противоречия, давал взаимоисключающие характеристики: миф «не является каким-нибудь случайным и новым привеском первобытного мышления, но это есть необходимая идеология вообще всей общинно-родовой формации»; говорил о существовании в первобытности двух форм идеального: мифа и первобытного мышления, обнаруживал специфическую логику мифомышления², и т.д. А.Ф. Лосев разводил миф и первобытное мышление, так как отмечал, что это необходимо «исключительно ради различения мифологии и религии, поскольку всякий миф всегда есть некоторого рода конструктивный образ, религия же есть вера в сверхъестественное и совокупность магических и вообще практически-жизненных актов»³. С другой стороны, миф характеризовался им как оригинальное сознание, которое не знает веры (и не вера, и не знание), отличное и от магии, и от обряда в тех их формах, которые присущи зрелым стадиям культуры⁴. Такой подход в какой-то мере запутывал *проблему универсальной значимости мифологии и религии в истории культуры*. Но не упоминать эти классические работы А.Ф. Лосева в работах по проблеме соотношения мифа и религии – просто не прилично.

¹ См.: Субботин Д.В. К проблеме взаимоотношений религиозного и мифологического сознаний // Религиоведение. – 2007. – №3. – С. 110-117.

² См.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.

³ Там же. – С. 591.

⁴ См.: Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т.3. – М., 1964. – С. 457-467.

В качестве основной специфической функции мифа признавали интегративно-регулирующую (социально-практическую) ростовские ученые, которые отмечали, что религия является более поздним по времени, чем мифология, формообразованием сознания, возникает в условиях разложения первобытного общества и выполняет регулятивные функции в новых социально-исторических условиях⁵. При этом миф понимался не просто как первичная форма сознания и ментальности, но и как *универсальная, онтологическая форма*, определяющая бытие человека и в филогенезе, и в онтогенезе.

Именно такой подход позволил нам в свое время выстроить логически и методологически обоснованную версию генезиса и эволюции основных типов религиозных форм и систем, исходя из специфического понимания мифа в отличие от религии. Мы отмечали, что в условиях усложнения социального бытия человека в первичных цивилизациях, заканчивается генезис религии в формах мифологии, ее доинституциональный период и начинается институциональный, существование религии в особой форме сознания. Именно «народные религии» первых цивилизаций явились продуктом духовной деятельности жрецов, особого социокультурного института. Словесный текст, песнопение, заговор, молитва, а особенно ритуал как элементы архаического мифа, исходной формы идеального в условиях первобытности, переосмысливались и догматизировались. Старые социально-психологические механизмы (подражание и речевое внушение) получили новое подкрепление: *письменность*, инструмент не только контрсуггестии, но и контр-контрсуггестии (Б.Ф. Поршнев), который помогал жречеству кодифицировать мифологию, создавая различные *эзотерические* культы и своды *тайного знания*. Человечеству предстояло пройти долгий путь познания истины в первичных философских системах, испытать соблазны роскоши и безумства в греко-римской цивилизации, чтобы сам Бог снизошел к грешным людям в человеческом облике простого Учителя, и возникла открытая духовная система новой, монотеистической религии⁶. Возвращаясь к работам последних лет, можно только заменить, что все новое – хорошо забытое старое... Это же относится и к проблеме «новой религиозности» в целом, так как именно различие мифа и религии позволяет взглянуть на генезис субкультурных религий прошлого века в более глубокой онтологической и исторической перспективе.

Особенно надо подчеркнуть, что почти все выше названные авторы фактически развивали идею *онтологичности мифа* как формы и структуры сознания, коллективного и индивидуального, как универсального механизма ментальности и самосознания человека на всех стадиях его существования и развития. Исследования велись и в пространстве проблематики «современной мифологии». Например, еще Кассирер писал о рациональной и универсальной природе мифа (в том числе и политического), Леви-Брюль отмечал прелогизм мифомышления, его противоположность логике современного европейца.

Именно в этом тоталитарном контексте начала прошлого века теоретикам открылась не только парадоксальная, но и универсальная природа мифа и религии. Миф укоренен в самой природе человека и социума. Формируясь в глубинах доистории, он закрепляется не только в первичных и вечных знаково-символических системах, но и в архетипах человеческой психики. Мифосознание никогда не оставляет человека в его бытии, ежечасно и ежеминутно проявляясь в снах, фантазиях, повседневных реакциях и ощущениях, автоматизмах поведения, чувствах, жестах. Детская фантазия – от сказок до «страшилок» – пронизана мифом как причудливым узором. Подросток проходит полосу мифопоэтического героизма, когда ночной поход за соседскими яблоками кажется столь же достойным, как и плавание аргонатов за золотым руном. Не здесь ли лежит исток умелого использования тоталитаризмом детской и юношеской психики при создании раз-

⁵ Лосева И.Н. Мифология и религия // Вопросы научного атеизма. Вып. 30.-М., 1982. – С. 46-60; Лосева И.Н. Различение мифологии и религии как форм общественного сознания // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. Науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 46-51; Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60; Римский В.П. Проблема соотношения мифа и религии: методологический анализ. Дисс... к. филос.наук. – Ростов н/ Д, 1985; Римский В. П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003, и др.

⁶ См.: Римский В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003. – С. 158-159.

личного рода унифицирующих форм коллективности, тоталитарных организаций типа гитлерюгенд или пионерия, комсомол? Можно продолжить и показать, что фило- и онтогенез человеческого духа удивительно изоморфны, обладают соответствием как в творческих, так и в разрушительных проявлениях мифа и религии. Миф и религия оказываются вечными спутниками человеческого духа и формами бытия человека. И в силу уже одного этого обстоятельства постоянно актуализируются в различных культурно-исторических и экзистенциальных ситуациях⁷. Но если миф – вечная «субстанция» ментальности человека, то имеет ли смысл говорить о «современном» мифе?

Если да, то что же тогда понимать под современной мифологией? Почему она имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к появлению и существованию новой, субкультурной религиозности в эпоху модерна и постмодерна?

Мы понимаем под «современной мифологией» мировоззренческие и ментальные структуры общественного и индивидуального сознания, направленные на образно-символическую (бессознательную) интерпретацию и теоретико-идеологическую рационализацию экономических, социально-политических и культурных форм, социальных институтов, властных практик, общностей и групп индустриальных и постиндустриальных культурно-цивилизационных систем с целью их легитимации. Система современной мифологии позволяет, в частности, общественным и властным группам эффективно «управлять» человеком через механизмы иллюзии и рационализации, убеждения и суггестии, сублимации и объяснения, а индивиду сохранять идентичность и жизненный, онтологический смысл.

И здесь, в этой методологической схеме нет места неким «сознательным программированиям», «зомбированием» и т.п., когда антикультулисты и антисектанты пытаются описывать солидарность и мифологические верования в группах субкультурных религий. Мы постараемся обходиться без этой «негативной эпистемологии».

Современная социальная мифология возникла в расколе Реформации, в динамике становления классического капитализма и идеологического проекта модерна. Интересен и тот факт, что генезис социальной мифологии совпадает с формированием современного религиозного плюрализма, конфигурации которого составляли не только христианские религиозные культуры (православие, католицизм и протестантизм), но и субкультурные религиозные формы, часто не совпадающие с христианством, противостоящие ему, восходящие часто к более «древним» традициям (гностицизму, пантеизму, дуализму и политеизму) или абсолютно новые (например, оккультизм и масонство).

Культурно-цивилизационный, системный разлом и «тектонический сдвиг» в эпоху Реформации, в который и хлынули «сектантские» мифологические архетипы как «традиции всех мертвых поколений» (К. Маркс), не закончился в эпоху Просвещения или в либеральном XIX веке. Не произошло и того, что религия «ушла в прошлое» в лучах «просвещения» и «научного прогресса» (а тем более в «торжестве коммунизма»). Многие ученые с тревогой говорили, что в век секуляризации и сциентизма, во времена утраты «религиозной тайны», когда с человека была сорвана «символическая телесность», человек утратил иррациональные, онтологические начала своего бытия, которые были воплощены в традиционных религиозных верованиях. Однако, это далеко не так. Свято место пусто не бывает...

И дело не только в появлении многообразных антихристианских или парохристианских субкультурных общин, начиная с XVII по XIX век. С самого начала новая, научно-технологическая цивилизация обнаружила мощный потенциал мифотворчества. Что же это были за мифы? В чем специфика «современной мифологии»?

Мифы современности оказываются непохожими на все, что мы встречали в традиционных религиозно-мифологических системах. Новая эпоха использовала теперь не столько мифологические образы и символы в чистом виде, сколько их превращенные, *рационально-понятийные, псевдонаучные формы*. Миф маскировался в глубине этих наукообразных рационализмов (идеологем), но на уровне обыденности и индивидуальной ментальности порождал все те товарно-фетишистские *химеры*, о которых столь талантливо писал Маркс. Дело усложнялось и тем, что индустриальная цивилизация поко-

⁷ См.: Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. – Белгород, 1998.

ится на фундаменте *инновационных технологий*, инновации постоянно задают не только экономическую и социокультурную динамику, но и мыслительно-идеологическую.

Новое становится самоназванием эпохи: «Новое время», «современность», «Модерн». Если в предыдущие эпохи основным вектором темпорального восприятия мира оставалось «прошлое», «традиция» (даже в христианском сознании с его эсхатологическим ожиданием «будущего»), то в эту эпоху время человеческого и социального бытия определяют инновации, постоянная погоня за «утраченным временем», погоня за «будущим». Но не за тем Будущим, которое помещается в горизонте грядущего Второго Пришествия Христа и Страшного Суда, а за «простым будущим», которое *уже времени*, прямо по Хайдеггеру, определяя в горизонте моей личной смерти и мою личную повседневность «простого человека» – «здесь и сейчас».

Для академических историков концепты «современности-модерна» (или «нового времени») обладают какой-то априорной самоочевидностью, так что мы не нашли сугубо исторических работ, в которых хотя бы ставились вопросы их идентификации. Идеологическая ангажированность концептов «современности» и «Нового времени» западно-буржуазной культурой неочевидна и для историков-марксистов, и для историков-либералов. Но последнее и понятно – именно для них органичны и концепты рационализма, научности и прогресса, и мифологемы «нового времени» и «современности-модерна».

Все это объясняет роль философии и социально-гуманитарных наук того времени, которые способствовали тому, что *рационально-научная аргументация*, начиная с науки и философии XVII века, служила перекодировке *сакральных текстов* христианской мифологии в *светские тексты* современной мифологии⁸. При этом, как отмечал М.К.Петров, всегда следует помнить, что наука и научно-логический текст не избавляют человеческое сознание от действия мифологизирующей силы бессознательного⁹. Можно утверждать, что классические – либеральный, социалистический и консервативный – политико-идеологические проекты вряд ли следует относить к различным типам мифотворчества. Это *формы одного культурно-исторического типа – мифологии модерна*. Она и возникла в «новое время» на почве *индустриальной цивилизации*.

Современная мифология начинает функционировать в виде *нарративного дискурса* и *наррадигмальных «мыслеобразов»*, которые ранее принадлежали другим культурным формам (философии, искусству, религии), а теперь, переплавленные в горниле массовой культуры, обрели свою мифологическую образную и знаково-символическую телесность. В.А.Шкуратов так определяет понятие «наррадигмы»: «С помощью слова «наррадигма» я пытаюсь определить тип мышления, который скрывается между художественным выражением, окутанным образами, и сциентистской речью, пропадающей в формализмах... Наррадигма дает образец превращения грамматической структуры в мыслеобраз. Концептуальная мысль внедрена в этой сердцевине языка своей понятийностью, чуть-чуть недоформализованной»¹⁰. Нарративность и «наррадигмальность» современного мифа – какой-то кентавр, сплав рационального и образного, рационального и иррационального, естественного и сверхъестественного, научного и паранаучного, обыденного и праздничного, и т.п.

Современный миф содержит в себе наррадигмально, образно-логически выраженные оценки прошлого и нормы (схемы) планирования будущего *по критериям настоящего* («здесь и сейчас»). Наррадигмальный социокод и дискурс становятся универсальными именно в современном обществе, а *наррадигмальность* – *существенной ха-*

⁸ См.: Ковальчук О.В., Римский В.П. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23; Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып. 5. – №12 (52). – Белгород, 2008. – С. 110-116.

⁹ См.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону, 1992; Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996; Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. – М., 1995.

¹⁰ Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997. – С. 174, 175.

рактической характеристикой массовой культуры и ментальности, специфическим дискурсом мифологии модерна.

В этих сложных социокультурных и ментальных процессах и происходил слом «традиционной» христианской культуры, что приводило к эффекту «соскальзывания» системы в «прошлое», вызывало к жизни не только и не столько ранние христианские, сколько *дохристианские* (языческие) и *антихристианские* (гностицистские, атеистические) мифы и ритуалы, которые уже в XIX веке под воздействием *псевдорациональных концептов* социальной мифологии модерна трансформировались в «новые» субкультурные религии. При этом очевидно, что отказ от христианского «рационализма» или «иррационализма», из которых и вырастают во многом и современная экспериментальная наука, и капиталистическая экономика, означал не столько духовную *«секуляризацию»* (в чистом виде секуляризация выражалась лишь в отнятии церковной собственности и перераспределении политической власти в пользу государства и новой торгово-промышленной элиты), сколько *возврат к дохристианским мифологическим формам сакрализации и легитимации архаической действительности*. Это была реакция на социокультурную модернизацию (первичную в Англии, вторичную – во всех других странах, включая США с их остатками рабовладения). Это во многом и объясняет, почему в Европе и России расцветают оккультизм, появляется теософия Е.П. Блаватской, возникают «новые» харизматические религиозные общины типа иеговистов, мормонов, духоборов и толстовцев, феномен богоискательства в духе «нового религиозного сознания» (последователи В.С. Соловьева) или «русского космизма» с абсурдными мифологическими проектами «общего дела» Н.Ф. Федорова, последователи которого уже развернулись лишь в постсоветские времена, и т.п.

В этой ситуации мифологические (и религиозные) архетипы превращаются из «естественного языка» и социокода традиционных культур в идеально-символическое инобытие различных дифференцированных культурных форм, мифология становится «искусственным языком», порой доминирующим по отношению ко всем *языкам культуры*, регулируя глубинные смысло-жизненные и ценностные установки человека, что становится реальным на технологическом базисе *средств массовой коммуникации и информации*. Мифы уходят из онтологических оснований жизнедеятельности общества и индивида по преимуществу в сферу коммуникаций и ментальности, регулируя ценностные установки субъектов на интерсубъективном уровне в формах массового сознания и культуры.

К началу XX века появляются новые субъекты власти (олигархические элиты в странах либерализма и номенклатура в тоталитарных государствах) и субъекты культурного действия (массовые интеллектуальные профессии), рождается феномен *массовой культуры*, что и становится реальной основой воспроизводства *неклассической мифологии модерна*. В мифологическом пространстве массовой культуры разворачивается *тоталитарная мифология*, она дополняется умеренной социал-демократической (*мифы общества «потребления»*), распространяются *феминистские, экологические, паранатурные мифы, нетрадиционная религиозность и оккультизм*, а затем и *мифология молодежной контркультуры*, которая отрицает современность и стимулирует рождение *постмодернистской мифологии*. К середине XX века под воздействием социокультурной динамики слома индустриальной цивилизации мифология модерна вобрала в себя многие традиционные религиозно-мифологические архетипы, которые претерпели существенную *перекодировку* – прежде всего в форме псевдонаучных дискурсов и рационализаций, что и послужило почвой появления новых, мифологизированных субкультурных религий.

Социальная мифология на нынешнем рубеже столетий представляет сложноорганизованную, динамичную систему субкультурных формообразований и контркультурных процессов, связанных с трансформацией индустриальных обществ в ее постиндустриальные и постмодернистские ипостаси. Все это служит сложным контекстом не только для оживления самых архаичных форм мифологического и религиозного сознания, но и их трансформаций в некие «современные» синкретичные и превращенные духовные и культурно-идеологические формы, в том числе и в субкультурные религии. На почве массовой культуры современная мифология, стихийно, естественно рождающаяся или ис-

кусственно создаваемая в обществе потребления, формирует специфические превращенные формы религиозности. Современная мифология, в том числе и субкультурная религиозность, оказывается вполне «естественным языком» самой повседневности человека. Можно говорить о новом культурном цикле, когда человечество демонстрирует потребность в экзистенциальной актуализации мифологического сознания.

Все это служит культурно-историческим и цивилизационным базисом не только для оживления самых архаичных форм мифологического и религиозного сознания, но и их трансформаций в некие «современные» синкретичные и превращенные духовные и культурно-идеологические формы, каковыми и являются субкультурные религии, которые иногда называют «молодежными»¹¹.

Мифосознание оказывается важнейшим феноменом современности не только в силу «атавистического» или архетипического наследования от предшествующих традиционных культур. Миф не есть просто «атавизм» в сложной системе современного сознания, умело используемый идеологами в своих корыстных «классовых» интересах. Миф – уникальный и универсальный феномен человеческой культуры, форма личностного и коллективного бытия. И в силу уже одного этого обстоятельства постоянно актуализируется в различных культурно-исторических и экзистенциальных ситуациях.

Исходя из выше изложенного, под «**субкультурными религиями**» нами понимаются *сакрально-мифологические системы верований и ритуальных практик отдельных социальных групп*, институционализированные и неинституционализированные, образующие *ценностные локальные миры*, противостоящие базовой – «большой», «взрослой», «материнской» – культуре («христианской», «мусульманской», «социалистической», «либеральной», и т.п.); индивидуальные и коллективные *стереотипы поведения и способы деятельности*, воплощенные в специфических *знаково-символических* формах, *социокодах*, *формах сознания* и структурах *личностной идентичности*. С этим связана подсистема стилей и стилового поведения, отличающая образ жизни той или иной религиозной субкультуры; групповые формы религиозно-общинной жизни, культурные и жизненные стандарты как специфические продукты неинституционализованного (маргинального, «теневого» и т.п.) духовного производства и неофициальной массовой культуры.

В этом плане религиозные субкультуры оказываются не только структурными формообразованиями на окраинах или на поверхности «больших культур», имеющими внешние стилевые и знаково-символические маркеры, скрывающие «аксиологическое ядро солидарностей», но и творческими способами деятельности по экспериментальному производству инновационных образцов жизнедеятельности, ценностных норм поведения и личностной идентификации, проходящих проверку в сложной социокультурной динамике современного мира.

Список литературы

1. Белоусова М.М., Римская О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3 (34). – Ростов-на-Дону, 2007. – С.35-40;
2. Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып. 5. – №12 (52). – Белгород, 2008. – С. 110-116;
3. Ковальчук О.В., Римский В.П. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23;
4. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.
5. Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т.3. – М., 1964. – С. 457-467.
6. Лосева И.Н. Мифология и религия // Вопросы научного атеизма. Вып. 30.-М., 1982. – С. 46-60;

¹¹ Подробнее см.: М.М. Белоусова, Римская О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3 (34). – Ростов-на-Дону, 2007. – С.35-40; Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252.

7. Лосева И.Н. Различение мифологии и религии как форм общественного сознания // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. Науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 46-51;
8. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. – М., 1995;
9. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996;
10. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону, 1992;
11. Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252;
12. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 71-78;
13. Римский В. П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003;
14. Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60;
15. Римский В.П. Проблема соотношения мифа и религии: методологический анализ. Дисс... к. филос.наук. – Ростов н/ Д, 1985;
16. Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. – Белгород, 1998;
17. Субботин Д.В. К проблеме взаимоотношений религиозного и мифологического сознания // Религиоведение. – 2007. – №3. – С. 110-117;
18. Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997.

MODERN MYTHICAL CONSCIOUSNESS AND SUBCULTURAL RELIGIONS

O. N. RIMSKAYA
V.P. RIMSKIY

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The article observes contemporary social mythology as a mental mechanism of reproduction of subcultures and subcultural religions, of transformation of psychology, consciousness and behaviour of individuals in transformed (innovative, retrieval) and perverted (alienated, destructive) forms.

Key words: subcultural religiosity, myth and religion, contemporary mythology, transformed forms.

УДК 31.01:26(075.8)

О СЕМИОТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ МАГИИ

В.Ф. ФИЛАТОВА*Борисоглебский
государственный
педагогический институт**e-mail:filatova46@hotmail.com*

В статье представлен этнолингвосемиотический подход к описанию магии и магической лексики, а также рассмотрена одна из составляющих семиотического анализа магии – семиосфера, первичная и самая крупная единица избранного аспекта семиотического описания. Выявлены характерные черты обрядовой магической семиосферы. Обозначенные в ней проблемы имеют интегративный культурологический и этнолингвистический характер.

Ключевые слова: магия, обряд, этнолингвосемиотическое описание, обрядовая семиосфера, магическая семиосфера.

Публикуемая работа посвящается памяти профессора Бориса Осиповича Кормана, чьи лекции по истории русской литературы XIX века и творчеству А.А. Фета и Ф.И. Тютчева мне посчастливилось слушать, в семинарах которого пришлось участвовать в незабываемые годы моего студенчества в Борисоглебском пединституте (во второй половине 60-десятых годов XX века). Книги Учителя читаются мною и в настоящее время, хотя мои научные интересы, на первый взгляд, не связаны с литературоведением. Однако работы Бориса Осиповича не просто литературоведческие, они филологические и гуманитарные в лучшем смысле этого слова. Проблема автора, детально разработанная в его трудах и связанная с традицией целостного анализа художественного произведения, имеет широкое методологическое и мировоззренческое значение, выходящее за рамки литературоведения. Теория Б.О. Кормана учит любое явление рассматривать как единое целое, во взаимосвязи, а отдельные элементы его как необходимые составляющие, дающие возможность понять это целое. Такой подход, кроме всего прочего, воспитывает истинный демократизм, наглядно демонстрируя важность любой самой маленькой песчинки в составе целого, как бы ни было велико мироздание целого. Читатель, несомненно, почувствует влияние школы Б.О. Кормана на наш подход к описанию диалектного и культурологического материала.

Магические обряды и магическая лексика рассматриваются нами как семиотические (знаковые) образования, поэтому для описания магии используется семиотический подход.

Семиотические дескрипции выполняются, как правило, в русле двух научных традиций. Первая, основоположниками которой являются Ч.У. Моррис и Ч.С. Пирс, первоэлементом семиотического описания считает знак¹. Вторая, отправляющаяся от теории Фердинанда де Соссюра и тезисов Пражской лингвистической школы, в качестве первоэлемента семиотического анализа полагает отдельный коммуникативный акт.

Наше семиотическое описание ориентировано на подход, обоснованный Ю.М. Лотманом в его трудах по семиотике и типологии культуры, где в качестве первичного элемента исследования принята «большая система» – семиосфера, которая определяется учёным как семиотическое пространство, рассматриваемое в качестве живого механизма, «<...> вне которого невозможно само существование семиозиса», знакообразования². Для семиосферы, по Ю.М. Лотману, характерны следующие признаки: 1) ограниченность её от окружающего внесемиотического или иносемиотического пространства, обусловленная семиотической однородностью и индивидуальностью; 2) семиотическая неравномерность, связанная с наличием в семиосфере ядерных и периферийных структур. Семиосфера представляет собой семиотический универсум, включающий совокуп-

¹ Семиотика / Составитель Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – С. 37 – 89.

² Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александрия, 1982. Т. I. – С 15.

ность различных текстов, не замкнутых по отношению друг к другу, а составляющих единый механизм³.

Что касается обрядов, то они образуют довольно жёстко организованную систему взаимосвязанных элементов, функционирующих внутри заданного семиотического пространства, обрядовой семиосферы. Вместе с тем семиотическое пространство обряда не является замкнутым, независимым и отъединённым от других семиотических систем универсумом. Обрядовая знаковая система тесно соприкасается с общезыковой знаковой системой, с текстами вторичной моделирующей системы (мифологией, этикетом, народным эпосом, народной лирикой и т.п.). Смыслы, содержащиеся в них, перетекают из одной сферы в другую, из одного жанра в другой, дополняя, обогащая друг друга и образуя единое смысловое поле.

Семиотический анализ мы начинаем с рассмотрения обрядовой и магической (как частной системы обрядовой) семиосфер, адекватно отражающих обрядовый и магический контекст. Далее характеризуются обрядовая и речевая ситуации, порождающие вербальные и невербальные магические знаки, выявляется типология магических ситуаций, описывается формальная и функциональная структура и формула магического обряда и, наконец, знак в единстве формальной и семантической сторон. В качестве знака рассматриваются как большие образования, различного рода композиционные формы, так и минимальные – магическое слово, магический предмет и другие. В данной статье мы сосредоточимся на характеристике обрядовой магической семиосферы.

Обрядовая семиосфера в самом общем виде может быть представлена признаками, которые мы охарактеризуем ниже.

В обрядовое семиотическое пространство включается природа, обнаруживающая с точки зрения крестьянского менталитета черты живого организма, способного вступать с человеком в семиотические отношения: генерировать сообщения, быть их адресантом (адресант приметы, гадания), а также принимать посылаемые человеком тексты, быть их адресатом (адресат заговора). Природа и человек в рамках данной семиосферы оказываются способными обмениваться информацией. В этом аспекте заговор (называемый в воронежской традиции *молтвой*) есть не что иное, как текст, адресованный стихийным природным силам – реке, месяцу, антропоморфизированной или зооморфизированной болезни и т.п.

[матушка белая рика/ ты ид'ош с-востока на-запат/ ты абмываиш фсе карен'йь/ фсе камен'йь// абмой наш'й каровушк' ряб'й/ красн'й <...> ф'се бalez'ни//]. (Во время произнесения заговора целительница набирает воду в реке, на берегу которой стоит её дом. Далее она льёт рукой воду из ведра на корову от головы до крестца, повторяя заговор).

с. Новая Чигла, Таловский р-н, Зотова А.А., 1904 г.р., неграмот., 1992 г.

[заря-зарица/ красная дявица/ ваз'ми свой крик/ палуношный/ палуд'онный/ д'нявной/ п'лд'нявной/ у-младенчика ивана// кур хахлатый/ кур махнатый/ ваз'ми свой крик/ палуношный/ палуд'онный/ д'нявной/ п'лд'нявной из-младен'чика ивана//]

с. Третьяки, Борисоглебский р-н, Телешева М.А., 1919 г.р., начальн. образ-е, 1992 г.

[зимля любит трут// када р'з'уавариваиш с-растен'йими/ ани быстрее растут//]

пгт Грибановский, Грибановский р-н, Жижелева Н.М., 1929 г.р., средн. образ-е, 1999 г.

Адресаты заговоров, заклинательных формул (о жанровой дифференциации заговорно-заклинательной поэзии см. [Харитонова]⁴) в рамках народной духовной культуры имеют чёткую аксиологическую характеристику и реализуют оппозицию добро/зло. Коммуникативные модели заговоров в связи с этим строго предписаны традицией в зависимости от принадлежности адресата к одному или другому члену оппозиции. Просьбы, заклинания, благопожелания, с одной стороны; заклятия, запреты не только на какие бы то ни было контакты с силами, несущими зло, но и на произнесение имён этих сил, с другой стороны. Например:

[каво д'мавой зав'от па-имени/ ни-аткликатц'ь/ а то з'балеиш//]

³ Лотман Ю.М. Указ соч.

⁴ Харитонова В.И. Заговорно-заклинательная поэзия восточных славян / В.И. Харитонова. – Львов, 1992.

с. Новая Чигла, Таловский р-н, Найдёнова А.Н., 1903 г.р., неграмот., 1992 г.

Повсеместно в бытовой практике крестьян Воронежской области запрещено произносить слово чёрт («накликать чёрта можно», «ангел отлетает на двадцать четыре часа»), в закликательных паремиях оно заменяется словами шут, шутик, тот, тур.

[шутик/ шутик/ пьиурай и аддай//] (произносится в том случае, если долго не могут найти какую-либо вещь).

[тот тебе зъбьяри//] (вместо: чёрт тебя забори!)

с. Третьяки, Борисоглебский р-н, Телупова М.А., 1919 г.р., начальн. образ-е, 1992 г.

[тур яво знает'//] (вместо: чёрт его знает!)

с. Третьяки, Борисоглебский р-н, Мезенцева У. А., 1908 г.р., неграмот., 1992 г.

В магическое семиотическое пространство включаются даже предметы, имманентным свойством которых являются признаки 'мёртвый', 'молчащий', могила, например. В Борисоглебске нам пришлось услышать о потерянной могиле монахини Марии (слывшей святой, от прикосновения к могиле которой люди исцелялись), умершей в начале XX века и погребённой на городском кладбище, снесённом в конце этого же века. Могила монахини располагалась у восточной стены и сохранилась вместе с другими. Однако кресты были повалены, и невозможно было определить, кому принадлежала та или иная могила. М.А. Телупова, 1919 г.р., родом из села Третьяки, посоветовала ищущим могилу прочитать около них молитву «Отче наш» – и могила, уверяла она, отзовется. На вопрос о том, каким образом отзовется, она ответила, что «об этом знает только Бог, но отзовется обязательно».

Таким образом, с позиции традиционной народной духовной культуры, пронизанной мифологическими (магическими, аниматическими, анимистическими) представлениями, данные адресанты/адресаты – реально живые существа и субстанции. С позиции же рационалистической в своей основе культуры (письменной, «ученой»), указанные существа не более чем фикция, конструкт. Природа же является предметом эстетических переживаний, логического познания или преобразования её, но никак не партнёром человека в семиотическом процессе. Семиотизация природных сил крестьянской традицией есть следствие тесной, неразрывной связи крестьянина с землей, с природой. Она в определенном смысле соотносима с пониманием природы В.И.Вернадским⁵, Тейяром де Шарденом⁶.

Вторая существенная черта обрядовой семиосферы – признание приоритета коллектива, общества, «мира» и подчинённость ему индивида (см. об этом в работах исследователей, занимающихся проблемами соотношения языка и личности С. Е. Никитиной⁷, Р.Ф. Пауфошима⁸). Главенством коллектива определяется пронизанность традиционного быта крестьянина всякого рода предписаниями, запретами, обычаями, с помощью которых социум управляет личностью, организуя различные стороны её жизни. Так, в соответствии с народным этикетом деревенские жители приветствуют каждого встретившегося им человека (решающим является то, что незнакомый человек как бы «входит» в пространство сельского социума, становится членом его).

Более высоким статусом социума по сравнению с личностью обусловлено, как нам представляется, отсутствие Вы-общения в народном этикете воронежских русских говоров. Однако в украинских русских говорах Вы-общение по отношению к старшему распространяется даже на отца и мать. Любое более или менее крупное жизненное событие в сельском населённом пункте происходит в присутствии («на глазах») и при оценке всего сельского коллектива: принято «глядеть» (рассматривать, оценивая) свадьбы, «глядеть покойника» (прощаться с ним). Обильный поминальный ужин, большое количество по-

⁵ Само понятие семиосферы появилось у Ю.М. Лотмана под влиянием работ В.И.Вернадского о биосфере. См. [Лотман 2001, с. 251 – 252], а также Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989.

⁶ Тейяр де Шарден П. Божественная среда / Пьер Тейяр де Шарден. – М.: Ренессанс СП «ИВО-СИД», 1992.

⁷ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1993.

⁸ Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность/ Р.Ф. Пауфошима // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 41 – 48.

минальных предметов (платки, полотенца, ложки, чашки) оцениваются даже выше поминовения на Божественной литургии.

[Я ўварю// эт твой нь-помин// какой-жь эт помин// спакон век у-нас принять пьминат'// пьминушки/ платки рьздават'//] (о женщине, ограничившейся поминовением покойного на девятый день заказом поминальной службы в церкви).

[Эт нас'ки пинзаровъй пьлатенца// как с'тираю ијо/ улажу/ так и пьминаю// царства ньбесньва/ настя//]

с. Третьяки, Борисоглебский р-н, Телепова М.А., 1919 г.р., начальн. образ-е, 1992 г.

Память об умершем коллектива, в котором он жил, оказывается важнее, чем память церкви. Статус традиции (испокон веку принято) и отношение социума к тем или иным обрядовым событиям, несомненно, выше церковного канона.

[Я ей ўварю// вотку-т не-став'/ батюшка ўварил// нел'зя воткъй пьминат'// а ана мне// ды-што ты/ мине-ж всю прасудят'//]

с. Третьяки, Борисоглебский р-н, Телепова М.А., 1919 г.р., начальн. образ-е, 1992 г.

Знаменательно в этом отношении решение народным православием проблемы греха. Духовные стихи, исполняемые в погребально-поминальных обрядах, показывают, что человек, переступивший порог смерти, не остается один на один со своими грехами перед Богом, он по-прежнему «осознаёт» себя членом социума, коллектива, к которому апеллирует и на поддержку которого рассчитывает. Его участь «на том свете» во многом зависит от молитвы, подаваемой родственниками умершего милостыни и памяти близких людей:

Взяли душеньку за руку
И к престолу повели.
Привели душу к престолу
И к Спросителю ввели.

А Спроситель душу спросит,
Спросит добрые дела.
Тут уж душенька боялась,
Трепетала вся она,

На все стороны взирала –
Не заступится ли кто.
Своих ближних умоляла:
«Помолитесь обо мне.

Уж вы, сродники родные,
Не забудьте вы меня,
Из рук ваших милостыню
Вы подайте обо мне.

Добрых дел у меня нету –
Лишь одни только грехи.
Поминайте, братья, сестры,
Поминайте хлебом-солью,

Даже чистою водой.
Это ваше поминанье –
Оно будет предо мной.
Поминайте, поминайте,

Поминайте каждый раз –
Это выше поминанье
Облегчит тут всех нас».

с. Третьяки, Борисоглебский р-н, из тетради Телеповой М.А., 1919 г.р., начальн. образ-е, 1992 г

По-иному эта проблема рассматривается в книжной традиции. Для сравнения приведём духовные стихи С.С. Аверинцева:

Увы, Христе мой! Древний приступает Змий.

Увы, он приступает, я же немощен.

Увы, вкусил от древа я познания.

Увы, ко злобе злобою склонен самой.

Я боле не божественен, Рай утратил я.

Меч пламенный, свой пламень угаси на миг,

Дабы вступить мне сызнова в блаженный сад,

Как оный тать, с креста в Эдем допущенный.

Человек здесь со своими грехами один на один пред Господом. Одиночество, отъединённость от Бога и других людей подчёркивается особым синтаксическим построением фразы, кольцевым обрамлением: «Я боле не божествен, рай утратил я». Внебожественность, нахождение вне рая передается положением местоимения я на периферии строки, в начале и в конце её. Четырежды повторённое «увы» указывает на состояние человека, которому не на кого уповать, кроме Бога.

Греховность в народном сознании менее трагична, поскольку предполагается иная мера ответственности за грех: бремя его перекладывается отчасти на плечи родных.

Именно этот высокий статус коллектива, социума в сравнении с личностью, санкционирующего обрядовую магическую практику, позволяет её адептам использовать магию во многих случаях (мы имеем в виду, прежде всего, дефикционную, вредоносную магию, например присушки) не считаясь с желанием или нежеланием конкретной личности, на которую она направлена, по сути, насилуя её.

Предписание, обычай, запрет в равной мере относятся как к сфере быта, так и к сфере сакрального, располагаясь как бы на границе их, в то время как собственно обряд занимает центральное положение в обрядовой семиосфере. Его высокий статус, сакральность безусловны, поскольку обряд управляет человеком в переломные, «роковые» моменты его жизни, а также в важнейшие периоды его производственной деятельности, от которых зависит существование как отдельного члена сообщества, так и всего коллектив. См. у А.К. Байбурина⁹. Верховенство обряда обусловлено, несомненно, особенностями психики русского человека, не имеющего «разлада между мыслью и внешней деятельностью, между догматом и бытом» и стремящегося «к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и культуры», как о том писал Н.С.Трубецкой¹⁰. Вместе с тем русскому человеку свойственно такое отношение к жизни, которое можно было бы назвать социальным оптимизмом. Уверенность в принципиальной возможности и необходимости управлять миром и человеком представляется проявлением социального оптимизма, следствием которого является ядерное положение обряда, контролирующего поведение человека и явления природы в, казалось бы, неконтролируемые моменты и периоды (любовь, пожары, засухи и т.п.). Вероятно, магизм с его верой в сакральность дела, деяния как преобразующего начала и стремлением претворять в жизнь волю человека, его желания и страсти, трансформировать природный и социальный мир, включая и святая святых – внутренний мир человека, становится важной составляющей сознания русского человека.

Сказанное подтверждается мнениями информантов о результативности обрядов.

[а ще моулы зауоворами кров останавливат’// баба читала отче наш// а тоди такэ казала// на-мори/ окияни/ на-острови на-буяни/ тамо стоит уробныця/ у-той уробныци лыжыт’ красна девица/ дэржэ уолку булатну/ нытку шолкову/ зашывае раны кровави у-рабы божой (имя)// йихав цар’/ пид-ным кон’ карий// стый/ руда / ны-капай// во-вики викив/ амин’/ крыстылыс’ на-икону// людям цэ помоуало// самой чясто приходылос’ до-бабы ходыт’// тоуо-ж и вирю/ што цэ всэ правда//]

с. Воронцовка, Павловский р-н, 1998 г.

⁹ Байбурина А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры / А.К.Байбурина. // Этнознаковые функции культуры и этнографии. – М.: Наука, 1991. – С. 23 – 42. – С. 27.

¹⁰ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // ЭО. – 1992. – №1. – С. 91 – 106. – С. 102 – 105.

[колы булы ще молоди дивкамы/ уулялы// так/ конэшно/ якый-нет' парубок нравывся/ от и хотилос' присушыт' до-сэбы/ так було// собырымос' дивкы пэрэд якым-нет' празныком и у-дванатцат' чясив/ так бэрэш үлрку/ утыкаим еи у-бэрэзу и кажэм// сохны по-мини/ як бэрэза по-вэсни// а тоди расходылыся по-домам// а як врэмья проходьдыло/ так боуато сходьдылыс'// а в-коуо ны-получялос'/ так то сам бох ны-хотив/ шоб оны сойшыся//]

с. Воронцовка, Павловский р-н, 1998 г.

Семиосфера магических обрядов коррелирует с обрядовой семиосферой, являясь ее составляющей. Обозначение физических, территориальных границ сферы употребления магических обрядов весьма проблематично, поскольку упомянутые семиоединицы функционируют в настоящее время в сельских и городских поселениях среди людей, имеющих высшее, среднее, начальное образование и вообще неграмотных в равной мере. В нашей картотеке имеются многочисленные записи магических ритуалов, сделанные в городах Воронежске, Борисоглебске, Острогожске, Россоши, в посёлках городского типа Анна, Грибановском, Таловой, в сёлах Воронежской области и сопредельных с её восточной частью Волгоградской и Тамбовской областей.

Можно с достаточной степенью уверенности констатировать, исходя из этого, что бытование магической практики не ограничивается российской деревней и малообразованной частью населения, а выходит далеко за указанные пределы.

Семиотическая однородность и индивидуальность¹¹ магической семиосферы определяется, прежде всего, признаками, позволяющими ей включиться в обрядовую семиосферу. Вместе с тем она обладает специфическими магическими свойствами, обозначающими внутри обрядовой свою сферу знакообразования и знакофункционирования.

Зигмунд Фрейд, рассматривая мотивы магической практики, в качестве основного считал желания человека: «<...> у примитивного человека имеется громадное доверие к могуществу его желания. В сущности, все, что он творит магическим путем, должно произойти только потому, что он этого хочет» (разрядка наша)¹².

Широкое бытование магии в настоящее время показывает, что «могущество желаний», произвол их как движитель магической практики является принадлежностью не только так называемого «примитивного человека», но и свойственно человеку вообще. Действительно, магические обряды, прежде всего дефикционного характера, функционируют в той сфере человеческого бытия, в которой царят, главенствуют желания, воления человека, не сдерживаемые, не ограничиваемые ничем, внутри его разрешённые и узаконенные. Это сфера творящих магическим способом свою волю. С.А. Токарев отмечает, что «<...> вредоносная магия занимает обособленное место среди других религиозно-магических обрядов и верований и обычно с ними не смешивается»¹³. Все наши материалы подтверждают высказанное исследователем положение. «Усердное» лечение магическим способом также связано с интенсивным желанием, однако имеющим всё-таки иную природу и иную аксиологию.

Желание подчинить себе окружающее, навязать ему свою волю в магическом обряде трансформируется в деяние.

[злыыь люди крууом/ мноуа их/ завидуют' ф'сем/ вот и калдуют'// моуут' такую порчу зделат'/ що умре чилавек/ а хтознит' ат-чиуо// вот паставют' ф-цэркви свечку зь-упакой/ а ни-за-здравию/ чилавек тот умре фскоре//]

с. Козловка, Бутурлиновский р-н, Воронова А.С., 1928 г.р., малограмот., 1998 г.

[ну/ наводят' кьлдуны килы нъ-людей// ил' с'-кем пърууающцъ/ ил' проста ат-азарства//]

х. Калиновский, Киквидзенский р-н, Волгоградская область, Святова Т.И., 1939 г.р., начальн. образ-е, 1999 г.

Рассмотрение семантики слова желание показывает высокую степень интенсивности психических процессов, обозначенных данным термином. Словарь современного рус-

¹¹ Лотман Ю.М. Указ соч. – С. 189 – 194

¹² Фрейд Зигмунд. Тотем и табу / Зигмунд Фрейд. – М., 1997. – С. 105.

¹³ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. – М., 1959. – С. 439.

ского литературного языка в 20 томах даёт следующие значения указанного термина: 'влечение к обладанию чем-либо; стремление сделать что-либо, достигнуть чего-либо'; 'чья-то просьба, воля'; 'любовное влечение, страсть'.

Такие признаки семантики термина желание как 'влечение к обладанию', 'стремление достигнуть' предполагают как активность, интенсивность психического процесса, так и сугубую целенаправленность, охарактеризованную Р. Декартом как обращённость к будущему: «Ибо не только тогда, когда желают обладать благом, которым еще не обладают, или избежать зла, которое, по предположению, может случиться, но и тогда, когда стараются только сохранить или благо, или же отсутствие зла, эта страсть (желание – наше, В.Ф.) явно обращена к будущему»¹⁴.

Из первого значения термина выявляется идея интенсивной воли к постоянному (в настоящем и будущем) обладанию. Вторая семема рассматриваемого слова включает признаки 'сознательность' и 'управление', 'регулирование', указывающие на господствующую идею подчинения мира, контроля над ним. И, наконец, третья семема 'страсть' (любовная) конституируется признаком 'интенсивность'. Таким образом, семантика термина желание показывает чрезвычайную близость (если не эквивалентность) таких психических процессов, как желание (хотение), воля, страсть. Семантически эта близость выражается в признаке 'интенсивное подчинение', являющемся интегральным по отношению к терминам желание, воля, страсть. Знаменательно, что отрицательная оценка всякой чрезмерности (а интенсивное желание, несомненно, чрезмерность) характерна в равной мере для православной христианской, народной и рационалистической мировоззренческой систем. Сравните в этом отношении православную идею отсечения страстей (своеволия), народное понимание страсти как болезни и высказывание Р. Декарта: «<...> все зло, какое могут причинить страсти, заключается в том, что они удерживают и сохраняют <...> мысли дольше, чем это необходимо, либо удерживают и сохраняют и такие, на которых не следует сосредоточиваться»¹⁵.

Повсеместное бытование магической практики поддерживается также тем, что она не является в настоящее время принадлежностью узкого круга избранных, посвященных (как это было традиционно), а становится доступной через прессу, различного рода издания широким слоям населения.

В процессе собирания материала по интересующей нас теме мы сталкиваемся с фактами использования выписанных из газет, журналов, книг заговоров и народных молитв¹⁶. Известная в Борисоглебске и Грибановском районе целительница Александра Иосифовна Жидких заметила по этому поводу:

[щяс фс'о аткрыта// и личи/ и калдуй// подлыи книуи прадают' на-базарах/ калдавания/ ч'орная мауия//]

¹⁴ Декарт Р. Страсти души / Декарт Р. // Рене Декарт. Сочинения в двух томах: Т. I. – М., 1989. – С. 508.

¹⁵ Декарт Р. Указ. соч. – С. 513.

¹⁶ Приведём несколько примеров, извлечённых из газеты «Борисоглебский вестник». Письмо читателя газеты Н. Суховерховой с характерным для магических текстов названием в форме самостоятельного придаточного предложения цели «Чтобы операция прошла удачно» помещено под рубрикой «Советы читателей» и содержит следующую информацию: «<...> думаю, кому-нибудь из читателей пригодятся слова, которым меня научили добрые люди. «Ангел мой, спаситель мой, будь всегда со мной. А ты, Божия Мать, дай мне помощи встать, а врачу дай скорости, как Иисуса Христа сними с креста. А ты, Небесный Отец, дай мне счастливый конец». После этих слов трижды произнести «Аминь», крестясь. Идти в операционную нужно по правой стороне коридора, не оглядываясь» (№ 11, от 31 января 2006 г.). Материалы, помещённые под рубрикой «Советы народной медицины»: «<...> в новолуние надо на улице сказать: «Молодой месяц, помоги мне свести бородавки на руках». После этого вымыть руки и ни с кем после этого до следующего дня не разговаривать <...>» (№ 91 от 1 августа 2006 г.). Региональные средства массовой коммуникации в этом отношении могут быть самостоятельным источником для исследований. Неизученной также, насколько нам известно, остаётся православная литература, предназначенная для народа. Любопытным образчиком такого рода источников является книга «Житие и чудеса блаженной старицы Матроны, автор-составитель Жданова Зинаида Владимировна», издательство «Букварь». Приведём один только пример: «<...> Колдовство – оно и сейчас есть, и тогда было. Мне «сделала» тетка родная: в люльке посмотрела, погладила – и у меня ножки согнулись в коленках». – С. 91 – 92.

с. Большие Алабухи, Грибановский р-н, 1916 г.р., образ-е – 5 кл., 1996 г.

Любопытно, что на вопрос, занимается ли она белой магией, Александра Иосифовна ответила:

[божэ избав' / у-белай маґии ес'т' лечение/ но там и кьлдафства мноґа//]

Содержанием магических обрядов прежде всего является интенсивно выраженное желание, воля человека, которая может быть созидательной или разрушительной, надея- ля испытывающего сильные желания сверхъестественными способностями, превращая его в демиурга (творца здоровья, любви, плодородия – положительного начала) или антидемиурга, разрушителя, творца зла.

[зүлазит' ни-тол'ка калдун можьт'// у-каво үлас дурной/ зүлажвьи т'//]

с. Нижеспасское, Рассказовский р-н, Тамбовская область, Кулешова П.М., 1920 г.р., незаконч. средн. образ-е, 1998 г.

[ани/ кьлдуны/ када чяс прид'о/ мат' радную/ дитей ни-пъжылеют' / скалдуют'//]

с. Островки, Грибановский р-н, Каньшина С.Я., 1940 г.р., семилет. образ-е, 1993 г.

[я лячю с-усердийьм/ жалаю дабра//] – рассказывала нам уже упоминаемая Анна Алексеевна Зотова (1904 г.р., неграмот, 1992 г.), проживавшая в с. Новая Чигла Таловско- го района. Искусство врачевания было передано ей неким стариком, лечившим её в детстве.

[я зьхварала/ мама пьвела к-стьричку// дядя ал'оша/ касатик/ пъяличи// он пъя- чил и үварит'// нъючю тибе лячит'// ат-каво ни-палэхшая / а ат-тибе палехшая// у-тибе рука л'охкья//]

Умение врачевать или «портить» осмысливается в народной культуре как дан- ность («дурной глаз», «лёгкая рука»), зачастую не зависящая от самого человека.

[у-нашой сусидки/ бабы наташки/ маты була ворожэйкой// моула наслат' ворож- бу/ шоб мужык от-жынки ны-үуляв// зубы заүоварювала// дитэй от-зляку (испуга) ли- чила// а як вона цэ вэз робыла/ никому нь-росказала// баба наташка просыла у-нији пэ- рэдат свои сэкрэты// а вона сказала/ шо с-цым даром родитися трэба/ и той дар пьрэда- етця прапровнуки// оцэ-ж воны и ждут' тыпэр дифчину//]

с. Медвежье, Калачеевский р-н, Стрельцова Т.Е., 1918 г.р., малограмот., 1998 г.

А.И. Жидких сообщила нам, что её старшей дочери «молитвы не даются». Соглас- но народным верованиям, дар лечения человек получает от Бога, колдовства – от нечис- той силы.

[порчю дь-зүлас сымала/ дар у-нижо такой был// ат-боґа/ известна// а ес'т' ещо бап'ки/ вед'мы// дак у-них ат-сьтаны фся сила//]

с. Нижний Карачан, Грибановский р-н, Погонина К.С., 1924 г.р., семилет образ-е, 1999 г.

[кьлдуны ес'т' вяз'де/ скрос'т' ани были/ и щяс ес'т'// душу прьдают' д'явьлу/ вот- ы становьцэ ими/ и порчи насылают'//]

с. Козловка, Бутурлиновский р-н, Булучевская О.В., 1910 г.р., неграмот., 1998 г.

Природа добра в народном понимании определённа, ясна и связывается с Богом. Онтология зла сложна, неоднородна. Разрушительные потенции, заложенные, прежде всего, в сфере чувств, желаний (главнейшим из которых является желание господство- вать, властвовать над миром, наряду со страхом), могут гнездиться в подсознании, не осознаваясь индивидуумом (феномен «глазливости», связанный с передачей психиче- ской энергии посредством взгляда).

Вместе с тем зложелания, не будучи ему подвластны, могут осознаваться челове- ком (колдовские деяния, «когда час придёт» и «когда он мать родную, детей не пожале- ет»). В понимании произвольности желаний также наблюдается определённая близость народной, православной и рационалистической экзегетик. Сравним: «Свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться диаволу, а не на то, чтобы при этой возможности непременно иметь и власть над страстями». См. у Макария Великого¹⁷. «Наши страсти также не могут быть вызваны непосредственно нашей волей. Равным образом от них нельзя освободиться просто усилием воли», – указывает Р. Декарт¹⁸.

¹⁷ Святой Макарий Великий. Наставления о христианской жизни. – М., 1998. – С. 31.

¹⁸ Декарт Р. Указ соч. – С. 501.

Итак, с одной стороны произвольные зложелания, обусловленные страхом, завистью, стремлением подчинить себе мир, другого человека, с другой – сознательно заключённый союз с сатаной, побуждаемый теми же «страстями». М.В. Лодыженский, исследовавший духовный опыт христианских святых по «Добротолочию», подробно показывая зарождение и этапы развития зложелательства, писал: «Зложелательство вырастает в сильную и злую волю. <...> если человек <...> вступает в сферу злобной вражды к людям, то он этим, в сущности, вступает в сферу дьявольской силы <...>»¹⁹.

Православная патристика утверждает, что после грехопадения «лукавый князь облек душу грехом, все естество ее, и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое, не оставил в ней свободным от своей власти ни одного члена ее, ни помыслов, ни ума, ни тела, но облек ее в порфиру тьмы»²⁰. Народная традиция допускает своего рода репродукцию в конкретном индивидууме первородного греха: древний змий снова и снова искушает человека – и, как встарь, человек оказывается несостоятельным.

Исходящие от человека энергии любви, добра или ненависти, зла, с народной точки зрения, воздействуют в равной мере на человека, животное, растение, предмет, которые впитывают их и рассеивают повсюду:

[доч'к'/ вот как увидиш воз'ли пароуь сор ил' шэр'с'т' клаками/ ил' вольсы с-ножницами/ ил' с-ыулками// ни-бяри и ни-троуай// эт патклат нь-бализ'н' паткинули// жжэч' надь и малитвы читат'/ и чиб дым ни-шол ф-сторьну двара// жжэч' дьлико ад-дома//]

с. Козловка, Бутурлиновский район, Рогачёва А.В., 1918 г.р., малограмот., 1998 г.

«Стало быть народ верит в таинственную силу воли, в действие духа на дух, незримые по себе и неведомые силы природы, которые, однако же, обнаруживаются затем в явлениях вещественных, доступных нашим чувствам», – замечает В.И. Даль²¹.

Правильно подметив действие «духа на дух», способность человека к суггестии, народное сознание поработается фантомом магии, постоянно преследующим его.

Наши наблюдения подтверждают правоту выводов, сделанных в свое время С.А. Токаревым, о том, что «боязнь вредоносной магии гораздо более распространена, чем действительное выполнение обрядов этой магии»²². Причём наши информанты склонны подозревать во всякого рода колдовской практике соседа, который, в свою очередь, подозревает в том же самом первого. Продолжает иметь место приписывание способности и возможности совершать вредоносную магию «чужеплеменникам». В Воронежской области, по всеобщему мнению, магической силой обладают цыгане. Однако первичное рассмотрение полевых воронежских цыганских обрядовых материалов показало меньшую степень магичности цыганской обрядности по сравнению с русской и украинской. В Грибановском районе считают село Власовка средоточием колдунов, скорее всего потому, что оно состоит из этнических украинцев.

В очерченных границах магической семиосферы порождаются и функционируют различного рода магические знаки, обусловленные коммуникативной магической ситуацией. Следует ещё раз подчеркнуть, что в рамках традиционной народной культуры сферы порождения и функционирования обрядового знака вообще, магического и общезыкового не имеют непроницаемых границ, а напротив, пересекаются, переплетаются, составляя живой механизм.

Последовательность комплексного описания магического материала на основе магической семиосферы такова: моделируется структура и формула магического обряда, описываются ситуации функционирования магического знака, выявляется типология магических ситуаций, рассматриваются разновидности магического знака исходя из его субстанции.

¹⁹ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия / М.В. Лодыженский. – М., 1998. – С. 66 – 67.

²⁰ Святой Макарий Великий. Указ соч. – С. 17.

²¹ Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа / В.И. Даль. – СПб., 1994. – С. 35.

²² Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. – М., 1959. – С. 449.

Список литературы

1. Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры / А.К.Байбурин. // Этнознаковые функции культуры и этнографии. – М.: Наука, 1991. – С. 23 – 42.
2. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989.
3. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа / В.И. Даль. – СПб., 1994.
4. Декарт Р. Страсти души / Декарт Р. // Рене Декарт. Сочинения в двух томах: Т. I. – М., 1989.
5. Житие и чудеса блаженной старицы Матроны / Автор-составитель З.В. Жданова. – М., 1998.
6. Лодыженский М.В. Мистическая трилогия / М.В. Лодыженский. – М., 1998.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александрия, 1982. Т. I.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С. – Петербург: «Искусство – СПб», 2001.
9. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика/ Сост., вступит. статья и общая редакция Ю.С.Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37 – 89.
10. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1993.
11. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 39 – 40.
12. Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность/ Р.Ф. Пауфошима // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 41 – 48.
13. Святой Макарий Великий. Наставления о христианской жизни. – М., 1998.
14. Семиотика / Составитель Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983.
15. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
16. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17 – 41.
17. Тейяр де Шарден П. Божественная среда / Пьер Тейяр де Шарден. – М.: Ренессанс СП «ИВО-СИД», 1992.
18. Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. – М., 1959
19. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // ЭО. – 1992. – №1. – С. 91 – 106.
20. Харитонов В.И. Заговорно-заклинательная поэзия восточных славян / В.И. Харитонов. – Львов, 1992.
21. Фрейд Зигмунд. Тотем и табу / Зигмунд Фрейд. – М., 1997.

ON THE SEMIOTIC DESCRIPTION OF MAGIC

V.F. FILATOVA

*Borisoglebsk State
Pedagogical Institute*

e-mail:filatova46@hotmail.com

The article presents an ethnolinguistic-semiotic approach to the description of magic and magic vocabulary, as well as it reviews one of the components of the semiotic analysis of magic – the semiosphere, primary and the largest unit of the selected aspect of the semiotic description. Characteristic features of the ritual magic semiosphere are identified here. The problems marked in the article have an integrative pattern.

Key words: magic, ritual, ethnolinguisticsemiotic description, ritual semiosphere, magical semiosphere.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК – 343.985

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

И.В. АЛЕКСАНДРОВ¹⁾
А.А. АСОЧАКОВ²⁾

*¹⁾ Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
e-mail: iva1733@mail.ru*

*²⁾ Сибирский федеральный
университет
e-mail: asochakovAA@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности расследования уклонения от уплаты налогов, приводится специфика структуры процесса расследования этих преступлений.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, особенности расследования, структура расследования.

Расследование налоговых преступлений имеет определенные особенности, обусловленные правовой конструкцией данных деяний, спецификой предмета преступного посягательства, способом его совершения, обстановкой, элементами личности преступника, своеобразием выявления этих преступлений, спецификой возбуждения уголовных дел. Обобщение практики расследования уголовных дел об уклонении от уплаты налогов позволило выявить целый ряд таких особенностей, основными из которых являются следующие.

Во-первых, необходимость изучения, анализа и приобщения к материалам уголовного дела нормативных актов, регулирующих правовое положение налогоплательщика, его статус, права и обязанности, порядок, условия и режим уплаты им налогов, уклонение от которых вменяется ему в вину. Кроме того, необходимо изучать и приобщать к делу правовые акты, регулирующие финансовые, хозяйственные, экономические вопросы деятельности налогоплательщика, нарушение которых повлекло, по мнению следствия, уклонение от уплаты налогов или было связано с данным преступлением. То есть оценка действий налогоплательщика основывается на бланкетном законодательстве. При юридической оценке его действий, основанной на таком законодательстве, особо следует учитывать, что преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния. При массе меняющихся законодательных и подзаконных актов, регулирующих вопросы налогообложения, финансово-хозяйственной и экономической деятельности, — это непростая задача. Достаточно большая доля прекращенных прокурорами уголовных дел и оправдательных приговоров судов по налоговым преступлениям связана с изменениями законодательства и неосведомленностью об этом следователей. Мобильность налогового, гражданского, финансового, хозяйственно-

го законодательства существенно влияет на расследование преступлений рассматриваемой группы.

Так, в определении от 13 апреля 2011 г. № 11-1311-7 Верховный Суд РФ указал, что законодательство, действующее в спорный налоговый период (2008 г.), не позволяет включать суммы тарифов за совершение нотариальных действий, не взысканных с лиц, имеющих льготы на уплату государственной пошлины, в состав расходов налогоплательщика, учитываемых при исчислении НДС и ЕСН. Ранее действовавшая норма Постановления ВС РФ от 11.02.1993 г. № 4463-1 «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (пп. «а» п. 3), предусматривавшая возможность включения в состав расходов таких сумм, утратила силу. Отсутствие механизма возмещения частным нотариусам средств, затрачиваемых на обслуживание лиц, имеющих льготы на уплату государственной пошлины при обращении за совершением нотариальных действий, не свидетельствует о нарушении прав или дискриминации в правах частных нотариусов.

При таких обстоятельствах уголовное преступление в отношении нотариуса Бычкова О.Н., привлекаемого к ответственности по ч. 1 ст. 198 УК РФ, было прекращено.¹

Во-вторых, основу доказательственной базы в расследовании налоговых преступлений составляют материалы документальной проверки, проводимой ИФНС или службами оперативных документальных проверок и ревизий. Эти материалы образуют как бы стержень расследования, который определяет его процесс. Поэтому в процессе расследования чрезвычайно важным является качественное изучение и оценка этих материалов следователем. Как показывают результаты изучения уголовных дел, эти материалы качественными являются далеко не всегда. Нередкими являются случаи, когда уголовные дела возбуждаются на основе недоброкачественных материалов налоговых проверок, что вызывает необходимость назначения и проведения в ходе следствия дополнительных документальных проверок, а затем судебно-экономических экспертиз. В результате, наряду с другими неинтенсивно проводимыми следственными действиями, это влечет неоправданную длительность и, зачастую, бесперспективность расследования таких уголовных дел.

Например, 29 февраля 2009 г. следственным управлением МФД Республики Бурятия по ч. 2 ст. 199 УК РФ было возбуждено уголовное дело в отношении руководителей ОАО «Амта». Поводом к его возбуждению послужили материалы выездной налоговой проверки, проведенной ИФНС г. Улан-Уде и выявившей неуплату ОАО налогов по акту на сумму 1 312 872 руб.

В ходе предварительного следствия установлено, что еще до налоговой проверки неуплаченный налог предприятием был перечислен в бюджет. Решением Арбитражного суда Республики Бурятия акт этой же проверки в отношении ОАО в части неуплаты налогов признан недействительным. Причиной неуплаты предприятием налога явилась ошибка, допущенная главным бухгалтером Крюковой О. Д. вследствие изменения учетной политики ОАО. За это нарушение она уволена с работы. Причиненный действиями Крюковой государству ущерб возмещен. При указанных обстоятельствах уголовное дело не имело судебной перспективы и прокурором Республики Бурятия обоснованно прекращено².

Обобщение изученных материалов доследственной проверки, закончившейся отказом в возбуждении уголовного дела показало, что в большинстве своем эта проверка прекращалась обоснованно, материалы, поступившие из ИФНС свидетельствовали о недоброкачественности проведенной сотрудниками налоговой службы выездной проверки. Типичными ошибками при проведении проверок являлись нарушение установленной процедуры проведения проверки, неправильный расчет налога, подлежащего уплате,

¹ Обзор судебной практики // Налоговый вестник. 2011. № 7.

² Уголовное дело № 71-2009-02. Архив прокуратуры Республики Бурятия за 2009 г.

ошибки в квалификации сделок, на основе которых произведен проверяющими расчет налога и другие.

Так, по материалам об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении ООО «Русьимпекс» (г. Санкт-Петербург) налоговая инспекция при определении цены реализации товара для доначисления НДС фактически использовала метод цены последующей реализации – цены, по которой последний из перепродавцов товара реализовал его конечному покупателю, т.е. 22 тыс. руб. за тонну, в то время как в сделке, заключенной налогоплательщиком с первым покупателем, цена на тонну составила 14 тыс. рублей. При этом другие методы определения цены товара, установленные ст. 40 НК РФ, инспекция не применяла. Это неправомерно, т.к. исходя из принципа добросовестности налогоплательщика, закрепленной в Определении Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 44-О, согласно которому для целей налогообложения принимается цена товаров (работ, услуг), указанная сторонами сделки. Пока не доказано обратное, предполагается, что эта цена соответствует уровню рыночных цен. Следовательно, условные методы расчета налоговой базы, предусмотренные ст. 40 НК РФ, применяются только тогда, когда имеются основания полагать, что налогоплательщик искусственно занижает налоговую базу.

Следователь обоснованно пришел к выводу, что инспекция, формулируя свои выводы и направляя материалы проверки для привлечения налогоплательщика к уголовной ответственности, не предъявила доказательств, свидетельствующих о занижении ООО цены реализации товара, неправильно рассчитала сумму подлежащего им уплате налога и правильно в возбуждении уголовного дела отказал.³

Специфика. Расследование налоговых преступлений всегда связано с исследованием документов, отражающих процесс формирования объекта налогообложения, расчета налога, его уплаты и другой финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, связанной с этим процессом. Это специфично для нескольких групп преступлений. Особенность применительно к расследованию налоговых преступлений состоит в том, что необходимо разбираться и использовать в расследовании деяния, деликты, относящиеся в первую очередь к налоговому законодательству. В этом законодательстве, подзаконных актах и деятельности налогоплательщиков процесс формирования расчета уплаты налога достаточно формализован, урегулирован и стереотипен. Данное обстоятельство позволяет, опираясь на него, алгоритмизировать деятельность по расследованию уклонений от уплаты налогов и создать достаточно устойчивые типовые программы расследования этих преступлений. Изучение уголовных дел и опросы следователей показали, что процесс расследования уклонений от уплаты налогов по различным делам в основном очень схож, повторяется и стереотипен. Это объективно обусловливается названными выше причинами.

Содержание процесса расследования, в самых общих чертах, заключается в доказывании обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Достоверное и достаточное установление системы этих обстоятельств можно рассматривать как цель процесса расследования преступлений, а доказывание структурных элементов (отдельных обстоятельств) этой системы – как разрешение отдельных задач. Необходимо отметить, что разрешение этих задач в простых, непроблемных ситуациях осуществляется путем логического перехода от достоверных и достаточных исходных данных к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, а в более сложных ситуациях надо решать несколько задач, последовательно приближающих следователя к установлению доказываемых обстоятельств.

Обычной, если так можно выразиться, технологической и трафаретной схемой процесса работы следователей по делам о налоговых преступлениях является следующая:

³ Материалы по делу № 52-1387/2010 по ООО «Русьимпекс». Архив ГУВД по г. Санкт-Петербургу за 2011 г.

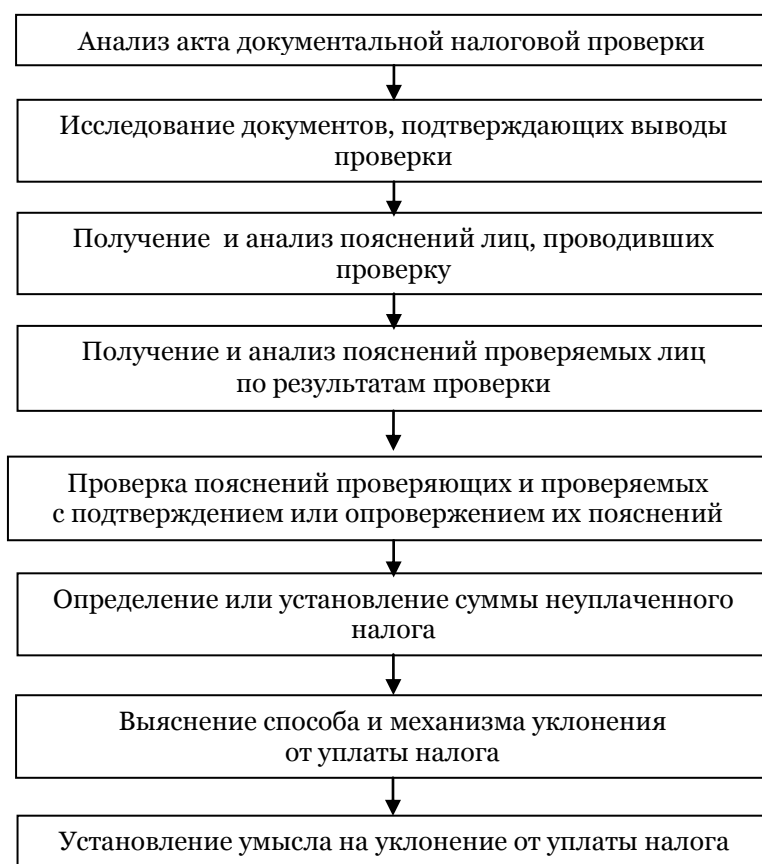

Рис. Схема процесса работы следователей по делам о налоговых преступлениях

В самом общем виде эта схема отображает процесс расследования по налоговым преступлениям. Этот процесс характеризуется типичностью ситуаций. Как правило, он начинается с исследования акта налоговой проверки, представленного ИФНС, или акта проверки соблюдения налогового законодательства, составленного службой документальных проверок и экспертиз МВД. Наличие этих актов, содержащиеся в них результаты и выводы налогоплательщику известны. Его позиция в отношении выявленных в результате проверки обстоятельств уже сформировалась и следователю известна из представленных к акту объяснений налогоплательщика. Круг задач расследования также достаточно стереотипен, а круг выдвигаемых и проверяемых в ходе расследования следственных версий достаточно узкий. Основной объем доказательственной информации содержится в материалах документальной проверки и документах, приложенных к ним или дополнительно изъятых в ходе расследования. Изучение приговоров по делам о налоговых преступлениях показало, что по структуре изложения доказательств, их совокупности и последовательности, пределам доказывания приговоры между собой также схожи.

В совокупности данные обстоятельства в максимальной степени благоприятствуют разработке типовых программ расследования налоговых преступлений как основ методики расследования этих преступлений.

Разумеется такие основы методики не означают, что расследование осуществляется одинаково. Накопленный опыт расследования уклонений от уплаты налогов свидетельствует о том, что есть различия в отдельных вопросах методики выявления и расследования исследуемых преступлений применительно к видам налогов и (или) сборов, от уплаты которых преступно уклоняются налогоплательщики, сфер деятельности данных лиц. Естественно, что есть и должны быть отличия в частных методиках расследования уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость, от уклонения от уплаты налога на прибыль или уклонения от уплаты налога на доходы физических лиц и т.д. Безусловно-

но, должна несколько отличаться методика расследования уклонения от уплаты налога на прибыль в нефтегазовой отрасли от уклонения от уплаты налога на прибыль в торговле или других отраслях деятельности. Это определяется и правовым статусом отрасли деятельности, и статусом соответствующего налога, порядком исчисления его налоговой базы, применяемыми льготами, режимом уплаты и т.п.

Однако, несмотря на это, общие положения, касающиеся основ методики расследования рассматриваемой группы преступлений повторяются во всех частных видах и разновидностях методик расследования уклонения от уплаты тех или иных видов налогов или сборов и тех или других сферах хозяйственной деятельности.

Особенностью расследования налоговых преступлений является необходимость широкого использования специальных познаний в расследовании этих преступлений. Необходимость этого вызвана спецификой налоговых преступлений. Специальные познания специалистов, экспертов помогают следователю разобраться в хитросплетениях налоговых махинаций, их выводы существенно расширяют объем доказательственной базы, что позволяет успешно решать задачи уголовного судопроизводства. Так, например, эксперты, исследующие экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, позволяют установить размер причиненного преступлением ущерба, способы совершения налоговых преступлений, а также выявить круг лиц, причастных к его совершению или способствовавших этому. Криминалистические экспертизы, в свою очередь, позволяют успешно расследовать «альтернативные» составы преступлений (незаконное предпринимательство, лжепредпринимательство и другие).

В последнее время в деятельности следователей, расследующих налоговые преступления, широкое распространение получили назначения ими пищевых, товароведческих, фармакологических и различных технических экспертиз в связи с массовыми подделками в производстве и реализации продукции и товаров.

Круг специальных познаний, потребность в которых возникает в ходе раскрытия и расследования уголовных дел постоянно расширяется. Обладая определенными познаниями и опытом, применяя по мере необходимости научные методы и технические средства, специалисты замечают часто то, что трудно или невозможно заметить следователю. Зачастую они обеспечивают более быстрое выявление материальных признаков преступления, осуществляют их тщательный анализ и во многих случаях помогают составить правильное представление о механизме расследуемого преступления, получить ответы на вопросы, интересующие следователя.⁴

Особенностью расследования налоговых преступлений является необходимость установления прямого умысла налогоплательщика на преступное уклонение от уплаты налога. Необходимость этого прямо вытекает из требований уголовного закона, регламентирующего ответственность за совершение налоговых преступлений и прямо подчеркнута в уже приводившемся Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Отсутствие умысла или недоказанность умысла на уклонение от уплаты налогов — основание к освобождению от уголовной ответственности.

Случается, что весь длительный и трудоемкий процесс расследования ведет к необходимости прекращения производства в связи с отсутствием возможности доказать направленность умысла на неуплату налога. Иногда такие уголовные дела прекращались производством уже в суде с вынесением оправдательного приговора, когда при углубленной разносторонней проверке не доказывалось наличие или доказывалось отсутствие умысла в действиях налогоплательщика на уклонение от уплаты налога. По ряду дел это обстоятельство иногда прямо вытекало из акта налоговой проверки или материалов отдела оперативного документирования полиции. Если бы данные документы были подвергнуты обстоятельной проверке следователями и работниками прокуратуры с участием квалифицированных специалистов в сфере налогообложения, многие постановления о возбуждении уголовного дела были бы отменены за отсутствием состава или события преступления в действиях привлекаемых к ответственности лиц и дела с обвинительным заключением в суд не были бы переданы. На момент возбуждения уголовного дела ино-

⁴ См. подробнее: Шапиро Л.Г. Использование специальных познаний при расследовании преступных уклонений от уплаты налогов. Дисс... канд. юрид. наук. Саратов. 1999.

гда отсутствует даже попытка установления умысла налогоплательщика на уклонение от уплаты налога.

Установление умысла по делам о налоговых преступлениях нередко является сложной задачей. Иногда доказывание умысла на уклонение от уплаты налога становится главной проблемой в процессе расследования. Как показал анализ практики работы судов в вынесенных ими приговорах, сейчас следствию мало доказать, что лицо знало требования налогового законодательства, знало правила ведения бухгалтерского учета и сознательно их нарушало, а внесенные налогоплательщиком искажения в налоговые и бухгалтерские документы были сделаны умышленно. Сейчас необходимо еще и доказать, что привлекаемое к ответственности лицо не было введено в заблуждение и не действовало в состоянии крайней необходимости.

Как известно, п. 6 ст. 108 НК РФ устанавливает презумпцию невиновности налогоплательщика, которая тесно связана с презумпцией его правоты. Однако эти презумпции не тождественны.

Презумпция правоты применяется в тех случаях, когда речь идет о сомнениях, противоречиях и неясностях актов законодательства о налогах и сборах, а презумпция невиновности – при установлении виновности лица, привлекаемого к ответственности за совершение налогового правонарушения. В последнем случае следователь, суд оценивают собранные налоговым органом доказательства субъективной стороны, в т.ч. учитывая презумпцию правоты налогоплательщика.

Анализ практики рассмотрения этого вопроса следователями и судами позволяет выделить ситуации, в которых возможны сомнения, противоречия и неясности. Наиболее часто ими являются:

- наличие редакционных неточностей и пробелов НК РФ. При расследовании преступления все неустранимые сомнения, противоречия и неясности акта законодательства о налогах и сборах и бухгалтерского учета истолковываются в пользу налогоплательщика. В акты законодательства часто вносятся изменения и дополнения. В таких случаях повышается риск совершения юридических и технических ошибок, и как следствие, возникают разночтения в понимании содержания налогово-правовых и иных норм, что затрудняет оценку и определение умысла;

- противоречие общей и специальной нормы, наличие двух и более законных альтернативных вариантов решения спора, каждый из которых достаточно обоснован и имеет право на существование. Наличие двух и ли нескольких противоречащих норм (коллизия норм) является проблемной не только налогового законодательства. При решении вопроса об умысле противоречие норм толкуется в пользу налогоплательщика, в случаях же коллизии норм применению подлежат нормы закона, принятого по времени позднее и над общими приоритетом обладают специальные нормы. Однако в том объеме меняющегося и противоречивого российского законодательства решить этот вопрос определяя наличие или отсутствие умысла налогоплательщика на уклонение от уплаты налога совсем непросто;

- неопределенность толкования терминов. Использование законодательством о налогах и сборах специфических терминов создает трудности для восприятия налоговых обязанностей не только налогоплательщиками, но и правоприменительными органами. На это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ, указывая, что «формальная определенность налоговых норм предполагает их достаточную точность, чем обеспечивается их правильное понимание и применение. Расплывчатость налоговой нормы может привести к не согласующемуся с конституционным принципом правового государства произвольному и дискриминационному ее применению государственными органами и должностными лицами в их отношениях с налогоплательщиками и тем самым – к нарушению конституционного принципа юридического равенства и вытекающего из него требования равенства налогообложения».⁵ Положения НК РФ создают немало

⁵ По делу о проверке конституционности закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 года «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году»: Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 08 октября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 42. Ст. 4901; По делу о проверке конституционности статьи 11.1 закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года «О государст-

оснований для неопределенности в толковании терминов. Дело в том, что многие понятия налогового законодательства по содержанию схожи с соответствующими понятиями гражданского, семейного, административного и других отраслей законодательства. Однако в налоговом законодательстве они называются иначе;

- нечеткое определение круга лиц, на которых распространяется действие нормы, либо нечеткое установление какого-либо из элементов налогообложения. В соответствии со ст. 2 НК РФ при установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения. Однако целый ряд актов законодательства о налогах и сборах содержат неопределенность содержания, расплывчатость и противоречивость в толковании, что влечет различное их понимание и применение. Следствием этого является сложность в установлении прямого умысла налогоплательщика на уклонение от уплаты налога;

- наличие неоднозначных либо противоречивых разъяснений ФНС России или Минфина России, а также противоречивая судебная практика (когда различные суды по одному и тому же вопросу принимают противоположные решения). Противоречивая судебная практика уже само по себе свидетельствует, что до момента применения нормы и раскрытия ее содержания в соответствующем судебном акте она не имела единообразного толкования. К примеру, для целей налогообложения принимается цена товаров, работ, услуг, указанная сторонами сделки. Пока не доказано обратное, предполагается, что она соответствует уровню рыночных цен. В п. 2 ст. 40 НК РФ содержатся условия, при наличии которых налоговые органы вправе проверять правильность применения цен сторонами сделки. Однако, установление одного из таких обстоятельств само по себе не свидетельствует, что цена не соответствует уровню рыночных цен. Кроме того, в этой статье приводится достаточно сложный порядок опровержения налоговыми органами цены, указанной сторонами сделки. В связи с этим судебная практика в основном складывается в пользу налогоплательщиков.

Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового преступления, виновности лица в его совершении возлагается на правоохранительные органы. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Отсутствие вины является обстоятельством, исключающим привлечение лица к ответственности за совершение налогового преступления. Многочисленные определения судов, решения органов предварительного следствия признают установленным факт недоказанности вины налогоплательщика в совершении налогового правонарушения.

Изложенные обстоятельства показывают, что установление умысла и вины лица в уклонении от уплаты налогов являются для следователя очень непростой задачей и требуют значительных знаний и усилий.

В расследовании налоговых преступлений при установлении умысла виновного лица на уклонение от уплаты налогов необходимо учитывать целый комплекс различных обстоятельств, что специфично именно для расследования преступлений данной категории.

Исследование показало, что чаще всего признание налогоплательщиком своей вины автоматически влечет за собой торопливость следствия, ускоренный сбор и обзор собранных доказательств с последующим перечислением их в тексте обвинительного заключения. Более внимательное их изучение в суде приводит к установлению отсутствия прямого умысла или его недоказанности в действиях налогоплательщика и, как следствие, вынесению оправдательного приговора.

Специфической особенностью расследования налоговых преступлений является то, что расследование уголовных дел об уклонении от уплаты налогов зачастую связано с расследованием налоговых споров в арбитражном суде. По нашим исследованиям, такие ситуации складывались по 39,6 % изученных дел. Причем общим для уголовного и арбитражного дела являлась объективная сторона налогового правонарушения, отраженная в акте проверки налогоплательщика. Акт налоговой проверки служил как основанием для возбуждения уголовного дела, так и основанием для предъявления иска в арбитражном суде.

ражный суд со стороны налоговых органов о взыскании с налогоплательщика налоговых санкций (65 % подобных дел одновременного рассмотрения) или иска налогоплательщиков — юридических и физических лиц (как предпринимателей) о признании недействительными решений налоговых органов о привлечении их к налоговой ответственности (27 % дел). Иногда в арбитражном суде находились одновременно оба иска (8 % дел), заявленные названными сторонами в той или иной последовательности.

Взаимосвязь уголовного и арбитражного дела появляется в значении выводов арбитражного суда для уголовного дела, а также в значении результатов расследования для рассмотрения налогового спора в арбитражном суде.

Если лицо, привлеченное к уголовной ответственности, обращается в арбитражный суд с вышеназванным иском и суд признает недействительным решение налогового органа по акту проверки, возникает вопрос о значении выводов арбитражного суда для расследования уголовного дела. Вступившее в законную силу решение по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу: имело место событие или нет. Таким образом, в случае установления арбитражным судом отсутствия налогового правонарушения, уголовное дело, как правило, прекращалось.

Осложнение расследования дел о налоговых преступлениях, связанное с обращением привлекаемых к уголовной ответственности лиц с заявлениями в суд об обжаловании результатов налоговой проверки, проявляется в том, что в этих случаях затягивается окончание предварительного следствия, поскольку это невозможно без соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу⁶. В подобных ситуациях объективно необходимо приостанавливать предварительное следствие. Но нередко рассмотрение гражданского дела затягивается на длительное время. Суды перегружены гражданскими делами⁷. Оспариваемые решения проходят всю процедуру гражданского судопроизводства, включая кассационное и надзорное рассмотрение поступивших жалоб налогоплательщиков. Нередкими являются случаи, когда на это уходят месяцы, а то и годы. Случается, что суд в гражданском судопроизводстве удовлетворяет иск (жалобу) налогоплательщика. Число таких удовлетворительных исков растет. Так, в 1997 г. у фискальных органов налогоплательщики выиграли 14 тыс. подобных дел, в 1998 г. — 22 тыс., в 1999 г. — 58 тыс.⁸ За последующие годы у нас тенденция сохраняется.

Данное обстоятельство объективно заставляет следователей приостанавливать предварительное следствие по делу, чтобы дожидаться вступившего в законную силу решения по гражданскому делу, на этом настаивает налогоплательщик, его адвокат и этого требует уголовно-процессуальный закон, либо следователю надо искать какие-то обходные пути выхода из процессуального тупика. Для приостановления производства по делу необходимы основания. Среди оснований для приостановления расследования ст. 208 УПК РФ не предусмотрена необходимость ожидания и получения соответствующего решения гражданского или арбитражного суда по тому факту уклонения того же налогоплательщика от уплаты налогов. Отсюда, видимо, законодателю необходимо дополнить основания приостановления производства по уголовному делу, установленные ст. 208 УПК РФ, еще одним основанием, связанным со спецификой расследования по уголовным

⁶ Подробнее этот вопрос рассматривают ряд авторов. См., например: Долгополов О.И. Доказательства и доказывание по налоговым спорам // *Налоговый вестник*. 2011. № 7. № 8; Кирилина В.Е. Привлечение к ответственности за совершение налоговых правонарушений: основные тенденции в решениях ВАС РФ 2009 г. // *Налоги*. 2010. № 2; Пресс-релизы по налоговым уголовным делам за первое полугодие 2008 г. // *Налоговые преступления*. № 1, январь-июнь 2008 г. // Система ГАРАНТ ЭКСПЕРТ.

⁷ Здесь уместно заметить, что в последнее время в литературе и практике широко обсуждался вопрос о создании специализированных судов по рассмотрению налоговых споров. Таких исков и дел становится с каждым годом все больше. Вполне назрела необходимость решить этот вопрос положительно. Если же законодатель решил вопрос с таким рассмотрением банковских дел и дел о банкротстве, то вполне оправданным будет создание в системе судов общей юрисдикции специализированных налоговых судов. Отчасти это будет одним из путей решения коллизии между предварительным следствием по налоговым преступлениям и гражданским рассмотрением иска (жалобы) к фискальным органам [или, наоборот, фискальных органов к налогоплательщику] по тому же акту налоговой проверки.

⁸ Сергеев С. Арбитражный суд и уголовный процесс по делам о налоговых преступлениях // *Право и экономика*. 2001. № 5. — С. 51.

делам о налоговых преступлениях — «рассмотрение жалобы или иска о признании акта налоговой проверки или решения по нему не соответствующим закону или недействительным».

Проблема эта очень острая, в настоящее же время законодательного решения ее еще нет, поэтому следственные подразделения ряда управлений, чтобы избежать зависимости от арбитражных судов, пытаются решить ее сами с учетом имеющегося в их распоряжении правового инструментария.

Во многих случаях расследование налоговых преступлений затруднено в силу многоэтапности и завуалированности преступной деятельности привлекаемых к уголовной ответственности лиц, стремящихся к тому же различными способами повлиять на исход дела, уничтожить или исказить бухгалтерские документы, уклониться от явки к следователю. Необходимость проведения документальных ревизий, проверок, судебно-экономических и других экспертиз требует значительных затрат времени, влечет увеличение сроков расследования.

Наряду с этим в практической деятельности не хватает наработанных методик расследования налоговых преступлений, ощущается нехватка квалифицированных кадров. Ведь следователь, расследующий дело о налоговых преступлениях, должен знать и хорошо ориентироваться не только в уголовном и уголовно-процессуальном, но и налоговом, гражданском, гражданско-процессуальном, арбитражном законодательстве.

В совокупности изложенные особенности свидетельствуют о своеобразии и специфике расследования преступных уклонений от уплаты налогов, показывают направления в разработке основ методики расследования этих преступлений, где такие основы могут быть базой в создании более частных методик расследования отдельных видов налоговых преступлений.

Список литературы

1. Обзор судебной практики // Налоговый вестник. – 2011. – № 7.
2. Уголовное дело № 71-2009-02. Архив прокуратуры Республики Бурятия за 2009 г.
3. Материалы по делу № 52-1387/2010 по ООО «Русьимпекс». Архив ГУВД по г. Санкт-Петербургу за 2011 г.
4. Шапиро Л.Г. Использование специальных познаний при расследовании преступных уклонений от уплаты налогов. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов. 1999.
5. По делу о проверке конституционности закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 года «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году»: Постановления Конституционного Суда РФ № 13-П от 08 октября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 42. – Ст. 4901.
6. По делу о проверке конституционности статьи 11.1 закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года «О государственной границе Российской Федерации» в редакции от 19 июля 1997 года Постановления Конституционного Суда РФ № 16-П от 11 ноября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 46. – Ст. 5339.
7. Долгополов О.И. Доказательства и доказывание по налоговым спорам // Налоговый вестник. – 2011. – № 7. – № 8.
8. Кирилина В.Е. Привлечение к ответственности за совершение налоговых правонарушений: основные тенденции в решениях ВАС РФ 2009 г. // Налоги. – 2010. – № 2.
9. Пресс-релизы по налоговым уголовным делам за первое полугодие 2008 г. // Налоговые преступления. – № 1. – январь-июнь. – 2008 г. // Система ГАРАНТ ЭКСПЕРТ.
10. Сергеев С. Арбитражный суд и уголовный процесс по делам о налоговых преступлениях // Право и экономика. – 2001. – № 5.

PECULIARITIES OF TAX EVASION INVESTIGATION

I. ALEKSANDROV¹⁾
A. ASOCHAKOV²⁾

¹⁾ *Lomonosov Moscow State University*
e-mail: iv1733@mail.ru

²⁾ *Siberian Federal University*
e-mail: asochakovAA@yandex.ru

The article is devoted to the peculiarities of tax evasion investigation. Specificity of structure of such investigation is also discussed here.

Key words: tax evasion, investigation's peculiarities, structure of investigation.

УДК 342

ПУБЛИЧНЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С.Б. ГЛУШАЧЕНКО¹
Р.В. ДОНЕЦ²

*¹Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена*

e-mail: glushachenko@list.ru

*²Белгородский государственный
национальный исследовательский
Университет*

e-mail: RomanDonets@yandex.ru

В статье представлен исторический анализ участия органов государственной власти и местного самоуправления в реализации субъективного права на занятие физической культурой и спортом в Российской Федерации. Предложены направления оптимизации данного института.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государственная деятельность, органы государственной власти, физическая культура, спорт, права человека.

Современные тенденции развития институтов государственности позволяют сделать вывод об усилении включенности публичных структур и, прежде всего государства, в регулирование широкого круга социальных отношений. В том числе это проявляется и в возрастании его присутствия в процессе реализации конституционного права на занятие физической культурой и спортом в России. При этом подчеркнем, что влияние государства в означенной сфере не ограничивается закреплением в части 2 статьи 41 Конституции России нормы о поощрении соответствующей деятельности¹, а проявляется в достаточно объемном правовом регулировании различных общественных отношений по реализации данного конституционного права граждан и иных сопряженных с ним прав.

Вместе с тем говорить об упорядоченности данного нормативно-правового материала, представляется преждевременным. В этой связи согласимся с точкой зрения А.А. Соловьева, который, не отрицая объективного существования спортивного права в нашей стране, отмечает, что «...оно представляет собой не стройную систему правовых норм, а лишь слабоструктурированный массив нормативных актов различных форм»².

Обозначенные в ряде нормативных документов (включая утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 № 1101-р Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года) основные стратегические целевые ориентиры развития физической культуры и спорта в Российской Федерации, задачи по выработке новой государственной политики в области спорта, подготовка к проведению сразу нескольких крупных международных спортивных мероприятий ближайших лет в России, и в первую очередь – XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи, не могут рассматриваться в отрыве от комплексной государственного значения задачи создания эффективного обеспечения реализации субъективного права на занятие физической культурой и спортом. Для последовательного решения данной задачи, полагаем необходимыми два неотъемлемых условия каждое из которых имеет комплексный характер.

Во-первых, систематизация действующего законодательства о физической культуре и спорте. По мнению А.А. Соловьева «закрепленный в настоящее время законодательством Российской Федерации в области спорта правовой режим не соответствует со-

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.

² Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт): Автореф. дисс...докт. юрид. наук. 12.00.01 – М.: РАГС. – 2011. – С. 2.

временному содержанию и специфике спортивных и тесно связанных с ними иных общественных отношений»³.

Среди множества недостатков современного российского правового регулирования в области спорта к наиболее существенным А.А. Соловьев относит следующие: отсутствие надлежащей системности законодательства о спорте и должной налаженности его внутренних связей, наличие множества противоречащих и необъединенных едиными принципами правового регулирования законодательных и подзаконных нормативных правовых актов; существенная пробельность законодательства Российской Федерации, крайне слабая развитость законодательства субъектов Российской Федерации в области спорта (не как дублирующего федеральное законодательство, а как его существенно дополняющего) при огромном количестве подзаконных актов, вместе с тем, все равно слабая, явно недостаточная обеспеченность законодательных актов подзаконными⁴.

С сожалением отметим, что наличествующую существенную несогласованность нормативных актов в области физической культуры и спорта не смог полностью преодолеть базовый Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», даже с учетом значительных изменений, вносившихся в него⁵.

Во-вторых, создание действенной системы управления в данной сфере. В целях настоящего исследования остановимся на этой проблеме более подробно.

Роль государства в управлении сферой физической культуры и спорта в нашей стране в советское время была различна. Рассмотрим это на нескольких примерах.

27 июня 1923 г. был принят Декрет ВЦИК РСФСР «Об образовании высшего и местных советов физической культуры трудящихся РСФСР», в соответствии с которым на них возлагалось стратегическое управление в организационном, учебном и методическом объединении по физическому воспитанию трудящихся. До 1936 года эти органы управления формировали направления физического развития населения. 21 июня 1936 г. Совет Народных Комиссаров подписал постановление «Об образовании Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР», на который дополнительно были возложены функции управления в спорте.

Последовательно с помощью партийных и советских органов реализуются спортивные нормативные комплексы ГТО, имеющие прикладное значение (подготовка населения страны с раннего возраста к труду и обороне). На данном этапе усиливалась роль стратегического управления в условиях отсутствия единой нормативно-правовой базы. На основе спортивного комплекса ГТО формируется единая спортивная классификация, для стимуляции в занятиях спортом появляются спортивные разряды и звания.

В принятой Конституции РСФСР 1937 г. гражданам РСФСР обеспечивалось право объединения в спортивные организации⁶.

Подчеркнем, что, несмотря на все трудности уже в послевоенный период государство планирует с помощью отрасли физической культуры и спорта восстанавливать народное хозяйство. 23 сентября 1945 г. Совет Народных Комиссаров принимает постановление «Об оказании помощи комитетам по делам физической культуры и спорта и улучшении их работы».

Для стимуляции спортивного движения 2 июля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановления: «О поощрении роста спортивно-технических достижений советских спортсменов» и «Об учреждении медалей и жетонов для награждения советских спортсменов за спортивно-технические достижения»⁷.

³ Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт): Автореф. дисс...докт. юрид. наук. 12.00.01 – М.: РАГС. – 2011. – С. 2.

⁴ Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт): Автореф. дисс...докт. юрид. наук. 12.00.01 – М.: РАГС. – 2011. – С. 2.

⁵ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

⁶ Конституция РСФСР (принята Чрезвычайным XVII Всероссийским Съездом Советов от 21 января 1937) // Хронологическое собрание законов, указов Президиума ВС и постановлений Правительства РСФСР. – Т. 2. – 1929 – 1939 гг. – Юриздат. – 1959.

⁷ См.: Чудинов И.Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917 – 1957 гг. – М. – 1959.

Эти и некоторые другие примеры позволяют сделать вывод об усиленном внимании советского государства в начальный период своего развития к физической культуре и спорту.

В Конституции РСФСР 1978 г. были закреплены цели и задачи развития физического воспитания, физической культуры и спорта – воспитание здорового молодого поколения, всесторонне подготовленного к производительному труду и защите Родины, поощрение и развитие массового спорта, активное вовлечение в физкультурное движение самых широких слоев населения...⁸. Как отмечает Д. Герасимов «Основной Закон РСФСР рассматривал развитие физического воспитания как дело государственной важности, цель которого – служение интересам трудящихся, обеспечение занятиями спортом в любом возрасте на государственных спортивных сооружениях»⁹.

Законодатель считал массовость и доступность одним из основных условий физического воспитания. Был расширен круг вопросов, касающихся всестороннего развития личности не только средствами физического воспитания, спорта и туризма, но и оздоровительной направленностью деятельности государственных систем здравоохранения, народного образования. При этом отметим, что статья 25 Конституция РСФСР 1978 г. закрепляет физическое развитие молодежи за единой системой народного образования.

Усиливая роль государства в регулировании отношений, связанных с реализацией права на занятие физической культурой и спортом 30 октября 1981 г. было принято Постановление Совета Министров РСФСР от № 589 «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта в РСФСР».

В нем, в частности, были предусмотрены меры к расширению сети врачебно-физкультурных диспансеров, обеспечению их современным оборудованием, аппаратурой и медикаментозными средствами; предусматривать в комплексных планах санитарно-оздоровительных мероприятий по соответствующим отраслям народного хозяйства более интенсивное осуществление физкультурно-оздоровительной работы в целях усиления профилактики ряда заболеваний, обеспечить регулярное проведение внеучебных и факультативных занятий физической культурой и спортом в общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, техникумах и вузах в течение всего периода обучения; улучшить пропаганду физической культуры и спорта, сосредоточив внимание на развитии потребности у людей к ежедневным занятиям физической культурой, популяризации комплексов упражнений для различных возрастных групп населения, широким показе лучшего опыта организации физкультурной и спортивной работы¹⁰.

К сожалению, социально-политические преобразования начала 90-х не всегда позитивно влияли на участие государства и его структур в регулировании физической культуры и спорта в России. Так Законом Российской Федерации от 21 апреля 1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях конституции (основного закона) РСФСР» в Конституцию РСФСР 1978 г. были внесены изменения, которыми, в частности исключалась ст. 25 об обязанности системы народного образования обеспечивать физическое развитие молодежи¹¹. Допускаем, что это было сделано по причине невозможности системы народного образования справиться с возложенными на него функциями.

Вместе с тем в 1993 году были приняты Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте, которыми регулировались отношения в области конституционного права на занятие физической культурой и спортом¹².

⁸ Конституция РСФСР (принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

⁹ Герасимов Д. Понятие и содержание конституционного права на занятие физической культурой и спортом: Автореф. дисс...докт. юрид. наук. 12.00.02 – М., – 2006.

¹⁰ См.: Постановление Совета Министров РСФСР от 30 октября 1981г. № 589 «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта в РСФСР» // Свод законов РСФСР. – Т. 3. – 1988 г. – С. 233.

¹¹ Закон Российской Федерации от 21 апреля 1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

¹² См.: Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте (утратили силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 22. – Ст. 784.

В частности, статьей 33 данного документа было установлено право на бесплатное пользование физкультурно-спортивных услуг детям из многодетных и малообеспеченных семей, детям – сиротам, инвалидам. На льготной основе право на предоставление этих же услуг предусмотрено детям дошкольного возраста, обучающимся, а также участникам Великой Отечественной войны.

Также в ст. 36 Основ законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте предусматривалось право на приобретение тренажеров для занятия физическими упражнениями в домашних условиях для участников Великой Отечественной войны, инвалидов и граждан, приравненных к ним по льготам.

Вышеназванный правовой акт гарантировал в ст. 34 гражданам, здоровью которых причинен вред в связи с занятиями физической культурой и спортом в организованной форме, в полном объеме медицинскую, социальную, бытовую и профессиональную реабилитацию в установленном порядке и дополнительно за счет средств Государственного фонда физической культуры и спорта Российской Федерации.

Важнейшим направлением государственной политики провозглашалось физическое воспитание граждан. В связи с этим в Основах закреплялась система физической культуры, ориентированная на создание условий для занятия физической культурой по месту жительства, отдыха и работы. Отдельное внимание уделялось физическому воспитанию детей, военнослужащих и инвалидов. Правовое регулирование отношений по физическому воспитанию населения сопровождалось возложением определенных обязанностей на государственные и муниципальные органы, а также на государственные и негосударственные организации. Отметим также, что впервые правовое закрепление получил профессиональный спорт. Значительное место заняли вопросы ресурсного обеспечения физической культуры и спорта (финансирование, физкультурно-оздоровительные и спортивные сооружения и т.д.).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в Основах законодательства о физической культуре и спорте 1993 г. были предприняты первые попытки законодательно закрепить институты государственного регулирования спортивной отрасли.

Характеризуя влияние публично-властных структур советского и раннего постсоветского периода на рассматриваемую сферу общественных отношений следует отметить, что с изменением социально-экономических условий в стране соответственно меняется и роль государства в управлении сферой физической культуры и спорта. Методы управления из преимущественно административных становятся все более основанными на регулировании отношений с помощью норм права.

Вместе с тем процесс поиска оптимальной модели различных институтов власти и общества в сфере реализации конституционного права на занятие физической культурой и спортом далек от завершения. Этот поиск продолжается уже не один год. Не случайно только название уполномоченного государственного органа управления в исследуемой нами сфере на уровне Российской Федерации с 1993 года менялось более десяти раз. Столько же раз менялось положение об этом органе управления, происходила смена его функций и полномочий. Да и в настоящее время нельзя сказать, что найдена оптимальная модель управления, в которой были бы учтены интересы ее элементов и частей, начиная с тех, которые находятся в непосредственной близости от рядового гражданина – жителя конкретного муниципального образования, и до самой ее вершины – органов государственной власти на федеральном уровне.

Вместе с тем анализ конституционно-правовых положений позволяет сделать следующий обоснованный вывод. Нормы действующей Конституции Российской Федерации, определяющие полномочия федеральных органов государственной власти, вполне обеспечивают создание полноценной системы взаимодействия между уровнями публичной власти, другими элементами системы управления сферой физической культуры и спорта и институтами гражданского общества в целях последовательной реализации права на занятие физической культурой и спортом.

При этом такое взаимодействие также должно быть формализовано как императивное условие и в документах, регламентирующих деятельность уполномоченных в сфере управления физической культурой и спортом органов государственной власти как на

федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, а также в органах местного самоуправления муниципальных образований.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
2. Конституция РСФСР (принята Чрезвычайным XVII Всероссийским Съездом Советов от 21 января 1937) // Хронологическое собрание законов, указов Президиума ВС и постановлений Правительства РСФСР. – Т. 2. – 1929 – 1939 гг. – Юриздат. – 1959.
3. Конституция РСФСР (принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.
4. Закон Российской Федерации от 21 апреля 1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1992. – № 15. – Ст. 407.
5. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
6. Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте (утратили силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 22. – Ст. 784.
7. Постановление Совета Министров РСФСР от 30 октября 1981г. № 589 «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта в РСФСР» // Свод законов РСФСР. – Т. 3. – 1988 г. – С. 233.
8. Герасимов Д. Понятие и содержание конституционного права на занятие физической культурой и спортом.
9. Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт): Автореф. дисс...докт. юрид. наук. 12.00.01 – М.: РАГС. – 2011.
10. Чудинов И.Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917 – 1957 гг. – М. – 1959.

PUBLIC GUARANTEES FOR REALIZATION OF A CONSTITUTIONAL LAW ON OCCUPATION BY PHYSICAL CULTURE AND SPORT: HISTORICAL EXPERIENCE AND PRESENT

S. GLUSHACHENKO¹
R. DONETZ²

¹*Herzen State Pedagogical University
of Russia*
e-mail: glushachenko@list.ru

²*Belgorod State National
Research University*
e-mail: RomanDonetc@yandex.ru

The article describes the concept of freedom within the context of personal rights and liberties as viewed by Russian legal scholars.

Key words: personal rights and liberties, democracy, law-abiding state, police statehood, legal consciousness

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЗОВАНИЕ*

А. А. ГУСЕВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: kykla87@inbox.ru

В статье раскрываются особенности образовательного правоотношения с учетом права граждан на образование и проблем формирования законодательства об образовании. Обосновывается, что специфика право- и дееспособности граждан в сфере образования обусловлены спецификой самого права на образование и образовательной деятельности.

Ключевые слова: образовательное правоотношение, субъекты образовательных правоотношений, образовательная деятельность, законодательство об образовании.

Характерная для современной России масштабная модернизация сферы образования обуславливает концептуальное исследование образовательного правоотношения. Несмотря на его значимость в понимании многих проблем регулирования отношений в сфере образования, действующее российское законодательство не содержит дефиниции понятия «образовательные отношения».

В научном плане на формирование подходов к их определению повлияли разработки советских ученых, прежде всего, исследования Г.А. Дороховой¹, Г.С. Сапаргалиева², С.С. Алексеева³. Ими были созданы теоретико-методологические предпосылки для системного изучения правоотношений, возникающих в данной сфере, и подходов к формированию законодательства об образовании.

При исследовании образовательного правоотношения как особого вида правовых отношений представляется целесообразным использовать традиционный подход, в рамках которого любой вид правовых отношений имеет присущие ему определенную структуру и внутренние взаимосвязи, при этом анализ структуры образовательного правоотношения невозможен без исследования категории его субъектов.

Безусловно, сама возможность возникновения образовательного правоотношения обусловлена наличием у каждого человека права на образование, которое, как всякое субъективное право, обеспечено юридической обязанностью иных лиц. Соответственно, субъект правоотношения является либо управомоченным, либо правообязанным.

При этом управомоченный субъект образовательного отношения всегда представлен физическим лицом, реализующим свое субъективное право на образование, а правообязанный – образовательной организацией, созданной в организационно-правовой форме, предусмотренной гражданским законодательством для некоммерческих организаций, основным направлением деятельности которой является осуществление образовательного процесса (процесса обучения и воспитания), и имеющей лицензию на право ведения образовательной деятельности.

* Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.)

¹ См.: Дорохова Г.А. Правовое положение личности в области народного образования (теоретические аспекты) // Советское государство и право. 1978. №11; Дорохова Г.А. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о народном образовании. Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982; Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании (теоретические проблемы совершенствования) / Отв. ред. И.Л. Бачило. М.: Наука, 1985.

² См.: Сапаргалиев Г.С. Основания возникновения правоотношений в области народного образования // Известия АН Казахской ССР. Сер. «Общественные науки». 1976. № 4; Сапаргалиев Г.С. Отношения по воспитанию и обучению – предмет правового регулирования // Советское государство и право. 1977. № 8.

³ Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975.

Вместе с тем, состав участников в различных образовательных правоотношениях неодинаков. В отдельных случаях от имени управомоченной стороны могут выступать родители или иные законные представители обучающихся, а правообязанная сторона, как правило, бывает представлена педагогами, но в некоторых случаях – и иными лицами, например медицинскими работниками и др.

Таким образом, субъектный состав в различных образовательных правоотношениях разнообразен и зависит, в первую очередь, от уровня образовательной программы и формы ее освоения, а также иных условий получения образования, при этом субъектами образовательного правоотношения являются физические и юридические лица, за которыми государство признает способность быть носителями субъективных прав и юридических обязанностей, наделяя их правоспособностью и дееспособностью в сфере образования.

Правоспособность и дееспособность, традиционно понимаемые как юридическая возможность обладания правами и обязанностями и как возможность их самостоятельного осуществления, составляют в своем единстве правосубъектность, которая является обязательной юридической предпосылкой правоотношения. Однако превалирует точка зрения о том, что категория правосубъектности применима только для тех отраслей права или отражает только те ситуации, для которых характерно одновременное наступление право- и дееспособности⁴, то есть эти два понятия органически сливаются воедино.

Особенности право- и дееспособности граждан в сфере образования обусловлены спецификой самого права на образование и образовательной деятельности, в том числе возможными способами предоставления или потребления этого блага. С одной стороны, право на образование является неотъемлемым правом, а потому принадлежит человеку с рождения, то есть, человек с момента рождения является правоспособным в сфере образования. С другой стороны, равенство правоспособности всех правообладателей не означает, что у них в одно и то же время объем субъективных прав будет одинаковым. Очевидно, что в раннем возрасте дети пользуются правом на образование только в той мере, в какой их родители исполняют свою обязанность закладывать «основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка» (п. 1 ст. 18 Закона РФ «Об образовании»⁵). При наличии общего права возможность обладать теми или иными конкретными правами зависит от ряда условий.

Таким образом, несмотря на то, что право на образование не может быть отчуждено или передано другим лицам, а также требует личного участия правообладателя в процессе его осуществления, в сфере образования, как правило, имеет место разграничение образовательной право- и дееспособности. Это особым образом характеризует условия вступления в образовательные правоотношения их участников – не только граждан, являющихся носителями права на образование, но и представителей правообязанной стороны.

Так, особенность образовательной правоспособности граждан обусловлена двумя обстоятельствами: наступлением определенного возраста и (или) наличием образовательного ценза (приобретением образования определенного уровня). То есть, образовательная правоспособность объединяет в себе черты как отраслевой, так и специальной правоспособности.

Наступление же образовательной дееспособности обусловлено, прежде всего, уровнем психофизиологического развития индивида, который заключается, с одной стороны, в способности и готовности лично осваивать ту или иную образовательную программу, а с другой, – своими действиями приобретать и осуществлять соответствующие права и исполнять обязанности. Реализация права на образование у детей дошкольного возраста происходит через воспитание и обучение в семье и в детских дошкольных образовательных учреждениях, об этом прямо говорится в ст. 18 Закона Российской Федерации «Об образовании», ч. 1 которой предусматривает, что родители являются первыми педагогами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллекту-

⁴ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности (к методологии вопроса) // Изв. ВУЗов: «Правоведение». 1979. № 3. – С. 10-17.

⁵ Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 29 декабря 2010 г.) «Об образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 150.

ального развития личности ребенка в раннем детском возрасте», при этом ч. 3 указанной статьи предусматривает, что в помощь семье создается сеть дошкольных образовательных учреждений⁶.

Правовая природа образовательной дееспособности является предметом острых научных дискуссий.

Так, ряд авторов демонстрируют подход, в рамках которого доказывают неполный (частичный) характер образовательной дееспособности у детей раннего возраста. Например, В.В. Спасская, указывая, что в раннем возрасте ребенок способен реализовать фактически только одно из всей совокупности правомочий обучающегося – право обучаться, отмечает, что обеспечение реализации других прав, а также обязанностей субъекта образовательного правоотношения ложится на родителей и иных законных представителей⁷.

Данный подход представляется достаточно обоснованным и подтверждается позицией законодателя. Так, Законом Российской Федерации «Об образовании» прямо предусмотрено, что отношения между дошкольным образовательным учреждением и родителями (законными представителями) регулируются договором между ними, который не может ограничивать установленные законом права сторон (п. 4 ст. 18). Это соотношение прав и обязанностей детей и родителей в основных чертах сохраняется и на ступени начального общего образования, а также действует, как установлено в Законе, вплоть до получения ребенком основного общего образования.

Безусловно, по мере получения начального и основного общего образования образовательная дееспособность ребенка несколько расширяется. С определенного возраста он уже самостоятельно несет определенные права (например, участвует в органах самоуправления) и несет ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей (например, за пропуски занятий без уважительной причины).

Данные права и обязанности учащихся обычно предусмотрены локальными актами образовательных учреждений, которые регламентируют определенные условия образовательного процесса, однако с учетом того, что дееспособность обучающихся до момента получения ими основного общего образования является неполной (частичной), данные акты затрагивают вопросы самостоятельного, без содействия родителей (законных представителей), вступления в образовательное правоотношение или прекращения его, по воле обучающегося.

На основании вышеизложенного, научный подход, в рамках которого образовательная дееспособность обучающихся до момента получения основного общего образования признается неполной (частичной) и требует восполнения законными действиями родителей (иных законных представителей) обучающихся представляется вполне логичным и обоснованным.

Иной подход, напротив, демонстрирует признание за образовательной дееспособностью детей характер полной дееспособности на основании того, что они сами, своими действиями осваивают образовательные программы, а родители не принимают участия в образовательном процессе, и, следовательно, никак не восполняют дееспособность школьников⁸. В данном контексте хотелось бы отметить, что обязанность по обеспечению получения детьми основного общего образования Конституцией Российской Федерации возлагается именно на родителей или иных законных представителей ребенка (ч. 4 ст. 43 Конституции Российской Федерации⁹), которые самостоятельно выбирают образовательное учреждение и форму обучения.

Таким образом, характеризуя правоотношения в сфере образования, можно сделать следующие выводы:

Образовательное правоотношение представляет собой целостную динамичную систему, действующую в сфере образования, обладающую внутренней структурой и взаимосвязью между составными элементами.

⁶ Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 29 декабря 2010 г.) "Об образовании" // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 150.

⁷ Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: теоретико-правовое исследование. Дисс. ... докт. юрид. наук. – С. 140.

⁸ Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. – С. 88.

⁹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом изменений от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. 2009, 21 января.

Субъектами образовательного правоотношения являются физические и юридические лица, за которыми государство признает способность быть носителями субъективных прав и юридических обязанностей, наделяя их правоспособностью и дееспособностью в сфере образования, однако субъектный состав конкретного образовательного правоотношения варьируется в зависимости от уровня образовательной программы, формы ее освоения и иных условий.

Особенностью образовательных отношений является невозможность применения к ним категории правосубъектности, поскольку она отражает только те ситуации, для которых характерно одновременное наступление право- и дееспособности.

Особенности право- и дееспособности граждан в сфере образования обусловлены спецификой самого права на образование и образовательной деятельности. С одной стороны, право на образование является неотъемлемым правом, а потому человек с момента рождения является правоспособным в сфере образования. С другой стороны, равенство правоспособности всех правообладателей не означает, что у них в одно и то же время объем субъективных прав будет одинаковым. Таким образом, имеет место разграничение образовательной право- и дееспособности.

Особенность образовательной правоспособности граждан обусловлена сочетанием черт как отраслевой, так и специальной правоспособности: с одной стороны, она характеризуется наступлением определенного возраста, с другой – наличием образовательного ценза (приобретением образования определенного уровня).

Правовая природа образовательной дееспособности является предметом острых научных дискуссий. В данном контексте представляется целесообразным и обоснованным научный подход, в рамках которого отмечается неполный (частичный) характер дееспособности у детей раннего возраста.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом изменений от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. 2009, 21 января.
2. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 29 декабря 2010 г.) «Об образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 150.
3. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975.
4. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности (к методологии вопроса) // Изв. ВУЗов: «Правоведение». 1979. № 3. С. 10-17.
5. Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании (теоретические проблемы совершенствования) / Отв. ред. И.Л. Бачило. М.: Наука, 1985.
6. Дорохова Г.А. Правовое положение личности в области народного образования (теоретические аспекты) // Советское государство и право. 1978. №11.
7. Дорохова Г.А. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о народном образовании. Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982.
8. Сапаргалиев Г.С. Основания возникновения правоотношений в области народного образования // Известия АН Казахской ССР. Сер. «Общественные науки». 1976. № 4.
9. Сапаргалиев Г.С. Отношения по воспитанию и обучению – предмет правового регулирования // Советское государство и право. 1977. № 8.
10. Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: теоретико-правовое исследование. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2006.
11. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М., 2002.

FEATURES OF EDUCATIONAL LEGAL RELATIONSHIP IN A CONTEXT OF THE RIGHT OF CITIZENS FOR EDUCATION

A. GUSEVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: kykla87@inbox.ru

The article discusses educational legal relationship in the context of the right of citizens to education and problems of formation of the legislation on education reveal. The author claims that specifics of right and capacity of citizens in education are caused by specifics of the right for education and educational activity.

Key words: educational legal relationship, subjects of educational legal relationship, educational activity, legislation about education.

УДК – 321(091)

ОФОРМЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

В.П. КАСАТКИН¹
И.С. ЧАЛЫХ²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹*e-mail: Kasatkin@bsu.edu.ru*

²*e-mail: Chalych@bsu.edu.ru*

В статье аргументирован историко-правовой подход к исследованию экологической сферы, рассмотрены особенности оформления субъективных экологических прав в аспекте становления и развития российского государства, выделены основные этапы их генезиса с позиций фактического влияния стадий государственного строительства в России.

Ключевые слова: генезис, российское государство, фактор развития, субъективные экологические права, исторический этап, правовое регулирование.

В настоящее время ситуация в России и мире характеризуется не только стремительным развитием науки и техники, социальных взаимоотношений, но и последствиями таких преобразований – глобальными мировыми проблемами, трансформирующимися в кризисные ситуации, а нередко и катастрофы. Одной из таких проблем по праву признается неблагоприятное состояние окружающей среды, ставшее результатом активной преобразующей деятельности человечества. Данный факт требует пристального научного внимания к направлениям и способам восстановления утраченного состояния «благоприятности», обеспечения охраны и защиты окружающей среды от дальнейшего негативного воздействия как базовым условиям достойной жизни каждого человека в гармонии с ней.

Одну из основных ролей в указанном процессе играет правовая составляющая, в рамках которой ведущая роль принадлежит общепризнанному праву каждого на благоприятную окружающую среду². Однако в настоящее время следует говорить о комплексе экологических прав, включая в их содержание указанное выше право. Об этом свидетельствует, в первую очередь, расширение направлений конституционно-правового обеспечения различных сфер взаимодействия индивида, общества и государства между собой и окружающей средой в целом. В данной связи представляется обоснованным исследование этимологической составляющей экологических прав, а также их оформления в непосредственной связи с условиями становления и развития российского государства.

С указанных позиций предлагается применение традиционного и инновационного подходов к рассмотрению и анализу генезиса института экологических прав человека и гражданина, основанных на критерии историзма их правовой регламентации. Так, традиционный подход ориентирован на рассмотрение и признание окружающей (природной) среды, ее ресурсов объектом нормативного правового регулирования и государственного управления. Здесь государство выступает субъектом-собственником природных ресурсов на определенной территории. Природная среда (как основа экологической сферы в современном понимании) ассоциируется с объектом внутренних и внешних интересов государства. Инновационный подход характеризуется переориентацией на личность, ее права и свободы, акцентирует внимание на человеке как основном субъекте экологических отношений, базируется на международном признании и защите ряда экологических прав человека, выделяет государство в качестве их основного гаранта. Процесс формирования экологических прав человека и гражданина берет начало из обычаев и непосредственно связан с эволюцией прав человека в контексте развития государств-акторов. При этом становление указанных прав, как сложного многомерного явления, связано с

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² См.: Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Экологическое право России. Волгоград: Изд-во «Панорама», 2006. – С. 32.

генезисом правовых норм, в которых они сформулированы, определяемым, в том числе, конкретными условиями государственного строительства.

Отметим, что в российском государстве нормативное закрепление эколого-направленных положений имеет богатую историю, ибо с древнейших времен прогрессивную часть населения интересовали вопросы охраны и защиты природной среды как необходимого условия нормальной жизнедеятельности. Применительно к современной ситуации весомый вклад, особенно – в сфере нормативного правового регулирования, внес опыт по охране окружающей среды и рациональному природопользованию в советский период, что обосновывает необходимость поэтапного исторического анализа.

Следует уточнить, что особенности правового обеспечения рассматриваемой области в досоветское время представлены в науке весьма отрывочно, несистемно, а деятельность государственных органов в советский период характеризуется учеными-современниками с прямым социалистическим уклоном. Однако данные исследования отнюдь не лишены объективности и научности, что создает достаточную базу для анализа и систематизации знаний в сфере становления и развития экологических прав человека и гражданина.

Нормативное регулирование охраны и защиты природы в отдельных аспектах известно еще в период существования Киевской Руси. В частности, уже в XI в. «Русская правда» Ярослава Мудрого, один из древнейших отечественных источников права, закрепляла ограничения промысла диких зверей и птиц. При этом рассматриваемый период характеризуется потребительским отношением к природе и окружающей среде, что вполне объяснимо как уровнем мировоззрения человека, так и степенью развития территориально-управленческих структур. Однако на данном этапе определяется приоритетность сфер жизнедеятельности человека, основанных на непосредственном взаимодействии с природой, что обусловило пристальный интерес к ним правящей элиты и необходимость их нормативного регулирования.

В период феодальной раздробленности, несмотря на отсутствие централизованного управления, вопросы охраны природы окончательно не утратили своей значимости и продолжали обретать нормативно-правовые формы. К примеру, своеобразный механизм охраны природных ресурсов сложился во Владимиро-Волынском княжестве (XIII в.): здесь применительно к отдельным территориям запрещалась охота на всех животных. Впоследствии на данных территориях был образован первый русский заповедник – Беловежская пуца.

По мере восстановления и централизации государственной власти вопросы охраны и защиты окружающей природной среды приобретают новые формы: наряду с потребительской необходимостью возникает важнейшая задача обеспечения государственной безопасности. В XIV-XV вв. специальным объектом государственной охраны стали лесные засеки в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины, имевшие важное оборонное значение. Засеки, или засечные леса, которые создавались по южной границе лесной части Русского государства, значительно содействовали сохранению лесного массива. В засечных лесах запрещалось рубить деревья для хозяйственных целей под страхом сурового наказания и даже смерти.

Укрепление позиций абсолютной монархии в России весьма позитивно сказалось на сфере природоресурсного управления и природоохраны. Так, к середине XVII в. практически одновременно было издано 67 указов об охоте, созданы заповедники (Кунцевский, Семь Островов и др.), взяты под охрану соболиные угодья вдоль ряда рек. В 1683 г. была запрещена вырубка лесов в соболиных угодьях Сибири. В царствование Алексея Михайловича (1645-1676 гг.) было принято значительное число указов об охоте, ее сроках, запретных зонах, нарушениях установленных правил, пошлинах и наказаниях. В частности, Указ 1649 г. «О сбережении заповедного леса в Рязанском уезде» касался не только охоты, но и охраны лесной территории³.

Особым этапом в процессе первичного становления института экологических прав в России следует признать, по нашему мнению, период правления Петра I. При нем зна-

³ См.: Ефремов Ю.К. Правовые вопросы охраны природы в СССР // Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982. – С. 180-184.

чительно увеличилось количество природоохранных и природозащитных актов. По инициативе первого императора началось организованное лесоводство, защита водоохраных лесов, охрана некоторых видов деревьев. Если в допетровское время лес сводили для получения земель под пашню, то при Петре I он стал тщательно охраняться для кораблестроения. В Петербурге при Адмиралтейской коллегии была учреждена вальдмейстерская канцелярия, в обязанности которой вошло наблюдение за лесами на Волге, Суре, Каме, Оке, Днепре, Западной Двине, Дону, Ладожском озере и Ильмене. Следует дополнить, что Петр I заботился не только об охране и защите лесов, но и об их восстановлении. Немало деревьев он посадил лично, а по его приказу был посажен Шипов лес в Воронежской области. Несмотря на акцентуацию внимания на охране лесного фонда, императором уделялось внимание и охране окружающей природной среды в целом. Петр I, оценивая значимость данного направления государственного управления, интересовался также сохранением пушных зверей, дичи и рыбы в целях развития соответствующих промыслов. Были запрещены хищнические способы охоты и рыбной ловли. Император заботился о сохранении почвы, защите берегов каналов от размывания и разрушения. Предусматривал Петр I и охрану водоемов от засорения, для чего было запрещено не только рубить лес по берегам, но и обрабатывать его, а также вывозить в каналы и реки мусор, сбрасывать балласт с кораблей⁴. По нашему мнению, рассмотренные направления деятельности Петра I и их результаты внесли значительный вклад в сферу государственной охраны и защиты окружающей природной среды, как первичного элемента становления института экологических прав человека и гражданина и их гарантирования в России.

К сожалению, впоследствии далеко не все правители нашего Отечества определяли охрану и защиту окружающей природной среды в качестве государственной задачи. Середина XVIII и начало XIX в. в России ознаменовались значительным ослаблением правового регулирования природоохранной и природозащитной сфер. Заповедные корабельные леса подвергались расхищению, охрана Беловежской пушчи была снята, а она сама стала местом царской и великокняжеской охоты. Екатерина II огромные площади земель раздала своим приближенным, не заботясь о лесах. Помещики снова стали сводить последние под посевы зерновых культур и одновременно продавать вырубленный лес.

Попытки вернуть былую значимость охраны и защиты природы и ее ресурсов, особенно – лесов, стали предприниматься в России гораздо позднее. В частности, в 1888 г. с ростом угрозы обезлесения Европейской части России было издано Положение о сбережении и охране лесов. Оно, как и закон об охоте 1892 г., отражало осознанную необходимость и стремление российских правителей регулировать соответствующие промыслы, интенсивное развитие которых в условиях ускорившегося прогресса техники стало угрожать сохранности и восстановительным способностям природы. При этом конец XIX в. был ознаменован таким экологически позитивным моментом, как создание заповедников, заказников и национальных парков⁵, что стало основой дальнейшей охраны и защиты окружающей природной среды со стороны государства.

В итоге можно заключить, что рассмотренный обширный исторический этап становления и развития российского государства характеризуется значительным потребительским отношением к природе со стороны государства и населения, ассоциированием ее исключительно с позиций собственности государства, ситуационностью принятия важнейших государственных решений в области ее охраны и защиты, не всегда оправданной целевой направленностью государственного управления в природоресурсной сфере. При этом следует отметить разработку и нормативное закрепление позитивных нововведений, отраженных, в частности, в актах высшей власти – правителя государства. Данный факт, по нашему мнению, с определенной долей условности, можно рассматривать как признак будущей общепризнанности и конституционности экологических прав человека и гражданина, обеспечиваемых государством и гарантируемых его главой.

Дополним, что представленный исторический этап, по нашему мнению, есть период накопления значительного опыта в области охраны и защиты окружающей среды,

⁴ См.: Федоров А.А., Яценко-Хмелевский А.А. Охрана природы // <http://www.sholast.ru>

⁵ См.: Ефремов Ю.К. Правовые вопросы охраны природы в СССР // Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982. – С. 187.

что во многом предопределило формирование современных экологических прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации⁶. Следовательно, данный период становления и развития российского государства соответствует традиционному подходу в исследовании генезиса института экологических прав человека и гражданина, ибо в нем, еще до возникновения глобальных проблем в сфере экологии и их осмысления, в зачаточном состоянии наблюдается оформление экологического правосознания и основ государственного экологического управления.

Продолжая тему государственного управления экологической сферой в России, как одной из основ современного института экологических прав человека и гражданина, представляется адекватным перейти к советскому (послереволюционному) периоду.

Данное направление обусловлено, в частности, тем, что в развитие положений действующей Конституции на федеральном и региональном уровнях принимаются природоохранные, экологические и иные эколого-направленные нормативные правовые акты. При этом правовое регулирование экологической сферы не ограничивается нормотворческим аспектом и широко представлено актами правоприменения, значительное число которых исходит от органов исполнительной власти всех уровней. Представляется, что одним из условий возникновения сложившейся ситуации послужил опыт государственного управления в области экологии именно советского периода, характерной особенностью которого можно признать определяющие позиции исполнительной власти.

Как отмечается в ряде источников, в течение первых пяти лет существования советского государства было издано более 200 декретов и постановлений, которые фактически заложили систему принципов социалистического природопользования, с позиций которой в дальнейшем развилось отечественное природоохранное законодательство⁷.

Представляется, что указанная позиция несколько идеализирована. По нашему мнению, указанные акты лишь отчасти служили природоохране, а в большинстве своем преследовали цель «удержания» и охраны социалистической собственности. При этом природоохранный аспект (как одна из важнейших составляющих экологической политики государства) подменяется природопользовательским. Нормотворческая деятельность государственных органов в рассматриваемый период носит достаточно интенсивный, но ситуационный характер; отражает, с одной стороны, стремление укрепить властные позиции, а с другой – насколько возможно сохранить природные ресурсы нового государства (в основном, от истребления собственным населением)⁸. К примеру, Лесной кодекс 1923 г. в ст. 71 закреплял: «На лесничих возлагается обязанность наблюдать, чтобы в лесах местного значения и особого назначения соблюдались все правила охраны лесов и чтобы рубка в них не принимала характера опустошительной»⁹.

В процессе развития советского государства растет степень государственной и общественной значимости природоохранной деятельности, подтверждением чему служит созыв в 1933 г. Первого Всесоюзного съезда по охране природы. В его решениях, касающихся преимущественно ресурсов живой природы, указывалось, что задачи охраны природы включают в себя также борьбу против разрушительного и бесхозяйственного использования ее ресурсов, содействие их восстановлению и умножению¹⁰. Следует отметить, что речь здесь идет о природопользовательских и природоохранных обязанностях, а не соответствующих правах. Однако, как представляется, данный факт следует признать значительным достижением и знаковым этапом генезиса экологических прав человека и гражданина.

⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

⁷ См., напр.: Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982. – С. 201.

⁸ См., напр.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» // <http://www.lawmix.ru>

⁹ Постановление Президиума ВЦИК от 25 июля 1923 г. «О введении в действие Лесного кодекса», принятого II сессией X созыва 7-го июля 1923 года (вместе с Лесным кодексом Р.С.Ф.С.Р.)» // <http://www.lawmix.ru>

¹⁰ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982. – С. 203.

Заметную роль в процессе становления права на благоприятную окружающую среду, как первоосновы экологических прав, сыграл послевоенный период. Здесь охрана природы перешла на новый нормативно-закрепляющий и управленческий уровень, связанный с обновлением и расширением с конца 50-х гг. природоохранного законодательства. В частности, в 1957-1963 гг. во всех союзных республиках принимаются Законы об охране природы, акцентирующие внимание не только на проблемах живой природы, но и на комплексе природных условий и ресурсов¹¹. Уточним, что в данный период, несмотря на планирование и нормирование в СССР хозяйственно-экономической деятельности, проблемы охраны и защиты окружающей природной среды и отдельных видов природных ресурсов уделялось особое внимание. К примеру, активно реализуются на практике положения Программы КПСС, решения Партии и Правительства по вопросам охраны природы, что придает системный характер сфере государственного экологического управления. В целом можно отметить, что рассмотренный период развития советского государства носит традиционный характер и отвечает критериям соответствующего подхода к исследованию генезиса института экологических прав человека и гражданина.

Далее, в 60-е – 70-е гг. XX в., в советском государстве начинается новый этап нормативного правового регулирования природоохранной и природоресурсной сфер, связанный с разработкой Основ общесоюзного законодательства в исследуемой области. Принимаются Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик (1968 г.), Основы законодательства Союза ССР и союзных республик в области здравоохранения (1969 г.) (охрана воздуха, питьевой воды и т. п.), Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик (1970 г.), Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах (1975 г.)¹². В сфере государственного управления также поддерживается линия по усилению нормативного регулирования охраны окружающей природной среды. Основными актами, принятыми в рассматриваемый период и неоднократно изменяемым и дополняемым впоследствии, становятся Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов»¹³ и «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов»¹⁴. Немаловажную роль в исследуемом ключе играли и нормативные правовые акты, направленные на государственное регулирование использования отдельных видов природных ресурсов¹⁵, либо – на отдельно взятых территориях¹⁶.

Указанный период ознаменован в СССР и определенным вниманием к проблемам охраны и защиты окружающей природной среды в контексте экологических прав человека. Не в последнюю очередь данный процесс был связан с качественным изменением международной обстановки: позитивно оформляются права человека третьего поколения, в число которых входит и право на благоприятную окружающую среду; СССР активно участвует в деятельности международного сообщества, взаимодействует в указанной сфере с другими государствами¹⁷, происходит постепенная смена приоритетов в сторону правового государства и их конституционного оформления. Следовательно, рассмотрен-

¹¹ См.: Ефремов Ю.К. Правовые вопросы охраны природы в СССР // Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982. – С. 194.

¹² См.: там же. С. 195.

¹³ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» // <http://www.lawmix.ru>

¹⁴ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 01 декабря 1978 г. № 984 «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» // <http://www.lawmix.ru>

¹⁵ Постановление Верховного Совета СССР от 17 июня 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны лесов и рациональному использованию лесных ресурсов» // <http://www.lawmix.ru>

¹⁶ См.: Постановление Совета Министров РСФСР от 13 февраля 1974 г. № 104 «О мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных богатств в бассейне озера Селигер Калининской области, а также развитию зоны отдыха и туризма в этом районе» // <http://www.lawmix.ru>

¹⁷ См., напр.: Постановление Совета Министров СССР от 19 марта 1979 г. № 255 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств советской стороны, вытекающих из Конвенции между Правительством СССР и Правительством США «Об охране перелетных птиц и среды их обитания» // <http://www.lawmix.ru>

ный этап сочетает традиционный и инновационный подходы к исследованию генезиса экологических прав человека и гражданина в советском государстве.

В 80-е гг. XX в. в СССР принимается ряд законодательных и управленческих актов, направленных на развертывание системы мониторинга окружающей среды, усиления ответственности за нарушения норм об охране природы – особенно, со стороны государственных органов¹⁸ (данный факт, как представляется, служит позитивным примером для современной сферы государственного управления). Особо отметим, применительно к рассматриваемому периоду, введение в научный и законодательский оборот терминологического определения «экологический»¹⁹, что знаменует постепенный переход от исключительно природоохранного механизма управления и законодательного регулирования к более масштабному, глобальному пониманию экологических проблем, не только в рамках одного государства, но и всего мирового сообщества. В аспекте заявленной проблемы исследования данный факт можно признать одним из важнейших элементов генезиса института экологических прав человека и гражданина в нашем государстве, по характеру относимым к инновационному подходу.

В итоге, аккумулируя результаты анализа государственного управления экологической сферой в советский период, можно сделать ряд выводов. В данной области государство выступало как основной субъект экологических правоотношений; предметом правового регулирования являлись охраны и защита окружающей природной среды, рациональное природопользование; преобладал императивный метод регулирования. Также следует отметить масштабную и не всегда целесообразную нормотворческую деятельность органов исполнительной власти применительно к различным аспектам охраны окружающей природной среды и ее ресурсов.

Учитывая вышеизложенное, акцентируем внимание на конституционно-правовом направлении становления экологических прав человека и гражданина в советской России, параллельно развивавшемся со сферой экологического управления, но обладавшем определенно меньшим влиянием на процесс эколого-правового институцирования. В данной связи остановимся на анализе конституционных актов различных периодов развития советского государства с ориентированием на экологический аспект.

Так, Конституция РСФСР 1918 г.²⁰ не содержала ни первичных экологических прав, ни каких-либо эколого-направленных установлений, что вполне объяснимо ее революционным характером.

Конституция РСФСР 1937 г.²¹ являла собой более содержательный в социальной и правовой сферах основной закон. В контексте исследуемой проблемы следует отметить, что ст. 6 указанной Конституции определяет основные природные ресурсы (земля, недра, воды и леса) как всенародное достояние, что на высшем законодательном уровне закрепляет, по нашему мнению, их правовой статус и общегосударственное значение, делая шаг на пути к признанию всеобщности проблемы охраны окружающей природной среды и в перспективе – экологических прав. Определенное значение, на наш взгляд, имеет положение, отраженное в ст. 135 Конституции: «Каждый гражданин РСФСР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность». Как представляется, рассматривая указанные в Конституции РСФСР 1937 г. природные ресурсы как общесоциа-

¹⁸ См., напр.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06 августа 1980 г. «Об административной ответственности за нарушение лесного законодательства» // <http://www.lawmix.ru>

¹⁹ См.: Постановление Совета Министров РСФСР от 18 марта 1988 г. № 93 «О коренной перестройке дела охраны природы в РСФСР» // <http://www.lawmix.ru>; Постановление Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» // <http://www.lawmix.ru>

²⁰ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; www.garant.ru

²¹ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2; www.garant.ru

листическую собственность, законодатель устанавливает в ст. 135 соответствующую обязанность и своеобразную ответственность за их нерациональное использование и регулирование. Данный факт можно признать предпосылкой формирования обязанности по защите и охране окружающей природной среды, а, соответственно, и базового экологического права на ее благоприятное состояние.

В дальнейшем экологическое направление получило развитие на конституционном уровне в результате принятия Конституции СССР 1977 г.²² и Конституции РСФСР 1978 г., в рамках которых устанавливалась обязанность граждан по охране природы (позднее – окружающей среды) и рациональному природопользованию, а также экологические принципы и государственные гарантии в данной сфере. Как отмечает С.А. Боголюбов, именно в результате присоединения СССР к Стокгольмской декларации 1972 г. в ст. 18 Конституции 1978 г. «был закреплён принцип, согласно которому в интересах настоящего и будущих поколений в России принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды»²³. Впоследствии указанные конституционные акты неоднократно изменялись и дополнялись, в частности, Конституция РСФСР 1978 г. – до 1992 г. включительно. В аспекте исследуемого вопроса ее содержание было расширено соответствующими обязанностями государства и его граждан, а также введением в нормотворческий оборот понятия «экологическая безопасность» (ст. 55). Данный факт знаменует, по нашему мнению, переход от исключительно ресурсосберегающего механизма правового регулирования к более масштабному, глобальному пониманию экологических проблем, не только в рамках российского государства, но и всего мирового сообщества.

Впервые же субъективные экологические права, включая право на благоприятную окружающую среду как базовый их элемент, обрели достойное место в системе прав и свобод человека и гражданина с принятием в 1993 г. действующей Конституции Российской Федерации (ст. 42).

Дополним, что процесс становления и развития экологических прав человека на международном уровне был в большей степени ориентирован на культуру западных цивилизаций и неоднозначно проявлялся применительно к иным цивилизациям, особенно – «пограничным», самобытным, к которым мы относим и Россию²⁴. При этом, как представляется, развертывание глобализационных процессов в современном мире подразумевает активное взаимодействие и взаимовлияние на межгосударственном уровне, целенаправленное на интерпретацию концепции прав человека с позиций определения действительно общечеловеческих ценностей.

Основываясь на вышеизложенном, представляется обоснованным выделение этапов генезиса экологических прав человека и гражданина, опосредованного историческими условиями становления и развития российского государства. В частности, учитывая продолжительность и экологическую фрагментарность дореволюционного периода, предлагается избрать в качестве начала этапизации образование советского государства и оформления его конституционных основ, то есть, принятие Конституции РСФСР в 1918 г. С указанных позиций нами выделен природоохранный этап генезиса экологических прав человека и гражданина, ограничиваемый 1976 г. Он характеризуется: определением государства как основного субъекта экологических правоотношений, а природной среды и ее ресурсов – в качестве предмета правового регулирования; приоритетом государственного

²² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г.) (с посл. изм. от 14 марта 1990 г.). Утратила силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 8 декабря 1991 г. «О создании содружества независимых государств», ратифицированного Постановлением Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617; www.garant.ru

²³ Боголюбов С.А. Конституционные основы охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2003. № 11.

²⁴ См., напр.: Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юрист, 2003. – С. 46; Белякович Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы. Минск: Амалфея, 2009. – С. 122.

управления в сферах рационального природопользования, охраны окружающей природной среды; преобладанием императивных методов правового регулирования; отсутствием формализации экологических прав и обязанностей граждан; традиционным подходом к его исследованию.

Следующий этап ограничен 1977-1992 гг., связан с принятием и дополнением Конституций СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г., определен нами как эколого-интегративный. В данный период существования советского государства происходит постепенное переориентирование государства на демократические, правовые основы и принципы; включение гражданина советского государства в экологические правоотношения наряду с государством; активизация участия государства в международных эколого-правовых процессах; усиление нормативных правовых позиций в области охраны и защиты окружающей (природной) среды, включая ее мониторинг; введение экологической безопасности в научный и конституционно-правовой оборот; конституционная формализация принципов, обязанностей и гарантий экологической направленности. Здесь наблюдается сочетание традиционного и инновационного подходов к рассмотрению становления и развития данного института.

Третий этап генезиса экологических прав человека и гражданина в российском государстве обозначен нами как личностно-ориентированный. Он берет начало в 1993 г. – с момента принятия действующей Конституции России – и продолжается до настоящего времени. Характеризуется: признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью на конституционном уровне; определением государства как гаранта прав и свобод личности; прямым закреплением в Основном законе российского государства экологических прав и свобод каждого; их развитием в текущем законодательстве; разграничением ведения Российской Федерации и ее субъектов в экологической сфере как фактором развития государственных гарантий экологических прав личности; сочетанием императивного и диспозитивного методов правового регулирования. Отвечает позициям инновационного подхода к рассмотрению генезиса экологических прав человека и гражданина.

Подчеркнем, что инновационные тенденции оформления экологических прав человека и гражданина во многом определялись научными достижениями отечественных ученых. Так, впервые в истории правовой науки тема экологических прав на монографическом уровне была затронута О.С. Колбасовым через призму права человека на благоприятное состояние окружающей природной среды. При этом автором отмечалось, что данное право не нашло «еще достаточно полного позитивного правового закрепления ни в международных правовых документах, ни в законодательстве отдельных стран»²⁵. В продолжение и параллельно исследованиям О.С. Колбасова в области определения сущности, содержания и значимости будущих экологических прав, в контексте означенного права и в развитие заложенной идеи, значительный научный вклад внесли такие ученые, как В.В. Петров²⁶, Ю.С. Шемшученко²⁷, А.Г. Тарнавский²⁸, М.И. Васильева²⁹ и др.

Здесь следует особо отметить, что О.С. Колбасовым на основе подробного рассмотрения истории становления была построена модель права человека на благоприятные условия окружающей среды, а Ю.С. Шемшученко впервые предложена теоретическая конструкция права на благоприятную окружающую среду. Учитывая отсутствие в советской России конституционно закрепленных экологических прав человека и гражданина, интерес ученых к данной проблеме достиг апогея к концу 80-х гг. XX в. Именно в этот период Ю.С. Шемшученко отметил назревшую необходимость непосредственного закрепления права граждан на благоприятную окружающую среду в Конституции и будущем Законе СССР об охране окружающей среды. А.Г. Тарнавский предложил закрепить

²⁵ См., напр.: Колбасов О.С. Экология: политика-право. М.: Наука, 1976; Колбасов О.С. Правовые исследования по охране окружающей среды в СССР. М.: ВИНТИ, 1978.

²⁶ См., напр.: Петров В.В. Становление и развитие эколого-правовых исследований // Правовые проблемы экологии. М., 1980. С. 116.

²⁷ См., напр.: Шемшученко Ю.С. Правовые проблемы экологии. Киев: Наукова думка, 1989. С. 53.

²⁸ См., напр.: Тарнавский А.Г. Право граждан на благоприятную окружающую среду // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 47.

²⁹ См., напр.: Васильева М.И. Право граждан СССР на здоровую окружающую среду: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Москва, 1990. С. 167.

в Общесоюзном акте об охране природы право граждан на охрану и благоприятное состояние природного окружения, а немного позднее – право граждан на благоприятную окружающую среду. С.А. Боголюбов указал на обязательность закрепления права граждан на благоприятную окружающую среду в Конституции³⁰.

В настоящее время заложенные в советский период идеи и теории продолжают активно развиваться, трансформируясь в адекватные действительности, содержательные и эффективные экологические права. Подтверждением тому в нормативном плане служит форма и содержание ст. 42 и иных положений Конституции Российской Федерации, их развитие в действующем российском законодательстве различной отраслевой направленности.

В заключение можно отметить, что генезис экологических прав человека и гражданина характеризуется двумя основными аспектами: стадийностью становления и развития концепции прав человека, включая экологическую составляющую, на общемировом уровне, а также спецификой и цивилизационными особенностями отдельно взятого государства (в данном случае – российского), отражающимися на степени параллельности развития научной мысли и правового регулирования исследуемой области. Уточним, что указанные аспекты не соподчинены, но оказывают взаимное влияние друг на друга. Данная специфика позволила исследовать процесс становления и развития экологических прав человека и гражданина с применением традиционного и инновационного подходов, а также выделить его ключевые этапы на национальном уровне. В доктринальном плане можно резюмировать тот факт, что применительно к отечественной юридической науке заслуга в нормативном оформлении экологических прав человека и гражданина в большей степени принадлежит ученым-экологам, нежели специалистам в области конституционного права. Подтверждением данного тезиса служит анализ современных исследований в области экологических прав, где ведущее место по-прежнему принадлежит научным достижениям в отрасли экологического права, в то время, как исследования в конституционном ключе находятся в меньшинстве, или затрагивают проблемы обеспечения данной категории прав весьма фрагментарно.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» // <http://www.lawmix.ru>
3. Постановление Президиума ВЦИК от 25 июля 1923 г. «О введении в действие Лесного кодекса», принятого II сессией X созыва 7-го июля 1923 года (вместе с Лесным кодексом Р.С.Ф.С.Р.)» // <http://www.lawmix.ru>
4. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» // <http://www.lawmix.ru>
5. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 01 декабря 1978 г. № 984 «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» // <http://www.lawmix.ru>
6. Постановление Верховного Совета СССР от 17 июня 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны лесов и рациональному использованию лесных ресурсов» // <http://www.lawmix.ru>
7. Постановление Совета Министров РСФСР от 13 февраля 1974 г. № 104 «О мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных богатств в бассейне озера Селигер Калининской области, а также развитию зоны отдыха и туризма в этом районе» // <http://www.lawmix.ru>
8. Постановление Совета Министров СССР от 19 марта 1979 г. № 255 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств советской стороны, вытекающих из Конвенции между Правительством СССР и Правительством США «Об охране перелетных птиц и среды их обитания» // <http://www.lawmix.ru>

³⁰ См.: Ефимова Е.И. Развитие института экологических прав и обязанностей в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. 2004. №№ 2, 3.

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06 августа 1980 г. «Об административной ответственности за нарушение лесного законодательства» // <http://www.lawmix.ru>
10. Постановление Совета Министров РСФСР от 18 марта 1988 г. № 93 «О коренной перестройке дела охраны природы в РСФСР» // <http://www.lawmix.ru>
11. Постановление Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» // <http://www.lawmix.ru>
12. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; www.garant.ru
13. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2; www.garant.ru
14. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г.) (с посл. изм. от 14 марта 1990 г.). Утратила силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 8 декабря 1991 г. «О создании содружества независимых государств», ратифицированного Постановлением Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617; www.garant.ru
15. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. Принята Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 г. (с посл. изм. от 10 декабря 1992 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407; www.garant.ru
16. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Экологическое право России. Волгоград: Изд-во «Панорама», 2006.
17. Белякович Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы. Минск: Амалфея, 2009.
18. Боголюбов С.А. Конституционные основы охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2003. № 11.
19. Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982.
20. Васильева М.И. Право граждан СССР на здоровую окружающую среду: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Москва, 1990.
21. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юристъ, 2003.
22. Ефимова Е.И. Развитие института экологических прав и обязанностей в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. 2004. №№ 2, 3.
23. Ефремов Ю.К. Правовые вопросы охраны природы в СССР // Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1982.
24. Колбасов О.С. Экология: политика-право. М.: Наука, 1976.
25. Колбасов О.С. Правовые исследования по охране окружающей среды в СССР. М.: ВИНТИ, 1978.
26. Петров В.В. Становление и развитие эколого-правовых исследований // Правовые проблемы экологии. М., 1980.
27. Тарнавский А.Г. Право граждан на благоприятную окружающую среду // Советское государство и право. 1990. № 9.
28. Федоров А.А., Яценко-Хмелевский А.А. Охрана природы // <http://www.sholast.ru>
29. Шемшученко Ю.С. Правовые проблемы экологии. Киев: Наукова думка, 1989.

HISTORY OF RUSSIAN STATE REGISTRATION AS A FACTOR SUBJECTIVE OF ENVIRONMENT

V. KASATKIN¹⁾

I. CHALYKH²⁾

*Belgorod State National
Research University*

¹⁾*e-mail: Kasatkin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: Chalykh@bsu.edu.ru*

The article discusses the historical and legal approach to the study of the environmental sphere, the features of design of environmental rights in the subjective aspect of the formation and development of the Russian state. The author identifies the main stages of their genesis in terms of the actual impact of the stages of state building in Russia.

Key words: genesis, Russian state, factor of development, subjective environmental rights, historical stage, legal regulation

УДК – 342.7

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН И СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ¹

А.Е. НОВИКОВА¹
А.М. ЖОРНИК²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹*e-mail: alevtina2010@yandex.ru*

²*e-mail: zhornik94@mail.ru*

В статье представлено обобщение опыта защиты Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации субъективных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь. Авторами также обоснованы некоторые способы совершенствования данного правозащитного направления.

Ключевые слова: социальное государство, защита, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь.

Российская Федерация, провозгласив себя социальным государством, (ст. 7 Конституции Российской Федерации)², обязуется проводить в жизнь определенную социальную политику, направленную на обеспечение защиты, достойной и свободной, здоровой жизни людей. В этой связи особого внимания заслуживают проблемы реализации таких субъективных прав как охрана здоровья населения и медицинская помощь (ст. 41 Конституции Российской Федерации).

Уточним, что охрана здоровья и обеспечение права на медицинскую помощь реализуются как органами публичной власти, так и институтами гражданского общества. Среди первых особый интерес представляет Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации ввиду его статусных особенностей – связующего звена между гражданским обществом и государственной властью.

В целях выявления роли Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в обеспечении субъективных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, нами были проанализированы его ежегодные доклады за последние 10 лет: с 2002 г. по 2011 г. Результаты показали, что в одном из них (2002 г.³) упоминалось о заявленной проблеме лишь вскользь, несколькими фразами. Только в четырех докладах (2006 г.⁴, 2008 г.⁵, 2010 г.⁶, 2011 г.⁷) право на охрану здоровья и медицинскую помощь выделялось в отдельную рубрику. В остальных докладах данное субъективное право упоминалось контекстно наряду с другими правами в разделах «экономические и социальные права» (2003 г.⁸), «права человека в местах принудительного содержания» (2007 г.⁹), «право на

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2002 году // www.ombudsmanrf.org

⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2006 году // www.ombudsmanrf.org

⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2008 году // www.ombudsmanrf.org

⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // www.ombudsmanrf.org

⁷ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год // www.ombudsmanrf.org

⁸ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году // www.ombudsmanrf.org

социальное обеспечение и медицинскую помощь» (2009 г.¹⁰), «социально-экономические права» (2005 г.¹¹), «экономические, социальные и культурные права» (2004 г.¹²).

Во всех представленных выше докладах Уполномоченный отмечал, что в сфере здравоохранения в Российской Федерации наличествуют серьезные проблемы, главным образом связанные с необеспечением большинства граждан минимально достаточным объемом бесплатной медицинской помощи. По данным Всемирной организации здравоохранения, пишет Уполномоченный, Россия находится на 127-м месте в мире по уровню здравоохранения.

К причинам сложившейся ситуации омбудсмен относит отсутствие до конца продуманной и последовательной политики в области здравоохранения, отсутствие в действующем законодательстве четких правовых механизмов, которые регулировали бы те или иные вопросы в сфере обеспечения бесплатных медицинской помощи и лекарственных препаратов. Немаловажным фактором, вызывающим отрицательные последствия в данной сфере, является недостаточное выделение средств государством на финансирование здравоохранения – около 4% ВВП. Также отмечается крайне противоречивая практика рассмотрения судами дел, касающихся нарушения законных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Результатом этого стало увеличение смертности, особенно среди новорожденных, сокращение продолжительности жизни, низкие показатели рождаемости.

Если рассматривать проблемы фокусно-определенной группы субъективных прав в докладах российского омбудсмена с учетом хронологического критерия, то видно, что в 2002 г. Уполномоченным было отмечено лишь о тенденции к коммерциализации государственных и муниципальных больниц и лечебниц вследствие расширения сферы платных услуг в медицине. В числе проблем, касающихся медицины, была выделена нехватка лекарств в местах лишения свободы.

В докладе 2003 г. омбудсмен уделил вопросам здравоохранения больше внимания. В частности, особое место было отведено проблемам ухудшения качества обеспечения медицинской помощи в детских больницах, поликлиниках и родильных домах, нехватки выделяемых средств на содержание новорожденных в роддомах, страховой медицины. Наряду с этим, было отмечено ухудшение состояния психиатрии в России. Подчеркнем, что представленные Уполномоченным выводы базировались на специализированных данных Министерства здравоохранения России, исследованиях Независимого института социальной политики, мнениях академиков и врачей о состоянии сферы здравоохранения.

Анализ доклада за 2004 г. показал, что праву на охрану здоровья и медицинскую помощь со стороны омбудсмена уделено недостаточно внимания: им были перечислены проблемы, среди которых повышение стоимости лекарственных средств, неэффективность системы медицинского страхования, ухудшение здоровья нации, распространение алкоголизма и наркомании. Однако такое упущение было компенсировано комплексным анализом данного права в докладе Уполномоченного за 2005 г. В этом документе впервые приводится статистика, показывающая долю обращений, связанных с вопросами здравоохранения, – 3,7%. Более широко представлен круг проблем, среди которых выделены следующие:

- отсутствие необходимого профилактического и диагностического оборудования в городских и особенно сельских клиниках;
- нехватка машин «скорой помощи», а также их недостаточное оснащение современным оборудованием;
- дефицит специалистов;

⁹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2007 году // www.ombudsmanrf.org

¹⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // www.ombudsmanrf.org

¹¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2005 году // www.ombudsmanrf.org

¹² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году // www.ombudsmanrf.org

- слишком дорогие услуги платного здравоохранения и одновременно низко квалифицированная медицинская помощь в системе государственного здравоохранения;
- недоступность новых эффективных лекарственных препаратов и применения высоких медицинских технологий.

Отметим, что это не исчерпывающий перечень проблем, упомянутых в докладе. Омбудсмен, как и в 2003 г., акцентирует внимание на уровне оказания психиатрической помощи, который оставляет желать лучшего. По-прежнему не хватает психологов, психотерапевтов, санитаров, дневных стационаров и общежитий для лиц, страдающих психическими расстройствами, а также вследствие нехватки денег на средства нового поколения к пациентам применяют самые простые и грубые препараты и меры физического стеснения, даже когда в этом нет необходимости. Важным нарушением, о котором упоминает российский Уполномоченный, является отсутствие реакции со стороны российского государства на указание Европейского Суда по правам человека о необходимости введения в российское законодательство статьи о праве людей с психиатрическими расстройствами на немедленное самостоятельное обращение в суд при недобровольной госпитализации. Впервые (и, что примечательно, в последний раз) Уполномоченный по правам человека выделяет низкий уровень профилактических мероприятий как еще одну проблему российского здравоохранения. В рамках данного доклада омбудсменом были выдвинуты такие предложения:

- уделить приоритетное внимание массовой пропаганде здорового образа жизни;
- обозначить строительство широкой сети центров высоких медицинских технологий в качестве приоритетного национального проекта.

Как мы видим, Уполномоченный по правам человека всесторонне анализирует проблемы в России, касающиеся охраны здоровья, предлагает пути их решения, реагирует на соответствующие жалобы граждан, но тем не менее, из года в год в докладах мы обнаруживаем идентичный перечень вопросов, которые так и не были решены нашим государством. Более того, чем больше появляется «прогрессивных» нормативных правовых актов в этой сфере, тем больше возникает новых проблем и противоречий.

В своем ежегодном докладе за 2006 г. Уполномоченный по правам человека помимо стандартных проблем, наличествующих во всех его и предыдущих и последующих докладах, выделил новые:

- невозможность гражданами получить бесплатную медицинскую помощь по месту своего временного проживания ввиду отсутствия четко прописанного правового механизма получения такой помощи;
- отсутствие нормативной регламентации системы закупок лекарственных препаратов для стационарных учреждений, сроков закупок и поставок лекарств;
- обилие поддельных лекарственных препаратов.

По поводу первой проблемы Уполномоченный в виде предложения указывает на необходимость детальной нормативной регламентации порядка получения застрахованным медицинской помощи вне постоянного места жительства.

Омбудсмен наряду с проблемами выделяет и позитивные изменения, в частности: на лекарственные средства льготных категорий граждан было выделено 68 млрд. рублей, что на 24 млрд. больше, чем в 2005 г. (вместе с тем, это не привело к существенному улучшению ситуации);

была начата реализация приоритетного национального проекта «Здоровье».

Далее логичным, по мнению авторов, будет перейти к докладу Уполномоченного за 2008 г. в связи с тем, что он практически полностью дублирует доклад 2006 г. Различия составляют приведенные им данные ВОЗ: в 2006 г. Россия выделяла 3% ВВП на здравоохранение, а в 2008 г. уже 4%. Обратим внимание, что это единственное улучшение, отмеченное омбудсменом за два прошедших года. Ни одна проблема из указанных российским омбудсменом не получила разрешения: не были внесены изменения в проект «Здоровье» (зарплаты врачам, не являющимся участковыми, не подняли); не был регламентирован порядок получения медицинской помощи застрахованным гражданам, находящимся вне постоянного места жительства; не ликвидированы поддельные лекарст-

венные препараты с лекарственного рынка России. По-прежнему в докладе отмечается о проблемах с закупками лекарственных препаратов для стационарных учреждений. Более того, добавились новые проблемы:

- участились факты закрытия больниц, отделений скорой помощи и амбулаторий;
- невозможность пенсионерам и инвалидам попасть в районные больницы ввиду их отдаленности;
- нехватка районных больниц;
- отказы в оказании медицинской помощи.

Представленный перечень проблем подтверждает неэффективность деятельности государственных органов в заявленной сфере. Безусловно, деятельность Уполномоченного имеет позитивные результаты, однако отсутствие у него властных полномочий существенно снижает, в конечном итоге, возможности российского омбудсмана по восстановлению и защите прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Его предложения и рекомендации зачастую остаются без внимания. Уполномоченный ежегодно направляет письма и обращения в соответствующие министерства и специализированные органы здравоохранения. Данные послания остаются без надлежащего рассмотрения и примером тому являются изложенные факты в Докладах Уполномоченного за 2006 г. и 2008 г.

Как нами уже указывалось выше, в Докладе Уполномоченного за 2007 г. о праве на охрану здоровья говорится лишь в разделе прав человека в местах принудительного содержания. Так, затронута проблема подчинения медицинской службы уголовно-исполнительной системы не профильному ведомству – Минздравсоцразвития России, а медицинскому управлению Федеральной службы исполнения наказания, что не позволяет в должной мере обеспечить право осужденных на охрану здоровья. Не можем не отметить, что в такой же формулировке эта проблема обозначена в докладе за 2008 г., 2009 г., 2010 г. и 2011 г.

Доклад Уполномоченного по правам человека за 2009 г., а именно раздел о праве на социальное обеспечение и медицинскую помощь по сравнению с предыдущими документами весьма специфичен. Выражается это в том, что вопрос охраны здоровья и медицинского обеспечения освещен через призму анализа Уполномоченным отзыва Минздравсоцразвития на его доклад 2008 г. Реагируя на отзыв, Уполномоченный отметил позитивные результаты работы Министерства, в частности:

- 1) проведение совместно с Федеральным фондом обязательного медицинского страхования мониторинга территориальных программ государственных гарантий;
- 2) подготовка нормативных актов для эффективного регулирования видов и порядка оказания платных медицинских услуг;
- 3) ограничение роста цен на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные средства;
- 4) сокращение и даже полное искоренение оборота фальсифицированных лекарств.

В контексте возникшей полемики омбудсмен предложил Министерству провести выборочный мониторинг любых опубликованных в СМИ призывов об оказании медицинской помощи смертельно больным детям, выяснив причины, по которым для них оказалась недоступна бесплатная медицинская помощь (в ответ на реплику Министерства о необоснованности опубликования в СМИ таких призывов).

Информация в Докладе 2009 г. – прямое свидетельство положительной динамики в решении Уполномоченным по правам человека заявленной нами проблемы, так как в данном отчете обобщены прогрессивные меры, направленные на совершенствование системы обеспечения прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В 2010 г. в своем ежегодном докладе Уполномоченный дает краткую характеристику новым нормативным правовым актам, вступившим в силу в 2010 г., дает оценку деятельности Росздравнадзора, который в этом же году был наделен полномочиями по контролю за ценами в аптечных учреждениях. Среди проблем омбудсменом выделяются:

- 1) реализация поддельных лекарств (хотя в 2009 г. было отмечено их полное изъятие из оборота, проблема вновь появилась);
- 2) отказ больным в выписке льготных рецептов;

3) отсутствие четких нормативных методик определения цен на лекарственные препараты.

Среди впервые встретившихся проблем, Уполномоченным были отмечены следующие:

1) неисполнение или ненадлежащее исполнение страхователями обязанности по выплате пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком;

2) удаленность аптек, выдающих лекарства по льготным рецептам, от места жительства граждан;

3) невозможность реализации военными пенсионерами права на бесплатное зубное протезирование (так как этот вид медицинской помощи оказывается им только в военно-медицинских учреждениях).

Российский омбудсмен уделил особое внимание проблеме дискриминации, суть которой проявляется в отсутствии должных механизмов, компенсирующих объективное неравенство наименее социально защищенных граждан: детей, пенсионеров, лиц, лишенных свободы. В данном контексте Уполномоченный указывает на вопрос оказания медицинской помощи детям, страдающим редкими (орфанными) заболеваниями (акцент в докладе сделан на такое заболевание как мукополисахаридоз ввиду его отсутствия в Перечне редких заболеваний). Разрешения данной проблемы зависит от надлежащего финансирования, так как законодатель предусмотрел обязанность региональных властей финансировать приобретение лекарств для лечения редких болезней, а у большинства субъектов Российской Федерации не хватает на это средств.

В докладе 2010 г. Уполномоченным был предложен ряд мер, направленных на улучшение обстановки в сфере здравоохранения:

- возложить обязанность по выплате пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком на страховщика – Фонд социального страхования Российской Федерации;

- включить мукополисахаридоз в Перечень социально значимых заболеваний, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 715;

- Федеральной антимонопольной службе усилить контроль за соблюдением производителями лекарственных препаратов, входящих в список жизненно необходимых, и предприятиями, их реализующими, требований антимонопольного законодательства;

- переподчинить медицинский персонал ФСИН России Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Как мы видим, Уполномоченный по правам человека уделяет пристальное внимание вопросам сферы здравоохранения; направляет свои предложения по совершенствованию данной группы отношений; содействует защите субъективных прав. Однако усилий самого российского омбудсмана недостаточно и для достижения искомого правозащитного результата в эту деятельность должны быть включены органы государственной власти общей и специальной компетенции. В настоящее же время можно наблюдать обратные процессы. Так, исходя из содержания анализируемого доклада, Уполномоченный обращался в Министерство юстиции с предложением рассмотреть вопрос о совершенствовании правового регулирования порядка применения меры пресечения в виде содержания под стражей с использованием института освобождения из-под стражи по болезни. Реакция же Минюста последовала лишь после череды трагических смертей в следственных изоляторах. И только после этого Уполномоченному был направлен законопроект, а в последствии были внесены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления». В соответствии с указанными актами появилась возможность изменения избранной меры пресечения на более мягкую при выявлении у лица тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Для обеспечения реализации этого права были приняты еще несколько нормативных правовых актов.

Нельзя не отметить существенный вклад Уполномоченного по правам человека в законотворческую деятельность в связи с защитой субъективных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь. Он смог посредством направления в Государственную Думу Россий-

ской Федерации своих замечаний предотвратить внесение в нормативные правовые акты поправок, нарушающих права временно нетрудоспособных и беременных работников.

Раздел доклада о деятельности Уполномоченного в 2011 г., посвященный праву на охрану здоровья и медицинскую помощь, начинается с характеристики нового Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный правовой акт содержит ряд положительных новаций. Вместе с тем, законодатель не учел многие рекомендации и замечания Уполномоченного. Так, например, обеспечение лекарственными препаратами больных редкими заболеваниями будет по-прежнему осуществляться за счет средств бюджетов субъектов. Также на арене проблем остаются все те же: нехватка денег, недоступность жизненно необходимых лекарств, дискриминация, отказы судов в освобождении осужденных от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью и т.д. В докладе омбудсмен пишет, что в конце 2010 г. обращался к Председателю Верховного Суда Российской Федерации с просьбой рассмотреть вопрос об опубликовании в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации разъяснений по рассмотрению гражданских дел по искам граждан о взыскании денежных средств, потраченных ими на приобретение необходимых лекарственных средств, отсутствовавших в лечебных учреждениях, право на бесплатное получение которых было нарушено. Согласно поступившим ответам Верховный Суд не счел возможным опубликовать разъяснения в связи с тем, что Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации дела указанной категории не рассматривались, а практика рассмотрения судами таких дел не обобщалась. В том же 2010 г. омбудсмен обращался и к Министру здравоохранения и социального развития Российской Федерации, и к Директору ФСИН, и в Генеральную Прокуратуру, однако положительных в содержательном смысле ответов не получил.

Резюмируя проведенное исследование, отметим, что в Российской Федерации по-прежнему являются актуальными в контексте надлежащей защиты субъективные права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Проблемы, которые существовали в 2002 г. не были разрешены надлежащим образом. Возможно, социальное напряжение по их поводу стало менее заметным в связи с обнаружением новых более острых вопросов в заявленной сфере.

Самой главной, по нашему мнению, а также вытекающей из докладов Уполномоченного, является проблема финансирования. От ее положительного решения зависит ряд иных, не менее важных: некомплектность медицинского персонала, несовременное оборудование медицинской техникой больниц и поликлиник, недоступность и невозможность обеспечения всех категорий граждан необходимыми лекарственными препаратами и др.

Вместе с тем, полагаем, результаты деятельности Уполномоченного применительно к праву на охрану здоровья и медицинскую помощь позволяют утверждать о наличии правозащитного потенциала у данного специализированного института. Считаем, его дальнейшему совершенствованию будут способствовать:

- создание в аппарате Уполномоченного специального подразделения по вопросам, связанным с обеспечением права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ввиду возрастающего количества жалоб именно по данной группе прав);
- популяризация регионального уровня омбудсменовской службы в Российской Федерации;
- наделение Уполномоченного по правам человека правом законодательной инициативы;
- постановка в научном плане вопроса о наделении Уполномоченного по правам человека властными полномочиями с последующей реализацией данных идей на практике.

Список литературы

1. Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер б.2962.2011
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции

Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2002 году // www.ombudsmanrf.org
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году // www.ombudsmanrf.org
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году // www.ombudsmanrf.org
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2005 году // www.ombudsmanrf.org
7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2006 году // www.ombudsmanrf.org
8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2007 году // www.ombudsmanrf.org
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2008 году // www.ombudsmanrf.org
10. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // www.ombudsmanrf.org
11. Федерации за 2010 год // www.ombudsmanrf.org
12. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год // www.ombudsmanrf.org

ROLE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS PROTECTION OF CITIZENS' HEALTH AND SUBJECTIVE RIGHT TO MEDICAL ASSISTANCE

A. NOVIKOVA¹⁾

A. ZHORNİK²⁾

**Belgorod State National
Research University**

¹⁾*e-mail:alevtina2010@yandex.ru*

²⁾*e-mail:zhornik94@mail.ru*

The article presents a synthesis of experience protecting the Human Rights Commissioner in the Russian Federation of subjective rights to health and medical care. The authors also substantiated some of the ways of improving the human rights areas.

Key words: welfare state, defense, right to health, right to health care.

УДК – 342.7

ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

А.Е. НОВИКОВА¹
А.С. МАМИН²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹*e-mail: alevtina2010@yandex.ru*

²*e-mail: mamin_andrei@mail.ru*

В статье раскрыты целевые установки в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. На основе проведенного исследования авторами предложены направления совершенствования телеологической части заявленного правозащитного института.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, восстановление нарушенных прав, совершенствование законодательства, общепризнанные принципы и нормы международного права, правовое просвещение.

Конституция РФ 1993 г.² предусмотрела новый для нашего государства правозащитный институт – Уполномоченного по правам человека. Ввиду ограниченности конституционных положений о таковом (п. «е» ч. 1 ст. 103), а также опыта его положительно функционирования в зарубежных странах, Президентом Российской Федерации 26 февраля 1997 г. был подписан Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (Далее – ФКЗ № 1 от 26 февраля 1997 г.)³. В ст. 43 ФКЗ № 1 от 26 февраля 1997 г. указано, что «в срок не позднее 30 дней со дня вступления в силу настоящего Федерального конституционного закона Государственная Дума принимает постановление о назначении на должность Уполномоченного в порядке, установленном главой II настоящего Федерального конституционного закона». Однако понадобилось почти 15 месяцев, прежде чем на эту должность был назначен депутат Государственной Думы, один из ее представителей в Конституционном Суде, профессор, доктор юридических наук О.О. Миронов.

13 февраля 2004 г. в связи с истечением срока деятельности на должности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации назначила на эту должность Владимира Петровича Лукина.

Кандидатура В.П. Лукина была предложена Президентом России В.В. Путиным и поддержана 335 депутатами. После назначения В.П. Лукин принес присягу на Конституции России и поклялся защищать права человека и гражданина, исполнять свои обязанности, руководствуясь Конституцией России, российским законодательством.

17 февраля 2004 г. Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Борис Грызлов официально представил Владимира Лукина сотрудникам аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Борис Грызлов подчеркнул, что кандидатура В.П. Лукина на эту должность была поддержана депутатами Государственной Думы потому, что «он является высоко профессиональным дипломатом, авторитетным парламентарием, – сказал Грызлов, – его многолетняя деятельность показала, что Владимир Петрович глубоко воспринимает проблемы других людей, он много сделал для становления демократии в нашей стране, отстаивая либеральные ценности. После назначения на эту должность у него открывается возможность полностью посвятить себя этим гуманным целям»⁴.

18 февраля 2009 г. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 1729-5 ГД В.П. Лукин назначен на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на второй пятилетний срок.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

³ Российская газета. 1997, 4 марта.

⁴ <http://ombudsmanrf.org/2009-11-02-08-43-32/2009-11-19-08-09-17.html>

В качестве легальных целей учреждения в России должности Уполномоченного по правам человека выступают:

– *обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан.*

Конституция России закрепила аксиологическое предпочтение человека его прав и свобод, а также возложила на государство обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Рассматриваемая конституционная обязанность государства трансформируется в конкретные обязанности государственных органов и должностных лиц.

В свою очередь гарантии представляют собой систему социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов⁵.

– *соблюдение и уважение прав и свобод граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.*

Отметим, что «уважение прав человека» как принцип напрямую не закреплён в Конституции Российской Федерации. Однако ввиду международной правосубъектности России и ее участия в международных актах, посвященных правам человека, возможно использование формулировки «уважение прав человека». Появление же принципа всеобщего уважения прав человека и основных свобод относится к возникновению ООН и связано непосредственно с принятием Устава ООН⁶.

В преамбуле Устава члены ООН подтвердили «веру в основные права человека... в равноправии мужчин и женщин...». В ст. 1 в качестве цели членов Организации говорится о сотрудничестве между ними «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Важнейшее значение имеет ст. 55 Устава, согласно которой «Организация Объединенных Наций содействует:

а) повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития...

с) всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех...».

В статье 56 предусматривается, что «все члены Организации обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией для достижения целей, указанных в ст. 55».

Анализ многочисленных международных документов по правам человека, к которым относятся, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁷, Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁸, показывает, что в современном международном праве имеется универсальная норма, в соответствии с которой государства обязаны уважать и соблюдать права человека и основные свободы для всех, без различия расы, пола, языка и религии⁹.

Тем не менее непосредственная защита прав и свобод человека является делом сугубо национальной правовой политики. Международные нормы в области прав человека в подавляющем большинстве не могут применяться непосредственно на территории государства, что требует от государства имплементации правовых норм в свою внутреннюю правовую систему.

Далее отметим, что Уполномоченный по правам человека способствует:

– *восстановлению нарушенных прав,*

⁵ Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. – С. 168.

⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. – С. 14-47.

⁷ Права человека. Сборник международных договоров. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1978. С. 1-3.

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁹ См.: Шлянцев Д.А. Международное право: курс лекций. М.: Юстицинформ, 2006.

– совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Уточним, что впервые самостоятельный раздел «Совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина» появился в Докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2005 г.¹⁰ и состоял из трех частей «Обращение к субъектам права законодательной инициативы», «Обращение в Конституционный Суд Российской Федерации», «Совершенствование законодательства, регулирующего деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Аналогичный раздел также содержался в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 г.¹¹, а за 2007 г.¹² и 2009 г. в докладах сохранилась соответствующая рубрика, но без структурирования.

Итак, проанализированные доклады позволяют утверждать, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации участвовал в совершенствовании законодательства о правах человека строго в пределах своей компетенции. К сожалению, сами эти пределы чрезвычайно узки и не включают права законодательной инициативы. Вместе с тем, аргументированное предложение Уполномоченного о наделении его правом законодательной инициативы и о принятии необходимой для этого поправки к ст. 104 Конституции Российской Федерации неоднократно обсуждалось в заинтересованных министерствах и ведомствах начиная с 1999 г., но не получило поддержки.

В итоге единственным доступным Уполномоченному средством участия в совершенствовании законодательства о правах человека остается обращение к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и дополнении федерального законодательства. Следует, однако, отметить, что и этому процессу препятствует отсутствие необходимых правовых норм о взаимодействии российского омбудсмана с субъектами законодательной инициативы.

Для обеспечения участия в законотворческом процессе и регулирования его механизмов Уполномоченный обратился к обеим палатам Федерального Собрания Российской Федерации с предложением о внесении дополнений в их регламенты, которые устанавливали бы структуру взаимоотношений Уполномоченного с Советом Федерации и Государственной Думой.

Постановлением Совета Федерации от 26 мая 2004 г. № 152-СФ были приняты изменения в Регламент Совета Федерации, регулирующие вопросы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации с Советом Федерации.

Однако комитеты Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы и по конституционному законодательству и государственному строительству, рассмотрев указанные предложения, внесение дополнений в Регламент палаты признали нецелесообразным¹³.

Проведенный анализ ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека, позволил сделать вывод, что, российский омбудсмен направил субъектам права законодательной инициативы: в 2009 г. – 42 предложения о совершенствовании законодательства; в 2007 г. – 62 обращения по совершенствованию действующего законодательства, а также 5 проектов нормативных правовых актов (в том числе четыре проекта федеральных законов и один проект постановления Правительства Российской Федерации); в 2006 г. – 40 заключений в соответствующие комитеты палаты с предложениями по вне-

¹⁰ Российская газета. 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

¹¹ Российская газета. 2007, 13 апреля.

¹² Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. 2008, 14 марта; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17 февраля 2010 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год» // Российская газета. 2010, 28 мая.

¹³ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

сению поправок и приведению в соответствие с Конституцией Российской Федерации и общепризнанными принципами и нормами международного права федерального законодательства; в 2004-2005 гг. – свыше 70 предложений.

Однако не всегда обращение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации к субъектам законодательной инициативы находит у них положительный отзыв. Так, в 2006 г. российским омбудсменом были подготовлены предложения об установлении уголовной ответственности за каннибализм, случаи которого неоднократно освещались средствами массовой информации; о признании общественно опасными деяниями куплю-продажу органов человека, других частей его тела и компонентов крови в коммерческих целях, а также клонирование человека. Эти предложения в целом получили поддержку Генеральной прокуратуры Российской Федерации и не были отвергнуты заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, что позволило обратиться в Правительство Российской Федерации с предложением о разработке проекта соответствующего федерального закона. Однако Минюст России оснований для подготовки такого законопроекта не нашел, что идет вразрез с международными правовыми актами и не способствует гармонизации уголовного законодательства России с уголовным законодательством других стран в части установления ответственности за указанные деяния¹⁴.

В целях обеспечения гарантий соблюдения прав человека при их правовом регулировании и выполнения социальных обязательств государства российский Уполномоченный практикует направление в комитеты Государственной Думы заключений по проектам федеральных законов. Так, 2006 г. от Российского омбудсмана в государственную Думу были направлены заключения по проектам федеральных законов, устанавливающие, в частности¹⁵:

- размеры бюджетного финансирования по бесплатному обеспечению инвалидов, в том числе инвалидов Великой Отечественной войны, специальным автотранспортом в качестве средства их медицинской реабилитации и социальной адаптации;
- порядок прохождения срочной военной службы по призыву, меры социальной и правовой защиты военнослужащих и членов их семей;
- процедуру рассмотрения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами индивидуальных и коллективных обращений граждан;
- формы и методы борьбы с терроризмом, допустимость при этом ограничения прав и свобод граждан, деятельности средств массовой информации;
- меры уголовно-правового характера о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений, и меры по обеспечению при этом гарантий права собственности на имущество, приобретенное законным путем.

Приходится констатировать, что и нормативные правовые акты, принимаемые Правительством Российской Федерации, в отдельных случаях также содержат юридические несоответствия и недостаточно четкие формулировки.

Например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом»¹⁶ не сформулированы основания и порядок оказания социальной защиты родственникам лиц, лишившихся жизни (здоровья, имущества) при применении оружия на воздушном, морском или речном судне в порядке, предусмотренном статьями 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму»¹⁷. Обращения Уполномоченного в Правительство Российской Федерации по этому вопросу пока не привели к его правовому разрешению.

¹⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. 2008, 14 марта.

¹⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. 2007, 13 апреля.

¹⁶ Российская газета. 2007, 20 января.

¹⁷ Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006, 10 марта.

Еще одной формой участия Уполномоченного по правам человека в законотворческом процессе, является его присутствие на стадиях подготовки законодательных проектов к очередному слушанию Государственной Думой. По одним законопроектам законодатель учел правовую позицию Уполномоченного, по другим – оставил ее без внимания.

Конструктивное сотрудничество в области мониторинга законодательства Российской Федерации и практики его применения сложилось между Уполномоченным по правам человека и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

В октябре 2005 г. Уполномоченный направил замечания и предложения к ежегодному докладу Совета Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации», в которых нашли отражение актуальные проблемы законодательного регулирования прав человека и их судебной защиты.

Практика показывает, в то время как интересы государства представлены в законотворческом процессе органами исполнительной власти, являющимися основными разработчиками законопроектов, права и интересы личности и общества в этом процессе зачастую не представлены никем. Вполне очевидно, однако, что защита прав и свобод человека должна обеспечиваться еще на стадии разработки законопроектов.

Исходя из того, что закон возлагает на него осуществление государственной защиты прав человека, Уполномоченный в целях соблюдения баланса интересов государства и личности обратился в Правительство Российской Федерации с предложением о своем участии в проведении экспертно-правовой оценки законопроектов в части соблюдения прав человека перед решением вопроса о внесении их в Государственную Думу в качестве законодательной инициативы.

К сожалению, Министерство юстиции Российской Федерации, рассмотрев обращение Уполномоченного, не посчитало целесообразным его участие в экспертизе проектов федеральных законов на предмет их соответствия общепризнанным международным нормам и стандартам в области прав и свобод человека¹⁸.

В деятельности по совершенствованию законодательства особое внимание российский омбудсмен уделяет взаимодействию с Конституционным Судом. Так, в 2007 г. Уполномоченный по правам человека подготовил 11 заключений на обращения судей Конституционного Суда по вопросам конституционности положений отдельных законодательных актов, примененных к гражданам в конкретных уголовных и гражданских делах.

Конституционным Судом Российской Федерации была учтена правовая оценка Уполномоченного по правам человека, высказанная им по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Баныкиной Т.А. (Постановление от 22.03.2007 г. № 4-П). Согласно заключению федерального Уполномоченного, оспариваемая законодательная норма не соответствует Конституции Российской Федерации. Это обязывает законодателя осуществить совершенствование законодательства с тем, чтобы обеспечить справедливую пропорциональность взносов в фонд социального страхования, осуществляемых в пользу застрахованных женщин в соответствии с их трудовым заработком и страховым обеспечением, что позволило бы в максимально возможной степени компенсировать им утраченный в связи с беременностью и родами заработок¹⁹.

Вместе с тем анализ практики рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации жалоб Уполномоченного на неконституционность отдельных положений действующего федерального законодательства в целях соблюдения прав человека свидетельствует о том, что противоречащие Конституции Российской Федерации нормы остаются порой без надлежащей конституционно-правовой оценки.

В случаях немотивированного отказа Конституционного Суда Российской Федерации от рассмотрения по существу направленных Уполномоченным по правам человека жалоб, фактически признаются конституционными положения федеральных законов,

¹⁸ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

¹⁹ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. 2008, 14 марта.

нарушающие права человека, гарантированные международными договорами Российской Федерации.

Так, Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2006 г. № 132-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного на нарушение прав гражданина Е., гарантированных каждому частью 1 статьи 39 (право на социальное обеспечение) и частями 1, 2, 3 статьи 35 (право на частную собственность) Конституции Российской Федерации, положениями части 3 статьи 2 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»²⁰.

Несмотря на то, что согласно статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое физическое лицо имеет право на уважение своей собственности, а пенсия за выслугу лет, предоставляемая гражданам, проходившим военную службу, как форма реализации ими права на социальное обеспечение²¹, то есть на получение от правового социального государства гарантированных денежных средств, является имуществом социального назначения, на которое, как указывал Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 20 июня 2002 г. по делу «Азинас против Греции», возникает право собственности, Конституционный Суд Российской Федерации оставил, таким образом, вопрос о нарушении названного международного договора Российской Федерации без конституционно-правовой оценки.

Аналогичные решения принимались Конституционным Судом Российской Федерации и по некоторым другим жалобам омбудсмена о нарушениях конституционных прав человека законом, примененным в конкретном деле²².

В рамках подраздела «Совершенствование законодательства, регулирующего деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» докладов Уполномоченного по правам человека неоднократно отмечалось, что накопленный опыт государственной защиты прав человека свидетельствует о необходимости законодательного регулирования механизма взаимодействия федерального и региональных уполномоченных. В настоящее время такой механизм отсутствует.

Защита прав и свобод человека осуществляется Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и действующими самостоятельно и независимо от него уполномоченными в субъектах Российской Федерации. В то же время защита прав человека как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов должна основываться на единстве форм и методов ее осуществления, а также на разграничении полномочий федерального и региональных уполномоченных.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г. также подчеркивалась необходимость внести изменения в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и принять Федеральный закон «Об основах деятельности Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации»²³. Это позитивно отразится на повышении эффективности взаимодействия уполномоченных²⁴.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 132-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина В.Н. Егорова положением части третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // «Пенсия». 2006. № 7.

²¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

²² Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. 2007, 13 апреля.

²³ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. 2007, 13 апреля; Доклад Упол-

Следует отметить, что в настоящее время указанные изменения в законодательстве так и не появились. На наш взгляд их необходимость актуальна до сих пор.

Подводя итоги проведенного аналитического исследования, обратим внимание, что статистические материалы взаимодействия Уполномоченного по правам человека с субъектами законодательной инициативы, а также представленные результаты такого взаимодействия, дают основания по прежнему утверждать о необходимости наделении российского Уполномоченного правом законодательной инициативы. Тем более, что подобный опыт имеется на региональном уровне.

Представляется целесообразным сохранение именно структурированной рубрики «Совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина» в ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека. Полагаем, она должна присутствовать в докладе омбудсмена каждый год²⁵.

– *развитию международного сотрудничества в области прав человека*

Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по международному сотрудничеству обусловлена стоящими перед ним задачами по защите и обеспечению прав и свобод российских граждан вне зависимости от места их проживания, а также граждан любых других стран и лиц без гражданства (апатридов) на территории России.

Функции омбудсменовских служб во многом схожие в различных странах мира, позволяют им устанавливать между собой горизонтальные связи и использовать имеющиеся в их арсенале правозащитные механизмы в целях совместного отстаивания прав и свобод человека. К настоящему времени Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации установлены и на постоянной основе поддерживаются деловые контакты с руководителями национальных правозащитных институтов более чем 50 стран мира. Регулярно поступают аналитические доклады и материалы о деятельности зарубежных омбудсменов, в которых представлены способы и методы организации работы их аппаратов, а также даются оценки положения с правами человека в их странах, что позволяет аккумулировать позитивный зарубежный опыт государственной защиты прав человека и использовать его в работе.

Повышению эффективности взаимодействия российского Уполномоченного с государственными правозащитными институтами других стран способствует заключение двусторонних соглашений о сотрудничестве.

Особое значение деятельность Уполномоченного по международному сотрудничеству приобретает в связи с участием России во всемирных и общеевропейских структурах (ООН, Совет Европы, ОБСЕ и другие) и с ратификацией нашей страной ряда международных конвенций, договоров и соглашений с вытекающими из них международно-правовыми обязательствами в области соблюдения прав и свобод человека. Осуществление международными организациями контрольных функций за выполнением странами-членами общепризнанных международных норм и стандартов в области прав и свобод человека требует регулярного обмена информацией и ведения диалога по этим проблемам²⁶.

– *правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты*. Последнее является одной из важнейших обязанностей Уполномоченного по правам человека. Цель его деятельности в этой области состоит в повышении осведомленности граждан о правах и свободах, гарантированных им Конституцией РФ. Только

номоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

²⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

²⁵ В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 г. рассматриваемая рубрика отсутствует.

²⁶ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год // Российская газета. 2006, 15, 21, 29 июня.

осознав свои права и свободы, граждане России могут научиться ответственно и с достоинством требовать от должностных лиц их соблюдения²⁷.

Резюмируя проведенное исследование отметим, что современные целевые установки в деятельности Уполномоченного по правам человека соответствуют требованиям общепризнанных принципов и норм международного права; формализованы в законодательстве и, на наш взгляд, представляются адекватными заявленному специализированному правозащитному статусу российской омбудсменовской службы.

Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Федеральный конституционный закон РФ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Российская газета. – 1997, 4 марта.
3. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006, 10 марта.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 132-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина В.Н. Егорова положением части третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // «Пенсия». 2006. № 7.
5. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14-47.
6. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 1-5. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 5-11.
10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год // Российская газета. 2006, 15, 21, 29 июня.
11. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год // Российская газета. 2007, 13 апреля.
12. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год // Российская газета. 2008, 14 марта.
13. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. 2008, 14 марта.
14. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17 февраля 2010 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год» // Российская газета. 2010, 28 мая.
15. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.

²⁷ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год // Российская газета. 2007, 13 апреля.

16. Шлянцев Д.А. Международное право: курс лекций. М.: Юстицинформ, 2006.
17. <http://ombudsmanrf.org/2009-11-02-08-43-32/2009-11-19-08-09-17.html>

TARGET INSTALLATION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. NOVIKOVA¹⁾

A. MAMIN²⁾

**Belgorod State National
Research University**

¹⁾*e-mail: aletina2010@yandex.ru*

²⁾*e-mail: mamin_andrei@mail.ru*

In the article the target is set in the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. On the basis of the study authors suggest ways of improving the teleological part of the alleged human rights institution.

Key words: Ombudsman, restoration of violated rights, improvement of legislation, generally accepted principles and norms of international law and legal education.

УДК – 342.52; 340.134

ОСОБЕННОСТИ НОРМОТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Н. САМСОНОВ¹
Е.Ф. ЛУКЬЯНЧИКОВА²

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

¹*e-mail:*
Samsonov@bsu.edu.ru

²*e-mail:*
Lukyanchikova@bsu.edu.ru

Тенденции совершенствования и развития правового регулирования нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации свидетельствуют о наличии острой необходимости в исследовании, специально посвященном особенностям нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которое позволит раскрыть все стороны этих отношений, опираясь на последние достижения юридической науки в области нормотворчества и современную нормотворческую практику.

Ключевые слова: нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, правовое регулирование нормотворческой деятельности, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, нормотворческая практика.

В конституционно-правовой науке еще нет работ, специально посвященных исследованию нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. О них лишь иногда упоминается при характеристике тех или иных проблем нормотворческой деятельности субъектов РФ или других тесно связанных с этой деятельностью вопросов конституционного права¹.

Выделение таких отношений в самостоятельную группу объясняется тем, что нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ служат не только средством реализации правовых установлений, но и средством создания самих норм права. Именно в этом, по мнению Б.В. Дрейшева, и состоит главная, основная функция правотворческих отношений².

Нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, как и иные правотворческие отношения, представляют собой социальные связи между их субъектами. Однако в отличие от всех других социальных связей, возникающих в правовом регулировании, они имеют более сложный характер, поскольку в процессе своего осуществления регулируются не только нормами процессуального права, но и нормами материального права, находящимися в органической единстве друг с другом.

В связи со сказанным, мы присоединимся к мнению тех ученых, которые рассматривают правотворческие отношения как комплекс материально-правовых и процессуально-правовых отношений, которые неразрывны и находятся в движении³.

С помощью материальных нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, по нашему мнению, обеспечиваются те правотворческие действия участников этих отношений, которые связаны, например, с определением объема и содержания предмета правового регулирования нормативного правового акта законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, рассмотрением и уяснением смысла их нормотворческих полномочий и права законодательной инициативы. С помощью процессуальных нормо-

¹ См., например, Лабутина В.А. Конституционно-правовые основы правотворческой деятельности дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 75.

² Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 61.

³ См. Дрейшев Б.В. Указ раб. – С. 65.

творческих отношений обеспечивается практическое осуществление материальных нормотворческих отношений (последовательность, порядок реализации и т.д.) в целях издания нормативного правового акта, отвечающего требованиям правового закона. Из сказанного с неизбежностью вытекает то обстоятельство, что процессуальные нормотворческие правоотношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ являются производными от материальных нормотворческих отношений и имеют по отношению к последним служебный, вспомогательный характер. Для процессуальных нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ характерным является то, что по времени своего существования они также как и любые другие процессуальные отношения «корооче» материальных нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, которые, как правильно пишет Ю.Д. Рудкин, возникают раньше и завершаются позже⁴.

Так, поиск и определение обстоятельств, требующих издания нормативного правового акта законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ и принятие ими решения либо о его издании либо о разработке его проекта (материальные правоотношения) вызывает к жизни целый комплекс процессуальных нормотворческих правоотношений, следующих одно за другим. Это, например, отношения по составлению проекта нормативного правового акта законодательного (представительного) органа государственной власти субъектов РФ, его согласование, предварительное обсуждение. В них участвуют более широкий круг субъектов, нежели в материальном нормотворческом отношении. В связи с этим, заслуживает одобрения мнение о том, что процессуальные правоотношения носят дискретный характер, который отличает их от стабильных материальных отношений⁵.

Кроме перечисленных признаков нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ характеризуются и другими, которые выражаются в следующих их чертах:

– нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ возникают на основе норм законодательства о нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. В то же время для них характерно и свое фактическое содержание. Законодатель не стремится и не должен стремиться упорядочить все нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Они имеют глубоко творческий, созидательный характер, который не совместим с их чрезмерной правовой регламентацией. «Процессуальные правоотношения, – пишет Е.Г. Лукьянова, – становятся реальным фактом в той мере, в какой оно проявляется во вне, в поведении состоящем из действий субъектов процесса и находят свое выражение в процессуальном документе, если этот документ обязателен для фиксации отношения»⁶;

– нормотворческие правоотношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, как и любые другие процессуальные отношения – есть отношения субординации. Одной из сторон в них всегда выступает участник, наделенный правом принимать соответствующие нормотворческие решения (законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ), его комитеты и комиссии и т.д.) обязательные для других субъектов нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ;

– нормотворческим правоотношениям законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ свойственен публичный характер, они порождаются деятельностью их участников, осуществляемой в целях официального правового регулирования соответствующих отношений и обеспечиваются необходимой охраной государства;

⁴ Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 61.

⁵ Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. – К.: Вища школа, 1979. – С. 57.

⁶ Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., – НОРМА. 2003. – С. 209-210.

– нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ характеризуются особым строением (устройством). При характеристике их строения целесообразно исходить из мнения тех ученых, которые обосновывают состав правоотношения. Данный подход включает в него не только содержание, субъекты и объекты, но и юридические факты⁷ и позволяет более четко и последовательно рассмотреть специфику нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Они также состоят из содержания, субъектов, объектов и юридических фактов. Именно благодаря этим компонентам специфика построения нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ прослеживается наиболее ярко.

Объекты нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. В юридической литературе говорится о внешних и непосредственных объектах правотворческих отношений⁸. Внешние объекты этих отношений – есть те, по поводу чего складываются эти отношения. В качестве таких объектов, на наш взгляд, выступают объективированные в нормативном правовом акте законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ демократические, юридические и иные ценности современного общества – права и свободы человека и гражданина, народовластие и т. д.

Непосредственные объекты нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ – это те, которые характеризуют их на определенных этапах нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Эти объекты находятся в постоянной взаимосвязи, что обусловлено их спецификой. В связи с этим мы поддерживаем высказанное в юридической литературе мнение о том, что «получив необходимые качества и свойства в одном правоотношении, непосредственный объект перерастает его пределы и становится объектом последующего правотворческого отношения, где он приобретает уже качественно новое состояние»⁹. Сказанное подтверждается всеми стадиями и этапами нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Так, первоначальным ее отношением является то отношение, которое возникает между субъектом-инициатором и субъектом-разработчиком по поводу подготовки проекта нормативного правового акта законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ, поскольку именно на достижение этого результата и направлены действия участников. В свою очередь предварительное обсуждение правотворческого проекта законодательным (представительным) органом государственной власти субъектов РФ субъектом-инициатором направлено на дальнейшее совершенствование этого объекта, в силу чего, он приобретает уже качественно новое состояние, так как в нем проявляются новые свойства, приобретенные им в процессе этого обсуждения.

Таким образом, объекты нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ образуют взаимосвязанную систему, в пределах которой они охватываются необходимым воздействием участников этих отношений. Возникновение и развитие данной системы отражает основные тенденции течения производства по принятию нормативных правовых актов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Субъекты нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Эти отношения слагаются из действий тех лиц, которые участвуют в их осуществлении. В конституционно-правовой науке до сих пор нет ясного и четкого теоретического определения субъекта нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, не до конца исследован вопрос об их видах и статусе, мало рекомендаций, на-

⁷ Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 62-63.

⁸ Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 78-79.

⁹ Рудкин Ю.Д. Указ. Соч. – С. 79.

правленных на совершенствование норм, регулирующих их поведение. Рассмотрение названных проблем имеет исключительно важное значение в исследовании нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, и потому требует проведения самостоятельного исследования, посвященного их анализу.

Содержание нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. В юридической литературе к содержанию правотворческих отношений относят способность участников правотворческих отношений действовать определенным образом, правомочия и обязанности этих участников, а также юридическую ответственность¹⁰. Такой подход может быть применен и при исследовании содержания нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Первое место в содержании нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ занимает их правотворческие полномочия, а также полномочия иных участников нормотворческой деятельности. Эти полномочия нельзя в чистом виде отнести ни к процессуальным ни к материальным полномочиям. Кроме правотворческих полномочий в содержание нормотворческих отношений этих органов можно включить и меры воздействия, применяемые в этих отношениях.

Кроме того, не следует забывать и о фактическом содержании нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. О фактическом содержании правоотношений сегодня пишут и говорят многие ученые. Е.Г. Лукьянова даже включила его в понятие правоотношения¹¹.

Юридические факты в нормотворческих отношениях законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. В юридической литературе проблеме юридических фактов уделено значительное внимание¹². Есть работы, в которых рассматриваются юридические факты возникновения, развития и прекращения правотворческих отношений¹³. Вместе с тем, остается открытым вопрос о юридических фактах возникновения, развития и прекращения нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. В настоящее время нет ни одной статьи, где бы освещалась данная проблема. Думается, что такая ситуация ничем не оправдана и должна быть устранена.

Основой исследования юридических фактов в нормотворческих отношениях законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ служат положения юридической науки о том, что юридические факты в правотворческих отношениях в единственном числе, как правило, не имеют юридической силы и выступают в виде фактического (юридического) состава – фактической совокупности нескольких жизненных обстоятельств, предусмотренных нормами права¹⁴.

Решающее значение в возникновении этих отношений принадлежит юридически значимым действиям соответствующих участников нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Такие действия осуществляются ими путем использования принадлежащих им прав и обязанностей и, на наш взгляд, являются юридическими фактами, вызывающими возникновение новых, изменение и прекращение ранее возникших нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Так, внесение проекта нормативного правового акта в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ в порядке законодательной инициативы, с одной стороны, обуславливает отношения по его обсуждению, а с другой стороны, знаменуют завершение отношения, существовавшего ранее между субъектами-инициаторами и

¹⁰ Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 69-70.

¹¹ Лукьянова Е.Г. Указ. Соч. С. 204.

¹² Исаков В.В. Юридический состав в механизме правового регулирования. М. – 1986 и др.

¹³ Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 80-84.

¹⁴ Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 81.

законодательными (представительными) органов государственной власти субъектов РФ по поводу предоставления ему необходимых документов в форме законодательной инициативы¹⁵. Однако в отдельных случаях для возникновения нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ недостаточно одного юридически значимого действия. Например, для возникновения отношения по внесению поправки в проект нормативного правового акта, необходимо не только заявление ее автора, обращенное к председательствующему на заседании этого органа о включении его в число выступающих, но и согласие последнего, на включение этого депутата в список выступающих. При этом, если законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ по тем или иным основаниям сочтут выступление автора поправки нецелесообразным, то оно не состоится, а, следовательно, не возникнут соответствующие нормотворческие отношения. В число самостоятельных юридических фактов, вызывающих возникновение, изменение и прекращение правовых отношений, отдельные ученые включают и юридическое состояние¹⁶, к которому относится гражданство, национальность, специальность, стаж и т.д.¹⁷.

В то же время юридические состояния, как юридический факт возникновения, развития и прекращения нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ наполняются особым нормотворческим содержанием и выражается не столько в наличии названных жизненных обстоятельств, сколько в наличии реально существующих нормотворческих состояний. К таким состояниям мы относим, например, наличие в законодательстве субъектов РФ нормативных правовых актов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, противоречащих Конституции РФ и учредительным актам субъектов РФ, а также прямое указание закона о необходимости правового регулирования со стороны законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Определенное значение для возникновения, развития, прекращения нормотворческих отношений имеют и соответствующие юридические события. Так, в ряде случаев издание нормативного правового акта законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ может быть вызвано стихийным бедствием, эпидемиями и т.д.

Существенное значение в динамике нормотворческих отношений имеют и индивидуальны акты-документы участников нормотворческой деятельности этих органов. К их числу следует отнести программы и планы нормотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Они выступают юридическим фактом, подтверждающим отношения по поводу подготовки проекта нормативного правового акта, его обсуждение и принятие.

Все изложенное относительно юридических фактов говорит о том, что для возникновения, изменения и прекращения нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, как правило, недостаточно какого-либо одного юридического факта, необходим их юридический состав.

Таким образом, нормотворческие отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ занимают самостоятельное место в системе нормотворческих отношений нормотворческих лиц Российской Федерации и характеризуются понятиями и признаками, о которых было сказано в данной работе.

Список литературы

1. Постановление губернатора Белгородской области от 12 апреля 2007 г. N 58 «Об утверждении Регламента подготовки проектов законов области для реализации губернатором и прави-

¹⁵ Постановление губернатора Белгородской области от 12 апреля 2007 г. N 58 «Об утверждении Регламента подготовки проектов законов области для реализации губернатором и правительством области права законодательной инициативы в областной Думе» // СПС «Консультант Плюс»

¹⁶ Алексеев С.С. Общая теория права Т.2. – М., 1982. – С. 175-177; Красавчиков С.М. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958. – С. 85-86; Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М., НОРМА. 2003. – С. 196-197 и др.

¹⁷ Погребной И.М. Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. автореф. дис. ...канд. юрид. наук, Харьков, 1982. – С. 13.

тельством области права законодательной инициативы в областной Думе» // СПС «Консультант Плюс».

2. Алексеев С.С. Общая теория права Т.2.– М., 1982. –360 с.
3. Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении.– Л. Изд-во ЛГУ, 1978.– 176 с.
4. Исаков В.В. Юридический состав в механизме правового регулирования. – М., 1986.
5. Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. – К.: Вища школа, 1979. – 230 с.
6. Красавчиков С.М. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958. –184 с.
7. Лабутина В.А. Конституционно-правовые основы правотворческой деятельности дис. ... канд. юрид. наук.– Ростов-на-Дону, 2006.
8. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М., НОРМА. 2003. – 240 с.
9. Погребной И.М. Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. автореф. дис. ...канд. юрид. наук, Харьков, 1982.
10. Рудкин Р.Д. Правотворческие производства: природа, структура, разновидности. дис. ... доктора юрид. наук.– Харьков, 1983.

FEATURES OF LAWMAKING RELATIONS OF LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) AGENCIES OF STATE AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. SAMSONOV¹⁾
E. LUKYANCHIKOVA²⁾

*Belgorod State National
Research University*

¹⁾*e-mail: Samsonov@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: Lukyanchikova@bsu.edu.ru*

The tendencies for improvement and development of legal regulation of law-making activity of legislative (representative) agencies of state authority of the Russian Federation prove the necessity to study the features of law-making relations legislative (representative) agencies of state authority of the Russian Federation. Such study will allow to reveal all the details of the said features of law-making relations on the basis of the latest achievements of legal science in the sphere of law-making and contemporary law-making practice.

Key words: law-making relations legislative (representative) agencies of state authority of the Russian Federation, legal regulation of law-making activity, legislative (representative) agencies of state authority of the Russian Federation, law-making practice.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ: О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ШКОЛ ПРАВА (IALS)

В.Ю. СМОРГУНОВА

*Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена*

*e-mail:valentina_smorgunova
@hotmail.com*

В статье раскрываются политические и интеллектуальные ресурсы международных организаций на примере деятельности международной ассоциации школ права в условиях современных интеграционных процессов.

Ключевые слова: профессиональные ассоциации, международная ассоциация школ права, юридическое образование, мировая история юридического образования.

В последнее десятилетие повышается роль национальных и международных профессиональных ассоциаций, которые нацелены в своей деятельности не только на решение узко цеховых проблем и являются профессиональными клубами единомышленников, но и на политическое управление и регулирование ставшего уже очевидной реальностью феномена интернационализации. Интернационализация и глобализация не являются тождественными явлениями, однако взаимосвязаны и вместе оказывают воздействие на различные сферы человеческой деятельности, включая образовательную и научную.

Юридическая наука и юридическое образование не являются исключением. Отвечая на вызовы общества, каждая национальная система правового образования и просвещения, включается в международный интеллектуальный дискурс, реагируя посредством аккумуляции международного опыта. Вместе с тем, данные процессы не должны проходить стихийно, они неизбежно становятся объектом политического регулирования. Однако они могут стать и объектом политической манипуляции. Видимо, откликаясь на факт существования этих опасностей, ощущая ответственность, а также испытывая большую заинтересованность в упорядочивании деятельности национальных юридических школ, Американская Ассоциация школ права практически в юбилейный столетний год своего существования выступила с предложением о создании Международной Ассоциации школ права. Как развивались события – хронологически, политически и концептуально – покажет нижеприведенный анализ.

Участие автора настоящей работы в деятельности Международной Ассоциации школ права (с 2010 г.) позволяет по-новому посмотреть на историю мирового юридического образования, на роль национальных юридических школ, на уникальные особенности зарубежных юридических факультетов, заставляет поразмышлять о возможности аккумуляции зарубежного опыта в отечественную практику юридического образования. Предлагаемый ниже аналитический материал является результатом авторской оценки и анализа деятельности одной из ведущих зарубежных ассоциаций и публикуется впервые.

Концептуальные и организационно-технологические основы деятельности международной ассоциации школ права (IALS) были заложены в 1998 году по инициативе Американской ассоциации школ права (AALS). Она связана с инициативой, высказанной еще ранее исполнительным директором данной Ассоциации Карлом Монком совместно с членами Исполнительного комитета Американской ассоциации школ права, которые выразили потребность в объединении юридических школ всего мира и установлении контактов между юридическими школами (факультетами).

История новой Ассоциации ведет свое начало с 25 апреля 1997 г., когда исполнительный директор AALS Карл Монк представил стратегическую записку "Об установлении отношений с юридическими факультетами в других странах и с другими объединениями юридических факультетов." В этой записке Монк заявил, что 80% респондентов AALS в ходе самообследования отметили, что AALS должна расширить возможности со-

трудничества юридических факультетов с коллегами из других стран. Он предположил, что в долгосрочном планировании работы AALS, Исполнительный комитет имеет возможность организовать встречу ведущих преподавателей права во всем мире. Эта встреча рассматривалась как значимая в контексте растущей интернационализации правовых норм и нарастающей потребности в обмене опытом преподавания права и организации юридического образования. В ноябре 1997 г. идея К.Монка была поддержана Президентом Американской ассоциации школ права Джоном Секстоном.

Первая международная встреча преподавателей права состоялась в 2000 г. во Флоренции (Италия), на которой присутствовали более 50 специалистов из 27 стран мира. Эта встреча проходила в рамках международной конференции «Международное юридическое образование», приуроченной к 100-летию создания Американской ассоциации школ права. На конференции активно действовали рабочие комитеты, четверть бюджета конференции была покрыта анонимным спонсором. Было принято решение, что AALS возьмет на себя руководящую роль в формировании рабочей группы, связанной с последующей деятельностью, направленной на создание Международной ассоциации школ права. Рабочая группа конференции рекомендовала провести в 2003-2004 годах международную конференцию, посвященную учебным программам по юриспруденции с названием «Transitional Challenges» ("Вызовы переходного времени.") Было рекомендовано увеличить число участников конференции, ориентировочно до 100-150 человек, из которых 25-30% должны были быть представителями США. Рабочая группа по организации международной конференции собиралась неоднократно в течение последующих лет.

Наконец, в 2004 г. на Гавайях (США) была проведена намеченная конференция, на которой присутствовало 130 участников из 47 стран мира, которые единогласно приняли резолюцию о формировании Международной ассоциации школ права (IALS). Роль Американской ассоциации школ права, было решено, будет состоять в качестве организатора Ассоциации и предоставлять ей штаб-квартиру в США. AALS должна было также и обеспечить вспомогательный персонал, оплату печатных, технических и почтовые расходы. Турецкий университет в Стамбуле Бахчесехир (Bahcesehir University) добровольно вызвался оплатить все расходы для 15-20 членов группы планирования, которая в последующем стала основоположником Правления IALS.

Именно в Стамбуле (май 2005 г.) группа преподавателей права из четырнадцати различных стран мира, представляющих все правовые системы, утвердила Устав Международной Ассоциации школ права (Charter for the International Association of Law Schools). Предполагалось, что штаб-квартирой Международной Ассоциации станет Вашингтон, Округ Колумбия, США., а сама Ассоциация – самоокупаемой через год-два после ее создания.

В октябре 2005 г. Ассоциация была признана законодательством округа Колумбия Соединенных Штатов Америки, где и расположился ее центральный офис, а ее временным Президентом стал Карл Монк, который впоследствии планировался для занятия должности Генерального секретаря/казначей. Было решено, что ежегодные членские взносы должны собираться до 30 июня каждого года. В качестве определения категории страны должна использоваться классификация ВТО, структура сборов планировалась отдельно для развитых и развивающихся стран. Заседание правления Ассоциации прошло в Брюсселе (Бельгия) в апреле 2006 г., где рассматривались, прежде всего, вопросы о членстве в Ассоциации и о возможности со стороны AALS еще некоторое время поддерживать проведение мероприятий (двух последующих конференций) и оплату текущих расходов, включая документооборот.

В итоге сложилось так, что Международная ассоциация регулярно проводит заседания правления. Так, 3 января 2007 прошло заседание Правления IALS Вашингтоне, округ Колумбия, США, где обсуждалась возможность проведения очередной конференции в Китае и продолжения политики субсидирования участия в конференциях для членов из развивающихся стран. 17 октября 2007 прошло заседание Правления Ассоциации в Сучжоу, Китай. С 17 по 19 октября 2007 г. здесь же, на базе Университета Сучжоу, школы Кеннета Вана (Soochow University, Kenneth Wang School of Law), прошла еще одна конференция IALS «Обучаясь друг у друга: обогащение образовательных программ юридических факультетов во взаимосвязанном мире». Конференция подняла очень актуаль-

ные вопросы о различных видах правового образования и правового мышления, об академических обменах между преподавателями различных школ права и юридическими факультетами, студенческих обменах, разработке совместных образовательных программ.

Правлению был представлен финансовый отчет о деятельности Ассоциации с момента ее существования, в котором было отмечено фонды, поддерживающие Ассоциацию. Это – прежде всего, Wang and Zeit Foundations, Lexis-Nexis, St. John's и LSAC. К этому моменту в IALS состояло 149 членов, из которых 135 имели право голоса. 63 члена представляли школы права, находящиеся за пределами США, в Ассоциацию входило 9 физических лиц и 5 самостоятельных организаций.

С 10 по 12 апреля 2008 г. проведена очередная конференция в Гамбурге (Германия) на тему «Правовое обеспечение международных деловых операций: глобальная перспектива». Акцент на пленарном заседании конференции был сделан на проблемах глобализации и ее влиянии на международное частное и публичное право, правовое регулирование международных коммерческих сделок. Специальной дифференциации были подвергнуты глобальные, международные, региональные и национальные институты бизнеса, обсуждались вопросы специфики правового обеспечения их жизнедеятельности. В целом, доклады на конференции были подчинены осмыслению важнейшей темы – взаимодействию права и бизнеса. Однако эти вопросы попали и в контекст обсуждения образовательной парадигмы, что было связано с рассмотрением методов преподавания финансового, банковского, торгового права в международном формате.

29-30.05.2008 г. в Монреале (Канада) с успехом была проведена конференция Ассоциации на тему: «Образовательная программа IALS: эффективные методы преподавания курсов о других культурах и правовых системах».

В рамках данной конференции 29 мая 2008 прошло заседание Правления Ассоциации в Монреале, Канада. Президентом Ассоциации была избрана декан Школы права Университета Буэнос Айреса (Аргентина) Моника Пинто, которая являлась Президентом Ассоциации вплоть до апреля текущего года (до 15.04.2011 г.). С этого момента принято решение проводить не более двух международных конференций в год, одну из которых совмещать с заседанием Генеральной Ассамблеи, а штаб-квартиру по-прежнему держать в Вашингтоне (США), где проводить периодически встречи членов Правления. 5 августа инициатор создания IALS и Исполнительный директор AALS Карл Монк завершил исполнен своих полномочий в Американской ассоциации в связи с выходом на пенсию. 7 января 2009 прошло заседание Правления IALS в Сан Диего, Калифорния США.

25-27 мая 2009 г. Ассоциация организовала конференцию в достаточно отдаленном месте – в Австралии, на базе Австралийского национального университета в Канберре - Australian National University in Canberra – (декан факультета – Майкл Купер). Тема конференции – «Роль юридических факультетов и его руководства в меняющемся мире». Конференция подняла следующие вопросы: цели и задачи юридических факультетов; поставила вопрос о том, чем должны заниматься преподаватели-юристы, помимо преподавания, дав ответ вполне резонный ответ – научными исследованиями, совершенствованием профессиональных знаний и мастерства, общественной деятельностью в сообществе, гражданском обществе. Также на конференции были сделаны презентации различных национальных образовательных систем в сфере университетского юридического образования, в частности: Сингапура, Голландии, Аргентины, США, Южной Африки, Австралии, Великобритании, КНР, Германии, Пуэрто-Рико, Мексики, Канады, Египта, Италии, Аммана, Нигерии, Израиля, Индии и др. стран.

25 мая 2009 прошло заседание Правления в г. Канберра, Австралия, которое было проведено в рамках проведенной в Австралии конференции IALS.

Очередная конференция Ассоциации прошла 11-12 сентября 2009 г в Вашингтоне (округ Колумбия, США) по проблемам конституционного права. Конференция была весьма популярным мероприятием. Большое внимание на ее заседаниях было уделено изучению сравнительного конституционного права; проблемам бедности и конституционным правам; методологическим вызовам в сравнительном конституционном праве; взаимодействию религии, государства и Конституции; взаимоотношениям между религией и государством; проблемам тендера и конституционному гражданству; проблемам

мультикультурализма и гражданства – мультикультурному гражданству; проблемам соотношения демократии, народного суверенитета и судебной власти; проблемам справедливости и права; соотношению исполнительной власти с другими ветвями власти и пр. Конференция прошла на базе Колледжа права Американского университета (American University Washington College of Law) и Центра права Джорджтаунского университета (Georgetown University Law Center). Конференция была весьма представительна и по настоящее время ее участники обращаются к тем идеям, которые звучали на секциях, во время работы круглых столов и на пленарном заседании.

6-8 января 2010 состоялось заседание Правления и годовое собрание Ассоциации в Новом Орлеане, штат Луизиана, США, которое также было совмещено с проведением международной конференции. Тема собрания была связана с обсуждением трансформационного права (Transformative Law). На собрании, помимо организационных вопросов, рассматривались значимые теоретические проблемы. А на конференции работали секции по образовательному праву, семейному и ювенальному праву, уголовной юстиции, медицинскому праву, конституционному праву, праву национальной безопасности, контрактному праву, гражданскому процессу, финансовому праву. Рассматривалась роль женщин в юридическом образовании, права инвалидов, поднимались вопросы о праве на сексуальную ориентацию и вопросы гендерной идентификации. Особый интерес вызвала работа секции по филантропическому праву, а также секции, посвященной социальной ответственности юристов.

20-22 мая 2010 г. очередная конференция Ассоциации прошла в Милане при финансовой поддержке юридического факультета Университета Милана в кооперации с национальным фондом и частным фондом (University of Milan Faculty of Law, Fondazione Centra Nazionale di Prevenzione Difese Sociale-CNPDS, Milan, Italy and Fondazione Cariplo). Тема миланской конференции: «Трудовое право и рынок труда в экономике нового мира».

22-23 мая 2010 г. прошла конференция IALS по проблемам трудового законодательства в Милане, Италия. Тема миланской конференции: «Трудовое право и рынок труда в экономике нового мира».

На конференции обсуждались весьма значимые для юриспруденции вопросы труда и фундаментальных прав человека, труда и глобальной экономики, труда и общества, рассматривался феномен дискриминации в трудовых отношениях и в сфере труда в целом; обсуждалась проблема сексуального насилия и законодательное обеспечение прав женщин; миграция трудовых ресурсов и права мигрантов; труд и глобализация общества; проблема использования труда детей; проблемы преподавания трудового права в университетах в сравнительном измерении. Автор настоящей статьи – Сморгунова В.Ю. – впервые приняла участие в работе конференций Международной Ассоциации школ права в Милане и выступила с докладом на тему «Роль трудового законодательства в современной России: традиции и актуальные вопросы». За несколько месяцев до этого Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена в лице юридического факультета вступил в Международную Ассоциацию (январь 2010 г.), явившись первым вузом Российской Федерации, который стал представлять Россию в данной Ассоциации. Сморгунова В.Ю. на заседании Генеральной Ассамблеи была избрана в качестве члена Правления Международной Ассоциации школ права сроком на три года.

Январь 2011 было проведено заседание Правления Ассоциации в Сан-Франциско, Калифорния, США. Еще раз внимание было обращено на содержание Устава Ассоциации, встал вопрос о его совершенствовании, что впоследствии – на аргентинской конференции 2011 г. еще раз было подвергнуто рефлексии – создана комиссия по совершенствованию Устава.

Устав Ассоциации ставит значимые для юриспруденции политические и моральные вопросы. Согласно Уставу, цель Международной Ассоциации школ права заключается в том, чтобы:

1. вносить вклад в создание справедливого и мирного общества, воспитывая взаимное понимание и уважение к разнообразным меняющимся мировым юридическим системам и культурам;
2. повышать и укреплять роль закона в развитии обществ посредством юридического образования;
3. являться открытой и независимой площадкой для обсуждения различных идей, связанных с юридическим образованием;
4. вносить вклад в развитие и совершенствование юридических факультетов и юридического образования во

всем мире; 5. способствовать подготовке юристов, имея в виду то, что они все больше и больше вовлекаются в транснациональную и глобальную юридическую практику; поддерживать тех, кто ориентирован на карьеру, отличающуюся от частной практики, включая правительственную, неправительственную, академическую и корпоративную; 6. осуществлять обмен опытом в области содержания юридического образования.

Ежегодно Ассоциация проводит, как отмечалось выше, международные конференции. Последняя конференция проходила с 13 по 15 апреля 2011 г. в университете Буэнос-Айреса (Аргентина). Тема последней конференции «Обучение, правовое образование и стратегическое планирование». На конференции реализовывалось несколько исследовательских проектов.

Один из них был связан с содержанием учебных планов по праву. Данная тематика вошла в состав секционных заседаний. К числу вопросов, обсуждаемых на секциях, можно отнести: критерии разработки учебных планов; роль юридических факультетов в реализации принципов социальной справедливости; пол, гендер и право – значение в качестве фундаментальных курсов; основные курсы и курсы по выбору; интернационализация учебных планов; знания, умения и ценности в правовом образовании; отражение основных правовых систем в учебных планах; этика и профессионализм; роль магистерских программ по праву. Проблематика пленарного заседания «Содержание учебных планов по праву» также была связана с обсуждением актуальных проблем современной юриспруденции, которые объединяют профессиональных юристов.

Следующий – научно-исследовательский проект конференции – это педагогика в сфере юриспруденции. Наиболее актуальными явились такие темы, как: кросскультурное обучение и пр., которые также нашли отражение в секционных заседаниях. Вызвали наибольший интерес доклады Марчелло Леннертс (Marcelo Lennertz) «Организация юридической клиники в Бразилии», Мехмета Чингиза Узуна (Mehmet Cengiz Uzun) «Обзор программ студенческого обмена юридических факультетов: рассказ очевидца кросскультурного юридического образования».

Всеобщий интерес вызвал доклад американского ученого Стивена Яндела (Stephen Yandle) – «Модель аккредитации юридических факультетов Соединенных штатов: смешанная модель», а также доклад канадского юриста Лизы Филлипс (Lisa Philipps) «Организация стратегического планирования исследований в школах права». В рамках пленарного заседания по педагогике рассматривались интересные и значимые для современного университетского юридического образования подтемы: клиническое и экспериментальное образование в сфере юриспруденции; преподавание базовых дисциплин; навыки преподавания – правовые доказательства, решения проблем, навыки письменного изложения; обучение исследовательским навыкам; вопросы о том, как в преподавании права сочетать стратегические принципы правового образования и осуществить взаимодействие с юридическими службами как целевыми сообществами; и, наконец, – обучение этики и человеческим ценностям.

На 3-ем пленарном заседании «Модели регуляции и аккредитации» в зону внимания попали многие актуальные вопросы. В рамках данного проекта рассматривались модели регуляции и аккредитации (роль правительства в организации системы аккредитации; роль экзаменационных комиссий и судебной власти; легитимные критерии аккредитации; контроль качества и механизмы его обеспечения).

Также как на пленарном заседании, так и на секционных, обсуждались сетевые возможности юридических вузов (обмен преподавателями, обмен студентами, обмен исследователями, специальные программы обучения за рубежом). Автор настоящей работы – Сморгунова В.Ю. – выступила с докладом на тему «Правовое образование в современных российских университетах».

Всего в конференции приняли участие более 130 участников из 29 стран мира, на конференции было сделано более 90 докладов. Участие в подобного рода конференциях позволяет более конкретно и обстоятельно познакомиться с системой юридического образования той страны, где конференция проходит. Поэтому представляется необходимым в данном контексте некоторое внимание уделить юридическому образованию в аргентинских университетах и осветить работу Школы права, которая была организатором конференции в апреле 2011 г в г. Буэнос-Айрес.

Школа права входит в состав университета Буэнос-Айреса (The University of Buenos Aires – UBA). Однако история Школы права имеет еще более длинную историю, чем сам университет. Первые попытки создания учебного заведения юридического профиля относятся еще к концу 18 века. Однако они были неудачными из-за оказываемого сопротивления данной идее со стороны практикующих адвокатов. Тем не менее, в 1814 году все же была создана Академия юридических наук, которая просуществовала вплоть до 1872 года. В качестве преподавателей права здесь выступали практикующие юристы. Перед ними ставилась задача обязательно быть зарегистрированными в палате Апелляционного суда, чтобы не прерывать связи с практикой. Обучение в академии длилось три года, в течение которых в основном изучались права коренного населения Аргентины. Итоговый экзамен сдавался в Апелляционном суде, и был важен с точки зрения академического и социального интереса, проявляемого к подготовке юристов со стороны городских властей.

По инициативе известного политика Антонио Саенса в 1821 г. был создан Университет Буэнос-Айреса, в котором открыли и самостоятельный юридический факультет. Ректором университета стал Антонио Саенс. Академия юридических наук при этом продолжала существовать, готовя судей и адвокатов, которые должны были регистрироваться в реестре адвокатов после завершения обучения, что и считалось итогом их обучения и показателем его качества. Выпускники поступали на работу в качестве клерков в суд. Похоже, что академия наладила контакты с новым юридическим факультетом университета Буэнос-Айреса. Об этом свидетельствует то, что обучение проходило совместно, к нему подключались оба учебных заведения. Будущие юристы обучались 5-6 лет, беря курсы и в академии, и на факультете. Академия успешно развивалась. Известно, что в 1853 г. в ней были открыты новые кафедры уголовного права, коммерческого права, международного и конституционного права, чуть ранее – публичного права и политической экономии.

Так продолжалось до 1872 г., а в 1874 г. – после небольшой паузы, в Университете Буэнос-Айреса была создана Школа права и социальных наук, которая, видимо, поглотила ресурс Академии, которая перестала существовать еще двумя годами ранее. Школа права и социальных наук просуществовала до 2000 г. и была переименована в Школу права.

В 1974 г. Университет включал в себя следующие подразделения: Школу гуманитарных наук и философии, Школу медицинских наук, Школу математики, Школу естественных и точных наук, Школу права и социальных наук. Каждая школа по числу преподавателей, согласно принятому решению, не должна была превышать 15 человек профессорско-преподавательского состава. Сроки избрания ректора и деканов были ограничены четырьмя годами. Ректор избирался на совете университета, а деканы – на советах соответствующих школ. Первым деканом Школы права и социальных наук стал доктор Мануэль Кинтана. История школы права тесно связана с историей страны, которая давала импульсы ее развитию.

Когда национальная идентификация Аргентины была завершена, Аргентина включилась в процесс интеграции в мировой рынок. Новая ситуация стала предполагать необходимость приема новых потоков иммигрантов, развивались города, развивалась городская инфраструктура. Государство распространило свою ответственность и на образовательную сферу, на политику в области здравоохранения, на формирование адекватных новым условиям политических и административных структур. Государство видело в университетах огромные возможности для реализации поставленных грандиозных задач.

Эти обстоятельства диктовали университету Буэнос-Айреса развиваться как практико-ориентированному учебному заведению. Однако эта задача вступила в противоречие с его исследовательской миссией. Все это было учтено образовательными реформами 1905-1906 г.г, которые выстроили систему ценностей, которыми до настоящего времени руководствуется университет. К их числу, прежде всего, относится демократизм, выражающийся в активном участии преподавателей в управлении университетом. Начиная с 20 столетия, Университет Буэнос-Айреса стал развиваться как подлинно исследовательский университет, подготовив четырех нобелевских лауреатов. Школу права окончили 12 Президентов Аргентины, получив там диплом юриста.

В настоящее время Университет включает 13 факультетов, 6 госпиталей, 10 музеев, на базе которых ведется учебный процесс, ассоциирован с четырьмя средними школами, выпускники которых поступают в университет. Обучение в университете бесплатное, включая иностранных граждан. Университет занимает 247 место в мировом рейтинге университетов (URAP – Ranking of Academic Performance). Школа права на настоящий момент объединяет 28000 студентов, которых обучают 1000 преподавателей, из которых только около сотни – штатные преподаватели, а 900 – совместители, работающие в качестве практикующих юристов, адвокатов, прокуроров, судей. Принципы подбора профессорско-преподавательского состава состоят в том, чтобы привлечь к преподаванию юристов-практиков, успешных адвокатов, государственных деятелей – юристов по образованию. В свою очередь, штатные преподаватели Школы поощряются для работы в юридических фирмах, органах власти и управления. Буэнос-Айреса и аргентинского государства в целом. В университетах Аргентины учатся в основном дети среднего и высшего классов, дети рабочих составляют менее 1%. В целом в Аргентине насчитывается примерно 1,6 млн. человек студентов при общей численности населения в 40 млн. человек.

Аргентина имеет одну из самых совершенных систем образования в мире. В Аргентине – самый высокий уровень грамотности среди стран Южной Америки, который составляет 96%. В 1995 г. в Аргентине был принят Закон о высшем образовании, в котором гарантировалось бесплатное высшее образование для всех граждан страны. Университет Буэнос-Айреса – не единственный в стране. Самые крупные государственные университеты – Университет Буэнос-Айреса (исп. Universidad de Buenos Aires, UBA), Национальный технологический университет в Буэнос-Айресе, Национальный университет Кордовы, Университет Ла Платы, Росарио, Северо-Восточный университет (в Карриентес), университет в городах Тукуман, Санта-Фе, Ломас-де-Самора и Мендоса.

Чтобы поступить на государственный факультет, необходимо пройти курс и сдать СВС (Curso Basico Comun). В частные университеты можно поступать и без этого курса, но требуется сдавать вступительные экзамены. В основном, высшее образование длится 5-6 лет. Университет Буэнос-Айреса – самый престижный университет Аргентины. Он характеризуется самым высоким уровнем подготовки. Сам Буэнос-Айрес – столица Аргентины – третий по величине город Южной Америки. Он по величине уступает только Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. В его городской агломерации проживает более 11 млн. человек. Для понимания системы образования Аргентины нужно понимать и ее общекультурный фон. В Аргентине доминирует одна этническая группа – белые – (в основном – испанцы и итальянцы), составляя 97 % населения. 3% составляют метисы (американские индейцы). В стране в целом доминирует европеоидный элемент – потомки испанских колонистов и эмигрантов из стран Европы (преимущественно – итальянцы). Аргентину населили первоначально испанцы, жители северных стран – из Швейцарии, Германии, Франции, России, Уэльса. В настоящее время средний класс составляет 35% населения страны, который в основном и пополняет ряды студенчества. Официальный язык – испанский, хотя широко распространены итальянский, французский, английский, немецкий, португальский. Многие знают и русский язык. Существует также 17 местных языков, включая кечуа, мапуче, гуарани, тобас, матакос. Обучение в университетах ведется на испанском языке.

Студенты, как подчеркивалось, учатся бесплатно, стипендию получают только 10 % от численного состава. Поэтому большинство вынуждено работать, частично отвлекаясь от занятий и имея академические задолженности, которые они погашают в удобное для них время, согласованное с правилами школы. Поэтому в большинстве случаев обучение даже на бакалавра юриспруденции затягивается до 6-7 лет. Для получения более высоких степеней уходит подчас еще большее количество лет. Деканом Школы права является профессор Моника Пинто, которая одновременно последние три года являлась и Президентом Международной ассоциации школ права, деятельность которой подвергнута изучению в настоящей работе.

Образование в Школе права построено следующим образом. Подготовка бакалавров длится четыре года и включает три образовательных цикла. Общий базовый цикл (Ciclo Basico Comun) включает предметы, позволяющие осуществить общую подготовку студентов и включение в изучаемую область знаний. Второй цикл – это профессионально ориентированный цикл (Ciclo Professional Comun), который предполагает 7 направлений

подготовки – специализаций. Каждая содержит 5 общих для всех специализаций предметов (обязательных) и ряд вариативных курсов, которые и составляют ядро специализации. Этот цикл помогает студентам освоить концептуальные знания, приобрести фундаментальные профессиональные знания, но в то же время выработать способности, умения и компетенции, включающие владение необходимыми процедурами, используемыми в сфере легальной материи. Цель такого образования, не только подготовка хороших профессионалов, но и формирование у них социальной ответственности, которой должен обладать практикующий юрист.

Цикл профессионально ориентированной подготовки (*Ciclo Profesional Orientado*) тренирует студентов для профессиональной деятельности. Для каждой специализации внутри цикла предполагается некий сердцевинный компонент и комплекс вырастающих из этого содержания дисциплин, которые позволяют будущим юристам иметь дело с защитой прав новых поколений в меняющихся условиях социального и экономического характера.

Курсы по специализациям предлагаются студентам следующие: административная юстиция, правовое консультирование, промышленные социальные науки, административное право и публичная администрация, банковское право, право по регулированию ущерба, трудовое право, уголовное право, семейное право, налоговое право, правовая и экономическая структура энергетического регулирования, политика и менеджмент в сфере науки и технологии, международная миграционная политика, междисциплинарный курс по естественным ресурсам, социальные аспекты нелегального употребления наркотиков; междисциплинарные курсы по социальным аспектам детства и подросткового возраста, курсы по устному и письменному переводу.

Помимо этого, студенты должны сдать соответствующие каждому циклу экзамены по чтению правовых текстов на иностранном языке. Также все студенты включены в практические занятия, предполагающие участие в производственной практике и участие в игровых судебных процессах.

Как только общий профессиональный цикл удачно сдан, студентам присуждается степень «бакалавр права». Взяв еще 3 предмета и 2 годовых курса, они могут закончить университет с более высокой степенью – юриста (*attorney*). Это обычно занимает еще год. И, наконец, по результатам успешного завершения профессионально ориентированного цикла, выпускнику присуждается степень адвоката (*lawyer*). На это уходит еще полтора года. В русском языке нет адекватных терминов для характеристики различий в профессиональной деятельности *attorney* и *lawyer*.

Выпускники с различными дипломами по-разному трудоустраиваются. Так, бакалавры права занимают должности, связанные со службой на таможне, в акционерном предприятии, работают в консорциуме в качестве администратора, работают и на других должностях, требующих бакалаврских знаний. *Attorney* могут уже представлять ответчиков и истцов в суде, а также выступать в суде в качестве легального представителя предприятий или физических лиц. *Lawyer* в полной мере несет ответственность за проведение судебного процесса, разрабатывает критерии для воплощения имеющегося законодательства в правовой деятельности, выходит в соответствующие органы с предложениями о поправках в законодательство, разрабатывает правовые материалы различного характера. Он может работать медиатором, советником руководителя частного бизнеса, в административных структурах, быть советником по законодательству и судопроизводству, работать в суде в качестве сотрудника суда, обвинителя. Эта квалификация позволяет также стать университетским преподавателем первой категории или исследователем. Также круг обязанностей расширяется и появляется возможность работать в Министерстве, выполнять обязанности прокурора, в международной сфере представлять Аргентину в таких организациях, как ООН, а также в различных неправительственных организациях.

Также в Школе права развито и магистерское образование. Студентам предлагаются следующие магистерские программы: по коммерческому и предпринимательскому праву; по праву семьи, детей и подростков; по международному частному праву; по уголовному праву в MERCOSUR (это южно-американская организация общего рынка, включающая Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай, Венесуэлу и ассоциированных членов – Чили, Боливию, Колумбию, Эквадор, Перу, созданного в 1986 г. после подписания соглашения

между Аргентиной и Бразилией и начавшую свою деятельность с 26.03.1991 с подписания Асунсьонского договора, не подписанного лишь Венесуэлой). Предлагаются программы по праву и экономике; по правовой философии; по муниципальному праву; по международным отношениям; по теории и практике выработке легальных решений; по политике и менеджменту в области науки и технологий; по процессам региональной интеграции – MERCOSUR; по проблемам нелегального употребления наркотиков; по письменному и устному переводу в сфере юриспруденции; по биотехнологиям; по индустриальным социальным наукам; по проблемам общественного здоровья.

Как исследовательский университет, университет в Буэнос-Айресе предлагает обучение и в докторантуре. Присуждаемая степень – Доктор Университета Буэнос-Айреса. Здесь еще больше расширяется спектр образовательных возможностей для студентов: транспортное право и транзитное право; авиационное и пространственное право; морское право; политическое право; нотариальное право; процессуальное право; римское право; история права и правовая философия, а также ряд традиционных – гражданское, уголовное, трудовое, международное право и пр.

В настоящее время Международная ассоциация школ права, созданная в Стамбуле в 2005 г., объединяет научное и академическое сообщество, в которое входит примерно 150 членов из различных стран и регионов мира: от Аргентины до Зимбабве, от Финляндии до южной Африки. Задачей ассоциации в современный период является развитие юридического образования в глобализирующемся мире. Ассоциация пытается внести свой вклад в интернационализацию юридического образования, в разработку совместных образовательных программ, в обмен студентами и преподавателями, открытие международных летних школ по праву. Основной целью деятельности Ассоциации является поощрение распространения новых подходов в образовании, формирование уважения к закону, понимания закона всеми гражданами различных стран. IALS – это не элитарная Ассоциация, она включает в свой состав юридические факультеты и школы права из развивающихся стран, но ставит задачу перед элитарными школами права осуществлять поддержку юридического просвещения в слабо развитых странах, в странах развивающихся. Ассоциация является добровольной, некоммерческой организацией, сориентированной на глобализацию юридического образования в соответствии с ее миссией, духом и устремлениями ее членов.

На апрельской конференции 2011 г. произошли организационные изменения. Президентом Ассоциации стал его бывший Вице-президент Фрэнсис Ванг, а Вице-Президентами – Майкл Копер (Австралийский национальный университета, декан юридического факультета, Австралия) и Аалт Херинга (Маастрихтский университет, декан школы права, Нидерланды). Карл Монк вродолжил исполнять свои обязанности в качестве Генерального секретаря/ Казначей на временной основе до создания нового секретариата.

В настоящее время членами **Правления Международной ассоциации школ права** являются следующие лица:

Президент (President)

Френсис Ванг (**Francis SL Wang**)

Kenneth Wang School of Law Soochow University
China

Вице-Президент (Vice President)

Майкл Купер (Michael Coper)
Australian National University Faculty of Law
Australia

Вице-Президент (Vice President)

Аалт Виллем Херинга (Aalt Willem Heringa)
Maastricht University Faculty of Law
The Netherlands

Предыдущий Президент (Immediate Past President)

Моника Пинто (Mónica Pinto)
University of Buenos Aires Faculty of Law -
Argentina

Генеральный секретарь/Казначей (General Secretary/Treasurer)

Почетный Президент (President Emeritus)
Карл Монк (Carl C. Monk)
Emeritus Dean and Professor, Washburn University USA

Правление: (Governing Board)

<p>1. Джассим Аль Шамси (Jassim Al'Shamsi)
United Arab Emirates University Faculty of Law
UAE</p> <p>3. Нерина Бошиеро (Nerina Boschiero)
University of Milan Faculty of Law
Italy</p> <p>5. Лидия Касас (Lidia Casas)
Diego Portales University Faculty of Law
Chile</p> <p>7. В.С.Элизабет (V.S. Elizabeth)
National Law School of India University
India</p> <p>9. Джукка Тапани Кекконен (Jukka Tapani Kekkonen)
University of Helsinki Faculty of Law
Finland</p> <p>11. Мохд Акрам бен Мухаммед Шаир (Mohd Akram bin Shair Mohamed)
International Islamic University Malaysia
Ahmad Ibrahim Kulliyah of Laws
Malaysia</p> <p>13. Чэнь Хань Тан (Cheng Han Tan)
National University of Singapore Faculty of Law
Singapore</p> <p>15. Фернандо Вильярреал-Гонда (Fernando Villarreal-Gonda)
Free Faculty of Law of Monterrey
Mexico</p> | <p>2. Мэри Энн Бобински (Mary Anne Bobinski)
University of British Columbia Faculty of Law
Canada</p> <p>4. Фату Кине Камара (Fatou Kiné Camara)
University Cheikh Anta Diop of Dakar Faculty of Legal and Political Science
Senegal</p> <p>6. Акрам Дауд (Akram Daoud)
An-Najah National University Faculty of Law
Palestine</p> <p>8. Клаудио Гроссман (Claudio Grossman)
American University Washington College of Law
United States</p> <p>10. Тахир Мамман (Tahir Mamman)
Nigerian Law School
Nigeria</p> <p>12. Валентина Сморгунова (Valentina Smorgunova)
Herzen State Pedagogical University of Russia
Russia</p> <p>14. Ами Тсанга (Amy Tsanga)
University of Zimbabwe Faculty of Law
Zimbabwe</p> |
|---|---|

Участник-основатель (FOUNDING MEMBER)

The Wang Family Foundation, USA

Члены-попечители (SUSTAINING MEMBERS)

1. Cornell Law School, USA (Школа Права Корнельского университета, США).
2. Oklahoma City University School of Law, USA (Школа права городского университета в Оклахоме, США).
3. Valparaiso University, USA (Университет Вальпараисо, США).

Школы-члены Ассоциации (MEMBER SCHOOLS) – 150, представляющие Аргентину (3 университета), Австралию (12 университетов), Бразилию (3 университета), Канаду (3 университета), Чили (2 университета), КНР (3 университета), Колумбию (1 университет), Чешскую республику (1 университет), Данию (1 университет), Эстонию (1 университет), Грузию (2 университета), Германию (2 университета), Гватемалу (1), Гонконг (1), Индию (9), Индонезию (2), Италию (1), Иорданию (3), Кувейт (1), Малайзию (2), Мексику (5), Нидерланды (3), Новую Зеландию (3), Нигерию (2), Перу (1), Польшу (3), Португалию (1), Россию (1), Сингапур (2), Южную Африку (6), Испанию (2), Швейцарию (2),

Тайвань (1), Таиланд (1), Турцию (2), Объединенные Арабские эмираты (1), Великобританию «2), США (51), Замбию (1), Зимбабве (1).

Также в Ассоциацию входят и следующие организации:

1. American Bar Association Section on Legal Education, USA- Американская Ассоциация экзаменационных комиссий по праву, США
2. Association of American Law Schools, USA – Ассоциация американских школ права, США.
3. Australian Law Teachers Association, Australia – Австралийская Ассоциация преподавателей права.
4. German Law Faculties Association, Germany – Германская Ассоциация юридических факультетов.
5. Law School Admission Council, USA – Совет по вступительным экзаменам в школы права, США.
6. National Conference of Bar Examiners, USA – Национальная конференция экзаменаторов по праву, США.

Намерением Ассоциации является привлечение наибольшего числа членов, вовлечение в ее работу новых академических, исследовательских структур, привлечение спонсорских средств, активизация деятельности в плане усиления процессов интернационализации образования.

По всем вопросам о деятельности Ассоциации (IALS – International Association of Law Schools) следует обращаться на ее официальный сайт: www.ialsnet.org , а также на сайт Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена: www.herzen.spb.ru и страницу юридического факультета , где размещаются последние новости о работе Ассоциации, деятельности ее Правления и комиссий.

POLITICAL AND INTELLECTUAL RESOURCES OF THE INTERNATIONAL PROFESSIONAL ASSOCIATIONS: ABOUT ACTIVITY OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATIONS OF LAW SCHOOLS

V. SMORGUNOVA

The Herzen State Pedagogical University of Russia

e-mail:
valentina_smorgunova@hotmail.com

The article reveals political and intellectual resources of the international organizations on an example of activity of the international association of law schools in the conditions of modern integration processes.

Key words: professional associations, international association of schools of the right, legal education, world history of legal education.

УДК – 342.553

ПРОЦЕДУРНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВOTORЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

С.В. ТЫЧИНИН¹
Е.Н. КУЗНЕЦОВА²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

²e-mail:
lady.kuznetsova-alena@yandex.ru

В статье перечислены и охарактеризованы правовые нормы, процессуально-процедурно обеспечивающие муниципальный правотворческий процесс. Автором по итогам проведенного исследования представлены направления совершенствования процессуального законодательства, обеспечивающего муниципальное правотворчество.

Ключевые слова: обеспечение, муниципальный правовой акт, процесс, процедура, опубликование, приостановление, отмена.

Термин «обеспечение» применительно к различного рода правовым предписаниям, а также к правам рассматривают в двух смыслах: «во-первых, как деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по осуществлению своих функций, компетенций, обязанностей в целях создания оптимальных условий для строгой, неуклонной реализации правовых предписаний и правомерного осуществления прав и свобод; во-вторых, как результат этой деятельности, выражающейся в фактической реализации правовых предписаний, прав и свобод граждан»¹.

Мы солидарны с мнением Е.Е. Тонкова и считаем, что обеспечивательная сторона юридической процессуальной формы предотвращает бездействие субъектов государственно-властной деятельности в тех случаях, когда они обязаны действовать и приводить в движение властные полномочия, либо, когда управомоченные субъекты принимают неправовые акты или же прямо нарушают процессуальные нормы, определяющие порядок реализации властных полномочий². Поэтому особая роль в обеспечении муниципального правотворчества, на наш взгляд, принадлежит процедурно-процессуальным средствам.

Данная обеспечивательная деятельность осуществляется в соответствии с нормами закона, и субъекты обеспечивательной деятельности должны пользоваться только процессуально-правовыми средствами, закрепленными в норме права. В этом проявляется одно из свойств права – нормативность, так как только «при помощи юридических норм программируются (моделируются) те общественные отношения, которые соответствуют государственной воле народа, и вся та система юридических средств, которая используется для осуществления этой воли»³.

Именно процедурно-процессуальное обеспечение направлено на быструю и оптимальную организацию материальных правовых норм, причем оно представляет собой систему организационно-правовых отношений, которое объединено понятием процессуальной формы. В нашем случае таких процессуальных форм выделено две: инициативная и публичная.

Итак, в рамках данного участка исследования перечислим и охарактеризуем правовые нормы, процессуально-процедурно обеспечивающие муниципальный правотворческий процесс.

Одной из таковых является ст. 46 Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

¹ Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод. – Уфа, 1991. – С. 60.

² См.: Тонков, Е.Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – С. 58.

³ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Ч. 1. – Свердловск, 1972. – С. 205.

рации» (Далее – Федеральный закон № 131-ФЗ)⁴, посвященная подготовке муниципальных правовых актов. Как нами уже было указано ранее стадия подготовки муниципального правового акта способствует минимизации различных проблем, связанных как с принятием этого акта, так и его дальнейшим действием в системе иных нормативных документов.

Полагаем, законодательное закрепление стадии подготовки муниципальных правовых актов именно на федеральном уровне свидетельствует о ее значимости в муниципальном правотворческом процессе.

К субъектам, которые вправе вносить проекты муниципальных правовых актов на рассмотрение органов местного самоуправления, т.е. осуществить правотворческую инициативу законом отнесены:

- а) депутаты представительного органа муниципального образования;
- б) глава муниципального образования;
- в) иные выборные органы местного самоуправления (например, контрольный орган муниципального образования);
- г) глава местной администрации;
- д) органы территориального общественного самоуправления;
- е) инициативные группы граждан;
- ж) иные субъекты правотворческой инициативы (например, в Белгородской области, Республике Мордовия к таковым относят прокурора).

В ст. 46 Федерального закона № 131-ФЗ содержится требование от соответствующих органов или должностных лиц местного самоуправления по принятию нормативного правового акта, закрепляющего:

- 1) порядок внесения проектов муниципальных правовых актов;
- 2) перечень и форму прилагаемых к ним документов (например, от инициативных групп граждан обычно требуется определенное количество подписей в поддержку вносимого проекта, от органов территориального общественного самоуправления – протокол заседания данного органа).

Отметим, что указанное требование, на наш взгляд, должно быть дополнено необходимостью принятия регионального закона «О правовых актах органов местного самоуправления». К сожалению, в настоящий период такой документ имеется только в Хабаровском крае⁵.

В необходимых случаях органы и должностные лица местного самоуправления организуют и проводят внутреннюю или независимую правовую экспертизу проекта муниципального правового акта.

Следующей нормой процессуально-процедурного обеспечения муниципального правотворческого процесса является ст. 46 Федерального закона № 131-ФЗ, которая устанавливает порядок вступления в силу муниципальных правовых актов.

Так, муниципальные правовые акты вступают в силу в порядке, закрепленном уставом муниципального образования. Устав муниципального образования должен содержать виды, порядок принятия (издания), официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов.

Например, Устав г. Самары определяет, что решения городской Думы и постановления мэра города, постановления администрации, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступают в силу со дня их официального опубликования (обнародования), если в самом документе или действующим законодательством не определен иной порядок вступления их в силу⁶. Иные правовые акты вступают в силу со

⁴ Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 25.07.2011 г.) // Российская газета. – 2003, 8 октября; 2011, 27 июля.

⁵ См.: Закон Хабаровского края от 26 апреля 2000 г. «О правовых актах органов местного самоуправления, выборных и других должностных лиц местного самоуправления в Хабаровском крае» // Сборник нормативных правовых актов Законодательной Думы Хабаровского края. – 2000. – № 4.

⁶ Устав города Самары принят решением Самарской городской Думы от 30 апреля 1996 г. № 94 // http://www.protown.ru/russia/city/articles/articles_1155.html

дня их принятия (издания), если в самом документе или действующим законодательством не определен иной порядок вступления их в силу.

Исключение из общего правила составляют нормативные правовые акты о налогах и сборах, которые вступают в силу в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации. Вступление в силу нормативных правовых актов представительных органов местного самоуправления, устанавливающих новые налоги или вносящих изменение в действующее налоговое законодательство, имеет свои особенности. В соответствии со ст. 5 Налогового кодекса Российской Федерации, нормативные акты о налогах и сборах вступают в силу не ранее 1 января года, следующего за годом их принятия⁷.

Важной гарантией муниципального правотворческого процесса является положение о том, что муниципальные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступают в силу сразу после их официального опубликования (обнародования). Для вступления в силу остальных актов обычно устанавливается какой-то период после опубликования.

Опубликование муниципального правового акта – это напечатание его текста в установленном официальном периодическом или продолжаемом издании, в котором воспроизводится полный аутентичный текст акта. Следует отметить, что любой нормативно-правовой акт вступает в силу только после его опубликования (обнародования), а не с момента его принятия или подписания, для того чтобы жители имели возможность ознакомиться с его содержанием. Дата опубликования имеет важное значение для действия акта: от нее ведется отсчет срока, установленного для вступления закона в силу (введения в действие)⁸.

Процедура опубликования также указывает на реализацию принципа открытости и гласности деятельности органов местного самоуправления. В случае невозможности опубликования муниципальных правовых актов (например, из-за отсутствия типографии, слабой материально-технической базы) органы местного самоуправления должны обеспечить жителям возможность ознакомиться с ними. В этом случае органы местного самоуправления обязаны предусмотреть иные способы обнародования официальных документов, например, через доски объявлений у зданий местных администраций, через радиоточки, через депутатский корпус, через социальных работников и т.п.

В этой связи уставом муниципального образования устанавливается:

1) порядок опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов (в том числе указание на конкретные печатные издания, в которых они публикуются, и сроки опубликования);

2) возможность использования других, помимо печатных, средств массовой информации и других способов ознакомления с ними граждан.

Согласно Уставу г. Саратова от 18 декабря 2005 г. (ст. 44) решения городской Думы подписываются главой города в течение 10 дней со дня поступления в секретариат главы города и публикуются в печатном средстве массовой информации органа местного самоуправления города⁹.

Исключением из общего правила являются муниципальные правовые акты или их отдельные положения, содержащие сведения, распространение которых ограничено федеральным законом, а именно Федеральным законом от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне»¹⁰, Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1995 г. «Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности»¹¹ и другими.

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.09.2010 г.) // Российская газета 1998, 6 августа; 2010, 30 сентября.

⁸ Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под общ. ред. В.И. Шкатулла. – М., 2005. – С. 372-373.

⁹ Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 18.07.2009 г.) // Российская газета. – 1993, 21 сентября; 2009, 21 июля.

¹⁰ Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 18.07.2009 г.) // Российская газета. – 1993, 21 сентября; 2009, 21 июля.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 4 сентября 1995 г. № 870 «Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности» (ред. от 15.01.2008 г.) // Российская газета. – 1995, 14 сентября; 2008, 23 января.

Следующей нормой, обеспечивающей муниципальный правотворческий процесс является ст. 48 Федерального закона № 131-ФЗ об отмене муниципальных правовых актов и приостановление их действия.

В соответствии с ч. 1 ст. 48 указанного закона муниципальные правовые акты могут быть отменены или их действие может быть приостановлено:

1) органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, принявшими (издавшими) соответствующий муниципальный правовой акт;

2) судом;

3) уполномоченным органом государственной власти РФ (уполномоченным органом государственной власти субъекта РФ) в части, регулирующей осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им федеральными законами и законами субъектов РФ.

Таким образом, данная норма, во-первых, подразумевает обязанность органов и должностных лиц местного самоуправления регулярно проводить мониторинг принятых ими муниципальных правовых актов и своевременно реагировать на меняющиеся условия правового пространства (вносить изменения, а при необходимости отменять устаревшие или не соответствующие законодательству акты, приостанавливать их действие на определенный срок или до прекращения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления) в добровольном порядке. Во-вторых, устанавливает возможность вмешательства третьих лиц в решение вопроса о юридической судьбе муниципального правового акта, т.е. осуществления принудительных мер по реализации полномочий органов местного самоуправления¹².

Отсюда вытекает, по сути, три самостоятельных способа защиты интересов граждан и юридических лиц, нарушенных принятием муниципального правового акта.

В первую очередь у граждан есть конституционное право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ¹³), в том числе по вопросам, связанным с принятием муниципального правового акта. При этом не имеет значения, о нормативном правовом акте идет речь или об индивидуально-правовом. Более того, согласно ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Положение данной статьи было конкретизировано в Федеральном законе РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹⁴.

Вторым способом защиты интересов граждан и организаций является оспаривание муниципальных правовых актов в судебном порядке.

Согласно ч. 2 ст. 46 Конституции РФ решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Так, в случае если ответ, касающийся муниципального правового акта, не устраивает гражданина, он вправе обратиться в суд. При этом гражданин вправе обращаться в суд для оспаривания муниципального правового акта, минуя предварительное обращение в органы местного самоуправления, поскольку законодательство не содержит требования об обращении в органы местного самоуправления в качестве обязательной досудебной стадии (ч. 2 ст. 247 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Об этом же говорится в ч. 1 ст. 254 Гражданского процессуального кодекса Россий-

¹² Алешкова Н.П. Правовой механизм и последствия отмены и приостановления актов органов местного самоуправления // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 2.

¹³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

¹⁴ Федеральный закон РФ от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. – 2009, 13 февраля.

ской Федерации (далее – ГПК РФ): гражданин, организация вправе обратиться непосредственно в суд или в вышестоящий в порядке подчиненности орган государственной власти, орган местного самоуправления, к должностному лицу, государственному или муниципальному служащему. Право выбора способа защиты нарушенных интересов принадлежит самому гражданину или организации.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что вопросы оспаривания актов органов местного самоуправления подведомственны не только судам общей юрисдикции (районным судам), но в некоторых случаях арбитражным и уставным (конституционным) судам субъектов РФ.

Так, согласно ч. 3 ст. 22 ГПК РФ федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов могут быть отнесены в том числе дела, связанные с публичными правоотношениями. В соответствии со ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. к ведению арбитражных судов относятся дела:

1) об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда;

2) об оспаривании ненормативных правовых актов органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, основными критериями отнесения дел, возникающих из публичных правоотношений, к ведению арбитражных судов являются следующие:

– такие правоотношения должны иметь место в предпринимательской и иной экономической деятельности;

– данные дела должны относиться к компетенции арбитражных судов в силу прямого предписания федерального закона.

О необходимости наличия прямого предписания закона для определения подведомственности таких дел идет речь и в п. п. 3, 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ»¹⁵.

При этом из смысла п. 5 указанного Постановления Пленума вытекает вывод о том, что в случае, когда речь идет об организациях, не преследующих в качестве основной цели извлечение прибыли (общественные организации, политические партии и др.), дела подлежат рассмотрению не арбитражными судами, а судами общей юрисдикции.

Согласно ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹⁶ для рассмотрения вопросов ответственности законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления субъекта РФ конституции (устава) субъекта РФ, а также для толкования конституции (устава) субъекта РФ могут создаваться конституционные (уставные) суды. В настоящее время такие суды созданы далеко не во всех субъектах.

Там, где конституционные (уставные) суды не образованы, дела, в том числе те, по которым ставится вопрос о соответствии местного нормативного правового акта конституции (устава) субъекта, должны разрешаться в зависимости от характера заявления со-

¹⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ» // «Официальные документы» от 29 января 2003 г. № 3. Еженедельное приложение к газете «Учет. Налоги. Право» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2003. – № 2.

¹⁶ Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 27.12.2009 г.) // Российская газета. – 1997, 6 января; 2009, 29 декабря.

ответственно судами общей юрисдикции или арбитражными судами, иначе конституционное право на судебную защиту будет нарушено¹⁷.

Возможность отмены и приостановления действия муниципального правового акта судом в ГПК РФ ставится в зависимости от его нормативности.

Так, согласно ч. 3 ст. 253 ГПК РФ признание судом нормативного правового акта или его части недействующими влечет за собой утрату силы не только этого нормативного правового акта или его части, но и других нормативных правовых актов, основанных на признанном недействующим нормативном правовом акте или воспроизводящих его содержание. В отношении ненормативных правовых актов установлены иные пределы полномочий суда. В соответствии с ч. ч. 1, 2 ст. 258 ГПК РФ суд, признав заявление обоснованным, принимает решение об обязанности соответствующего органа местного самоуправления, должностного лица или муниципального служащего устранить в полном объеме допущенное нарушение прав и свобод гражданина или препятствие к осуществлению гражданином его прав и свобод. Решение суда направляется для устранения допущенного нарушения закона руководителю органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностному лицу, государственному или муниципальному служащему, решения, действия (бездействия) которых были оспорены, либо в вышестоящий в порядке подчиненности орган, должностному лицу, государственному или муниципальному служащему в течение трех дней со дня вступления решения суда в законную силу.

Различия в юридических последствиях признания закона субъекта Российской Федерации недействительным и признания его недействующим обусловлены различиями между его несоответствием Конституции РФ и несоответствием федеральному закону¹⁸.

Конституционный Суд РФ уточнил свою позицию в Определении от 8 февраля 2001 г. № 15-О «По ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении постановлений Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ и от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре РФ»¹⁹.

Согласно указанному Определению Конституционный Суд РФ не исключил возможность законодательного наделения судов общей юрисдикции полномочием по проверке перечисленных в ст. 125 (пункты «а» и «б» ч. 2) Конституции РФ нормативных актов с точки зрения их соответствия федеральному закону, с тем чтобы могло иметь место не только признание проверяемого акта – в случае его незаконности – не подлежащим применению (недействующим), но и утрачивающим юридическую силу. Однако такое новое регулирование должно быть установлено федеральным конституционным законом, как того требует ст. 128 (ч. 3) Конституции Российской Федерации. В отсутствие же соответствующего правового регулирования суды общей юрисдикции не вправе признавать законы субъектов Российской Федерации утратившими юридическую силу.

Представляется возможным применить данную позицию Конституционного Суда РФ и в отношении муниципальных правовых актов. Акты, принятые органами местного самоуправления, не могут быть признаны судами недействительными (то есть отменены, лишены юридической силы) в отсутствие федерального конституционного закона, предоставляющего им право признавать акты органов местного самоуправления несоответствующими Конституции РФ, но могут быть признаны судами недействующими (то есть не подлежащими дальнейшему применению). В этом случае правотворческий орган в целях исполнения решения суда должен отменить полностью или в соответствующей части противоречащий законодательству правовой акт.

¹⁷ Научно-практическое пособие по разрешению дел, возникающих из публичных правоотношений / Под ред. заместителя Председателя Верховного Суда РФ П.П. Серкова. – М.: Норма, 2006. – С. 11.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. – 2000, 27 апреля.

¹⁹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 4.

При этом федеральное законодательство предусматривает определенные санкции гражданско-правового (ст. 16 Гражданского кодекса РФ)²⁰, уголовного (ст. 315 Уголовного кодекса РФ)²¹, административного (ч. 1 ст. 17.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях)²² и специального характера к лицам, не исполняющим решение суда, признавшее муниципальный правовой акт недействующим.

Так, согласно ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ ответственность представительного органа местного самоуправления в виде его роспуска законом субъекта России наступает в случае, если соответствующим судом установлено, что представительным органом муниципального образования принят нормативный правовой акт, противоречащий Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта России, уставу муниципального образования, а представительный орган муниципального образования в течение трех месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда, в том числе не отменил соответствующий нормативный правовой акт.

Такая же ситуация возникает в случае издания главой муниципального образования или главой местной администрации нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта РФ, уставу муниципального образования, которое может повлечь отрешение указанных лиц от должности на основании правового акта высшего должностного лица субъекта РФ (п. 1 ч. 1 ст. 74 Федерального закона № 131-ФЗ).

Обращает на себя внимание тот факт, что результатом оспаривания муниципального правового акта зачастую является обязанность соответствующего органа местного самоуправления, должностного лица, муниципального служащего совершить определенные действия по принятию муниципального правового акта, устраняющего последствия нарушения законодательства (ст. ст. 73, 74 Федерального закона № 131-ФЗ).

Что касается приостановления действия муниципального правового акта, то согласно ч. 7 ст. 251 ГПК РФ подача заявления об оспаривании нормативного правового акта в суд не приостанавливает действие оспариваемого нормативного правового акта. Со всем другой подход к актам ненормативного характера. В соответствии с ч. 4 ст. 254 ГПК РФ суд вправе приостановить действие оспариваемого решения органа местного самоуправления, его должностного лица, муниципального служащего до вступления в законную силу решения суда. Законодательством не предусмотрена возможность приостановления муниципального правового акта, затрагивающего избирательные права граждан, права на участие граждан в референдуме. В отношении иных дел, возникающих из публичных правоотношений, вопрос о возможности приостановления судом муниципального правового акта должен решаться в каждом конкретном случае в зависимости от того, к какой категории дел из указанных в главах 24-26 ГПК РФ тяготеет рассматриваемое дело и является ли оспариваемый муниципальный правовой акт нормативным.

Приостановление муниципального правового акта означает, в отличие от отмены, прекращение его действия на определенное время. Это может быть связано с наличием каких-либо препятствий в реализации муниципального правового акта (в том числе издание его органом, не обладающим на это правом; отсутствие органа, ответственного за его реализацию; несоответствие действующему законодательству и пр.). При этом органу государственной власти в решении о приостановлении муниципального правового акта необходимо определить орган, который в этот период (до возобновления действия муниципального правового акта) будет осуществлять реализацию соответствующего государственного полномочия.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 27.12.2009 г.) // Российская газета. – 1994, 8 декабря; 2008, 29 декабря.

²¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.10.2010 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2010. – № 41 (2 ч.). – Ст. 5199.

²² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.10.2010 г.) // Российская газета. – 2001, 31 декабря; 2010, 7 июля.

В случае внесения предписаний органам местного самоуправления приостановление муниципального правового акта могло бы послужить временной мерой пресечения нарушения, допущенного органами местного самоуправления в соответствующем муниципальном правовом акте, до отмены этого акта правотворческим органом.

Вышеизложенное дает основание для следующих выводов. Во избежание серьезных последствий принятия «некачественных» муниципальных правовых актов органы местного самоуправления и их должностные лица должны соблюдать три простых правила²³:

1) реализуя свое право на издание муниципальных правовых актов, не забывать об основной цели своей деятельности, установленной ст. 18 Конституции РФ (права и свободы человека и гражданина определяют смысл деятельности местного самоуправления);

2) принимая муниципальные правовые акты, неукоснительно соблюдать требования действующего законодательства;

3) постоянно проводить мониторинг принятых муниципальных правовых актов с целью своевременного внесения в них изменений или отмены.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

2. Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 27.12.2009 г.) // Российская газета. – 1997, 6 января; 2009, 29 декабря.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 27.12.2009 г.) // Российская газета. – 1994, 8 декабря; 2008, 29 декабря.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.10.2010 г.) // Российская газета. – 2001, 31 декабря; 2010, 7 июля.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.09.2010 г.) // Российская газета 1998, 6 августа; 2010, 30 сентября.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.10.2010 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2010. – № 41 (2 ч.). – Ст. 5199.

7. Федеральный закон РФ от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. – 2009, 13 февраля.

8. Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 25.07.2011 г.) // Российская газета. – 2003, 8 октября; 2011, 27 июля.

9. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 18.07.2009 г.) // Российская газета. – 1993, 21 сентября; 2009, 21 июля.

10. Постановление Правительства РФ от 4 сентября 1995 г. № 870 «Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности» (ред. от 15.01.2008 г.) // Российская газета. – 1995, 14 сентября; 2008, 23 января.

11. Закон Хабаровского края от 26 апреля 2000 г. «О правовых актах органов местного самоуправления, выборных и других должностных лиц местного самоуправления в Хабаровском крае» // Сборник нормативных правовых актов Законодательной Думы Хабаровского края. – 2000. – № 4.

12. Устав города Самары принят решением Самарской городской Думы от 30 апреля 1996 г. № 94 // http://www.protown.ru/russia/city/articles/articles_1155.html

13. Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. № 15-О «По ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении постановлений Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ и от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 4.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3

²³ Алешкова Н.П. Правовой механизм и последствия отмены и приостановления актов органов местного самоуправления // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 2.

статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. – 2000, 27 апреля.

15. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ» // «Официальные документы» от 29 января 2003 г. № 3. Еженедельное приложение к газете «Учет. Налоги. Право» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2003. – № 2.

16. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Ч. 1. – Свердловск, 1972.

17. Алешкова Н.П. Правовой механизм и последствия отмены и приостановления актов органов местного самоуправления // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 2.

18. Научно-практическое пособие по разрешению дел, возникающих из публичных правоотношений / Под ред. заместителя Председателя Верховного Суда РФ П.П. Серкова. – М.: Норма, 2006. – С. 11.

19. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под общ. ред. В.И. Шкатулла. – М., 2005.

20. Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод. – Уфа, 1991.

21. Тонков Е.Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. – М.: Изд-во СГУ, 2009.

PROCEDURE OF PROVISIONING MUNICIPAL LAW-MAKING PROCESS

S. TYCHININ¹⁾
E. KUZNETSOVA²⁾

*Belgorod State National
Research University*

¹⁾*e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail:
lady.kuznetsova-alena@yandex.ru*

This article describes the rule of law, procedures providing municipal law-making process. The author of the study presents the results of the direction of improving the procedural law, which provides municipal law-making.

Key words: security, municipal legal act, process, procedure, release, suspension, termination.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

УДК – 342.7

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В.Г. ЕРМАКОВ¹
А.А. ЦАРИК²

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина*

e-mail: Konst@elsu.ru

² *Институт права и экономики*

e-mail: sanczar@yandex.ru

В статье представлена авторская концепция развития норм Конституции Российской Федерации о праве на свободу массовой информации в федеральном законодательстве. Авторами предложены подходы к систематизации законодательства, действующего в данной сфере, сформулированы предложения по повышению его эффективности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, средства массовой информации, право на информацию, Федеральный закон, государственная власть, местное самоуправление.

Исходной точкой становления правовых основ свободы массовой информации на общегосударственном уровне являются соответствующие конституционные положения, которые содержатся в целом ряде статей Конституции Российской Федерации. Специфика правового регулирования в области свободы массовой информации заключается в том, что данные общественные отношения часто подвергаются воздействию не напрямую, а как бы опосредовано, через нормы различных отраслей и институтов национального права, и где определяющее начало принадлежит нормам конституционного права¹. В первую очередь, это статья 29 Конституции России, где в части 5 установлено: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается»².

Данное конституционное положение аккумулирует содержание ряда иных информационных правомочий статьи 29 Конституции:

- каждому гарантируется свобода мысли и слова;
- никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них;
- каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Совершенно очевидно, что «эти личные права являются по своей сущности неотчуждаемыми, естественными правами человека, т.е. каждого, и не связаны напрямую с принадлежностью к гражданству государства, они особо значимы как для личности, так и

¹ Трофимов М.С. Реализация права на свободу массовой информации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа : дисс. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 76.

² Конституция Российской Федерации // Российская газета от 25 декабря 1993. – № 237.

для гражданского общества и демократического государства»³.

Перечисленные в ст. 29 свободы, с одной стороны, обладают относительно самостоятельным характером. С другой – они тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы, представляют собой комплекс соответствующих гарантий и в совокупности работают на должную реализацию каждой из перечисленных свобод.

Указанная взаимообусловленность правовых норм характерна не только для «информационной» статьи 29 Основного Закона, но и для остальных конституционных положений, касающихся свободы массовой информации. Ведь, во-первых, «в реализации предусмотренных Конституцией многих прав граждан решающее значение приобретает их информационное обеспечение»⁴. Во-вторых, гарантии реализации свободы массовой информации содержатся в целом перечне статей Конституции Российской Федерации.

В их числе: принцип идеологического многообразия (ст. 13); свобода экономической деятельности (ст.8); право частной собственности (ст.8, 35); принцип идеологического многообразия (ст. 13); обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст.24); обязательность опубликования законов (ч.3 ст.15); свобода совести (ст.28); право на собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст.31); свобода труда (ст.37); институт ответственности должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41); право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст.42); свобода творчества и преподавания, охрана интеллектуальной собственности (ч. ст.44); открытость судопроизводства (ч.1 ст. 123).

Помимо гарантий свободы массовой информации, Конституция Российской Федерации устанавливает общие основания ограничения прав и свобод граждан, в том числе и свободы массовой информации. Это – необходимость защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства (ч.3 ст. 55).

Данное положение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996г. квалифицируется в качестве принципа, соразмерного конституционно значимым целям ограничения прав и свобод⁵.

Кроме того, следует отметить общий принцип о том, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» (ч.1 ст.55).

В соответствии с частью 2 статьи 29 Конституции РФ «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Еще одно ограничение свободы массовой информации – запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24).

Также закрепляется недопустимость разглашения сведений, составляющих государственную тайну, личную и семейную, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции Российской Федерации).

Особые ограничения предусмотрены в условиях режима чрезвычайного положения (ст.56 Конституции), по которому для обеспечения безопасности граждан и защиты

³ Просвирнин Ю.Г. Вопросы развития конституционного законодательства о праве граждан на доступ к информации // Личность. Ученый. Учитель: памяти профессора Виктора Степановича Основина / под ред. Т.Д.Зражевской. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2008. – С. 333.

⁴ Там же. – С. 339.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 2.

конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

Пункт «б» статьи 12 Федерального Конституционного Закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. устанавливает «ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления, а также временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов»⁶.

При этом представляется возможным согласиться с М.С. Трофимовым в том, что введение цензуры, согласно действующему законодательству России невозможно, так как данное положение Федерального Конституционного закона противоречит ч.5 ст.29 Конституции, которая устанавливает запрет цензуры как предварительной, так и последующей⁷. Очевидно, что, согласно конституционным положениям, цензура «вообще не может быть применена в России»⁸. В этой связи предлагаем исключить из текста Федерального Конституционного Закона «О чрезвычайном положении» возможность введения предварительной цензуры в целях приведения в соответствие с Основным Законом. Предлагаем, что оставшихся положений пункта «б» статьи 12 вполне достаточно «для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации».

Таким образом, можно констатировать, что конституционно-правовые основы свободы массовой информации в Российской Федерации сформированы в необходимой и достаточной мере⁹.

Содержание ст. 29 Конституции положено в основу законодательных актов, регулирующих деятельность средств массовой информации в России. Ведь «принятие конституционных норм о праве граждан на доступ к информации дало мощнейший импульс развитию российского законодательства в этой сфере»¹⁰.

В системе законодательства Российской Федерации существует довольно большое количество нормативных правовых актов в той или иной степени регулирующих свободу массовой информации. По нашему мнению, все нормативно-правовые акты, осуществляющие регулирование общественных отношений в сфере массовой информации, можно классифицировать следующим образом:

1) акты, регулирующие исключительно сферу массовой информации и содержащие указание на их отнесение к законодательству о СМИ (специализированные законы о СМИ), в первую очередь Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г.;

2) акты, регулирующие значительный круг вопросов в сфере массовой информации (а также, преимущественно, иные правоотношения), но не содержащие указание на их отнесение к законодательству о СМИ (неспециализированные законы о СМИ);

3) акты, которые регулируют иные сферы общественных отношений, и не относятся к законодательству о СМИ, но содержат отдельные нормы, упорядочивающие отношения в сфере массовой информации (косвенные законы о СМИ).

Как видно, в основу классификации положено сочетание двух признаков: формального (указание на относимость закона к соответствующему законодательству в самом тексте правового акта) и фактического (непосредственное регулирование общест-

⁶ Федеральный Конституционный Закон от 30 мая 2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

⁷ Трофимов М.С. Реализация права на свободу массовой информации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа. Дис. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 83 – 84.

⁸ Пальцев Е.С. Границы свободы слова журналиста в контексте статьи 23 Конституции Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2008 г. – № 7 // СПС «Гарант».

⁹ Монахов В.Н. Свобода массовой информации в Российской Федерации: опыт регулирования и реализации // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. – 2004. – № 2(47). – С. 7.

¹⁰ Просвирнин Ю.Г. Вопросы развития конституционного законодательства о праве граждан на доступ к информации // Личность. Ученый. Учитель: памяти профессора Виктора Степановича Основина / под ред. Т.Д.Зражевской. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2008. – С. 335.

венных отношений, относящихся к сфере законодательства о СМИ, вопреки отсутствию указания на то в самом тексте закона).

Отметим, что в последнее время были приняты крайне важные, с точки зрения формирования правовых основ реализации свободы массовой информации, федеральные законы, на которых следует остановиться подробнее.

В первую очередь, это Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹¹. Закон, который не имел аналога в России, вступил в силу практически через год после принятия – с 1 января 2010 года.

При этом отметим, что действие Закона распространяется на отношения, связанные с предоставлением государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности по запросам редакций средств массовой информации, в части, неурегулированной законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации (часть 4 статьи 2). Тем самым, можно утверждать, что, во-первых, в рассматриваемой сфере положения Закона являются дополнительными к нормам Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и, во-вторых, приняты в развитие информационных правомочий, установленных статьей 29 Конституции Российской Федерации.

Обращает на себя внимание, что данный правовой акт вызвал в обществе и среди специалистов различные отклики (как положительные¹², так и отрицательные¹³). Однако, несмотря на справедливо высказываемые нарекания, речь идет о законе, который является первым в истории современной России (например, в США аналогичный Закон был принят еще в 1966 г.). Несомненно, что Закон будет дорабатываться и совершенствоваться путем внесения поправок.

Федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁴ стал еще одним шагом в направлении становления реальной свободы информации.

Согласно ч.3 статьи 2 Закона его действие распространяется на отношения, связанные с предоставлением информации о деятельности судов редакциям средств массовой информации, в части, неурегулированной законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации. В законе нет указания на его отнесение к законодательству о СМИ. В тоже время именно СМИ доносят основной объем соответствующей официальной информации до граждан. Это находит признание и в самом Законе, посвятивший значительный объем правовых норм регулированию отношений по поводу реализации прав граждан на массовую информацию.

Так, доступ к информации о деятельности судов обеспечивается путем обнародования (опубликования) информации о деятельности судов в средствах массовой информации, а также размещение информации о деятельности судов в сети Интернет. Последнему способу посвящены три статьи (10, 14, 15), которые регламентируют организацию доступа к информации о деятельности судов, размещаемой в сети Интернет, содержание информации, а также особенности размещения текстов судебных актов.

Несмотря на то, что Закон № 262-ФЗ и Закон № 8-ФЗ во многом схожи в подходах к правовому регулированию данных вопросов, следует отметить отсутствие в последнем специальных норм, посвященных взаимодействию органов власти с редакциями средств массовой информации. Примечательно, что данные нормы представлены в Законе № 262-ФЗ не единично, а специально выделены в отдельной Главе 4 «Взаимодействие су-

¹¹ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета от 13 февраля 2009 г. – № 4849.

¹² Павлов И.Ю. Новый закон – один из самых революционных законодательных актов последних десятилетий // Информационное общество. – 2009. – № 1. – С. 27-31.

¹³ Привалов А.Н. О бессмысленном, а потому вредном законе // Информационное общество. – 2009. – № 1. – С. 25 – 26.

¹⁴ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч.1). – Ст.6217.

дов, Судебного департамента, органов Судебного департамента, органов судейского сообщества с редакциями средств массовой информации».

В связи с принятием данных законов были внесены соответствующие изменения и в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации». Так, статья 38 Закона теперь дополнена частью третьей следующего содержания: «Предоставление государственными органами, органами местного самоуправления информации о своей деятельности по запросам редакций, если такие отношения не урегулированы законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим вопросы обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁵. Данные дополнения еще раз подчеркивают, что сферы правового регулирования перечисленных Законов значительно пересекаются.

Завершая краткий обзор Законов о доступе к информации отметим, что данные Законы являются родственными по сфере (предмету) и способам (методам) правового регулирования, что подтверждается также практически одномоментным принятием (разница во времени составила чуть больше месяца). Исходя из этого, а также учитывая зарубежный и международный правовой опыт, полагаем, что следует принять единый Закон об информации. Такой закон регулировал бы доступ к информации всех ветвей власти, а не каждой по отдельности – как в настоящее время. Кроме того, в силу своего «веса и значимости», Закон имел бы больший правоприменительный эффект.

В качестве дополнительного аргумента в пользу «объединения» законов можно указать тот факт, что теперь в федеральных законах используется отсылочная норма именно к «законодательству Российской Федерации, регулирующим вопросы обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁶.

Подчеркнем, что рассмотренные выше Законы «Об обеспечении доступа...», по нашему мнению, относятся именно к неспециализированным законам о СМИ.

К неспециализированным законам о СМИ, регулирующих значительный круг вопросов в сфере массовой информации, относится также Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 № 38-ФЗ¹⁷. Он дает легальное определение рекламы: «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» (абз.2 ст.3). Данное определение схоже с понятием массовой информации, закрепленном в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации»: «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы». По сути, основное отличие состоит в цели распространения – привлечение внимания и интереса в первом случае. Однако сущность любой информации, а уж тем более массовой, как раз и заключается в побуждении интереса со стороны ее соответствующих потребителей: «пустая» информация никому не нужна. Таким образом, очень сложно провести грань между рекламой и информацией. Если к тому же учесть, что подавляющее количество рекламы распространяется именно через СМИ и, соответственно, попадает под действие законодательства о средствах массовой информации.

¹⁵ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в статьи 38 и 39 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета от 11 февраля 2009 г., № 22.

¹⁶ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в статьи 38 и 39 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета от 11 февраля 2009 г. – № 22.

¹⁷ Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12. – С. 1232.

Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁸ регулирует отношения, возникающие при: осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации.

Данный правовой акт также относится к неспециализированным законам о СМИ. По существу, массовая информация является разновидностью информации, и ее правовое регулирование основано на общих положениях, в том числе, и на понятийном аппарате указанного Закона.

Вместе с тем, Закон (часть 2 статьи 4) делает ссылку на то, что правовое регулирование отношений, связанных с организацией и деятельностью средств массовой информации, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации.

Значительный самостоятельный блок неспециализированных законов о СМИ составляет законодательство о выборах.

Так в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»¹⁹ уделено внимание, в том числе, и правовому положению представителей средств массовой информации, которым отводится большая роль в избирательном процессе в целях обеспечения его гласности.

В Федеральном законе от 26 ноября 1996 года № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления»²⁰ рассмотрен ряд вопросов определения порядка проведения предвыборной агитации через средства массовой информации, а также условия использования в ней радио и телевидения.

Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»²¹ определяется роль средств массовой информации в информационном освещении подготовки и проведения выборов, референдума, о сроках и порядке совершения избирательных действий, действий по участию в референдуме, а также общие условия проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций в периодических печатных изданиях, на телевидении и радио.

Согласно Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»²² одним из прав общественного объединения является право учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность.

Федеральный закон от 11 июля 2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»²³ также оговаривает права политических партий (ст.26) учреждать издательства, информационные агентства, полиграфические предприятия, средства массовой информации и образовательные учреждения дополнительного образования взрослых, а также возможность пользования на равных условиях государственными и муниципальными средствами массовой информации.

Также стоит отметить Федеральный закон от 12 мая 2009 г. № 95-ФЗ «О гарантиях

¹⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Парламентская газета от 3 августа 2006 г. – № 26-127.

¹⁹ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Парламентская газета от 30 июня 2004. – № 117.

²⁰ Федеральный закон от 26 ноября 1996 года № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // Российская газета от 4 декабря 1996. – № 232.

²¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета от 15 июня 2002. – № 106.

²² Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета от 25 мая 1995. – № 100.

²³ Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета от 14 июля 2001. – № 133.

равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами»²⁴, основанный на таких принципах как: 1) распространение информации о деятельности каждой парламентской партии в равном объеме; 2) публичность государственного контроля за освещением деятельности парламентских партий; 3) творческая независимость и профессиональная самостоятельность редакций государственных общедоступных телеканалов или радиоканалов при освещении деятельности парламентских партий, включая самостоятельное определение оснований, форм и способов такого освещения; 4) всестороннее и объективное информирование телезрителей и радиослушателей о деятельности парламентских партий.

К косвенным законам о СМИ, содержащих соответствующие массово-информационные нормы, следует отнести следующее федеральное законодательство:

- Гражданский Кодекс Российской Федерации²⁵, статья 151, которого предусматривает гражданско-правовую ответственность СМИ в виде компенсации морального вреда в денежной форме за распространяющих не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина;

- Закон Российской Федерации от 21 июля 1993г № 5485-1 «О государственной тайне»²⁶ устанавливает порядок доступа, получения и распространения информации, относимой законом к государственной тайне, средствами массовой информации, а также приводит перечень информации, относимой к государственной тайне;

- Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»²⁷ устанавливает в качестве одного из основных направлений деятельности государственных органов в целях повышения противодействия коррупции обеспечение независимости средств массовой информации (ст. 7). Эта норма реализуется через систему мер, направленных на совершенствование функционирования государственного аппарата и включает в себя реализацию прав граждан на получение достоверной информации;

- Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»²⁸ предусматривает порядок распределения обязательного экземпляра, в том числе издательством, редакцией средства массовой информации, организацией по производству телерадиопродукции и телерадиовещательной организации;

- Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»²⁹ устанавливается (ст. 17) запрет публичных высказываний, суждений и оценок, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещает должность гражданской службы, если это не входит в его должностные обязанности;

- Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»³⁰ определяет роль средств массовой информации в ежегодном опубликовании отчета о деятельности уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных.

Таким образом, косвенные законы о СМИ (перечисленные выше и некоторые другие) содержат значительное количество правовых норм, регулирующих отдельные принципиальные стороны массово-информационных правоотношений (основания реализа-

²⁴ Федеральный закон от 12 мая 2009 г. № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» // Парламентская газета от 15 мая 2009 г. – № 25.

²⁵ Гражданский Кодекс РФ 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

²⁶ Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета от 21 августа 1993. – № 182.

²⁷ Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета от 30 декабря 2008. – № 266.

²⁸ Федеральный закон от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // Российская газета от 17 января 1995. – № 11 – 12.

²⁹ Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета от 31 июля 2004. – № 162.

³⁰ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета от 29 июля 2006. – № 165.

ции субъективного права и его соответствующие ограничения) и являющихся незаменимыми элементами в реализации иных правомочий граждан (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, избирательные права и др.).

Кроме того помимо законов на федеральном уровне принято значительное количество подзаконных актов (Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства, акты федеральных ведомств), которые регулируют сферу массовой информации (в основном это «процедурные» и «технические» вопросы – лицензирование, аккредитация и др.).

Подводя некоторые итоги полагаем возможным отметить следующие принципиальные положения.

Федеральный уровень правового закрепления и регулирования свободы массовой информации является ключевым в рассматриваемой сфере как по значимости (в силу верховенства данного вида нормативно-правовых актов в иерархии российской правовой системы), так и по объему (федеральные акты регулируют более широкий круг правовых вопросов).

Исходной точкой становления правовых основ свободы массовой информации на общегосударственном уровне являются соответствующие конституционные положения, которые содержатся в целом ряде статей Конституции Российской Федерации (в первую очередь, это часть 5 ст. 29).

Перечисленные в статье 29 свободы, обладая относительно самостоятельным характером, тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы. Они представляют собой комплекс соответствующих гарантий и в совокупности работают на должную реализацию каждой из перечисленных свобод. Указанная взаимообусловленность правовых норм характерна также для иных конституционных положений, касающихся свободы массовой информации.

Помимо гарантий свободы массовой информации, Конституция Российской Федерации устанавливает общие основания ее ограничений. При этом в действующем отечественном законодательстве существует абсолютный запрет цензуры – как предварительной, так и последующей. В связи с этим, положения Федерального Конституционного Закона «О чрезвычайном положении», предусматривающие возможность введения предварительной цензуры, противоречат Конституции России и подлежат исключению.

Содержание ст. 29 Конституции положено в основу законодательных актов, регулирующих деятельность средств массовой информации в России. На основе использования двух признаков: формального (указание на относимость закона к соответствующему законодательству в самом тексте правового акта) и фактического (непосредственное регулирование общественных отношений, относящихся к сфере законодательства о СМИ, вопреки отсутствию указания на то в самом тексте закона) все нормативно-правовые акты, осуществляющие регулирование общественных отношений в сфере массовой информации, можно классифицировать на специализированные, неспециализированные и косвенные законы о СМИ.

Реализация права на доступ к информации приобретает особую ценность для общества и государства. В последнее время были приняты крайне важные, с точки зрения формирования правовых основ реализации свободы массовой информации, федеральные законы: «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». В рассматриваемой сфере положения указанных Законов являются дополнительными к нормам Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и приняты в развитие информационных правомочий, установленных статьей 29 Конституции России.

При этом полагаем целесообразным принятие единого Закона об информации, который регулировал бы доступ к информации всех ветвей публичной власти. Он включил бы в себя, в том числе и положения Закона Российской Федерации «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации».

Средства массовой информации являются значимым ресурсом для реализации действенных антикоррупционных стратегий и программ. Важным моментом в Федеральном законе «О противодействии коррупции» является использование средств массовой

информации в целях формирования соответствующих мотиваций антикоррупционного поведения государственных служащих. При этом необходима хорошо продуманная и психологически выверенная социальная антикоррупционная реклама с помощью медиа-ресурсов страны.

Косвенные законы о СМИ содержат значительное количество правовых норм, регулирующих отдельные принципиальные стороны массово-информационных правоотношений и являющихся незаменимыми элементами в реализации иных правомочий граждан. На федеральном уровне подзаконные акты регулируют в основном «процедурные» и «технические» вопросы (лицензирование, аккредитация) сферы массовой информации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета от 25 декабря 1993. – № 237.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 2.
3. Федеральный Конституционный Закон от 30 мая 2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета от 13 февраля 2009 г. – № 4849.
5. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч.1). – Ст.6217.
6. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в статьи 38 и 39 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета от 11 февраля 2009 г., № 22.
7. Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12. – С. 1232.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Парламентская газета от 3 августа 2006 г. – № 26-127.
9. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Парламентская газета от 30 июня 2004. – № 117.
10. Федеральный закон от 26 ноября 1996 года № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // Российская газета от 4 декабря 1996. – № 232.
11. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета от 15 июня 2002. – № 106.
12. Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета от 25 мая 1995. – № 100.
13. Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета от 14 июля 2001. – № 133.
14. Федеральный закон от 12 мая 2009 г. № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» // Парламентская газета от 15 мая 2009 г. – № 25.
15. Гражданский Кодекс РФ 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
16. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета от 21 августа 1993. – № 182.
17. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета от 30 декабря 2008. – № 266.
18. Федеральный закон от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // Российская газета от 17 января 1995. – № 11 – 12.
19. Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета от 31 июля 2004. – № 162.

20. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета от 29 июля 2006. – № 165.
21. Монахов В.Н. Свобода массовой информации в Российской Федерации: опыт регулирования и реализации // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. – 2004. – № 2(47).
22. Павлов И.Ю. Новый закон – один из самых революционных законодательных актов последних десятилетий // Информационное общество. – 2009. – № 1.
23. Пальцев Е.С. Границы свободы слова журналиста в контексте статьи 23 Конституции Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2008 г. – № 7 // СПС «Гарант».
24. Привалов А.Н. О бессмысленном, а потому вредном законе // Информационное общество. – 2009. – № 1.
25. Просвирнин Ю.Г. Вопросы развития конституционного законодательства о праве граждан на доступ к информации // Личность. Ученый. Учитель: памяти профессора Виктора Степановича Основина / под ред. Т.Д.Зражевской. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2008.
26. Трофимов М.С. Реализация права на свободу массовой информации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа : дисс. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005.

FEDERAL STANDARDS OF CONSTITUTIONAL LAW OF FREEDOM OF MEDIA

V.ERMAKOV¹⁾
A.TSARIK²⁾

*¹⁾ Yelets State University
of I.A. Bunin*

e-mail: Konst@elsu.ru

²⁾ Institute of Law and Economics

e-mail: sanczar@yandex.ru

The article presents the author's concept of the development of norms of the Constitution on freedom of media in the federal legislation. The authors propose approaches to the systematization of legislation existing in this area, makes proposals for improving its efficiency.

Key words: Constitution of the Russian Federation, radio, media, right to information, federal law, state power, local self-government.

ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В СОВРЕМЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ¹

В.Г. ЕРМАКОВ¹
В.А. НОСКОВ²
А.Д. ХЛЕБНИКОВ³

¹) *Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина*

e-mail: Konst@elsu.ru

²) *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

²) *e-mail: noskov@bsu.edu.ru*

³) *e-mail: hleb@belgorod.arbitr.ru*

В статье проанализировано становление принципов состязательности и равноправия сторон в отечественном праве. Данный опыт сопоставлен автором с нормами международного права. В исследовании приведены многообразные концептуально-теоретические позиции относительно интерпретации понятий заявленных основных начал.

Ключевые слова: принцип, состязательность, равноправие сторон, отраслевое законодательство, процессуальные нормы.

Интеграция России в мировое сообщество и ее становление в качестве правового государства, обусловили концептуальное изменение всего законодательства. Так, принятая в декабре 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина² полностью соответствовала международным актам, признанным демократическим мировым сообществом: Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (принята в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН)³; Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ратифицирована Государственной Думой в феврале 1998 г.)⁴; Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁵; Международному Пакту о гражданских и политических правах 1966 г.⁶ и др.

Так, исходя из международного опыта, Всеобщая декларация прав человека в ст. 10 формулирует процессуальные гарантии в самом общем виде: «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом».

В международном праве состязательность и равноправие рассматриваются в качестве основополагающих условий справедливого правосудия (п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), но самостоятельно не выделяются.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 41. – Ст. 1865.

³ Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163; Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. – 1998. – № 14.

⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 1831.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 5-11.

Международный пакт о гражданских и политических правах содержит общую формулировку: «Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» (п. 1 ст. 14).

Подписав 10 июля 1992 г. в Хельсинки Декларацию «Надежды и проблемы времени перемен», Российская Федерация подтвердила свои обязательства соблюдать заключительный акт СБСЕ 1975 г.⁷ в области прав человека. Содержание главы 2 действующей Конституции Российской Федерации соответствует общепризнанному в международном праве перечню основных прав и свобод⁸.

Вступив в Совет Европы и, ратифицировав в марте 1998 г. Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Россия тем самым присоединилась и к европейской системе охраны прав человека. Среди обязательств, которые приняла на себя Россия – соблюдение ряда норм, которые составляют систему европейской судебной защиты прав человека. В первую очередь это касается ст. 6, 7 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Протоколов № 4 (ст. 1) и № 7 (ст. 2-4), которые признают за каждым человеком, где бы он ни находился, право на защиту законом, а в случае предъявления уголовного обвинения – право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с национальным законодательством и европейским правом. Речь идет о праве человека на восстановление нарушенных прав в судебном порядке и, соответственно, признании суда как органа, обеспечивающего такое восстановление.

В п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится, что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Таким образом, международное сообщество считает одним из важнейших требований справедливости судебного разбирательства осуществление его на основе принципов состязательности и полного юридического равенства сторон.

Считаем, что включение в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации 1993 г. положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон является проявлением приверженности России международным стандартам в области прав человека и процедурам их защиты.

Необходимо отметить, что в отличие, например от английского, американского судопроизводства, судопроизводства ряда крупнейших европейских стран, состязательность и равноправие в России являются конституционными принципами. При этом конституционные основы данных принципов для отечественного судопроизводства достаточно новое явление, в отличие, например от отраслевого законодательства. Это предопределяет необходимость по-новому оценить действие данных принципов в российском праве. В конституциях упомянутых стран определяется организация судебных органов, их основные полномочия и формы взаимодействия с различными государственными органами. Так, например, ч. 2 ст. 94 (глава IX «Правосудие») Конституции ФРГ устанавливает, что федеральный закон определяет устройство Федерального конституционного суда и порядок судопроизводства, тем самым отсылает к конкретизирующему нормативному акту, который и регламентирует основы конституционного судопроизводства⁹.

⁷ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. – М., 1977. – С. 544-589.

⁸ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

⁹ См.: Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. – М.: РАП, 2001. – С. 74.

Состязательное начало как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве было одним из важнейших предметов исследования еще дореволюционных российских ученых-процессуалистов. Судебная реформа 1864 г. вызвала значительный интерес к проблеме состязательного процесса у ученых, занимающихся вопросами процессуальной доктрины. Указанные проблемы рассматривались в работах ученых процессуалистов как в сфере гражданского (Е.В. Васьковский, Е.А. Нефедьев, Т.М. Яблочков, А.Х. Гольмстен, В.А. Рязановский и др.), так и уголовного права (Л.Е. Владимиров, Ю. Глазер, Н.А. Елачич, Н.Д. Сергеевский, В.К. Случевский, Д.Г. Тальберг, И.Я. Фойницкий и др.).

Концепция состязательного процесса детально разрабатывалась в трудах Е.В. Васьковского. Рассматривая принципы процесса как основы рационального судопроизводства, гарантирующие наилучшее разрешение дела и контроль за действиями судьи, он, однако, не относил состязательность к числу фундаментальных принципов (к которым, на его взгляд, относились диспозитивность, равноправие сторон, процессуальный формализм и формальное руководство суда). Само же состязательное начало понималось им «... в смысле ответственности сторон за фактический материал процесса или, говоря точнее, в смысле права сторон свободно распоряжаться фактическим материалом в процессе»¹⁰. В зависимости от того, на кого в процессе возложена задача разыскания и собирания фактического материала Е.В. Васьковский выделял три типа судопроизводства: состязательное, следственное и смешанное (как ту или иную комбинацию первого и второго)¹¹.

Состязательность рассматривалась Е.В. Васьковским не только как начало (принцип) процесса, но и в качестве формы судопроизводства. Состязательная форма судопроизводства понималась им как допущение предварительной разработки процессуального материала сторонами и их адвокатами, выливающейся в форму состязания сторон перед судом¹². Безусловным преимуществом состязательной формы является разделение труда между тяжущимися «по интересам»; в идеале такое разделение проявляется при участии адвокатов, «отделяющих зерна от плевел» и в готовом виде представляющих фактический материал на рассмотрение суда.

Иной точки зрения придерживался В.А. Рязановский. Он отмечал, что Е.В. Васьковский рассматривает стороны в качестве «господ фактического материала», однако же «факты не допускают свободного распоряжения ими, в противном случае стороны вправе представить на разрешение суда не действительно бывшие события, а лишь те, на существование которых они согласятся в процессе, и суд будет лишен возможности исследовать материальную истину. Такое положение противоречит задачам правосудия, поскольку при организации процесса должны быть приняты во внимание не только интересы отдельных лиц и свойства принадлежащих им гражданских прав, но и интересы правопорядка, интересы публичные»¹³. Если обладателю субъективного права принадлежит автономия в распоряжении им до процесса, то, обратившись к суду за защитой, он должен считаться с существующей организацией отправления правосудия. В.А. Рязановский видел сущность состязательности в праве сторон на собирание фактического материала и разыскание доказательств по делу¹⁴.

К.И. Малышев рассматривал состязательность как принцип, по которому «разные действия суда в процессе зависят от требований сторон, от их инициативы, и спорные отношения сторон обсуждаются по тем только фактам, которые сообщены суду тяжущимися». Роль суда в части руководства материальной стороной процесса, по его мнению, минимальна и ограничена правами и интересами сторон – «... судебная власть не должна проникать *ex officio* в ту завесу домашних и хозяйственных отношений, которую не хотят поднять сами тяжущиеся»¹⁵. К. Малышеву принадлежит анализ исторических аспектов развития русского гражданского судопроизводства, тенденции его движения от состязательного к усилению следственного начала (от Русской Правды и Псковской Судной Гра-

¹⁰ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – Т.1. – М., 1913. – С. 379.

¹¹ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М., 1917. – С. 9.

¹² Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – Т. 1. – М., 1913. – С. 428.

¹³ Рязановский В.А. Единство процесса. – Харбин, 1924. – С. 19.

¹⁴ Там же. – С. 47.

¹⁵ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – СПб, 1876. – С. 358.

моты до Краткого изображения процессов или судебных тяжб Петра I), что связывалось с усилением общественной власти¹⁶.

Е.А. Нефедьев выделял, в зависимости от роли и функций суда следственное и состязательное начала в процессе. Закон «может предоставить суду право принимать активное участие в выяснении дела, т. е. действовать *ex officio* в выяснении оснований для суждения о правоте той или другой стороны; или же он может поставить суд в пассивное положение, то есть может предоставить ему право судить о правоте требований той или другой стороны лишь на основании того, что будет указано и подтверждено самими сторонами»¹⁷.

При разнообразии точек зрения общим в дореволюционной процессуальной доктрине было непризнание «чистой» состязательности процесса. Большинство ученых признавало необходимость дополнить российское законодательство о судопроизводстве элементами материальной активности суда, ввести следственные элементы в состязательность.

В рамках конституционной теории принципы состязательности и равноправия сторон практически не исследовались, что было связано с отсутствием закрепления названных принципов конституционными нормами. Процессуальное же право советского периода закрепляло состязательность и равноправие сторон как основополагающие отраслевые принципы правосудия, в частности, они были закреплены в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 г.¹⁸

Принцип состязательности выражался, прежде всего, в равноправии сторон при оспаривании утверждений противной стороны. Подчеркивалось, например, что в уголовном процессе обвинение отделено от суда, обвиняемый пользуется правом на защиту, а суду принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств и решение самого дела. Процессуальное законодательство подтверждало именно такое построение процесса. Это следовало и из содержания статей о равенстве прав участников гражданского процесса по представлению доказательств, об участии сторон в их исследовании, заявлении ходатайств, участии в судебных прениях и т.д.

Однако такое закрепление было формальным, поскольку действие принципов состязательности и равноправия сторон полностью нейтрализовалось другими принципами – активной ролью суда в выяснении обстоятельств дела и объективной истины. В результате стороны могли бездействовать в представлении и исследовании доказательств, не опасаясь никаких неблагоприятных для себя последствий, – все за них должен был сделать суд.

Актом, в котором принципы состязательности и равноправия сторон получили законодательное развитие, был Арбитражный процессуальный кодекс 1992 г.¹⁹ В нем устанавливалось, что каждая сторона должна доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений. Принципы состязательности и равноправия сторон закреплены и в Арбитражном процессуальном кодексе 1995 г.²⁰ В последующем аналогичные положения, раскрывающие правовые положения о состязательности, появились в гражданском процессуальном законодательстве²¹.

¹⁶ Мальшев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – СПб, 1876. – С. 358.

¹⁷ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М., 1909. – С. 139.

¹⁸ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.). Утратил силу с 1 июля 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. Ст. 407.

¹⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 05.03.1992 г. № 2447-1) (Утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 05.05.1995 г. № 71-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 16. – Ст. 836.

²⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ (Утратил силу с 1 сентября 2002 г. за исключением ст. 22, утратившей силу через десять дней со дня официального опубликования Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, и главы 22, которая утратила силу с 1 января 2003 г. (Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 96-ФЗ) // Российская газета. – 1995, 16 мая.

²¹ Федеральный закон РФ от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. – 1995. – № 49. – Ст. 4696.

Впервые на конституционном уровне норма о состязательности судопроизводства появилась в Конституции РСФСР в декабре 1992 г. связи с внесением в нее поправок²². Ранее – в мае 1991 г. в ст. 168 Конституции РСФСР было включено положение о том, что «правосудие в РСФСР осуществляется на началах равенства сторон перед законом и судом»²³.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. положение о состязательности и равноправии сторон судопроизводства закреплено ч. 3 ст. 123. Данный принцип стал «условием осуществления судебной власти в практике конституционного регулирования и получил свое законодательное развитие в нормах уголовного и гражданского процессуального права, арбитражного процесса, конституционного судопроизводства»²⁴.

Тем не менее, российское уголовное судопроизводство до 2002 г. (вступление в силу нового Уголовно-процессуального кодекса) сохраняло черты инквизиционного процесса²⁵. Возбуждение уголовного дела судом – наиболее яркая черта инквизиционного процесса, свидетельствующая о совмещении функции обвинения и разрешения дела. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. содержал ряд положений, не свойственных принципам состязательности и равноправия сторон, закрепленным в Конституции Российской Федерации²⁶. Так, ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР обязывала суд, наряду с органами дознания, следователем и прокурором в каждом случае обнаружения признаков преступления возбуждать уголовное дело и применять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и их наказанию. Обязанность возбуждения уголовного дела была возложена на суд и в случаях предусмотренных ч. 1 ст. 255, ч. 1 ст. 256 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, то есть по собственной инициативе, а также в порядке ст. 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которая признана Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации.

Отметим, что важным инструментом на пути развития исследуемых принципов и исключение из деятельности по осуществлению правосудия некоторых рудиментов обвинительной роли суда, стали постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в которых он определил сущность принципов состязательности и равноправия сторон и механизм их применения в процессуальном праве.

Реформа судопроизводства в России обеспечила коренное изменение законодательства. Замена инквизиционного процесса состязательным является началом становления судопроизводства, отвечающего требованиям конституционного и международно-правового подхода к защите личности и ее прав.

Многие положения и нормы европейского права были учтены в ходе обновления российского процессуального законодательства. В него были включены нормы, согласно которым государство гарантирует судебную, процессуальную защиту прав и свобод граждан и оказывает им необходимую правовую помощь. В российскую правоприменительную практику вошли такие общепризнанные принципы судебной, процессуальной защиты прав и свобод, как право на справедливое судебное разбирательство, презумпция невиновности, наказание исключительно на основании закона, право на эффективное средство правовой защиты, право на компенсацию в случае судебной ошибки и другие.

В Российской Федерации прямое применение конституционно-правовых и международно-правовых норм, содержащих основополагающие принципы состязательности и

²² Закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России» (принят седьмым Съездом народных депутатов РФ) // ВС НД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 55.

²³ Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // ВС НД РФ и ВС РФ. – 1991. – № 22. – Ст. 776.

²⁴ Чепурнова Н.М. Конституционные принципы судебной власти и проблемы формирования судебной системы в субъектах Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. – С. 64.

²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г., с изм. от 18.10.2011 г.) // Российская газета. – 2001, 22 декабря; 2011, 26 июля.

²⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.). Утратил силу с 1 января 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

процессуального равноправия сторон является перспективным направлением в современных условиях развития демократического подхода к защите прав человека.

Федеральные законы основываются на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (например, ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁷). Таким образом, в результате воздействия международно-правового регулирования принципов состязательности и равноправия сторон, они приобретают качественно иной характер в конституционно-правовом регулировании. Закрепленная в Конституции Российской Федерации взаимосвязь между конституционно-правовым и международно-правовым регулированием предполагает особую государственно-правовую связь между ними. Их взаимоотношения отличаются от подобных отношений с отраслями национального права. Международно-правовые нормы обязывают национальные правовые системы учитывать общепризнанные принципы и нормы международного права, а иные международные нормы использовать с учетом исторически сложившихся на момент принятия Конституции правовом регулировании. Закрепленная в Конституции Российской Федерации и не противоречащая ей государственно-правовых реалий. Это предполагает распространение общепризнанных принципов и норм международного права на территории Российской Федерации, в различных сферах процессуальных отношений.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) рассматриваемые принципы выделены и изложены в отдельной самостоятельной второй главе, что демонстрирует значение, придаваемое законодателем данному уголовно-процессуальному институту.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации принципы состязательности и равноправия сторон выделены в первой главе и им посвящена ст. 12, в которой дается описание позиции суда, его обязанности при рассмотрении гражданского дела²⁸. Аналогичным образом принципы состязательности и равноправия сторон изложены и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, с тем лишь отличием, что они разделены в изложении на две статьи: ст. 8 «Равноправие сторон» и ст. 9 «Состязательность»²⁹.

В заключение, полагаем, целесообразно пожелание, чтобы новая правовая система России, формирование которой продолжается и в настоящее время, включила в себя лучшие достижения российской и зарубежной правовой науки и практики, а мероприятия по приведению российского законодательства в соответствие с международными нормами, в том числе и в области применения принципов состязательности и равноправия сторон, отвечали национальным потребностям и учитывали сложившиеся традиции, а также накопленный опыт в развитии правовой системы страны.

Список литературы

1. Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002, 27 июля.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.06.2011 г.) // Российская газета. – 2002, 20 ноября; 2011, 17 июня.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г., с изм. от 18.10.2011 г.) // Российская газета. – 2001, 22 декабря; 2011, 26 июля.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4601.

²⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4601.

²⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.06.2011 г.) // Российская газета. – 2002, 20 ноября; 2011, 17 июня.

²⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002, 27 июля.

7. Федеральный закон РФ от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. – 1995. – № 49. – Ст. 4696.
8. Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 41. – Ст. 1865.
9. Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.
10. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. – М., 1977.
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163; Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. – 1998. – № 14.
12. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 5-11.
13. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 1831.
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 05.03.1992 г. № 2447-1) (Утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 05.05.1995 г. № 71-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 16. – Ст. 836.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ (Утратил силу с 1 сентября 2002 г. за исключением ст. 22, утратившей силу через десять дней со дня официального опубликования Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, и главы 22, которая утратила силу с 1 января 2003 г. (Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 96-ФЗ) // Российская газета. – 1995, 16 мая.
16. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.). Утратил силу с 1 июля 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. Ст. 407.
17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.). Утратил силу с 1 января 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
18. Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // ВС НД РФ и ВС РФ. – 1991. – № 22. – Ст. 776.
19. Закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России» (принят седьмым Съездом народных депутатов РФ) // ВС НД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 55.
20. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – Т. 1. – М., 1913.
21. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М., 1917.
22. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – СПб, 1876.
23. Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. – М.: РАП, 2001.
24. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М., 1909.
25. Рязановский В.А. Единство процесса. – Харбин, 1924.
26. Чепурнова Н.М. Конституционные принципы судебной власти и проблемы формирования судебной системы в субъектах Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

GENESIS OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES ADVERSARIAL AND EQUAL IN MODERN RUSSIA PROCEEDINGS

V. ERMAKOV¹

V. NOSKOV²

A. KHLEBNIKOV³

¹ *Yelets State University of I.A. Bunin*

e-mail: Konst@elsu.ru

^{2, 3} *Belgorod State National Research University*

² *e-mail: noskov@bsu.edu.ru*

³ *e-mail: hleb@belgorod.arbitr.ru*

The article analyzes the emergence of the principles of competition and equality of parties in domestic law. This experience of the author is associated with the norms of international law. The study shows the diverse conceptual and theoretical positions regarding the interpretation of the concepts presented to the basic principles

Key words: principle, competitiveness, equality of the parties, sectoral laws, procedural rules.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА¹

М.В. МАРКГЕЙМ¹
О.Н. ПОЛУХИН²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹*e-mail: markheim@bsu.edu.ru*

²*e-mail: poluhin_oleg@yandex.ru*

В статье, исходя из авторского подхода к трактовке обязанности российского государства в отношении прав и свобод человека, представлены доктринальные и юридические обоснования конституционной ответственности Российской Федерации за нарушение прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: обязанность государства, защита прав и свобод человека, конституционная ответственность, виды санкций конституционной ответственности, органы государственной власти.

Конституция Российской Федерации 1993 г. содержит единственную норму, – ст. 2 – прямо фиксирующую обязанность государства – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Традиционно в конституционно-правовой науке названные составляющие конституционной обязанности исследуются в триединстве. Считаем продуктивным в научном и практическом планах рассматривать их как самостоятельные обязанности – обязанность признания, обязанность соблюдения, обязанность защиты, – адресованные российскому государству в отношении прав и свобод человека и гражданина. Каждая из этих обязанностей имеет свой механизм обеспечения, в том числе посредством юридических санкций. Исходя из общетеоретического положения о том, что реализация обязанности обеспечивается мерами ответственности, распространяется и на конституционно-правовую сферу, рассмотрим это применительно к обязанности защищать права и свободы человека и гражданина.

Лексико-юридический анализ текста действующей Конституции России 1993 г. показал, что к термин «ответственность» употреблен в ней 8 раз: в преамбуле («...ответственность за свою Родину...»); ч. 3 ст. 41 («Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств... влечет за собой ответственность...»); ч. 1 ст. 54 («Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность...»); ч. 2 ст. 54 («Никто не может нести ответственность... Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена...»); ч. 2 ст. 122 («Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности...»); п. 4 Заключительных и переходных положений («Совет Министров приобретает права, обязанности и ответственность Правительства...»); п. 9 Заключительных и переходных положений («...На депутатов Государственной Думы – членов Правительства ... не распространяются положения ... в части ответственности за действия (или бездействие)...»). Для сравнения: в тексте Конституции РСФСР 1978 г. (с последующими изменениями) слово «ответственность» употреблялось 13 раз, а Конституции РСФСР 1937 г. – трижды.

Исходя из контекста, в каком использовано слово «ответственность» в действующей Конституции, можно сделать вывод, что она понимается как ответственное поведение российского народа, как санкция, как вид юридической ответственности, как структурный элемент статуса субъекта конституционно-правовых отношений. То есть, в тексте Конституции Российской Федерации при использовании слова «ответственность» речь идет и о синонимах, и об омонимах. Ни одно из употреблений слова «ответственность» не связано с собственно конституционной ответственностью. Поэтому развивать проблему конституционной ответственности за нарушение прав и свобод человека следует, на наш взгляд, через обязанность (долженствование) конкретного или выводимого субъекта или через меру воздействия за отклоненное от установленной конституционной модели поведение субъекта.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

Несмотря на то, что конституционная ответственность относится к тем государственно-правовым институтам, которые являются довольно новыми для российских традиций, ее реальность уже не обсуждается. Ученые обращались к исследованию специфики², различных субъектных ипостасей³, оснований наступления⁴ и санкций⁵ конституционной ответственности в связи с возможностью влиять на совершенствование и развитие конституционно-правовых отношений, с гармонизацией отношений личности (общества) и государства.

Интерес к проблеме конституционной ответственности в России актуализируется выраженной деструкцией в соотношении меры власти и меры ответственности, что неизбежно влияет на отношения личности и государства в широком спектре его институтов. Как справедливо отмечал Ильин И.А., власть, совсем лишенная правовой санкции, есть юридически индифферентное явление: она не имеет правового измерения. Получать правовую санкцию она должна и от конституционного закона, и от признающего правосознания⁶.

«Безвластная» власть не может защитить права и свободы человека и гражданина, «безответственная» власть этого делать не хочет. Обе характеристики государственной власти не «на руку» защите прав и свобод человека и гражданина, поскольку в таких условиях «высшая ценность» находится вне сферы государственных интересов. Считаем, что современный этап государственного строительства России надлежит связывать с формированием сильной власти, отвечающей по своим обязательствам перед гражданским обществом. Поэтому для реализации своей конституционной обязанности защищать права и свободы человека и гражданина российское государство вынуждено раскрывать и использовать потенциал конституционной ответственности. Здесь важен как позитивный аспект конституционной ответственности, проявляющийся преимущественно в ответственном отношении субъектов к своим конституционным обязанностям, добросовестное и эффективное их исполнение, так и негативный – как ответственность субъекта за поведение, отклоняющееся от модели, предусмотренной диспозицией конституционно-правовой нормы. Негативная конституционная ответственность за нарушение прав и свобод человека отличается от позитивной тем, что в ее основе лежит бесспорный факт конституционного деликта, т.е. негативный факт реальной действительности, доказанный и «привязанный» к конкретному субъекту, причиняющий ущерб человеку, его правам и свободам.

Конституционная ответственность за нарушение прав и свобод человека наиболее адекватна конституционной обязанности государства (в лице его органов) их защищать. Вместе с тем ответственность за такие нарушения не исчерпывается только конституционной санкцией, а механизм применения сопряжен с судебными и несудебными процедурами. Конституционная санкция, по мнению Колосовой Н.М., представляет собой воз-

²См., например, Колосова Н.М. Особенности конституционной ответственности в России // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. С.89-93; Василевич Г.А. Конституционно-правовая ответственность – особый вид юридической ответственности // Там же. – С.42-53.

³См., например, Бутусова Н.В. Проблема конституционно-правовой ответственности Российского государства // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. – С.125-133; Стапанова А.А. Вопросы конституционно-правовой ответственности субъектов Российской Федерации. // Там же. – С.262-268; Лавничак А. Ответственность главы государства в монархии и республике // Там же. – С.149-157; Нестеренко А.В. Граждане Российской Федерации как субъекты конституционной ответственности. // Там же. – С. 177 – 181.

⁴См., например, Крусс В.И. Злоупотребление правами и свободами человека и конституционная ответственность. // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. С.181-191; Комкова Г.Н. Конституционно-правовая ответственность Российского государства за нарушение прав граждан. // Там же. С.157-164.

⁵См., например, Щербакова Н.В. О санкциях в конституционном (государственном) праве. // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. С.115-120; Филиппов Н.К. Институт федерального вмешательства как форма конституционно-правовой ответственности федеральной власти // Там же. С.235-238; Филиппова И.А. Отзыв депутатов как мера конституционной ответственности. // Там же. С.345-351.

⁶См.: Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С.355.

возможность наступления неблагоприятных последствий через законодательное принуждение по отношению к субъекту права в случае неисполнения им конституционных обязанностей или в случае злоупотребления своими правами⁷. Если принять такую формулировку, то роспуск Государственной Думы, признаваемый исследователями мерой конституционной ответственности⁸, не является конституционной санкцией, поскольку нет случая нарушения ею «конституционных обязанностей или... злоупотребления...». Отставка Правительства Российской Федерации также далеко не всегда есть неблагоприятное последствие за ненадлежащее исполнение своих полномочий, а может быть, по удачному выражению Бутусовой Н.В., «тактическим средством политического маневрирования для предотвращения политических кризисов»⁹. Считаем, что приведенное определение конституционной санкции не охватывает всех ее проявлений и приемлемо для характеристики ретроспективной конституционной ответственности. Поэтому предлагаем рассматривать конституционную санкцию как выражение в установленной форме оценки деятельности публичных и социальных субъектов, направленной на защиту приоритетных конституционно-правовых отношений. Один из таких приоритетов в Конституции России определен недвусмысленно – человек, его права и свободы.

Исследование конституционной ответственности за нарушение прав и свобод человека предполагает выявление роли санкций в их защите. Согласившись с предложенной учеными классификацией конституционно-правовых санкций по их цели и последствиям, рассмотрим правосстановительную (восстановительную), карательную (репрессивно-карательную), пресекающую (санкцию пресечения) и предупредительную¹⁰ санкции.

Правосстановительная (защитная) санкция направлена на восстановление (возобновление) конституционного правопорядка и законности. К правосстановительным санкциям конституционной ответственности за нарушение прав и свобод человека относятся признание неконституционным, недействительным закона, иного нормативного акта, отмена или приостановление действия незаконного акта, затрагивающего права и свободы человека. Такая мера конституционной ответственности обусловлена не только атрибутами нормативного правового акта, но и конституционным требованием ч. 2 ст. 55, согласно которому в России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Положение ч. 3 ст. 15 Конституции России, устанавливающее в качестве условия действительности любого нормативного правового акта, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина, обязательность его официального опубликования для всеобщего сведения, является основанием наступления правосстановительной санкции конституционной ответственности.

Субъектами применения такого рода санкций выступают Конституционный Суд Российской Федерации, который имеет исключительное полномочие признавать закон либо отдельные его положения не соответствующими Конституции России по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод (ч. 4 ст. 125 Конституции); Президент Российской Федерации, который вправе отменить постановления Правительства РФ в случае, если ими в противоречие Конституции, федеральным законам и указам Президента

⁷См.: Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. – М.: Городец, 2000. – С.110.

⁸См., например, Авакьян С.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности. // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. – С. 20; Колосова Н.М. Особенности конституционной ответственности в России // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. – С. 89; Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности. Часть I. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2001. – №4. – С.16.

⁹ Бутусова Н.В. Проблема конституционно-правовой ответственности Российского государства // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. – С.128.

¹⁰ См., например, Витрук Н.В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики. // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001. – С.36; Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности. Часть II. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2002. – №1. – С.5; Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации... – М.: Городец, 2000. – С.114.

нарушаются права и свободы человека (ч. 3 ст. 115 Конституции); суды общей юрисдикции, которые вправе подтверждать недействительность положений конституций (уставов) субъектов Федерации, если они содержат такие нормы, нарушающие права и свободы человека, какие ранее были признаны Конституционным Судом Российской Федерации неконституционными¹¹.

К виду конституционных санкций за нарушение прав и свобод человека относятся карательные меры. По сути, такая мера ответственности должна наступать за виновное нарушение норм, за правонарушение. В отношении конституционной ответственности – это не всегда так: нельзя назвать конституционным деликтом роспуск Государственной Думы за то, что она «не так» проголосовала, давая (или не давая) согласие Президенту на назначение предложенной им кандидатуры на пост Председателя Правительства. Зная последствия «трехкратного отклонения предложенных Президентом кандидатур...» Государственная Дума сама отдает предпочтение определенной форме поведения при реализации конституционных полномочий.

Карательные меры конституционной ответственности, как правило, имеют цель наказать правонарушителя – субъекта конституционно-правовых отношений. Такие меры могут применяться к тем из них, кого Конституция РФ наделила особым статусом или особыми полномочиями. Прежде всего – это Президент Российской Федерации. Вопросы о конституционной ответственности российского Президента в связи с нарушением прав и свобод человека в научных дискуссиях касались преимущественно в контексте досрочного прекращения полномочий главы государства или его конституционного статуса¹², в связи с чем признать его детально разработанным нельзя. Намеченный контур конституционной ответственности главы государства за нарушение прав и свобод человека требует правового наполнения.

Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции России Президент РФ является гарантом прав и свобод человека и гражданина. По мнению профессора Окунькова Л.А., в данном статусе Президента Российской Федерации нет неопределенности, поскольку его реализация подкрепляется конкретными полномочиями. Следить за соблюдением прав и свобод является достаточно типичной функцией для полноценного главы государства¹³.

Однако, на наш взгляд, все не столь однозначно. Строгого юридического толкования статуса «гарант» пока не сложилось, что имеет свои плюсы и минусы. В качестве плюсовой характеристики считаем то, что установление четких юридических границ статуса «гарант» несет опасность сузить его многогранность и вариабельность. Считаем, что с точки зрения защиты прав и свобод человека желательно не ограничивать четкими процедурами осуществление «гарантных» функций. Если же речь идет об ответственности, то без системы координат не обойтись, поскольку нельзя предусмотреть ответственность за то, что не вменено в обязанность или не включено в сферу долженствования. Поэтому считаем, что за точку отсчета можно принять положения из текста присяги, конституированной ч. 1 ст. 82, в части, касающейся прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем нарушение присяги не названо в качестве основания конституционной ответственности главы российского государства. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России 1978 г. (с последующими изменениями и дополнениями) с момента введения поста президента в 1991 г. установила и его ответственность за нарушение данной им присяги (ст. 121-10).

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. №15-О «По ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – №11. – Ст. 1070.

¹² См.: Авакьян С.А. Досрочное прекращение полномочий Президента России: проблемы, требующие юридического решения // Законодательство. – 1999. – №3; Шеленков С. Гарант вне контроля // эж-ЮРИСТ. – 2003. – №19.

¹³ См.: Окуньков Л.А. Указы Президента РФ и проблемы их совершенствования // Законодательство. – 2000. – №12.

Считаем, что учреждение в конституционном порядке нормы, придающей присяге главы государства конкретный юридический смысл, конструктивно для совершенствования системы защиты прав и свобод человека. Для этого достаточно дополнить ч. 1 ст. 93 Конституции России положением, что нарушение Президентом Российской Федерации принесенной им присяги является основанием отрешения его от должности.

Более широким, но, несомненно, важным является правило, устанавливающее, что нарушение конституции – основание отрешения от должности главы государства. В российской Конституции такого положения нет, хотя его включение (в силу действия ст. 2, ч. 2 ст. 15, ст. 18 и др. Конституции) существенно обогатило бы правозащитную компоненту статуса «гарант», которым наделен Президент Российской Федерации. Опыт государственного строительства других государств, отраженный в их конституциях, при желании, мог бы сориентировать законодателя на закрепление аналогичной позиции. В соответствии со ст. 61 (1) Основного закона Германии основанием для наступления ответственности Федерального президента выступает любое деяние Президента, связанное с умышленным нарушением Основного закона¹⁴; из ст. 90 Конституции Итальянской Республики следует, что ее Президент несет ответственность за посягательство на Конституцию¹⁵; ч. 1 ст. 49 Конституции Греции установлено, что Президент Республики отвечает за предумышленное нарушение Конституции¹⁶.

Необходимость включения в Конституцию России положения, согласно которому Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности, в том числе за нарушение Конституции, представляется очевидной, поскольку это следует из содержания, например, ее ч. 3 ст. 80, ч. 3 ст. 90. В поддержку введения в конституционный текст такой нормы выступает также отсутствие в Конституции России указания на федеральный закон, где бы мог быть конкретизирован статус Президента России, а значит, принятие такого закона зависит от усмотрения законодателя.

Таким образом, конституционная норма, определяющая основания наступления конституционной ответственности в форме отрешения Президента России от должности, требует включения еще двух: за нарушение Конституции России и за нарушение присяги, принесенной Президентом РФ. Значение такого подхода связано с упрочением института защиты прав и свобод человека и гражданина посредством возможности наступления конституционной ответственности главы государства за нарушение прав и свобод человека. Тем самым положение «Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод» обретет вполне конкретные проявления.

Конституционная ответственность в так называемом карательном варианте предусмотрена для Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: данная палата парламента может быть распущена. Осуществляется этот механизм, во всяком случае, Президентом России в «правительственном» соотношении: в связи с назначением Председателя Правительства (ч. 4 ст. 111), в связи с выражением недоверия Правительству России по инициативе Государственной Думы (ч. 3 ст. 117) или по инициативе самого Правительства РФ (ч. 4 ст. 117). В качестве критериев наступления такой организационной меры лежат «количественные показатели»: после «трехкратного отклонения...», «в течение трех месяцев повторно...». Следовательно, такая санкция не является последствием правонарушения и не обусловлена нарушением прав и свобод человека. Это нельзя признать нормальным. Поэтому считаем необходимым осуществить конституционную конкретизацию оснований наступления ответственности Государственной Думы. Логично, если такая ответственность будет следствием нарушения Конституции России в связи с осуществлением полномочий.

Конституцией Российской Федерации установлена обязанность, адресуемая, прежде всего законодательным органам, но не предусматривающая ответственности. Так, Конституция (ч. 2 ст. 55), установив «недолжность» издания законов, отменяющих или

¹⁴ Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, – 2002. – С.85.

¹⁵ Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. // Там же. – С.146.

¹⁶ Конституция Греции от 11 июня 1975 г. // Конституции государств Европейского Союза. – М.: издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – С.264.

умаляющих права и свободы человека и гражданина, не предусмотрела карательной конституционной санкции за нарушение данной нормы для федеральных законодателей: акт, принятый в нарушение ч. 2 ст. 55 Конституции России может быть отклонен Президентом (ч. 3 ст. 107) (санкция пресечения) или признан не соответствующим Конституции решением Конституционного Суда (п. «а» ч. 2 ст. 125, ч. 4 ст. 125) (правовосстановительная санкция). Полагаем, что ч. 2 ст. 55 резонно дополнить предложением «Не издание законов, обеспечивающих защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, приравнивается к их умалению». Это позволит надлежаще сориентировать как субъектов законодательной инициативы, так и самого законодателя, а также применять меры конституционной ответственности за «пробельность» правового поля, касающегося защиты прав и свобод человека и гражданина.

Поскольку Россия является федеративным государством, то конституционное положение ч. 2 ст. 55 всецело адресуется и законодателю субъекта Российской Федерации. Общий конституционный ориентир ч. 2 ст. 55 в связи с п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции нашел свое преломление в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»¹⁷, где ст. 3.1 установлено, что органы государственной власти субъектов Федерации в случае принятия ими нормативных правовых актов, противоречащих Конституции России, федеральным конституционным законам и федеральным законам и «повлекших за собой массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина... несут ответственность».

«Массовость» и «грубость» нарушения прав и свобод человека и гражданина» как основание ответственности органов государственной власти представляется не достаточно внятным и корректным: во-первых, нет реальных правовых критериев, позволяющих оценить такого рода нарушения; во-вторых, характеристика нарушений прав и свобод личности как «массовые и грубые» дана в связке, т.е. должны присутствовать оба качества нарушения, что не позволяет привлечь к ответственности властные органы субъекта РФ или за «массовое», или за «грубое» нарушение прав и свобод; в-третьих, такая норма подразумевает некоего «субъекта» (исходя из Постановления Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. – это суд), кто уполномочен сделать вывод о «массовости и грубости» нарушения прав и свобод. Конституция России не прибегает в своем тексте к такого рода характеристикам нарушения прав и свобод, следовательно, «массовость и грубость», установленная федеральным законом в качестве основы наступления ответственности за нарушения прав и свобод человека можно признать необоснованным «умалением» возможности защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Возвращаясь к анализу положений Федерального закона от 6 октября 1999 г., отметим, что за «массовые и грубые» нарушения прав и свобод человека и гражданина конституционно-правовая ответственность законодательного (представительного) органа государственной власти выражается в форме роспуска, решение по которому может приниматься высшим должностным лицом данного субъекта РФ (п. «б» ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 6 октября 1999 г.). Конкретизируя данную норму, отметим, что если закон субъекта РФ противоречит, например, ч. 2 ст. 55 (в России на должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина) Конституции России, а региональный законодатель не внял соответствующему решению суда, то у высшего должностного лица есть право досрочно прекратить полномочия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, допустившего нарушение прав и свобод человека и гражданина.

Осуществить расформирование законодательного (представительного) органа субъекта может Государственная Дума, приняв внесенный Президентом РФ проект федерального закона о роспуске данного органа (это положение позволяет говорить о появлении «вертикали власти» в законодательной ветви). Подобную законодательную инициативу глава государства может реализовать после вынесения своим указом предупрежде-

¹⁷ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1999. – №42. – Ст.5005; www.garant.ru

ния (предупредительная санкция) законодательному (представительному) органу государственной власти за то, что им были допущены нарушения, в том числе прав и свобод человека и гражданина (ч. 4 ст. 9 Федерального закона от 6 октября 1999 г.). Прописанные в законодательном порядке условия и процедуры досрочного прекращения полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ достаточно сложны. В их реализации должны «сойтись» полномочия различных ветвей и уровней государственной власти. Такое проявление принципа «сдержек и противовесов» направлено на недопустимость властных усмотрений, на защиту воли избирателей, сформировавших законодательный (представительный) орган. Вместе с тем осуществление всех предписанных процедур значительно растягивается во времени, в течение которого остается опасность нарушения прав и свобод человека и гражданина. В этой связи считаем, что следует сократить сроки, предоставленные законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта РФ, для выполнения решения соответствующего суда до 2 месяцев, а «надлежаще отреагировать» на предупреждение Президента РФ до 1 месяца, установив, что такого рода вопросы должны решаться законодательным (представительным) органом субъекта РФ во внеочередном порядке. Подобные изменения позволят укрепить барьер от нарушений прав и свобод человека и гражданина законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ.

После вступления в силу Федерального закона от 6 октября 1999 г., принятого в контексте п. «н» ст. 72 Конституции РФ, прецедентов применения норм конституционной ответственности к законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта РФ за «массовое и грубое» нарушение прав и свобод человека путем принятия закона в нарушение ч. 2 ст. 55 не было. Механизм пресечения «правонарушительного» законодательства на уровне субъектов РФ установлен, а политическая воля главы государства, означенная в его посланиях Федеральному Собранию, выступает здесь дополнительной «гарантией от гаранта».

Поскольку в ч. 2 ст. 55 Конституции России речь идет о «недолжности» не просто принятия закона, отменяющего или умаляющего права и свободы человека и гражданина, а о его «издании», то данной норма адресуется и лицам, осуществляющим подписание и обнародование закона. На федеральном уровне промульгацию осуществляет Президент РФ, что предусмотрено п. «д» ст. 84 и ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой законы (как и любые другие нормативно-правовые акты), затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В качестве санкции, здесь можно рассматривать положение ч. 4 ст. 125 Конституции РФ: Конституционный Суд РФ в установленном порядке по инициативе определенного круга субъектов может проверить конституционность закона.

На уровне субъекта РФ в издании закона участвует его высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), что предусмотрено ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»: высшее должностное лицо субъекта Федерации обязано обнародовать закон субъекта РФ, удостоверив это путем подписания закона или издания специального акта (либо отклонить закон...). Если высшее должностное лицо допустило, чтобы подписанный им закон содержал положения, противоречащие Конституции РФ, федеральным законам, Президент РФ вправе осуществить отрешение его от должности (п. «г» ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 6 октября 1999 г.). Отметим, что данная проблема стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Его Постановлением от 4 апреля 2002 г.¹⁸ названная норма была признана не противоре-

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. №8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха

чащей Конституции РФ, поскольку процедура применения данной меры федерального воздействия, завершающаяся изданием указа Президента РФ, включает в себя в качестве обязательных элементов решение суда о признании нормативного акта субъекта Федерации не соответствующим Конституции РФ и федеральным законам, а также решение суда, которым подтверждаются уклонение от исполнения первоначального судебного акта и необходимость федерального воздействия в целях обеспечения его исполнения; при этом указанная мера не может быть применена в связи лишь с формальным противоречием нормативного акта высшего должностного лица субъекта Федерации федеральному нормативному акту, так как ее применение обуславливается подтверждением в судебном порядке того, что неправомерный нормативный акт повлек «массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина...».

Таким образом, конституционная обязанность не подписывать и не обнародовать (как составная часть процедуры издания) законы, ограничивающие и умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ), обеспечивается правостановительной санкцией (для федеральных законов) и комплексной последовательно наступающей правостановительной и карательной санкцией (на уровне субъектов РФ).

Следующий вид конституционных санкций за нарушение прав и свобод человека и гражданина – это санкции пресечения. Основой их применения является ряд положений Конституции РФ: насильственное изменение конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13) сформулированы в качестве оснований запрещения создания и деятельности общественных объединений; присвоение власти, захват власти и присвоение властных полномочий (ч. 4 ст. 3) запрещаются и преследуются по закону; пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29) запрещается. Нарушение установленных запретов осуществляется посредством пресечения. Если же размах и «градус кипения» такого рода нарушений невозможно нейтрализовать в условиях обычной системы управления, то Конституция России предусмотрела введение особого режима – режима чрезвычайного положения (ч. 1 ст. 56).

Поскольку задачи режима чрезвычайного положения в самом общем выражении связаны с защитой человека, общества и государства во всем многообразии его конструктивных проявлений, то он по праву отнесен к конституционной санкции пресечения. Особенность данной санкции выражается в ее адресации не только субъектам, нарушившим конституционные запреты, но и вообще всем субъектам конституционно-правовых отношений. Следовательно, в данной санкции объединено проявляется и негативная, и позитивная конституционная ответственность.

Отметим, что Конституция России (ч. 3 ст. 55) допускает ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. В условиях режима чрезвычайного положения пределы ограничений прав и свобод человека и гражданина, срок их установлений и изъятия (ч. 3 ст. 56) оговариваются уже федеральным конституционным законом (ч. 2 ст. 56). Такая конституционная мера пресечения как режим чрезвычайного положения вводится Президентом России с незамедлительным сообщением об этом палатам парламента (ст. 88 Конституции). Указ главы государства о введении такого режима безотлагательно передается на утверждение Советом Федерации (п. «в» ст. 102 Конституции).

Согласно ст. 2 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. «О чрезвычайном положении»¹⁹ целью его введения является защита прав и свобод человека и гражданина путем устранения обстоятельств, послуживших основанием для его введения. Отдельно названа цель защиты конституционного строя Российской Федерации, что

(Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // СЗ РФ. – 2002. – №15. – Ст. 1497.

¹⁹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. – 2001. – №23. – Ст.2277.

рассматривается нами дополнительным правозащитным фоном, поскольку в числе основ конституционного строя – человек, его права и свободы как ценностный абсолют.

К конституционной санкции пресечения относится отклонение Президентом РФ принятого федерального закона (ч. 3 ст. 107 Конституции). Сама Конституция России не устанавливает критерии, лежащие в основе такого решения главы государства. При этом убеждены, что такая конституционная санкция как вето Президента России направлена на реализацию требования ч. 2 ст. 55 Конституции, не допускающего издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина.

Конституционной санкцией за нарушение прав и свобод человека и гражданина является и приостановление действия акта органов исполнительной власти субъекта РФ до решения этого вопроса соответствующим судом, что предусмотрено ч. 2 ст. 95 Конституции России. Эту процедуру согласно п. «е» и п. «ж» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ и ст. 44 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» может инициировать Правительство РФ²⁰.

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина применяется такая конституционная санкция, как предупреждение. Подобная мера воздействия со стороны Президента России предусмотрена Федеральным законом от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» в отношении законодательного (представительного) органа (ч. 4 ст. 9) или высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) (ч. 2 ст. 29.1) субъекта РФ в случае, если названные органы субъекта РФ своими актами нарушили Конституцию РФ, федеральное законодательство, при этом адекватно не отреагировали на решение суда.

Резюмируя изложенное, отметим, что конституционная ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина предусматривается и Конституцией Российской Федерации, и федеральным законодательством. В этой связи удачнее говорить о конституционно-правовой ответственности. Основания конституционной ответственности за нарушение прав и свобод человека и гражданина, скорее, выводимы из текста Конституции России и законодательства, чем прямо означены в них. Считаем, что конституционная позиция о высшей ценности человека, его прав и свобод не достаточно убедительно обеспечена мерами ответственности, адресуемыми органам власти всех ветвей и уровней и их должностным лицам. Учитывая значимость конституционной ответственности для защиты прав и свобод человека, представляется целесообразным принять специальный федеральный закон «О конституционной ответственности в Российской Федерации», концепция которого исходила бы из императива, что основанием конституционной ответственности является не только совершение правонарушения, но и всякое отступление от Конституции Российской Федерации. Сфера, затрагивающая права и свободы человека и гражданина, обнаруживает действие механизмов, свойственных «вертикали власти». Конституционно-правовая ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина обеспечивается судебными и несудебными процедурами.

Ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина органами, осуществляющими суверенную власть государства, рассмотрена нами сепаративно в субъектном плане и корпоративно в объектном смысле. Реальное комплексное выражение конституционной ответственности Российского государства связано с его властными органами и их представителями. Вместе с тем государство является самостоятельным субъектом конституционно-правовой ответственности за нарушение прав и свобод человека, которая обусловлена конституционной обязанностью Российской Федерации защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции). Неоспоримо, что защищенность государством как самой мощной социальной силой придает правам человека и гражданина значительную надежность и гарантию их действительной реализации в наиболее полном объеме.

Обособление конституционной ответственности Российской Федерации за нарушение прав и свобод человека и гражданина определено спецификой, которая выражает-

²⁰ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (с послед. изм.) // СЗ РФ. – 1997. – №51. – Ст.5712; www.garant.ru

ся прежде всего в необычном состоянии государства: оно (в идеале) – непреходящий субъект ответственности перед своим многонациональным народом и перед отдельным человеком. Конституционное «обязательственное триединство» государства – признание-соблюдение-защита – по отношению к правам и свободам человека и гражданина обуславливает существование негативной конституционной ответственности. Вместе с тем неспраден вопрос о мере ответственности всего государства, поскольку государство, даже грубо нарушающее права и свободы собственных граждан, не прекратит свое существование, не будет ликвидировано своими гражданами. Поэтому считаем, что конституционная ответственность государства носит преимущественно позитивный характер.

Ответственное состояние государства означает, что государство функционирует в строгом соответствии с федеральной Конституцией. Установление аксиологического предпочтения в пользу человека, его прав и свобод, по замыслу, должно детерминировать деятельность государства. Это обуславливает его и пассивную обязанность воздерживаться от вмешательства в границы свободы личности, и активную обязанность, выражающуюся в законодательной, исполнительной и судебной деятельности, направленной на содействие в практической осуществлении человеком принадлежащих ему прав и свобод.

Конституция России, закрепляя базовые характеристики государства, ориентирует его «многонациональный народ» на свою гарантирующую роль во взаимоотношениях с личностью и обществом. Строго говоря, каждая из нарушенных государством «гарантийных» заявок в отношении человека, его прав и свобод, должна рассматриваться как основа конституционной ответственности. Но обратимся лишь к тем конституционным нормам, где субъектом «гарантирования» прямо названо государство, а объектом – права и свободы человека и гражданина. В главе 2 Конституции России содержится три таких нормы: ч. 1 ст. 17 (Российская Федерация гарантирует права и свободы человека, согласно международным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ); ч. 1 ст. 19 (государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств); ч. 2 ст. 61 (Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами). Положения данных норм соотносятся как общее и особенное: содержание ч. 2 ст. 61 охватывается смыслом ч. 2 ст. 19, которая, в свою очередь, лишь конкретизирует значение ч. 1 ст. 17. Следовательно, конституционная ответственность государства наступает за нарушение тех прав и свобод человека и гражданина, которые опосредованы международным гуманитарным (в широком смысле слова) правом. Данный вывод подтверждается согласием России отвечать за нарушение прав человека по решению, например, Европейского суда по правам человека, что превратило потенциальную возможность, предусмотренную ч. 3 ст. 46 Конституции России, в реальный правозащитный механизм с участием названного межгосударственного органа на основе признания Россией *ipso facto* и без специального соглашения его юрисдикции.

Таким образом, Российская Федерация в силу действия ч. 3 ст. 46 Конституции является субъектом конституционно-правовой ответственности за нарушение прав и свобод человека. Данной статьей закреплено правило: чтобы обратиться в межгосударственные органы по защите прав человека – должны быть исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты прав человека. Традиционно это правило рассматривается как «условие» обращения каждого за защитой в межгосударственные органы. На наш взгляд, это конституционное правило в государственном измерении обнаруживается как «основание ответственности государства» за изъяны внутригосударственного правозащитного механизма, который не способен разрешить спор «своими силами». Одновременно таким способом государство «выправляет» сложившуюся ситуацию, обеспечивая государственную гарантию защиты прав и свобод человека.

Членство России в Совете Европы порождает ее ответственность за то, что она допускает серьезные нарушения прав человека: Устав Совета Европы содержит положение, которым Комитет министров уполномочивается за это приостанавливать членство и даже исключать из состава участников Совета Европы любое государство-участника. Выплата государством компенсации подателю жалобы выступает как форма исполнения

решения Европейского Суда. Это характеризует международно-правовую ответственность государства. Вместе с тем, ввиду наличия норм о возмещении вреда в национальных конституциях данная санкция выступает и как конституционная.

В России конституционной санкцией, адресованной государству, является возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц (ст. 53 Конституции). Назначение в отношении Российского государства такой конституционной санкции как «возмещение вреда...», вытекающей из ст. 53 Конституции России, не исчерпывается решением межгосударственного правозащитного органа. Суды Российской Федерации в потенциале могут обязать государство возместить вред, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц. Однако несовершенство действующего законодательства и судебной практики ведет к тому, что эта конституционная обязанность России и корреспондирующее ей право каждого практически не могут быть реализованы. Это, помимо прочего, обусловлено рассредоточенностью юридических правил о возмещении ущерба в разных нормативных актах, а также сложностью, неясностью и расплывчатостью правовых положений, несовершенством лингвистического выражения воли законодателя, что также не способствует защите конституционного права граждан посредством конституционной ответственности государства. По мнению Бойцовой Л.В., ввиду несовершенства конструкций ст.1069 и ст.1070 Гражданского кодекса РФ даже от самого квалифицированного юриста требуется истинная изобретательность в попытке истолковать эти нормы, предусматривающие к тому же различный режим ответственности государства в случаях причинения ущерба в сферах административного управления и при отправлении правосудия²¹. В этой связи следует принять соответствующее законодательство, обеспечивающее (и в материальном, и в процессуальном смысле) применение к государству конституционно-правовой санкции в виде возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Таким образом, конституционная ответственность за нарушение прав и свобод человека является важным фактором осуществления конституционной обязанности защищать права и свободы личности. Исходя из источников конституционной ответственности и специфики объекта, ее удачнее называть конституционно-правовой. Санкции конституционной ответственности за нарушение прав и свобод человека и гражданина в конституционном измерении практически не прописаны, однако ряд из них выводим из содержания конституционных норм и федерального законодательства. Субъекты конституционной ответственности за нарушение прав и свобод человека имеют публичный характер. При этом конституционная ответственность государства не сводима к ответственности его органов и должностных лиц.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. – 2001. – №23. – Ст.2277.
3. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (с послед. изм.) // СЗ РФ. – 1997. – №51. – Ст.5712; www.garant.ru
4. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1999. – №42. – Ст.5005; www.garant.ru
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. №8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн)

²¹См.: Бойцова Л.В. Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отправлении правосудия // Журнал российского права. – 2001. – №9.

Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // СЗ РФ. – 2002. – №15. – Ст. 1497.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. №15-О «По ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – №11. – Ст. 1070.

7. Авакьян С.А. Досрочное прекращение полномочий Президента России: проблемы, требующие юридического решения // Законодательство. – 1999. – №3.

8. Бойцова Л.В. Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отпращивании правосудия // Журнал российского права. – 2001. – №9.

9. Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995.

10. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. – М.: Городец, 2000.

11. Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, – 2002.

12. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. – М.: МГУ, 2001.

13. Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности. Часть I. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2001. – №4.

14. Окуньков Л.А. Указы Президента РФ и проблемы их совершенствования // Законодательство. – 2000. – №12.

15. Шеленков С. Гарант вне контроля // эж-ЮРИСТ. – 2003. – №19.

CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY OF THE STATE FOR VIOLATION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON

M. MARKHEIM¹
O. POLUKHIN²

*Belgorod State National
Research University*

¹*e-mail:markheim@bsu.edu.ru*

²*e-mail:poluhin_oleg@yandex.ru*

The article presents doctrinally and legal justifications of the constitutional responsibility of the Russian Federation for violation of the rights and freedoms of the person and the citizen, proceeding from an author's approach to treatment of a duty of the Russian state concerning the rights and freedoms of the person.

Key words: state duty, protection of the rights and freedoms of the person, constitutional responsibility, types of sanctions of the constitutional responsibility, public authorities.

УДК – 342.5

О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИИ СТОРОН КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА¹

М.В. МАРКГЕЙМ¹
А.Д. ХЛЕБНИКОВ²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹) e-mail: markheim@bsu.edu.ru

²) e-mail: hleb@belgorod.arbitr.ru

В статье раскрыты вопросы взаимосвязи конституционных принципов состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, а также обосновывается необходимость их выделения, как двух самостоятельных конституционных принципов.

Ключевые слова: конституционные принципы, состязательность, равноправие сторон, судопроизводство.

Совершенствование судебной власти России связано, помимо прочего, с доктринальным, конституционно-отраслевым и проблемно-практическим анализом принципов, лежащих в основе ее организации и функционирования. От их трактовки, содержательного развития и опыта применения во многом зависит эффективность решения конституционных задач, адресованных названной ветви государственной власти.

В главе 7 Конституции Российской Федерации установлены принципы (основы) судопроизводства, в том числе частью 3 статьи 123 закреплено положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. При всей лаконичности и простоте приведенной нормы в юридической науке нет единого мнения относительно того, один или два самостоятельных принципа фиксируются в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

Для примера обратимся к некоторым определениям, даваемым состязательности теоретиками и практиками в научных трудах и публикациях.

В. М. Семенов полагает, что состязательная форма судопроизводства неотделима от процессуального равноправия сторон, поскольку именно наделение их равными правами и обязанностями дает им возможность состязаться перед судом².

По мнению авторов Комментария к УПК РФ под ред. Д.Н. Козака, принцип состязательности означает, прежде всего: 1) разграничение функций обвинения (уголовного преследования) и защиты и возложение этих функций на стороны обвинения и защиты соответственно; 2) отделение функции разрешения дела (правосудия) от функций обвинения и защиты; 3) процессуальное равноправие сторон³.

Как указывает В.М. Савицкий, равноправие сторон было выделено в качестве отдельного понятия в связи с его особой значимостью, а также в силу отсутствия детально разработанного в теории значения термина «состязательность», который «никогда раньше не использовался ни в одном законодательном акте советского периода»⁴.

Также о единстве двух данных принципов говорит и А.Н. Бондарь, полагая что «состязательность и равноправие сторон – это единый с точки зрения своего нормативно-правового содержания конституционный принцип, находящийся в субординацион-

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.» Проект «Правовое регулирование нанотехнологий в контексте политико-правовой модернизации законотворческой деятельности в России» № 16.740.11.0106.

² Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. / Отв. ред. А. А. Мельников. – М., 1981. – Т. 1. – С. 163-167.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Д.Н. Козак и Е.Б. Мизулиной. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 94.

⁴ Савицкий В.М. Состязательность // Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции – очерки // Под ред. В.М.Савицкого. М., 1997. – С. 58-59.

ном положении по отношению к универсальному принципу равенства всех перед законом и судом». Но при этом А.Н. Бондарь отмечает, что «при наличии тесных системных взаимосвязей соответствующих конституционных принципов, они имеют относительно самостоятельные уровни своей реализации, получая закрепление в разноструктурных частях Конституции РФ – в гл. 2 (ст. 19, ч.2) и в гл. 7 (ст. 123, ч.3)»⁵.

При таких трактовках видно, что принцип состязательности сторон структурно включает в себя принцип равноправия сторон судебного процесса.

На такое поглощение одного принципа другим указывает Л.Ф. Шумилова: «Состязание в процессе возможно между равными сторонами. В этом смысле принцип процессуального равноправия сторон является необходимой предпосылкой принципа состязательности. Действительно, они взаимообусловлены и взаимосвязаны настолько тесно, что во многих источниках приводятся не иначе как в совокупности»⁶.

Вместе с тем, нельзя согласиться с мнением, что состязательность возможна только при процессуальном равноправии сторон. Ведь Л.Ф. Шумилова указывает на четкую необходимость разделения этих принципов. Взаимосвязь имеется между всеми принципами судопроизводства, но уместно ли говорить о явной обусловленности одного принципа другим?

Представляется, что состязательность возможна при отсутствии равноправия сторон либо при условности их равноправия. Другой вопрос: какая это будет состязательность? Так, еще в 30-е годы XX века М.С. Строгович определял принцип состязательности как важнейшую гарантию осуществления правосудия, и это тех условиях, когда отрицалось буржуазное понимание принципа равенства сторон в процессе, в силу которого суд не вправе в ходе исследования становиться на ту или другую сторону, облегчать своим вмешательством положение одной стороны и отягощать положение другой⁷, в тех условиях, когда, как указывал А.Я. Вышинский, процессуальный закон обязывал суд «...всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся...». Не ограничиваясь предъявленными сторонами материалами, активно содействовать выяснению действительных отношений между сторонами, требуя дополнительные материалы, заботясь о том, чтобы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред⁸.

В действующем Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) принцип состязательности (ст. 9) и принцип равноправия сторон (ст. 8) разделены. Кроме того, в Постановлении Конституционного Суда от 14 февраля 2000 г. № 2-П⁹ также утверждается, что Конституция фиксирует два принципа – принцип состязательности и принцип процессуального равноправия сторон. В последующем Конституционный Суд подтвердил названную позицию в определении Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 №113-О «По жалобе гражданина Маслова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями 1, 2 и 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹⁰.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» закреплено, что в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав

⁵ Бондарь А.Н. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С.9-10.

⁶ Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права.- 2005.- № 11.- С. 56.

⁷ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – С.172.

⁸ Там же с.174.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 8. – Ст. 991.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 № 113-О // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2195.

участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств¹¹. Таким образом, Пленум раскрывает форму реализации самостоятельного принципа равноправия сторон, через обеспечение судами равенства прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств.

Представляется, что состязательность и равноправие сторон не составляют единого принципа. Это вытекает из следующих положений: Конституция, фиксируя основу судопроизводства, указывая на состязательность, выделяет равноправие. Иначе говоря, судопроизводство (деятельность) должно проходить в состязательной форме при равенстве участников (субъектов деятельности). Таким образом, равноправие сторон фиксирует «равенство возможностей» при состязательной форме. Состязательность и равноправие сторон являются началами, имеющими самостоятельное содержание. Состязательность предполагает разделение процессуальных функций сторон и суда, активное положение сторон, деятельность которых направлена на отстаивание своей правовой позиции. Требование равноправия сторон означает, что стороны судопроизводства пользуются равными процессуальными правами, и суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон. Важно и то, что стороны пользуются равными правами как при отстаивании своей позиции по существу дела, так и при решении в судебном заседании процедурных вопросов. Стороны судопроизводства имеют также равные процессуальные обязанности¹².

Таким образом, если основой состязательности судопроизводства выступает противоположность интересов сторон, то равенство последних обусловлено иными обстоятельствами.

Факт, что равноправие сторон и состязательность очень тесно связаны не оспаривается. Однако это не является основанием для объединения этих двух конституционных принципов судопроизводства в один. Принцип равноправия сторон выражает регулятивную статическую функцию гражданского процессуального права, а принцип состязательности – регулятивную динамическую функцию¹³. Следует также признать справедливым замечания А. Т. Боннера, что замена принципа состязательности принципом процессуального равноправия сторон в условиях состязательной формы судопроизводства объективно ведет к размыванию границ между состязательностью и процессуальным равноправием сторон, состязательностью и диспозитивностью¹⁴.

Резюмируя изложенное, отметим, что состязательность и равноправие сторон являются взаимообусловленными и взаимодополняющими друг друга, но самостоятельными конституционными принципами судопроизводства в Российской Федерации.

Список литературы

1. Бондарь А.Н. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006.
2. Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. – М., 1987. – 76 с.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – 248 с.
4. Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. / Отв. ред. А. А. Мельников.- М., 1981. – Т. 1.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Д.Н. Козак и Е.Б. Мизулиной. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. -1995. – 28 декабря.

¹² Хлебников А.Д. Применение принципов состязательности и равноправия сторон при разрешении споров в арбитражных судах // Арбитражная практика. – 2010. – № 6. – С.44.

¹³ См.: Трешников М. К. Основные принципы гражданского процесса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 124-125.

¹⁴ Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. – М., 1987. – С. 22.

6. Савицкий В.М. Состязательность // Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции – очерки // Под ред. В.М.Савицкого. М., 1997.
7. Треушников М. К. Основные принципы гражданского процесса. – М: Изд-во МГУ, 1991.
8. Хлебников А.Д. Применение принципов состязательности и равноправия сторон при разрешении споров в арбитражных судах // Арбитражная практика. – 2010. – № 6. – С.44.
9. Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права.- 2005.- № 11.- С. 56.

ABOUT COMPETITIVENESS AND EQUALITY OF THE PARTIES AS INDEPENDENT CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF LEGAL PROCEEDINGS

M. MARKHEIM¹⁾
A. KHLEBNIKOV²⁾

**Belgorod State National
Research University**

¹⁾ *e-mail: markheim@bsu.edu.ru*

²⁾ *e-mail: hleb@belgorod.arbitr.ru*

The article discusses questions of interrelation of the constitutional principles of competitiveness and equality of the parties in legal proceedings. The authors prove the necessity of their allocation, as two independent constitutional principles.

Key words: constitutional principles, competitiveness, equality of the parties, legal proceedings.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМОВ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ¹

А.Н. НИФАНОВ¹
С.А. МОСКАЛЕНКО²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: Nifanov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: moskalenko_s@bsu.edu.ru

В статье представлено авторское обоснование необходимости обособления режимов обеспечения конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации; дано их определение, а также осуществлена классификация и охарактеризованы выделенные виды.

Ключевые слова: территория России, режим, обеспечение, классификация, коренные малочисленные народы, территории традиционного природопользования, территории компактного проживания.

Право, выступая регулятором общественных отношений, в зависимости от преследуемых законодателем целей устанавливает определенные правовые режимы. Не является исключением в данной связи и феномен территории. Жесткость регламентируемых отношений определяется рядом факторов: степенью угрозы общественной безопасности; временными параметрами; международными обязательствами государства; масштабностью; предназначением объекта, подвергаемого специальной правовой регламентации и др.²

Для выявления сущности правового режима применительно к территории в государстве, обратимся к его понятийным интерпретациям, а также методу классификации, позволяющему систематизировать знания о явлении на основе выделения различных критериев.

Содержательное наполнение термина «режим» предусматривает «установленный порядок жизни»³, «совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели»⁴ или сводится к «способу управления, совокупности административных мероприятий»⁵.

В юридической доктрине понятие правового режима разрабатывалось как в рамках общей теории права, так и в отраслевом преломлении⁶. Существующие в этой сфере концептуальные разработки, а также специфика настоящего исследования направлены на раскрытие правового регулирования режимов, обеспечивающих конституционно-правовой статус территории, специфику юридического инструментария, опосредующего существование территории в государстве.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

² Мелехин А.В. Теория государства и права. – М.: Маркет ДС, 2007.

³ См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985. – С. 586.

⁴ См.: Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». – СПб: Норинт, 2000. – С. 1005.

⁵ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. Т. 3. – С. 1670.

⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981; Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2002; Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998; Теория государства и права / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М., 2000; Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004; Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 6; Гришаев С.П. Правовой режим недвижимого имущества // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007; Громов М.А. Чрезвычайные правовые режимы в системе административно-правовых режимов // Российский следователь. – 2008. – № 1; Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. – М.: За права военнослужащих, 2009; Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007; Померлян А.Н. Чрезвычайный правовой режим: проблема интерпретации и правового регулирования // Юридический мир. – 2008. – № 8; Пушкин А.В. Правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации. – М.: Юрист, 2007.

Исходя из анализа дефинитивных интерпретаций правового режима, видно, что учеными поддерживается унифицированная позиция восприятия такового через определенную совокупность приемов, способов и средств, направленных на достижение определенного состояния / цели.

Так, по мнению В.И. Сенчищева, правовой режим – это совокупность всех позитивных предписаний, содержащихся в императивных и диспозитивных нормах, и основанных на них (или не противоречащих им) субъективно правовых притязаний, существующих и действительных с точки зрения права и в соответствующих случаях определяющих права, обязанности, дозволения, запреты и предписания абсолютно всех лиц (или в отношении абсолютно всех лиц) по поводу того предмета (явления), в отношении которого они установлены⁷.

Р.Т. Мухаев под правовым режимом предлагает понимать определяемую законодательством совокупность приемов и методов, используемых органами государственной власти в процессе регулирования общественных отношений для достижения поставленных целей⁸.

В.Б. Исаков определяет правовой режим как социальный режим некоторого объекта (явления, процесса, социальной подсистемы), закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств. Раскрывая далее это определение и основываясь на значении французского термина «regime» (т.е. управление, регулирование), В.Б. Исаков обращает внимание на такую существенную особенность правового режима, как его целенаправленность, и поясняет, что непосредственно социальный режим представляет собой относительно устойчивое взаимоотношение некоторого социального объекта (явления, процесса, подсистемы) с другими социальными объектами, обеспечивающее достижение некоторых целей. При этом В.Б. Исаков полагает, что самым сложным элементом правового режима является его содержание, отражающее связь объекта (носителя), уровень нормативной регламентации⁹.

В теории права распространена классификация правовых режимов по различным основаниям. Наиболее общими из них являются¹⁰:

- сфера действия, позволяющая подразделить их на международно-правовые и внутригосударственные;
- отрасли права (административные, конституционные, гражданско-правовые и т.д.);
- продолжительность действия (временные или постоянные) и др.

Отметим, что комплексный подход к определению территории в государстве требует аналогичного подхода и в определении правовых режимов, обеспечивающих ее конституционно-правовой статус. Поэтому с помощью метода классификации, взяв за основу целевой критерий введения правового режима, необходимо обособить следующие из них: исходно-публичные, специально-публичные и исключительно-публичные режимы.

В практической деятельности применение указанных правовых режимов связано с необходимостью четкой регламентации определенного порядка юридически обязательных действий управомоченных субъектов в условиях обеспечения конституционно-правового статуса территории в государстве.

Полагаем, что в качестве основы обеспечения конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации должны выступать ее исходно-публичные режимы. На наш взгляд, под таковыми необходимо понимать совокупность конституционно-правовых норм о территории в Российской Федерации, специально обособленных публичных структур, располагающих необходимыми организационно-техническими и материальными средствами, осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение

⁷ Сенчищев В.И. Правовое регулирование прав на недвижимость и сделок с ней // Журнал российского права. – 1999. – С. 14.

⁸ Мухаев Р.Т. Теория государства и права. – М.: Издательство «ПРИОР», 2001. – С. 457.

⁹ См.: Исаков В.Б. Проблемы теории юридических фактов: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1985. – С. 289.

¹⁰ Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.

указанных норм вне связи с наступлением чрезвычайных ситуаций и не требующих применения специальных режимов.

Таким образом, объектом действия исходно-правовых режимов являются конституционно-правовые положения об «обычном» статусе территории в государстве, ее составе с учетом закрепленных принципов территориального верховенства, целостности и неприкосновенности.

Далее уточним, что в современной юридической литературе отмечается многообразие подходов к определению правовых режимов, возникающих в нестандартных, экстраординарных ситуациях. Такие режимы именуют:

– особыми. Данную позицию придерживает профессор А.В. Мелехин, считая, что особые правовые режимы Российской Федерации устанавливаются посредством введения в действие норм чрезвычайного законодательства, которое представляет собой совокупность нормативных правовых актов различной юридической силы, обладающих внутренним организационным единством и системным характером¹¹. При этом содержание особых правовых режимов определяется федеральным законодательством о чрезвычайном и военном положении;

– экстраординарными административно-правовыми режимами¹². В этой связи А.А. Балтовский под экстраординарным правовым режимом понимает предусмотренные законом правовые установления, ограничения и организационные мероприятия на отдельных участках государственного управления, исключающие угрозу жизненным интересам граждан, а в случае возникновения ситуаций, угрожающих безопасности личности, общества и государства, исчерпывающий перечень которых закреплен в законодательстве, – всемерно способствующие их ликвидации и скорейшему восстановлению нормальной, повседневной жизнедеятельности населения и органов государственного управления¹³. К числу экстраординарных автор относит режимы военного и чрезвычайного положения и правовой режим чрезвычайной ситуации¹⁴.

К позиции А.А. Балтовского наиболее близки мнения Д.Н. Бахрах и В.Б. Рушайло. Данные авторы под экстраординарными правовыми режимами понимают разновидность специальных правовых режимов, а именно особые правовые режимы жизнедеятельности населения, осуществления хозяйственной и иной деятельности организациями, а также функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления на территории, где возникла угроза безопасности и которая признана зоной чрезвычайной ситуации, зоной вооруженного конфликта, зоной военных действий¹⁵. К числу экстраординарных В.Б. Рушайло относит правовые режимы военного, чрезвычайного и особого положений. В свою очередь, содержание термина «особое положение», предлагаемое В.Б. Рушайло, соответствует содержанию термина «режим чрезвычайной ситуации» в классификации экстраординарных правовых режимов А.А. Балтовского¹⁶.

– чрезвычайными. Например, профессор М.А. Громов считает, что к такому виду правовых режимов относится обособленная часть общей совокупности всех административно-правовых режимов, а именно¹⁷: правовой режим контртеррористической опера-

¹¹ Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство Российской Федерации. Монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – С. 18.

¹² См.: Балтовский А.А. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 32; Бахрах Д.Н. Административное право. – М., 2005. – С. 466; Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004. – С. 70.

¹³ Балтовский А.А. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 32.

¹⁴ Указ. соч. – С. 32.

¹⁵ Бахрах Д.Н. Административное право. – М., 2005. – С. 466.

¹⁶ Изолитов А.С. Об исключительной правовой природе режима контртеррористической операции // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 3.

¹⁷ Громов М.А. Чрезвычайные правовые режимы в системе административно-правовых режимов // Российский следователь. – 2008. – № 1.

ции; особый правовой режим чрезвычайного положения; особый правовой режим военного положения; военное время как чрезвычайный правовой режим.

О.В. Зибров считает, что действующее законодательство Российской Федерации упоминает три чрезвычайных правовых института: чрезвычайное, военное положение и военное время¹⁸.

По мнению Д.А. Никонова, «чистых» чрезвычайных правовых режимов существует всего два – чрезвычайное и военное положение, только при введении этих режимов происходит существенная перестройка деятельности органов государственной власти, и именно в условиях действия этих режимов в наибольшей степени ограничиваются права и свободы граждан и организаций. Другие правовые режимы, вводимые и регулируемые актами чрезвычайного законодательства, по его мнению, следует отнести в группу под названием «исключительные»¹⁹;

– исключительными. Выделяя данную группу правовых режимов, С.И. Леншин предлагает принять одноименный федеральный закон с регламентацией в нем²⁰:

военного положения;

особого положения. Оно предполагает правовое регулирование ситуаций, подобных чеченской, и может быть связано с широкомасштабным применением Вооруженных Сил РФ на территории своей страны. Основным квалифицирующим признаком для применения данного правового режима должны являться масштабность боевых действий, численность бандформирований и применение ими различного боевого оружия. Районом боевых действий является территория субъекта или нескольких субъектов РФ;

контртеррористической операции для пресечения деятельности незначительных вооруженных бандгрупп, действующих на ограниченном правовом пространстве (территории района, города, населенного пункта);

чрезвычайного положения, которое вводится при техногенных катастрофах, природных катаклизмах;

участие Вооруженных Сил РФ в миротворческих операциях по поддержанию мира (с соответствия с международными договорами).

Отметим, что авторы представленных позиций исследовали указанные правовые режимы как часть административно-правовых; с точки зрения общей теории права или с учетом специфики отраслевого преломления. Вместе с тем правовые режимы соответствующие регулированию нестандартной ситуации применительно к обеспечению конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации ранее не были в фокусе научного внимания. Поэтому в рамках данной работы, целесообразно помимо выявленных исходно-публичных режимов, сосредоточить исследовательский интерес на правовых режимах, необходимых для статусного обеспечения территории в экстраординарных ситуациях.

Исходя из комплексного понимания феномена территории как атрибута государства, а также границ распространения компетенции публичных структур различного уровня, в случае наступления экстраординарных ситуаций необходимо введение режимов, обеспечивающих целостность, единство, безопасность территории государства, ее оптимальное управление с учетом сложившейся обстановки.

На наш взгляд применительно к данному исследованию целесообразно введение термина «специально-публичные режимы обеспечения конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации». Это предложение основано на содержательном толковании терминов «специальный», «исключительный», «чрезвычайный» и «экстраординарный».

¹⁸ Зибров О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. – С. 21.

¹⁹ Никонов Д.А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920-1941 гг.). – СПб, 2006. – С. 19-20.

²⁰ Леншин С.И. Современное российское законодательство: военное, чрезвычайное положение как исключительные правовые режимы в системе конституционного права Российской Федерации // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 3.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова экстраординарный интерпретируется как чрезвычайный, необыкновенный²¹; чрезвычайный определяется исключительным, превосходящим все²²; а исключительный – как являющийся исключением²³. Таким образом, из представленного содержания терминов, выходит, что они синонимы и затруднительно обосновать применение одного из них в качестве единственного правильного варианта.

Обращаясь к толкованию термина «специальный» в качестве особого, отдельного, не общего, исключительно для чего-нибудь предназначенного²⁴, именно наличие характеристики «не общий» является определяющим моментом при выборе данного понятия при его использовании в рамках диссертации. Указанное противопоставление свидетельствует о существовании других видов режимов, помимо исходно-публичных, которые не действуют в обычных условиях для территории.

Сделаем ремарку, что применительно к исследованию прилагательное «исключительный» также нельзя отождествлять с приведенными смежными понятиями, так как, исходя из его содержательных особенностей, целесообразно именовать исключительно-публичными те правовые режимы, которые обеспечивают конституционно-правовой статус территории в Российской Федерации в условиях, являющихся исключением из правил. А правилами в данном случае мы предлагаем понимать конституционно-правовые нормы, устанавливающие исходно-публичные и специально-публичные правовые режимы, обеспечивающие конституционно-правовой статус территории в России.

Поддерживая принятый нами, критерий классификации режимов конституционно-правового обеспечения территорий в российском государстве, раскроем его исключительно-публичный вид.

Акцентируем еще раз внимание на том, что исключительно-публичными правовыми режимами в контексте данной работы мы будем именовать те режимы, которые обеспечивают конституционно-правовой статус территорий традиционного проживания и природопользования коренных малочисленных народов. Исходя из целей обособления указанных территорий, они нуждаются в дополнительном, помимо исходно- и специально-публичного, обеспечении.

Таким образом, под исключительно-публичными режимами обеспечения конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации следует понимать совокупность конституционно-правовых норм, специально обособленных публичных структур, располагающих необходимыми организационно-техническими и материальными средствами и осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение норм, регулирующих статус территорий традиционного проживания и природопользования коренных малочисленных народов.

Таким образом, исключительно-публичные режимы обеспечения конституционно-правового статуса территории нами связываются с территориями традиционного проживания и природопользования коренных малочисленных народов. Данный правовой режим достаточно подробно регламентируется нормами федерального и регионального уровня. Однако таковые нуждаются в совершенствовании в части принятия федерального законодательства, регулирующего субъективные права коренных малочисленных народов Кавказа, Калмыкии, иных территорий с целью избежания конфликта интересов коренных малочисленных народов и лиц, не являющихся таковыми, но законодательно имеющими право пользоваться территорией традиционного природопользования.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981.
2. Балтовский А.А. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
3. Бахрах Д.Н. Административное право. – М., 2005.

²¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 2007. – С. 263.

²² Указ. соч. – С. 883.

²³ Указ. соч. – С. 902.

²⁴ <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Ушакова/Специальный/>

4. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». – СПб: Норинт, 2000.
5. Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 6.
6. Гришаев С.П. Правовой режим недвижимого имущества // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.
7. Громов М.А. Чрезвычайные правовые режимы в системе административно-правовых режимов // Российский следователь. – 2008. – № 1.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. Т. 3.
9. Зибров О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
10. Изолитов А.С. Об исключительной правовой природе режима контртеррористической операции // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 3.
11. Исаков В.Б. Проблемы теории юридических фактов: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1985.
12. Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. – М.: За права военнослужащих, 2009.
13. Леншин С.И. Современное российское законодательство: военное, чрезвычайное положение как исключительные правовые режимы в системе конституционного права Российской Федерации // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 3.
14. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.
15. Мелехин А.В. Теория государства и права. – М.: Маркет ДС, 2007.
16. Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство Российской Федерации. Монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2002.
17. Мухаев Р.Т. Теория государства и права. – М.: Издательство «ПРИОР», 2001.
18. Никонов Д.А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920-1941 гг.). – СПб, 2006.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985.
20. Померлян А.Н. Чрезвычайный правовой режим: проблема интерпретации и правового регулирования // Юридический мир. – 2008. – № 8.
21. Пушкин А.В. Правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации. – М.: Юрист, 2007.
22. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004.
23. Сенчищев В.И. Правовое регулирование прав на недвижимость и сделок с ней // Журнал российского права. – 1999.
24. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2002.
25. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
26. Теория государства и права / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М., 2000.
27. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004.
28. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 2007.
29. <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Ушакова/Специальный/>

CONSTITUTIONAL AND LEGAL SUPPORT REGIME OF TERRITORIES IN THE RUSSIAN STATE

A. NIFANOV¹
S. MOSKALENKO²

*Belgorod State National
Research University*

¹*e-mail: Nifanov@bsu.edu.ru*

²*e-mail: moskalenko_s@bsu.edu.ru*

This paper presents the author's rationale for the separation mode to ensure the constitutional and legal status of the territory of the Russian Federation, given their definition and classification is performed and characterized selected species.

Key words: Russia's territory, regime security, classification, indigenous peoples, traditional land use area, densely populated area.

УДК – 342.1

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ТЕРРИТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВИДОВОМ ФОРМАТЕ ИСХОДНО-ПУБЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ

О.Н. ПОЛУХИН¹
А.Н. НИФАНОВ²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: poluhin_oleg@yandex.ru

²⁾ e-mail: nif@list.ru

В статье представлено авторское обоснование необходимости обособления исходно-публичных режимов обеспечения конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации; дано их определение, а также осуществлена классификация и охарактеризованы выделенные виды.

Ключевые слова: территория России, режим, обеспечение, сецессия, самоопределение наций и народов, федеральное вмешательство.

Право, выступая регулятором общественных отношений, в зависимости от преследуемых законодателем целей устанавливает определенные правовые режимы. Не является исключением в данной связи и феномен территории. Жесткость регламентируемых отношений определяется рядом факторов: степенью угрозы общественной безопасности; временными параметрами; международными обязательствами государства; масштабностью; предназначением объекта, подвергаемого специальной правовой регламентации и др.¹

Для выявления сущности правового режима применительно к территории в государстве, обратимся к его понятийным интерпретациям, а также методу классификации, позволяющему систематизировать знания о явлении на основе выделения различных критериев.

Содержательное наполнение термина «режим» предусматривает «установленный порядок жизни»², «совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели»³ или сводится к «способу управления, совокупности административных мероприятий»⁴.

В юридической доктрине понятие правового режима разрабатывалось как в рамках общей теории права, так и в отраслевом преломлении⁵. Существующие в этой сфере концептуальные разработки, а также специфика настоящего исследования направлены на раскрытие правового регулирования режимов, обеспечивающих конституционно-

¹ Мелехин А.В. Теория государства и права. – М.: Маркет ДС, 2007.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985. – С. 586.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. Т. 3. – С. 1670.

⁴ Там же.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981; Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 6; Гришаев С.П. Правовой режим недвижимого имущества // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007; Громов М.А. Чрезвычайные правовые режимы в системе административно-правовых режимов // Российский следователь. – 2008. – № 1; Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. – М.: За права военнослужащих, 2009; Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007; Померлян А.Н. Чрезвычайный правовой режим: проблема интерпретации и правового регулирования // Юридический мир. – 2008. – № 8; Старушенко Г. За суверенитет и самоопределение без сепаратизма // Обозреватель – Observer; http://www.rau.su/observer/No8_93/index.htm; Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2002; Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998; Теория государства и права / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М., 2000; Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004.

правовой статус территории, специфику юридического инструментария, опосредующего существование территории в государстве.

Исходя из анализа дефинитивных интерпретаций правового режима, видно, что учеными поддерживается унифицированная позиция восприятия такового через определенную совокупность приемов, способов и средств, направленных на достижение определенного состояния / цели.

Так, по мнению В.И. Сенчищева, правовой режим – это совокупность всех позитивных предписаний, содержащихся в императивных и диспозитивных нормах, и основанных на них (или не противоречащих им) субъективно правовых притязаний, существующих и действительных с точки зрения права и в соответствующих случаях определяющих права, обязанности, дозволения, запреты и предписания абсолютно всех лиц (или в отношении абсолютно всех лиц) по поводу того предмета (явления), в отношении которого они установлены⁶.

Р.Т. Мухаев под правовым режимом предлагает понимать определяемую законодательством совокупность приемов и методов, используемых органами государственной власти в процессе регулирования общественных отношений для достижения поставленных целей⁷.

В.Б. Исаков определяет правовой режим как социальный режим некоторого объекта (явления, процесса, социальной подсистемы), закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств. Раскрывая далее это определение и основываясь на значении французского термина «regime» (т.е. управление, регулирование), В.Б. Исаков обращает внимание на такую существенную особенность правового режима, как его целенаправленность, и поясняет, что непосредственно социальный режим представляет собой относительно устойчивое взаимоотношение некоторого социального объекта (явления, процесса, подсистемы) с другими социальными объектами, обеспечивающее достижение некоторых целей. При этом В.Б. Исаков полагает, что самым сложным элементом правового режима является его содержание, отражающее связь объекта (носителя), уровень нормативной регламентации⁸.

В теории права распространена классификация правовых режимов по различным основаниям. Наиболее общими из них являются⁹:

- сфера действия, позволяющая подразделить их на международно-правовые и внутригосударственные;
- отрасли права (административные, конституционные, гражданско-правовые и т.д.);
- продолжительность действия (временные или постоянные) и др.

Отметим, что комплексный подход к определению территории в государстве требует аналогичного подхода и в определении правовых режимов, обеспечивающих ее конституционно-правовой статус. Поэтому с помощью метода классификации, взяв за основу целевой критерий введения правового режима, необходимо обособить следующие из них: исходно-публичные, специально-публичные и исключительно-публичные режимы.

В практической деятельности применение указанных правовых режимов связано с необходимостью четкой регламентации определенного порядка юридически обязательных действий управомоченных субъектов в условиях обеспечения конституционно-правового статуса территории в государстве.

Полагаем, что в качестве основы обеспечения конституционно-правового статуса территории в Российской Федерации должны выступать ее исходно-публичные режимы. На наш взгляд, под таковыми необходимо понимать совокупность конституционно-правовых норм о территории в Российской Федерации, специально обособленных пуб-

⁶ Сенчищев В.И. Правовое регулирование прав на недвижимость и сделок с ней // Журнал российского права. – 1999. – С. 14.

⁷ Мухаев Р.Т. Теория государства и права. – М.: Издательство «ПРИОР», 2001. – С. 457.

⁸ Исаков В.Б. Проблемы теории юридических фактов: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1985.

⁹ Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.

личных структур, располагающих необходимыми организационно-техническими и материальными средствами, осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение указанных норм вне связи с наступлением чрезвычайных ситуаций, и не требующих применения специальных режимов.

Таким образом, объектом действия исходно-правовых режимов являются конституционно-правовые положения об «обычном» статусе территории в государстве, ее составе с учетом закрепленных принципов территориального верховенства, целостности и неприкосновенности.

Исходя из анализа указанных норм на предмет выявления в них исходно-публичных режимов территории в России, последние можно разделить на следующие группы.

1. Базово-территориальные, касающиеся исключительно правовой регламентации статуса территории. Они в свою очередь подразделяются на две подгруппы.

– Закрепление на конституционном уровне норм о территории (в большем или меньшем объеме). Так, в Конституции Российской Федерации являются нормы ст. 4 (о принципе территориального верховенства, целостности и неприкосновенности); ст. 65 перечисляющей субъектный состав, образующий (входящий в) государство; ст. 67 (о составе территории, суверенных правах государства в отношении континентального шельфа и исключительной экономической зоны; порядке изменения границ между субъектами Российской Федерации)¹⁰.

– Отсутствие на конституционном уровне предписаний о праве субъектов на односторонний выход из Федерации (право сецессии). Такое положение характерно практически для всех конституций федеративных государств.

Однако вначале XX в. первая Конституция СССР законодательно закрепила право выхода союзных республик из состава СССР, тем самым положив начало законодательному признанию сецессии в мировой практике федерализма¹¹. Во всех последующих конституциях Союза и конституциях союзных республик неизменно фиксировалось положение о том, что республики являются суверенными государствами. Однако за все время существования СССР право выхода республик из состава Союза ни разу не было реализовано.

В учредительных актах советского периода не были закреплены условия выхода союзных республик из состава СССР. Для реализации этого права не требовалось согласия других союзных республик или федерального центра. Оно не могло быть отменено, изменено или ограничено.

Отсутствие соответствующего механизма выхода республик из состава СССР, как показали события конца 80-х – начала 90-х гг., не помешало союзным республикам ставить вопрос о выходе из состава Союза. Не стал препятствием для политико-экономической элиты и спешно принятый закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзных республик из состава СССР»¹² и союзный референдум 1991 г. на котором было принято решение о сохранении СССР. Прибалтийские республики, а затем РСФСР, Украина и Белоруссия вышли из состава СССР, с грубейшими нарушениями не только Конституции СССР, Закона 1989 г. и решения референдума, но и собственных конституций¹³.

Необходимо обратить внимание на существующие в юридической доктрине позиции, связывающие право сецессии с реализацией принципа самоопределения наций и

¹⁰ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

¹¹ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 81. – Ст. 782.

¹² Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1737>

¹³ 20. Маргиев А.В. О праве выхода республик из состава Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 132.

народов. По мнению М.Б. Смоленского «каждый народ имеет право сам определить, оставаться ему в Российской Федерации или отделиться»¹⁴. Аналогична точка зрения Л.М. Карапетяна о том, что «нельзя противостоять объективно закономерному и обоснованно цивилизованному самоопределению народов, вплоть до их выхода и отделения в соответствии с принципами и нормами международного права»¹⁵.

На наш взгляд, приведенные позиции являются результатом расширительного толкования ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации и неприемлемы в решении вопроса выхода субъекта из состава Федерации. В данной связи считаем верным мнение В.Е. Чиркина, который утверждает, что этносы имеют право на самоопределение, они могут осуществить это в любой форме, но все должно происходить в рамках Российской Федерации. Для обоснования своей точки зрения он ссылается на ст. 5 Конституции России, где речь идет не о равноправии и самоопределении «народов Российской Федерации», а «народов в Российской Федерации». «Предлог «в» в данном тексте имеет особое значение, – пишет В.Е. Чиркин, – он устанавливает, что этносы в России могут выбирать любые формы самоопределения, изменять их, но это должно осуществляться в пределах Федерации, не нарушая ее целостности»¹⁶.

Если мы обратимся к нормам международного права, то они подтвердят высказанную теоретическую позицию. В соответствии с Декларацией принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 г. принцип самоопределения не должен толковаться как санкционирующий или поощряющий расчленение, частичное или полное нарушение территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения... При его использовании недопустимо нарушение остальных основных принципов международного права¹⁷. Иначе говоря, любая форма отделения, при которой насильственно нарушаются территориальная целостность государства, другие правила международной жизни, а также права человека, недопустима и в политическом плане квалифицируется как сепаратизм¹⁸.

Поскольку большинство современных государств имеет пестрый в этническом отношении состав населения, урегулирование межнациональных конфликтов здесь предпочтительно осуществлять с учетом интересов не столько нации, сколько личности. Если во внимание принимаются интересы только нации, зачастую нарушаются права личности. Между тем ни государство, ни группа лиц в соответствии со ст. 30 Всеобщей декларации прав человека, не имеют права совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод личности (ст. 30)¹⁹.

Таким образом, право сепаратизма субъекта Федерации не должно отождествляться с правом народов и наций на самоопределение. Последнее должно реализоваться в рамках правового поля национального законодательства с учетом общепризнанных принципов и норм международного права; не должно подменяться сепаратизмом.

2. Адресно-федеральные, указывающие на сосредоточение у федеральных органов государственной власти полномочий по наиболее важным вопросам, связанным с определением статуса территории.

Данная разновидность исходно-публичного режима проявляет себя посредством закрепления в Конституции Российской Федерации положения о таких предметах веде-

¹⁴ Конституция РФ: Научно-практический комментарий / Под ред. Ю.М. Прусакова. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 19.

¹⁵ Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. – М., 2001. – С. 271.

¹⁶ Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М.: Зерцало, 1998. – С. 318.

¹⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 2-8.

¹⁸ Старушенко Г. За суверенитет и самоопределение без сепаратизма // Обозреватель – Observer; http://www.rau.su/observer/No8_93/index.htm

¹⁹ Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.

ния Российской Федерации как: федеративное устройство и территория Российской Федерации; определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации; наименования географических объектов (п.п. «б», «н», «р» ч. 1 ст. 71).

Также данный вид правового режима находит свое отражение через исключительные полномочия федерального центра, связанные с внутренними и внешними агрессивными деструкциями, а также обороной государства (п. «к», «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации);

Существенное значение для обеспечения конституционно-правового статуса территории в России (в его базовом состоянии) имеет включение в адресно-федеральную разновидность исходно-публичного режима предписаний, относящих внешнеполитическую деятельность и таможенное дело исключительно к предметам ведения Федерации (п.п. «ж», «к» ст. 71 Конституции Российской Федерации).

3. Субординационная разновидность исходно-публичного режима обеспечения конституционно-правового статуса территории в России включает в себя нормы о «вертикальных» взаимоотношениях федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации в этой сфере.

Исключительно важной составляющей здесь является конституционно установленный приоритет федерального законодательства над региональным. Так, ч. 4 ст. 76 Конституции Российской Федерации содержит ряд важных положений о правовом регулировании субъектов Федерации:

- называются его пределы;
- данным правом в равной мере наделяются все субъекты Федерации – республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа; субъекты Федерации осуществляют собственное правовое регулирование по вопросам, находящимся в их ведении;
- определяется правовая система актов субъектов Федерации, которые принимают законы и иные нормативные акты;
- собственное правовое регулирование отношений дополняется вопросами совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов;
- если субъект Федерации не реализует предоставленные ему нормотворческие полномочия, то непосредственно применяются федеральные нормы, а также федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование в соответствующей сфере²⁰.

Далее уточним, что данный вид исходно-публичного режима проявляется в применении мер так называемого «федерального вмешательства», но в той части, которая не затрагивает наступления чрезвычайных ситуаций. Ввиду ограниченного объема данного вида исследования нами не изложена собственная позиция по поводу понимания мер федерального вмешательства применительно к обеспечению конституционно-правового статуса территории в России.

4. Институционально-фокусная разновидность исходно-публичного режима обеспечения конституционно-правового статуса территории в России подразумевает:

- принятие мер Президентом России к охране государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности государства (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации). Для случаев, когда этот порядок не детализирован, их общие рамки определяются принципом разделения властей (ст. 10) и требованием ч. 3 ст. 90, согласно которой указы и распоряжения Президента не должны противоречить Конституции и законам Российской Федерации. В связи с реализацией конституционных полномочий Президента по охране суверенитета Российской Федерации следует отметить указы, утвердившие Концепцию национальной безопасности²¹ и Военную

²⁰ Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Юстицинформ, 2007.

²¹ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009, 19 мая.

доктрину Российской Федерации²².

В случае издания субъектами Федерации актов, противоречащих федеральным законам, Президент России вправе:

1) обратиться в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта с представлением о приведении конституции (устава), закона или иного регионального нормативного акта в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (ст. 29 Федерального закона РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ;

2) приостановить по тем же основаниям действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации до решения вопроса об их законности судом (ч. 2 ст. 85 Конституции Российской Федерации).

Для разрешения разногласий между федеральным и региональным уровнями власти могут быть использованы согласительные процедуры.

В связи с важностью решения проблем, связанных с территорией, считаем целесообразным в данной связи предложить учреждение при Президенте Российской Федерации специального консультативного совета по вопросам территории.

На Министерство юстиции Российской Федерации возложена юридическая экспертиза региональных нормативных правовых актов.

В качестве еще одного института поддерживающего исходно-публичный режим обеспечения конституционно-правового статуса территории в государстве выступает Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, его решения. Таковые характеризуются особыми юридическими свойствами, отличающими их от других правовых актов, в том числе судебных актов иных судов. К ним относятся: общеобязательность, окончательность, непосредственность действия и непреодолимость²³.

В Конституционном Суде РФ неоднократно выносились решения, связанные со статусом территории в государстве:

– субъектному составу²⁴;

– по вопросам государственной и территориальной целостности²⁵.

Резюмирую осуществленное исследование, отметим, что представленные нормы, институты, правовые инструменты; наличие цели и объекта подтверждают предложенное нами введение исходно-публичных режимов обеспечения конституционно-правового статуса территории в государстве. Подчеркнем важность такого в связи с необходимостью гарантирования «обычного состояния» территории в не меньшей степени, чем наступление экстраординарных ситуаций.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009, 19 мая.
3. Указ Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. – 2010, 10 февраля.
4. Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.

²² Указ Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. – 2010, 10 февраля.

²³ Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: науч.-практ. пособие. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – С. 275.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 1993 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 года «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1993. – № 28. – Ст. 1083.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // Российская газета. – 1997, 22 июля.

5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 2-8.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 1993 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 года «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1993. – № 28. – Ст. 1083.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // Российская газета. – 1997, 22 июля.
8. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 81. – Ст. 782.
9. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1737>
10. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981.
11. Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 6.
12. Гришаев С.П. Правовой режим недвижимого имущества // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.
13. Громов М.А. Чрезвычайные правовые режимы в системе административно-правовых режимов // Российский следователь. – 2008. – № 1.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. Т. 3.
15. Исаков В.Б. Проблемы теории юридических фактов: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1985.
16. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. – М., 2001.
17. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Юстицинформ, 2007.
18. Конституция РФ: Научно-практический комментарий / Под ред. Ю.М. Прусакова. – Ростов-на-Дону, 2001.
19. Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. – М.: За права военнослужащих, 2009.
20. Маргиев А.В. О праве выхода республик из состава Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 2.
21. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.
22. Мелехин А.В. Теория государства и права. – М.: Маркет ДС, 2007.
23. Мухаев Р.Т. Теория государства и права. – М.: Издательство «ПРИОР», 2001.
24. Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: науч.-практ. пособие. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985. – С. 586.
26. Померлян А.Н. Чрезвычайный правовой режим: проблема интерпретации и правового регулирования // Юридический мир. – 2008. – № 8.
27. Пушкин А.В. Правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации. – М.: Юрист, 2007.
28. Сенчищев В.И. Правовое регулирование прав на недвижимость и сделок с ней // Журнал российского права. – 1999.
29. Старушенко Г. За суверенитет и самоопределение без сепаратизма // Обозреватель – Observer; http://www.rau.su/observer/No8_93/index.htm
30. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2002.
31. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
32. Теория государства и права / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М., 2000.
33. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004.
34. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М.: Зерцало, 1998.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF TERRITORY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN SPECIFIC FORMAT OF INITIAL PUBLIC-SECURITY REGIME

O. POLUKHIN¹⁾

A. NIFANOV²⁾

*Belgorod State National
Research University*

¹⁾ *e-mail: poluhin_oleg@yandex.ru*

²⁾ *e-mail: nif@list.ru*

The authors present the rationale for the separation of initial public regimes providing a constitutional and legal status of the territory of the Russian Federation. The article gives the definition for the key concepts, as well as implements and describes a classification of their types.

Key words: territory of Russia, regime, support, secession, self-determination of nations and peoples, federal intervention.

УДК – 342.25: 342.5 (470+477)

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Н.Н. ОЛЕЙНИК¹
Е.В. МИРОШНИКОВ²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹) e-mail: oleinik@bsu.edu.ru

²) e-mail: miroshnikov@bsu.edu.ru

В статье анализируются взгляды российских, украинских и зарубежных ученых на теорию свободной общины, общественную и государственную теории местного самоуправления. Рассматривается их влияние на современное понимание местного самоуправления в России и Украине.

Ключевые слова: децентрализация, местное самоуправление, местное управление, теории местного самоуправления.

Закономерности развития местного самоуправления в России и Украине обуславливаются сложными процессами историко-культурного, государственно-правового и общественно-политического характера. Доктринальное и правовое осмысление такого сложного и многогранного феномена как местное самоуправление предполагает изучение эволюции теоретических воззрений, понятийного аппарата и правовых установлений, а также значительного количества факторов, оказывающих влияние на рассматриваемый правовой институт.

Можно согласиться с мнением известного украинского ученого О.В. Батанова о том, что формирование науки о местном самоуправлении представляет собой сложный, а зачастую и противоречивый процесс. Достижению цели наиболее полного охвата исторических и юридических аспектов местного самоуправления способствует рассмотрение соответствующих идей и научных концепций о происхождении и сущности местного самоуправления¹.

По мнению Н.В. Каминской, наука о местном самоуправлении берет свое начало от попытки решить важную проблему: имеет ли община отличную от государственной власть, являясь независимой от государства публично-правовой корпорацией, либо включена в государственный организм и выполняет функции органа государства². На наш взгляд, отсутствие единого теоретического подхода к природе местного самоуправления порождает противоречия в его организации и взаимоотношениях с государственной властью.

Идеи о местном самоуправлении, об организации власти в общине и взаимодействии последней с властью государственной начали возникать в средневековой Европе. Так, например, немецкий юрист-государствовед Йоханнес Альтузиус в начале XVII века, полемизируя с теорией абсолютизма, разработал федеральную теорию народного суверенитета и субсидиарности в организации власти, то есть впервые сформулировал принцип субсидиарности в осуществлении местного самоуправления. По мнению Й. Альтузиуса, союз индивидов, которые добровольно объединялись в семьи и корпорации, создает общину, союз общин – провинцию, союз провинций и городов – государство. Суверенитет при этом принадлежит всему народу. Вся иерархическая система социально-политических структур с низового уровня до уровня государства понимались им как система федеративных образований и союзов, созданных и действующих на договорных началах³. Его теория предполагала наличие у децентрализованных политических единиц низового уровня как можно большей автономии в реализации своих прав. И только если общины были не в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи, то их компе-

¹ Батанов, О.В. Муниципальное право Украины / Відп. ред. М.О. Баймуратов – Х., 2008. – С. 192.

² Камінська, Н.В. Місцеве самоврядування: теоретико-історичний і порівняльно-правовий аналіз. К., 2010. – С.20.

³ Каменская, Г.В. Альтузиус Йоханнес // Федерализм: Энциклоп. – М., 2000. – С. 46-47.

тенция должна была переходить к соответствующему вышестоящему политическому объединению⁴. Идеи Й. Альтузиуса были прогрессивными и не утратили своей актуальности и в настоящее время.

Свое развитие учения о самоуправлении получили во Франции, где с XVIII века данной проблемой занимались физиократы, считавшие свободу личности необходимым условием развития местного самоуправления. Рене-Луи д'Аржансон выступал за такую модель организации местной власти, чтобы система местного самоуправления строилась на выборной основе под контролем назначаемого королем интенданта. Муниципальным публично-правовым корпорациям – общинам – должно быть предоставлено право избрания органов управления и фискальные полномочия для обеспечения своей деятельности⁵.

Дюпон де Немур в своей работе «Проекты муниципалитетов» предлагал создать такую систему органов местного самоуправления, которые стояли бы один над другим (по системе коммуна-округ-провинция) во главе с государством. Он считал, что самоуправление должно осуществляться широким кругом мелких собственников через выборные народные магистраты. Основой своей теории де Немур считал принцип соблюдения гражданских прав⁶.

Значительное влияние на становление и развитие теорий местного самоуправления оказали представители утопического социализма (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ш. Фурье, Р. Оуэн, А. Сен-Симон, Ж.-Ж. Руссо и другие). Ш. Фурье связывал социальный прогресс со временем, когда основу общества составят ассоциации – «фаланги» – производственно-потребительские товарищества, в которые будут входить члены различных социальных групп (собственники и пролетарии, люди свободных профессий, рабочие и земледельцы и т.д.). Фаланги Ш. Фурье понимал как автономные социальные образования, не связанные между собой в единую систему. Центральная власть не имеет права на вмешательство во внутреннюю жизнь фаланг, руководство ими⁷. Р. Оуэн считал основой общественного строя «поселки общности» и разработал конституцию таких образований, согласно которой основой их функционирования должны являться коллективный труд, общественная собственность, равенство прав и обязанностей всех членов общины⁸. В целом в политико-правовой мысли того времени основой самоуправления считалась община, выполняющая отличные от государственных функции и максимально приближенная к населению.

Т. Джефферсон видел самоуправление общин как идеальную форму государственности. В соответствии с его концепцией, муниципалитеты признавались четвертой властью, которая контролируется только законом и судом и не подчиняется правительству и его органам управления на местах⁹.

В 1790 году идеи организации общественного самоуправления сформулировал французский исследователь Туре в докладе законопроекта «О реформе местного управления» Национальному собранию, выделив две основные проблемы местного самоуправления: понятия о собственных общинных полномочиях и полномочиях государства, делегированных органам местного самоуправления¹⁰.

Дж. С. Милль, изучая проблемы представительного правления и местной демократии, рассматривал местное самоуправление как особый воспитательный инструмент, который побуждает (но не принуждает) людей видеть не только собственные интересы, но и признавать справедливые требования других людей. Дж. С. Милль предполагал, что только если сами индивиды принимают участие в управлении, они понимают его резуль-

⁴ Вюртенбергер, Т. Европейська ідея субсидіарності як основа регіоналізації, децентралізації та деконцентрації // Організація регіональної та місцевої влади: досвід держав-членів Європейського Союзу та вибір України. – К., 2000. – С.5-6.

⁵ См.: Journal et mémoires du Marquis d'Argenson. V.4. – Paris, 1861. – P.340-357.

⁶ См.: Dupont de Nemours Du pouvoir legislative ed du pouvoir executif, convenable a la République française. – Paris, 1869. – P.123-134.

⁷ Фурье, Ш. Избранные сочинения: Т.2.: Новый промышленный и общественный мир. – М., 1939. – С.

⁸ Оуэн, Р. Книга о новом нравственном мире // Утопический социализм / Под общ. ред. А.И. Володина. – М., 1982. – С. 331-333.

⁹ Цит. по: Барабашев Г.В. Местное самоуправление. – М., 1996. – С.104.

¹⁰ См.: Гронский, П.П. Децентрализация и самоуправление. – М., 1917. – С.5.

таты. Эта идея не утратила своей актуальности и поныне. Система местного самоуправления большинства развитых государств мира (в том числе России и Украины) предполагает активное включение населения в процессы управления на местах и решения важнейших вопросов местной жизни. Дж. С. Милль считал, что органы местного самоуправления должны формироваться на тех же принципах, что и органы центральной власти, но при обязательном учете общности местных интересов. Это означает, что, поскольку население каждой местности имеет специфический круг интересов, то в каждом избирательном округе и каждом городе должен действовать собственный парламент, который занимается решением локальных вопросов¹¹.

В процессе зарождения, становления и развития муниципальной науки сложилось несколько научных теорий (концепций) происхождения и сущности местного самоуправления, которые по-разному трактуют его природу и особенности взаимодействия с государством. В XIX веке местное самоуправление становится лозунгом большинства политических движений и сторонников политических реформ. Возникает задача преобразования системы управления на местах на демократических, автономных началах.

Французский государственный деятель А. де Токвиль одним из первых обратил внимание на эту проблему, сформулировав «концепцию самоуправляемого общества». Идеальным ученый считал общество, функционирующее как совокупность множества свободных и самоуправляемых ассоциаций и общин. В своем труде «О демократии в Америке» А. де Токвиль писал: «В общине лежит сила свободы народа. Общинные институты... открывают народу путь к свободе и учат его пользоваться этой свободой... Без общинных институтов нация может сформировать свободное правительство, однако, истинного духа свободы она так и не приобретет»¹².

Сформулированная им и его последователями теория природных прав свободной общины (или просто теория свободной общины) возникла в начале XIX века, когда политико-правовой мысли произошли существенные изменения взглядов на проблемы демократии, общества, свободы. Представителями данной теории наряду с А. де Токвилем были Г. Аренс, О. Гирке (товарищеская теория местного самоуправления), П. Лабанд, и другие. Теория базировалась на учении Дж. Локка, в соответствии с которым община как «природная» административно-территориальная единица, исторически возникшая раньше государства, имеет неотчуждаемые права по самостоятельному решению местных вопросов и по управлению собственными делами.

Сторонники теории свободной общины наряду с тремя общеизвестными ветвями власти (законодательной, исполнительной и судебной) предлагали признать и четвертую – муниципальную или общественную ветвь власти. Государство не создает общину, а только лишь признает ее право на «природную» самостоятельность и независимость от центральной власти. По А. де Токвилю община является объединением, которое в наибольшей степени соответствует самой человеческой природе, потому что везде, где собирались люди, община возникала будто бы сама по себе. «Существуют королевства и республики, которые создает человек, – пишет де Токвиль, – община, кажется, исходит просто из рук Господних»¹³.

Последователи теории свободной общины, социальной основой местного самоуправления считали общину с ее обычным правом – территориальный коллектив проживающих совместно людей. Община является равным государству институтом. Государство – «федерация» общин. Право территориальной общины самостоятельно решать вопросы местной жизни без вмешательства и контроля со стороны государства является природным и имеет неотчуждаемый характер, по аналогии с естественными правами человека. Местное самоуправление – автономная от государства публичная власть территориальной общины, а государство – гарант ее природных прав и свобод – обязано уважать свободу общин, их самоуправление¹⁴. В обосновании свободы и автономии общин, данная

¹¹ Работяжев, Н.В. Милль Джон Стюарт // Федерализм: Энциклоп. – М., 2000. – С. 300-302.

¹² Токвиль, А. де. О демократии в Америке. – М., 1992. – С. 64-65.

¹³ Токвиль, А. де. Указ. соч. – С. 63.

¹⁴ Сергеев, А.В. Організаційно-правові засади діяльності підрозділів місцевої міліції щодо охорони громадського порядку: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Х., 2004. – С. 8.

теория ссылалась на средневековую историю вольных городов, их борьбу за независимость от феодального государства.

Основополагающими принципами теории свободной общины стали положения о том, что общинные и государственные дела существенно отличаются друг от друга; любое вмешательство со стороны государства в дела общины является нарушением ее прав; органы местного самоуправления не формируются государством, а избираются членами общины; должностные лица местного самоуправления являются общественными, а не государственными агентами и представляют общину, а не государство.

Во второй половине XIX века в рамках учения о свободной общине немецкий ученый О. фон Гирке в работе «Немецкое кооперативное право» обосновал так называемую «товарищескую теорию самоуправления», согласно которой в основе самоуправления лежит товарищеское начало, свободное от регламентации со стороны государства и бюрократии. Самоуправление рассматривалось им в двух аспектах: как наличие обособленных от государства и существующих независимо от него правовых сфер, так и обязательном участии граждан в осуществлении публичной власти. По его мнению, государство представляет собой не управляющий общиной и обществом аппарат, а одно из звеньев в механизме социального взаимодействия¹⁵. Заслугой О. фон Гирке является также то, что он с современных позиций ввел в научный оборот труды и идеи Й. Альтузиуса.

Еще один германский ученый К. фон Роттех разграничивал власть государства и право на свободу и самоуправление общины. Общину он видел как равное государству образование¹⁶.

Российская научная мысль также продолжительное время находилась под влиянием теории свободной общины. Источниками данной концепции в России стали идеи славянофилов об особом историческом пути и роли русского государства и представления о природных правах общины. А.П. Шапов, анализируя летописи и систематизировав значительный материал о «вековом энергичном стремлении к земской территориальной обособленности и самобытности», понимал местное самоуправление как возрождение старорусской традиции земств¹⁷. Другой российский ученый М.М. Ядринцев считал, что жизнь государства и общества – это не что иное, как жизнь его частей – общин. Только развитие этих частей может служить источником развития целого. Общественный прогресс по М.М. Ядринцеву состоит в дифференциации жизни целого, в обособлении функций, в самобытном совершенствовании каждой отдельной части государства – общины. Провинциям должна быть дана как можно большая автономия, что даст им возможность решать «местные вопросы», обеспечит их развитие и будет служить во благо всего государства. Ученый считал, что без развития местной жизни, самостоятельности и самодеятельности невозможно свободное и правильное развитие государства¹⁸.

Теория свободной общины, безусловно, имела для своего времени прогрессивный демократический характер и повлияла на дальнейшее развитие учений о природе местного самоуправления, а ее идеи получили свое выражение в законодательстве. Так, Конституция Бельгии 1831 года содержала положения об особенной «общественной» власти, а Конституция 1849 года, разработанная франкфуртскими Национальными собраниями, закрепляла особые основные права общин. В то же время, ее недостатками были чрезмерная идеализация общины, противоречивость идеи о неотчуждаемости и неприкосновенности ее прав. Дальнейшая конституционно-правовая практика показала, что без вмешательства государства в той или иной форме, деятельность общины, реализация ее основных целей и задач невозможны.

На смену теории свободной общины во второй половине XIX века пришла общественная теория местного самоуправления, которая исходила из противопоставления общины государству. Представители рассматриваемой теории не только пытались обос-

¹⁵ Girke, O. von. Das deutsche Genossenschaftsrecht. – Berlin, 1869. – Bd. 1. – S. 650.

¹⁶ См.: Гриценко, Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства. Значение опыта ФРГ для России. – Иркутск, 2001. – С. 50-51.

¹⁷ Шапов, А.П. Сочинения: В 3-х тт. СПб, 1906. – Т.1. – С. 209.

¹⁸ См.: Муніципальне право України / Кол. авт.; За ред. В. Ф. Погорілка, О. Ф. Фрицького. – К., 2006. – С.78.

новать статус самоуправляемой общины как отличного от государства субъекта права, но и зачастую акцентировали внимание на хозяйственной составляющей деятельности местного самоуправления. Ее основателями были Р. Моль, О. Ресслер, А.И. Васильчиков, В.Н. Лешков, П.Н. Подлигайлов, П.Л. Корф, М.П. Драгоманов и другие. В основе общественной теории местного самоуправления лежит утверждение о том, что территориальный коллектив – это элемент, прежде всего, гражданского общества. Муниципальная власть является негосударственной по своей природе. Органы самоуправления имеют собственную компетенцию в неполитической сфере (общественных и хозяйственных вопросах). В эти местные дела государство не вмешивается, и они решаются непосредственно самими территориальными общинами. Политические полномочия принадлежат государству. Характеризуя общественную теорию, Н.М. Коркунов отмечал, что она «видит сущность местного самоуправления в предоставлении местному сообществу права самому ведать свои общественные интересы и сохранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами» и исходит из противопоставления общества государству, а общественных интересов – политическим¹⁹.

В рамках общественной теории местного самоуправления выделялась также общественно-хозяйственная теория, в основе которой лежит тезис о том, что община может решать только хозяйственные вопросы. Однако практика свидетельствует о том, что органы местного самоуправления ведали значительным количеством дел нехозяйственного характера (медицина, образование, благотворительность, охрана общественного порядка и т.д.). При реализации таких полномочий деятельность органов местного самоуправления неизбежно приобретала публично-правовой характер.

Один из основателей общественной теории самоуправления В.Н. Лешков считал, что каждая местная община – земская единица – это союз, основанный на единстве местных интересов, на собственном управлении своими общими делами путем создания собственных выборных властей²⁰. Он предлагал создать полностью независимые от государства органы местного самоуправления, выступал за всеобщее и равное избирательное право при их формировании. В своей работе «Русский народ и государство» В.Н. Лешков отмечал, что основы самоуправления и самодеятельности являются краеугольным камнем русской истории, так как центром самоуправления на Руси всегда была община. Центр управления обществом находится не в правительстве, не в губернском правлении, а внизу – в общине, которую он называл «миром», «приходом», «селом», «городом». Только здесь люди компетентно решают свои проблемы. Общину В.Н. Лешков рассматривает как основную политико-юридическую и управленческую структуру, а общественные отношения, возникающие в процессе осуществления самоуправления регулируются общинным (земским) правом²¹. В то время в русской истории и философии община понималась как союз людей, основанный на совместном владении землей и объединенном общими делами. Заслуживает ученого, по нашему мнению, является то, что он внес в такое понимание общины юридический аспект. В то же время он не «изолировал» общину от государства и нормативным основанием ее деятельности, основой общинного права, он считал государственное законодательство.

А.А. Головачев, критикуя централистские, государственные подходы к пониманию местного самоуправления, считал, что самоуправление состоит в праве местного общества решать собственные вопросы с помощью избранных и контролируемых ими лиц. Он предлагал четко разделить «предметы ведения» между администрацией (государством) и земством (уровнем самоуправления)²². Ответственность органы местного самоуправления, по его мнению, должны были нести только перед своими избирателями и независимым судом, а не перед органами центрального управления²³.

¹⁹ Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Т. 2. – СПб., 1909. – С. 489.

²⁰ Лешков, В.Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по Положению 1864 года января 1. – М., 1865. – С. 29.

²¹ Лешков, В.Н. Русский народ и государство. – М., 1858. –

²² Головачев, А.А. Десять лет реформ. 1861-1871. – СПб., 1872. – С. 153.

²³ Там же. – С. 199-200.

Другой приверженец рассматриваемой теории П.Н. Подлигайлов считал, что децентрализация и самоуправление – это такие формы управления, которые обеспечивают полную автономию общин, оставляет полностью все местные дела в ведении самого местного сообщества, при которых последнее не только избирает из своего состава должностных лиц, но и контролирует их деятельность. П.Н. Подлигайлов рассматривал самоуправление как «вопрос, который имеет неизмеримо большую государственную важность и затрагивает решительно все разнообразные стороны сложной народной жизни»²⁴. Он считал, что при отсутствии самоуправления центральная власть либо полностью игнорирует местные интересы, поручая своим агентам на местах беспрекословно исполнять только свои требования, либо, желая пойти навстречу местным проблемам, наказывает своим агентам заботиться об их решении, чем санкционирует своеволие и самоуправство, потому что эти лица являются чужими для данной местности и ее проблем. «Все местные интересы и заботы могут быть хорошо известны только местному населению, которое еще и наиболее заинтересовано в их правильном удовлетворении... Эти вопросы должны разрабатываться в том учреждении, которое является для этого наиболее компетентным – в органе самоуправления»²⁵, – писал он.

Основные положения общественной теории местного самоуправления получили свое обоснование в работах А.И. Васильчикова. Он определял самоуправление как такой порядок управления, при котором «местные дела и должности заведываются и замещаются местными жителями – местными обывателями»²⁶ и считал, что местное самоуправление – это политика, имеющая особую цель и особую сферу деятельности²⁷. Самоуправлению противопоставлялся бюрократический порядок управления, при котором «те дела и должности поручаются сторонним людям не вследствие принадлежности к местности, коей они управляют, а по произвольному выбору и определению начальства, правительству»²⁸. Разделяя государственные и местные интересы, А.И. Васильчиков считал, что недопустима ситуация, когда они будут решаться одним и тем же органом управления. От смешения функций центральной и местной власти «во всех централизованных государствах местные интересы приносятся в жертву общим и совершенно теряются из виду»²⁹.

Как верно отмечает Н.А. Емельянов, при таком подходе местное самоуправление становится способом самоорганизации населения соответствующей территории, при котором оно само определяет вектор развития муниципальной единицы, то есть происходит отождествление субъекта и объекта управления³⁰.

Значительные отличия местного самоуправления от государственной власти отмечал П.Л. Корф. По его мнению, деятельность высшего государственного управления хотя и имеет большое значение, но может быть понятна только меньшинству и недоступна для широких масс, которым зачастую некогда и думать о государственных делах. Пока где-то далеко обсуждаются государственные проблемы, в общине жизнь идет своим чередом. Бюджет, вооруженные силы, международные отношения практически не сказываются на повседневной жизни большинства населения, в отличие от таких насущных проблем, как взимание местных налогов, борьба с преступностью, расчеты хозяев и работников, сельские дороги, пожары, содержание больниц, начальное образование. Наряду с этим, небольшие изменения в местном управлении больше затрагивают жителей, чем реформы целого министерства³¹.

Представители украинской политико-правовой мысли М.П. Драгоманов и И.Я. Франко также внесли значительный вклад в развитие общественной теории местного самоуправления. М.П. Драгоманов сформулировал концепцию «федерации свободных

²⁴ Местное управление в России / Под ред. П.Н. Подлигайлова. – СПб., 1884. – С. 25.

²⁵ Там же. – С. 28.

²⁶ Васильчиков, А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. – СПб., 1872. – Т.1. – С.1.

²⁷ Там же. – С. 4.

²⁸ Там же. – С. 2.

²⁹ Там же. – С. 5.

³⁰ Емельянов, Н.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционно-правовой и институциональный анализ: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – С. 28-29.

³¹ Корф, П.Л. Ближайшія нужды местного управления. – СПб., 1888. – С. 1-2.

общин» (общественный социализм). В работе «Историческая Польша и великорусская демократия» он формулирует ряд принципов локальной демократии: учет национальных особенностей каждой местности; самоуправление общин и областей в построенном «снизу вверх» политически свободном государстве; свобода всех «живых составных частей народа»; взаимозависимость политической свободы и местного самоуправления. В проекте «Вольный Союз» М.П. Драгоманов обосновывает идею политической децентрализации, основой которой должно стать установление «самоуправ» общин, волостей, уездов, земель, каждая из которых «имеет свою внутреннюю самостоятельность и независимость относительно других самоуправ, независимо высшего или низшего они типа»³².

И.Я. Франко подчеркивал, что «будущий строй будет базироваться на широчайшем самоуправлении общин, уездов, краев, составленных из свободных людей и объединенных между собой свободной федерацией, которая основывается на солидарности интересов»³³.

Сторонники общественной теории местного самоуправления неоднократно пытались составить список дел, которые могут относиться к компетенции местного самоуправления и по своей сущности в корне отличались бы от дел государственного управления. Но в практической деятельности разграничить общинную и государственную компетенцию не представляется возможным. Как верно отмечают современные исследователи, «дорожное строительство, местные налоги, охрана общественного порядка, заведение образованием, культурой, здравоохранением и т.п. не могут считаться чисто общественными делами и противостоят делам государственным»³⁴. Они одинаковым образом важны и для общины, и для государства. Еще в 1903 году, выступая с критикой общественной теории Н.И. Лазаревский писал: «Самое слабое место в этой теории состояло не только в том, что ее сторонникам не удавалось составить ... списка негосударственных публично-правовых дел, предоставленных органам местного самоуправления, сколько в том, что таких дел вовсе и не может быть»³⁵.

Как теоретическая конструкция, рассматриваемая теория была достаточно примитивной, так как, во-первых, зачастую смешивала самоуправляемые общины с частно-правовыми организациями (общественными, хозяйственными), во-вторых, ее положения носили абстрактный характер и не соответствовали реальным общественным отношениям. Современный украинский ученый-конституционалист, сторонник государственной теории местного самоуправления, Н.И. Корниенко считает, что сторонники общественной теории определенным образом оправдывают проявления «местного эгоизма», а наличие так называемых природных и неотъемлемых прав общины свидетельствует не столько об автономии, сколько об определенном «суверенитете» территориальной общины и ее органов, что небезопасно для целостности государства³⁶. С такой позицией, на наш взгляд, нельзя согласиться, так как идеи о неотъемлемости прав местной общины способствуют укреплению принципа самостоятельности местного самоуправления. А гарантии невмешательства государства в деятельность органов местного самоуправления являются важнейшим фактором развития локальной демократии, стимулируют население к непосредственному участию в решении важнейших вопросов местной жизни. А в современных условиях развития России и Украины (не говоря уже о государстве в XIX – начале XX веков) трудно представить возможность проявления муниципального «суверенитета» и полной обособленности местного уровня власти от государства.

Несмотря на очевидные недостатки, общественная теория местного самоуправления оказала значительное влияние на подготовку и проведение земской и городской реформ 1860-70-х годов. Глава Комиссии по подготовке реформы земских учреждений в

³² См.: Драгоманов М. Вольный союз – Вільна спілка. Опыт украинской политико-социальной программы. – Женева, 1884.

³³ Цит. по: Камінська, Н.В. Еволюція поглядів на значення місцевого самоврядування у розбудові української державності: історико-правові аспекти [Електронний ресурс] // www.VuzLib.com URL: <http://vuzlib.com/content/view/2158/50> (дата обращения: 28.03.2012)

³⁴ Игнатов, В.Г., Рудой, В.В. Местное самоуправление. – Ростов н/Д., 2003. – С. 27.

³⁵ Лазаревский, Н.И. Самоуправление // Мелкая земская единица. Сб. статей. – СПб., 1903. – С. 7.

³⁶ Корнієнко, М.І. Муніципальне право України. Концептуальні та організаційно-правові системи. – К., 2005. – С. 28

Российской Империи Н.А. Милютин писал, что «земское управление, как чисто местное, очевидно не может и не должно нисколько касаться государственных дел, ни интересов государственной казны, ни суда, ни, наконец, полиции исполнительной, сего главного местного органа центральных учреждений»³⁷ и предлагал расширить компетенцию земства, поручив ему «те части земского хозяйства, которые потребуют ближайших экономических распоряжений и, следовательно, деятельность местных чиновников может оказать прямое и непосредственное влияние на благополучие жителей»³⁸. Аргументируя необходимость обеспечения наилучшего развития хозяйственной деятельности земских учреждений Н.А. Милютин подчеркивал, что они «не могут и не должны иметь полномочий характера политического»³⁹.

Общественная теория получила свое отражение и в англосаксонской модели местного самоуправления (правовых системах Великобритании, США, Канады, Индии, Австралии и др.), где существует формальная автономия и самостоятельность местного самоуправления, на местах отсутствуют органы центрального управления, осуществляющие опеку органов местного самоуправления, а отношения между центральной властью и местным самоуправлением обозначены принципом «*inter vires*» (действие в границах переданных полномочий)⁴⁰.

Предположение о первичности общины по отношению к государству является противоречивым сразу по нескольким причинам. Понятия «община» и «самоуправление» зачастую определяются с использованием термина «государство», что уже свидетельствует невозможности их существования без последнего. Историческая практика показывает, что государство создавало и создает административно-территориальные образования, в том числе и самоуправляемые, которые имеют все признаки «естественным образом возникшей» общины. Органы самоуправления не могут не осуществлять функции публичного характера, а их полномочия могут быть как собственными, так и делегированными государством. Более того, зачастую невозможно точно разграничить собственные местные дела и дела государства, полномочия по выполнению которых переданы на местный уровень.

Понимание всех этих противоречий привело к возникновению государственной теории местного самоуправления, пик популярности которой пришелся на 70-е годы XIX века. Сущность данной теории заключается в том, что органы местного самоуправления рассматриваются в качестве органов государственного управления, а самоуправление – как одна из форм организации государственной власти. Источником полномочий местного самоуправления является государственная власть. Основные положения государственной теории были разработаны немецким учеными Л. Штейном и Р. Гнейстом, а более детальное развитие получили в российской политико-правовой науке в работах И.Д. Беляева, В.П. Безобразова, А.В. Васильчикова, А.Д. Градовского, Н.И. Лазаревского, Б.Э. Нольде, Н.И. Палиенко, М.И. Туган-Барановского и других ученых.

В рамках государственной теории местного самоуправления сложились два основных направления: политическое (Р. Гнейст) и юридическое (Л. Штейн). Р. Гнейст считал критерием самостоятельности местного самоуправления демократический механизм формирования органов местного самоуправления и наличие выборных или безвозмездных почетных должностей. Он считал, что чиновник, осуществляющий свои полномочия на безвозмездной основе, является экономически независимым от государства и, соответственно, самостоятельным. Эта система, по Р. Гнейсту, обеспечивает то, что местное управление будет в руках тех, кто получит управленческие должности от общественности, и таким путем будет достигнута гармония государства и общества⁴¹. Такой подход к решению проблемы самоуправления не нашел поддержки у современников и не получил

³⁷ Цит. по: Верещагин, А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 20.

³⁸ Верещагин, А.Н. Указ. соч. – С.20.

³⁹ Верещагин, А.Н. Указ. соч. – С.20.

⁴⁰ См.: Чапала, Г.В. Місце самоврядування в системі публічної влади: Дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 2004. – С. 47.

⁴¹ Лазаревский, Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т.2: Административное право. Ч.1: Органы управления. – СПб., 1910. – С. 42.

широкого распространения. Как справедливо отмечает Н.А. Емельянов, система безвозмездных должностей порождает зависимость органов и должностных лиц местного самоуправления от имущих слоев населения⁴². Реализовать такую модель на практике не представляется возможным.

О. Майер, разделяя взгляды Р. Гнейста, видел сущность самоуправления в исполнении им должностных полномочий лишь в качестве не основных. Если должностные лица государства являются чиновниками-профессионалами, то должностные лица органов местного самоуправления, по сути, остаются «обывателями», которые зарабатывают на жизнь той или иной профессией, а деятельность по самоуправлению является для них побочным занятием⁴³.

Другой позиции придерживался Л. Штейн. Он считал, что самоуправление является «первой формой, в которой достигает своего осуществления идея свободного управления как организованного и полномочного участия граждан в функциях исполнения, в общем, и управления, в частности. Оно возникает не столько благодаря свободной и самостоятельной воле некоторых граждан, сколько благодаря природе таких отношений, которые порождают и делают необходимым такое участие. Государственный строй является только первым, а свободное управление в общине вторым шагом к свободе народа»⁴⁴. По мнению Л. Штейна, органы местного самоуправления являются не органами центрального правительства, а органами местного территориального коллектива, на которые возложены функции по выполнению задач государственного управления. Органы местного самоуправления входят в систему государства, но являются особыми юридическими лицами, которые выполняют не только правительственные функции, но и выражают интересы местного сообщества. Они правомочны самостоятельно осуществлять правовое регулирование, но их постановления могут быть изменены или отменены законом.

Немецкий государствовед Нейкомп на основе анализа российского законодательства сделал вывод о том, что самоуправление независимо от министерского управления, подчиняется только законам государства и не получает инструкций по управлению делами местного сообщества ни от какой высшей власти. Самоуправление он противопоставлял министерскому управлению⁴⁵.

Министр внутренних дел, Глава Комиссии по подготовке реформы земских учреждений в Российской Империи (после 1961 года) П.А. Валуев, анализируя проблему отношения земства к государственному организму писал, что «земское управление может и должно быть только особым звеном этого организма, органом местным, имеющим свое отдельное существование, свою самостоятельность, но все-таки составляющим часть одного целого и достаточно связанным с прочими частями этого целого. Создавая земские учреждения, правительство не может создавать *status in statu* (государство в государстве), не может поставить эти учреждения вне государства, не может изъять их из тех условий, которым подчиняется вся государственная территория, и от того общего направления, которое устанавливается потребностями всего государства». Далее следует зачеркнутый текст: «Единство государственного состава и управления, сила и целостность государственной власти не могут быть приносимы в жертву потребностям местного интереса, как бы важны они не были...»⁴⁶. В своей статье он критикует требование оградить земство «как бы карантинной цепью, или китайской стеной», от вмешательства центральной административной власти и ограничить круг земских дел «исключительно делами чисто местного характера, до которых правительству нет повода и нужды касаться», считая не-

⁴² Емельянов, Н.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционно-правовой и институциональный анализ: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – С. 31.

⁴³ См.: Муніципальне право України / Кол. авт.; За ред. В. Ф. Погорілка, О. Ф. Фрицького. – К., 2006. – С.89.

⁴⁴ Штейн, Л. Ученіе объ управленіи и право управленія: съ сравненіемъ литературы и законодательствъ Франціи, Англіи и Германіи. – СПб., 1874. – С. 27-28, 30.

⁴⁵ См.: Григорьев, В.А. Местное самоуправление: сравнительно-правовой анализ основ организации и деятельности. – Одесса, 2001. – С. 29.

⁴⁶ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 175, л. 131.

возможным найти «такие земские дела, которые не касаются более или менее интересов государства, с одной стороны, интересов частных — с другой»⁴⁷.

Идеи земства как государственного института придерживался В.Ю. Скалой – редактор еженедельной газеты «Земство». По его мнению, «земские учреждения... должны войти в систему государственного управления как органическая составная часть его, облечены надлежащей властью, поставлены в тесную органическую связь с другими общественными установлениями, снабжены полной независимостью в кругу вверенных им дел местного управления, под надзором и контролем власти правительственной»⁴⁸. Данная мысль в последующем стала одним из важнейших положений либеральной программы М.Т. Лорис-Меликова.

Российский представитель государственной теории В.П. Безобразов считал государство и самоуправление неразделимыми, а попытки их разъединения могут привести к разрушению либо государства, либо самоуправления. Органы местного самоуправления не перестают быть государственными и должны входить в общую систему власти и управления в государстве, а должностные лица этих органов должны одновременно являться государственными служащими⁴⁹. «Чем шире развиты элементы местного самоуправления, чем более самостоятельны его органы, чем более его начала господствуют в местной администрации, тем строже и теснее они должны входить в общий строй государственного управления и тем менее возможно раздвоение власти», – писал он⁵⁰. Его выводы свидетельствуют о том, что предоставление местному самоуправлению широкой автономии, отделение его от государства может привести к катастрофическим для общества и власти последствиям.

С такой позицией соглашался Б.Э. Нольде, утверждая, что «государство перестает быть единым и нераздельным не только тогда, как часть его отходит другому государству и подчиняется его верховной власти, но и тогда, когда внутри его складываются другие центры верховной власти. Государство едино не только потому, что едина его территория, но и потому, что едина его верховная власть»⁵¹. Ученый не подвергал сомнению государственную природу местного самоуправления, которое осуществлялось в «своеобразных единицах», являющихся частями государства.

В отечественной правовой науке конца XIX – начала XX веков различались понятия «централизация», «децентрализация» и «самоуправление». А.В. Лохвицкий подчеркивал, что, решая вопрос о понимании терминов «централизация» и «децентрализация», следует учитывать место нахождения правительственной власти. При централизации вся общественная власть находится в одном центре, в руках одного центрального правительства, а при децентрализации – разделена между центром и провинциями⁵². Централизацию он считал вредной и препятствующей прогрессу, а децентрализация, напротив, играет важную роль в прочном положении центрального правительства.

По мнению А.Д. Градовского децентрализация – это «перемещение различных функций управления из рук центральных органов в руки их местных представителей»⁵³, а самоуправление – система внутреннего управления, при которой государство передает некоторые из своих задач представителям местного населения. То есть при децентрализации и самоуправлении различен «адресат» передаваемых государственных полномочий: в первом случае это представители государства на местах, а во втором – представители населения. Органы местного самоуправления, считал он, должны осуществлять три основные цели: давать населению возможность участвовать в управлении местными делами; выполнять финансовые операции, которые не могут осуществлять центральные и

⁴⁷ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 175, л. 136-137.

⁴⁸ Скалой, В.Ю. Земские учреждения в первые 15 лет существования // Земство. – 1880. – №1.

⁴⁹ Безобразов, В.П. Земские учреждения и самоуправление // Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882. – С. 545.

⁵⁰ Там же. – С. 9.

⁵¹ Нольде, Б.Э. очерки русского государственного права. – СПб., 1911. – С. 253.

⁵² Цит. по: Свешников, М.И. Русское государственное право: Пособие к лекциям. Вып. 2. – СПб., 1897. – С. 110-111.

⁵³ Градовский, А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Собрание сочинений. – СПб., 1904. – Т.IX. – С. 421.

местные правительственные органы; дополнять деятельность государства в сфере социального обслуживания местного населения⁵⁴. Признавая определенную самостоятельность местного самоуправления, А.Д. Градовский утверждал, что государство при передаче части своих функций органам местного самоуправления обязано предоставить им полномочия действовать на публично-правовой основе, то есть на правах государственной власти⁵⁵.

В своей характеристике государственной теории местного самоуправления Н.М. Коркунов обращал внимание на наличие зависимости местного самоуправления от государства. По его мнению «самостоятельное право властвования имеют только государства. Самоуправляющиеся местные общины осуществляют права власти по поручению государства... и поэтому подлежат в этой своей деятельности надзору государства... Государство следит ... за тем, чтобы органы самоуправления не нарушали чужих прав, не выходили из пределов предоставленной им компетенции, ... действительно выполняли возложенные на них функции государственного управления... Самостоятельность же органов самоуправления основана на том, что неустрашимое в делах управления свободное усмотрение определяется в их деятельности интересами того местного общества, представителями которого они призваны служить»⁵⁶. Иными словами, только за государством признается суверенитет, а общины могут действовать исключительно в рамках установленных государством законов, их деятельность осуществляется под контролем со стороны государства и перед ним община и ее самоуправленческие органы несут ответственность в случае невыполнения возложенных на них задач.

Представитель украинской политико-правовой мысли М.И. Туган-Барановский также придерживался государственной концепции местного самоуправления. Ученый считал, что система муниципальных органов должна идти рядом с системой органов государственных, причем муниципалитеты должны создавать «определенную иерархию, начиная от больших организаций, охватывающих большие районы и большие группы населения, до наименьших, с населением в несколько тысяч или даже сотен человек». В основе компетенции органов местного самоуправления, по его мнению, лежит принцип «все, что может быть выполнено муниципалитетами, полагается на них, а центральная государственная власть должна брать на себя только то, что не под силу муниципалитету»⁵⁷. На наш взгляд, здесь можно проследить преемственность идеи субсидиарности в организации местной власти, впервые сформулированную, как уже указывалось, в начале XVII века Й. Альтузиусом.

Н.И. Палиенко считал местное самоуправление формой самоограничения государства, при которой местному населению предоставляется право самостоятельно ведать задачами государственного управления местах при помощи своих выборных лиц и под контролем центрального правительства. Государство в определенном объеме передает на места административную власть, но лишает местные органы издавать собственные законы – это право принадлежит только государству. Местное самоуправление дается населению верховной государственной властью, законом государства⁵⁸.

Таким образом, в рамках государственной теории не обособляются исключительные местные предметы ведения – все функции местного самоуправления являются по своей природе государственными, а полномочия по их реализации передаются центральной властью на местный уровень, органам местного самоуправления. Последние подчинены государству и действуют в рамках принципа «разрешено только то, что не запрещено законом».

Государственная теории положена в основу континентальной системы организации местной власти (Франция, Италия, Испания, Бельгия, государства Латинской Америки, Ближнего Востока, франкоязычной Африки). Характерными отличиями данной

⁵⁴ Градовский, А.Д. Начала русского государственного права. – СПб., 1883. – С. 32.

⁵⁵ Градовский, А.Д. Начала русского государственного права // Собрание сочинений. – СПб., 1904. – Т. IX. – С. 30.

⁵⁶ Коркунов, Н.М. Указ. соч. – С. 500, 501.

⁵⁷ Цит. по: Основы этнодержавознания / За ред. Ю.А. Римаренка. – К., 1997. – С. 221.

⁵⁸ См.: Палиенко М.И. Областная Автономія і Федерація. – Х., 1917. – С. 6, 7.

модели являются: соединение местного самоуправления и государственного управления на местах; прямое государственное управление на местах, путем назначения представителя центральной власти в административно-территориальные единицы (комиссары, префекты, губернаторы и др.); сочетание выборности и назначаемости должностных лиц местно управления; иерархичность системы местного самоуправления, выражающаяся в соподчиненности нижестоящих и вышестоящих звеньев.

Конец XIX – начало XX веков характеризуются возникновением новых концепций и взглядов на сущность государства и местного самоуправления, их организацию и взаимодействие. Такие идеи не привели к пересмотру принципиальных положений проанализированных выше теорий местного самоуправления, однако развивали и дополняли их, приспосабливая к новым общественно-политическим реалиям.

Плюрализм теорий, концепций, доктрин и учений, утвердившиеся в науке, нашел свое соответствующее отражение в подходах к пониманию местного самоуправления, так как его сущность, содержание и формы отражаются по-разному. Принимая во внимание то, что разрешение многих социально-экономических проблем, связанных с повышением жизненного уровня населения, обеспечением прав и свобод граждан, наполнение их содержанием, возможно лишь в условиях реального и эффективного местного самоуправления, важное значение имеет анализ выводов предлагаемых в современной научной литературе.

Список литературы

1. Барабашев Г.В. Местное самоуправление. – М., 1996.
2. Батанов, О.В. Муниципальне право України / Відп. ред. М.О. Баймуратов – Х., 2008.
3. Безобразов, В.П. Земские учреждения и самоуправление // Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. – СПб., 1882.
4. Васильчиков, А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. – СПб., 1872.
5. Верещагин, А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). – М.: Междунар. отношения, 2002.
6. Вюртенбергер, Т. Європейська ідея субсидіарності як основа регіоналізації, децентралізації та деконцентрації // Організація регіональної та місцевої влади: досвід держав-членів Європейського Союзу та вибір України. – К., 2000.
7. Головачев, А.А. Десять лет реформ. 1861-1871. – СПб., 1872.
8. Градовский, А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Собрание сочинений. – СПб., 1904.
9. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права. – СПб., 1883.
10. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права // Собрание сочинений. – СПб., 1904. – Т. IX.
11. Григорьев, В.А. Местное самоуправление: сравнительно-правовой анализ основ организации и деятельности. – Одесса, 2001.
12. Гриценко, Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства. Значение опыта ФРГ для России. – Иркутск, 2001.
13. Гронский, П.П. Децентрализация и самоуправление. – М., 1917.
14. См.: Драгоманов М. Вольный союз – Вільна спілка. Опыт украинской политико-социальной программы. – Женева, 1884.
15. Емельянов, Н.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционно-правовой и институциональный анализ: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998.
16. Игнатов, В.Г., Рудой, В.В. Местное самоуправление. – Ростов н/Д., 2003.
17. Каменская, Г.В. Альтузиус Йоханнес // Федерализм: Энциклоп. – М., 2000.
18. Камінська Н.В. Місцеве самоврядування: теоретико-історичний і порівняльно-правовий аналіз. К., 2010.
19. Камінська, Н.В. Еволюція поглядів на значення місцевого самоврядування у розбудові української державності: історико-правові аспекти [Електронний ресурс] // www.VuzLib.com URL: <http://vuzlib.com/content/view/2158/50> (дата обращения: 28.03.2012)
20. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Т. 2. – СПб., 1909.
21. Корнієнко, М.І. Муниципальне право України. Концептуальні та організаційно-правові системи. – К., 2005.
22. Корф, П.Л. Ближайшія нужды местного управления. – СПб., 1888.

23. Лазаревский, Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т.2: Административное право. Ч.1: Органы управления. – СПб., 1910.
24. Лазаревский, Н.И. Самоуправление // Мелкая земская единица. Сб. статей. – СПб., 1903.
25. Лешков, В.Н. Русский народ и государство. – М., 1858.
26. Лешков, В.Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по Положению 1864 года января 1. – М., 1865.
27. Местное управление в России / Под ред. П.Н. Подлигайлова. – СПб., 1884.
28. Нольде, Б.Э. очерки русского государственного права. – СПб., 1911.
29. Оуэн, Р. Книга о новом нравственном мире // Утопический социализм / Под общ. ред. А.И. Володина. – М., 1982.
30. Работяжев, Н.В. Милль Джон Стюарт // Федерализм: Энциклоп. – М., 2000.
31. Свешников, М.И. Русское государственное право: Пособие к лекциям. Вып. 2. – СПб., 1897.
32. Скалой, В.Ю. Земские учреждения в первые 15 лет существования // Земство. – 1880. – №1.
33. Токвиль, А. де. О демократии в Америке. – М., 1992.
34. Щапов, А.П. Сочинения: В 3-х тт. СПб, 1906.
35. Фурье, Ш. Избранные сочинения: Т.2.: Новый промышленный и общественный мир. – М., 1939.
36. Girke, O. von. Das deutsche Genossenschaftsrecht. – Berlin, 1869.
37. Dupont de Nemours Du pouvoir legislative ed du pouvoir exécutif, convenable a la République français. – Paris, 1869.
38. Journal et mémoires du Marquis d'Argenson. V.4. – Paris, 1861.
39. Муніципальне право України / Кол. авт.; За ред. В. Ф. Погорілка, О. Ф. Фрицького. – К., 2006.
40. Основы этнодержавознавства / За ред. Ю.А. Римаренка. – К., 1997.
41. Палієнко, М.И. Областная Автономія і Федерація. – Х., 1917.
42. Сергеев, А.В. Організаційно-правові засади діяльності підрозділів місцевої міліції щодо охорони громадського порядку: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Х., 2004.
43. Чапала, Г.В. Місцеве самоврядування в системі публічної влади: Дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 2004.
44. Штейн, Л. Учение обь управленіи и право управления: съ сравнениемъ литературы и законодательствъ Франціи, Англіи и Германіи. – СПб., 1874.

MAIN THEORIES OF LOCAL GOVERNMENT IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN CONSTITUTIONAL AND LEGAL SCIENCE

N. OLEINIK¹
E. MIROSHNIKOV²

*Belgorod State National Research
University*

¹*e-mail: oleinik@bsu.edu.ru*

²*e-mail: miroshnikov@bsu.edu.ru*

The article analyzes the views of Russian, Ukrainian and foreign scientists on the theory of the free community, the public theory and the state theory of local government. Considered their impact on contemporary understanding of local government in Russia and Ukraine.

Key words: Decentralization, local self-government, local government, theory of local government

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ

В.Н. САМСОНОВ¹
Е.В. САМСОНОВА²

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

¹*e-mail: Samsonov@bsu.edu.ru*

²*e-mail: Samsonova_E@bsu.edu.ru*

В статье на основе теории юридической деятельности и действующего законодательства рассмотрены признаки конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, с учетом которых сформулированы и обоснованно комплексное определение и признаки этого производства.

Ключевые слова: юридический процесс, конституционный процесс, конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, юридическая деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, процессуальные отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ наделены законом широким кругом полномочий, которые отражают их юридические возможности, их юридический потенциал. Реальная же сила этих органов обнаруживается в их юридической деятельности, в которой проявляется их сущность.

Без нее законодательные (представительные) органы государственной власти не способны выполнять стоящие перед ними задачи, а в случае несоответствия ее закону могут задерживать поступательное развитие нашего общества и государства по пути демократии и свободы.

В целях превращения юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ в упорядоченный процесс реализации их полномочий, о которых говорит закон, важное значение имеет создание на основе соответствующих выводов юридической процессуальной науки и действующего законодательства теории конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Решение этой важной задачи науки конституционного права следует начинать с разработки понятия данного производства, поскольку оно составляет главное в данной теории и дает необходимый импульс для иных процессуальных исследований юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Не менее существенным фактором, непосредственно определяющим необходимость исследования конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, является состояние разработки этой проблемы в отечественной науке конституционного права. В последнее время основное внимание сосредоточено на характеристике процессуальных аспектов правотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Есть даже диссертационная работа, посвященная «Производству по принятию нормативно-правовых актов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ»¹. Однако пока не стали предметом научного внимания другие виды юридической деятельно-

¹ Лукьянчикова Е.Ф. Производство по принятию нормативных правовых актов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ: дис. ... на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. – Белгород, 2009.

сти законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (учредительная, контрольная и т.д.). Вне поля зрения ученых конституционного права остаются и общие проблемы юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, к которым мы прежде всего относим вопрос о понятии конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Необходимость разработки понятия конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ подтверждается и состоянием законодательства, регулирующим отношения этого производства. Его нормы должным образом не кодифицированы. При этом в них нет необходимых процессуальных терминов и определений, что заметно осложняет процесс реализации полномочий законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

В целях преодоления ситуаций, сложившихся в исследовании и правовом регулировании юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, рассмотрим и охарактеризуем понятие конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Однако, прежде всего, выскажем иное отношение к термину «Конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ», поскольку в науке конституционного права он применяется впервые.

Необходимость использования наименования «Конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» в науке конституционного права обусловлена следующими обстоятельствами. Оно: 1. Подчеркивает связь юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ с другими юридическими процессами и производствами и тем самым создает необходимые предпосылки для рационального применения опыта их исследования в процессе познания конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. 2. Создает теоретическую основу для разработки комплексного определения конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, охватывающего, как будет показано далее, юридическую деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, процессуальные отношения законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ; процедуры конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. 3. Дает необходимый импульс для познания тех конституционных производств, из которых это производство состоит: «Учредительного конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ», «Контрольное конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» и т.д.

Понятие «конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ». Оно должно быть производным от родового понятия «конституционный процесс» и наиболее общего определения «юридический процесс».

В науке конституционного права накопились ценные знания о природе и специфике отдельных конституционных процессах и производствах: конституционном судебном процессе; законодательном процессе; избирательном процессе; производстве законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ по принятию нормативно-правовых актов и т.д. В то же время сам термин «конституционное производство» выпадает, по словам Н.С. Волковой и Т.Я. Хабриевой, из арсенала строгой юридической лексики и отождествляется со всем демократическим ходом разработки, принятия и реализации Конституции Российской Федерации². К сказанному можно добавить и то, что в науке конституционного права до сих пор нет и развернутого научно обоснованного юридического определения «конституционный процесс», выступающего основой познания всех процессуальных

² Волкова Н.С., Хабриева Т.Я. Правовые позиции конституционного суда Российской Федерации и парламент. – М.: Норма, 2005. – С. 9-11.

аспектов конституционного права. Не могут выполнять роль этой основы и те определения конституционного процесса, которые отождествляют его только с конституционным судебным процессом³, поскольку оставляет вне поля зрения ученых конституционного права другие конституционные процессы и производства и лишает их возможности разработать и обосновать предложения по кодификации процессуальных норм конституционного права.

Нецелесообразно, на наш взгляд, формулировать понятие конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ исходя из определений ученых конституционного права, понимающих под процессуальными аспектами конституционного права порядок деятельности субъектов государственного права⁴, поскольку, как будет показано далее, этот порядок относится лишь к одному из процессуальных компонентов рассматриваемого конституционного производства.

Из сказанного о подходах к характеристике конституционного процесса следует, что в науке конституционного права еще нет того его понятия, которое можно взять за основу разработки конституционного производства законодательных (представительных) органов власти субъектов РФ. Поэтому решим эту важную задачу науки конституционного права, исходя из соответствующего понятия юридического процесса.

В юридической науке вопрос о таком понятии является дискуссионным. Так, Е.Г. Лукьянова называет и описывает пять различных определений ученых-юристов о юридическом процессе⁵. В нашу задачу не входит обстоятельный разговор о таких определениях. Она гораздо скромнее, и состоит в выборе из существующих в юридической литературе определений юридического процесса, того его определения, которое может стать основой для разработки понятия конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Им, на наш взгляд, выступает то определение юридического процесса, которое рассматривает его в виде всей юридической деятельности государственных органов (правотворческую, правоприменительную, учредительную и т.д.) и вот почему. Оно позволяет, во-первых, разработать, как будет показано далее, комплексное определение конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, описать в нем основные процессуальные компоненты этого производства: юридическая деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, процессуальные отношения и процедуры этого производства.

Во-вторых, исследовать с единых общетеоретических процессуальных позиций все виды производств, из которых складывается рассматриваемое производство (учредительное конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, правотворческое конституционное производство законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и т.д.).

Кроме того, при конструировании понятия конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ целесообразно применять и такие категории материалистической деятельности, как содержание и форма явления, а также учитывать опыт их применения в ходе познания юридического процесса.

Чтобы четко определить содержание и форму конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, необходимо уяснить, что представляет собой содержание и форма явления с философской точки зрения и что о них пишут ученые-юристы в процессе исследования юридического процесса.

При исследовании содержания и формы явления философы отмечают, в частности, следующие их черты. Содержание – это взаимосвязанные и внутренне существенные для качественной характеристики какого-либо явления его свойства и признаки, а форма – внешнее выражение содержания, способ его существования. Наряду с внешней формой вы-

³ Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учебное пособие. – М., 1998. С. 38-39; Он же. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.). С. 72-77. См. так же: Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. – М.: Норма, 2003. С. 2-8; Овсейян Ж.И. Конституционное судебно-процессуальное право у истоков отрасли права // Правоведение. 1999. № 2. – С. 199-212.

⁴ Белкин А.А. Избранные работы 90-х годов по конституционному праву. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. – С. 21.

⁵ Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Норма, 2003. – С. 41-42.

деляется внутренняя форма, представляющая собой организацию содержания, ее строения, расположение составных частей и порядок их связей (структуры)⁶.

Исходя из положений философии о содержании и форме явления, ученые-юристы сформулировали и обосновали юридическое понимание содержания и формы юридического процесса.

В юридической науке, рассматривающей юридический процесс как юридическую деятельность, под содержанием такого процесса обычно понимают тот или иной вид названной деятельности⁷. Мы в целом разделяем такой подход к характеристике содержания юридического процесса и по аналогии с ним под содержанием конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ будем понимать всю их юридическую деятельность. Эта деятельность составляет главное, общее и необходимое в организации рассматриваемого производства, а ее исследование приобретает исключительно важное значение для разработки его понятия. Она отражает взаимосвязанные и внутренне существенные для качественной характеристики черты и признаки конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, а их поиск, познание и применение составляет одну из главных исследовательских задач.

В целях ее исполнения начнем формулирование понятия конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ с рассмотрения признаков юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Исходным для их познания служит вывод о том, что рассматриваемая деятельность составляет часть юридической деятельности в ее процессуальном смысле и потому ей присущи подавляющее число признаков этой деятельности, о которой пишут ученые-юристы, а именно: государственно-властный характер, юридическая природа, динамизм, специальное правовое регулирование.

В юридической литературе к признакам юридической деятельности отнесена также и ее связь с методом правового регулирования. Однако эта связь не имеет общего значения для всех разновидностей юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и потому включать названную связь в перечень признаков этой деятельности, на наш взгляд, не целесообразно.

Названные выше признаки юридической деятельности подчеркивают взаимосвязь юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ с иными разновидностями юридической деятельности. В то же время как признаки юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ они подчеркивают ее автономность в системе юридической деятельности, поскольку отражают в своем содержании специфику рассматриваемой деятельности. Кроме того, к признакам юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ следует отнести еще и те, которые прямо вытекают из ее особенностей. К таким признакам юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ мы относим ее представительность, назначение, связь с полномочиями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Все признаки юридической деятельности, о которых было сказано, целесообразно расположить, исходя из их значимости в следующем порядке: назначение; юридическая природа; представительность; государственно-властный характер; динамизм; специальное правовое регулирование; связь с полномочиями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Кратко их охарактеризуем.

Назначение юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Опираясь на опыт познания назначения юридических процессов и производств, а также с учетом ее специфики, можно сделать вывод о том,

⁶ Руткевич М. Диалектичекмй материализм. – М., 1973. – С. 473; Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 621.

⁷ Элькин П.С. Категории содержания и формы в сфере уголовно-процессуального регулирования. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979; Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1982. – С. 7.

что главный смысл этой деятельности заключается в своевременном рассмотрении законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ вопросов, отнесенных к их ведению законом, и издании ими в ходе этого рассмотрения законных, справедливых и объективно необходимых для развития личности, общества и государства на пути демократии и свободы, их правовых актов.

Юридическая природа юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ с учетом специфики этой деятельности трансформируется в ее конституционно-правовую природу. О наличии этой природы говорят следующие обстоятельства: 1. Рассматриваемая деятельность осуществляется субъектами конституционного права – законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ. 2. Юридическая деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ регулируется группой норм конституционного права. 3. В процессе реализации данной деятельности возникают, развиваются и прекращаются соответствующие конституционно-правовые отношения.

Представительность юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ выражается главным образом в том, что она опосредована соответствующими выборами, парламентской демократией, в условиях которой формируется политическая воля народа, возлагаемая на депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и осуществляется законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ самостоятельно.

Государственно-властный характер юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ заключается в том, что: органы, осуществляющие эту деятельность, отнесены законом к органам государственной власти; реализуют законодательную государственную власть; наделены значительным объемом государственно-властных полномочий; издают общеобязательные к исполнению на территории субъектов РФ нормативно-правовые акты (учредительные акты субъектов РФ, законы субъектов РФ и т.д.).

Динамизм юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ выражаются в ее неразрывно связанных друг с другом функциональных и юридических стадиях.

Сущность и специфика функциональной стадии юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ обусловлена ее природой. А в их систему входят общие и дополнительные стадии. К общим функциональным стадиям конституционного производства можно отнести: подготовку вопросов ведения законодательных представительных органов государственной власти субъектов РФ к рассмотрению по существу; рассмотрение вопросов ведения законодательных представительных органов государственной власти субъектов РФ по существу; принятие решения по вопросам ведения законодательных представительных органов государственной власти субъектов РФ и его юридическое оформление.

Дополнительные функциональные стадии конституционного производства законодательных представительных органов государственной власти субъектов РФ есть те, которые характерны для отдельного производства, входящего в его структуру.

Стадии логической последовательности юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ – есть обособленная совокупность мыслительных операций депутатов и иных их лиц законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, протекающих во времени и направленных на правовое разрешение тех вопросов, которые возникают в ходе реализации полномочий законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, а также норм права, регулирующих деятельность этих органов.

Все мыслительные операции депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ как и мыслительные операции лидирующих субъектов других юридических процессов, направлены на осознание самого факта возникновения юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, идут к норме права, снова возвращаются к факту, о котором было сказано, и лишь после установления связи между фактом и нормой права моделируется в

соответствующее решение законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.

Специальное правовое регулирование юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Оно призвано с разной степенью детализации закреплять общие положения конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (его цели, задачи, и принципы), а также устанавливать специфику тех производств, из которых оно состоит – учредительного конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, правотворческого конституционного права законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и т.д. Процессуальные нормы, регулирующие юридическую деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, должным образом не кодифицированы и содержатся в большом числе различных по своему наименованию, юридической силе и форме нормативно-правовых актах.

Связь юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ с полномочиями этих органов. Она выражается в том, что названные явления конституционного права друг без друга не существуют. Однако первичным звеном в этой связи являются полномочия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, поскольку они определяют характер юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, а также ее виды и специфику. Что касается юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, то она выполняет по отношению к полномочиям этих органов роль их формы. И в этом смысле имеет самостоятельное юридическое значение.

Таковы основные черты юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Они выражают главное в конституционном производстве законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и вне всякого сомнения должна быть отражена в понятии этого производства. Однако, как уже отмечалось, данное понятие должно быть комплексным, охватывающим не только содержательные признаки конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, но и основные характеристики его формы.

В юридической литературе укоренилось представление о юридической процессуальной форме. При этом, одни авторы призывают отказаться от теории юридической процессуальной формы⁸, а другие – призывают к дальнейшему развитию этой теории⁹.

В разрешении проблемы юридической процессуальной деятельности мы поддерживаем мнение тех ученых-юристов, которые говорят о необходимости дальнейшего ее анализа, хотя бы потому, что вне этой критики остались многие отраслевые определения этой формы.

При исследовании формы юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ будет главным образом исходить из того, что она, как уже отмечалось, как и форма любого явления делится на внутреннюю и внешнюю форму.

Внутренняя форма конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. С учетом положений философии о внутренней форме явления, о которых шла речь выше, а также исходя из действующего законодательства и специфики юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ предлагаем считать внутренней формой конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ процессуальные отношения, складывающимися между участниками этого производства, поскольку они выражают те связи, которые возникают, развива-

⁸ Протасов В.Н. Основы правовой процессуальной теории. – М.: Юридлит., 1991. – С. 25.

⁹ См., напр.: Касумов Ф.З. Конституционные основы юридического процесса // Советское государство и право. 1981. № 3. – С. 138.

ются и прекращаются в этом производстве, а также придают ему необходимую целенаправленность и упорядоченность.

Как автономное явление конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ его процессуальные отношения, характеризующиеся как и иные процессуальные отношения своим назначением, фактической юридической основой, а также структурой. Названные признаки придают относительную самостоятельность отношениям конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и в совокупности с другими его компонентами обеспечивает выполнение задач, стоящих перед их участниками.

Внешняя форма конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. На наш взгляд, эта форма выражается в соответствующих процедурах. Данный вывод основан на мнении ученых-юристов, которые прямо относят процедуры к форме юридического процесса¹⁰. Кроме того, он полностью соответствует положениям философии о форме явления и позволяет с учетом уже имеющегося опыта исследования процессуальной формы отнести к внешней форме конституционного производства законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ его процедуры и понимать под ним порядок реализации юридической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и отношений, складывающихся в этом производстве.

С учетом сказанного, под конституционным производством законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ можно понимать конституционно-правовую, представительную, государственно-властную, динамичную, урегулированную соответствующими нормами конституционного права деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, направленную на своевременное разрешение законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ вопросов, отнесенных к их ведению законом и издание в ходе этого разрешения законных, справедливых и объективно необходимых для развития личности, общества и государства по пути демократии и свободы правовых актов, а также отношения и процедуры этого производства.

Список литературы

1. Белкин А.А. Избранные работы 90-х годов по конституционному праву. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003.
2. Бобылев А.И., Горшенев Н.Г., Ивакин В.И. Исполнительная власть России: теория и практика ее осуществления. – М., 2003.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учебное пособие. – М., 1998.
4. Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. – М.: Норма, 2003.
5. Волкова Н.С., Хабриева Т.Я. Правовые позиции конституционного суда Российской Федерации и парламент. – М.: Норма, 2005.
6. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1982.
7. Касумов Ф.З. Конституционные основы юридического процесса // Советское государство и право. 1981. № 3.
8. Лукьянчикова Е.Ф. Производство по принятию нормативных правовых актов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ: дис. ... на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. – Белгород, 2009.
9. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Норма, 2003.
10. Овсепян Ж.И. Конституционное судебно-процессуальное право у истоков отрасли права // Правоведение. 1999. № 2.
11. Протасов В.Н. Основы правовой процессуальной теории. – М.: Юридлит., 1991.
12. Руткевич М. Диалектикемкий материализм. – М., 1973.
13. Элькин П.С. Категории содержания и формы в сфере уголовно-процессуального регулирования. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979.
14. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

¹⁰ См., напр.: Бобылев А.И., Горшенев Н.Г., Ивакин В.И. Исполнительная власть России: теория и практика ее осуществления. – М., 2003. – С. 103.

TO THE QUESTION OF CONCEPT OF THE CONSTITUTIONAL PRODUCTION OF LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) PUBLIC AUTHORITIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS SCIENTIFIC CATEGORY

V. SAMSONOV¹⁾
E. SAMSONOVA²⁾

*Belgorod State National
Research University*

¹⁾*e-mail: Samsonov@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: Samsonova_E@bsu.edu.ru*

On the basis of the theory of legal action and legislation the article considers constitutional symptoms of the production of legislative (representative) bodies of state power of subjects of the Russian Federation.

Key words: legal process of the Constitutional process, constitutional law, the production legislative (representative) bodies of state power of subjects of the Russian Federation, legal work legislation, observational (representative) bodies of state power of RF subjects, procedural relations legislation, observational (representative) bodies of state power of subjects the Russian Federation.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК. 316.4 (075)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

В.П. БАБИНЦЕВ¹⁾
М.П. КУРКИНА²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Babintsev@bsu.edu.ru*

*²⁾ Курский
государственный
медицинский универси-
тет*

*e-mail:
KurkinaMP@kursksmu.net*

В статье исследуется многозначность определения термина «потенциал» и его толкование в энциклопедических источниках, работах ученых. Определено, что широкая трактовка данного понятия позволяет применять его в разных познавательных направлениях в различных интерпретациях в зависимости от специфики отрасли научного знания, однако общим для всех определений остается понимание «потенциала» как совокупности накопленных содержательных качеств объекта, которые могут быть целенаправленно реализованы в определенных условиях, а также усовершенствованы.

Анализ научных теорий в исследовании социально-экономической сферы и проблем человеческого развития свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению феномена «человеческий потенциал». Методология категориального подхода к определению предмета и метода науки человеческого потенциала позволяет применительно к практике рассматривать параметры эволюционного роста общества в контексте развития и повышения эффективности управления воспроизводством человеческого потенциала страны (региона).

Ключевые слова: потенциал, человеческий потенциал, воспроизводство человеческого потенциала, социальное управление регионом, категория, категориальный подход, социальные технологии воспроизводства человеческого потенциала.

Этимология термина «потенциал» исходит как производное от слова «потенция». Согласно словарю иностранных слов «потенция» (лат. *potentia* – сила) – это возможность, способность к проявлению¹. Аналогично в этимологическом словаре понятию потенциал дается определение заимствованного в латинском языке от *potentialis* – буквально «сила» или «могущий быть»².

Многозначность определения данного термина очевидна при исследовании его толкования в энциклопедических источниках.

В основе распространенного понимания дефиниции «потенциал» представляется совокупность средств для реализации возможностей в направлении достижения какой-либо цели.

¹ Словарь иностранных слов. Комлев Н.Г. – М., 2006. – С.314

² Этимологический словарь русского языка / Ред. Шаинского Н.М.-М., 1994. – С. 678.

Определение потенциала вообще в энциклопедических источниках представлено как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы и использованы для достижения определенной цели»³.

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается следующее определение потенциала: «...степень мощности в каком-нибудь отношении, совокупность каких-нибудь средств, возможностей...»⁴ В экономическом словаре А.Н. Азрилияна под потенциалом предлагается понимать совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области⁵. Миско К.М. рассматривает потенциал как предел человеческих познаний внутренних, скрытых возможностях результативного использования изучаемого объекта, которые могут быть количественно оценены и, в конечном счете, реализованы при идеальных условиях практической деятельности⁶.

Самая распространенная трактовка потенциала предоставлена определением как "источника возможностей, средств, запаса, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи или достижения определенной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области"⁷.

Заслуживает внимания подход Т.Г. Храмцовой к определению «потенциала». В ее интерпретации: «потенциал – это не только и не просто количество ресурсов, но и заключенная в них возможность развития системы в заданном направлении»⁸.

Таким образом, понятие потенциала в научной литературе отличается многозначностью в зависимости от отраслевой принадлежности в изучаемой научной области, и отличается дискуссионностью определения, что изначально предопределяет неопределенность и несистематичность, а, следовательно, недостаточность теоретического анализа.

Широкая трактовка понятия позволяет применять его в разных познавательных направлениях в различных интерпретациях в зависимости от специфики отрасли научного знания, однако общим для всех определений остается понимание «потенциала» как совокупности накопленных содержательных качеств объекта, которые могут быть целенаправленно реализованы в определенных условиях, а также усовершенствованы.

По нашему мнению, каждое определение раскрывает сущность категории «потенциал» в дискретном выражении, характеризуя лишь одно его свойство, упуская тот факт, что потенциал любого объекта – динамическое образование, реализующиеся в конкретном пространстве и времени.

Кроме того, в различных определениях потенциала нет противоречивости, так как в них представлены, на наш взгляд, его различные сущностные характеристики, интеграция которых в единый целостный процесс проявляют потенциал как категорию научного знания. Каждой сущностной характеристике соответствует стадия процесса развития, который в научной литературе подразумевает воспроизводственный процесс (табл. 1).

Таблица 1

Потенциал как категория в научном знании о развитии

Сущностные характеристики потенциала	Стадии потенциала в процессе развития
Энергия, сила, мощность	Формирование, накопление
Способность	Проявление, осознание
Средство	Реализация
Резерв	Совершенствование
Возможность	Расширение

³ Большой энциклопедический словарь М.: АСТ, 2009. – С. 569.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2010. – С. 717.

⁵ Большой экономический словарь / под. ред. А.Н. Азрилияна. – 2-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 1997- С. 697.

⁶ Миско К. М. Ресурсный потенциал региона (теоретические и методологические аспекты исследования) / К. М. Миско. – М.: Наука, 1991. – С. 15

⁷ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 843.

⁸ Храмцова Т.Г. Методология исследования социально-экономического потенциала потребительской кооперации : Дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 : Новосибирск, 2002 – С. 74.

Исследование сущностных характеристик потенциала как категории в научном знании о развитии позволяет проследить их кругооборот в динамичных стадиях эволюционного процесса:

- потенциал как сила характеризует определенное динамичное качество объекта или субъекта, сформированное и (или) накопленное в настоящем или в прошлом;
- потенциал как способность – это уже внутренняя сила, энергия готовая к проявлению, проявляющаяся, осознающаяся субъектом через резонанс в окружающей действительности;
- потенциал как средство для реализации своих качеств через проявление способностей;
- потенциал как резервный запас не проявленных, скрытых способностей и средств для дальнейшего развития, совершенствования системных характеристик и качеств;
- потенциал как возможность позволяет объекту или субъекту стремиться к расширению собственной реализации во внешней среде и «рост изнутри», саморазвитие через познание самого себя.

Таким образом, по нашему мнению, потенциал выражает систему свойств и качеств объекта, подлежащих и способных к развитию, а также к практическому воплощению в конкретных результатах развития (материально и нематериально проявленных), что позволяет судить о степени реализации потенциала в конкретных условиях.

Потенциал, выступая в единстве пространственных и временных характеристик, концентрирует в себе одновременно три уровня связей и отношений:

- во-первых, отражает прошлое, т.е. представляет собой совокупность свойств, накопленных системой в процессе ее становления и обуславливающих ее возможность к функционированию и развитию;
- во-вторых, характеризует настоящее с точки зрения практического применения и использования наличных способностей. Это позволяет провести различие между реализованной и нереализованной возможностями;
- в-третьих, ориентирован на развитие (будущее): в процессе проявления способностей, они не только реализуются, но и возможно их обновление, совершенствование, расширение. Представляя собой, единство устойчивого и изменчивого состояний, потенциал содержит в себе в качестве "потенции" элементы будущего развития и воспроизводства.

Анализ научных теорий в исследовании социально-экономической сферы и проблем человеческого развития свидетельствует об отсутствии единого подхода и к определению феномена «человеческий потенциал».

Интерес к данной проблематике впервые появился во второй половине XX века в специальной и научной литературе в результате осмысления ценности человеческой жизни, последствий активности человека в природной среде, в результате оценки состояния здоровья человеческого сообщества в процессе развития цивилизации.

Понятие «человеческий потенциал» все чаще используется в современной литературе как более исчерпывающее в смысловой интерпретации, чем такие понятия, как «человеческие ресурсы», поскольку оно позволяет давать комплексную характеристику социально – экономических, социальных, культурных, экологических и других условий жизни человека, а также реализации его возможностей. Вместе с тем существующие подходы к определению конкретного содержания понятия порождают немало проблем.

Так, под человеческим потенциалом понимают «накопленный запас здоровья, общекультурной профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской, гражданской ответственности, реализующийся в сфере деятельности и в сфере потребления на основе рыночных и нерыночных механизмов»⁹. Но определение человеческого потенциала как накопленного запаса сужает смысловую нагрузку, характеризуя его статично, по аналогии с материальными ресурсами.

Более близким концепции человеческого развития является, по нашему мнению, определение человеческого потенциала как системы физических и духовных сил челове-

⁹ Соболева И. В. Воспроизводство человеческого потенциала : теория, методология, приоритетные направления : автореферат дис. ... доктора экономических наук : 08.00.01 / Ин-т экономики РАН – Москва, 2006. – С. 9.

ка, отдельных социальных групп и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышения качества жизни индивида. Представление о совокупности способностей и сил человека, группы и общества в качестве системы, позволяет рассматривать реальные и скрытые потенции человечества в саморазвитии с системных позиций.

Таким образом, два подхода (ресурсный и потребительский), получившие развитие в конце 20 века, в рамках научных представлений о сущности человеческого потенциала, иллюстрируют полярные точки зрения в отношении данного феномена.

Первый, сформулированный в русле, так называемой социалистической экономики, исходит из того, что человеческий потенциал – это одна из важных ресурсов экономического состава народного хозяйства страны, непосредственно связанных с функционированием производства и ускорением НТП. Данный подход получил название ресурсного и раскрывал значение человеческого потенциала через понятие «рабочей силы». Ценность человека рассматривалась через его производительного труда пользу для государства. В дальнейшем в рамках потребительского подхода в США появилась концепция экономического роста, в основе которой лежало представление о благосостоянии населения достигнутом путем расширенного производства товаров и услуг для максимального удовлетворения потребителей и есть конечная цель развития общества.

Таким образом, в разных социально-политических и экономических системах в течение длительного времени среди концепций прогрессивного развития общества доминировали те, в которых основной акцент делался на «производство ради производства», на экономический рост как конечную цель развития человека и всего общества, основу благосостояния населения. Однако в конечном итоге формула "экономический рост" через "развитие человеческого потенциала" не оправдала себя и выразилась в нарастании деструктивных тенденций (поляризация доходов, загрязнение природной среды, рост социально значимых заболеваний и смертности, снижение рождаемости, кризис доверия в обществе).

Поэтому в конце XX столетия наиболее признанной стала концепция развития человеческого потенциала, разработанная экспертами Программы развития ООН (ПРООН), которая ставит в центр общественного прогресса и рассматривает экономический рост скорее как средство, нежели как конечную цель развития человеческого потенциала. Эта концепция с учетом комплексного подхода постулировала, что основными показателями следует считать не только ВВП, но и параметры, характеризующие здоровье, образование и доступ к информации.

Специалисты ПРООН разработали интегральный показатель для определения достижений в сфере базового развития человека: индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Данный показатель положен ООН в основу сопоставительных рейтинговых оценок различных стран по развитию человеческого потенциала.

Он рассчитывается на основе трех показателей:

- долголетия, измеряемого при рождении как продолжительность предстоящей жизни;
- достигнутого уровня образования, определяемого как совокупный индекс грамотности взрослого населения;
- уровня жизни, оцениваемого на базе реального ВВП на душу населения (паритет покупательной способности в долларах США).

Обоснованный таким образом комплексный подход к проблеме развития человека и человеческого общества во многих странах был признан настолько конструктивным и перспективным, что, начиная с 1995 года, издаются национальные доклады о человеческом развитии – в том числе во всех государствах Европейского региона ПРООН.

В концепции ИЧРП уже ключевой является не экономическая ценность человека, выражающаяся в способности к производительному труду, но его саморазвитие через расширение возможностей выбора благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода. Комплексный подход сформулировал понимание человеческого развития как цели и критерия общественного прогресса, а не средства для экономического роста. Его основное преимущество – в определении базовых критериев социального развития (здоровье, образование, уровень жизни), пригодных для количественных измерений и сопоставлений.

Методология управления развитием человеческого потенциала должна строиться на категориальности понятий и явлений действительности. В соответствии с первым признаком категориальности, позволяющим понять фундаментальную основу любого феномена реальности, управление развитием человеческого потенциала рассматривается как результат обобщения исторического развития познания и практики. Осмысление сложившихся на протяжении обозримого исторического прошлого представлений о сущности человеческого потенциала происходит на основе изучения трудов ученых антропологов, философов, социологов, экономистов, их поиска ответов на вопросы в различных отраслях гуманитарного знания: «Что такое человек, и каковы его возможности?», «Какова роль человека в природе?», «Каковы направления и возможности развития человеческого потенциала?».

С учетом сказанного «развитие человеческого потенциала» рассматривается нами в четырех аспектах:

во-первых, как общенаучное понятие, определяющее совокупность условий жизни человека в её социальном, политическом, культурном, духовном, материальном и других аспектах;

во-вторых, как социально-экономическая категория, отражающая уровень потребностей, которые необходимо удовлетворить для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека (как потребителя), и степень их удовлетворения через общественную трудовую деятельность человека (как производителя), а также условия для развития и удовлетворения этих потребностей;

в-третьих, как индикатор эффективности социальной политики, отражающий обеспеченность потребностей (рациональных или минимальных) населения определённого социально-территориального образования;

в-четвертых, как показатель человеческого развития на национальном уровне.

Следующий признак категориальности позволяет рассматривать «развитие человеческого потенциала» как явление или процесс в единстве субъективного и объективного начал, в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей, а также в действии закона возвышения потребностей человека.

Единство формы и содержания (субъективного и объективного начала развития экономических категорий, процессов, явлений) является важным принципом проявления сущности необходимо для сближения теории развитие человеческого потенциала и ее практической реализации, в направлении сохранения общечеловеческих ценностей. В.Соловьев определял человеческую жизнь как способ существования, в котором множественность частей и различие форм данного целого связываются целесообразно известным единством, находящимся в этом целом, а не полагаемым извне.

Таким образом, методология исследования развития человеческого потенциала представляет собой совокупность методов теоретико-практического обобщения сущностных основ исследуемой сферы объективной реальности, выведенных не только из исторического смысла, но и из прикладных и аналитических приемов, устанавливающих взаимодействие ее иерархических составляющих, закономерности их детерминации под воздействием внутренних и внешних факторов. Логическая модель методологии познания развития человеческого потенциала определяет направления научно-практического исследования: от философии и методических оснований до создания концепции качества человеческого развития (рисунок).

Исследование определения социально-экономической категории «развитие человеческого потенциала» в различных источниках показало дискуссионность проблематики, отражающую специфику различных научных направлений.

Как философская категория «развитие человеческого потенциала» отражает идеальное состояние жизнедеятельности на каждый конкретный момент человеческого развития. Научная теория в данном случае формирует функционально-правовые принципы функционирования системы управления развитием человеческого потенциала страны. Функционирование этой системы отражает методы ее взаимодействия с факторами внешней среды и способами управления параметрами развития человеческого потенциала. Механизм реализации этих принципов служит повышению благосостояния общества, устранению социальных противоречий и деструктивных процессов общественного развития.

Рис. Логическая модель познания развития человеческого потенциала

Философия управления развитием человеческого потенциала базируется на этических постулатах и соизмерении, согласовании политических, экономических и общественных интересов.

Как социально-экономическая категория «развитие человеческого потенциала» рассматривается во взаимодействии с экономическими процессами и явлениями, определяя приоритеты государства, сообщества и человека в направлении совершенствования человеческого развития.

Правовая категория (приобретение нормативного статуса как ориентира решений и инициатив социальной политики, общественного развития) формализует систему правовых принципов управления параметрами социального самочувствия общества на основе юридических норм.

Методология категориального подхода к определению предмета и метода науки человеческого потенциала позволяет применительно к практике рассматривать параметры эволюционного роста общества в контексте развития и повышения эффективности управления воспроизводством человеческого потенциала страны (региона).

Осознание системности как одной из важнейших характеристик окружающего мира позволяет рассматривать ее как один из самых универсальных методов познания объективной действительности в целом и сложноорганизованных объектов или систем в частности. Систематика отражает специфику научного поиска глубинного смысла явлений и процессов, имеющих между собой прочные иерархические связи. Научный метод систематики позволяет постичь двойственный смысл явлений, опосредуемых различными экономическими категориями, то есть познать причинно-следственные связи между процессами в борьбе и единстве содержания и формы. Именно этот принцип категори-

альности позволяет в широком аспекте рассмотреть практическое преломление теоретических предпосылок в реальной человеческой деятельности.

Представление о сущности потенциала предопределяет подход к его оценке, измерению и управлению. Действительно, когда потенциал рассматривается как совокупность ресурсов, его оценка заключается в установлении качественных и количественных характеристик значений отдельных видов ресурсов, причем их взаимное влияние не учитывается и не измеряется. Когда речь идет о системе ресурсов, то характеристики ее отдельных составляющих должны дополняться показателями, описывающими систему в целом.

Можно согласиться с определением Л.Абалкина, что человеческий потенциал обобщенная собирательная характеристика ресурсов, привязанных к конкретному месту и времени, структура которых характеризуется различными компонентами: демографической; образовательной; трудовой; культурной; духовно-нравственной; а также компонентой здоровья. Однако следом за экономическим аспектом в социальном управлении актуализируется социально-технологический аспект, детерминирующий способы и методы формирования или (и) совершенствования специальных социальных практик и социальных технологий воспроизводства.

Определяющими точками для анализа и влияния органов исполнительной власти региона на формирование демографического, трудового, производственного и духовного потенциала общества являются показатели качества жизни, уровня жизни, образа жизни людей как наиболее значимые в оценке воспроизводства человеческого потенциала.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов. Комлев Н.Г. – М., 2006. 672 с.
2. Этимологический словарь русского языка / Ред. Шаинского Н.М.-М.: 1994. 1023 с.
3. Большой энциклопедический словарь М.: АСТ, 2009. 1020 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2010. 944 с.
5. Большой экономический словарь / под. ред. А.Н. Азрилияна. – 2-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 1997. 864 с.
6. Миско К. М. Ресурсный потенциал региона (теоретические и методологические аспекты исследования) / К. М. Миско. – М.: Наука, 1991. 94 с.
7. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1058 с.
8. Храпцова Татьяна Георгиевна. Методология исследования социально-экономического потенциала потребительской кооперации : Дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 : Новосибирск, 2002 410 с.
9. Соболева И. В. Воспроизводство человеческого потенциала : теория, методология, приоритетные направления : автореферат дис. ... доктора экономических наук : 08.00.01 / Ин-т экономики РАН – Москва, 2006. 46 с.

HUMAN POTENTIAL AS A SCIENTIFIC CATEGORY

V.P. BABINTSEV¹⁾
M.P. KURKINA²⁾

¹⁾ *Belgorod National
Research University*

*e-mail: @ Babint-
sev@bsu.edu.ru*

²⁾ *Kursk State
Medical University*

*e-mail:
KurkinaMP@kursksmu.net*

This article was written to explore the polysemy of the term “potential” and its definitions that are given in encyclopedic articles and scientists’ works. Certainly, wide definition of this notion let us use it in different cognitive directions and interpretations according to the specific character of the scientific field but the common idea of all these definitions is that the “potential” is a total of cumulative and substantial features of an object that can be actualized and modified in specific conditions.

There are a lot of theories in the investigation of the scientific sphere and problems of the human development and it shows that there is no any unique approach to the definition of “human potential”. The methodology of the categorical approach to definition of the subject and the scientific research method of the human development let us view in practice a characteristics of the society evolution within the framework of development and control efficiency increase of the human potential reproduction in the region.

Key words: potential, human potential, human potential reproduction, social management of a region, category, categorical approach, social technologies of the human potential reproduction.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ПРАКТИКАХ ИСТОРИЗАЦИИ И МЕМОРИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КИНОДИСКУРСА 30-Х ГГ. XX ВЕКА)*

О.С. БОРИСОВА¹⁾
С.Н. БОРИСОВ²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу символического насилия в дискурсе советского кинематографа 30-х гг. XX века. Обосновывается тезис о де-формационном воздействии кинематографа в практиках историзации и меморизации.

Ключевые слова: символическое насилие, кинематограф, репрезентация, событие, дискурс.

Ключевым для понимания рассматриваемых нами явлений является слово инверсия, которое происходит от латинского *inversio*, означающего переворачивание или перестановку, нарушение обычного порядка. На наш взгляд именно такая характеристика применима к 30-м годам XX века в России. Их нельзя назвать контрреволюцией, несущей смысл обратности произошедшего события и нагруженного политическими значениями. Но, в то же время, этот период связан с отрицанием революции, выражавшейся в ее меморизации, апроприации ее энергии в нарративе, образе, средствами литературы и кино. И это был не только управляемый и сознательный процесс, но также бессознательный, затрагивающий и сферу повседневности, приватности, экзистенции человека. 30-е были итогом революции, ее внутренняя логика развития как события сводилась к самоисчерпанию, не просто окончанию в силу прекращения и затухания позитивистски понимаемых движущих сил, но именно по причине логики развития события, когда революция отрицает сама себя¹. Здесь следует согласиться с А. Бадью в его трактовке «верности» событию как его продолжению в субъекте, событию репрезентации, но дополнить идею, высказанной Артемием Магуном о том, что: «... событие требует не только верности, но и определенного рода неверности... верность событию заключается в неверности этому же событию»². Неверность событию, его «переворачивание», инверсия разворачивается в 30-е годы в культуре в целом и кинематографе в частности.

Если по своей сути происходящие процессы были инверсивны, переворачивая событие революции, устраняя и сужая множественности, то инструментально, они были связаны с меморизацией и историзацией. Не случайно к этому времени кинематограф «заговорил», перестав быть «великим немым». Возникает жанр историко-революционного фильма, меняется стилистика киноискусства, композиция кадра, монтаж. Но в целом происходит вторжение истории в кино, связанное с присвоением или апроприацией революции официальным «образом» и далее памятью.

Безусловно, история как прошлое связана с событием репрезентации как продолжением самого события в образе, однако эта связь носит сложный характер, поскольку связь истории и фильма можно трактовать как: «... прошлое, конструируемое и обслуживаемое властью, стремящейся вернуть опыт прошлого..., оформив его в литературном нарративе. В эпоху медиальной революции литература трансформируется в фильм, кото-

* Статья подготовлена при поддержке внутривузовского конкурса грантов БГИИК (проект ВКГ-1202-б)

¹ Магун А. Отрицательная революция. СПб., 2008. – С.137.

² Там же. – С.163.

рый, в свою очередь, порождает (или преобразует) исторический образ»³. То есть «неверность» событию действует посредством истории, исторического дискурса, который выстраивает «правильные» последовательности событий в нарративе. Иначе событие становится историческим событием в повествовании, которое уже не есть категоричный разрыв и невозможность возврата⁴.

Поскольку: «...через присвоение объектов присваивается и их историческая коннотация»⁵ – кино выступает как инструмент «забвения», «без-памятства». Это возможно благодаря тому, что событие не сводится к реальности как аутентичному и достоверному опыту, а событие репрезентация это вторжение идеи революции. Реальность соотносится с ним как Символическое и Реальное у Ж. Лакана относительно «зрителя» рефлексивного, познающего субъекта. Поскольку (речь идет в восприятии) реальное есть утраченный и травматичный опыт (а по Лакану и вовсе недоступный для рефлексии), оно замещается символическим, то есть образами кинематографа, нарративами литературы и проч. Таким образом, историко-революционный фильм как жанр имеет своей целью забывание и увековечивание (это противоречивая пара отражение логики самоисчерпания события).

Апроприация, присвоение события и события-репрезентации с помощью события-репрезентации происходит в форме демонстрации (ритуальной, предписанной, за-протоколированной). В этом контексте историко-революционное кино 30-х имеет четкую идеологическую установку легитимации существующего строя через обращение к революции как источнику легитимности, но также метафизическую составляющую, сводящуюся к присвоению события при «пособничестве» события репрезентации. Это своеобразная замена травматичного опыта физического насилия в годы революции насилием символическим⁶.

Естественный субъект революции «обрастает» тканью-нарративом истории, а значит и идеологии. Однако стоит оговориться, что называемая нами историзация не была связана с историей как объективно прошедшим. Преподносившись таковой она была синкретичным сочетанием науки и мифа. Являя собой конструкт, она была не только создана и навязана «сверху», но также востребована и ожидаема снизу», как пишет В.П. Римский: «В мифологических компонентах тоталитарного духа скрыта и тайна притягательности тоталитаризма для обывденного сознания, для «простого человека», бегущего от бремени свободы в объятия коллективного «отца», в «материнское лоно» коллективности»⁷.

В тоталитарном мифотворчестве в единое целое переплавлялись элементы народной религиозности, сектантских представлений. Представления революционной субкультуры, русского «подпольного человека» были лишь частью, задавали принцип отбора входящих элементов опять-таки по принципу переворачивания, инверсии. Поэтому традиционно сакрализованные элементы профанизируются, а профанное сакрализуется. Нарождающиеся культурные формы переворачивали старые, как пишет М. Рыклин: «вместо того чтобы отмереть, религия изменила форму, трансцендентное, утратив потусторонность, стало имманентным. Мир как бы сплюснулся; его измерение, доселе считавшееся производным и тварным, эмансипировавшись от Творца, было наделено невиданной потенцией искушения»⁸. И во многом стоит согласиться с этим утверждением, но возникший в ходе революции универсум был не более простым, чем мир старый. Опрокинутость традиционной иерархии трансцендентного создавало феномены светской ре-

³ Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008. – С.7.

⁴ Наша концепция революции как события более полно представлена в статье «Антропология революции: методология анализа события и кино-репрезентации» // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 20(115). Вып.18 – С. 248-253.

⁵ Там же. – С.20.

⁶ В своей трактовке символического насилия мы отталкиваемся от работы С. Жижика О насилии. М., 2010.

⁷ Римский В.П. Тоталитаризм как социокультурный феномен. Дис. на соискание уч. ст. д.филос.н. Ростов-на-Дону. 1998. – С.306.

⁸ Рыклин М. Коммунизм как религия М., 2009. – С.18.

лигиозности подобной культу В.И. Ленина. Во всем действовал принцип переворачивания или логика антисистемы⁹.

Это происходило и по той причине, что нарушение традиционных, сложившихся и привычных стереотипов, ценностей, норм поведения и учреждение новых принуждали человека к поиску ориентиров. Возврат «назад», обращение к фольклору и традициям, включение элементов традиционной культуры в формирующийся символический универсум и было историзацией. Историзация как одна из форм символического насилия была обусловлена стремлением «естественного» человека, человека массы сузить тот план возможностей, горизонт имманентности, который был ему предоставлен событием революции.

Если тоталитаризм есть «бегство от свободы», по утверждению Э. Фромма, то ее избыток, который был дан революцией, поглощается уже в 30-е годы. Фромм пишет: «Когда нарушены связи, дававшие человеку уверенность, когда индивид противоится миру вокруг себя как чему-то совершенно чуждому, когда ему необходимо преодолеть невыносимое чувство бессилия и одиночества, перед ним открываются два пути. Один путь ведет его к «позитивной» свободе; он может спонтанно связать себя с миром через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей; таким образом он может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного «я». Другой путь – это путь назад: отказ человека от свободы в попытке преодолеть свое одиночество, устранив разрыв, возникший между его личностью и окружающим миром. Этот второй путь никогда не возвращает человека в органическое единство с миром, в котором он пребывал раньше, пока не стал «индивидом», – ведь его отделенность уже необратима, – это попросту бегство из невыносимой ситуации, в которой он не может дальше жить»¹⁰.

Но даже труд и творчество, как оказалось, не являлись панацеей от соблазнов тоталитаризма. И. Голомшток в своей работе «Тоталитарное искусство» на примере авангарда и футуризма это показал. Замена этих направлений в искусстве реализмом, практически одновременно происходившая в России, Германии и Италии была закономерно. Поскольку реализм, казалось бы призванный отражать наличествующую реальность, более подходил для создания иллюзорного мира и мифа тоталитаризма. Именно реализм своими художественными средствами более подходил для манипуляции, как о том пишет Ж. Делез: «Популярное же и пролетарское искусство характеризуется тем, что принимает рабочих за идиотов. В сущности вводит в заблуждение всегда та литература, что интерпретирует знаки в соответствии с называемыми ими предметами (наблюдение и описание), что окружена псевдообъективными гарантиями свидетельств и сообщений (разговор, расследование), что смешивает смысл с понятным, ясным и сформулированным значением (возвышенные сюжеты)»¹¹. И это суть антропологического перехода от авангарда к реализму в его соцреалистическом изводе.

Становящийся доминирующим реализм стоит брать в кавычки, поскольку по меткому замечанию Ж. Делеза «идиотизм» или наивность «рабочего», естественного человека культивировалась знаково-символически. Реализм историко-революционного фильма был основан на последовательно выстроенном повествовании с четко определенными, даже выпуклыми бинарными оппозициями свой – чужой. Перед глазами зрителя разворачивалась цепь событий, которые не требовали дешифровки или подтверждения, ответы находились сами собой, подкреплялись эмоциональным сопереживанием «своим», справедливым, правильным.

Важным вопросом при анализе кинодискурса 30-х гг. будет являться их статус или соотношенность с событием репрезентации революции. Тематически они революционные, но само название жанра (историко-революционный) уже отрицает событийность,

⁹ Римский В.П. Тоталитаризм как социокультурный феномен. Дис. ... д-ра филос.н. Ростов н/Д., 1998. – С. 307-308.

¹⁰ Фромм Э. Бегство от свободы М. 2001. 288с./ URL: <http://www.philosophy.ru/library/fromm/02/7.html> (дата обращения: 22.08.2011)

¹¹ Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. – С.59.

которая вытесняется историчностью. Нам представляется, что основной вопрос в том, действует ли через них событие как разрыв прежней системы и невозможность возврата, или они есть ограничение и присвоение события средствами политики (предписания) и истории (меморизация), суть символическое насилие над реальностью. В антропологическом смысле событие конструирует субъекта посредством само-конструирования в сложном процессе соотношения себя с Другим, другими, объектами. Инверсия этого процесса будет состоять в замене само-конструирования конструированием, внешним воздействием, принуждением, насилием.

В этой связи уместно вспомнить идею Ф. Джеймсона и С. Жижека о реификации раскрывающую процесс субъективации как определение себя путем обращения к Другим, причем вымышленным, таким как партия, народ, класс¹². И если в фильмах Вертова (Кино глаз) или Эйзенштейна (в меньшей степени) субъект растворен в объекте, авторитетные другие не присутствуют явно, то в фильмах 30-х реифицированные основания представлены в полной мере. Кинематограф создает новую формацию людей целенаправленно, естественный субъект уступает место субъекту историческому, а значит и политическому. Но наряду с субъектом конструируется и объект: «... в процессе легитимации власти конструируется не только субъект власти, но и ее объект. «Диалектический синтез» должен состояться, как и положено, через «тезис» и «антитезис». Субъект и объект власти, перманентно производя один другого, оказываются намертво связаны: эта власть не может существовать без такого субъекта («Народа»), но и сам этот субъект («Народ») не может состояться и существовать вне этой власти...»¹³.

Взаимопорождение власти и субъекта осуществляется посредством искусства, которое есть медиум, посредник. Кинематограф выступает своеобразной «машиной» преобразования или перекодирования смыслов, но также «живого» события в норму и стереотип, чувства в предписание и образец. Но на этом его функциональность не заканчивается, поскольку сам фильм, претендуя на статус исторического, приобретает значение свидетельства, революция из события, чувства и переживания становится образом, самодостаточным и идеологически выверенным. Биографический фильм как жанр, возникший в 30-е гг., есть замечательный пример таких трансформаций или мифологизации революции. Примером может служить фильм «Чапаев», снятый братьями Васильевыми в 1934 году. Причем в строгом смысле самого понятия «революционное кино», этот фильм таковым не является, поскольку события, в нем изображаемые касаются гражданской войны. Здесь есть интересный момент наложения или совмещения революции и последующих событий гражданской войны, отождествлявшихся в сознании зрителя и раздвигавших рамки самой революции. Даже в нашем восприятии, взгляде с позиции современности, отдельной репрезентации гражданской войны в фильмах 30-х не существует. И «Броненосец Потемкин» и «Чапаев», «Депутат Балтики», «Выборгская сторона» есть «революционное кино», складывающаяся мифология революций 1905, 1917 гг.

В работе Евгения Добренко, который объясняет это сутобо практическими потребностями власти в легитимации путем обращения к революции, есть указание на этот момент двойственности, когда тот же «Чапаев» часть «мифа Октября» и в то же время не соответствующее ему: «проблема, однако, состояла в том, что Октябрьский миф, каким он сформировался к началу сталинской эпохи, был сконцентрирован на создании главного события революции (подобно штурму Бастилии). Тогда как на самом деле «слушатели» не пережили этого наполовину мифического события, состоявшего из захвата власти в столице. Зато все пережили Гражданскую войну... сутобо репрезентационная проблема Октября состояла в отсутствии фокусной точки... Это центральное событие нужно было изобрести...»¹⁴. Таким образом с одной стороны мифология революции нуждалась в центральном событии, подобном «взятию Зимнего», тем более позволяющему провести очевидные параллели со взятием Бастилии, с другой стороны миф нуждался в сопережива-

¹² См. Fredric Jameson *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. N.Y., 1981., Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М., 1999.

¹³ Добренко Е. *Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив*. М., 2008. – С.72.

¹⁴ Там же. – С.382-383.

нии, то есть самом событии, пусть и события репрезентации. Но поскольку чувство было конструктом и его стремились навязать, возникает противоречие. Доступный и одновременно травматичный опыт Гражданской войны подпитывал, но и противоречил мифу основания, то есть мифу революции.

Как мы уже отмечали, такой картиной был «Чапаев», выпущенный в прокат 7 ноября 1934 года в день семнадцатой годовщины революции. Эту картину с полным правом можно назвать народной, но в том смысле, что в ней народ, а мы можем сказать «человек массы» или «естественный субъект», увидел себя. С экрана смотрел тот другой, который был нужен, требовался. Это было уже не вертовским (Д. Вертов) экспериментом по отождествлению субъекта и среды, человека и машины. Не опыт С. Эйзенштейна по растворению субъекта в окружающем, отождествлении с природой или естественными силами. Главный герой, часто показываемый крупным планом (в отличие от массовых и общих кадров Эйзенштейна), сообщающим интимность, близость, был практически одним из сидящих в зале. Другой с экрана был «из народа», почти неграмотный (достаточно вспомнить момент с незнанием полководца Александра Македонского или фразу «Я академий не кончал»). Но вместе с тем наделенный мужицкой смекалкой, отвагой и чувством справедливости.

Этот почти тот же «естественный субъект», изображенный Эйзенштейном в «Броненосце Потемкине», но уже совершенно другой. Отличие в том, что он вмещает в себя стихию революции, разрушительную ее энергию, ломающую стереотипы и рамки (например в эпизоде о требовании Чапаева выдать коновалу документы врача он поначалу автономен и естественен, признаком чего является гнев, ненормативное поведение), но его стихия сталкивается с «комиссаром», фигурой другого, имеющего целый ряд важных значений. Это мудрость (советы даваемые комиссаром всегда верны), знание (комиссар образован и воспитан, знает больше чем Чапаев) и авторитет партии. Последнее нуждается в пристальном внимании, поскольку фразы «комиссара» (мы заключаем это слово в кавычки, считая что персонаж комиссара – Фурманова есть фигура, где значение «фигура» восходит к латинскому *figūra* – образ) делают его типичным, собирательным образом. Или, более метафизически, «пустой фигурой», не столько наделенной личными качествами, сколько выполняющей функцию передачи, трансляции знания и воли партии. Здесь «комиссар» не столь человек, сколь «оракул», медиум, вещающий от имени Другого, партии, наставляющей и образующей «естественного субъекта» Чапаева (тоже изображенного типизировано, подобного другим героям революции).

Практически так же описывает эволюцию образа кинематографа 30-х годов О. Булгакова, обозначая героя 20-х как «витального» или «стихийного». Анализируя техники тела, жесты, она пишет: «Признаки истеричности и неврастеничности, сохраняющиеся в начале двадцатых (потеря самоконтроля в аффекте, стихийное проявление темперамента) уступают место сдержанному жестовому поведению. Катерина Кларк предложила парадигму «стихийность – сознательность» как базисную оппозицию социалистического метанарратива, анализируя ее в романах двадцатых годов: «Цементе» и «Чапаеве». На экране переход от анархического проявления темперамента к сдержанному актуализируется только в тридцатые годы»¹⁵. Это отчетливо видно в сравнении жестов героев картин «Броненосец Потемкин», подвижных мезаньем, активно и беспорядочно жестикулирующих, и героев «Ленина в Октябре», проявляющих эмоции сдержанно. Причем последнее (жестовое и эмоциональное поведение) маркирует пространство по линии свой – чужой, поскольку излишняя эмоциональность, обильная жестикуляция свойственны в фильме представителям «старого режима». Таким утрированно эмоциональным выглядит Керенский, образ которого явно отсылает к канону ушедших двадцатых. Ленин же наоборот сдержан, эмоции передаются быстрой походкой. Но дело не только в эволюции «языка кино», изобразительных средств и телесных практик, как нам представляется, символ следовал за событием. «Витальный» или естественный субъект революции (который мог вести себя аффективно) вытесняется субъектом «политическим», соотносящим свои действия, жесты, слова с предлагаемым Другим, реифицированными основаниями.

¹⁵ Булгакова О. Фабрика жестов. М., 2005. – С.221.

Необходимость для зрителя этого другого, самого мифа революции или истории, равно как и необходимость его для власти находит подтверждение в словах советских критиков, ясно выражавших свою поддержку новому кинематографу 30-х и отвергавших эксперименты 20-х годов. Сколь бы идеологизированными и предвзятыми они не были, им нельзя отказать в чувстве времени, необходимости руководства, наставничества, а с нашей позиции коррекции человека, изменении вектора субъективации. Слова советской критики приводит Е. Добренко и они были высказаны по поводу выхода фильма «Чапаев»: «они убедились, что на путях «монтажа аттракционов» и живописно-монтажных конструкций не может быть искусства, нужного народу. Васильевым стало ясно, что зрителя не интересуют произведения, лишенные живых человеческих характеров, что зрителя способен волновать лишь тот фильм, в котором есть кого любить и ненавидеть»¹⁶.

Слова критиков точны в том смысле, что очень точно намечают основное, «фильмы в которых есть кого любить и ненавидеть», фраза весьма показательна тем, что соотносится с утверждением Славоя Жижека о том, что кино не показывает нам чего желать, оно лишь стимулирует желание и говорит нам «как желать». Необходимость в эмоциональном сопереживании, простом чувстве понятного героя и к этому герою и есть это «как желать». Враги от картины к картине могут меняться, они будут внешние и внутренние, тайные и явные, но конфигурация желания от этого не меняется.

Каковы они, их описание мы можем найти в работе В.П. Римского, описывающих хронотоп тоталитаризма, но это и есть универсум образованный желанием пост-революционного субъекта, субъекта историзированного или политизированного: «Тоталитарный космос с необходимостью оформлялся в специфическом пространственно-временном континууме. При этом тоталитарное пространство и время столь же тесно взаимосвязаны, как и любое мифологическое пространство-время. «Новый мир» изначально символически воплощается в уникальном хронотопе. Тоталитарное пространство прежде всего строится по все той же универсальной псевдоэтнической схеме «мы – они»: «первое пролетарское государство» или «Третий Рейх» олицетворяют собой «мировой центр», «новое пространство». На его границах «тучи ходят хмуро»: там начинается «антимир», «лже-пространство», где «темные силы» все еще «злобно гнетут» пролетариат плетутся сети «жидо-масонского заговора», империалисты вынашивают свои «коварные замыслы». Поэтому границы должны быть на замке, дабы «враги» не проникли на священную территорию и не вступили в сговор с «остатками хаоса» внутри страны, с «врагами народа». Но само тоталитарное сакральное пространство постоянно стремится вовне: несет «светлые лучи» передового «учения», ведет *тайную* борьбу с «мировым империализмом», раздувая «пожар мировой революции».

Тоталитарное пространство символически структурируется, с первых моментов Революции (начало тоталитарного времени) ведет борьбу со старым культурным пространством и космосом. Мы выше отмечали, что сакрализация тоталитаризма осуществлялась за счет традиционной культуры: сакральные центры новой цивилизации строились на месте разрушенных храмов или вторгались, как в случае с Кремлем и Красной площадью, в пространство традиционных святынь.»¹⁷.

Таким образом, не важен объект, важно направления или «качество» желания. Жесткая дихотомия мы – они, черное – белое определяла мышление нового субъекта. Подобная маркировка пространства, мира может быть подтверждена на примере использования цвета в фильме М. Ромма «Ленин в Октябре», выпущенном на экраны в 1937 году, действия в котором на протяжении практически всего фильма происходят ночью, в сумраке и только завершающий эпизод, связанный с провозглашением победы революции и речью В.И. Ленина ярко освещен. В этой картине отсутствие света есть попытка репрезентации свой – чужой, передачи атмосферы заговора и предательства, революции в окружении врагов и главного человека – В.И. Ленина, которому угрожает опасность. Е. Добренко в анализе этого фильма указывает на то, что подобные картины (кроме этого фильма к ним можно отнести «Трилогию о Максиме» и «Великий гражданин» Эрмлера,

¹⁶ Лебедев Н.А. Чапаев //Очерки истории советского кино. М., 1956 . Т. 1. – С. 368 – 414, 371.

¹⁷ Римский В.П. Тоталитаризм как социокультурный феномен. Дис. ... на д-ра филос.н. Ростов на/Д., 1998. – С.340-341.

а также «Ленин в 1918 г.» Ромма) формировали «конспиративное воображаемое». И отметим, что это также определенный способ «желания», формирующий субъекта. На смену интеллектуальному монтажу Эйзенштейна приходит конспиративный, существенно от него отличающийся: «если интеллектуальный монтаж должен был непосредственно экранизировать понятия, то конспиративный – непосредственно экранизировать заговор – его логику, атмосферу, эмоциональную и понятийную ауру...»¹⁸. Оппозиция свой – чужой в этой картине усложняется, по сравнению с «Чапаевым». Здесь враг предстает не только в виде явного, персонафицированного временным правительством, его министрами, юнкерами, казаками, чиновниками и банковскими служащими (в картине они прямо номинируются как враги революции); но также скрытого. Эта роль отведена уже в начале фильма Троцкому, Зиновьеву и Каменеву, а также меньшевикам и эсерам, что соответствовало политической «повестке дня». Миф о революции в своих претензиях на историчность, а значит достоверность, был чрезвычайно пластичен и мог вместить в себя массу противоречивых моментов.

Ведь по своей сути от него и не требовалась историческая объективность, задаваемый вопрос был иной, требовалось направление, знаки, вектор преобразований человеческой природы, избыточной естественности. Причем используемые образы, несмотря на свою очевидность, также имели инверсивную «изнанку». Враги, названные в «Ленине в Октябре» проецировались на современных врагов показательных процессов 1937 года. Ленин, которого все пытаются узнать и никак не могут, позиционируется «обычным», но в то же время уникальным, называется «гением пролетарской революции». Все удваивается, враг внешний и внутренний, враг прошлых лет оказывается современником, неузнанный Ленин находится рядом, он простой и обыкновенный и в то же самое время исключителен. Очевидно, что естественный субъект на пути своей политизации посредством «вхождения в историю» и интериоризации тоталитарного мифа сталкивался с трудностями, поскольку предлагаемый мир был прост, но и сложен одновременно.

Возникает закономерный вопрос о скрепах, наличии каких либо «сквозных» смыслов, практик, связывающих указанные измерения. В картине «Ленин в Октябре» таким феноменом, скорее всего, будет чтение. Ленин пишет письмо, которое читают рабочие на заводе и одновременно солдаты на фронте. Ленин, взятый в своей ипостаси Вождя, проникает сквозь все измерения посредством слова. Картина заканчивается устной речью вождя и на протяжении всего фильма сопровождается письменной. Не случайно временное правительство лишено возможности говорить, будучи оставленным без связи в Зимнем дворце. Но письмо тесно связано и с образованием, поскольку на всем протяжении повествования Ленин выступает не только как вождь, но и как учитель. Фигура товарища Василия показательна как иллюстрация разворачивающегося политико-педагогического действия, сценарий которого идет от фигуры рабочего Василия к остальным рабочим, солдатам, матросам и всем.

Естественный субъект подражает (Ленин, как пример или замещающая его фигура комиссара/партии) и учится, но также и поклоняется. Этому предшествовал длительный процесс «ожидания», чувство и желание какой-то новой религиозности, отличной от традиционных верований и представлений. Именно так описывает это А. Эткинд: «Поколение за поколением люди – особенно интеллектуалы, но вслед за ними и многие из тех, кого историки любили называть «массаами» – ждали необычайного, чудесного события. В акте Апокалипсиса, по-русски Светопреставления, мир будет полностью изменен. История – страдания всех прошлых поколений и самого размышляющего субъекта – обретет свершение и смысл. Предначертанный сценарий остановится на своей лучшей и высшей точке»¹⁹. Жажда социального переустройства здесь совпадала с мистическими переживаниями и апокалиптическими мифологемами, сохраняемыми и транслируемыми в различных сектантских учениях. Но если для сектантского сознания революция декодировалась как событие апокалиптическое, предписанное и ожидаемое, то остальные («массы») скорее подражали, увлекались новыми формами религиозности в попытках распо-

¹⁸ Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008. – С.346.

¹⁹ Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. – С.11.

знания события, нахождения для него формы, объяснения. Но в целом апокалипсичность и хилиазм были идеями внутренне не согласующимися с революцией как событием. А. Эткинд объясняет связь идей и реальности (сектантства и революции) обращаясь к идеям структурного психоанализа Ж. Лакана. Воображаемое, что есть идеи апокалипсиса и построения рая на Земле, воплощается в Реальном. То есть идеи движут людьми, а люди вершат историю²⁰. Однако у Лакана все несколько иначе, поскольку Реальное есть недоступный человеку травматичный опыт собственной «пустоты», который восполняется символическими средствами. А исторические примеры реализации идей хилиазма всегда заканчивались диктатурой и террором²¹. Более того, роль сектантов в качестве «движущей силы» революции, ее участников, чрезвычайно мала, по замечанию того же Эткин-да: «В событиях 1917 года и гражданской войны мистические секты заметного участия не принимали. После большевистской революции новая власть предпринимала систематические усилия по установлению союза с народными сектами. Они, однако, не отзывались, либо не доверяя властям и предпочитая оставаться в подполье, либо будучи уже разрушенными»²². Значимостю их идей, а точнее возникающие идейные подобию и смысловые параллели возникают позже, после революции и на стадии ее отрицания.

В этой связи М. Рыклин в работе «Коммунизм как религия» приводит интересное свидетельство греческого писателя Никоса Казандзакиса, описывающего Ленина как «нового Христа»: «Он лежал совсем как живой, в серой рабочей спецовке, укрытый по пояс красным знаменем, стиснув правую руку в кулак и положив левую на грудь. Улыбающееся румяное лицо, маленькая совсем светлая бородка. Высокий, разогретый кристалл преисполнен покоя. Толпы русских смотрят испуганно – точь-в-точь как еще несколько лет назад смотрели на румяный русский лик Иисуса на раззолоченных иконостасах. Это тоже Христос, красный. Сущность та же – вечная сущность человека, сотворенная надеждой и страхом, меняющая только имена»²³. Так культ Ленина можно трактовать как преодоление и продолжение одновременно апокалиптического сектантского духа. Он преодолевался в политической прагматике и идеологемах, но и продолжался в них же, в их противоречиях рационального и иррационального, смешении мирского и светского, сакрального и профанного. Христовщина и скопчество на Руси, анабаптизм, либертинаж, гностицизм на Западе были воплощением принципа антисистемности или порождением отрицания, присвоения события с последующей его симуляцией²⁴.

Смещение или опрокидывание оппозиций имманентного – трансцендентного, сакрального – профанного касались и временных координат. Поскольку революция содержала в себе практически неисчерпаемые легитимационные потенции (апелляция к революции как событию), она становится перманентно актуальной. Эту ситуацию можно обозначить выражением революция «здесь и сейчас», но не как событие репрезентация, продолжение события в «верности» ему, но как санкция, право, история. Именем революции можно было судить, черпать в нем свои основания, но не жить ею. Она была оставлена в прошлом, поскольку тоталитаризм как антропологический проект, в том числе, был ориентирован в будущее: «Тоталитаризм всегда устремлен в будущее, причем с типично тоталитаристской убежденностью в своей правоте, в научности и неизбежности «законов» марксизма-ленинизма, а у нацистов – в правильности и неопровержимости интуиции вождя. Тоталитаризм отвергает современность и ее проблемы во имя величественных схем социальных перестроек и преобразования человека»²⁵.

Касаемо человека и его преобразования в соотнесенности с временной перспективой, стремление в будущее связано с постоянной переделкой человека, его непрерывным изменением, доделкой, доработкой. Эта навязчивость выдавала, пожалуй, главное, тот

²⁰ Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. – С.21.

²¹ См. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. – С.14, 17-18.

²² Там же. – С.57.

²³ Рыклин М. Коммунизм как религия М., 2009. – С.18.

²⁴ Интересным в данной связи выглядит утверждение А.Л. Никитина о причастности С.М. Эйзенштейна и С.Д. Васильева к масонству и розенкрейцерству. См.: Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: исследования и материалы. М., 2000.

²⁵ Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание М., 2003. / URL: <http://krotov.info/history/20/pospelovs/page02.htm#1> (дата обращения: 22.08.2011)

факт, что естественный субъект был неуловим. Революция как событие репрезентация к которому культура 30-х была вынуждена возвращаться, необходимость легитимации и основы обуславливали указанную «неуловимость». В.П. Римский пишет о том же используя понятие хаоса: «Установка на хаос, постоянно воспроизводившийся в революционно-прагматической «перековке мира», имела и нравственно-аксиологическое измерение. «Ветхий человек» постоянно сопротивлялся: это был какой-то неуловимый «трикстер», которого следовало постоянно «перевоспитывать» – трикстер или революционный субъект, естественный в нашей трактовке, суть единый с самой субстанцией, который мог быть чем угодно или кем угодно, но также неуловимый, тот, которого было нужно форматировать, в том числе и средствами символического насилия, кинематографа, «как мы знаем «важнейшего из искусств» – «Если традиционный мифологический хаос ориентирован на природно-онтологические основы бытия, на их ритуальное разрушение, то хаос тоталитарный отражал нравственный и ценностный беспорядок, который следовало преодолевать как практическими (террор), так и мифологическими средствами. В хаосе тоталитарной мифологии отрицается и разрушается не только природа, но человек и культура: по ту сторону «буржуазного» добра и зла, воплощенного в образах «контрреволюционеров», «евреев», «вредителей», «тунеядцев», с одной стороны, и положительных исторических персонажей (великие национальные «полководцы» и «реформаторы», представители дореволюционных «угнетенных классов» типа горьковской Ниловны), с другой, начинается формирование Нового Человека, новой морали, новой культуры, нового общества»²⁶.

Инверсивность в кинематографе тридцатых приводила к парадоксальным переворачиваниям и превращениям. Так революционеры становятся похожи на свою противоположность, буржуа или чиновников. Поведение, одежда, жесты врагов революции в картинах двадцатых присваиваются революционерами тридцатых. Сдержанность буржуа и чиновников, ценности семьи, да и само различие между мужчиной и женщиной нивелированное и отвергнутое революцией становится востребованным. Если отразить изменения в схеме, то аффективный революционер становится рафинированным чиновником. Такая эволюция отражена в «Трилогии о Максима», снятом Л. Траубергом и Г. Козинцевым («Юность Максима» 1934, «Возвращение Максима» 1937, «Выборгская сторона» 1938). Эти три фильма последовательно повествуют о преобразовании «естественного» субъекта (Максима) в субъекта «политического». Причем предикат «политический» можно толковать в его исходном значении, сформулированном еще в античности как противопоставление жизни природной (zoe'), естественной данности жизни всех живых существ и жизни определенной (bios), которую, начиная с Платона и Аристотеля, понимают как согласованную с идеей Блага, жизнь в рамках полиса, жизни политической. Дж. Агамбен считает это противопоставление сутью политики вообще²⁷. Но в нашем случае Максим идет от «природной жизни», когда в первой картине мы видим его погруженным в среду рабочих, движимым симпатиями, дружбой, подверженного эмоциям (достаточно вспомнить в начале картины «Юность Максима» как он кричит по петушину). То, что разрывает его естественность, есть революция, это внешнее, ему непонятное, вторгается в его жизнь и нарушает ее, в «Юности Максима» это внезапный приход девушки революционерки, гибель друга, забастовка, но подлинная революция (для Максима событие факт, поскольку уже сформировалось чувство невозможности жить по-старому, так как раньше).

Значим разговор Максима с самим собой, который можно истолковать как своеобразную точку бифуркации, он предоставлен сам себе в буквальном смысле этого слова. Взвзвывая из ниоткуда голос (очевидно надзирателя) произносит «петь нельзя», нельзя жить как прежде, стачка отторгнула привычную жизнь. Приход революционера Поливанова (Другой, конституирующий субъекта, Максима) знаменует принятие события революции и начало пути Максима. Сон друга Максима Дмитрия суть мистическое прозрение

²⁶ Римский В.П. Тоталитаризм как социокультурный феномен. Дис. ... д-ра филос.н. Ростов н/Д., 1998. – С.319-320.

²⁷ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь М., 2011.

предстоящего пути Максима, который явно героический, архетипический путь героических испытания Максима составляет повествование трилогии.

Испытание тюрьмой, ссылкой, конспиративная работа в «Возвращении Максима» и революционная борьба в годы революции с ее врагами (с ними Максим вступает в противоборство на протяжении всей трилогии и они четко названы: меньшевики, анархисты, монархисты, эсеры) сопряжена с постоянным обучением героя, становящегося в итоге комиссаром государственного банка (министром финансов в картине «Выборгская сторона»). Максим не просто типичен в своих испытаниях, он архетипичен. Если в мифах герой получает награду, то Максим (завершение фильма «Выборгская сторона») продолжает борьбу и отправляется на фронт. Путь открыт, он принципиально незавершен, устремлен в будущее. Этот открытый прогрессизм есть не что иное как историзация, революция продолжается поскольку враги не побеждены, главное (победа и мирная жизнь) все еще впереди, а история (она есть значимое событие) это не прошлое, а настоящее. Старый мир с врагами эсерами и анархистами, сторонниками старого режима преследует революцию и противостояние разворачивается в настоящем. Отсюда чувство угрозы, опасности, подозрительности, а также необходимость поиска врагов.

Безусловно, преобразование человека посредством идеологии и киноповествования посредством историзации содержало в себе противоречие. История (революция) как прошедшее (речь о 30-х годах) нуждалась в воспроизводстве, но не как события, а как повествования, здесь сталкивались логики наложения и совмещения настоящего и прошлого, а также необходимость их различия. Это осуществлялось, не столько в различении времени, сколько пространства. Так в картине «Аэроград» (1935) действия происходят на Дальнем востоке, где победа революции и советской власти еще не завершена и ей угрожают враги в лице староверов, сектантов, японцев и предателей Родины. Герой-революционер здесь не только побеждает врагов, но также присваивает (осваивает) природу. Это уже не переделка естественного человека, по деятельности политического субъекта по перестраиванию мира. Уже номинирование объектов природной реальности в фильме политизированы, например выражения в начале фильма об «эскадрах китов» и «сверхреке Амур». Природа политизируется вслед за человеком. А герой летчик Глушак продолжает дело отца партизана Глушака, делящих между собой сферы: первый в небе, второй на земле. Они оба творят историю в настоящем, а сам фильм погружает в историю зрителя, что есть политизация, принятие и усвоение идеологии.

Таким образом, кинематограф 30-х годов XX века в своих антропологических смыслах и измерениях претерпевает существенные изменения по сравнению с ушедшими 20-ми. Прежде всего, изменения были связаны с само-исчерпанием революции как события и как события репрезентации. Инверсия как переворачивание есть принцип, логика трансформации естественного субъекта революции в субъекта «политического» средствами историзации и меморизации, практиками символического насилия. Сам кинематограф уже не является средством ре-презентации революции, ее отражения и сохранения «верности» ей, а представляет собой авторитетного Другого, активно формирующего или де-формирующего субъекта, направляющего его активность, конструирующего его желание в рамках складывающегося тоталитарного универсума.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Ното сасер. Суверенная власть и голая жизнь М., 2011.
2. Борисова О.С., Борисов С.Н. Антропология революции: методология анализа события и кино-репрезентации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 20(115). Вып.18 – С. 248-253.
3. Булгакова О. Фабрика жестов. М., 2005.
4. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999.
5. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
7. Жижек С. О насилии. М., 2010.
8. Лебедев Н.А. Чапаев //Очерки истории советского кино. М., 1956 . Т. 1.
9. Магун А. Отрицательная революция. СПб., 2008.

10. Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание М., 2003.
11. Римский В.П. Тоталитаризм как социокультурный феномен. Дис. на соискание уч. ст. д.филол.н. Ростов-на-Дону. 1998.
12. Рыклин М. Коммунизм как религия М., 2009.
13. Фромм Э. Бегство от свободы М. 2001. 288с./ URL:
<http://www.philosophy.ru/library/fromm/02/7.html> (дата обращения: 22.08.2011)
14. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998.
15. Fredric Jameson The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. N.Y., 1981.

SYMBOLIC VIOLENCE IN PRACTICES OF HISTORIZATION AND MEMORIZATION OF REVOLUTION (THE CASE OF CINEMATIC DISCOURSE OF 1930S)

O.S. BORISOVA¹⁾
S.N. BORISOV²⁾

*¹⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The article analyzes the symbolic violence in the discourse of the Soviet cinema of 1930s. The authors claim the thesis of de-informational impact of cinema on historization and memorization practices.

Key words: symbolic violence, cinema, representation, event, discourse.

СОВРЕМЕННОЕ КИТАЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: СПЕЦИФИКА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**Д. Ш. ЦЫРЕНДОРЖИЕВА
Т. М. РИНЧИНОВА**

*Бурятский
государственный
университет*

*e-mail:
darit45@mail.ru*

В статье отмечается, что в условиях происходящих сегодня в Китае процессов модернизации и уверенного вхождения страны в число передовых держав современного мира, происходит трансформация духовно-нравственных ценностей китайского общества. Но вместе с тем традиционные духовно-нравственные ценности продолжают играть важную роль в жизнедеятельности современного китайского общества.

Ключевые слова: нравственность, духовность, ценности, духовно-нравственные ценности, китайское общество, современность.

В происходящих сегодня огромных переменах по превращению КНР в могучую мировую державу, определенную роль играют и духовно-нравственные ценности китайского общества. Изучение роли духовно-нравственных ценностей в становлении сильного и процветающего государства стало назревшей необходимостью для современной научной мысли.

На наш взгляд, большое значение для определения сущности и роли ценностей, в частности духовно-нравственных ценностей Китая, в развитии общества имеют исследования, представленные в работах Л.В. Васильева, В.В. Малявина, Л.Е. Янгутова и других¹. Данные авторы отмечают, что система духовно-этических представлений играет главную роль в улучшении эмоционально-психического здоровья нации. Следовательно, определяет силу духа и стимулы людей, направляющих их на достижение поставленных задач и целей по созданию условий для развития общества и государства.

Соглашаясь с мнением вышеназванных ученых, считаем, что развитие духовной культуры современного китайского общества продолжает основываться на важнейшей сфере жизнедеятельности человека и общества – духовно-нравственной культуре. И далее выдвигаем тезис о значимости именно ценностных составляющих данной культуры. На наш взгляд, особая роль духовно-нравственных ценностей в социокультурных процессах обусловлена ее сущностной природой и функциональной направленностью как идеальной формы сохранения, воспроизводства и развития социального и духовно-нравственного опыта, способностью быть универсальным способом обеспечения исторической преемственности, как на уровне индивидуального бытия, так и на уровне существования социальных организмов.

Как известно, особую актуальность проблема морали и нравственного поведения приобретает именно в условиях переходного периода общественного устройства. На наш взгляд, о сегодняшней ситуации в китайском обществе как раз можно говорить как о переходном периоде развития. Необходимо отметить, что этот период, как правило, сопровождается пересмотром привычного образа жизни, сравнением его с культурными традициями и обычаями других эпох и стремлением в результате интенсивных поисков формирования новых форм и путей к реализации своих потребностей и желаний. Подобная проблема, происходящая в современном китайском обществе, исследуется в трудах китайских ученых Чжан Бо-дуаня, Чэн Чжунъ-ина и других. Они говорят о неоднозначном влиянии национальных духовно-нравственных ценностей в современном становлении китайского общества².

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970.; Малявин В.В. Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №5. – С. 106-115; Янгутов Л.Е. Традиции праздника парамиты в Китае. Улан-Удэ: БГУ, 2007.

² Чжан Бо-Дуань. Главы о прозрении истины (У Чжэнь Пянь); пер. с кит., предисл. и коммент. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994; Чэн Чжунъ-ин. Теория конфуцианской личности (selfhood), самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии; пер. с англ. А. Ломанова // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №6. – С. 105-106.

Промышленное и торгово-экономическое развитие Китая в XX веке создало благоприятные условия для становления частного предпринимательства и проникновения в Китай соответствующих западных принципов и институтов. Однако приспособление мощной традиционной структуры к этим новшествам шло замедленными темпами и встречало яростное сопротивление. Нельзя не видеть и другого: в ходе длительного и болезненного приспособления старого Китая к новым условиям существования в стране многое менялось. Новые, в том числе заимствованные извне институты, нормы, стереотипы поведения постепенно усваивались, порой в весьма трансформированном виде. Менялась традиционная система образования, ориентированная теперь на европейские стандарты. Это влекло за собой изменения в образе жизни, мышления и ценностях новых поколений грамотного и образованного слоя людей. Развивались города, превращаясь в центры современной промышленности и культуры. Экономика Китая, несмотря на все потрясавшие ее войны и революции, деструктивные социальные катаклизмы и эксперименты, не только не разваливалась, но даже постепенно укреплялась, что во многом достигалось за счет упорства и трудолюбия, организованности и дисциплины, традиционной культуры труда населения. Развивалась инфраструктура современного типа. Так, традиционно практичный и прагматичный Китай как бы интуитивно, порой вопреки его признанным лидерам, усваивал все то, полезное, что могло пригодиться для последующего процветания страны.

Как отмечает китайский исследователь Дунцзян Цзяо, Китай уже миновал стадию приоритетного роста экономики, который был призван заложить материальную базу для последующего социального и духовного роста общества³. Он отмечает, что страна вступила в фазу, на которой экономика и общество с его духовно-нравственными ценностями должны развиваться параллельно и согласованно. В свою очередь существующие в социальном развитии проблемы отрицательно влияют на повышение качества жизни народных масс и сдерживают более здоровое, устойчивое и качественное развитие экономики.

Если говорить о духовной составляющей жизнедеятельности общества, то необходимо отметить, что без нравственной основы невозможно гармоничное и полноценное осуществление любой деятельности людей. Голая социально-экономическая система с установленными правилами и условиями является лишь механизмом, а работу данного механизма осуществляют все-таки люди, имеющие собственные желания и мысли. Для высоких уровней нравственных установок и принципов поведения представителей общества характерны успешные социальные взаимоотношения и высокая производительность труда.

Сложившиеся в древнем Китае духовно-этические и социально-политические идеи и институты, которые на тысячелетия определили сущность, характер и формы социальной структуры, государственного устройства, идеологии, психологии, словом, всего «китайского образа жизни», принято соотносить прежде всего с конфуцианством, а также в некоторой степени с легизмом, даосизмом и буддизмом. Социально-политические концепции теорий традиционных учений китайцев соответствовали историческим реалиям жизни китайского общества, поэтому они, и особенно конфуцианство и легизм, получили широкое распространение и стали основой политического и социокультурного развития. Поскольку в даосизме и буддизме основной акцент делался на духовном освобождении человека, в том числе и путем «ухода» от злободневных социальных проблем, то во многих областях общественной жизни они уступали первенство конфуцианству и легизму.

С помощью этико-гуманитарных идей традиционных учений формировались основные подходы к управлению страной, осуществлялся контроль над властью и обществом, утверждались нормы гражданской морали, формировались единые правила воспитания на основе уважения старших, добродетельного поведения, подавления эгоистических устремлений, гармоничного отношения между различными слоями общества, честности и бескорыстности, лояльности к властям; гуманитарные ценности конфуцианства в значительной мере сформировали менталитет китайской нации, составляя важную черту национального характера.

³ Дунцзян Цзяо. Народные традиции Китая в ситуации модернизации общества; автореф. дис. на соиск уч. степ. канд. культур. наук: 24.00.01. – М., 2001.

В конфуцианской теории (и в реальной жизни традиционного китайского общества) семья была не только базовой социальной группой, но и прототипом отношений в иных социальных организациях. Отношения родства стали, таким образом, основой для построения всей совокупности отношений в обществе. Социум уподоблялся семье, он, как и семья, имел черты единого, целостного организма. Конфуцианство как идеология с ее культами божественной власти «сына Неба», авторитета старших, с ее приверженностью к традициям и консерватизму нормировало и контролировало духовную жизнь китайского общества. Большинство традиционных конфуцианских культов и торжественная пышность их обрядов стали популярными и признанными практически среди всего населения и по сегодняшний день.

И сегодня многие традиционные социокультурные обычаи и духовно-нравственные ценности прошлого прочно вошли в жизнь современного Китая, стали её неотъемлемой частью, связывающей многие поколения людей незримой нитью преемственности. Например, в феодальном Китае вся китайская нация, называвшаяся «сто семейством», рассматривалась как одна большая семья, отцом и матерью которой был император. Все подданные этого большого семейства должны были проявлять к императору сыновнюю любовь и почтительность. С самого раннего детства китаец приучался верить, что отеческая власть принадлежит как главе малого семейства, т. е. отцу, так и главе большой семьи, т. е. императору. Эта традиция сохраняется и поныне. Данная традиция воспитания подчинения и уважения к старшим прививается с детства. Эта традиция является обязательной как дома, в школе, в обществе, а также на работе. Она помогает сегодня начальнику или директору организовать труд своих подчиненных, направленный на улучшение технологических процессов на производстве и на развитие в целом всего китайского общества.

Так, именно традиционная духовно-нравственная культура Китая, представленная философскими и этическими учениями, оказывала во все времена наибольшее влияние на формирование специфики поведенческих стереотипов китайского народа. Духовно-нравственные ценности данных учений и сегодня значимы в формировании определенных ориентиров в совершенствовании духовной сферы китайского общества. Эти ценности выполняют функции регулирования поведения каждого индивида общества, тем самым, укрепляя общественные структуры и нормы социального бытия современного китайского общества.

С каждым годом Китай расширяет связь с мировым сообществом в развитии всех сфер жизнедеятельности: вступление во Всемирную торговую организацию, проведение Олимпиады, проведение международных фестивалей, увеличение числа пользователей глобальной информационной сетью Интернет и т.д. В своей политике правительство умело сочетает национальные особенности, выраженные в форме традиционных духовно-нравственных ценностей и специфике мышления с принципами и нормами современных реалий, что послужило основой быстрых и кардинальных преобразований в стране. Так, в целом уважение и любовь к историческому прошлому своего государства, к духовному началу становления своего общества играют роль стабилизатора и гаранта спокойствия и уверенного развития Китая.

Важно отметить, что ценностное отношение к миру побуждает человека, представителя любого национального сообщества, к действию, к творчеству, к изменению реальности в соответствии с существующей в обществе системой ценностей, а также сообразно собственным ценностным ориентациям. В связи с этим ценности могут выступать как идеалы, цели, средства деятельности, как критерии человеческих поступков в целях совершенствования социальной, экономической и духовно-нравственной сфер жизнедеятельности общества. В Китае же именно конфуцианские ценности заметно окрасили в свой тона всю национальную культуру страны, национальный характер его населения, составили важную часть китайского менталитета. Многие воспитанные конфуцианством черты национального характера китайцев – социальная дисциплина в сочетании с умением в случае нужды довольствоваться малым и не роптать; трудолюбие, упорство, любовь и стремление к знаниям, к истине, к постижению нового и умению использовать это новое во имя упрочения устоявшегося старого; постоянный импульс к самоусовершенствованию; крепость социально-семейных связей, перерастающая в прочность связей дело-

вых в современном мире, то есть вся совокупность ценностей духовной культуры – активно способствовали тому феномену, который проявил себя сегодня в современном развитии китайского государства.

Таким образом, оставленные великими китайскими мудрецами философские учения и принципы жизни, ставшие духовно-нравственными ценностями для миллионов китайцев, служат целью и опорой в жизни. Несмотря на широкие связи с разными странами, китайцы в большинстве случаев сохраняют свою самобытность, оберегая и подерживая чувство принадлежности к великой, древней цивилизации. Это является условием самоуважения и идентичности большинства представителей китайского общества, которое, в конечном счете, переходит в патриотические чувства и уважение к культурным ценностям своего народа. Благодаря такому бережному отношению традиционным духовным ценностям произошло возрождение былого могущества Китая.

Промышленное и торгово-экономическое развитие Китая в XX веке создало благоприятные условия для становления частного предпринимательства и проникновения в Китай соответствующих западных принципов и институтов. Развивались города, превращаясь в центры современной промышленности и культуры. Экономика Китая, несмотря на все потрясавшие ее войны и революции, деструктивные социальные катаклизмы и эксперименты, не только не разваливалась, но даже постепенно укреплялась, что во многом достигалось за счет упорства и трудолюбия, организованности и дисциплины, традиционной культуры труда населения. Развивалась инфраструктура современного типа.

В этой ситуации у китайцев значимым становится их материальное положение. Если в середине прошлого столетия основной их заботой были развитие и процветание страны, то к концу века деньги начинают принимать форму одной из их целей. Деньги приобретают лидирующее положение среди социальных ценностей, деньги воспринимаются как способ выживания, источник счастья и достижения личных целей. Особенно молодое поколение осознает связь денег с возможностью удовлетворения потребностей. Материальное благополучие становится важной ценностью, преобладающей над морально-нравственной ценностью. Данное превосходство вызывает настороженность у китайского общества, так как оно, в конечном счете, приводит к росту преступности, жестокости и других негативных явлений.

Действительно, сегодня необходимо констатировать, что процессы модернизации современного китайского общества сопровождаются трансформацией его духовно-нравственных ценностей. Так, разрушение традиционных основ китайской семьи приводит к ослаблению культа сыновней почтительности, молодые люди быстро усваивают западные ценности в отношении родителей. Материальные блага и деньги как ценность начинают занимать одно из лидирующих положений в потребностях современного представителя китайского общества, преобладая над морально-этическими и нравственными критериями. В решении социальных проблем наблюдается преобладание индивидуалистического подхода над коллективистическим. В связи с коренными изменениями отношения к предпринимательству и торговле, считавшихся в традиционном обществе не престижными видами деятельности, ценными стали такие качества, как независимость, решительность, инициативность, целеустремленность, личная самодостаточность, несвойственные индивиду традиционной китайской культуры.

Но вместе с тем необходимо отметить, что традиционные духовно-нравственные ценности продолжают иметь непреходящее значение в жизнедеятельности современного китайского общества. Ведь духовно-нравственные ценности в китайском обществе традиционно играли важную роль в расцвете и укреплении государства, как основного социального института. Сегодня в большинстве случаев такая же направленность существования духовно-нравственных ценностей все-таки остается. Однако в современном китайском обществе достаточно сложно неукоснительно следовать традиционным ценностям. Поэтому ученые и исследователи говорят о важности поиска компромисса и разумного сочетания традиционных и модернизированных духовных ценностей.

Ясно, что современное китайское общество столкнулось с реальной трудностью в определении места и значения традиционных духовно-нравственных ценностей в новых модернизационных условиях. С точки зрения социально-философского осмысления проблема преобразования духовно-нравственных ценностей носит глубокий характер. Мно-

гие ученые и политики КНР приходят к выводу, что традиционные духовные ценности необходимо поддерживать в соответствии с современными моральными критериями и с учетом принципов гуманизма, уважения прав и достоинства каждого человека. Такой подход к сохранению духовно-нравственных ценностей, по нашему мнению, является наиболее приемлемым с точки зрения благоприятного функционирования и развития общества. Ведь благополучие общества связано, в первую очередь, с благоприятным положением в духовной сфере жизнедеятельности населения страны.

Традиционные духовно-нравственные ценности и сегодня значимы в формировании определенных ориентиров в совершенствовании духовной сферы китайского общества. Эти ценности выполняют функции регулирования поведения каждого индивида общества, тем самым, укрепляя общественные структуры и нормы социального бытия современного китайского общества. Современное реформирование китайского общества в условиях глобализации и модернизации, опираясь на национальный духовно-нравственный потенциал культуры и используя передовой зарубежный опыт, способствует успешному развитию общества при одновременном сохранении его национального своеобразия и интеграции в мировое сообщество.

Список литературы

1. Васильев, Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.
2. Малявин, В.В. Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции? // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 5. С. 106-115.
3. Янгутов, Л.Е. Традиции праздника парамиты в Китае. Улан-Удэ: БГУ, 2007. 272 с.
4. Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины (У Чжэнь Пянь); пер. с кит., предисл. и коммент. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 346 с.
5. Чэн Чжунь-ин. Теория конфуцианской личности (selfhood), самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии; пер. с англ. А. Ломанова // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №6. С. 105-106.
6. Дунцянь Цзяо. Народные традиции Китая в ситуации модернизации общества; автореф. дис. на соиск уч. степ. канд. культур. наук: 24.00.01. М., 2001. 24 с.

MODERN CHINESE SOCIETY: SPECIFICS OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

D.S. THYRENDORZHIEVA
T.M. RINCHINOVA

Buryat state university

e-mail:
dari145@mail.ru

In the article it is noted that in the conditions of processes of modernization occurring today in China and sure entry of the country into number of the advanced powers of the modern world, there is a transformation of spiritual and moral values of the Chinese society. But at the same time traditional spiritual and moral values continue to play important role in activity of modern Chinese society.

Key words: moral, spirituality, values, spiritual and moral values, Chinese society, present.

НЕТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ ИНОЕ: ЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НОВОЙ ОНТОЛОГИИ

И.В. ГИБЕЛЕВ

*Российский институт
культурологии*

e-mail: ricu@dol.ru

В данной статье мне хотелось бы обозначить общие позиции для обсуждения граничной области, в которой соприкасаются такие разноречивые темы как онтологическая содержательность смысла жизни и смысложизненный горизонт нетрансцендентного иного. В этой связи, в первой части статьи я попытаюсь очертить общий абрис вопроса, благодаря чему, во второй, будет предложена методологическая перспектива исследования. Третья часть работы намечает содержательную контекстуализацию пересечения двух представленных тем.

Ключевые слова: Нетрансцендентное иное, онтологическая содержательность "смысла жизни", новая онтология.

Граничный контур онтологии смысла жизни и нетрансцендентного иного

В онтологическом измерении смысла жизни, открытом в европейском культурном проекте, ответ на вопрос "для чего живет человек" немислим вне полагания трансцендентного горизонта. Тем самым, человек поставлен перед проблемой определения источника смысловой содержательности своего бытия. Традиционно эту содержательность представлял принцип трансценденции, по ходу истории философии тематизируемый как горизонт сакральных смыслов или безмолвный горизонт природы. Онтологическое измерение смысла жизни в обоих случаях разворачивалось в метафизической перспективе.

Постструктуралистская критика подвела черту возможностям традиционной метафизики. Стратегии деконструирования казалось бы элиминировали онтологическое содержание вопроса о смысле жизни, но его укорененность в онтологии оказалась глубже и прочнее, чем представляли сторонники постструктуралистской философии. Намерение конструировать смыслы на поверхности культурного пространства¹ столкнулось с различающей и синтезирующей силой инаковости иного. Таким образом, актуализация плана радикальной инаковости возвращает в строй современной философии этическое вопрошание. Несомненно, оно возвращается как проблема.

С одной стороны, связь онтологии с этическим уже была концептуализирована в философии Левинаса, устремленной прочь от "тотальности" к горизонту "бесконечного"². В.В. Биbihин подчеркивает левинасовскую критику приватизации запредельной радикальности иного и его поставку в принцип наличия: "порок западного рационализма по Левинасу в его заносчивом замысле охватить, исследовать, освоить и в конечном счете присвоить все, что противостоит ему в облике другой культуры, отсутствия культуры; в облике природы, человеческой натуры"³. С другой, существует опасность, что через господство Бытия, неминуемое в онтологии, сокрыто тотальное, подчиняющее этическое в качестве радикальности опыта, самой встречи и самого опыта. Этическое, принятое как энергия дистанцирования от гуссерлевой и хайдеггеровой метафизики, в своей различающей силе акцентируется Деррида: "Отныне тем самым Левинас ориентируется в направлении мысли об изначальном различии"⁴. Трансценденция радикализуется в запредельность, но, поскольку, по Левинасу, "я" не имеет внутреннего различия и инаковости, к нему, в том или ином виде (пространственности, самости, позитивной инаково-

¹ Делез Ж. Логика смысла. – М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998. – 480 с.

² Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.

³ Биbihин В.В. Новый ренессанс. – М.: МАИК "Наука", "Прогресс-Традиция". – 1998. – с.162.

⁴ Деррида Ж. Насилие и метафизика (эссе о мысли Эммануэля Левинаса). – С.114. // Письмо и различие. – СПб., 2000. – 432с.

сти) возвращается то же самое. Последовавшая у Деррида в "Грамматологии" радикализация различия породила целый спектр интерпретаций нетрансцендентной инаковости.

Сегодня рефлексия этой дилеммы разворачивается в двух направлениях. Во-первых, это ее возвращение на почву метафизического стиля мышления, где обновление онтологии протекает как поиск сопряжения в человеке природного и сакрального горизонтов⁵. Понятно, что это не простое воспроизведение докантовской метафизики, а попытка обустроить смысложизненный порядок современного человека в границах конечного разума. А во-вторых, это отказ от какой-либо формы трансцендентности, который и находит свое выражение в поиске нетрансцендентного иного.

Претензия, которая составляет суть этого хода мысли, состоит в проблематизации принципа самоданности, самоманифестации смысла в трансцендентном ином – действительно ли иное обладает выразительностью, своим собственным голосом. Отрицательный ответ передвигает смысловое пространство в логику генеалогии (например, у Ницше и Фуко) или производства (Делез, Гумбрехт). На роль феномена, репрезентирующего принцип нетрансцендентного иного, в современной философии предлагаются язык (как коммуникативная практика или набор дискурсов)⁶, телесность (как гендерная субъективность)⁷, техновиртуальность⁸. Неясность, в какой степени принцип нетрансцендентного иного соотносится с онтологическим содержанием смысложизненных вопросов – составляет один из актуальных вопросов современного гуманитарного знания.

Исследовательская задача, обращающая в этой неясности на себя внимание, состоит в определении содержательной специфики смысла жизни в конструкции нетрансцендентного иного, роли в нем языка, телесности и техновиртуальности. Каков этический образ этой онтологии? Если в классическую эпоху мышление находило в себе присутствие иного, то, по словам Вилема Флюссера, `дистанцировавшись само от себя (впервые у Канта), оно обнаруживает прогресс абстракции`⁹, в котором вопрос об онтологическом истоке смысла жизни предан забвению или делегирован искусству, религии и традиции жизненного мира.

Поскольку для принципа нетрансцендентности требуется положить границу с иным в своей же имманентности, постольку ему необходимо обнаружить онтологический смысложизненный исток в своем "внутреннем". Имманентное при этом не понимается только как имманенция индивидуального сознания, речь идет обо всем поле культуры как пространстве имманентных субъективности смыслов, потому, разум, возлагая на себя эту задачу, несет ответственность за формы полагания своего-иного в имманентности как формы культурного бытия.

Концептуализация инаковости во "внутреннем" предполагает в смысложизненном аспекте выяснение того, каким образом, за счет чего "внутреннее" может содержать в себе свою инаковость как источник смыслов? Другими словами, здесь интересен не сам по себе принцип организации субъективности в нетрансцендентном ином, а адресация ему вопроса трансцендентного основания смысла жизни человека. Такая адресация правомерна, ибо если феномены нетрансцендентного иного претендуют на роль синтезирующей субъективности инстанции, то они должны быть спрошены на предмет "смысла жизни", поскольку без него субъективность теряет основание своей исключительности в кругу иных сущих, а этому противится конституция человеческого разума, в которой за-

⁵ См.: Румянцев О.К. Воспроизведение и конструирование в европейской философии и образовании // Антропология субъективности и мир современной коммуникации: Сборник статей. – М., 2010. – С.11-49.

⁶ См., напр., Филипп Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 352с.; Van Dijk T.A. Discourse and context: a sociocognitive approach. – Cambridge: Cambridge university press. – 2007.

⁷ См., напр., Жеребкина И.А. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 312с.

⁸ См.: Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software: L. Autonomedia, 2003. 165p.; The Maching in the garden. Technology and Pastoral Ideal in America. 2-nd ed. N.Y.: Oxford University Press, 2000. 414p.

⁹ Флюссер В. О проецировании // Хора. – 2009. – №3/4 (9/10). – С.70.

писана его самоадресация с вопросом о собственных основаниях и целях. С этой формулировки Кант начинает "Критику чистого разума"¹⁰.

В логике нетрансцендентного иного, которая, безусловно, удерживает классическое понимание смысла жизни своей ретроспективной границей (что хорошо видно в дискуссиях по биоэтике¹¹), смысложизненная конструкция задается из пересеченности границ форм сущего (гибридности). Каков смысложизненный логос, возникающий на пересечении границ сущих (например, человека, животного и машины), не полагающих трансцендентного горизонта, – это вопрос четко не артикулированный в нетрансцендентной манере рефлексии на иное.

В связи с тем, что обозначилась задача опознания условий и форм возможности смысложизненной манифестации нетрансцендентного иного, настоящие размышления получают аналитическую и критическую направленность. Последнее неизбежно, поскольку к принципу нетрансцендентного иного мы вынуждены подойти с традиционным представлением онтологической содержательности смысла жизни.

Но этим не сказано, что если будут обнаружены пересечения, общие границы онтологического измерения смысла жизни и нетрансцендентной инаковости, то не будет указано на потенцирование онтологического смысла изнутри области имманентного. – Критика может быть направлена и в область классического (имеющего метафизическую онтологию своим принципом) понимания смысла жизни. Обоюдная критика, конечно, не самоцель. Более того, в ее обоюдности видно требование позитивной позиции. Поскольку возможная корреляция онтологии смысла жизни и нетрансцендентной субъективности не лежит на поверхности, постольку область их общей границы неочевидна. Поэтому исследовательская позиция должна быть равно открыта трансцендентному и имманентному смысложизненным горизонтам. Направлять в адрес нетрансцендентного запрос на возможность его онтологической конституции со стороны онтологии трансцендентного типа нас заставляет только удобство оперирования сложившимися в последней концепциями.

Методологический ракурс вопроса

В методологическом отношении вопрос делится на две части. Одна относится к интерпретациям трансцендентной онтологии смысла жизни. Другая – к концепциям субъективности в пространстве нетрансцендентного иного.

В исследовании первой части, прежде всего, следует произвести ревизию концепций смысла жизни. В результате такой ревизии можно будет определить ведущие и фоновые значения в онтологическом содержании "смысла жизни".

Соотнесение основного значения и фона позволяет предельно четко прорисовать селективный смысловой профиль концепта "смысл жизни"¹². Таким образом, содержание "смысла жизни" получает концептуальное наполнение. Благодаря этому концептуальное поле, в котором трансцендентально-онтологический горизонт "смысла жизни" находит свое распространение и границы, может быть предварительно очерчен. Определение его границ отвечает на вопрос – предоставляет, или нет, онтологический исток смысла жизни генетические условия укоренения смысложизненной манифестации в области нетрансцендентного иного.

В самом деле, нельзя ли понять размножение, мультиплицирование субъективности как своего рода ответ на вопрос о смысле жизни, импульсированный трансцендентной инаковостью, чье авторство как бы угасает по ходу отдаления импульса от нее? Такое предположение в процессе исследования с равной готовностью можно принять или отбросить, поскольку оно носит в настоящем гипотетический характер и никак не влияет на

¹⁰ "На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой..." // Кант, И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2007. – С.9.

¹¹ См., напр., Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Выпуск 1. 2007 г. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/bioetika-i-gumanitarnaya-yekspertiza/vyp-1-2007/> (дата обращения 25.09.2011); Тищенко, П.Д. Врачевание как власть. – С.308-325. // Антропология субъективности и мир современной коммуникации: Сборник статей. – М., 2010. – 384с.

¹² Гайдабрус Н.В. Смысл жизни в условиях глобальных проблем современности // автореферат диссертации канд. н. – Саранск, 2005. – 26с.

факт актуальности вопроса о смысле жизни в оппозиции трансцендентное-нетрансцендентное иное.

Определение смыслового профиля концепта смысл жизни, позволяет выявить, какие его содержательные аспекты сохраняют функциональность в проецировании из самого себя. Если предположить, что трансцендентальная онтология "смысла жизни" может быть редуцирована к какому-то своему более мягкому варианту (например, трансцендентальной феноменологии Гуссерля и отсюда к постфеноменологии) или сам горизонт трансцендентного приведен к `нулевой степени`, то все же остается формализм выражения "смысл жизни", чей логический каркас удерживает онтологическую и этическую осмысленность этого концепта, на что указывал Витгенштейн¹³. Поэтому любое содержательное наполнение такого каркаса будет относить любую, даже "самую имманентную", мысль к трансцендентному горизонту бытия. Для обратного имманенция должна `анаграмматически рассеять имя Бога`¹⁴, то есть уничтожить (Бодрийяр говорит об исчезновении, но меняет ли это суть дела?) не только грамматику, но и логику мышления.

Во второй части вопроса обращают на себя внимание образы субъективности, составляемые в области языка, техно-виртуальности, телесности. Здесь эвристичным принципом, направляющим рассмотрение образов, выступает идея гибридности как мутации социально-культурной конституции, животности (инстинктивного) и техно-виртуальности (машины и аппарата) в имманентности субъекта.

Гибридность, как указывает Э. фон Самсонов, не является открытием современной философии¹⁵. Начавшийся в эпоху Возрождения процесс имманентизации смыслов выявил необходимость определения границ таких сущих как человек и ангел, человек и животное (например, у Джордано Бруно¹⁶). При этом, поскольку мир природы остается всецело трансцендентным (природа еще не присвоена в качестве объекта математического анализа и технической обработки), субъект открыт онтологическому измерению смысла жизни. А значит, мы вправе апеллировать к форме гибридности, разомкнутой на встречу онтологии смысла жизни.

Таким образом, концептуализация их связи прецедентна. С большой осторожностью и принятием во внимание исторического понимания такой связи, (контрастного различия толкования смысла жизни в трансцендентной и имманентной манерах) можно было бы расположить перспективу данной части исследования в поиске родственных отношений антропологического космизма Возрождения и магизма в картине мира нетрансцендентной субъективности, о котором в один голос говорят теоретики современности¹⁷.

В этой связи на предмет онтологической смысло-жизненной конституции следует подвергнуть анализу образы нетрансцендентной субъективности, конституируемые в инаковости языка (на примере апелляции к эмфазе внутреннего опыта в творчестве Батая и теории дискурса), телесности (на примере концепта гендерной субъективности) и техновиртуальности (на примере концепта технофантазма). По ходу анализа мы надеемся определить, имеет ли тут место приоритетность того или иного феномена, либо они сами во взаимной мутации представляют целостный синтетичный феномен?

¹³ Так, Витгенштейн пишет: "3.03. Мы не можем мыслить ничего нелогического, так как иначе мы должны были бы нелогически мыслить" / Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – С.55 // Витгенштейн, Л. Избранные работы. М: Издательский дом "Территория будущего", 2005. – 440с.; или: "3.032. Изобразить в языке нечто "противоречащее логике"...невозможно". // там же. – С.56.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория. – 2006. – С.43.

¹⁵ Самсонов Э. фон. Тело, машина и искусство: "Я очень хотела бы радикализации понятий, и даже своего рода архаической радикализации". Беседа с Элизабет фон Самсонов // Хора. – 2010. – №1/2 (11/12). – С.150-156.

¹⁶ Бруно Д. Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно (Извлечения). – С.220-240. // Бруно Д. Избранное. – Самара: Агни, 2000. – 592с.

¹⁷ Кассунг К. Аппарат – это не постав // Логос. – №1 (74). – 2010. – С.164-173.; Шапинская Е.Н. Монструозный Другой в вербальных и визуальных текстах культуры. URL: www.promreview.net/.../mnozhestvennaya-identichnost-v-usloviyak... (дата обращения 30.09.2011); Вульф К. Homo pictor, или возникновение человека из воображения // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия "Философия. Филология."-2008.-№1 (3) С.121-136 URL: <http://www.phil63.ru/homo-pictor-ili-vozniknovenie-cheloveka-iz-voobrazheniya> (дата обращения 04.10.2011)

Модальность приоритетного положения языка, телесности или техновиртуальности, в качестве авторствующей инстанции и среды синтезирования нетрансцендентной субъективности, представляется оправданной в свете охлаждения интереса к следствиям языкового поворота, выдвигению на первый план проблематики телесности и ожидания собственно философской проработки концепции техновиртуального мира. Уделить некоторое внимание возможной приоритетности заставляет неравное распределение смысловой нагрузки концепта "смысл жизни" на каждый из трех феноменов по ходу философской тематизации его трансцендентного истока. Здесь, кроме прочего, следует принять во внимание возможность полного исчезновения смысловжизненной размерности человеческого существования, а также идею потенцирования трансцендентного горизонта из имманентности.

Полученный в этой части результат – определение тренда к истреблению или серверации (реституции или продуцированию) трансцендентного горизонта смысла жизни, соотносенный с пониманием концептуального остатка объема и содержания онтологического измерения смысла жизни, придает рельефность составляемому здесь контексту. Таким образом, образуется перспектива получить два результата – определить смысловжизненный логос нетрансцендентной субъективности, а также выяснить – подпадает ли вообще модифицирующей интенции этого логоса онтологическая содержательность "смысла жизни".

Сравнивая результаты, можно надеяться на определение степени корреляции онтологического понимания смысла жизни с образами субъективности, формирующимися в области нетрансцендентного иного. Если корреляция имеет место, то следует определить ее модальность. – Присутствует ли онтология смысла жизни в нетрансцендентной субъективности в качестве неопознанной предпосылки, или фигурирует как неявная импликация, или неожиданным образом производится как артефакт самодеятельности такой субъективности? Либо, встречаясь с нетрансцендентной субъективностью, образует с ней гибридную форму? Либо корреляция не имеет места, и представление о личности и индивиде, которым был открыт онтологический исток смысла жизни, следует полностью отбросить?

Предварительная контекстуализация смысла жизни в нетрансценденном ином

Прежде всего, следует указать на малую востребованность концепта "смысл жизни" в современных философских исследованиях. Если для биоэтики и экологической этики те или иные грани "смысла жизни" могут служить регулятивными принципами научного познания, то онтологическая содержательность "смысла жизни" на стадии активного конструирования нетрансцендентной онтологии отнесена в пассивный запас философии.

В истории европейской мысли первооткрывателем нетрансцендентного иного является Ф.Ницше. Нарисованный им образ сверхчеловека можно истолковать как трансгуманную форму, которая из своего внутреннего (воли к власти) ставит цель выше самой себя. Поскольку же воля понята у него как космический феномен, смысловжизненный контекст остается метафизическим, что отмечали весьма разные исследователи¹⁸.

В современной философии поиск нетрансцендентной инаковости разворачивается к выявлению размноженной, мультиплицированной субстанциальности, которая, сохраняя смысл субстанции, обосновывает монадичность онтологического и социального поля, а будучи размноженной, предлагает вариативность источников смысловой определенности. Такую онтологию субъекта принято называть множественной идентичностью¹⁹.

¹⁸ Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Вечное возвращение равного (избранные главы). (Лекции 1923-1944 годов) // Splendor Solis. Альманах. – 1995. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/fo0/so0/zo000281/index.shtml> (дата обращения 04.10.2011); Тиллих, П. Мужество быть. – с.7-131 // Тиллих, П. Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – 479с.; Делез, Ж. Ницше. – СПб.: Аксиома, Кольна, 1997. – 186 с.

¹⁹ См., напр., Разлогов, К. Множественная идентичность в условиях глобализации / К. Разлогов // Свободная мысль : Теоретический и политический журнал. – М.: Медиа-пресса, 2008г. № 10. – С.117-122. Аспекту множественной идентичности уделяется внимание и в более широком философском контексте, см.: Шеманов, А.Ю. Самоидентификация человека и культура. – М.: Академический Проект, 2007. – 479 с.

Для Вилема Флюссера смысложизненная проблематика связана с историческим регрессом от изначальности жизненного мира в сторону абстракции мышления и телесности. Разворот к "первоначальности" лежит в области компьютерного моделирования телесности, синтетических картин. Корни нетрансцендентного иного усматриваются в переходе к идеалу математического знания в Новое время, благодаря чему Кантом в деятельности чистого разума была положена дистанция мышления от самого себя. В результате, понятие смысла жизни параметризуется и подпадает калькуляции и проецированию из собственной имманентности, не нуждаясь во внешнем другом. Проецирование из самого себя перекодирует мышление из численных в синтетические коды. Их использование в компьютерном моделировании позволяет, по мысли Флюссера, воспроизвести, утраченные было в нововременном рационализме, линии, поверхности и тела, к которым человек имеет прямое чувственное отношение. Здесь исходная формулировка смысла жизни лежит в конвенциях intersubjectивного диалога, проектируемых в сообществе сетевой коммуникации²⁰.

Дитмар Кампер ставит вопрос о нетрансцендентном ином как "простой" связи объективного и субъективного, представленной в точке, линии, плоскости как своих внутренних логических артефактах, объективируя которые человек создает жизненный мир. При этом возвращение к нему должно осуществиться не столько посредством абстрактного мышления, сколько живой конкретной формы философии, почерпаемой в творчестве Ницше, Адорно, Бенямина²¹.

Э.фон Самсонов ищет основание монадичности в мифологическом мышлении (в тотеме как трансгуманной форме, присущей, тем не менее, человеческому и основывающей социальность), в техно-виртуальной среде (как аппарат, который агломерирует социальность на манер тотемического), в практике актуального искусства (отход от репрезентативности в инсталляциях, перформансах и др.). Классическое представление о личности, а вместе с ней весь багаж смысложизненных коннотаций, объявлен ею нефункциональным²².

Пассивизация вопроса смысла жизни характерна гендерной тематике. В то же время, для понимания образов субъективности в нетрансцендентном ином можно отметить синтезирование смысловых связей феминистской теории с исследованиями кибернетических организмов в работах Д. Харауэй²³, как и исследования гендерной субъективности²⁴.

Представленные сценарии обновленной онтологии и субъективности можно считать оптимистичными.

В работах таких теоретиков современности как Ж. Бодрийяр и П. Вирильо показан, скорее, пессимистический сценарий – катастрофы мысли (до полного уничтожения) и субъективности в эскалации дуализма симуляции и реального²⁵, или исчезновения субстанциальности из поля видения в «перцептроне»²⁶.

Проект виртуального трансцендирования интересен тем, что в нем встречаются принципы виртуального проектирования и смыслов трансценденции. Смысл жизни получает техно-эсхатологическое толкование как радикальная трансформация антропологической формы и ее переход в виртуальный мир. Эта идеология находит отзвук в фило-

²⁰ Флюссер, В. О проецировании. // Хора. – 2009. – №3/4 (9/10). – С.65-76.

²¹ Кампер, Д. Тела-абстракции. Антропологический четырехугольник: тело, поверхность, линия и точка // Хора. – 2010. – №1/2 (11/12). – С.47-56.

²² Э. фон Самсонов. Тело, машина и искусство: "Я очень хотела бы радикализации понятий, и даже своего рода архаической радикализации". Беседа с Элизабет фон Самсонов // Хора. – 2010. – №1/2 (11/12). – С.150-156.

²³ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. – С. 322-377 // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000. – М.: РОССПЭН. – 2005. – 592с.

²⁴ Батлер Дж. Психика власти. Теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя. – 2002. – 160с.; Наумова Е. Новые концепции освобождения в современной гендерной теории // Гендерные исследования. – №20-21. – 2010. – С.355-363.

²⁵ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория. – 2006. – 199 с.

²⁶ Вирильо П. Машина зрения. – СПб.: "Наука". – 2004. – 140с.

софских размышлениях Фридриха Киттлера²⁷. По соседству с этим проектом стоит указать на «Hybrid art» как практику актуального искусства, осознанно направленную на разработку и дизайн образов будущего и управления реальностью. В этой области культурной рефлексии репрезентативность восстанавливается в правах.

Если вопрос о смысле жизни, адресуемый из поля его классического понимания в ряду оптимистических прогнозов, может найти в них положительный резонанс (например, в идее монадичности или "бессмертия внутри позитивности техники"²⁸), то к пессимистическому сценарию он малоприложим, поскольку образ субъективности, характерный метафизической интуиции толкования смысла жизни, демонтирован "бес-субъектностью".

Общая интенция исследования образов субъективности в нетрансцендентном ином, так или иначе акцептирующих смыслоязычную проблематику, состоит в том, что идея универсального смысла жизни, охватывающего из онтологической области приватные и социальные режимы субъективности, представляется нефункциональной.

Тем не менее, можно считать глубоко обоснованной точку зрения С.С. Хоружего, согласно которой, граничная трансформация субъективности, достигаемая в трансцендентальном и нетрансцендентном горизонте, принципиально различается, поскольку в последнем случае имеет место лишь онтическая радикализация. Манифестируемая, хотя бы и негативно, позади нее онтологическая область смыслов, остается сокрытой²⁹. В то же время, допустим вопрос: продуктивна ли из этого утверждения критика такого понимания инаковости, которое своим принципом полагает отсутствие трансцендентного мира и заслуживает ли оно упрека в деклинации от онтологической проблематики "смысла жизни"?

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла. – М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998. – 480 с.
2. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416с.
3. Бибихин В.В. Новый ренессанс. – М.: МАИК "Наука", "Прогресс-Традиция". – 1998. – с.162.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб., 2000. – 432с.
5. Антропология субъективности и мир современной коммуникации: Сборник статей. – М.: РИК, 2010. – 384с.
6. Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 352с.
7. Жеребкина И.А. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 312с.
8. Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software: L. Autonomedia, 2003. 165p.;
9. The Maching in the garden. Technology and Pastoral Ideal in America. 2-nd ed. N.Y.: Oxford University Press, 2000. 414p.
10. Флюссер В. О проецировании // Хора. – 2009. – №3/4 (9/10). – 65-76 с.
11. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
12. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Выпуск 1. 2007 г. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/bioyetika-i-gumanitarnaya-yekspertiza/vyp-1-2007/> (дата обращения 25.09.2011);
13. Гайдабрус Н.В. Смысл жизни в условиях глобальных проблем современности // автореф....дисс. канд.н. – Саранск, 2005. – 26с.
14. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. // Витгенштейн, Л. Избранные работы. М: Издательский дом "Территория будущего", 2005. – 440с.
15. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория. – 2006. – 199 с.

²⁷ Kittler F. Literature, Media, Information systems. Amsterdam: OPA. 1997, 191p.

²⁸ Киттлер Ф. Мир символического – мир машины. – Логос. – 2010. №1 (74). – С.20.

²⁹ Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия / С.С. Хоружий // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – № 3. – С. 18-36.

16. Самсонов Э. фон. Тело, машина и искусство: "Я очень хотела бы радикализации понятий, и даже своего рода архаической радикализации". Беседа с Элизабет фон Самсонов // Хора. – 2010. – №1/2 (11/12). – С.150-156.
17. Бруно Д. Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно (Извлечения). – с.220-240. // Бруно, Д. Избранное. – Самара: Агни, 2000. – 592с.
18. Кассунг К. Аппарат – это не постав // Логос. – №1 (74). – 2010. – С.164-173.
19. Шапинская Е.Н. Монструозный Другой в вербальных и визуальных текстах культуры. URL: www.promreview.net/.../mnozhestvennaya-identichnost-v-usloviyak... (дата обращения 30.09.2011);
20. Вульф. К. Homo pictor, или возникновение человека из воображения // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия "Философия. Филология."-2008.-№1 (3) стр.121-136 URL: <http://www.phil63.ru/homo-pictor-ili-vozniknovenie-cheloveka-iz-voobrazheniya> (дата обращения 04.10.2011)
21. Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Вечное возвращение равного (избранные главы). (Лекции 1923-1944 годов) // Splendor Solis. Альманах. – 1995. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/fof/soo/z0000281/index.shtml> (дата обращения 04.10.2011);
22. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – 479с.
23. Делез Ж. Ницше. – СПб.: Аксиома, Кольна, 1997. – 186с.
24. Разлогов К. Множественная идентичность в условиях глобализации / К. Разлогов // Свободная мысль : Теоретический и политический журнал. – М.: Медиа-пресса, 2008г. № 10. – С.117-122.
25. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. – М.: Академический Проект, 2007. – 479с.
26. Кампер Д. Тела-абстракции. Антропологический четырехугольник: тело, поверхность, линия и точка // Хора. – 2010. – №1/2 (11/12). – С.47-56.
27. Э. фон Самсонов. Тело, машина и искусство: "Я очень хотела бы радикализации понятий, и даже своего рода архаической радикализации". Беседа с Элизабет фон Самсонов // Хора. – 2010. – №1/2 (11/12). – С.150-156.
28. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. – с. 322-377 // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000. – М.: РОССПЭН. – 2005. – 592с.
29. Батлер Дж. Психика власти. Теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя. – 2002. – 160с.
30. Наумова Е. Новые концепции освобождения в современной гендерной теории // Гендерные исследования. – №20-21. – 2010. – С.355-363.

NON-TRANSCENDENT OTHER: THE ETHIC FORM OF NEW ONTOLOGY

I.V. GIBELEV

*Russian Institute
for Cultural Research*

e-mail: ricu@dol.ru

In this article I'd like to discuss the common sense of boundary field where the themes of ontological maintenance of "meaning of life" and meanings-life horizon of non-transcendent other comes into contact. In this connection in the first part I'll try to outline the general contour of the question, in the second part it would be offered the methodological perspective. The third part of work is planned the maintenance context of crossing these themes.

Key words: non-transcendent other, ontological maintenance of "meaning of life", new ontology.

УДК 1 (075.8)

РАЦИОНАЛЬНАЯ И ПАРАНАУЧНАЯ ФОРМЫ МИРОПОНИМАНИЯ

Г.Н. КАЛИНИНА*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры**e-mail: kalinina555@inbox.ru*

Острота радикальных изменений в самих основаниях науки, переход к новому, переживающему стадию становления идеалу научности требует диалектического подхода к проблеме соотношения между традиционным научным рационализмом «не признающим» правомерность вненаучных форм знания в качестве равноправных элементов конструирования культурной реальности, – с одной стороны, и чрезмерным увлечением паранаукой в русле постмодернистской деонтологизации мира знаний и знаний о мире, приводящей к деконструкции истины (ее критериев) и объективности, – с другой стороны. Сформулированная модель взаимоотношения науки и паранауки представляется нам наиболее адекватной характеру и уровню масштабности доминирующих общечеловеческих проблем. И она так же соответствует образу формирующегося постнеклассического идеала научности.

Ключевые слова: антинаучные, псевдонаучные, квазинаучные знания, антинаука, лженаука, псевдонаука, девиантная наука, культурный диалогизм, научный конструктивный скептицизм, толерантность, синтетическая модель познания.

Основной интенцией данной статьи выступает положение о том, что в значительной мере новый тип рациональности («рациональности особого рода») сегодня задается когнитивной стратегией постмодернистской парадигмы, которая утверждает легитимность плюрального мировидения, развитие множественности познавательной деятельности. Именно под влиянием культуры постмодернизма создаются предпосылки для распредмечивания научной области – границы науки становятся зыбкими и разрушаемыми. С учетом этого проблематика статуса, потенциала современной науки, взаимодействия научной и паранаучной форм (по)знания становится особенно актуальной, смещаясь, с точки зрения автора, в необходимом направлении поиска познавательной (и коммуникативной) модели, наиболее адекватной новой гносеологической ситуации, культурным реалиям в целом.

В данной статье автором предпринимается философская рефлексия существа проблемы, находящейся в плоскости соотношения рациональной и паранаучной форм миропонимания – науки как наиболее «чистой» формы рациональности и паранауки как превращенной формы и «маргинального» знания. Согласно позиции значительной части современных исследователей, вторая (паранаука), являясь неизменной спутницей науки, «светит» отраженным, но искажающим светом. За «исходное» возьмем тезис о том, что изменившаяся гносеологическая ситуация, новые реалии в современном обществе и его культуре, требуют перехода к более гибким, неклассическим и неортодоксальным моделям мышления. Прежняя парадигма познания, базирующаяся на классических подходах и нововременном типе мышления, уступает место неклассическим тенденциям и подходам, которые ориентируют на выход за пределы научного мышления, в пространство культуры. Это и объясняет тот факт, что практически все научные сообщества сегодня рефлектируют над будущим науки, находясь в пространстве культуры.

Важно подчеркнуть, что в значительной мере новый тип научной рациональности («рациональности особого рода») задается когнитивной стратегией постмодернистской парадигмы, которая стремится использовать конец холистского взгляда на мир для утверждения легитимности плюралистического видения исторической реальности и для развития множественности познавательной деятельности. Под влиянием культуры постмодернизма создаются (и продолжают стимулироваться) предпосылки для распредмечивания научной области. Являясь существенной частью изменений перехода к обществу

постмодернити и следуя в русле формулы «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит, так есть»), постмодернизм, по мнению основной части методологически рефлектирующих исследователей, делает границы науки зыбкими и легко разрушаемыми. С учетом этого проблематика статуса, потенциала современной науки, взаимодействия научной и паранаучной форм (по)знания становится особенно актуальной, смещаясь в направлении поиска познавательной (и коммуникативной) модели, которая была бы наиболее адекватной новой гносеологической ситуации, изменившимся культурным реалиям и способствовала бы преодолению напряженности в области взаимодействия науки с широким комплексом «другого» знания.

Интерес современных ученых к паранаучной проблематике с позиций ее рассмотрения как понятия и как феномена достаточно очевиден. Одновременно данная проблематика отражает то состояние неопределенности, напряженности и отчасти конфликтности, которое продолжает иметь место в пространстве «наука-паранаука». Российские ученые обеспокоены отсутствием четкого понимания существа целого ряда вопросов, касающихся сферы паранаучного знания (скажем, четко ли понимается, что такое пара, -лже, -квази, -псевдонаука? Где кончается наука и начинается лженаука? Наконец, с чем именно надо бороться? и т.д.).

На данный период в арсенале исследовательского аппарата (а также в разговорной речи) прочно укоренились и активно «работают» такие понятия, как «внеаучные», «антинаучные», «паранаучные», «девиантные», «лженаучные», «псевдонаучные», «квазинаучные» знания; равно как и «антинаука», «паранаука», «лженаука», «псевдонаука», «девиантная» наука. Подобную множественность и неопределенность терминологического обозначения данного ряда феноменов сближает их некая общность: все они находятся на границах науки, в пределах дихотомического разделения науки на «собственно науку» и «не-науку» и в целом трактуются как сомнительные (околонаучные) исследования, как антиподы «подлинного» знания в сравнении с наукой «в собственном смысле слова».

Позиция автора в отношении приведенного понятийного ряда такова. Прежде всего, выделим из данного множества, разнообразия понятие «внеаучное» знание, поставив его (понятие), как это сделал В.С.Степин, особняком. На том, прежде всего, основании, что наука, как известно, взаимодействует с различными формами знания, получаемыми в других пластах познавательной деятельности – в искусстве, философии, морали, праве, политическом дискурсе, в сфере обыденного познания. Такого рода знания В.С.Степин и назвал «внеаучными».¹ – они не являются результатом собственно научного исследования и генерируются в другие области культуры.

Выдерживая принципиальную определенность рассматриваемого феномена, обозначим все названные выше «множественности» дефиницией: «паранаука», отнеся приведенный выше ряд родственных понятий с частицами «лже», «псевдо», «квази», «деви», широко употребляемыми в паранаучной и критической научной литературе, к познавательным подвидам паранаучной формы (по)знания.² Автор считает более правильным вести речь не о целом ряде или нескольких «паранауках», как это, скажем, зафиксировано в справочной литературе, а трактовать паранауку как превращенную форму знания, функционирующего на границах с наукой. При этом следует заметить противоречивый характер употребления термина «паранаука» – то во множественном («тип паранаук», «для таких паранаук», «паранауки нередко бывают» и другие употребления), то в единственном числе («значение паранауки», «паранаука в ее современном виде»). Так, Т.Г. Лешкевич определяет паранаучное знание (оно же и форма внеаучного знания) как «несовместимое с имеющимся гносеологическим стандартом, включающее в себя учения и размышления о феноменах, объяснение которых не является убедительным с точки зрения критериев научности».³ К.П.Иванов интерпретирует паранауку как «проведение

¹ Степин В.С. Философия науки: общие проблемы. М., 2006.- С.12.

² Понятие «паранаука» было сформулировано в рамках философии и социологии науки, отражая результаты рефлексии о природе науки и ее взаимодействии с окружающей действительностью (в частности, стремление провести демаркационную линию между собственно наукой и иными формами знания).

³ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: «Дельта», 2001. – С.12.

сомнительных или даже заведомо ложных исследований и наблюдений». В отношении лженауки данный автор отмечает, что «в отличие от паранауки лженаука основывается на постулатах, которые ничем не доказаны и никем научно не доказываются, но облачаются в наукообразную форму». ⁴

Относительно авторов, под паранаукой понимающих многообразие идейно-теоретических концепций (течений, представлений), связанных с наукой общностью проблематики и методологии и при этом являющихся наукообразными по форме, но ненаучными по сути, скажем следующее. Тот факт, что паранаучная форма познания «заявила о себе» нередко в форме умозрительных конструкций, некоторых иллюзий бесспорен. Однако в приведенном выше определении неявно присутствует неприятие этой формы познания как таковой. То же относится и к некоторым другим толкованиям. Так, у одних авторов, «лженаука – это в каком-то смысле верхоглядство, попытка «проташить» утверждение, противоречащее существующему набору фактов, взглядов, представлений, на основе неоднозначного, часто единичного эксперимента, не подтвержденного другими исследователями. Случаются и прямые фальсификации». ⁵ У других авторов «паранаука – это в большей или меньшей степени манипуляция фактами, отбрасывание не укладывающихся в нее и творческое ангажирование оставленными». В данную сферу современные исследователи включают и «умозрительные изыскания пенсионеров-энтузиастов, часто в тех областях науки, к которым они в период активной деятельности большого отношения не имели, полагая при этом, что сделали крупные, даже эпохальные открытия» (Ю.А.Золотов). Есть и точка зрения о том, что это «банальное мошенничество, жульничество, сознательный обман, шарлатанство в науке со стороны «ученых» с большой дороги» (В.С.Логинов, С.И.Дорошенко, П.Катинин), и «преследование научными средствами вненаучных целей – идеологических, политических, престижных, вплоть до низменно корыстных при отсутствии трезвой сдержанности».

Присутствуют и более развернутые характеристики, «разоблачающие» паранауку. Так, в одних она представлена как «признающая науку на словах, а на деле построенная на результатах грязно поставленных, невозпроизводимых экспериментов, часто сопровождающихся откровенным жульничеством и подтасовкой фактов, «это – «теории», порожденные некомпетентностью, дилетантизмом или откровенной неграмотностью авторов». В других источниках читаем: «паразит на теле науки, она питается ее жизненными соками, присваивая себе научные факты и беззастенчиво имитируя научные подходы и методы. Ее отличают максимализм претензий при минимуме обоснованности, неоправданный замах на решение глобальных проблем при весьма скудном доказательном фундаменте». У академика В.Л. Гинсбурга такой подход: лженаучными являются утверждения или построения, «противоречащие твердо установленным научным данным» (хотя попутно академик замечает, что: новое в науке не отменяет старое, а дополняет, поднимает на новый уровень – теория относительности не отменила механику И.Ньютона). И далее: «лженаукой можно называть только твердо опровергнутые современной наукой утверждения, построения «теории», а различные, даже неортодоксальные с точки зрения ученых теории и идеи, неверность которых не доказана, еще отнюдь нельзя считать лженаукой». ⁶ То есть критерий доказательности здесь выступает одним из ключевых в системе общих «различительных» критериев, позволяющих «определить» научный или паранаучный статус той или иной теории.

Даются и такие толкования: паранаука – это и «учение, которое притязает на научный статус, но эти претензии не соответствует, не удовлетворяет требованиям научности, не укладывается в принятые наукой стандарты»; «паранаука – это околонучное решение реальных научных проблем, а в девиантных случаях, когда и сами «научные» проблемы оказываются квазинаучными (снежный человек, лохнесское чудовище, бермудский треугольник, НЛО, пришельцы из других миров (внеземных цивилизаций), полтергейст, барабашки, левитация, «жизнь после жизни»), – это «паранаучное постижение паранаучных проблем» (А.Н.Кезин)

⁴ Иванов К.П. Вестник РАН. Т.72. – № 1. 2002. – С.30.

⁵ Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги. М.: Наука, 2007. – С. 211.

⁶ Гинсбург В.Л. О науке, себе и о других. М.: Наука. Физматлит, 1997. – С.302.

К категории паранаучного знания причисляются и «ложные религиозные направления (окультизм, эзотеризм), которые в рамках специфической однородной системы разрабатывают внешне различающиеся вероучительные и мировоззренческие взгляды. Так, священник Андрей И. Хвыля-Олинтер характеризует феномен паранауки через рассмотрение явления оккультизма, псевдорелигиозных учений и архаичных форм познания в сознании современного человека – с точки зрения философско-научного и богословского подходов. Достаточно подробно данный автор указывает на ряд признаков, «диагностирующих» лженаучные изобретения и псевдонаучные взгляды. Наряду с этим говорится о четырех видах «объективных ограничений», которые имеет наука в своих возможностях познания мира (методологическое, историческое, этическое, моральное и нравственное, правовое ограничения). С. Яржембовский о феномене паранауки говорит достаточно разносторонне: называются ее признаки, причины классифицируются области «научных спекуляций» со ссылками на факты «квазинаучных, околонаучных, псевдонаучных, антинаучных воззрений», приводится типология аргументации, которой располагает паранаука (прагматического, онтологического, гносеологического характера). У него же мы встречаем рассуждения по поводу паранаучного знания с позиций перехода мифологизации в мистификацию с отсутствием четко выраженной между ними границы. При этом, подчеркивается, что «невольная мистификация простодушно-естественна – злокачественным образованием (паранаукой) она становится лишь в силу чрезмерно разросшихся претензий на обладание истиной».

Показательно, что ряд ученых высказываются в отношении того, что статус паранауки получила в свое время и «новая, еще не завоевавшая авторитета наука (космонавтика К.Э. Циолковского в начале XX века) или гелиобиология (последняя имеет шанс войти в сферу «нормальной науки»)». Говорится, что паранаучную теорию отличают отсутствие развитой теоретической схемы провозглашения новой научной картины мира, в результате чего теоретическая интерпретация материала строится непосредственно на основе последней. Наряду с блестящими теоретическими гипотезами в подобной теории присутствуют опора на непроверенные факты и противоречивые логические построения, неразработанность вспомогательных теорий или практических приложений.

Рассматривается паранаучное знание и с позиции методологии науки, основой которой служит научный метод. В частности, Джан Р. говорит о невозможности приближения экспериментов парапрактики по воспроизводимости к опытам классической науки с точки зрения технологии научного процесса. В общем контексте традиций классической философии феномен паранауки, «практика» параученых осмысливается В.С. Степиным, в то время как, например, Е.Б. Чижов рассматривает «измышления» атеистов, представителей оккультных наук, эзотерики в контексте роли математической науки. При этом дефиниции обосновываются с помощью фактов из истории науки и примерами относительности наших знаний и неприятия принципиально новых, относящихся как к собственно науке, так и к сфере изобретений. В частности, А.К. Сухотин, О.Ю. Охлобыстин в позитивном ключе говорят о невозможности прорыва к новым состояниям науки на пути только рациональных объяснений и доказательств. Причем авторы ссылаются на мнения И. Берцелиуса, Луи де Бройля о роли в науке метода индукции, основанной на воображении и интуиции ученого, как основе достижений науки и всех великих завоеваний мысли в целом.

Психологический портрет», «собираемый образ параученого», с попыткой проникновения в глубинные сферы личности дает М.Е. Поляков. Этому автору «образ параученого» «по-своему симпатичен», поскольку он участвует в процессе расшатывания догматизма в науке, равно как и догматизма самой науки». Одновременно ученый предлагает ряд специальных заслонов и защитных механизмов государственной науки против «паранаучных идей» и распространения последних в прессе, в книжной литературе. В.А. Кувакин дает оценку парафеноменов, видя в них некий научный и морально-юридический императив, – с позиции соотношения науки, здравого смысла и паранормального. Он же высказывается в отношении создания независимой экспертизы научных трудов, намечая ее принципы и методы. Культурно-идеологические аспекты явления паранормальности поднимаются В.П. Казначеевым, Н.П. Бехтеровой. Авторы М.В. Волькенштейн, В.С. Логинов, С.И. Дорошенко, П.И. Катинин, В.П. Казначеев (ведущий идеолог

изучения паранормальности) говорят о необходимости борьбы с лженаукой, разоблачения, наказания лжеученых, призывая «не проходить мимо фактов проявления псевдонауки». В контексте современных болевых проблем развития науки, взаимоотношения науки и антинауки, борьбы науки с «антинаучным мракобесием» высказываются Н.Лавров, В.Кудрявцев, В.Гинсбург, С.Капица, А.Венгеров, В.Садовничий, отмечая тревожность синдрома «вакуума в духовной жизни, заполняющегося антинаучными и псевдонаучными идеями». Другие авторы: В.П.Филатов, М.И.Кабанчик акцентируют внимание на источниках лженауки, подходя к их анализу с позиции соотношения «научное познание – мир человека». При этом одним из существенных источников называется «вторжение дилетантов, делающих выдающиеся открытия в «хорошей» науке.

В аспекте роста внимания россиян к вненаучным видам знания – мифам, социальным утопиям, к религиозно-нравственному опыту Востока, к интуиции как форме познания мира проблема паранауки рассматривается В.Е.Максимовым, А.Н.Прохоровым, В.В.Похлебкиным, Л.Н.Митрохиным, В.С.Семеновым, А.Ф.Окуловым, Н.И.Конрадом. Констатируя динамичные изменения в современном мире и в научных взглядах на мир, динамику мировоззренческих взглядов, расширение диапазона мистических и мифологических концепций, эта группа ученых апеллирует к эволюционному преобразованию, к отказу от наиболее одиозных и негуманных, ретроградных, реакционных позиций с учетом здравого смысла и научного, критического подхода к вопросам мироздания. В частности, А.Ф.Окулов говорит о важности наметившейся новой тенденции к синкретизму между научными и религиозными (обновленными и существенно изменяющимися) концепциями в вопросе их поворота к современным проблемам на платформе активизации связи с достижениями науки XXI века. Н.И.Конрад с учетом опыта России стоит на позиции, согласно которой и рационализм, и мистицизм представляют собой лишь различные пути к одному и тому же: к освобождению человеческого сознания от власти догмы, к выходу в сферу полной духовной, а это значит, и творческой свободы, а именно, полагает автор, для движения вперед человеческой мысли, общественной жизни, культуры, науки. Академик В.М.Найдыш, специализирующийся в вопросе «подмены науки квазинаучными формами сознания, мифотворчества, облаченного в одежды науки», а также – в исследовании функциональной ниши паранауки, прямо указывает на необходимость гибкого подхода и научного конструктивного скептицизма к вопросам, касающимся нестандартных поворотов мысли, к новым, даже «сумасшедшим» идеям, образам, и тем более, – к новым объектам, новым сферам познания.

Автор статьи, в свою очередь, интерпретирует паранауку как знание, имеющее преимущественно маргинальный статус, возникающее и функционирующее на границах науки и выступающее ее превращенной формой. Под понятие «пара» (греч: около, при) подпадает широкий спектр концепций, связанных с наукой общностью проблематики и методологии, но при этом не удовлетворяющих стандартам научности (или отклоняющихся от них), равно как и допускающих в теоретических построениях внерациональные, иррациональные представления о мироздании, возможность «чуда». (Последние выполняют своего рода компенсаторскую функцию «дефицита» укорененности человека в бытии). Такого вида маргинальное (в системе духовного производства) знание вырабатывается в паранаучных коллективах-сообществах с оформившейся иерархической структурой, этическими нормами и эталонами познания.

Сложившаяся система функционирования и взаимоотношения научной и паранаучной форм (по) знания требует ее критического пересмотра, поскольку не может быть названа адекватной как условиям новой гносеологической ситуации, так и современным реалиям в культуре модернити. Исходя из сказанного автор считает возможным апеллировать к синтетической познавательной модели, в рамках которой предполагается выработка новой, более гибкой и толерантной модели сосуществования и взаимодействия научной и паранаучной форм (по) знания. С учетом особенностей постмодернистской культуры, в рамках которой формируется широкое плюральное поле познавательной деятельности, автор считает целесообразным отказаться от жесткой дефиниции «паранаука», заменив ее на более приемлемое и комплементарное понятие «другое знание». В новых условиях рефлексивности это будет способствовать преодолению проблемной напряженности, имеющей место на протяжении всей истории науки, между научной и па-

ранаучной сферами знания и познания, между научным и паранаучным сообществом ученых соответственно. Тем самым будет сделан шаг в направлении разрешения одного из «классических» в области гносеологии противоречий, лежащего в плоскости общей фундаментальной проблематики демаркации науки и не-науки.

На общем фоне современных процессов, когда многие, казавшиеся ранее незыблемыми фундаментальные представления «плывут» и пересматриваются на наших глазах, диалогический и толерантный подход к решению научных, социальных «болевыми» проблем современности – это веление времени. Наличие или отсутствие принципа толерантности является ключевым и необходимым условием любого взаимного диалога. Сама же проблема толерантности возникает тогда, когда «другой», во всей своей совокупности, вызывает неприятие или осуждение. Не случайно в свое время К. Поппер, раскрывая суть метода рациональной дискуссии (ясная постановка проблемы и критическое исследование различных ее решений), указывал на то, что решению нужно придать достаточно определенную форму – форму, в которой его можно обсуждать в рамках диалога. Автор, в свою очередь, считает важным подчеркнуть: толерантность, характеризуя отношение к «другому», предполагает настроенность на понимание и равноправный диалог, уважительное отношение к «другому». Иными словами, «быть, – значит общаться диалогически». ⁷ В равной мере сказанное относится к проблеме данной статьи. Неклассические подходы, заявившие о себе и утверждающиеся в современной эпистемологии, расширяют сферу исследования проблематики взаимоотношения науки со всем комплексом вненаучного знания, способствуя тем самым утверждению иной познавательной парадигмы на научном поле.

Список литературы

1. Сухотин А. Парадоксы науки / А.Сухотин. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 240 с.
2. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы / В.С.Степин. М., 2006.- 348 с.
3. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации / Т.Г.Лешкевич. – М.: «Дельта», 2001. – 489 с.
4. Иванов К.П. // Вестник РАН. Т.72. -2002 № 1. – С.30-36.
5. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги. / Э.П.Кругляков. – М.: Наука, 2007. – 320с.
6. Гинсбург В.Л. О науке, себе и о других / В.Л.Гинсбург.- М.: Наука. Физматлит, 1997. – 360 с.
7. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М.Бахтин. – СПб.,2000. – 345 с.

RATIONAL AND PARASCIENTIFIC FORMS OF WORLD-VIEWING

G. N. KALININA

*The Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: kalinina555@inbox.ru

The article claims the dialectical approach to the issue of interrelation between traditional scientific rationalism which denies non-scientific forms of cognition as adequate elements of construction of cultural reality and extensive interest for para-science in the context of postmodernist de-ontologisation of the knowledge which leads to the deconstruction of the truth and its criteria. The presented model of interrelation of science and para-science is claimed in the paper as a more adequate to the nature and level of prominent human problems. The model is presented as relevant to the emerging image of post-nonclassical ideal of science.

Key words: antiscientific knowledge, pseudo-scientific knowledge, quasi-scientific knowledge, antiscience, false science, pseudo-science, deviant science, cultural dialogue, scientific constructive scepticism, tolerance, synthetic model of cognition.

⁷ Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.- С. 302.

УДК 167.62:89

СОВРЕМЕННЫЕ КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

М. А. КОЛОМЫЦЕВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: soc2.ved@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается актуальная проблема кадрового обеспечения органов местного самоуправления, дана попытка объяснить причину несостоятельности муниципальных служащих как профессионалов, проведён анализ определённого термина «кадровые технологии», рассмотрены три группы современных кадровых технологий, используемые в целях обновления, сменяемости кадров на муниципальной службе.

Ключевые слова: кадры, кадровая политика, кадровое обеспечение, технология, кадровые технологии, муниципальная кадровая политика.

Реформа муниципального управления в новой России XXI века существенно зависит от кадрового обеспечения. Специфика муниципальной кадровой политики в органах местного самоуправления детерминирована функциями и полномочиями данных органов, их организационной структурой, нормативными правовыми актами, а самое главное – целями органов власти – неуклонным повышением уровня жизни населения¹. Добиться реализации этой цели можно при эффективной реализации на муниципальной практике кадровых технологий. Вполне обосновано мнение о недостаточной профессиональной подготовке управленцев, недобросовестном отношении их к своим профессиональным обязанностям, неготовности решать задачи, которые ставит перед ними время. Согласимся и с мыслью о том, что «проблема, скорее всего, не в недостатке управленческого знания, а в его содержании, не в слабости подготовки управленческого персонала, не в отсутствии управления как такового, а в его нацеленности, организованности и технологиях осуществления»².

Для современной России, спустя более двадцати лет после начала отчёта постсоветских преобразований, проблема профессионализма и компетентности кадров в системе муниципальной службы и управления продолжает оставаться крайне актуальной. На уровне высшего руководства страны неоднократно указывалось на громоздкость, неповоротливость и неэффективность муниципального аппарата, а в отношении его профессионализма подчёркивалось, что для аппаратных работников знание современной науки управления – это всё ещё очень большая редкость³.

Причина несостоятельности многих муниципальных служащих как подлинных профессионалов своего дела кроется, в том числе и в самих технологиях, в основе которых продолжают лежать ставшие неэффективными методы, так называемого, экстенсивного формирования, развития и использования кадров. Нынешняя система назначения на руководящие посты «архаична» во многом напоминает «подбор и расстановку кадров», то есть те приснопамятные правила, по которым формировалась советская номенклатура. С одной лишь разницей: современные кадровые службы «работают менее эффективно»⁴. Данная оценка вполне применима и к органам местного самоуправления. Очевидно, следует согласиться с В.В. Черепановым, который утверждает, что кадровые технологии – это сложный комплекс форм, средств и методов воздействия на персонал ор-

¹ См.: Томильцев, А.В., Воронина, Л.И. Управление персоналом в органах государственной власти и местного самоуправления. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.midural.ru>

² См.: Основы теории управления войсками / Под ред. П.К. Алтухова. М., 1984. (Электронный ресурс) <http://ru.wikipedia.org>

³ См.: Астахов, Ю.В. Современные кадровые технологии: от теории к муниципальной практике: Монография / Ю.В. Астахов. – Белгород: Областная типография, 2010. – С.16.

⁴ См.: Медведев, Д.А. Вступительное слово на совещании по вопросам формирования резерва управленческих кадров 23 июля 2008 года (Московская область, Горки).

ганизации в целях достижения нужного для руководства результата⁵. Одновременно это и средство управления количественными и качественными характеристиками персонала, обеспечивающими реализацию функций и задач организации. В свою очередь обоснование и апробация на практике кадровых технологий с позиций их эффективного, комплексного использования может дать максимальный эффект и послужит инструментарием построения рациональной системы подбора и оценки кадров на муниципальном уровне⁶.

Для полноценного анализа существующей ситуации необходимо определиться с основными понятиями по данной тематике. Технология (от греч. *techne* – искусство, мастерство, умение и греч. *logos* – изучение) – совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата; метод преобразования данного в необходимое; способ производства. Кадровые технологии представляют собой совокупность определённых действий, приёмов, операций по отношению к статусу или характеристике персонала⁷.

Вместе с тем, до настоящего времени общепринятой трактовки понятию «кадровой технологии» ещё не сложилось.

Так, по мнению В.М. Захарова, понятие кадровой технологии должно включать в себя описание последовательности действий по управлению поведением и деятельностью людей (персонала организации) в целях достижения заданного результата (стратегии организации в целом)⁸.

К.О. Магомедов полагает, что кадровые технологии – это институт эффективного управления персоналом государственных (муниципальных) органов и показатель оптимизации процедур кадровой работы, уровня развития её профессиональной культуры⁹.

По мнению Н.А. Чижова, «кадровые технологии – это соответствующим, наиболее эффективным образом разработанные и предложенные к реализации профессиональные приёмы работы с персоналом, решающие целевые задачи кадровых проблем»¹⁰.

В.В. Черепанов даёт следующее определение: «кадровая технология – это средство управления количественными и качественными характеристиками персонала, обеспечивающее достижение целей организации»¹¹.

Ю.В. Астахов утверждает, что понятие «кадровая технология» можно определить как рационально организованную систему планомерно выстраиваемых процедур, ориентируемых на решение кадровых проблем органов местного самоуправления, применение которых делает возможным не только достижение разового результата, но и его постоянное воспроизводство¹².

С помощью кадровых технологий определяется и уровень соответствия деловых, профессиональных и личностных качеств служащих потребностям организации и занимаемой должности, и эффективность их труда. Кадровые технологии работы с персоналом – это сложный комплекс форм, средств и методов воздействия на персонал с целью достижения необходимых результатов. Они обеспечивают востребованность возможно-

⁵ См.: Черепанов, В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебное пособие для студентов вузов. – М., 2007. – С.480.

⁶ Астахов, Ю.В. Современные кадровые технологии: от теории к муниципальной практике: Монография / Ю.В. Астахов. – Белгород: Областная типография, 2010.

⁷ См.: Тартыгашева, Г.В. Механизмы регулирования кадровых процессов и отклонений в органах государственной власти // Государственная служба России: проблемы становления и развития. М., 2001. – С.217.

⁸ См.: Захаров, В.М. региональная система формирования управленческого потенциала органов власти и управления // Управленческий голод в России и его традиции: Сб. материалов, приуроченных к 5-летию создания Белгородского государственного выступления. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.Н. Бердник. – Белгород, 2001. – С. 109.

⁹ См.: Магомедов, К.О. Кадровые технологии в управлении персоналом государственной гражданской службы // Служба кадров и персонала. – 2007. – № 10. – С. 34.

¹⁰ См.: Чижов, Н.А. Управление персоналом. Современные кадровые технологии (учебное пособие). – М., 2000. – С.27.

¹¹ См.: Черепанов, В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебное пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов, В.П. Иванов. – М., 2007. – С.469.

¹² См.: Астахов, Ю.В. Современные кадровые технологии: от теории к муниципальной практике: Монография / Ю.В. Астахов. – Белгород: Областная типография, 2010. – С.31.

стей персонала (управления карьерой), ротация кадров, профессиональное обучение и т.д.¹³ Применительно к современной муниципальной службе кадровые технологии понимаются как комплекс задач управления персоналом муниципальной службы.

Исследуя проблему формирования резерва управленческих кадров на муниципальной службе, отметим, что кадровые технологии по формированию кадрового резерва можно рассматривать как совокупность последовательных мероприятий, позволяющих получить всестороннюю, достоверную, персональную, оценочную информацию о человеке; текущие и перспективные, количественные и качественные характеристики состава персонала; высокие результаты деятельности каждого специалиста, призванных обеспечивать эффективное управление профессиональными возможностями человека, включённого в кадровый резерв. Иными словами, кадровые технологии выступают средством реализации управленческих действий характеристиками персонала с целью эффективного функционирования организации.

Мы полагаем, что применение кадровых технологий на муниципальной службе, во-первых, должно опираться на нормативно-правовую основу и, во-вторых, должно быть легитимным. Это значит, что применяемые кадровые технологии не должны нарушать права, личное достоинство человека. Действия по порядку их применения руководителями или специалистами кадровых служб должны быть строго регламентированы и, что немаловажно, содержание применяемых кадровых технологий должно быть понятным тому, по отношению к кому они применяются, то есть к муниципальным служащим.

Следовательно, данная задача означает, на наш взгляд, необходимость разработки эффективной системы подбора и расстановки управленческого звена муниципальной службы, с обязательным учётом накопленного опыта работы с кадрами.

По мнению ряда учёных и практиков муниципального управления, в целях обновления, сменяемости кадров на муниципальной службе используются, как правило, три большие группы современных кадровых технологий.

Первая группа – это технологии, обеспечивающие получение всесторонней достоверной персональной информации о человеке. На практике могут применяться различные методы получения такой информации, прежде всего, методы оценки: оценка по биографическим данным; оценка по результатам; аттестация; квалификационный экзамен; применение метода эталона; тестирование; личная беседа; проведение групповых дискуссий.

Применение всех перечисленных методов оценки не является обязательным. В практике работы с персоналом на муниципальной службе при всём многообразии таких методов выделяют легитимные, имеющие правовую основу, например, аттестация, конкурсный отбор.

Одним из требований, предъявляемых к участникам отбора в состав кадрового резерва в муниципальных образованиях, должно являться видение претендентом перспектив стратегического развития территории.

Вторая группа – кадровые технологии, обеспечивающие требующиеся для муниципального образования текущие и перспективные, количественные и качественные характеристики состава персонала. Среди них – технологии отбора и формирования резерва с использованием конкурсной технологии.

Третью группу составляют технологии, позволяющие получить максимальные результаты деятельности муниципального служащего. Сюда следует отнести технологии подбора персонала, ротацию, управление карьерой, профессионально-квалификационное развитие.

Весьма эффективной и распространённой кадровой технологией (причём, как в России, так и за рубежом) является ротация кадров. Ротация подразумевает перемещение специалистов или руководящих работников с одной должности на другую в пределах одного муниципального образования.

В этой связи следует отметить, что все три группы современных кадровых технологий применяются отдельно друг от друга. Они взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга, а в реальной управленческой практике не используются друг без друга.

¹³ См.: Управление персоналом / Под ред. А.И. Турчинова. М., 2008. – С.228.

Применение кадровых технологий в муниципальной службе должно осуществляться на нормативно-правовой основе, что придаёт им легитимность.

Однако не все кадровые технологии в равной мере имеют нормативное обеспечение. Чаще всего нормативно-правовую основу имеют такие кадровые технологии, как аттестация, конкурсное замещение должностей, формирование и использование кадрового резерва. В настоящее время отсутствует или недостаточно проработана нормативно-методическая база таких кадровых технологий, как управление карьерой, ротация кадров, проведение квалификационных экзаменов и некоторые другие¹⁴.

Определённые проблемы возникают в связи с отсутствием на федеральном уровне правового регулирования вопросов о порядке подготовки состава резерва кадров; о времени нахождения специалиста в резерве; об основании для исключения специалиста из кадрового резерва и т.д. Требуются объяснения и порядок наполнения электронных средств массовой информации сведениями о муниципальном служащем, состоящем в кадровом резерве. Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо подчеркнуть, что нормативное закрепление порядка использования результатов кадровых технологий для практики управления персоналом муниципальной службы имеет важное значение, так как уменьшает возможности субъективизма и волюнтаризма при их применении, повышает эффективность затрат на их проведение.

В этой связи, мы разделяем точку зрения кандидата социологических наук – Ю.В. Астахова – о том, «что формирование и развитие кадрового потенциала муниципальной службы в новой России требует не только создания прочной правовой базы, но и практического использования кадровых технологий, в том числе связанных с отбором, подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации муниципальных служащих»¹⁵, так как «...результативность реализации функций управления персоналом в системе муниципальной службы непосредственно предопределяется гибкостью использования кадровых технологий, степенью развития кадровых инноваций в управлении персоналом. В свою очередь, грамотное применение технологий стимулирует муниципальных служащих к самосовершенствованию в профессиональной деятельности, а, следовательно, к повышению эффективности муниципального управления в кадровой сфере»¹⁶.

Список литературы

1. Томильцев А.В., Воронина Л.И. Управление персоналом в органах государственной власти и местного самоуправления. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.midural.ru>
2. Основы теории управления войсками / Под ред. П.К. Алтухова. М., 1984. (Электронный ресурс) <http://ru.wikipedia.org>
3. Астахов Ю.В. Современные кадровые технологии: от теории к муниципальной практике: Монография / Ю.В. Астахов. – Белгород: Областная типография, 2010.
4. Медведев Д.А. Вступительное слово на совещании по вопросам формирования резерва управленческих кадров 23 июля 2008 года (Московская область, Горки).
5. Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебное пособие для студентов вузов. – М., 2007.
6. Тартыгашева Г.В. Механизмы регулирования кадровых процессов и отклонений в органах государственной власти // Государственная служба России: проблемы становления и развития. М., 2001.
7. Захаров В.М. региональная система формирования управленческого потенциала органов власти и управления // Управленческий голод в России и его традиции: Сб. материалов, приуроченных к 5-летию создания Белгородского государственного выступления. 2-е изд., перераб. и доп./ Отв. ред. А.Н. Бердник.- Белгород, 2001.
8. Магомедов К.О. Кадровые технологии в управлении персоналом государственной гражданской службы // Служба кадров и персонала. – 2007. -№ 10.
9. Чижов Н.А. Управление персоналом. Современные кадровые технологии (учебное пособие). – М., 2000.
10. Управление персоналом / Под ред. А.И. Турчинова. – М., 2008.

¹⁴ См.: Управление персоналом / Под ред. А.И. Турчинова. М., 2008. – С.229.

¹⁵ См.: Астахов, Ю.В. Современные кадровые технологии: от теории к муниципальной практике: Монография / Ю.В. Астахов. – Белгород: Областная типография, – 2010. – С.53.

¹⁶ См.: там же. – С.53.

MODERN PERSONNEL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF MUNICIPAL GOVERNMENT

M.A. KOLOMYTSEVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: soc2.ved@bsu.edu.ru

The article discusses the actual issue of personnel technologies in municipal government, explains the reasons of non-competence of municipal officers as professionals, analyzes the term “personnel technologies”, observes three groups of modern personnel technologies as means of development and rotation of municipal personnel.

Key words: personnel, personnel policy, personnel maintenance, technology, personnel technologies, municipal personnel policy.

УДК 1(091)(470)

ПОНЯТИЕ КОСМИЗМА И ПРОБЛЕМА ЕГО КЛАССИФИКАЦИИ

В.В.ЛЫТКИН*Калужского государственного
университета
им.К.Э.Циолковского**e-mail: Lytkin@kaluga.ru*

В статье рассматриваются вопросы методологии и истории определения понятия космизма, отталкиваясь от идеи всеединства («широкое» понимание космизма) и от идеи освоения космического пространства, проникновения в него («узкое» понимание космизма). Изучаются и формулируются возможные классификации основных направлений космизма, в зависимости от его идейного и мировоззренческого содержания (научно-эволюционный космизм; религиозно-нравственный космизм; космизм в искусстве), и в зависимости от времени возникновения (ранний, классический – «Космическая философия» К.Э.Циолковского, поздний).

Ключевые слова: космизм, понятие космизма, классификация космизма, «Космическая философия». К.Э.Циолковский.

Изучение русского космизма как целостного социокультурного феномена позволяет рассмотреть с единой точки зрения те пласты отечественной культуры, которые могут стать фундаментом выработки нового мировоззрения новой эпохи. Русские космисты впервые поставили вопрос о все увеличивающемся разрыве между человеком и природой, который приводит к потенциальным кризисам. Проблемы, получившие в настоящее время название глобальных, впервые формулируются в работах космистов. Таким образом, идеи русского космизма о всеединстве, ноосферном мышлении, космической эволюции человечества приобретают особую значимость в настоящее время.

Не смотря на различные подходы и позиции, на разное мировоззрение и мировосприятие, всех известных и безызвестных мыслителей и гениев, ученых и богословов, живших в разные исторические эпохи, в разных странах, и в различных культурных традициях, объединяет некое великое начало, позволяющее их всех, от Декарта, Аристотеля и Будды, до К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского и П. Тейярда де Шардена, считать единомышленниками и представителями мощной культурно-философской традиции, пронизывающей исторические эпохи и судьбы разных народов и отдельных людей. Это – традиция космизма. Человек и человечество, Земля и вселенная – эти понятия, казалось бы, бесконечно далекие друг от друга, считаются космизмом взаимосвязанными и взаимообусловленными. Тончайшие силы взаимодействия пронизывают космос, связывая в единый живой организм всю живую, неживую, разумную и косную материи. Идеи русских космистов обретают остросовременное звучание еще и постольку, поскольку их идеал связи человека с природой, взаимодействия человека и Космоса перекликается с идеями коэволюции, а выдвигаемое ими условие реализации этого идеала – единение человечества в планетарную общность, созвучно глобалистским концепциям. Предлагаемые русскими космистами концепции как естественнонаучные, так и философско-религиозного направления, указывали на то, что действительно является сущностью общечеловеческих универсалий и является движущей силой развития человечества в целом. Для нас особенно важным и интересным кажется то, что именно в России идея космизма обрела четкую концептуальную форму, став основой для начала практических работ в этом направлении. Имеется ввиду "космическая философия" К.Э.Циолковского и его теория межпланетных путешествий.

Мы стоим у самого начала эпохи освоения космического пространства. Является ли космонавтика только чем-то случайным в развитии человеческой цивилизации, или же это – нечто более глубинное и закономерное? Нам еще предстоит выяснить, насколько полно она соответствует жизненным интересам человечества, в какой степени меняет нашу жизнь, и в лучшую ли сторону. Но сейчас нас более всего волнует вопрос о том, почему именно в России на рубеже XIX-XX вв. идея космизма, имеющая богатейшую исто-

рико-культурную традицию, оформилась в более или менее стройную теорию, нашедшую позднее воплощение в практических свершениях.

Проблему трактовки понятия «космизм» и его сущность рассматривают в своих исследованиях: Ф.И. Гиренок, М.И. Потапенко, А.В. Гулыга, И.Г. Громов, О.Д. Куракина, В.И. Дуденков, В.П. Казначеева и Е.А. Спирина, трактуя понятие космизма с точки зрения широкого понимания как специфического мировосприятия, как особенности рефлексированного сознания в априорном предположении органического единства всего и во всем, как преобладание вселенского над индивидуальным¹⁷.

Отрицая широкую трактовку русского космизма, несколько иное мнение имеют Н.П. Ващекин, С.Г. Семенова, В.В. Казютинский, А.Д. Урсул, В.А. Кутырев. Для одних (В.В. Казютинский, А.Д. Урсул, Н.П. Ващекин) космизм рассматривается как идея выхода человека в космос, сопровождаемого активным преобразованием природы космоса и человека¹⁸, для других (С.Г. Семенова) – мировоззренческая идея «активной эволюции» человека и мира, направляемой разумом.¹⁹

Где-то в середине прошлого века, в пестром калейдоскопе всяческих теорий и философских систем, принимавших подчас форму мировоззрения той или иной группы русской интеллигенции, появляется и оформляется еще одна, связанная с пониманием закономерностей земной жизни как частных проявлений бытия космоса. Это направление философской мысли и получило название "космизм". Необходимо оговориться: космизм как явление общественного сознания и духовной жизни России был очень широко представлен в своей мировоззренческой базе. Элементы космизма мы можем найти у таких различных мыслителей как Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков и др. Явные элементы космизма мы видим в творчестве В.Ф. Одоевского²⁰. С 60-х гг. XIX в. начинает работать над "Философией общего дела" и Н.Ф. Федоров, мыслитель, одним из первых создавший стройную систему взглядов, в основе которой лежала космизированная идея "супраморализма" – природорегуляции, воскрешения умерших поколений и расселения их в космосе. Весьма показательна оценка, данная его творчеству Н. Бердяевым: "Это был русский писатель всеобщего спасения. В нем достигло предельной остроты чувство ответственности всех за всех – каждый ответственен за весь мир и за всех людей, и каждый должен стремиться к спасению всех и всего"²¹. Тот факт, что уже в середине прошлого века Н.Ф. Федоров предпринял попытку создать некую более или менее стройную систему космизма, в которой идея единства Земли и вселенной является определяющей, показывает, что уже в то время существовала определенная общественная потребность представить земную жизнь как проявление жизни космоса.

В учениях более поздних мыслителей эта идея принимает большую конкретность и стройность ("Космическая философия" К. Циолковского, учение о ноосфере В. Вернадского). Учение К. Циолковского, по нашему мнению, является и в настоящее

¹⁷ См.: Алешин А.Н. Феномен русского космизма // Русский космизм и современность: Сборник статей. М., 1990. – С. 4-12; Байдин В. "Космический бунт" русского авангарда // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. С. 181-207; Демин В.Н. К звездам быстрее света. М., 1993; Дуденков В.Н. Русский космизм: философия надежды и спасения: очерк. СПб., 1992; Дуденков В.Н. Философия космизма в России рубежа XIX – XX веков. СПб., 1998; Емельянов Б.В. Русская философия серебряного века: Курс лекций. Екатеринбург, 1992; Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993; Линник Ю.В. Амаравелла // Библиография. 1992. № 5-6. С. 32-43; Московченко А.Д. Русский космизм: автотрофность и человек будущего. Томск, 1996; Хайруллин К.Х. Философия космизма. Казань, 2003; Шапошникова Л.В. Веление Космоса. М., 1995.

¹⁸ См.: Гаврюшин Н.К. А был ли русский космизм? // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 3. С. 2-15; Казютинский В.В. Космизм, космонавтика и перспективы цивилизации // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 141-157; Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993; Ковалева Г.П. Философское исследование онтологии естественно-научного космизма. Автореф. дис.... канд. филос. наук. Кемерово, 2003.

¹⁹ Семенова С.Г. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс. 1993. – С.4

²⁰ Гаврюшин Н.К. Космический полет – логика развития художественной и научной идеи от античности до XX века. // Из истории авиации и космонавтики. Вып.16. М., 1972. – С.18.

²¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // о России и русской философской культуре. М., 1990. – С.228.

время наиболее полно отражающим основные идеи космизма, в частности, он ярко подчеркивает идею антропокосмизма и взаимозависимости элементов космоса. Позднее идеи космизма разрабатывал А.Чижевский, изучая закономерности солнечно-земных связей. В то же время, представляется неправомерным говорить о космизме как чисто русском феномене. Достаточно вспомнить, что К.Э.Циолковский некоторые идеи в области "космической философии" почерпнул из работ К.Фламмарiona – одного из замечательных популяризаторов науки в России и за рубежом²².

Особо отметим традицию философии всеединства. Датой ее возникновения можно условно считать 1874 г. – год защиты и опубликования В.С.Соловьевым магистерской диссертации "Кризис западной философии (против позитивистов)". В этой работе уже намечена основная проблематика философии всеединства, которая в дальнейшем углублялась и расширялась²³. В дальнейшем это вылилось у философа в его учение о Софии – единстве всего и всех со всем и во всем. В этом учении всякий мог найти что-то важное для себя и всякий же мог увидеть что-то неприемлемое. Все отдельные философские начала, все отдельные политические и нравственные принципы, нашедшие свое выражение в противоположных учениях, представляются недостаточными ввиду своей исключительности. Учение о Софии, как всеобщем, всестороннем и мудром логосе – законе и начале, предельно космизировано во всех своих аспектах, ибо объединяет в единую систему едиными связями, прямыми и обратными, человека и космос. А это во многом созвучно другому учению, возникшему на русской почве и взявшему за свою основу идеи космизма. "Философия общего дела».

Перед нами предстает достаточно ясно картина преемственности, традиционности взглядов русских космистов. Ее можно расширять и продолжать новыми оригинальными именами. Но важно то, что появление космизма в России было закономерным, было подготовлено всем ходом культурного развития страны на рубеже веков²⁴.

Ставя вопрос о сущности космизма, его дефиниции, предмете его исследования, сферы распространения в современной культуре и научном знании, прежде всего отметим, что в нашем понимании "космизм" – это достаточно широкое направление в духовной и материальной деятельности человеческой цивилизации, связанное с изучением и преобразованием природы специфическими средствами. Именно выявление законов, распоряжающихся бытием космоса и жизнью человека, выявление влияния космоса на человека и человека на космос и составляет предмет, изучением которого занимается космизм²⁵.

Таким образом, если мы скажем, что "русский космизм" изучает историю и философию возникновения эволюции и будущего вселенной и человека в их генетическом единстве, взаимообусловленности и взаимовлиянии, то мы едва ли окажемся очень далеко от истины. Хотя, безусловно, нельзя охватить этим определением всей диалектической сложности и глубины этого непростого и чрезвычайно широкого и разнообразного мировоззренческого течения.

В самом деле, мы можем найти проявления космизма в самых разнообразных сферах духовной и материальной культуры человечества. Его явные и завуалированные следы можно найти в религиозных и философских системах, в народном эпосе и литера-

²² Гаврюшин Н.К., Тихонравов М.К. 130 лет со дня рождения К.Фламмарiona. Из истории авиации и космонавтики. Вып.14. М., 1972. – С.23.

²³ Лосев А. Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс. 1990. – С.135-136.

²⁴ Лыткин В.В. Закономерность возникновения космических философий. Труды XXIX Чтений К.Э.Циолковского. К.Э.Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: Институт истории естествознания и техники РАН. 1996. – С.66-69.

²⁵ Автор статьи достаточно давно занимается изучением данного вопроса. См.: Лыткин В.В. Детерминизм и проблема первопричины в трудах К.Э.Циолковского. Социальные и философские аспекты критики религии. – Л-д.: Государственный музей истории религии и атеизма. 1987. – С.71-78.; Лыткин В.В. Космизм как явление мировой культуры. Учебно – методическое пособие. – Калуга: Калужский Филиал МГТУ им.Н.Э.Баумана. 1997. – 24с.; Lytkin, V. Tsiolkovsky`s Inspiration. Ad Astra. The Magazine of the National Space Society of USA. November/December, 1998. p. 34-39.; Лыткин В.В. Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. – Калуга: Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского. 2003. с.-193.; Лыткин В.В. «Русская идея» и русский космизм конца XIX – начала XX вв. Развитие идей К.Э.Циолковского. Материалы XLIV Научных чтений памяти К.Э.Циолковского. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2009. – С.38-39.

туре. Творчество многих представителей искусства буквально пронизано идеями космизма. Это перечисление можно было бы продолжить, и углубляя его в даль веков и расширяя на разные народы, все новые и новые страны и культуры.

Таким образом, «**КОСМИЗМ**», по нашему мнению, это – такое понимание человеком себя и своего места в мире, когда роль человечества вообще и отдельного человека в частности рассматривается в зависимости от закономерностей развития космоса, вселенной в целом. Иными словами, космизм – это понимание того, что судьбы человечества и человека неразрывно связаны с судьбами Земли, являющейся, в свою очередь, лишь частью вселенной. Уточняя понятие космизма, можно определить, **ЧТО КОСМИЗМ ЭТО** – такое понимание человеком своего места в мире, когда роль человечества вообще и каждого человека в отдельности рассматриваются в зависимости от процессов их совместного развития со вселенной. Это обоснование того, что судьбы человечества и человека неразрывно связаны с судьбами Земли и космоса. Космизм обосновывает закономерную неизбежность проникновения человечества во вселенную, что является закономерным этапом в развитии человечества, разума во вселенной²⁶.

Человек и человечество, Земля и вселенная, эти понятия, казалось бы, бесконечно далекие друг от друга, считаются и рассматриваются космизмом как явления взаимосвязанные и взаимообусловленные. Теория всеединства является своеобразным фундаментом, на котором происходило становление и развитие философии космизма. Тончайшие и весьма мощные силы взаимодействий пронизывают космос, связывая в единый организм, единую систему всю живую и неживую, разумную и косную материю. Теория космизма, как космизированный вариант концепции всеединства наполнена глубочайшим гностическим, эвристическим и аксиологическим, этическим потенциалом.

Возможно, по крайней мере, два подхода к определению понятия "космизма" и того, что можно называть "космической философией":

1) Можно реализовывать широкий подход к пониманию того, что судьбы жизни и развития Человека, Земли и Космоса едины, что они подчиняются единым правилам, единым законам в своем существовании. В этом случае мы скорее всего будем говорить о складывании или наличии в мировоззрении того или иного мыслителя, в той или иной исторической культуре или социокультурном сообществе космизированного мировосприятия или мировоззрения, основанного на идее космического всеединства. Философия всеединства в своем классическом виде сформировалась именно в России, составив едва ли не основу так называемого «русского ренессанса»²⁷. Под всеединством мы будем в дальнейшем понимать единство вселенной на субстанциальном, структурном и закономерном уровнях. Имеется ввиду, что представителям всеединства вселенная представлялась единой субстанциально (состоящей из единого вещества и единой материи), единой в своих структурах и проявлении действия единых законов бытия.

2) Возможен и более строгий, «узкий» подход к проблеме определения «космической философии», предполагающий не только теоретическое и мировоззренческое обоснование реальности бытия единой закономерной судьбы развития Человека, Земли и Космоса, но, что является наиболее важным, ценным и уникальным, обоснование и доказательство неизбежности проникновения Человека в Космос, активное воздействие Человека на процессы, происходящие в Космосе, а, значит, и непосредственное воздействие Человека на свою собственную судьбу.

При реализации второго подхода мы заметно снизим количество мировоззренческих и философских систем, которые могли бы быть отнесены к разряду "космизированных". Данный узкий подход представляется не совсем методологически верным, хотя и вполне корректным и справедливым в своем строго-философском основании. Но при этом из понятия "космические" выпадут те взгляды, которые подготавливали появление собственно "космических философий", не затрагивали проблематики космических путешествий, но являлись базой и предтечей их.

²⁶ Лыткин В.В. Философия космизма как явление мировой культуры. Учебно – методическое пособие. – Калуга.: Калужский государственный педагогический университет им.К.Э.Циолковского. 2001. – С.9.

²⁷ Акулинин В.Н. Философия всеединства. Сибирское отделение «Наука». Новосибирск, 1990, с.5.

Наиболее продуктивным было бы, по всей вероятности, понимать под "космизмом" и "космическими философиями" единство широкого и узкого подходов, объединив их в некое логически последовательное целое, генетически взаимосвязанное и взаимобусловленное. Это позволит в дальнейших исследованиях "космических философий" реализовывать широкий социально-культурный взгляд, историко-философский подход, наряду с конкретно-философским анализом проблемы.

Основываясь на сказанном, можно допустить и реализацию некоей, достаточно предварительной и пока еще условной, классификации "космических философий" и их представителей, вне зависимости от места и времени их появления.

Необходимо отметить, что подобные попытки по классификации космизированных взглядов предпринимались неоднократно. Еще в начале 90-х годов XX века С.Г.Семенова выделила «космоцентрическое» (религиозное) и «активно-эволюционное» направления в космизме²⁸. Позднее О.А.Карчевцев выделяет три основных типа космизма, три его основных течения: естественнонаучное, религиозно-философское и литературно-художественное²⁹. Наиболее полной, развернутой и обоснованной из классификаций космизма следует считать, по нашему мнению, классификацию, предложенную крупнейшим и наиболее авторитетным их современных исследователей философии космизма В.В.Казютинским. В.В.Казютинский предлагает выделять:

1. теoантропокосмизм – христиански ориентированный космизм;
2. антропокосмизм – разрабатываемый в рамках научного мировоззрения;
3. Эзотерический антропокосмизм – разрабатываемый в рамках влияний на человека высших космических сил;
4. Космическая философия К.Э.Циолковского;
5. Эклектические версии космизма³⁰.

Данная классификация представляется наиболее полной из существующих в настоящее время, наиболее продуманных. В то же время, по нашему мнению, данную классификацию возможно и упростить, соединив пункты 1-й и 3-й, впрочем, это право автора классификации, для целей своего исследования он создал наиболее подходящий ему вариант. Основываясь на самых предварительных и общих подходах, лежащих в историко-культурной сфере, автор настоящего исследования еще раньше пришел к собственному варианту классификации, полагая, что в самом общем виде "космические философии" можно подразделить на:

- 1) научно-эволюционный космизм;
- 2) религиозно-нравственный космизм;
- 3) космизм в искусстве³¹.

При этом мы вполне реально осознаем, что любая классификация – вещь очень условная и представители различных направлений в ее рамках на самом деле близки друг другу, более того, один и тот же мыслитель может принадлежать к разным направлениям, например: Н.К.Рерих, Н.Ф.Федоров и др. Тем не менее, классификация допустима и неизбежна для упорядочивания исследуемого материала. Она играет важную систематизирующую и служебную, методологическую роль. Для нас казалось важным не упустить явление космизма в искусстве – ибо огромное количество деятелей искусства постигало закономерности всеединства и неизбежности проникновения в космос на своем уровне, своими средствами.

Одновременно, мы предлагаем периодизацию космизма, в которой отталкиваемся от идеи того, что «Космическая философия», разработанная К.Э.Циолковским, будучи наиболее полным и законченным вариантом космизма, может по праву называться клас-

²⁸ Семенова С.Г. Русский космизм./ Русский космизм. Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С.3-4.

²⁹ Карчевцев О.А. Русский космизм. С.5-25. Грезы о Земле и небе. Антология русского космизма. «Художественная литература», С.П.-б., 1995. – С.9.

³⁰ Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского в контексте русского космизма. / К.Э.Циолковский. Космическая философия. Ред. В.С.Авдучевский. – М.: РАН, УРСС, 2001. – С.407-408.

³¹ Лыткин В.В. Закономерность возникновения космических философий. Труды XXIX Чтений К.Э.Циолковского. К.Э.Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: Институт истории естествознания и техники РАН, 1996. – С.67.

сическим учением космизма. В этом выводе мы опираемся на поддержку В.В.Казютинского, полагающего, что в космической философии К.Э.Циолковского: «... сочетаются все ... интерпретации космизма... Ценностные ориентации космической философии оказали наибольшее воздействие на современные концепции космонавтики... Ценностный аспект философской концепции основоположника космонавтики зримо присутствует в современных дискуссиях о перспективах космической деятельности, ее влиянии на общество»³². Необходимо лишь добавить, уточнить, что в космической философии К.Э.Циолковского присутствуют все элементы, позволяющие говорить о ней как о философской системе: онтология, космология, гносеология, этика, социология, и, наконец, практическая часть, в виде теоретической космонавтики.

На основании этого мы считаем целесообразным, основываясь на принципе историзма (времени возникновения того или иного учения, теории, концепции, и т.д.), выделить космическую философию К.Э.Циолковского как классическую, занимающую центральное положение в гомологическом ряду аналогичных теорий. В этом случае теории, появившиеся до «Космической философии» К.Э.Циолковского (т.е. до 1903 г.) мы будем называть «ранними» (ранний космизм), а те, что появились позднее – «поздними» (поздний космизм).

Ни одно явление в духовной и интеллектуальной жизни человеческого общества и любой его культуры не возникает на пустом месте, но имеет более или менее развитую традицию, преемственность, общекультурную направленность. "Космические философии" явились общетеоретическим фундаментом космонавтики и имеют значительную, глубокую и разнообразную традицию.

Чем является общецивилизационный, скорее общекультурный прогресс с точки зрения "космических философий"? Возможно, это в значительной степени процесс экспансии становящегося на ноги человечества (прежде всего в географическом и культурологическом смыслах). Это непосредственное, естественное стремление к овладению все новыми и новыми пространствами. Человечество изначально стремилось к захвату новых территорий (не обязательно при помощи насилия, но, к сожалению, зачастую при его помощи), сначала биологически, расширяя ареал своего обитания, затем обставляя это движение идеологически. Начиная с эпохи великого переселения народов, миграции индоевропейских племен, и кончая морскими путешествиями династии Цин, Великими географическими открытиями, путешествиями Магеллана и Колумба, не есть ли все это Великая экспансия человечества? В конечном итоге, именно с этой точки зрения становится объяснимой устремленность человечества в морские глубины (подвижническая деятельность Ж.-И.Кусто), романтическая заинтересованность в освоении воздушного океана, а затем и космического пространства, исследование иных планет.

Для древнейших культур в человеческой истории характерен пристальный интерес к, осознанию своего места в мире, к попытке включения себя в единую систему взаимодействия и взаимовлияний, объединяющую собственно Человека, мир его окружающий (Землю) и Космос. Образы мировой горы, всемирного древа, небесной лестницы и др., как отражение идеи единства, взаимосвязи всего сущего, характерны для большинства мифологических систем человеческих культур (шумеро – аккадская, древнеарийская, древнекитайская и др.). В дальнейшем подобные взгляды органически включались в мировоззренческие, религиозные и научные системы людей.

Все перечисленные черты мы находим и в русской культуре, начиная с культуры славянского периода. В то же время, в истории русской культуры мы можем найти и отличительные черты:

- "Серебряный век" русской культуры, являясь уникальным событием в культуре мировой, породил феномен русской интеллигенции.
- Россия на рубеже XIX-XX вв. была одной из наиболее демократичных стран мира, что видно из ее политического устройства того времени.
- В философском плане Россия отставала от Запада, но пристально исследовала нравственную, общечеловеческую проблематику. Начиная с М.Ломоносова и

³² Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского в контексте русского космизма. / К.Э.Циолковский. Космическая философия. Ред. В.С.Авдеевский. - М.: РАН, УРСС, 2001. – С.408.

А.Радищева, русская философская мысль была близка к глобальной проблематике, попытке осознать место человека и его роль во вселенной. Не случайно, что именно в России появились первые попытки создания общеполитических, общетеоретических работ по этому направлению. Именно здесь, в бурном котле российской жизни, кипевшем различными идеями, учениями и теориями, родилась еще одна – "русский космизм".

Его предшественниками были В.Одоевский, В.Соловьев; основоположниками – Н.Федоров, К.Циолковский, В.Вернадский; последователями – П.Флоренский, А.Чижевский и многие другие. "Космические философии" не есть лишь российское явление, мы с уважением говорим об О.Шпенглере, П.Тейер де Шардене, Дж.О.Нейле и др. Человечество в своем развитии закономерно шло к общетеоретическому обоснованию необходимости космонавтики. Это было объективным закономерным процессом. Россия несколько опередила в этом движении Запад и остальной мир. Интерес к нравственно-этической проблематике, поиски счастья, вывели русских мыслителей на новые, неожиданные направления в исследованиях. Русский космизм, вызрев в недрах философии всеединства, стал феноменом в истории мировой философии, счастливо связав историю человеческой культуры прошлого с современной и будущей глобальной практикой человечества, его нравственные искания путей своего развития.

Таким образом, мы можем дать определение понятия космизма, отталкиваясь от идеи всеединства («широкое» понимание космизма) и от идеи освоения космического пространства, проникновения в него («узкое» понимание космизма). Мы можем дать классификацию основных направлений космизма, в зависимости от его идейного и мировоззренческого содержания (научно-эволюционный космизм; религиозно-нравственный космизм; космизм в искусстве), и в зависимости от времени возникновения (ранний, классический, поздний). Надеемся, что это поможет в дальнейшем изучении космизма.

Список литературы

1. Семенова С.Г. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс. 1993. – 368с.
2. Гаврюшин Н.К. Космический полет – логика развития художественной и научной идеи от античности до XX века.// Из истории авиации и космонавтики. Вып.16. М., 1972. – 237с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // о России и русской философской культуре. – М.: Мысль, 1990. – 235с.
4. Гаврюшин Н.К., Тихонравов М.К. 130 лет со дня рождения К.Фламариона. Из истории авиации и космонавтики. Вып.14. М., 1972. – 223с.
5. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс. 1990. – 720с.
6. Лыткин В.В. Закономерность возникновения космических философий. Труды XXIX Чтений К.Э.Циолковского. К.Э.Циолковский и философские проблемы освоения космоса. – М.: Институт истории естествознания и техники РАН. 1996. – 198с.
7. Лыткин В.В. Детерминизм и проблема первопричины в трудах К.Э.Циолковского. Социальные и философские аспекты критики религии. – Л-д.: Государственный музей истории религии и атеизма. 1987. -218с.
8. Лыткин В.В. Космизм как явление мировой культуры. Учеб.-метод. пособие. – Калуга: Калужский Филиал МГТУ им.Н.Э.Баумана. 1997. – 24с.
9. Lytkin, V. Tsiolkovsky's Inspiration. Ad Astra. The Magazine of the National Space Society of USA. November/December, 1998. p. 34-39.
10. Лыткин В.В. Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. – Калуга: Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского. 2003. -193с.
11. Лыткин В.В. «Русская идея» и русский космизм конца XIX – начала XX вв. Развитие идей К.Э.Циолковского./ Материалы XLIV Научных чтений памяти К.Э.Циолковского. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2009 – 318с.
12. Лыткин В.В. Философия космизма как явление мировой культуры. Учебно – методическое пособие. – Калуга.: Калужский государственный педагогический университет им.К.Э.Циолковского. 2001. – 52с.
13. Акулинин В.Н. Философия всеединства. – Новосибирск: Сибирское отделение «Наука». 1990, – 156с.

14. Карчевцев О.А. Русский космизм. / Грезы о Земле и небе. Антология русского космизма. – С.Пб.: «Художественная литература», 1995. – 528с.

15. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского в контексте русского космизма. / К.Э.Циолковский. Космическая философия. Ред.В.С.Авдудевский. – М.: РАН, УРСС, 2001. – 478с.

NOTION OF COSMISM AND PROBLEM OF ITS CLASSIFICATION

V.V. LYTKIN

*Tsiolkovsky Kaluga
State University*

e-mail: Lytkin@kaluga.ru

This article discusses the issues of methodology and history of cosmism, building on the idea of Unity ("broad" understanding of cosmism) and the idea of space exploration ("narrow" understanding of cosmism). Examines and makes possible classification of cosmism, according to his ideological and philosophical content (scientific and evolutionary cosmism; religious-moral cosmism; cosmism in art), and depending on the time of its existence (early, classic – "Cosmic philosophy" of K.E.Tsiolkovsky, later).

Key words: Russian cosmism, notion of cosmism, classification of cosmism, "Cosmic philosophy of K.E. Tsiolkovskiy.

УДК 271.2:316.3:793 (47+57)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА В СИСТЕМЕ «АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ» 20–30-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ¹

Е.С. МОЛОСТОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: molostova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается социокультурная трансформация религиозного опыта в советский период в рамках атеистической пропаганды в период 20–30-х – гг. XX века. Представлены формы и методики по атеизации населения.

Ключевые слова: советская культура, пропаганда, советский период, религиозность, атеизм, праздники.

XX столетие в жизни человека характеризуется значительными политическими, социокультурными и религиозными трансформациями, на современном этапе вырабатываются новые культурные эталоны и образцы ценностных ориентаций. Все актуальнее становится изучение ретроспективного опыта советской культуры в рамках атеистической пропаганды в целом и конкретно – сатирической карнавализации традиционных религиозных праздников в повседневных практиках советского человека. С точки зрения советских обществоведов: «решающим условием становления массового атеизма в стране явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции, которая вызвала коренной переворот в мировоззрении людей, открыла путь к знаниям широким слоям трудящихся, положила начало массовому отходу от религии и церкви, формированию сознания миллионов людей в духе научного материалистического мировоззрения». ² В этих словах отражены не только идеологические установки, но и реалии нашей истории. Изначально, атеистическая пропаганда, проводившаяся под руководством коммунистической партии, была отнесена к наиважнейшей задаче исследования классового (позже – общественного, массового) сознания советского общества с целью его кардинальной трансформации (атеизации).

Первые «стихийные» акции атеистической пропаганды начали проводиться уже в начале 1918 года («Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Так в постановлении пленума ЦК РКП (б) от 19 мая 1918 г. «Об агитации духовенства» отмечалось: «Выясняется, что в последнее время усилилась агитация духовенства против советской власти. Решено провести против духовенства решительную письменную агитацию» ³.

Письменная агитация (книги, листовки, брошюры и т.д.) не могла оказывать значительного влияния на население по причине низкого уровня грамотности большинства. Документы Всероссийской переписи 1897 г. показывают: почти 100-миллионная масса народа не умела читать и писать⁴, и за 20 последующих лет что-то кардинально поменять не могло. В связи с этим огромный размах приобретает *наглядная агитация и пропаганда*. Ярким примером стали акции по вскрытию святых мощей с последующей широкой антирелигиозной «рекламой». Так «12 апреля 1919 года за время заседания Совнаркома Владимир Ильич получил от П.А. Красикова сообщение о том, что при вскрытии «святых мощей» Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре в присутствии представителей от населения, врачей, монахов была снята кинолента. Тогда В.И. Ле-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2012 год (номер проекта 6.1239.2011).

² Воронцов Г.В. Массовый атеизм: становление и развитие. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 5.

³ Воронцов Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.). Л., 1973. – С.16.

⁴ Куманев В.А. Революция и просвещение масс. – М., 1973. – С. 51.

нин пишет поручение секретарю: «Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино во всей Москве»⁵.

В 1918 году была отменена религиозная присяга в армии и суде, и ВЦИК утвердил новую «Красную присягу». В том же 1918 году из всех советских учреждений были удалены иконы, кресты и другие религиозные эмблемы. 13 мая 1918 года Ленин торопит Луначарского подготовить цитаты и надписи для украшения ими общественных зданий. Так же с фронтона здания Московского университета была сбита надпись «Свет Христов просвещает всех» и заменена словами «Наука – трудящимся». На здании Мосфинотдела, появился знаменитый лозунг: «Религия – опиум для народа», позднее замененного еще более сильными тезисами: «Через безбожие – к ленинизму» и «Борьба против религии – борьба за социализм»⁶.

В 20-30-х гг. XX века особую актуальность и значимость приобретает разработка и практика внедрения советских традиций и обрядов, которые должны были стать альтернативой религиозной обрядности. В связи с этим интересной представляется публикация от 15 ноября и 13 декабря 1922 года в газете «Правда», в которой партийный философ И.И. Скворцов-Степанов публикует статьи «Комсомольское рождество, или Почему бы нам не справлять религиозные праздники», «Еще о комсомольских святках». В них он предложил «усвоить религиозные праздники», но при этом изменить их смысл и содержание. Он призвал молодежь выйти на улицы в день Рождества и устроить потеху. В сани усадить идолов, вавилонских, египетских и буддийских богородиц с новорожденными младенцами Мардуком, Озирисом и Буддой. Лекторы, восседающие в тех же санях, должны были выступить непременно в облачении языческих жрецов. «Веселая» языческая фантазия Скворцова-Степанова увлекла комсомольцев и молодых партийцев. Они вышли на улицы многих крупных городов и действительно устроили потеху с шествиями, ритуальным сожжением богов, пением частушек, бравурной музыки, плясками и ряжеными. Сами комсомольцы плясали не в костюмах языческих богов, как предлагал Скворцов-Степанов, а в облачениях слугителей церкви, изображали священников.

В это же время прошло второе совещание Центральной комиссии при политпросвете ЦК РКСМ по проведению «комсомольской пасхи» 5 февраля 1922 г. Во-первых, было решено срочно созвать совещание «специалистов-театралов» Третьякова, Асеева, Городецкого и Мейерхольда для разработки программы будущего праздника. Во-вторых, участники совещания признали нецелесообразным устраивать особый комсомольский праздник в дни еврейской пасхи. В-третьих, было решено раскладку общей сметы средств, необходимых на проведение «комсомольской пасхи», произвести на такие мощные организации, как ВЦСПС⁷, Главполитпросвет, ПУР РККА⁸ и МК РКП (б)⁹. В заключение был поставлен вопрос о дополнительных денежных средствах и перед Агитпром ЦК РКП (б) секретарь антипасхальной комиссии Б. Менис (он же уполномоченный организатор по связи с прессой) доложил о предпринимаемых ЦК РКСМ мерах по развертыванию в стране движения по вытеснению христианских праздников новыми советскими праздниками и обрядами¹⁰.

Как отмечает Степанов Ю.С. «Приходит время, когда изменяются те естественные и бытовые условия, при которых образовалось это понятие или установился этот образ действий; тогда прежнее представление становится освященным преданьем, поверьем, а образ действий – обрядом»¹¹.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 50. – С. 279.

⁶ Какая философия нам нужна?: размышления о философии и духовных проблемах нашего общества / Сост.: Ю.Н. Солонин. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 156.

⁷ Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) — орган профессиональных союзов СССР, осуществлявший руководство всей их деятельностью в промежутках между съездами профсоюзов СССР. Избирался съездом сроком на 4 года в составе, им определяемом, и состоял из членов и кандидатов в члены ВЦСПС.

⁸ ПУР РККА – Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии

⁹ МК РКП(б) – Московский комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

¹⁰ Там же. – С. 157.

¹¹ Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-47 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologists.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>

Одновременно поднимается вопрос об отмене религиозных праздников как всеобщих выходных дней, в связи с этим все сильнее актуализируется процесс замены религиозной обрядности, гражданскими традициями. Важно отметить, что организаторы атеистической пропаганды не могли сразу противопоставить религиозным традициям новые, советские праздники и гражданские обряды, хотя «аналогов» праздников было предостаточно: «первой борозды», «дня урожая», «русской березки» и т.д., как предостаточно было и созданных гражданских ритуалов: октябрины, красные свадьбы, гражданские похороны. Инверсионный принцип бинарного сознания, проявляется в этих примерах достаточно наглядно. Как мы видим, здесь работает тот же принцип смены ценностей по принципу уничтожения одних другими и занятия места прежних ценностей в мировоззренческой картине мира. Так было при принятии православия, вытеснявшего язычество в процессе полного уничтожения и издевательства над чувствами людей и насаждения новой святости, так было и в советский период обратного движения от религиозности к атеизму и замены символики на противоположную¹².

Наглядным примером представляется публикация по материалам газеты «Безбожник» от 15 июня 1923 года, описанная в статье Савельева С.Н. «Советский атеизм – религия для несовершеннолетних», в которой группа молодых парней-комсомольцев из Томского уезда опубликовала свою программу борьбы с религией: «Деревенская молодежь, пробужденная к новой жизни, сама берется за искоренение старого зла. Простым, чисто житейским путем идет она по дороге к свету, ведя за собой и отстающих. Парни села Пачи, ребята сплошь неверующие, придумали ловкий маневр борьбы с религиозностью девушек. С теми из девушек, которые ходят в церковь, они решили не гулять. И они строго выполняют принятое решение. Девкам остается два выхода – или поумнеть, или ... идти в монастырь. Пожалуй, на последнее охотниц не найдется». Авторы, выступавшие от лица этой антирелигиозной группы – «Деревенская молодежь» («Дермо»), руководствовались самыми добрыми намерениями¹³.

В газете «Правда» от 28 июля 1923 года описывается, как на заводе имени Яковенко в Москве сыграли свадьбу «без попа и самогона», по-новому, по советскому: «Пыхтит, песенки поет самовар, молодая чай разливает, а молодой с преважным видом улыбается. Поднял чашку с чаем, коммунист Нетус, речь держит:

– Привет от коммунистов вам, молодые: вы первые из беспартийных нашего завода порвали сети религиозного дурмана. Так рвите же до конца их. На стене висят у вас боги-деревяшки. Растопите печку ими. Надеемся на себя и свои силы. В учении с Марксом с Ильичом найдете понимание жизни. Наперебой бросились молодые стаскивать иконы. Достали коммунисты портреты К. Маркса и В. Ленина, вручили молодым с наказом:

– Исполняйте заветы вождей пролетариата!» Итак, крещение заменялось «октябринами» (в дальнейшем – «торжественной регистрацией рождения»), венчание – красной свадьбой «по-новому, по советскому» (позже – комсомольскими свадьбами во дворцах бракосочетания), отпевание – «гражданской панихидой», иконы в «красном углу» и в общественных зданиях сменили портреты «вождей пролетариата»¹⁴.

Большую роль в пропаганде играли проводимые безбожниками, музыкальные *антирелигиозные вечера*. Задача вечера: показать в музыке, песне отражение художественного оформления религиозных и безбожных настроений и ту борьбу, которая происходит между старым эксплуататорским укладом жизни и мощными ростками новой жизни, вызванными Октябрьской революцией. Задача вечера заключается еще в том, чтобы показать нарастание в старом искусстве настроений, чуждых религии, новых исканий, вылившихся в пооктябрьском искусстве в безбожные формы. Соответственно этим задачам программа вечера делилась на три отделения. Музыкальные номера первого отделения демонстрировали всю примитивность веры и религиозных настроений масс в искусстве и народном творчестве. В заговорах, гаданиях, заклинаниях, в многочисленных сует-

¹² Климова, С.М. Русская интеллигенция: маятник бинарного сознания [Текст] / Климова С.М. // Человек. – 2006. – № 3. – С. 62-71.

¹³ Какая философия нам нужна?: размышления о философии и духовных проблемах нашего общества / Сост.: Ю.Н. Солонин. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 152.

¹⁴ Там же. – С. 160.

вериях отражается сущность религии как беспомощного состояния и зависимости человека от природы и неорганизованного хозяйства. В этом отношении выразительны следующие музыкальные произведения: 1) «Заклинание средних веков», слова Брюсова, муз. Василенко; 2) «Гадание», ария Марфы из оперы «Хованщина», муз. Мусоргского. Содержание второго отделения вечера, в дореволюционном искусстве, наряду с преобладанием в народном творчестве религиозных мотивов, встречаются проявления и других, уже чуждых религии, настроений. Противоречия между проповедью и жизнью попов и монахов, процветающие в их среде безнравственность и разврат подрывают в народной массе доверие к церкви и ее служителям; появляется насмешливое отношение к церкви и внутреннему быту. Характерными музыкальными произведениями, отражающими и эти религиозные блуждания и шатания масс, являются: 1) Дуэт Хиври и поповича из оперы «Сорочинская ярмарка», муз. Мусоргского; 2) юмористическая сценка «Про дьяка», муз. Корчмарева; 3) «Песня дьячка» из оперы «Черевички», муз. Чайковского; 4) «Семинарист» муз. Мусоргского. Третье и последнее отделение вечера: мощный отклик этим исканиям дает Октябрьская революция. Массы окончательно отшатнулись от религии в сторону науки и безбожия. Этот колоссальный сдвиг отразился в народных песнях, частушках, в произведениях Демьяна Бедного. Ими и наполняется содержание третьего отделения: 1) Басни Демьяна Бедного «В монастыре», «Богомолка», «Стара- помирать пора» и др. 2) музыкальная сцена «Поп или ЗАГС», муз. Лазарева; 3) дуэт «Красная частушка», муз. Потоцкого... Знаменуя грядущую гибель религии и торжество безбожия, вечер заканчивается использованием «Красного Марша», (музыка Лобачева)¹⁵.

Большую смысловую функцию носила организация детского безбожного досуга в детских дошкольных учреждениях и начальной школе, большое значение имели антирелигиозные костюмированные карнавалы, остановившиеся на некоторых детских костюмах.

«*Ловец*». Для такого костюма не нужно было больших затрат. Костюм попа или другого служителя культа показывается так, чтобы выявить роль служителей культа в отношении воспитания ребят. Церковнику, напр., дается сеть – можно обыкновенный старый бредень или гамак, в который вложены вырезанные из фанеры октябрята или пионеры. Для того чтобы этот костюм был более интересен, ряженный ловцом, бегая по залу (или катаясь по катку, если карнавал на льду), своими действиями привлекает внимание присутствующих к тому, что попы вовсе не так смиренны, как это любят изображать, что они проявляют живейшую активность там, где могут вовлечь ребят в свои сети.

«*Излишний багаж*». Школьнику, ничем по своему костюму, не отличающемуся от других, к спине привязываются или прикрепляются каким-либо другим образом, сделанные из тряпок куклы, изображающие различных служителей культов. К ногам привязаны кандалы, состоящие из макетов книжек, изображающих евангелия, библии, молитвенники и т.п.¹⁶.

Как отмечает Бахтин М.М.: «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. В карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью»¹⁷.

Одной из базовых идей советской пропаганды была ссылка на науку, как главный антирелигиозный аргумент. «Факты» – вот что должно было разбить дурман религиозного «маркобесия». Поэтому, начиная с наивных размышлений в школьных учебниках и до серьезной аналитики в академических структурах, повсюду выражалась общая установка на союз естествознания и атеизма. Своеобразное проявление эти установки проявились в разработанных методах преподавания химии, физики и пр. наук в школах с целью разоблачения религии. Так особый интерес представляет изучение на уроке химии темы «Горение и окисление». Приведем пример рекомендаций по проведению урока: «В книгах религиозного содержания и в религиозных сказаниях описывается много

¹⁵ Антирелигиозник 1927. № 11. – С. 56-58.

¹⁶ Антирелигиозник 1929. № 12. – С. 83.

¹⁷ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 13-15.

случаев получения огня чудесным образом: 1) неоднократно приходилось слышать рассказы о том, что в Иерусалиме патриарх на пасху испрашивал огонь у бога; без спичек, без всякого огня у него загорелись свечи или лампы; 2) египетские жрецы низводили огонь на жертвенниках в храмах. Чудес с огнями очень много. Для разоблачения их химия имеет весьма богатый материал. На основе его учащиеся должны понять, что если бы даже доля правды в этих легендах и имелась, то для объяснения подобных «чудес» незачем прибегать к силе всевышнего. После краткого вводного слова учащимися обычно демонстрировались один-два опыта получения огня без спичек: 1. Фильтровальная бумага, смоченная раствором фосфора в сероуглероде, сама воспламеняется на воздухе (сероуглерод быстро испаряется, остающийся на бумаге фосфор воспламеняется на воздухе, а затем загорается и бумага). 2. От прикосновения к спиртовке стеклянной палочкой, конец которой предварительно был опущен в смесь серной кислоты с марганцево-кислым калием, происходит ее воспламенение (реакция экзотермическая, в результате ее выделяется кислород, поэтому спиртовка и воспламеняется). В заключение проработки темы «горение и окисление» преподаватель проводит краткую, историческую беседу – как люди подошли к современной теории горения. Из сопоставления теории горения Флогистона и теории горения Лавуазье учащиеся должны понять, что развитие научной теории идет через противоречия и отрицания, т.е. их необходимо подводить к пониманию диалектических процессов, к диалектическому мышлению»¹⁸.

На основе научного анализа и обобщения представим систематизацию методик антирелигиозной пропаганды: 1. *Письменная агитация*, включала в себя широко поставленную издательскую работу – брошюры, журналы и т.д. 2. *Вербальная пропаганда* – лекции, семинары, кружки и т.д. 3. *Просветительская (научная)* – работа по созданию антиклерикальной литературы, разоблачение исторических и социальных корней религии (антихристианство), популяризация для широких слоев населения научного знания (наука – главный аргумент в пропаганде атеизма) и т.д. 4. *Наглядная (визуальная) агитация* – кино, агитпоезда (театр), революционные театры, плакаты, листовки, сатирические карикатуры и др. 5. *Аудиальная пропаганда* – стихи, частушки, радио, музыкальные антирелигиозные вечера. Наука использовала все доступные способы воздействия на человека: через зрение, слух, эмоции, слово.

Среди различных форм пропаганды атеизма, которые использовались в тот период, также можно назвать «живые газеты», «громкие читки для малограмотных», литературные антирелигиозные вечера, концерты и спектакли, агитсуды над церковной контрреволюцией, вечера вопросов и ответов, организации «красных свадеб» и «октябрин» и т.д. Среди различных методов пропаганды атеизма В.И. Ленин большое внимание уделял индивидуальной работе с верующими. Реализуя этот тезис, главный идеолог атеизма довоенного периода Е.М. Ярославский в 1924 году отмечал: «Атеистическая пропаганда не должна носить отвлеченного характера, она должна быть связана с повседневными явлениями жизни крестьянина, с его бытом. Она должна, выбивая камень за камнем из этого религиозного мировоззрения, заменять его научным мировоззрением. Если вы будете заниматься только разрушительной работой, разрушением теперешних их религиозных воззрений, не давая ничего взамен, то можно сказать наверняка, что крестьянство, выбившись из под грубого поповского обмана, попадет под влияние сектантов, уйдет к баптистам, евангелистам, молоканам, и толстовцам, к кому угодно». ¹⁹ Далее он разъясняет: «Каждая религиозная идея, каждый обычай, каждая традиция имеет свое прошлое и должна представлять перед верующим в ее историческом объяснении» ²⁰. Н.К. Крупская, например, занимаясь данным вопросом, указывала ученым на необходимость давать четкие ответы на вопросы: «Объяснить, почему в деревне центральной части России (она называет Воронеж, Тамбов и др. области) православные едят из одной миски, а старообрядцы, которые там проживают, каждый имеет свою отдельную посуду. И если кто придет к ним в гости, они свою посуду не дают, а дают особую посуду». Сама она была весьма далека от науки и ее объяснения звучат, мягко говоря, весьма на-

¹⁸ Антирелигиозник 1929. № 4. – С. 88.

¹⁹ РГАСПИ Фонд 606 Опись 4 ед.хр. 53, л.15.

²⁰ Там же, л.16.

ивно: «- Во-первых, старики – наиболее зажиточная часть жителей в деревне, они имеют возможность купить отдельные миски и ложки, в то время как православные менее зажиточные, не имеют такой возможности. Во-вторых, там распространен сифилис, поэтому наиболее зажиточная часть и в каком-то отношении более культурная часть населения устранила себя от возможности заболевания, устроила себе [...] свой Наркомздрав, дает каждому отдельную посуду, поэтому заболеваемость среди старообрядцев меньше, чем у православных»²¹. Однако, несмотря на весь примитивизм объяснительных практик, остается главное: пристальное внимание к каждому человеку, осознание того, что работа с людьми – единственный способ подлинного познания, понимания идей и чувств людей, и следовательно, возможность создания научной и действенной пропаганды.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Воронцов Г.В. Массовый атеизм: становление и развитие. – Л.: Лениздат, 1983.
3. Воронцов Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917-1937 гг.). Л., 1973.
4. Куманев В.А. Революция и просвещение масс. – М., 1973.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 50. – С.279.
6. Какая философия нам нужна?: размышления о философии и духовных проблемах нашего общества / Сост.: Ю.Н. Солонин. – Л.: Лениздат, 1990.
7. Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-47 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>
8. Климова, С.М. Русская интеллигенция: маятник бинарного сознания [Текст] / Климова С.М. // Человек. – 2006. – № 3. – С. 62-71.
9. РГАСПИ Фонд 606 Опись 4 ед.хр. 53 л.15.
10. РГАСПИ Фонд 606 Опись 4 ед.хр. 53 л.16.
11. РГАСПИ Фонд 606 Опись 4 ед.хр. 53 л.16-17.

SOCIAL-CULTURAL CONVERSION OF THE RELIGIOUS EXPERIENCE IN THE SYSTEM OF «ANTIRELIGIOUS ADVOCACY» IN THE PERIOD OF 1920-30S ON THE PATTERN OF SOVIET HOLIDAYS

E.S. MOLOSTOVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: molostova@bsu.edu.ru

The article is devoted to the problem of social-cultural conversion of the religious experience in the soviet period within the frame of atheistic advocacy in the period of 20-30s in the XXth cen. Forms and methods of imposing atheistic views on people are demonstrated in the paper.

Key words: soviet culture, advocacy, soviet period, religiosity, atheism.

²¹ РГАСПИ Фонд 606 Опись 4 ед.хр. 53 л.16-17.

УДК 1(091)

В.В. РОЗАНОВ: ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКИЙ АРГУМЕНТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н.М. МУРАДОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: muradova@bsu.edu.ru*

Статья посвящена анализу феномена жизнетворчества, как особого способа духовного бытия человека, в котором интуиция, переживание и понимание синтезируются в метод философского постижения жизни, смыслом которой становится творчество художника-творца.

В статье делается акцент на самопознание, предполагающее совпадение двух процессов: осмысления жизни и её проживания. Автор рассматривает изобретенный В. Розановым (нач. XX в.) литературный жанр как оригинальный пример русского неклассического философского мышления.

Ключевые слова: самопознание, интуиция, целостность, жизнетворчество, повседневность, дискурс, диалог, экзистенция, неклассическая философия.

*«...иногда мне кажется, что во мне происходит разложение литературы, са-
мого существа ея. И, может быть, это есть мое мировое «emploi»...»¹*

А.Ф. Лосев важнейшую особенность русской философии определяет как интуитивное, мистическое познание (сознание) сущего, предполагающее связь философии с жизнью, представленную в различных формах текста. Основополагающим началом этого процесса становится художественная литература, которая «является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях... часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме...»². В этих двух положениях наблюдается противоречие, ибо «практическая» ориентация формы на «мистическое постижение» жизни довольно сложно сочетаемы между собой. Но именно в этом сочетании – «узел» русского философствования, его суть.

Для русской философии, совпадающей в своем генетическом развитии с русской литературой, имманентна идея целостности, соединения творческого процесса с самопознанием творца. Это предполагает минимализацию дистанции между **проживанием** и **осмыслением жизни**, что было свойственно всем философствующим личностям России XIX столетия. Одной из форм проявления такого рода целостности становится феномен жизнетворчества.

Жизнетворчество – центральное понятие русской неклассической философии. Термин возник в Серебряном веке³, у символистов «младшего поколения» (впервые А.Белый⁴ вводит понятие в тексты, вошедшие в сборник «Эпопея «Москва» »/1923-1925гг.). Не имея аналогов в классической мысли, это понятие расширяет возможности рефлексии как бы изнутри самой жизни, из глубин того самого мистического сознания, о котором писал А. Лосев. Жизнетворчество – наиболее близко к немецкому понятию жизненного мира, который исследуется с точки зрения его природы как «внешней» сущности (по отношению к действующему субъекту) и с позиции творческого акта, деятельного участия личности в преобразовании жизненного процесса. Философия в таком слу-

¹ Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. – С. 206.

² Лосев А.Ф., Введенский А.И., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Ур. Ун-та, 1991. – С.71.

³ Ронен Омри. Серебряный век как умысел и вымысел // Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2000. – Вып. 4.

⁴ Белый А. Московский чудак. Проза. // Часть первая первого тома эпопеи «Москва». М., 1990. – С. 135.

чае становится неотъемлемой частью духовного развития личности, способом постижения действительности, выходящим за рамки его жизни. Она включена непосредственно в контекст познания жизненного мира личности. Философия жизнотворчества – совершенно особый способ духовного бытия человека, в котором *интуиция, переживание и понимание* синтезируются в метод философского постижения жизни, смыслом которой становится *творчество художника-творца*.

Русские философы первой половины XX в., в особенности В.В. Розанов, предложили собственную версию творческого бытия человека как личности. «**Самотворчество – превращение себя в произведение искусства...**», *тяга человека к творчеству своей жизни – «человеческое самостроительство»*⁵. Неклассическая философия всегда человекосоразмерна; по сути, классическую философию всегда интересовала сущность, а неклассическую – существование и единичность человека. И, безусловно, внутренне все эти философии мало похожи друг на друга и имеют специфику, лежащую в основании философской дифференциации.

Для Розанова, как представителя неклассического типа философствования, *жизнотворчество* сливается с понятием *повседневности*; он осуществил исторически первое в русской философии «оправдание» повседневности, придав ей онтологический статус. Розанов представляет ее как источник духовного опыта человека, как основание для нового способа осмысления бытия. Реабилитируя подобным образом живого человека, «обыденного», который любит свою семью, свой дом, философ сам нарочито становится в позу обывателя. Ограничиваясь специально интересами частной жизни, Розанов вступает в полемику, упрекает тех, кто живет «общественными идеалами». Таким образом, он творит из самого «Розанова», «не может ни выскочить, ни разрушить «Розанова».

Философия Розанова выступает в качестве уникального и самобытного явления, как для начала, так и для конца XX века. Мало кто, как русские философы Серебряного века в целом, и В.В.Розанов в частности, были способны почувствовать человека не только в его экзистенции, но и многообразных нюансах повседневной жизни или, говоря словами В.Шкловского «внутри частной темы».

В своё время А.Блок писал: «Жить стоит только так, чтобы предьявлять безмерные требования к жизни... Художник должен быть немного (а может быть, и много) дикарем. Искусство, мирно сожительствоющее с прогрессом, цивилизацией – ремесло» (статья «Интеллигенция и Революция» 1918г.). Развивая эти идеи, В.В. Розанов пришел к заключению: «Я ценю людей не за цельность, а за размах совмещающихся в них антиномий». При этом он саму цельность трактовал как сложное противоречивое единство нередко взаимоисключающих сторон личности художника. Таким образом, сама природа творчества, можно сказать, «навязывает» художнику в жизни девиантные формы поведения. Жизнь же в свою очередь, по Розановскому примеру, выступает как провокация к творчеству.

Текст становится новой концепцией жизни:

- текст конструирует реальность;
- «текст пишется, а не я его веду» (живет по законам языка сам).

В русской литературе совершенно новый по содержанию и форме жанр, пограничный между художественной литературой, антрополого-психологическими этюдами и социально-философскими размышлениями представил В.В.Розанов.

Розановская рукопись – синоним естественности и человеческой близости, ценность которых он описывал почти в каждой своей работе. «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это – инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература?»⁶.

«Выговаривая» свои душевные переживания, Розанов старается «уловить» их у других, в самой природе. Причем это отнюдь не литературный прием, а способ существования Розанова в мире и его душевного отношения к нему в той мере, в какой мир затрагивает душу. Второй смысл рукописности – это интимность. Форму своих писаний Розанов сравнивает с музыкой: «Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* му-

⁵ Шелер М. Избранные произведения. – М.: «Гнозис», 1994. – С.156.

⁶ Розанов В. В. Уединенное. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. – С. 277.

зыка в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...»⁷. Ф.М.Достоевский во многом повлиял на Розанова, подсказав и идею об общности писателя и читателя через чувство «интимного», «ощущение общего тона в душе, музыки души...».

Однако, реальным наставником, человеком, сыгравшим большую роль в творческом развитии Розанова, стал Н.Н. Страхов. Страхов был тем, кто направил Розанова к тому своеобразному «литературно-философскому» жанру, в котором последний смог проявить свой настоящий талант (в 1888 г). Страхов пишет Розанову: «Ваш особенный дар – большая нравственная чуткость. ... Думаю, что Вам нужно в эту сторону направить свои писания»⁸.

Василий Васильевич последовал совету человека, в котором угадал и настоящего друга, и настоящего учителя, и действительно проявил в своих лучших книгах именно чуткость к интимным вопросам человеческого существования, которая яснее всего выражает себя не в пространных трактатах, не в прочно связанных рассуждениях, а во внимании к «мимолетному», в художественно точных «зарисовках», в которых угадываются трагические узоры человеческой жизни. Тем более что на дворе был «серебряный век», о котором Розанов писал: «Замутился, помутился вкус, родник оценок». Эволюция взглядов Розанова – это сознательное движение от «философии понимания» до «философии жизни». В своем исследовании человека, Розанов коснулся тех глубин, которые были не замечены или проигнорированы другими, а именно: интимное, тайное.

Известный публицист, философ, «розановед» Дмитрий Галковский начинал свой «Бесконечный тупик» такими словами: «Пишущий о Розанове постоянно находится перед соблазном двух крайностей: крайности «отстранения» и крайности «растворения»...»⁹. Легко истолковать смысл подобной оппозиции, обратившись к другому наблюдению В. Зеньковского: «Он (Розанов) покоряет своего читателя прежде всего этой непосредственностью, порой «обнаженностью» своих мыслей, которые не прячутся за слова, не ищут в словах прикрытия их сути»¹⁰. Розанов, действительно, поражает читателя и вместе с тем провоцирует к некому сотворчеству, полному погружению внутрь темы.

Реальные коллизии жизни В.В.Розанова породили его «интимную философию»; личная жизнь становится поводом для размышлений о глобальных философских вопросах. В.В. Розанов во всём творчестве выступает как адвокат естественной морали «живой жизни».

«Живая жизнь» (синоним частной) рассматривается Розановым как целостность или узел, в который Бог связал концы всех вещей и который невозможно ни распутать, ни разрубить, сохранив живым. Таким образом, живая жизнь вбирает в себя все феномены бытия. Жизнь не нужно усложнять искусственными рациональными построениями («семью нельзя рационально построить»), – это лишь мешает нормальному ходу событий, считает философ. Жизнь нужно любить, а жить надо успевать; жить по универсальному моральному императиву «должное пусть *остается* должным». Руководствуясь принципом, сформулированным в работе «О понимании»: «что вверху, то и внизу», и исходя из его обратимости, Розанов представляет и объективный мир, и субъективный мир в виде прекрасной симфонии.

Настрой души на гармонию мира не терпит грубого вмешательства холодной логики, тем более идеологических установок, и вступает в противоборство с любыми попытками нарушить ее «музыкально-гармонический лад» – ее мелодию жизни, которую

⁷ Розанов В. В. Собр. соч.: Сахарна. М., 1998. – С. 272. («И я вовсе не все сплошь абсолютно записываю, а лишь тогда и то, что попадает на какую-то странную во мне таинственную музыку, сущности которой я совершенно не знаю, но которая заключается в чем-то приятно текущем во мне, что меня успокаивает, от чего мне хорошо, от чего мне гармонично. От чего мне в сущности *мелодично*. Вот нашел слово и, пожалуй, разгадку. Душа моя *мелодически* сложена, ей *поется*, – но глухим, безмолвным пением. Разве бы я мог столько написать (невообразимо), если бы не эта тайна *мелодичности*. При которой, – раз слова попали на эту нить, музыку, – я только «записываю», а слова безусловно и все уже сами рождаются»).

⁸ Из письма Н.Н.Страхова от 18 марта 1888 года // В.В.Розанов. Литературные изгнанники. Собр. соч. под общей ред. А.Н.Николюкина – М.: «Республика», 2001. – С.10.

⁹ Галковский Д. Бесконечный тупик. М., 1998. – С. 1.

¹⁰ Зеньковский В.В. История русской философии. СПб, 1991. Т. 1, Ч. 2. – С. 266.

не конструкты Гегеля установили, а шум листьев и полное звуков молчание семейного дома. «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полу мысли, полу чувства... Которые, будучи звуковыми отрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья – без всего постороннего... Просто – «душа живет»¹¹.

Отсюда обращение его не столько к разуму, который в силу своей специфики стремится превратить объект в предмет, сколько к душе, выступающей у него как особый, исходный пласт человеческого сознания, как живая взаимосвязь влечений, переживаний, сил, способностей, созвучных гармонии мира. При этом критерием душевных излияний является не холодная бесстрастная истина, а единственно – искренность повествователя, готовность к диалогичности – то есть расширению пространства понимания до Читателя – Другого. Этому служат его откровения, где, когда и по какому поводу ему «пришло на ум» то или иное свидетельство души. Это делается для опровержения, как он пишет, фундаментальной идеи сенсуализма: *nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu* (ничего нет в интеллекте, чего бы не было в чувствах – лат.). Конечно, жизнь души и работа разума соприкасаются, отталкиваются, противодействуют друг другу, совмещаются, но лишь в некоторой части. Такой подход является элементом неклассического философствования, отличного от рационального, доминирующего в западной мысли, когда рефлексия выступает необходимым условием познания окружающего мира, не выходящим за логические и объектные основания.

Русская философская мысль, развивавшаяся не только на немецкой, но и на греко-православных традициях, в свою очередь во многом заимствованных у античности, кладет в основание всего Логос. Ratio есть человеческое свойство и особенность; Логос метафизичен и божествен. «Если мы захотим, подводя итог сказанному, как можно короче охарактеризовать внешнюю и внутреннюю сущность самобытной русской философии, то можно это сделать следующей фразой. Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным ratio и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом»¹².

Одной из причин такой оппозиции, по мысли С.М. Климовой, стало то, что «русская мысль оказалась в пограничной зоне одновременного общения различных исторически определенных форм разумения. Это значит, что *рационализм* воспринимался ими уже не как главный принцип анализа, а как один из приемов изучения тех или иных процессов, наряду с другими, может быть и диаметрально противоположными. Не менее важно, что отношения, оказались организованы по типу диалогических и в таком «виде» были включены в состав органической переходности. Это был имманентный обстоятельствам и новым идеям органический переход, «трансформация логики мышления («трандукция») в форму *разума культуры, логики культуры*, или иначе ... актуализация бесконечно-возможного бытия в план *произведения*». *Произведение становится результатом бесконечного диалогизирования* многообразных способов мышления как внутри одного текста, так и между самыми разными позициями и подходами»¹³. Поэтому мечта и реальность вполне мирно уживаются в русском литературном тексте: философском, биографическом, художественно-поэтическом или религиозном.

Каждый писатель и воспитатель душ человеческих должен и может научиться слушать и слышать, видеть и распознавать движения души, считает Розанов. Но этого мало, писатель, если он настоящий писатель, должен уметь передать это другим. «Стилистические формы поэзии суть одновременно стилистические формы личной жизни» – так подытожил свои наблюдения о судьбах художников, рассыпанных по разным эпохам, Г.О. Винокур¹⁴. В его новаторском произведении «Биография и культура» утверждается взгляд на личную жизнь как на своеобразную сферу творчества. Строительство самого

¹¹ Розанов В. В. Уединенное. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. – С. 195.

¹² Лосев А.Ф., Введенский А.И., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Ур. Ун-та, 1991. –С. 74.

¹³ Климова С.М. На пороге диалогии культуры (на примере философских исканий Н.Н. Страхова) Вопросы философии, – 2010. №5.(с. 115-124) – С. 116.

¹⁴ Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М.: Русские словари, 1997. – С. 26

себя — трудный, не всякому подвластный творческий акт. Более того, в истории нередки случаи, когда важнее оказывается именно то, каким человек был, нежели то, что ему удалось создать.

Когда литературный текст создан, он приобретает надличностное, объективное бытие; все его важнейшие смыслы мы можем вычерпать, не выходя за его пределы. Вместе с тем, если мы зададимся вопросами: почему в произведениях преобладает и варьируется определенный образный строй, чем объяснить неожиданные изменения стиля; большие перемены в творчестве; как совмещались у данного автора его призвание и способности, — нам не избежать обращения к житейским подробностям и деталям характера художника, его интеллектуальной эволюции, среде общения и формам досуга, способом конструировать и одновременно проживать свою жизнь — то есть понять механику жизнетворчества. М. Мамардашвили отмечал: «Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся выяснить условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания...»¹⁵.

Всё чаще говорится о необходимости создания целостного «экзистенциально-антропологического подхода» в гносеологии. Вполне обоснованно можно утверждать, что такой подход в начале 20-го века начал осуществлять в своей философии В.Розанов, используя наиболее интимный, им же изобретенный жанр русской литературы, для утверждения новой философии жизни (частной) человека. Поскольку для грамотного изучения «обыденного человека» прежние познавательные установки не подходили, В.В.Розанов стал применять новые способы познания человека и его бытия. Его методология оказалась в итоге очень близкой той, которая сформировалась в *неклассической гносеологии* конца XX-го века.

Список литературы

1. Белый А. Московский чудак. Проза. // Часть первая первого тома эпопеи «Москва». М.:1990г. — 528 с.
2. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. — М.: Русские словари, 1997. — 186 с.
3. Галковский Д. Бесконечный тупик. М., 1998. — 708 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. СПб, 1991. Т. 1, Ч. 2. — 178 с.
5. Климова С.М. На пороге диалогии культуры (на примере философских исканий Н.Н. Страхова) Вопросы философии, — 2010. №5 (с. 115-124). — 195 с.
6. Лосев А.Ф., Введенский А.И., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Ур. Ун-та, 1991. — 592 с.
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию //Избр. ст., докл., выступ., интервью. — М.: Прогресс, 1990. — 366 с.
8. Розанов В. В. Собр. соч.: Сахарна. М., 1998. — 542 с.
9. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Собр. Соч. под общей ред. А.Н.Николюкина — М.: «Республика», 2001. — 734 с.
10. Розанов В.В. Уединенное. М.: ЛИРА. Соч.: Т.2, 1990. — 395 с.
11. Ронен Омри. Серебряный век как умысел и вымысел // Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2000. — Вып. 4
12. Шелер М. Избранные произведения. — М.: «Гнозис», 1994. — 490 с.

V.V. ROZANOV: LIFE AND CREATION AS A PHILOSOPHICAL ARGUMENT OF THE RUSSIAN LITERATURE

N.M. MURADOVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: muradova@bsu.edu.ru

The article discusses the phenomenon of life as creation, as a specific means of spiritual being of humans, in which intuition, affection and understanding are synthesized into the method of philosophical cognition of life enabling the creation as a meaning of artist's life. The author emphasizes self-cognition which contains two processes: understanding of life and living. The article observes Rosanov's literary genre as an original example of Russian non-classical philosophical thinking.

Key words: self-cognition, intuition, wholeness, life as creation, everyday life, discourse, dialogue, existence, non-classical philosophy.

¹⁵ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию //Избр. ст., докл., выступ., интервью. — М.: Прогресс, 1990. — С. 154

УДК 286.12

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СУБКУЛЬТУРНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И МЕННОНИТСТВА)

С.С.ПОЧЕПЦОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

Статья посвящена проблеме анализа субкультурной религиозности на основе структурно-функционального подхода. Примером служат старообрядчество и меннонитство. Хилиазм, отрицание церковной иерархии, государственной власти, военной службы и присяги, сохранение архаичных традиций в повседневной жизни подтверждают типологическое сходство меннонитства и русского старообрядчества, что было обусловлено необходимостью выполнить функцию объединения носителей оппозиционных субкультур в Западной Европе и России.

Ключевые слова: старообрядчество, анабаптизм, меннонитство, амиши, субкультурная религиозность, религиозная субкультура, субкультурная религия.

Религиозная Реформация XVI века в Европе была тесно связана с кризисом феодализма и развитием капиталистических отношений¹. Многочисленные протестантские церкви и деноминации стали прибежищем не только оппозиционно настроенных по отношению к господствующей культуре, идеологии и государственным институтам, но и наиболее предприимчивых групп населения, несмотря на зачастую консервативный характер их доктрин и обычаев. В России типологически сходным явлением стало старообрядчество². Старообрядческая субкультурная традиция объединила оппозиционную по отношению к абсолютной монархии и государственной Церкви, наиболее консервативную, но и социально активную часть русского этноса, которая в XVIII – XIX вв. сыграла важную роль в становлении и развитии предпринимательства в Российской империи. Сходство между европейским протестантизмом и русским старообрядчеством можно объяснить не столько диффузией идей, хотя эти феномены религиозности не были изолированы друг от друга, сколько возникновением в обществе сходных потребностей и необходимостью выполнить функцию интеграции носителей оппозиционных субкультурных традиций³. Данный тезис подтверждается сравнительным анализом старообрядческой религиозной субкультуры и религиозной субкультуры меннонитства.

Русское старообрядчество, появившееся во второй половине XVII века, представляет собою множество разнообразных течений и согласий, сторонники которых после реформ патриарха Никона (1652 – 1666 гг.) провозгласили ложность нововведений в обрядность официальной Церкви, ведущую человека к гибели. Основными направлениями, оформившимися в старообрядческой среде, были поповское и беспоповское согласия. Одним из основных вопросов, разделившим старообрядцев, был вопрос о священнослужителях. Поповцы признавали священников, возведенных в сан до патриаршества Никона, беспоповцы же утверждали, что всё духовенство утратило благодать и теперь священническое служение невозможно. Новообразованные согласия, отделившись от Русской Православной Церкви, развивали параллельно свои учения. Но, при этом, проявились особенности присущих им религиозно-культурных традиций. Отстаивая свои доктрины в различных посланиях и проповедях, старообрядцы сформировали особую мировоззренческую позицию, зачастую противоречащую не только дониконовскому, но

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Пер. с нем. – М., 2002.

² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. – Минск, 2007.

³ Малиновский Б. Научная теория культуры: Пер. с англ. – 2-е изд. – М., 2005. – С. 24 – 45; Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции: Пер. с англ. – М., 2001. – С. 19 – 22.

и собственно христианскому вероучению⁴. Можно говорить о формировании старообрядческой религиозной субкультуры в рамках поповского согласия и парохристианских субкультурных религий, таких как хлыстовство и скопчество, на основе беспоповства. Однако сторонники большинства беспоповских согласий, в отличие от хлыстов и скопцов, всё же остались носителями религиозной субкультуры старообрядчества, примером чему служит Выговская пустынь. Отметим также, что старообрядцев всех согласий, помимо приверженности дониконовской редакции богослужебных книг и обрядовых правил, объединял отказ от поступления на государственную службу, так как государство санкционировало реформы патриарха Никона.

Относительно причин того, что в России борьба с идеологией «цезарепапизма» и церковной иерархией шла под эгидой своего рода «православного фундаментализма», можно сказать следующее. В Московской Руси большая часть народа жила в соответствии со сформировавшимися обрядово-догматическими церковными установлениями, крепко держась за них, и с опаской, а зачастую и с негодованием, взирая на нечто новое, выходящее за пределы сложившихся веками предписаний и традиций. Отношение к книжной мудрости и учености было негативным, таящим в себе возможное отступление от веры. Это выражалось в высказываниях, подобных следующему: «Богомерзостен перед Богом всяк любящий геометрию, а се душевний греси учиться астрологии и еллинским книгам... проклинаю прелесть тех, иже зрят на круг небесный; своему разуму верующий удобь впадает в прелести различные; любя простоту паче мудрости; величайшаго себе не изыскуй и глубочайшаго себе не испытай; а елико ти предано от Бога готовое учение, то содержи»⁵.

Ревностное отношение к церковной традиции, её восприятие как незыблемого основания всего человеческого бытия позволяло спокойно существовать, не вникая в глубины и тонкости богословия. Обрядовые установки воспринимались в сознании людей как данные свыше, и не могли нести в себе никаких искажений. Тем более, не могло возникнуть и мысли об исправлении церковных книг, а если кто-то и говорил об ошибках (например, Максим Грек), то консервативно настроенная часть духовенства заявляла о таких людях как о еретиках и смутьянах. Одним из примеров подобного отношения к церковному наследию является упоминание о следующем событии: «...Летописец под 1476 г. занес, по-видимому, немаловажное для его времени происшествие, что «некие философы начали петь: О, Господи помилуй; а другие просто Господи помилуй»⁶.

Правка богослужебных книг и изменения в обрядности породили недоумение и протесты в российском обществе. Отступление от старинных традиций было воспринято как не просто хула на Божественное установление, а как событие, предшествующее апокалипсису. Консервативно и оппозиционно настроенное духовенство и миряне, догматизируя в своем сознании обрядовые аспекты Православия, не признав нововведений, устремились на окраины Российского государства, где можно было служить по старым книгам, совершать обряды по ранее сложившимся канонам, сохранять старинные обычаи в повседневной жизни. Усомнившись в ортодоксальности «Никоновской церкви», они, однако, не только не отвергли ни одной обрядовой мелочи, но, напротив, на мельчайшем соблюдении этих мелочей основали свою систему. У бежавших на окраины России противников патриарха Никона главным образом и сосредоточились все обвинения в адрес Русской Церкви за её будто бы неуважение к восьмиконечному кресту, семи просфорам, двуперстию, за несоблюдение точного количества поклонов и т.д. Так появились собственно «старообрядцы», последователи «бегствующего священства», а потом и белокрыницкой

⁴ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков, 1910; Кальнев М.А. На радении у хлыстов: Обличение самообольщения хлыстовских лжепророков. – Одесса, 1902; Розанов В.В. Апокалипсическая секта (скопцы и хлысты). – СПб., 1914; Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды / Под ред. М.А. Кальнева. – Одесса, 1911; Conybeare F.C. Russian Dissenters (Harvard Theological Studies. Vol. X). – Cambridge, Mass., London, 1921.

⁵ Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С. 51.

⁶ Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С. 51 – 52.

иерархии⁷. Иные старообрядцы, не признавшие установлений Собора 1666 – 1667 гг., увидели в этих событиях пришествие антихриста, наступление последних времен и, что самое главное, утратили веру в присутствие благодати внутри Церкви и церковной иерархии, ища спасения лишь в строжайшем аскетизме.

Если поповское согласие сохранило церковную экклесиологию, то беспоповское согласие её упразднило. Апокалиптические настроения, преобладавшие в беспоповстве, сформировали идею о том, что антихрист уже воцарился на Руси и его духом пропитаны и Церковь, и государство, а раз так, то не может быть и речи о священноначалии. В представлениях старообрядцев-беспоповцев официальная Церковь и светская власть стали проводником идей и духа антихриста. Лишь отречение от всяких сношений с установлениями сего мира может привести к спасению души. Отрицая церковную иерархию, они составили представление о Церкви как о собрании истинно верующих во Христа (например, общины-«корабли» у хлыстов), которые, в силу сложившихся обстоятельств, без священства стремятся и достигают спасения⁸. Подобного рода идеи возникали еще до церковного раскола. Деятельность «лесных старцев» также свидетельствовала о появлении представлений о возможности достичь спасения без посредства священников. По мнению противников церковной иерархии, строжайшая аскеза, жизнь в удалении от городов и деревень, отказ от всего мирского являются залогом достижения «небесного Иерусалима». Можно также сказать, что в рамках восточнохристианской культурной традиции идейными предшественниками старообрядцев-беспоповцев были павликиане, богомилы и стригольники⁹.

В Западной Европе средневековая ересь вальденсов, порицавших роскошь и расточительство Католической Церкви, отвергавших церковную иерархию и ожидавших скорое наступление времён апокалипсиса (хилиазм), стала предшественницей анабаптизма и других крайних форм протестантизма, включая меннонитство¹⁰. Помимо вальденсов, предшественниками анабаптистов и меннонитов можно считать чешских гуситов¹¹.

Анабаптистское движение, возникнув в Германии и Швейцарии, распространилось в Западной и Центральной Европе в 1520 – 1550 гг. и было частью движения реформационного. Анабаптистские проповедники требовали разрыва не только с Римской Церковью, но и со всем окружающим миром, в том числе с государственным и общественным порядком. По их мнению, истинная Церковь должна быть общиной святых, возрожденных, а крещение без сознательной веры является лишь магическим обрядом, который не даёт человеку спасения. Название движения связано с тем, что швейцарские анабаптисты отвергали крещение детей и перекрещивали каждого нового адепта (греч. ἠναβαπτίζω – «перекрещиваю»)¹².

Поражение Крестьянской войны (1525 г.) в Священной Римской империи германской нации, гибель вождя народной Реформации Томаса Мюнцера (1493 – 1525 гг.), разгром общины «мятежных перекрещенцев» эльзасского Мюнстера (1533 – 1535 гг.), который был провозглашен «царством Нового Сиона», переместили центры анабаптистского движения из Германии в Нидерланды, Швейцарию, Моравию и положили начало эмиг-

⁷ Андерсон В.М. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С. 124.

⁸ Андерсон В.М. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908. – С. 124 – 125.

⁹ Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII – XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С. 255 – 332; Ангелов Д. Богомили. – София, 1961; Титлинов Б.В. Лекции по истории русской церкви // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1986. – М., 1987. – С. 230 – 261.

¹⁰ Gibbons Ph.E. “Pennsylvania Dutch”, and Other Essays. – Philadelphia, 1872. – P. 20 – 22; Wick B.L. The Amish Mennonites. A Sketch of Their Origin, and of Their Settlement in Iowa, with Their Creed. – Iowa City, Iowa, 1894. – P. 3-4.

¹¹ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. X.

¹² Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. XI – XIII.

рации «перекрещенцев»¹³. В анабаптизме возобладало «мирное» течение, возглавляемое проповедником из Фрисландии Менно Симонсом (1492 – 1559 гг.)¹⁴. Движение «мирных» анабаптистов возникло в Нидерландах в 1530 г. Основателями этого движения были Мельхиор Гофман, провозгласивший близкое пришествие Христа и наступление Его царства, и ученик Гофмана Ян Маттисен из Гарлема, объявивший себя «обетованным пророком Илией». Менно Симонс (Симон) стал организатором и наиболее ярким идеологом «мирного» анабаптизма в условиях Нидерландской буржуазной революции. По имени лидера голландский «мирный» анабаптизм получил название меннонитства.

Менно Симонс утверждал, что вера может основываться только на Библии, жизнь христиан должна быть такой же простой, как в апостольские времена, а пышная обрядность не нужна. В меннонитстве возрожден древнехристианский обычай совместных трапез-агап (др.-греч. ἀγάπη – любовь; братская трапеза), в память о Тайной вечери, вкушение вина и хлеба на которых тратовалось меннонитами символически.

Общины-конгрегации меннонитов появились в Голландии, Швейцарии и Германии. Первый конвент (съезд) меннонитов состоялся в 1538 г. в Букхольде, в Вестфалии. На нём была раскритикована позиция «воинствующих» анабаптистов во главе с Иоанном Лейденским. В 1539 г. Менно Симонс изложил свои взгляды в работе «Основная книга истинной христианской веры». Обобщающим богословским трудом Менно Симонса является «*Orega omnia theologica*».

Репрессии со стороны испанского короля Филиппа II Габсбурга вынудили Менно Симонса и его сторонников в 1555 г. покинуть Голландию и уехать в свободный ганзейский город Гамбург. Многие меннониты приняли мученичество в Швабии, Баварии, Австрии и Тироле.

Однако число сторонников «мирного» анабаптизма росло. Менно Симонс не считал, что общины меннонитов должны подчиняться жесткому лидерству. По его мнению, все вопросы необходимо решать соборно. Меннонитская церковь окончательно оформилась в 1630 г. на Синоде в Амстердаме и в 1632 г. на Синоде в Дорте, Голландия¹⁵.

В XVII – XVIII вв. меннонитство распространилось в Пруссии, Нижнерейнской и Южной Германии, Речи Посполитой, стало доминировать среди анабаптистов Швейцарии. В России общины немцев-меннонитов появились после Манифеста императрицы Екатерины II от 4 декабря 1762 г. Екатерина II своим Манифестом приглашала всех иностранцев, кроме иудеев, селиться в пределах Российской империи¹⁶. Первое переселение 228 семей меннонитов из Пруссии в Россию состоялось в 1789 г. Впоследствии российские меннониты переселились в Северную Америку и занялись фермерством в Канзасе, Небраске и Южной Дакоте.

С конца XVII в. меннониты селились в Северной Америке, сохраняя жизненный уклад тех стран, откуда они приезжали¹⁷. В основном это были выходцы из Голландии, Швейцарии, Пфальца, Эльзаса, Богемии (Чехии) и Моравии, Польши, после революции 1848 г. в Германии – из Пруссии. Первый меннонитский старейшина Виллем Риттенхауз прибыл в Северную Америку из Амстердама в 1688 г. Его наследники держали бумажную мануфактуру в Арнхейме, что позволило меннонитам издавать свои книги, в т.ч. переведённые на английский язык.

Первоначально селившиеся в Пенсильвании меннониты были выходцами из Нидерландов. Вместе с меннонитами из Голландии прибывали и квакеры, доктрина кото-

¹³ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. XV – XVII; Клибанов А.И. Меннониты. – М., Л., 1931. – С. 7 – 10.

¹⁴ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. XV – XVII; Клибанов А.И. Меннониты. – М., Л., 1931. – С. 10 – 22; Gibbons Ph.E. “Pennsylvania Dutch”, and Other Essays. – Philadelphia, 1872. – P. 20 – 22.

¹⁵ Wick B.L. The Amish Mennonites. A Sketch of Their Origin, and of Their Settlement in Iowa, with Their Creed. – Iowa City, Iowa, 1894. – P. 4 – 18, 49 – 60.

¹⁶ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. 1 – 24; Клибанов А.И. Меннониты. – М., Л., 1931. – С. 41 – 49.

¹⁷ Соколовский С.В. Меннониты в США // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1986. – М., 1987. – С. 67 – 87; Wick B.L. The Amish Mennonites. A Sketch of Their Origin, and of Their Settlement in Iowa, with Their Creed. – Iowa City, Iowa, 1894. – P. 18 – 41.

рых близка меннонитской. Первые меннониты-амиши прибыли в Пенсильванию из Швейцарии в 1709 г. и основали своё поселение у реки Конестога Крик¹⁸.

Помимо Пенсильвании меннониты расселились в Огайо, Мэриленде. Часть их поселилась в Канаде. Появление в 1845 – 1846 гг. меннонитских (амишских) поселений в штате Айова связано с именами Дэниэла Генгериха из Огайо, а также Джозефа, Питера и Якоба Шварцендрубера из Мэриленда.

Меннониты в Айове объединены в Амишское общество (the Amish Society) и Аманское общество (the Amana Society)¹⁹. Аманское общество (ветвь амишей) ориентируется на древнюю Церковь как на модель социального устройства. Все верующие должны быть вместе и всё делать сообща, иметь общее хозяйство и имущество. В отличие от «коммунистического» устройства аманских общин, конгрегации Амишского общества можно охарактеризовать как квазикоммунистические, так как амиши молятся вместе, вместе решают общие проблемы, но хозяйство ведут раздельно. Но и те, и другие крайне консервативны, не участвуют в общественной и государственной жизни, браки заключают только с единоверцами.

Центром американского меннонитства, всё же, является графство Ланкастер (старое название – Честер) штата Пенсильвания. Пенсильванских меннонитов называют Dutch («голландцы»), хотя говорят они на диалекте немецкого языка (Deutsch) с многочисленными лексическими заимствованиями из английского языка.

Конфессионально эти «голландцы» в основном относятся к старому Меннонитскому Обществу (the old Mennist or Mennonite Society). Их дома молитвенных собраний представляют собой низкие кирпичные здания и походят на дома собраний квакеров (the Society of Friends). С последними меннонитов объединяет учение о том, что Дух Святой пребывает в тайниках каждой человеческой души.

Молитвенные собрания меннонитов просты, как и собрания квакеров. Мужчины, в широкополых шляпах и простой одежде, сидят на скамьях с одной стороны дома собраний. Женщины, в простых чепцах или черных капорах, становятся в ряд с другой стороны. Служба ведётся на «голландском» (немецком) языке и включает проповедь, молитву и пение прихожан. Поют без предварительной подготовки и музыкального сопровождения. Пятиминутная пауза позволяет совершить личную молитву.

Меннонитские проповедники не получают платы за свою деятельность. Они выбираются следующим образом. Когда появляется вакансия, старшины общины-конгрегации собираются в маленькой комнате в молитвенном доме и определяют с кандидатами на её замещение. Затем они отдельно с мужчинами и отдельно с женщинами общины обсуждают выдвинутые кандидатуры и оставляют шесть. После очередной службы перед шестью кандидатами раскладывают шесть книг, из которых одна принадлежала умершему проповеднику. Тот, кто выберет книгу, принадлежавшую умершему пастору, становится новым проповедником, которого называют еще министром. Считается, что министра выбирает Святой Дух.

Три наиболее известные секты меннонитов провозглашают идею непротивления²⁰. Старые меннониты, община которых является самой многочисленной, участвуют в выборах, но не служат в армии. Им разрешено занимать такие общественные должности как школьный директор и дорожный смотритель. Но они не должны занимать посты в законодательной системе. Министрам не положено голосовать на выборах. Члены Меннонитского Общества не могут подавать судебные иски друг против друга. Они имеют право давать ссуды, но не должны взыскивать долги через суд. Меннониты не дают клятв, не заключают сделки, употребляя спиртные напитки.

¹⁸ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. XXIX – XXXIII; Gibbons Ph.E. “Pennsylvania Dutch”, and Other Essays. – Philadelphia, 1872. – P. 9 – 11; Glimpses of Amish-Mennonite Homes and Some Plain Talks to the Inmates with an Introduction by S.D. Guengerich. – Scottsdale, Pa., 1907. – P. 15.

¹⁹ Wick B.L. The Amish Mennonites. A Sketch of Their Origin, and of Their Settlement in Iowa, with Their Creed. – Iowa City, Iowa, 1894. – P. 42 – 48.

²⁰ Gibbons Ph.E. “Pennsylvania Dutch”, and Other Essays. – Philadelphia, 1872. – P. 12 – 19.

Новые меннониты (появились в 30-х гг. XIX в.) провозгласили возвращение к более старым правилам общественной и повседневной жизни. Например, они совсем не участвуют в выборах. Очень строго относятся к вероотступникам. Если кто-либо из членов меннонитской семьи отказался от своей церкви, во время совместных семейных обедов с этим человеком никто не сядет за один стол, ссылаясь на некоторые места из Нового Завета (например: 1 Кор. 5: 11).

Все меннонитские конгрегации признают только Библию источником вероучения, сохраняют приверженность пацифизму, а также анабаптистские правила крещения и обряд Евхаристии. Евхаристия трактуется символически, как воспоминание о событии из жизни Иисуса Христа, способствующее возвышению и укреплению чувства веры. Во время совершения обряда Тайной Вечери большинство меннонитов практикуют омовение ног и приветствуют друг друга священным поцелуем.

Упомянутые выше амиши или омиши (the Amish, Ommish, Omish), которых называли также «бородачами», представляют еще одно течение в меннонитстве²¹. Общество амишей отделилось от Меннонитской церкви в 1693 г., когда швейцарский меннонитский старейшина (министр) Якоб Амман (Аммон, Амен, 1656 – 1730 гг.), родом из Берна, отверг некоторые статьи меннонитского исповедания веры, принятого в Дорте. Он считал, что только благодаря собственным заслугам можно стать лидером конгрегации, но во главе общины не должна находиться женщина.

Амишей в Европе называли еще «горными меннонитами», так как их первые общины-конгрегации возникли в горной Швейцарии. Мужчины-амиши носят длинные бороды.

Якоб Аммон призвал следовать духу ранних трудов Менно Симонса. Он утверждал, что каждый верующий должен пробудить «дух Христов в своём собственном сердце».

В отличие от других протестантов, меннониты, включая амишей, признают крещение только в осознанном возрасте, не дают клятв, отвергают военную службу, участие в работе государственных структур, не оплачивают деятельность своих выборных старейшин-министров (они зарабатывают своими руками). Отвергая детское крещение, меннониты близки баптистам, Арминийским братьям, данкерам, кэмпбеллитам. Подобно квакерам, меннониты полагают, что избрание старейшиной-министром не определяется теологическим образованием кандидата, а даруется Богом.

Вероучение амишей основывается на достаточно буквальном и строгом толковании Библии. Амиши ждут Второго Пришествия Иисуса Христа и Его тысячелетнего царства (хилиазм). Основные положения вероучения амишей основаны на «Декларации главных положений нашей общей христианской веры» (1632 г.), принятой в Дорте. Членство в церкви амишей начинается с крещения по вере (кредобаптизм), которое обычно совершается в возрасте от 16 до 25 лет. Осознанное крещение по вере у амишей – это также необходимое условие для вступления в брак.

В США амиши живут патриархальными семьями, заключая браки только с единоверцами. По воскресеньям в своих фургонах, крытых желтыми тканями или клеёнкой, они отправляются на молитвенные собрания. После собраний члены конгрегации и их семьи собираются на обеды, главным блюдом на которых является бобовый суп.

Амиши одеваются по немецкой, швейцарской, голландской моде XVII – XVIII вв. Дети их носят такие же одежды, что и взрослые, только меньшие по размеру. Женщины обычно одевают капоры, узко прилаженные платья, коричневые, зелёные или какого-либо другого цвета платки, прикрывающие грудь. В домах амишей всегда можно увидеть орнаментированную и до блеска начищенную утварь, расшитые хлопчатобумажные полотенца.

За металлическими изделиями, например, за рессорами для фургонов, амиши обращаются только к кузнецам из братьев. По сей день амиши отвергают технические блага цивилизации. Ездят они не в автомобилях, а в фургонах или в лёгких двухколёсных повозках с откидным верхом. Амиши считаются своего рода «старобрядцами» даже сре-

²¹ Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916. – С. XXVIII; Gibbons Ph.E. "Pennsylvania Dutch", and Other Essays. – Philadelphia, 1872. – P. 20 – 22; Wick B.L. The Amish Mennonites. A Sketch of Their Origin, and of Their Settlement in Iowa, with Their Creed. – Iowa City, Iowa, 1894. – P. 4 – 18.

ди меннонитов. Из праздников, наиболее чтимых амишами, следует выделить Пасху, Вознесение, 4 июля (День независимости США), День благодарения, Рождество²².

Помимо амишей, среди американских меннонитов есть данкеры (Dunkers – от немецкого *tunken* ‘погружать’, т.е. ‘полностью погружать [крещаемого] в воду’), которые восходят к Крестителям (Баптистам) Евфрата Седьмого Дня (the Seventh Day’s Baptists of Ephratah) с их братскими и сестринскими Домами целомудрия (Brother and Sister houses of Celibates). Основателем секты данкеров является немецкий анабаптист Йоганн Петер Миллер, перекрестившийся из католицизма в 1735 г. Представлена в США и Моравская Церковь с обычаем подачи обязательных сладких угощений при сватовстве²³.

В России к западноевропейскому анабаптизму восходит штундо-баптизм²⁴. Название этого учения происходит от немецкого *Stunde* ‘братство [друзей Божьих]’ и греческого *βαπτισμός* ‘крещенный’. Изначально штундо-баптисты – это вюртембергские анабаптисты или, точнее, баптисты, поселившиеся в российском Причерноморье в 1817 г. Баптисты были преемниками «воинствующих» анабаптистов и английских индепендентов XVII в. В 1862 г. учение штундистов вышло за пределы немецких общин и стало распространяться среди малороссов и великороссов.

Близким к меннонитству феноменом русской субкультурной религиозности было духоборчество, а также молоканство²⁵. Духоборцы своеобразно толкуют учение о Святой Троице (Святая Троица – существо непостижимое, «Отец – Свет, Сын – жизнь, Дух Святой – покой»), признают «духовное крещение», отрицают церковную иерархию, отвергают пышную обрядность, Евхаристию трактуют символически, считают неприемлемым идти на государственную службу. Брак у них не считается таинством и совершается по одному взаимному согласию молодой четы. Усопших поминают добрыми делами и никакого другого поминовения не совершают, считая, что праведных Сам Господь поминает в царствии Своем. Молитвенных домов у духоборцев нет, культ весьма прост. Общие молитвы совершаются по воскресеньям и по праздникам (Пасха, Пятидесятница, День пророка Илии, Успение Божьей Матери, день памяти Св. мучеников Флора и Лавра как покровителей скотоводства). В общинах духоборцев пьянство, блуд, воровство, ложь жестко наказываются, вплоть до изгнания из общины.

В XVII в. в России молоканами называли всех сектантов, отвергавших учение Православной Церкви о посте и питавшихся в пост скоромной едой. Молоканами часто именовали и духоборцев. Основателем секты молокан, связанной с духоборчеством, считается живший в первой половине XVIII в. Семён Матвеевич Уклеин, портной из дворцовых крестьян села Уварово Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Молокане предполагали, что их учение имеет английские корни, уходящие в эпоху Ивана Грозного.

Если духоборцы своё учение основывают на устном предании, молокане апеллируют к Библии, признавая Священное Писание единственным источником богопознания. Молокане являются антитринитариями («Бог един, Он есть Дух, Христос – Сын Божий»).

Что касается русского старообрядчества, то нет убедительных доказательств его «генетической» связи с духоборчеством и молоканством. Тем не менее, устройство старообрядческих общин беспоповского толка имеет много общего с устройством общин молокан, духоборцев и анабаптистов-меннонитов.

Хилиазм, отрицание церковной иерархии, государственной власти, военной службы и присяги, сохранение архаичных традиций в повседневной жизни подтверждают типологическое сходство меннонитства и русского старообрядчества, что было обусловлено необходимостью выполнить функцию объединения носителей оппозиционных субкультур в Западной Европе и России.

Список литературы

1. Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII – XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982.

²² Glimpses of Amish-Mennonite Homes and Some Plain Talks to the Inmates with an Introduction by S.D. Guengerich. – Scottsdale, Pa., 1907. – P. 73 – 80.

²³ Gibbons Ph.E. “Pennsylvania Dutch”, and Other Essays. – Philadelphia, 1872. – P. 21.

²⁴ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков, 1910. – С. 461 – 494.

²⁵ Там же. – С. 204 – 383.

2. Ангелов Д. Богомили. – София, 1961; Титлинов Б.В. Лекции по истории русской церкви // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1986. – М., 1987.
3. Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1908.
4. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). – Пг., 1916..
5. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков, 1910.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Пер. с нем. – М., 2002.
7. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. – Минск, 2007.
8. Кальнев М.А. На радении у хлыстов: Обличение самообольщения хлыстовских лжепророков. – Одесса, 1902.
9. Малиновский Б. Научная теория культуры: Пер. с англ. – 2-е изд. – М., 2005.
10. Розанов В.В. Апокалипсическая секта (скопцы и хлысты). – СПб., 1914.
11. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды / Под ред. М.А. Кальнева. – Одесса, 1911;
12. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции: Пер. с англ. – М.: 2001.
13. Соколовский С.В. Меннониты в США // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1986. – М., 1987. – С. 67 – 87
14. Conybeare F.C. Russian Dissenters (Harvard Theological Studies. Vol. X). – Cambridge, Mass., London, 1921.
15. Gibbons Ph.E. “Pennsylvania Dutch”, and Other Essays. – Philadelphia, 1872.
16. Wick B.L. The Amish Mennonites. A Sketch of Their Origin, and of Their Settlement in Iowa, with Their Creed. – Iowa City, Iowa, 1894.

SOCIAL FUNCTION OF SUB-CULTURAL RELIGIOSITY (THE CASE OF THE OLD BELIEVERS AND THE MENNONITES)

S.S. POCHEPSOV

*Belgorod National
Research
University*

The article is devoted to the problem of analysis of sub-cultural religiosity based on the structural-functional approach. Examples are the Old Believers and the Mennonites. Chiliasm, the denial of the church hierarchy, government, military service and oath, the preservation of archaic traditions in daily life confirm typological similarity of the Mennonites and Russian Old Believers, which was due to the need to perform the function of union of adherents of opposition subcultures in Western Europe and Russia.

Key words: Old Believers, Anabaptism, Mennonites, Amish, sub-cultural religiosity, religious subculture, sub-cultural religion.

УДК 821.112.2.0-3

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ

Н.В. РОЖКОВА*Орловский государственный
аграрный университет**e-mail: more-nz@mail.ru*

Осмысление роли детства как важного этапа формирования личности произошло в истории цивилизации сравнительно недавно, что является показателем роста самосознания человечества. Каждая культурно-историческая эпоха вырабатывала собственный взгляд на детей, детство, методы воспитания и т.д. В творчестве Германа Гессе тема детства является сквозной и весьма значимой для понимания особенностей мировоззрения и художественного метода писателя. В статье представлен анализ образно-символической составляющей его произведений, посвящённых теме детства, проблемам воспитания и образования, взаимоотношениям представителей разных поколений.

Ключевые слова: детство, формирование личности, самопознание, проекции личности автора, мироощущение ребёнка.

Каким в памяти взрослого человека выглядит его детство? Конечно, многое зависит от возраста, конкретных условий жизни, состояния здоровья, мироощущения в данный момент – и одновременно ни от чего. В языке и нашей памяти запечатлелись «счастливая пора», «детская радость», «счастливый детский смех», «школьные годы чудесные», а массовая культура предлагает глянцево-образы беззаботного детства. В некоторой степени это так и есть, ведь если спросить пожилого или взрослого человека о детских впечатлениях или воспоминаниях, он обязательно расскажет что-то яркое, светлое, радостное, то, что память услужливо отложила в Копилку Жизненных Сил. И не важно, что это – любимый велосипед, подаренный отцом, книга, прочитанная с мамой перед сном, или запах бабушкиных пирожков – всё важно, неповторимо, невозвратно и прекрасно.

Почему же тогда И. Кант высказался следующим образом: «Многие думают, что детство было самым лучшим и приятным временем их жизни. Но это не так. Это самые тяжёлые годы, поскольку тогда человек находится под гнётом дисциплины и редко может иметь настоящего друга, а ещё реже – свободу»¹.

Давно известное явление – дети с завистью смотрят на взрослых, а взрослые на детей – имеет серьёзные мировоззренческие и социально-психологические причины. Не будем повторять те результаты социально-философского и культурно-исторического осмысления статуса ребёнка в обществе, роли детства в социокультурной истории человечества и человека, так как это достаточно детально, с опорой на зарубежные и отечественные источники сделано, например, в многочисленных работах И.С. Кона, статьях И.В. Носко «Детство как комплексная проблема» и Э.А. Куриленко «Историческая эволюция детства. Социокультурный контекст» (см. Список литературы). Напомним лишь, что каждая культурно-историческая эпоха демонстрировала уникальную картину отношения к детству, причём общая тенденция изменений от отсутствия интереса и суровости к детям через понимание уникальности этого этапа становления личности к проникновению в глубины детской психологии является иллюстрацией мысли З.М. Оруджева о постепенной гуманизации человеческого сообщества и аксиосферы культуры.

Постараемся выявить художественные принципы и подходы к изображению картин детства и образов детей в творчестве немецкого писателя Г. Гессе, а также ответить на вопрос о том, какой мировоззренческий и личностный смысл для творческой личности имеет «впадание» в собственное детство и обращение к детской тематике вообще, в чём смысл воспоминаний о родителях и родном доме и т.д. Герман Гессе удивительно часто обращается к затронутой нами теме, но на разных этапах творчества – под разным углом зрения, с разным эмоционально-образным наполнением, что обусловлено трансформа-

¹ Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: – ОЛМА-ПРЕСС, 2007. – Автор-составитель В. Балязин. – С.474.

циями внутреннего мира автора. Его творчество имеет выраженный педагогический компонент, доказательством чему является написанная и защищённая диссертация «Педагогические взгляды Германа Гессе» (автор Романова Г.В., 2006 год). Спектр затронутых в художественно-публицистическом творчестве Гессе проблем воспитания и образования, взаимоотношений в семье, вопросов преемственности необыкновенно широк. В его эссе и статьях встречаются весьма общие рекомендации, например, о нежелательности насильственного выбора круга чтения даже для самых несведущих читателей: «Детей и очень молодых людей никогда нельзя принуждать к определённому чтению; так на всю жизнь можно испортить им прекраснейшие произведения и настоящее чтение вообще»². Есть и целые произведения, в значительной мере посвящённые проблемам воспитания, самовоспитания и формирования личности. К их числу, на наш взгляд, следует отнести рассказы и сказки «Август», «Детство волшебника», «Детские годы Франциска Ассизского», повести «Под колесом», «Душа ребёнка», «Росхальде», «Сиддхартха», роман «Игра в бисер», но этот обширный список можно продолжить.

В первом приближении-прочтении прозаических произведений Гессе бросается в глаза их автобиографичность, либо дотошно-полная, либо частично-избирательная, но всегда наглядная, легко определяемая. Персонажи-мальчики учатся в тех же учебных заведениях, что и сам автор, изучают те же предметы, иностранные и древние языки, читают те же книги, так же увлекаются музыкой, остро переживают конфликты с родителями и наставниками, в свой черёд совершают глупости и живо чувствуют всё благородное, прекрасное, возвышенное. Но это наблюдение не может исчерпывать значимости сквозной темы в творчестве писателя такого масштаба, как Герман Гессе. Более интересны приёмы символизации, раскрывающие глубины внутреннего мира писателя и в то же время отражающие идейно-смысловые доминанты культурно-исторической эпохи. Анализ символично-архетипической составляющей творчества Гессе предпринимался на материале разных произведений, особенно часто исследователи творчества немецкого классика делают это в юнгианском ключе, учитывая наработанный материал об архетипах (их проявление и развитие можно вычленивать в творчестве Гессе) и личные связи великого писателя и великого психолога и философа. Например, в развёрнутом послесловии к сборнику статей и эссе Гессе о книгах и писательстве Александр Науменко выделяет ведущий, по его мнению, архетип «книжного человека» и книги, который определяет всю творческую биографию Германа Гессе. При этом раскрытие темы детства представляет собой реализацию одной из граней этого архетипа: «Самость» в детстве тождественна всей личности ребёнка, в которой Я ещё не отличает себя от окружающего мира, ещё слито с ним. Символ ребёнка, один из важнейших в мифологиях и религиозных свидетельствах как главное воплощение «самости», истинной веры, – центральный в творчестве Гессе...»³ Что касается «книжного комплекса», выделяемого А. Науменко, архетип самости в образе ребёнка преломляется в теме «непредвзятости» и «простодушия», необходимых для результативного чтения как одной из ипостасей личностного роста, творчества.

Если принять за основу эту точку зрения и «приложить» всю детскую тематику к архетипу самости, возникает резонный вопрос: почему в нескольких значимых, этапных произведениях дети умирают («Под колесом», «Росхальде»), оказываются брошенными («Клейн и Вагнер») либо сами бросают родителей («Сиддхартха»), а в романе «Игра в бисер» мальчик-воспитанник становится причиной гибели главного героя, бывшего магистра Игры Йозефа Кнехта? Поэтому, на наш взгляд, простой схематизацией в данном вопросе не обойтись. Обратимся к анализу конкретных произведений и постараемся выделить приёмы изображения детей и их внутреннего мира в произведениях Германа Гессе. Повесть «Под колесом», написанная в 1903-1904 годах, рассказывает историю одарённого подростка, которого просто «заучили», лишили детства с его играми и забавами, заменив их на древнегреческий и математику. Способности к наукам оказываются для Ганса Гибенрата роковыми, потому что рядом не нашлось ни одного по-настоящему вни-

² Гессе Г. Магия книги. Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с немецкого. – М.: Книга, 1990 – С.98.

³ Там же. – С.175.

матерного взрослого, заметившего приближающуюся катастрофу. Показательно, что мать Ганса давно умерла, а погибает мальчик, утонув в реке, что на символическом уровне можно считать возвратом в материнское лоно, в воды Реки Жизни. Ответственность за гибель талантливого, но слабого здоровьем мальчика автор возлагает на бездушную потогонную систему образования, в которой никому нет дела до индивидуальных особенностей и интересов школьников, и на недалёкого отца, который не уберёт подающего надежды сына. Повесть имеет остросоциальное звучание, так как отношение к ребёнку является показателем уровня культуры, и если задача системы образования состоит лишь в подготовке «полезных членов общества» путём муштры, казармы, то это общество не вызывает восторга ни у автора, ни у читателей. Но даже сквозь авторскую позицию, обозначенную в тексте довольно ясно и однозначно, просматривается и возможность иного прочтения-осмысления повести. Дело в том, что в разных произведениях Германа Гессе персонажи-мальчики – это, можно сказать, субличности автора, проецирующие его устремления и потребности на разных этапах развития. Немецкий писатель находил под серьёзным влиянием психоанализа, предложившего принципиально новые и эффективные методы проникновения в глубины сознания и подсознания. Сочетание психоаналитических практик с художественным творчеством позволяли Г. Гессе решать ряд задач, главной из которых на всех этапах творческого пути писателя было самопознание.

Вводя в свои произведения разные проекции собственной личности, Гессе рассматривает проблему с разных точек зрения, стремится преодолеть однобокость и субъективизм в понимании проблемы детства. Иллюстрацией к нашему тезису является, например, система образов в повести «Под колесом», где главный герой Ганс выбирает в друзья Гейльнера, способный и послушный мальчик оказывается под влиянием нигилиста, нарушителя дисциплины и лентяя. Налицо конфликт двух ипостасей личности Гессе-подростка, убежавшего из школы и ночевавшего в стогу сена и одновременно хорошо учившегося и проявлявшего большой интерес к филологии. В конце повести прилежный Ганс тонет в реке, а Гейльнер продолжает пирушку с друзьями: внутренний выбор сделан, Ганс оказался не жизнеспособен, а Гейльнер поможет своему создателю продолжить путь к самости. Схожая борьба точек зрения на более высоком в мировоззренческом смысле уровне представлен в прекрасной повести о сути художественного творчества «Нарцисс и Гольдмунд». Здесь Гессе решает очень сложную проблему: каков истинный путь постижения Духа, что более ценно для его внутреннего опыта – религия или искусство? И опять дружат и спорят (но уже на протяжении всей жизни) два мальчика, каждый из которых одарён по-своему. И здесь уже более зрелый, способный к диалектике мышления и восприятия жизни во всём её многообразии Герман Гессе приходит к выводу о том, что каждый путь приемлем, каждый тернист и прекрасен по-своему, но важно не ошибиться и выбрать свой единственно возможный.

В романе «Степной волк» тема детства возникает как второстепенная, но здесь мы уже видим три проекции личности автора: Гарри Галлер встречается на маскараде со своей возлюбленной Герминой, которая вдруг превращается в друга детства Германа, почти забытого, но, как оказалось, такого значимого и любимого. Все приведённые выше примеры симптоматичны, так как налицо усложнение и одновременно упорядочивание внутреннего мира писателя, которого занимает идея андрогинности. Встреча с Германом и Герминой свидетельствует о желании восстановить целостность личности, её внутреннего мира, раздираемого острыми противоречиями и даже пагубными влечениями. В романе «Сиддхартха» главный герой неожиданно обнаруживает, что у него есть уже взрослый сын, и ему открывается целый мир любви к ребёнку, забот о нём и – неспособности воспитать его достойным и счастливым человеком. Интересно, что к моменту написания этой популярной повести Г. Гессе уже имел трёх сыновей и «познакомился» с ролью отца. Возможно, поэтому в зрелых и поздних работах писателя образы родителей не так беспощадны и однозначны, а тон описаний и воспоминаний становится мягче, проникновеннее и *благодарнее*.

Самой «психологическим» произведением о детстве можно считать повесть «Душа ребёнка», которую вполне сравнима по глубине и напряжённости тона повествования с произведениями Л. Н. Толстого на аналогичную тему. Обоих писателей, на наш взгляд, объединяет **принцип психологической достоверности**, реализованный ими при

изображении образов детей и раскрытии «детской» темы. Гессе так же скрупулёзен и правдив в описаниях движений души мальчика и повествует о внутренних бурях, о настоящем бунте и против родителей, и против Бога, которые вовсе не исключают (а, скорее, предполагают) искреннее стремление к идеалу, нравственным и эстетическим высотам, к миру и согласию с близкими и друзьями. Поразительно неведение взрослых, умных и нравственно зрелых людей, не подозревающих о богатстве и опасностях напряжённой внутренней деятельности растущей души. Все **события** души мальчика (кража, страх разоблачения, драка с другом, дерзкий диалог с Богом, решающий разговор с отцом) – это его **со-бытие** с другими, с собой, с трансцендентным в режиме предельного напряжения всех духовных и душевных сил. Но если русский классик неоднократно подчёркивал близость ребёнка природе, чистоту и простодушие (т.е. **простоту души**), то немецкий писатель скорее согласился бы с К. Бальмонтом, который писал: «...слепцы думают, что детские души простые, как они думают, что Природа есть образец простоты. Но природа, каждый день создающая новые закаты и каждое утро находящаяся в безбрежном творчестве, есть воплощенная сложность, а не простота. Природа бежит простоты, как бежит пустоты. И детские души сложны, утончены, душа ребёнка извилиста, детская душа – лабиринт...»⁴

На этом этапе творчества у Германа Гессе хватает духовных сил, чтобы признать важнейший факт: детство не радужно-счастливая пора жизни, а время, полное забот, одиночества, страстей, борьбы, которые перемежаются моментами полного и абсолютно счастья, которое ни с чем нельзя перепутать, как нельзя и забыть. Но в более поздних произведениях Гессе возникает иной мотив: подросток тяжело переживает своё недетское уже состояние души, это своеобразное преломление темы потерянного рая, той истине чудесной гармонии с миром, которая возможна лишь в детстве. Кроме того, взрослые герои, достигшие высот Духа, становятся похожими на детей (Васудева в «Сиддхартхе», старый учитель музыки в «Игре в бисер», Август в одноимённой сказке и другие). Эти персонажи Гессе вернулись к невинности в соответствии с законом диалектики, ведь, как пишет Г. Иванченко, «...К невинности можно вернуться долгим путём через святость, но её невозможно сохранить, сохраняя, – таково одно из возможных прочтений евангельской притчи о слуге, зарывшем талант в землю. В состоянии невинности отсутствует возможность коммуникации с трагическим (с трагической мудростью). Человек изолирован от трагических аспектов своего существования. Это жизнь Филемона и Бавкиды, превращённых богами в деревья»⁵. Это состояние второго детства можно назвать совершенным, но у него есть одно важное свойство: «совершенство здесь удивительным образом не имеет возможности совершенствоваться», это, по сути, результатно-тупиковое состояние личности, так как вечная невинность статична, и, следовательно, противоестественна, она противоречит сущности и смыслу человеческого бытия. В разных вариантах и с разными смысловыми акцентами произведения Германа Гессе могут служить художественной иллюстрацией притчи о блудном сыне, с той лишь разницей, что возвращение происходит не к другому человеку, а к самому себе, а это и означает для Гессе новое обретение родного дома, духовных основ, порядка и гармонии. Это и есть путешествие от себя через волнения и испытания жизни к своему истинному «я», самости, ядру личности, которое зарождается и формируется именно в детстве.

Уход из светлого мира детства сопровождается необходимой **мифологизацией мироощущения ребёнка**: детство, будучи моментом «закладки» свойств и возможностей личности, по определению является периодом столкновений с внешним миром и другими людьми, период закономерных проб и ошибок, страхов и сознания собственной слабости. Но с течением времени «проступают», осознаются преимущества беззаботности, здоровья, радости самым обыкновенным вещам, которые объясняются одним единственным фактом: в детстве вся жизнь впереди, смерть как таковая пока только слово, лишённое коннотативного компонента. В течение жизни ребёнок и взрослый дважды меняются местами, осознавая недостаточность, неидеальность своего состояния: ребёнка не хватает свободы, а взрослый понимает, что именно в детстве он был по-настоящему

⁴ Бальмонт К. Морское свечение. Спб; М.:Т-во Вольф, 1910. – С.187.

⁵ Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – С. 143.

свободен. Но безгрешно счастлив может быть лишь ребёнок, а взрослый констатирует с тоской: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Именно **процесс идеализации детства**, который с психологической точки зрения выступает в роли компенсаторного механизма, помогающего преодолевать негативные и кризисные состояния психики, нашёл своё художественное воплощение в творчестве Германа Гессе. Обращает на себя внимание и тот факт, что полной мифологизации сознания и мировосприятия у Гессе не происходит. Немецкий писатель принимает неизбежность взросления, но его влечёт всё прекрасное, незамутнённое, совершенное, а ребёнок, как пишет А. Дугин в своих рассуждениях о совершенном человеке, – это «символ полноты, а не ущербности. Символ полного и абсолютного совершенства. Символ золотого века. Лучезарный светоносный младенец»⁶.

Особого внимания заслуживают произведения, в которых представлены радикальные способы решения проблем, связанных с детьми, это повести «Под колесом» и «Росхальде», где умирают дети, повесть «Сиддхартха», где сын покидает отца навсегда, и роман «Игра в бисер», финал которого – смерть главного героя, Йозефа Кнехта, связана с ребёнком. Смерть как предельное итоговое событие жизни имеет в художественном творчестве особое символическое значение. А. Науменко считает, что кризисные состояния души в произведениях Гессе начинают «сублимироваться и принимать образ символической смерти – магического преодоления раздвоенности сознания, новых рождений личности и «путь вовнутрь», путь к «самости». Насыщенный богатейшими архетипическими смыслами образ смерти в лоне матери-природы пройдёт почти через все произведения писателя»⁷. В «Сиддхартхе» биологической смерти мальчика нет, но он уходит в мир навсегда, налицо духовное разъединение отца и сына, что тоже можно считать своеобразным аналогом смерти. При всей банальности жизненный урок, полученный мыслителем, философом Сиддхартхой при общении с сыном, очень важен: отец не смог справиться с собственной любовью, баловал мальчика, понимая, что наносит ему вред. Если рассматривать сына как одну из проекций личности отца, то становится понятным, что мальчик воплощает страсти и подспудные терзания аскета Сиддхартхи. Сознательный отказ от мирской жизни неизбежно влечёт потери и внутреннюю борьбу. Человек может победить собственные страсти, но на определённых этапах может возобладать потребность в любви и страданиях, которые дают истинное счастье и полноту бытия.

Смерть детей в повестях «Под колесом» и «Росхальде» символизирует крушение надежд и неких жизненных перспектив, своеобразное подведение промежуточных итогов жизни или её отдельного периода. В повести «Под колесом» вместе с одарённым мальчиком автор «убивает» надежды общества на процветание, а в «Росхальде» смерть младшего ребёнка лишает семью всякой надежды на воссоединение. Таким образом, образы детей в обеих повестях символизируют значительный творческий либо преобразовательный потенциал, не реализованный по ряду причин.

Наиболее сложное преломление «детской» темы предстаёт перед нами в романе «Игра в бисер». В целом роман представляет собой попытку решения сложнейшей проблемы возрождения и обновления духовно-нравственного и творческого потенциала европейской культуры, причём эта тема неразрывно связана с проблемами воспитания и образования. Магистр Игры Йозеф Кнехт проходит путь от безвестного мальчика до главы мощной духовно-интеллектуальной структуры. Всё богатство и многообразие его внутренних открытий и достижений синтезируется в прошении об отставке, написанном под влиянием необходимости сделать рискованную попытку примирения двух чётко разграниченных в романе миров: мира реального и Касталии, провинции Духа и Игры. Нехитрый итог, к которому приходит великий магистр, звучит как предостережение современным обществам и государствам: «учителя нам нужнее, чем всё другое, люди, которые, прививая способность молодёжи находить верные критерии, служат ей образцом благоговения перед истиной, повиновения Духу, служения слову. И это относится не только к

⁶ Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – С.53.

⁷ Гессе Г. Магия книги. Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с немецкого. –М.: Книга, 1990. – С.188.

нашим элитным школам., это относится к школам мирским, некастальским, где воспитываются и обучаются будущие горожане и крестьяне, ремесленники и солдаты, политики, офицеры и властители, пока они ещё дети и поддаются обучению. Там – основа духовной жизни страны, а не в семинариях и не в Игре в бисер»⁸.

Приведённая выше цитата, как и роман «Игра в бисер» в целом демонстрируют довольно неожиданную коллизию: написав роман об игре как духовном и социокультурном феномене, Герман Гессе в известной мере предсказал её роль в культуре постмодернизма, характеризуемого отказом от тех самых **критериев**, в поисках которых человечество провело не одно тысячелетие. Писатель, переживший две мировые войны, понимает, насколько необходимы человеку и обществу нормы, позволяющие обозначить водоразделы между добром и злом, истиной и заблуждением. Ещё не наступивший хаос постмодернистского сознания страшит немецкого мыслителя, получившего в детстве представление о давно оформившихся принципах и ценностях христианского мировоззрения.

В романе неоднократно подчёркивается «младенческий» характер существования кастальцев, их невинное духовное бытие, их Игра, их музицирование и работа в архивах не имеют практически никакой связи с реальностью. Дух так высоко витает над миром, что практически не одухотворяет его. Йозеф Кнехт бросается в холодное озеро за мальчиком, желая догнать саму жизнь во всех её противоречиях и страданиях, поэтому гибель магистра закономерна: воды жизни оказались слишком холодными, столкновение с реальностью – последним подвигом. Заслуживает отдельного внимания одна сцена: перед тем, как броситься в холодное горное озеро, будущий воспитанник Йозефа Кнехта при виде восходящего солнца исполняет своеобразный дикарский танец, символизирующий полноту жизненных сил, радость простого физического бытия, восхищение перед мощью и красотой природы, а бывший магистр игры лишь смотрит на него с любовью и удивлением. Мальчик остаётся жить, чтобы его духовное дикарство неизбежно преобразилось под влиянием любви, благоговения и чувства вины перед погибшим учителем: «И в то время как он, всем доводам вопреки, ощущал свою совинность в смерти учителя, его охватил священный трепет от предчувствия, что эта вина преобразит его самого и его жизнь и потребует от него куда большего, чем он сам когда-либо от себя требовал»⁹. Именно так погибающий Дух оказывается способным преобразовать человеческое бытие, доказав своё бессмертие.

Подводя предварительный итог размышлениям о «детской» тематике в творчестве Г. Гессе, следует отметить, что образы детей в произведениях разных лет и жанров являются своеобразным результатом самообследования, которому автор периодически подвергает свою душу и динамику внутриличностного преобразования. Образы детей возникают в переломные моменты духовной и творческой биографии писателя и несут серьёзную символично-психологическую нагрузку.

Изменение социокультурного статуса детства от полного безразличия в отношении к ребёнку через удивлённый интерес к осмыслению уникальности и противоречивости этого периода человеческой жизни свидетельствует о росте самосознания человечества. На современном этапе развития цивилизации субъект-объектные отношения «воздействий» и «формирований» между взрослыми и детьми, в которых младшим отводилась роль страдательная и подчинённая, исчерпали себя, что косвенно подтверждается неэффективностью системы образования, стандартных воспитательных мер, а также рождением детей индиго, ростом числа детей с необычными способностями и т.д. Педагогике, искусству, философии предстоит внести свой вклад в переосмысление значимости детства как разновидности прошлого и тех психических процессов, которые позволяют эффективно решать проблемы настоящего. По справедливому замечанию К.Г. Юнга, каждый взрослый носит в себе вечного ребёнка как «...нечто всё ещё становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании. Это –

⁸ Гессе Г. Собрание сочинений в 4 т/ Г.Гессе Пер с нем. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – Т.4. – С. 346.

⁹ Там же. С.408.

часть человеческой личности, которая хотела бы развиваться в целостность. Однако человек нашего времени далёк от целостности как небо от земли»¹⁰.

Список литературы

1. Бальмонт К. Морское свечение. СПб; М.: Т-во Вольф, 1910.
2. Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах/ Г.Гессе Пер с нем.// Спб.: Северо-Запад. 1994.
3. Гессе Г. Магия книги. Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с немецкого. – М.: Книга, 1990, 238 с.
4. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: – ОЛМА-ПРЕСС, 2007. – Автор-составитель В. Балязин. – 848 с.
5. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). Автор(ы): Кон И.С. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с.
6. Кон И.С. Возрастной символизм и образы детства. Доклад на международном симпозиуме в Братиславе (1985) //Slovensky narodopis, 1986, t.34, N 1-2 (на словацком языке). Русс. текст в кн. Социологическая психология. М. – Воронеж, 1999. С.422-441.
7. Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики, 2004, Том 2, № 2. С.151-174.
8. З.М. Оруджев. Природа человека и смысл истории. М. Книжный дом «Либроком» , 2009, 448 с.
9. Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – 255 с.
10. Куриленко Э.А. Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект. // Социология, 1998, № 1.
11. М. Мид. Культура и мир детства. Избранные произведения. Составитель, автор послесловия и ответственный редактор И.С.Кон. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 429
12. Носко И.В. Детство как комплексная проблема. //Социальная работа в Сибири. Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004 – 180с. (с. 118 – 132).
13. Юнг К. Г. Конфликты детской души. – М., 1995. – 274 с.
14. Юнг К.Г. О становлении личности// Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. – 324 с.

IMAGES AND SYMBOLS OF CHILDHOOD IN THE PROSE OF HERMAN HESSE

N.V. ROZHKOVA

Oryol Stat Agrarian University

e-mail: more-nz@rambler.ru

Comprehension of the role of childhood as an essential stage of personality formation has occurred in the history of civilization relatively recently which is an indicator of growth of consciousness of mankind. Each cultural-historical period developed its own views on children, the childhood, education methods etc. The childhood in Hermann Hesse's works has been a recurring theme and is rather significant for understanding of peculiarities of the world-view and artistic methods of the writer. The article represents the analysis of figurative-symbolical component of

Hesse's works, devoted to the theme of the childhood, to the problems of education and upbringing and mutual relations of representatives of different generations.

Key words: childhood, personality formation, self-awareness, representation of the author's personality, mentality of a child.

¹⁰ Юнг К.Г. О становлении личности// Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. – С.209.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

С.В. РЯЗАНЦЕВ

*Московский университет МВД
России (тульский филиал)*

e-mail: tspu@tula.ru

Основой конфликта всегда являются противоречия между интересами субъектов. Поэтому лучший и наиболее результативный путь разрешения конфликтов — устранение такого рода противоречий. Но гораздо важнее и эффективнее предупреждение нежелательного конфликта, чем его прекращение или разрушение. Чем же отличается каждый из стилей поведения в конфликтах? В статье рассматриваются методы поддержания и разрешения конфликтных ситуаций. Все, что может способствовать сохранению нормальных деловых отношений между людьми, укреплению их взаимного доверия и уважения, «работает» против конфликта, предупреждает его возникновение, а если он все-таки возникнет, — помогает его разрешить.

Ключевые слова: коллектив, конфликт, ситуация, методы, противоречия, конфликтология.

Общение в трудовом коллективе — это сложный процесс, протекающий от установления контактов до развития взаимодействия. В его основе находятся совместная трудовая деятельность людей, необходимость согласования и соотнесения действий различных работников, взаимосвязи и взаимозависимости, возникающие в коллективе.

Человек является решающим звеном деятельности любой организации; ни материально-технические условия, ни совершенная технология сами по себе не могут гарантировать ее успеха. Отношение человека к делу, его заинтересованность в результатах своего труда и совместной с другими работы, свойственная ему реакция на общественные инициативы — это психологические и социальные аспекты деятельности трудовых коллективов, которые имеют решающее значение для успешного функционирования организации в целом.

Поскольку в коллектив объединяются люди, обладающие различными личностными характеристиками, приходится сталкиваться с так называемыми конфликтными личностями. Знание особенностей поведения таких людей, своевременное их выявление в коллективе служит частью реализации мер по предупреждению причин возникновения конфликтных ситуаций и предотвращению деструктивных конфликтов.

Основой конфликта всегда являются противоречия между интересами субъектов. Поэтому лучший и наиболее результативный путь разрешения конфликтов — устранение такого рода противоречий. Но гораздо важнее и эффективнее предупреждение нежелательного конфликта, чем его прекращение или разрушение. Основные усилия должны направляться на недопущение возникновения конфликтных ситуаций, грозящих негативными последствиями, развитие взаимопонимания и сотрудничества, создание норм, регулирующих поведение людей, поддержание нормального психологического климата в коллективе. Каждый конфликт по-своему уникален, неповторим по причинам возникновения, формам взаимодействия двух или более сторон, исходу и последствиям. К тому же отдельный человек и любая общность обнаруживают свои способы налаживания и поддержания отношений с другими людьми, свой стиль поведения в конфликтных ситуациях. Но при всей несхожести стилей конфликтное поведение имеет некоторые общие признаки. Это связано в первую очередь с тем, что решение той проблемы, которая стала камнем преткновения в отношениях, в определенной мере значимо для каждой из оппонированных сторон, делает их взаимодействующими партнерами.

Очевидно, что эффективное решение проблемы, приведшей к конфликтной ситуации, требует от каждого субъекта ясного представления об общей природе и специфике данного типа конфликтов, осмысленного стиля поведения, выбранного с учетом стилей, используемых другими сторонами. Стиль в этом контексте означает способ осуществления

определенных интересов, образ действий по достижению намеченной цели и вместе с тем способ общения.

Поведение участников конфликта складывается по-разному. Оно может иметь конструктивную направленность, для которой характерен совместный поиск выхода из конфликтной ситуации, приемлемого для всех сторон. Возможно превосходство в силе (ранге) одной стороны, которой беспрекословно уступают другие. Не исключается и деструктивное поведение, проявляющее себя в действиях разрушительного характера.

В конфликтологии с 70-х годов XX в. признано существование следующих пяти стилей конфликтного поведения: уклонение, приспособление, конфронтация, сотрудничество, компромисс. Описав и систематизировав признаки различных стилей, американцы Кеннет Томас и Ральф Киллмен предложили при обучении применять схематическую сетку, которая названа их именами. Модель Томаса — Киллмена демонстрирует, что выбор конфликтного поведения зависит как от интересов участвующих в конфликте сторон, так и от характера предпринимаемых ими действий. Сам стиль поведения в конфликте определяется, во-первых, мерой осуществления собственных интересов (личных или групповых) и степенью активности или пассивности в их отстаивании. Во-вторых, на стиль поведения существенно влияют стремление удовлетворить интересы других сторон, участвующих в конфликте, а также то, какие действия приоритетны для отдельных лиц, социальных групп — индивидуальные или совместные. Чем же отличается каждый из названных стилей поведения в конфликтах?

Уклонение как стиль поведения в конфликтах характеризуется явным отсутствием у вовлеченного в конфликтную ситуацию желания сотрудничать с кем-либо и приложить активные усилия для осуществления собственных интересов, равно как пойти навстречу оппонентам; стремлением выйти из конфликтного поля, уйти от конфликта. Такой стиль поведения обычно выбирают в тех случаях, когда: проблема, вызвавшая столкновение, не представляется субъекту конфликта существенной, предмет расхождения, по его мнению — мелочный, основан на вкусовых различиях, не заслуживает траты времени и сил; обнаруживается возможность достичь собственных целей иным, неконфликтным путем; столкновение происходит между равными или близкими по силе (рангу) субъектами, сознательно избегающими осложнений в своих взаимоотношениях; участник конфликта чувствует свою неправоту или имеет оппонентом человека, обладающего более высоким рангом.

Уклонение оказывает вполне оправданным способом разрешения конфликта, возникающего по причинам субъективного, эмоционального порядка. Этот стиль чаще всего используют реалисты по натуре. Люди такого склада, как правило, трезво оценивают преимущества и слабости позиций конфликтующих сторон.

Иное дело, если конфликт возник на объективной основе. В такой ситуации уклонение и нейтралитет могут оказаться неэффективными, поскольку спорная проблема сохраняет свое значение, причины, ее породившие, сами собой не отпадают, а еще более усугубляются.

Приспособление как стиль пассивного поведения отличается склонностью участников конфликта смягчить, сгладить конфликтную ситуацию, сохранить или восстановить гармонию во взаимоотношениях посредством уступчивости, доверия, готовности к примирению. В отличие от уклонения этот стиль предполагает в большей мере учитывать интересы оппонентов и не избегать совместных с ними действий. Обычно приспособлению дают выход в тех ситуациях, когда: участник конфликта не очень-то озабочен возникшей проблемой, не считает ее достаточно существенной для себя и потому проявляет готовность принять во внимание интересы другой стороны, уступая ей, если обладает более высоким рангом, или приспособившись к ней, если оказывается рангом ниже; оппоненты демонстрируют стоворчивость и намеренно уступают друг другу в чем-то, считаясь с тем, что, мало теряя, приобретают больше, в том числе добрые взаимоотношения, обоюдное согласие, партнерские связи; создается тупиковая ситуация, требующая ослабления накала страстей, имеется искреннее желание одной из конфликтующих сторон оказать поддержку оппоненту, при этом чувствовать себя вполне удовлетворенным своей добросердечностью.

Приспособление применимо при любом типе конфликтов. Но, пожалуй, этот стиль поведения наиболее подходит к конфликтам организационного характера, в частности по иерархической вертикали: нижестоящий — вышестоящий, подчиненный — начальник и т.д. В таких ситуациях бывает крайне необходимо дорожить поддержанием взаимопонимания, дружественного расположения и атмосферы делового сотрудничества, не давать простора запальчивой полемике, выражению гнева и тем более угроз, быть постоянно готовым поступиться собственными предпочтениями, если они способны нанести урон интересам и правам оппонента.

Разумеется, стиль приспособления, выбранный в качестве образца конфликтного поведения, может оказаться и малоэффективным. Он вовсе не приемлем в ситуациях, когда субъекты конфликта охвачены чувством обиды и раздражения, не хотят отвечать друг другу доброжелательной взаимностью, а их интересы и цели не поддаются сглаживанию и согласованию.

Конфронтация по своей направленности ориентирована на то, чтобы, действуя активно и самостоятельно, добиваться осуществления собственных интересов без учета интересов других сторон, непосредственно участвующих в конфликте, а то и в ущерб им. Применяющий подобный стиль поведения стремится навязать другим свое решение проблемы, уповаает только на свою силу, не приемлет совместных действий. При этом проявляются элементы максимализма, волевой напор, желание любым путем, включая силовое давление, административные и экономические санкции, запугивание т.п., принудить оппонента принять оспариваемую им точку зрения, во что бы то ни стало взять верх над ним, одержать победу в конфликте. Как правило, конфронтацию избирают в тех ситуациях, когда: проблема имеет жизненно важное значение для участника конфликта, считающего, что оно обладает достаточной силой для ее быстрого решения в свою пользу; конфликтующая сторона занимает весьма выгодную для себя, по сути беспроигрышную позицию и располагает возможностями и использовать ее для достижения собственной цели; субъект конфликта уверен, что предлагаемый им вариант решения проблемы наилучший в данной ситуации, и вместе с тем, имея более высокий ранг, настаивает на принятии этого решения; участник конфликта в данный момент лишен другого выбора и практически не рискует что либо потерять, действуя решительно в защиту своих интересов и обрекая оппонентов на проигрыш.

Конфронтация вовсе не означает, что непременно употребляется грубая сила или делается ставка лишь на власть и высокий ранг того, кто добивается возобладания своего мнения, собственных интересов. Возможно, что настойчивое стремление выиграть противостояние опирается на более убедительные аргументы, на умение одного из оппонентов искусно драматизировать свои идеи, подавать их в эффектной изложении, в манере броского вызова. Нельзя, однако, забывать, что любое давление, в какой бы «элегантной» форме оно ни происходило, может обернуться взрывом необузданных эмоций, разрушением уважительных и доверительных отношений, чрезмерно негативной реакцией со стороны тех, кто окажется побежденным и не оставит попыток добиться реванша. Потому конфронтационность, желание считать себя всегда правым — мало пригодный стиль поведения в большей части межличностных конфликтов, не лучший вариант сохранения здоровой морально-психологической атмосферы в организации, создания условий, позволяющих сотрудникам ладить друг с другом. Сотрудничество, как и конфронтация, нацелено на максимальную реализацию участниками конфликта собственных интересов. Но в отличие от конфронтационного стиля сотрудничество предполагает не индивидуальный, а совместный поиск такого решения, который отвечает устремлениям всех конфликтующих сторон. Это возможно при условии своевременной и точной диагностики проблемы, породившей конфликтную ситуацию.

Стиль сотрудничества охотно используется теми, кто воспринимает конфликт как нормальное явление социальной жизни, как потребность решить ту или иную проблему без нанесения ущерба какой-либо стороне. В конфликтных ситуациях возможность сотрудничества появляется в тех случаях, когда: проблема, вызвавшая разногласия, представляется важной для конфликтующих сторон, каждая из которых не намерена уклоняться от ее совместного решения; каждая сторона желает добровольно и на равноправной основе

обсудить спорные вопросы, с тем чтобы, в конечном счете, прийти к полному согласию относительно взаимовыгодного решения значимой для всех проблемы.

Выгоды сотрудничества несомненны: каждая сторона получает максимум пользы при минимальных потерях. Но такой путь продвижения к положительному исходу конфликта по своему тернист. Он требует времени и терпения, мудрости и дружеского расположения, умения выразить и аргументировать свою позицию, внимательного выслушивания оппонентов, объясняющих свои интересы, выработки альтернатив и согласованного выбора из них в ходе переговоров взаимоприемлемого решения.

Компромисс занимает срединное место в сетке стилей конфликтного поведения. Он означает расположенность участника (участников) конфликта к урегулированию разногласия на основе взаимных уступок, достижения частичного удовлетворения своих интересов. Этот стиль в равной мере предполагает активные и пассивные действия, приложение индивидуальных и коллективных усилий. Стиль компромисса предпочтителен тем, что обычно преграждает путь к недоброжелательности, позволяет, хотя и отчасти, удовлетворить притязания каждой из вовлеченных в конфликт сторон. К компромиссу обращаются в ситуациях, когда:

субъекты конфликта хорошо осведомлены о его причинах и развитии, чтобы судить о реально складывающихся обстоятельствах, всех «за» и «против» собственных интересов; равные по рангу конфликтующие стороны, имея взаимоисключающие интересы, сознают необходимость смириться с данным положением дел и расстановкой сил, довольствоваться временным, но подходящим вариантом разрешения противоречий; участники конфликта, обладающие разным рангом, склоняются к достижению договоренности, чтобы выиграть время и сберечь силы, не идти на разрыв отношений, избежать излишних потерь.

Способность к компромиссу — признак реализма и высокой культуры общения, т.е. качество, особо ценное в управленческой практике. Не следует, однако, прибегать к нему без нужды, торопиться с принятием компромиссных решений, прерывать тем самым обстоятельное обсуждение сложной проблемы. Каждый раз нужно проверять, эффективен ли в данном случае компромисс по сравнению, например, с сотрудничеством, уклонением или приспособлением.

Названные методы поддержания и укрепления сотрудничества, конечно, не являются исчерпывающими. Но все, что может способствовать сохранению нормальных деловых отношений между людьми, укреплению их взаимного доверия и уважения, «работает» против конфликта, предупреждает его возникновение, а если он все-таки возникнет, — помогает его разрешить.

Список литературы

1. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. — М.: Альфа-М, 2003.
2. Горбунова М.Ю. Конфликтология. Конспект лекций. — Ростов н/Д.: Феникс, 2005.
3. Кибанов А.Я. Ворожейкин И.Е., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Конфликтология: Учебник / под ред. А.Я. Кибанова. — М.: ИНФРА-М, 2007.
4. Леонова Н.А. Конфликтология. — М.; Воронеж, 2002.

PREVENTION AND SETTLEMENT OF CONFLICTS IN LABOUR COLLECTIVES

S.V. RYAZANTSEV

*Moscow University
of Home Affairs Ministry
of Russia (Tula Faculty)*

e-mail: tspu@tula.ru

The bases of the conflict are always the contradictions between the interests of the subjects. Therefore the best and most productive way of the resolution of conflicts is the elimination of such contradictions. But the prevention of the unnecessary conflict is much more important and more effective, than its termination or destruction. But how does each style of the behaviour in conflicts differ? In the article methods of maintenance and the sanction of conflict situations are considered. Everything that can lead to the preservation of normal business relationship between people, to strengthening of their mutual trust and respect, "works" against the conflict, warns its occurrence and if it still arises, — helps to resolve it.

Key words: collective, conflict, situation, methods, contradictions, conflict resolution.

УДК 340.11:330.341.1

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.В. САЛЬНИКОВ*Орловский юридический
институт МВД России*

В статье раскрываются философско-правовые основания стратегии противодействия экстремизму в современной России. Автор считает, что философская концепция «социальной защиты» не будет эффективной применительно к экстремистской деятельности. Опираясь на идеи Ч. Ломброзо, Ж. Бодрийера, М. Фуко, автор обосновывает, что уголовное наказание за экстремизм не способно ни устрашать, ни исправлять преступников.

Ключевые слова: Экстремизм, теория устрашающего возмездия, теория социальной защиты, теория исправления, философия наказания.

Проблема противодействия экстремизму остается одной из наиболее актуальных для российского государства. Последовательная реконструкция мер, предпринимаемых руководством страны для борьбы с экстремистской деятельностью, позволяет выявить основные черты концепции противодействия экстремизму. Если в середине 90-х годов прошлого века отмечается определенная разнонаправленность действий по борьбе с экстремизмом, то с начала XXI века мы видим четкую тенденцию к росту криминализации экстремистской деятельности, усилению уголовно-правовой и административно-правовой ответственности за экстремизм, параллельно происходит образование отдельных структур по противодействию экстремизму.

С точки зрения философии права подобные действия власти однозначно демонстрируют, что в основу стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на настоящем этапе положена философско-правовая концепция социальной защиты. В условиях роста противоправной активности экстремистских элементов проблема эффективности избранной политики противодействия экстремизму требует не только правового, но и философского анализа.

Философско-правовая концепция социальной защиты – это достаточно распространенная концепция, которая исходит из наличия человека как носителя свободной воли, которая может быть направлена как во благо общества, так и против. Социальная защита может удерживать человека от противообщественных поступков, но не в силах изменить процесс принятия человеком максимы своего поведения. Иначе говоря, эта концепция признает нормальным существование таких явлений, как преступление, преступность, преступная воля. С точки зрения такой концепции можно бороться не с самой преступностью, а лишь с ее проявлениями. Наказание с этой точки зрения, есть средство восстановления нарушенного социального порядка в соответствии с представлениями о справедливости как равенстве всех людей перед законом. Этот закон понимается как некое ограничение, предел действия человеческой свободы. Такой предел указывает, какие действия и состояния установлены для каких именно субъектов, какие полномочия, обязанности и запреты есть в наличности. Исполнение нормы обеспечивается санкцией, т.е. указанием на возможные негативные последствия, которые должны постигнуть нарушителя нормы. Нормы права в таком случае предстают как нечто внешнее по отношению к человеку.

Система противодействия экстремизму с этих позиций является ничем иным как защитой общества от экстремистских деяний. Ее цель не устранить экстремизм в принципе, а обеспечить воздаяние за экстремистскую деятельность как за действия, нарушающие социальный порядок и ставящие под угрозу права и свободы граждан. Данная позиция

стремится максимально уменьшить аксиологический аспект, исключая оценку экстремизма по шкале «добро-зло». Обращение к экстремизму с этих позиций есть акт полагания свободной воли субъекта, воплощающейся в тех или иных деяниях. Одновременно этому свобода воли влечет и ответственность за содеянное. Как верно заметил Г. Гегель: «Наказание... есть вместе с тем его в себе суцная воля, наличное бытие его свободы»¹.

Согласимся с тем, что подобная концепция в достаточной мере соответствует сущности правого демократического государства в силу именно того обстоятельства, что она не ставит под сомнение принцип свободы каждого и, осуществляя противодействие, не нарушает права и свободы, но, напротив, утверждает их. Право на противодействие – пресечение и наказание есть право публичное, которое признает свободу каждого, часть которой каждый отчуждает в пользу правителя. Каждый свободен в рамках легитимированного закона, и, поступая против закона, человек вправе ждать возмездия, как «возвращение бумеранга» своей свободы. Социальное возмездие есть деятельное уважение свободы каждого всеми, проявляющееся в неизбежности наказания, что обеспечивается государством как верховным гарантом свободы.

Эффективность социальной защиты во многом определяется тем обстоятельством, насколько предпринимаемые государством меры способны отвратить преступников (в нашем случае, экстремистов) от противоправного деяния. Исходя из этого, концепция социальной защиты может быть построена на двух основаниях: устрашающее возмездие или исправление.

Принцип «устрашающего возмездия» является одним из наиболее древних философско-правовых принципов построения систем противодействия преступности. Устрашающее возмездие может основываться как на чувственном зле, так и на психическом воздействии. В любом случае речь идет о принципе, ясно выраженном еще в Уложении царя Алексея Михайловича: «Наказать нещадно, чтобы другим неповадно было», чему вторят тексты старинных германских приговоров: «ради заслуженной кары ему и ради устрашающего примера другим». Следовательно, противодействовать нужно таким образом, чтобы итоговое свершение права в наказании удерживало других членов общества от повторения подобных деяний. И чем более опасно деяние, тем более жестоким должно быть наказание за него, причем с ростом противоправной активности наказание должно ужесточаться. Противодействие экстремизму, основанное на принципах концепции социальной защиты, выражается в лозунге отказа от любых уступок экстремистским элементам и максимально жесткого наказания за экстремизм.

На первый взгляд, кажется, что теория устрашающего возмездия не приемлема в современном мире. Принцип устрашения имеет своим пределом физические или же психические мучения или смерть (тоже, возможно, мучительную). Современная пенитенциарная система и гуманитарное право в целом делают абсолютно невозможными физические мучения людей, находящихся в заключении. Попытки заключенных и подобные им практики идут вразрез с правами человека и гражданина – основополагающими принципами либеральной демократии и любая попытка их применения встречает совершенно обоснованную критику правозащитников. Однако скандал вокруг тюрьмы в Гуантанамо и тому подобные события отнюдь не случайны. Зачастую, лишение свободы для экстремистов преподносится именно как устрашающая акция.

Ярким примером построения стратегии противодействия экстремизму на принципах теории устрашения являлась ФРГ. В 60-х годах XX века ФРГ столкнулась с острой проблемой необходимости противодействия левозэкстремистским организациям. Экстремистские элементы и, прежде всего, члены организации RAF (Фракция Красной Армии) совершили целую серию тяжких преступлений: поджогов, убийств, захватов заложников, выступали организаторами массовых беспорядков. В сложившейся сложной ситуации руководство страны пошло на значительное ужесточение наказания. Сроки тюремного заключения, к которым приговаривались активисты RAF, в большинстве случаев исчислялись десятилетиями, так что некоторые из них вышли на свободы только в начале XXI века. Так, в 2006 году тюрьму покинула Б. Монгайт, отбыв в заключении более 25 лет, а отдельные члены RAF находятся в заключении и по сей день. Для содержания экстреми-

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 147.

стов был построен особый тюремный комплекс в Штаммхайме, где применялись, в том числе и методики сенсорной депривации. Даже незначительная связь с экстремистскими организациями могла повлечь поражение в правах и запреты на участие в определенных видах деятельности (Закон против экстремистов 1972 г.).

Обращаясь к германскому опыту, следует все же признать, что у нас нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать результативность выбранной политики противодействия и ее философских оснований. Несмотря на то, что лидеры RAF – Э. Гудрун, У. Майнхоф и А. Баадер – были арестованы еще в 1972 году, а в 1976-1977 годах уже погибли в тюрьме Штаммхайм, их сменяет второе и последующие поколения RAF, в целом продолжая экстремистские акции вплоть до 1991 года, причем акции достаточно масштабные – 30 ноября 1989 года RAF осуществляет убийство главы «Deutsche Bank» А. Херрхаузена, а 1 апреля 1991 года Д. Роведдера – главу правительственного агентства, курировавшего приватизацию в Восточной Германии. Действительно, в 90-х годах RAF прекратила свое существование, но нельзя однозначно утверждать, что было причиной этого успеха: проводимая политика противодействия экстремизму или же объединение Германии. Кроме того, уже со второй половины 90-х годов XX века в Германии значительно активизируется правый экстремизм, что едва ли было бы возможным, если бы принцип устрашающего возмездия был действительно действенным оружием противодействия экстремизму.

Обстоятельная критика принципа «устрашающего возмездия» применительно к деятельности экстремистов была осуществлена еще Ч. Ломброзо в ходе анализа анархизма и практик противодействия ему.

Ломброзо отрицает действенность устрашения применительно к экстремистам. Напротив, считает итальянский мыслитель, мучения экстремистов, находящихся в местах лишения свободы, лишь способствуют росту количества лиц, вовлекаемых в экстремистскую деятельность. Легенды о мучениях, испытываемых экстремистами, оказываются лучшим средством для привлечения новых членов в ряды экстремистских организаций. Как считает Ломброзо, физические или психические лишения, которыми подвергаются за свои действия экстремисты, возбуждают фантазию мечтателей и фанатиков. «Во всяком обществе, – пишет Ч. Ломброзо, – существует элемент, который испытывает потребность в преклонении перед жертвой, в восхищении ею и даже иногда в принесении себя в жертву. Им доставляет удовольствие чувствовать, что их преследуют, думать, что они – жертвы насилия и человеческой злобы; и они выбирают ту партию, в которой опасность наиболее велика, совсем как те альпинисты, которые выбирают для восхождений места с самыми глубокими пропастями и с самыми неприступными скалами. Для таких людей преследования, которые ведутся против анархизма, гораздо существеннее, чем сама идея»². В качестве яркого примера Ломброзо приводит российские практики, где репрессии по отношению к анархизму и марксизму вызвали лишь активизацию деятельности данных сил.

Усиление наказания экстремистов, доказывал Ломброзо, ведет к росту числа новых адептов экстремизма. Страх не отталкивает, а притягивает. Заключение не изгой, а герой. В подтверждение этому вспомним баннеры, посвященные осужденным националистам «Узники совести – вы не забыты!», не один раз уже раскрывавшиеся над фанатскими секторами по ходу матчей футбольных команд российской премьер-лиги, начиная с 2007-2008 годов.

Еще более спорным можно считать устрашающее воздействие смерти на экстремистскую деятельность. Смерть вообще имеет особый статус в экстремизме. Ч. Ломброзо первым отметил определенную тягу экстремистов к смерти. Он полагал, что экстремизм есть снятая форма самоубийства. Тяга к смерти, смерть как доминанта – этот мотив мы находим практически у всех экстремистов. В воспоминаниях, дневниках и мемуарах практически всех экстремистов присутствует тема смерти и самоубийства. В качестве примеров можно привести лидера «Черных пантер» Х.П. Ньютона, видевшего свою дея-

² Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

тельность как «революционное самоубийство»³, Б. Савинкова, в автобиографической прозе которого самоубийственные мотивы занимают важнейшее место. Достаточно поэтично пишет он о самоубийственной смерти:

«Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужно любви. Я один. Я уйду из скучного балагана. И, – отвернется на небе храм, – я скажу и тогда: все суета и все ложь. Сегодня ясный, задумчивый день. Река сверкает на солнце. Я люблю ее величавую гладь, лоно вод, глубоких и тихих. В море гаснет печальный закат, горят багряные зори. Грустно плещет волна. Никнут ели. Пахнет смолой. Когда звезды зажгутся, упадет осенняя ночь, я скажу мое последнее слов: мой револьвер со мной»⁴.

В аксиологии экстремизма ценности смерти и жизни поменялись местами. Смерть в экстремистской культуре является положительной ценностью. Умереть в борьбе почетно, только враг будет цепляться за жизнь, унижаясь и теряя человеческий облик. Жизнь, в которой приходится терпеть унижения и смиряться, жизнь неподлинная есть жизнь неполноценных людей – врагов. Образ врага связан с этой неподлинной, неправильной жизнью, за которую он цепляется и тем выдает свою неполноценность. Подлинный человек – экстремист – предпочтет борьбу, лишения и смерть. Умереть за правое дело означает прожить подлинную жизнь, тогда как отказать от борьбы в угоду призрачному существованию, неподлинному доживанию и смирению – вот что означает смерть. Мир левого экстремиста биполярен. Или – или, промежуточных ступеней нет. Х. Майнс, один из лидеров RAF писал: «Свинья или человек, спасение любой ценой или битва насмерть, проблема или решение. Третьего не дано.... В любом случае я был на стороне правды,... все равно все умрут. Единственный вопрос, это как ты умрешь и как ты жил. Ну, а здесь все ясно: воевал со свиньями, как человек за освобождение человечества; революционер, воевавший с любовью к жизни и презревший смерть»⁵.

Кроме того, как подчеркивал Ч. Ломброзо, «смерть приверженцев учения может вызвать только реакцию, в смысле повторения того же преступления, потому что фанатиков не успокаивает, а раздражает смерть их единомышленников»⁶. Смерть лидера способна мобилизовать приверженцев экстремистской идеи. Смерть приверженца какой-нибудь идеи не убивает самой идеи; часто даже наоборот, она выигрывает от окружающего ее ореола мученичества, тогда как бесплодная идея все равно погибла бы сама собой. Экстремистские идеи вспоены кровью тех, кто отдал за них свои жизни. В этой связи абсолютно не случаен законодательный запрет на указание места захоронения лиц, осуществивших террористические акции.

Смерть – это аксиологический максимум экстремизма, и последующие поколения оценивают себя уже по отношению не к конкретной личности со всеми ее достоинствами и недостатками, а по отношению к положительному абсолюту смерти. Это имеет своим следствием качественный рост личностей сторонников экстремизма. Как писал Ломброзо: «Вместе с тем, как начинается преследование, тип “убийцы” становится лучше, и из преступника он превращается с этого момента в честного фанатика»⁷.

Важный момент – рост мужества и отваги экстремистов как ответ на усиление наказания. Чем более честен и фанатичен экстремист, тем безразличнее для него последствия его поступка. Он одержим жаждой экстремистского поступка и совершит его, чего бы это ему ни стоило, даже в тех условиях, когда он будет вполне уверен, что его схватят и осудят. Как отмечал Ч. Ломброзо, «Законодатели хотели запугать анархистов последним средством, которое стало, кажется, талисманом общества, – топором палача. Но им приходится с ужасом констатировать, что анархисты все смелее и более открыто наступают

³ Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. – М.: Ультра-культура, 2005.

⁴ Савинков Б. (В. Ропшин). Конь бледный. //Савинков Б. Автобиографическая проза. – М.: Захаров, 2002. – С. 484.

⁵ Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 – 1993. – Гродно, 2004. – С. 63.

⁶ Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

⁷ Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

на общество уже с тыла, не прячась больше и не обращая внимания на разность сил.»⁸ Обратим внимание, что именно по этому сценарию происходит трансформация экстремистских акций в России. От хулиганского нападения в темном переулке экстремизм эволюционировал до погромов на рынке и видеороликов проведенных акций в Интернете, от избиения нелегала гастарбайтера до убийства известного общественного деятеля.

Наконец, последний контраргумент философско-правовой концепции «социальной защиты и устрашающего возмездия» касается места и роли смерти в современном обществе постмодерна вообще. Феномен смерти в виртуальном мире постмодерна с достаточной полнотой проанализирован Ж. Бодрийяром, который вывел смерть за рамки чисто антропологического или теологического рассмотрения, утвердив ее на поле отношений властеположения в постмодернистском мире.

Современное общество, согласно концепции Ж. Бодрийяра, есть общество симулякров. Оно замещает виртуальностью все подлинное и лишь смерть выпадает из этой системы символического обмена. В этом случае смерть оказывается тем элементом, который грозит разрушением сложившейся системе власти, а потому власть стремится к упразднению смерти. Власть, чтобы быть полной должна лишить человека смерти – того единственного подлинного, что еще осталось в современном мире. Смерть – это вызов системе власти, а потому стремление власти к «оживлению» смерти проходит через все структуры современного мира.

Экстремистские акции как раз и представляют собой такой вызов системе со стороны смерти. Бодрийяр раскрывает свою мысль путем анализа акты захвата заложников. По мысли французского философа, в символическом плане, то есть в плане жертвоприношения, где исключаются всякие моральные соображения о невинности жертв, заложник является заместителем, alter ego «террориста»; его смерть заменяет собой смерть террориста, да они могут и слиться в одном жертвенном акте. Ставкой здесь является смерть без всякой возможной сделки. Сделка же выступает замещением смерти, ее устранением. Переговоры с террористами есть, в этом случае, вариант стандартного для мира постмодерна расчетливо-эквивалентного обмена, в который система втягивает террористов с целью упразднить смерть, снять ее в приемлемом для системы эквиваленте. Здесь речь не идет о спасении жизней людей. Итогом эквивалентного обмена вполне может стать силовая акция, приведшая к жертвам, но смерть здесь окажется уже смертью снятой, смертью как частью системы подсчета и обмена, а потому смертью неподлинной. В рамках системы любая смерть, даже массовая бойня на войне легко становится предметом подсчета и учета, но только не смерть символическая, а потому неэквивалентная и подлинная.

Экстремистская акция может явить эту подлинность смерти, ускользая от эквивалентного обмена переговоров. В подлинности экстремизма никто вообще не знает о чем договариваться, не может условиться о терминах или о вариантах эквивалентного обмена. А если их все-таки и удастся сформулировать, то требования оказываются равнозначны полному отказу от сделок. Явленность смерти в экстремизме устрашает не экстремизм, а саму систему, ибо может сделать невозможной сделку как таковую. Это вторжение смерти лишает систему всего преимущества. Она не может ответить ничем, кроме физической, реальной гибели террористов, но в этом и будет заключаться поражение системы, потому что такая гибель как раз и была их ставкой. Система оказывается неспособной по-настоящему ответить на брошенный ей вызов, она сталкивается с собственным же насилием.

«Откликом на смерть может стать только смерть, – пишет Ж. Бодрийяр. И в данном случае так и происходит: система поставлена перед необходимостью совершить самоубийство в ответ, что она явным образом и делает в форме растерянности и слабости. Колоссальный аппарат власти словно разжижается в этой ситуации – ситуации ничтожно мелкой в терминах силовых отношений, но вся нелепость (то есть непомерность) которой обращается против него. Ни полиция, ни армия, никакие институты власти с ее потенциалом насилия ничего не могут сделать против ничтожно малой, но зато символической

⁸ Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

гибели одного или нескольких людей. Просто их гибель увлекает власть в такую сферу, где ей больше нечем ответить (сходным образом произошло и внезапное структурное разжижение власти в 1968 году – не оттого, что власть была слабее, а просто в силу символического сдвига, который осуществляли своей практикой студенты). Чтобы принять вызов, система может только умереть в ответ, развалиться. В этот миг ее смерть становится символическим ответом – но от него она и гибнет. Вызов обладает смертоносной эффективностью»⁹.

Таким образом, смерть страшна не экстремистам, совершающим свои акции. Подлинная смерть страшна самой системе.

Совокупность всех вышеприведенных аргументов позволяет нам констатировать бесперспективность стратегий противодействия экстремизму, построенных на философских принципах концепции социальной защиты и устрашающего возмездия. Подобные практики, принося временный эффект в долгосрочной перспективе грозят поставить на грань катастрофы саму систему современного общества.

Философско-правовой анализ демонстрирует низкую эффективность теории устрашающего возмездия применительно к экстремизму. Однако стратегия социальной защиты может быть основана и на постулатах теории исправления. Усиление криминализации и ужесточение мер наказания за экстремизм может выступать как необходимое условие исправления.

В противоположность теории устрашения, теория исправления обращена не на проявления преступной деятельности, а на личность преступника. Как указывалось еще в XIX веке в учебнике уголовного права Германии, «теория исправления уважает в преступнике человека, личность, поэтому она думает, что он не может быть низведен на степень простого средства. Она стремится к тому чтобы наказание не только удерживало от преступления третьих лиц, но чтобы оно спасало прежде всего самого преступника от новых преступлений. Но по ее мнению этого возможно достигнуть не с помощью устрашения а, более достойным и благородным образом, и именно через исправление павшего»¹⁰.

Примечательным моментом теории исправления следует считать тот факт, что ее приверженцы предполагают прежде всего и преимущественно юридическое исправление преступника. Исправить в данном случае не означает пересоздать вообще, сделать хорошим человеком в принципе. Исправить, значит, добиться правопослушного поведения. Не случайно уже упоминавшийся Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации поясняет, что под исправлением осужденных понимается «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения»¹¹.

Фундаментальные основания концепции исправления достаточно разнообразны но в целом могут быть сведены к трем основным подходам:

- утилитаристскому;
- марксистскому;
- религиозно-философскому.

Утилитаристский подход имеет своим исходным моментом положение о человеке, как разумном эгоисте. Противоправный поступок в этом случае является выражением рационального стремления индивида к достижению собственного благополучия и приобретению собственной выгоды, чем демонстрирует то, что данный индивид еще неспособен пользоваться внешней свободой. Тех, кто словом или делом обнаруживает неправомерное помышление, государство наказывает, но суть наказания должна приводить к правомерному помышлению и к правомерной деятельности. Лицам, проявившим неправомерную волю, общество дает путем карательной опеки и карательного воспитания все внешние условия для

⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 100-101.

¹⁰ Бернер А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н.Неклюдова. Том. I. По изданию 1867 г. [электронный ресурс – <http://www.allpravo.ru/library/doc101po/instrum3264/print3274.html>].

¹¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.12.2011); ст. 9.

полного преобразования их воли в волю правомерную, путем пробуждения, питания и упражнения добрых помышлений, чувствований и решений, а также путем устранения внешних соблазнов ко злу и содействия внешним побуждениям к добру. Такая карательная опека и карательное воспитание, или, иначе, исправительное наказание должны приводить, к приобретению способности пользоваться полной свободой.

Еще в начале XIX века подобные идеи теории исправления высказывал И. Бентам. Как указывают исследователи, теория Бентама «разлагая человеческие действия, находит причину преступления в тонком эгоизме, руководимом страхом или надеждой»¹². По мнению философа, решающим двигателем человеческого поведения выступает польза, которая становится основополагающим мериллом человеческого счастья. Человек действует лишь из соображений личной пользы, поэтому исходным и основным началом для Бентама выступает личный интерес: для каждого человека самое близкое и дорогое – это он сам. Однако личный интерес не противоречит общественному интересу, поскольку общество представляет собой сумму составляющих его индивидуумов и, следовательно, интерес общества есть ни что иное как сумма интересов отдельных его членов. Исходя из этого, Бентам во главу угла исправления преступника ставил попытку привить к нему «принцип пользы», причем привить, по сути, эгоистически и гедонистски. Наказание должно быть максимально рациональным. Разум, осознав разумную идею, придет к разумному выводу об отказе от преступной деятельности. Именно это и становилось той «переменной в характере и привычках» преступника, в которой И. Бентам видел цель теории исправления¹³.

Марксистский подход к теории исправления исходит из первичности социальных отношений, в соответствии с чем суть уголовного наказания определяется не устрашением, а приобщением к труду и воспитанием через коллектив и в коллективе. В полной мере эти идеи были проиллюстрированы исправительно-трудовой педагогикой А.С. Макаренко.

В своих произведениях А.С. Макаренко показывал, что борьба с преступностью будет успешной тогда, когда наказание не будет устрашать, физически или психологически травмировать человека, а создавать условия для рождения новой личности. Труд порождает в местах заключения такие производственные отношения, в которых формируется личность настоящего человека.

Религиозная концепция исправления исходит из пересоздания преступника в наказании под влиянием веры. Здесь может иметься в виду как прямое воздействие религиозных норм на душу человека, возвращение в лоно религии и отход от богопротивных дел, так и некие опосредованные концепции. Особое распространение последние получили в рамках отечественной философско-правовой мысли.

Так, например, В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра» отстаивает точку зрения, в соответствии с которой основная функция наказания состоит в избавлении преступника от виновности. Собственно преступник, по Соловьеву, так же как и его жертва является потерпевшей стороной. Но если жертва несет, как правило, физический, внешний ущерб, то преступник претерпевает ущерб внутренний, «порчу», заражается грехом его душа. Поэтому наказание должно компенсировать нанесенный преступлением вред душе преступника.

В связи с таким пониманием наказания, Соловьев принципиально возражает против смертной казни. Общество в лице правосудия, обрекающее преступника (например, убийцу) на смерть, совершает еще большее преступление против естественного права, поскольку не дает ему возможности исправиться. Образцом закона в области наказания должно быть, по Соловьеву, долготерпение Божие, который потому допускает страдание невинных, что ожидает исправления, покаяния их обидчиков.

Суд должен лишь изолировать преступников, не давая им далее грешить и усугублять вред своей душе и обществу, но не карать их смертной казнью. Система наказания должна не устрашать и карать, а исправлять души преступников.

¹² Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения. Монография. – Красноярск, Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – С. 54.

¹³ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – С. 171. и др. работы И. Бентама.

Любой из трех вариантов не может выступать в качестве философской основы системы противодействия экстремизму. Это происходит в силу двух основных обстоятельств.

Во-первых, все подходы к теории исправления зиждутся на условии совершения лицом действий, антиобщественная природа которых не ставится им под сомнения. Не случайно оппоненты этой теории утверждают, что она бессильна в отношении нравственно испорченных или умственно недоразвитых преступников. По их мнению, вся теория исправления ложна в своей основе, так как «она годится только для тщедушных натур и женственных характеров»¹⁴. В полной мере этот аргумент применим к экстремистам.

Для лиц данной категории характерным будет взгляд на свои деяния как на общественно полезные. Экстремисты видят себя борцами с мировым злом, освободителями народа (расы, веры и т.п.), а потому ни разум, ни труд, ни вера не могут привести здесь к формированию правопослушного поведения. Исправление личности экстремиста возможно только в случае его мировоззренческого обновления, но теория исправления для себя таких целей не ставит.

Теория исправления обращена к тем, кто действует противоправно из личного стремления к выгоде и собственному счастью. Тут трудом, верой или разумом она показывает необходимость правопослушного поведения. Но по самой своей сути экстремистский мотив не может относиться к узколичностным побуждениям действующего субъекта. Экстремистский мотив это мотив общественный, учитывая тот факт, что речь идет, не о подлинных интересах общества, а о социальных потребностях и интересах, как они представляются экстремистам.

Юристы практики уже отмечают тот факт, что лишение свободы не приводит экстремистов к отказу от осуществления экстремистской деятельности. Напротив, в местах лишения свободы они набираются криминального опыта, получают связи с криминальным миром, что делает их лишь более опасными. Так, А.М. Сысоев¹⁵ основываясь на исследовании лиц, осужденных за осуществление экстремистской деятельности утверждает, что порядка 8% процентов данной категории осужденных в местах лишения колонии стремятся привлечь на свою сторону других осужденных, заинтересовать своими идеями. Более того они пытаются использовать при выполнении своих планов даже представителей администрации исправительных учреждений. А порядка 27% осужденных экстремистов активно устанавливают связи с группами криминальной направленности. Как замечает А.М. Сысоев, в местах лишения свободы такие лица, как правило, примыкают к представителям «блатной» культуры. В этой ситуации не исключена возможность активной пропагандистской деятельности экстремистов в среде осужденных. Практика деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы уже знает подобные примеры. Так, по данным А.М. Сысоева, один из активных членов экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир», находясь в местах лишения свободы, предпринял попытку объединить отбывающих наказание осужденных-мусульман в некую закрытую структуру. В частных беседах среди осужденных к лишению свободы проводил агитационную деятельность, своеобразно цитируя Коран, говоря о грядущей исламизации мира.

История деятельности экстремистских организаций в России и за ее пределами в целом не оставляет иллюзий в возможности кооптации членов экстремистских организаций за счет уголовной среды. Помимо этого нельзя исключать возможность совершения противоправных действий экстремистского и террористического характера оставшимися на свободе экстремистами с целью вызволить из заключения или смягчить условия отбывания наказания для осужденных экстремистов. История знает таких примеров достаточное количество.

Суммируя свои исследования, А.М. Сысоев отмечает, что лица, осужденные за преступления экстремистской направленности входят «в группу риска в плане совершения правонарушений в условиях исправительного учреждения, склонны к действиям, дезорганизующим деятельность исправительного учреждения»¹⁶.

¹⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.2. – М., 1994. – С. 243.

¹⁵ Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования. Монография. – Москва: ПЕР СЭ, 2008. – С. 89

¹⁶ Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования. Монография. – Москва: ПЕР СЭ, 2008. – С. 97.

Во-вторых, теория исправления не учитывает соотносительности экстремистской деятельности с политической сферой. Экстремизм ориентирован против принципа организации политической власти современных государств. В этой связи возможности исправления экстремиста с помощью уголовного наказания мы должны предпослать вопрос о соотношении пенитенциарных практик с политической системой современных государств.

Характер этой связи вскрыл М. Фуко. В своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» философ обращается к периоду конца XVIII – начала XIX столетия, когда происходит кардинальное изменение практик уголовного наказания. На широком историко-юридическом материале Фуко демонстрирует исчезновение тела как главной мишени судебно-уголовной репрессии. Наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры, происходит постепенное исчезновение наказания как зрелища. Это влечет за собой несколько следствий: наказание покидает область едва ли не повседневного восприятия и входит в область абстрактного сознания; эффективность наказания определяется его неотвратимостью, а не зрелищным воздействием; неужасающее зрелище публичного наказания, а именно неизбежность наказания должна отвращать от преступления; функционирование наказания в качестве примера изменяет свои механизмы. Тем самым правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправление. Если оно продолжает убивать, если оно продолжает карать, то не во славу собственной силы; насилие – его внутренний элемент, который ему приходится терпеть, но который ему трудно обосновать.

Приведение приговора в исполнение становится автономным сектором, и его административный механизм снимает ответственность с правосудия; оно избавляется от этого подспудного груза путем бюрократического утаивания наказания. В начале XIX века исчезает грандиозное зрелище физического наказания; избегают казнимого тела; из наказания исключается театрализация страдания. Начинается эра карательной сдержанности.

Для Фуко телесные наказания были способом погружения тела в область политического. Отношения власти захватывают тело, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки. Утрата тела требует нового объекта применения воплощения власти. Таким объектом становится душа.

М. Фуко справедливо замечает, что с тех пор как Европа внедрила новые уголовно-правовые системы, судьи постепенно стали судить уже не преступления, а «душу» преступников. В этом случае коренное переосмысление претерпевает наше понимание того, что есть душа. Французский мыслитель уверен в том, что в ней следует видеть современный коррелят определенной технологии власти над телом. «Неверно было бы говорить, что душа – иллюзия или результат воздействий идеологии, – считает М. Фуко. – Напротив, она существует, она имеет реальность, она постоянно создается вокруг, на поверхности, внутри тела благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых – вообще на всех, кого контролируют, воспитывают, муштруют и исправляют, на душевнобольных, на детей в школе и дома, на заключенных в колониях, на тех, кто припущен к производственной машине и подвергается контролю на протяжении всей остальной жизни. Душа в ее исторической реальности, в отличие от души в представлении христианской теологии, не рождается греховной и требующей наказания, но порождается процедурами наказания, надзора и принуждения. Эта реальная и нетелесная душа не есть субстанция; она элемент, в котором соединяются и выражаются проявления определенного типа власти и предметная область определенного знания, она механизм, посредством которого отношения власти порождают возможное знание, а знание распространяет и укрепляет воздействия власти»¹⁷.

В конечном итоге М. Фуко утверждает, что правильнее говорить не о гуманизации наказаний, а об изменении в характере власти. Появление души на сцене уголовного правосудия, а вместе с тем внедрение в судебную практику корпуса «научного» знания является, по мысли французского философа, следствием преобразования способа захвата тела как таковыми отношениями власти.

Таким образом, если практики уголовного наказания воплощают претензию власти, причем власти политической на всеобъемлющее присутствие, то уголовное пресле-

¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., Республика, 1997. – С. 224.

дование экстремизма едва ли сможет привести к положительным результатам. Лишение свободы не ситуация исправления или устрашения, а еще один этап борьбы с властью – на новом поле в других, чем прежде, более сложных условиях.

В этом случае места лишения свободы превращаются в «мои университеты». Временной период системной борьбы с экстремизмом в Российской Федерации еще слишком мал, чтобы мы могли оценить эффективность работы пенитенциарных учреждений и политики уголовного наказания, показателем чего является в первую очередь, уровень рецидивной преступности экстремистской направленности. Однако же действия отдельных лиц, отбывших срок лишения свободы за осуществление экстремистской деятельности не оставляет никаких гарантий того, что лишение свободы будет расцениваться экстремистами как повод к возврату в общество, а не как событие, углубляющее личную приверженность делу борьбы.

В целом проведенный анализ демонстрирует неприемлемость философско-правовых принципов концепции социальной защиты для построения целостной концепции противодействия экстремизму. Дальнейшее развитие практики противодействия данному общественно опасному деянию по сценарию «социальной защиты» не только не приведет к положительному результату, но и может представлять серьезную угрозу для российского государства. Философско-правовой анализ не оставляет сомнений в необходимости пересмотра фундаментальных оснований противодействия экстремизму.

Список литературы

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998.
2. Бернер А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н.Неклюдова. Том.1. По изданию 1867 г. [Электронный ресурс] – <http://www.allpravo.ru/library/doc101po/instrum3264/print3274.html>.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
4. Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 – 1993. – Гродно, 2004.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Наука, 1990.
6. Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php
7. Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. – М.: Ультра-культура, 2005.
8. Савинков Б. (В. Ропшин). Конь бледный. //Савинков Б. Автобиографическая проза. – М.: Захаров, 2002.
9. Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования. Монография. – Москва: ПЕР СЭ, 2008.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.2. – М. Юрист, 1994.
11. Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения. Монография. – Красноярск, Сибирский юридический институт МВД России, 2005.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.12.2011).
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., Республика, 1997.

LAW PHILOSOPHICAL CONCEPT OF SOCIAL PROTECTION AS A BASIS OF STRATEGY OF COUNTERACTION TO EXTREMISM: CRITICAL ANALYSIS

E.V. SALNIKOV

*Orel Law Institute
of the Ministerium of Interior*

The article deals with philosophy of law which grounds the strategy of counteraction to extremism in modern Russia. The author considers that the philosophical concept of "social protection" won't be effective with reference to extremist activity. Leaning the ideas of Cesare Lombroso, Jean Baudrillard, Michel Foucault, the author proves that criminal punishment for extremism isn't capable neither to frighten, nor to correct criminals.

Key words: Extremism, theory of frightening punishment, social protection theory, correction theory, punishment philosophy.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОБРАЗОВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ РУССКОГО И СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА XIX-XX вв.)

Л. А. СОЛОВЬЕВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

В предлагаемой статье представлены результаты проведенного автором исследования, посвященного изучению сложившегося образа семьи, семейных ролей и родственных и свойственных отношений в изобразительном искусстве.

Ключевые слова: брак, внутрисемейные роли, добрачное поведение, жизненный цикл семьи, неполная семья, полная семья, семья, родство.

Семья является наиболее древним социальным институтом, включающим в себя множество частных институтов (институт брака, институт родства, институт материнства или отцовства и др.), интерес к изучению которых зародились еще в древности. Функциональные, структурные и психологические аспекты брачно-семейных отношений исследовали такие мыслители древности как Сократ, Платон, Аристотель. Говорить о действительно серьезной разработке социальной проблематики семьи стало возможно во второй половине XIX века, после анализа результатов исторических и этнографических наблюдений, которые показали, что семья в различные исторические периоды изменяется или эволюционирует. Более поздними подходами для изучения института семьи являются структурно-функциональный, интеракционистский, ситуационный, институциональный подходы, а также теория конфликта, гендерный подход и другие.

В последние десятилетие появились исследования, где источником для изучения послужили материалы устного народного творчества, фольклорные материалы, литературные произведения, а также СМИ¹. Такие нестандартные источники обеспечивают социологов дополнительными данными, которые отсутствуют в статистике и позволяют использовать полученные материалы для пропаганды семейного образа жизни, что особенно актуально в период кризисного состояния современной семьи (кризисное состояние проявляется в первую очередь в неспособности института семьи выполнять свои функции репродуктивную и воспитательную). Батлина Т.С. отмечала, что «... мощным источником познания реальной действительности и воздействия на умы и сердца людей – искусство и литература. ... этот источник очень важен для правильного понимания особенностей демографического поведения людей...»².

В предлагаемой статье представлены результаты исследования образа семьи (структурные характеристики семьи, семейные роли и родственные связи) в произведениях изобразительного искусства.

Цель исследования заключается в составлении образа семьи на основании материалов произведений искусства, а точнее живописи.

Объектом исследования послужили произведения изобразительного искусства (репродукции картин) русских и советских художников XIX-XX веков

Метод исследования контент-анализ. В качестве единицы анализа использовалось слово или словосочетание в названии картины, в которой содержится семейная тематика.

¹ Короткова А.В. Формирование имиджа семьи под влиянием средств массовой информации (социологический аспект): автореф. дис. ... канд. социологических наук. – М., 2007. – 22 с. Лебедь О.Л. Социологический портрет современной семьи (по материалам устной народной культуры): автореф. дис. ... канд. социологических наук. – М., 2000.- 23 с. Новоселова Е.Н. Динамика норм и ценностей брачно-семейных отношений в России (конец XIX начало XXI века): социологический анализ фольклора. автореф. дис. ... канд. социологических наук. – М., 2008. – 26 с.

² Батлина Т.С. Демография в литературе и искусстве/Под ред. Э.К. Васильевой. – Мысль, 1986. – С.6.

В рамках исследования было проанализировано 865 картин. Полученные данные были проанализированы по 7-ми направлениям:

- добрачное поведение;
- жизненный цикл семьи;
- семья;
- внутрисемейные роли
- семейные роли жены и мужа;
- система родства и свойства;
- семейно-бытовые ситуации

Количественное соотношение семейной тематики в материалах изобразительного искусства можно увидеть на рисунке.

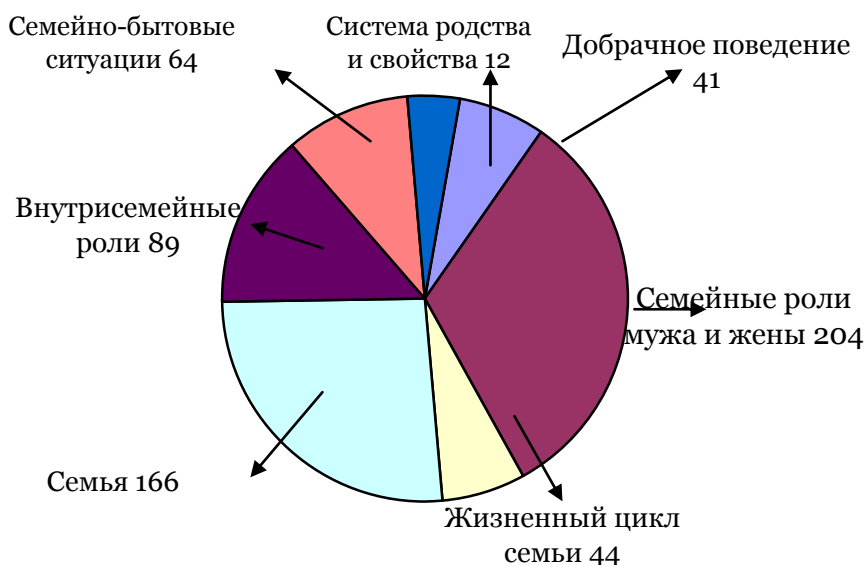

Рис. Количественное соотношение семейной тематики в материалах изобразительного искусства

Перед тем как произойдет заключение брака и образование семьи, должен пройти определенный период времени или процесс «примерки», когда молодые люди знакомятся, встречаются, проводят время вместе и стараются получше узнать друг друга., этот период времени получил название «добрачное поведение». Кравченко А.И писал что «добрачное поведение включает в себя такие периоды (этапы) как: знакомство, ухаживание, сватовство, помолвка»³, коротко рассмотрим каждый из этапов.

1. Знакомство принимает три основные формы (самостоятельное знакомство без посредников, знакомство через формального и неформального посредника). Формальным посредником может выступать брачное агентство, неформальным родители или сваха.

2. Первое свидание.

3. Ухаживание выражает себя в оказании внимания возлюбленной, стремлении добиться еще большего расположения (как правило, это самый романтический этап).

4. Сватовство представляет собой обряд предложения брака, согласно которому будущий жених просит руки своей избранницы у её родителей. Участвовать в сватовстве может сам жених, или сваты (родители, жениха).

5. Помолвка это обряд объявления будущих молодоженов женихом и невестой.

Этапы добрачного поведения, которые отражены в творчестве русских и советских художников, можно увидеть в табл 1.

³ Кравченко А.И. Социология. Учебник. – М.: ТК Велби, Проспект, 2004. – С. 289-290.

Таблица 1

Этапы добрачного поведения в русском и советском искусстве XIX-XX веков

Знакомство	Свидание	Ухаживание	Сватовство	Помолвка
0	31	0	10	0

Свидание представлено многочисленными работами, из которых можно увидеть не только место встреч, но и время суток Васельковский С.И. «Свидание», 1894, Назаренко Т.Г. «Свидание», 1973, Соломаткин Л.И. «Свидание» и др.

Сватовство в русской свадьбе представляет собой сложный комплекс обычаев и обрядов, направленный на получение предварительного согласия невесты и гораздо больше ее родителей на вступление в брак с представляемым сватами (свахой) женихом. В традиционной русской свадьбе сватающие лица по характеру их отношений к жениху могут быть разделены на четыре группы: родители жениха, крестные родители, родственники жениха, не состоящие в родстве с женихом лица – соседи, свахи-профессионалы.

В найденных полотнах можно увидеть сватовство родителями жениха (2) картины Неврев Н.В. «Смотрины. (Сватовство)», 1888, Лебедев К.В. «Сватовство». Изображение свахи-профессионала в сватовстве (3) картин Маковский В.Е. «Сваха», Пимоненко Н.К. «Сваты». Личное сватовство жениха (6) картины Федотов П.А. «Сватовство майора», 1848, Шульц К.К. «Подмастерье-столяр просит руки дочери своего мастера», 1856.

Традиционная русская свадьба XIX-XX веков представляет собой сложный комплекс строго регламентированных действий, обычаев и обрядов, имевших социально-экономическое, правовое, нравственное и религиозно-магическое значение. Русский традиционный свадебный ритуал можно разделить на три основных периода: предсвадебный, свадебный и послесвадебный.

Предсвадебный период свадебного ритуала включал в основном следующие этапы: выбор невесты, сватовство, смотрение дома жениха и невесты, сговор, рукобитие, домашнее обручение, приготовление приданного, обрядовое мытье невесты в бане, девичник и мальчишник. Ритуалы предсвадебного периода были затронуты художниками в сюжетах картин, что видно из табл. 2.

Таблица 2

Периоды предсвадебного ритуала в произведениях изобразительного искусства

Выбор невесты	Смотрение дома жениха/невесты	Сговор	Домашнее обручение	Приготовление приданного	Обрядовое мытье невесты, девичник
3	3	1	2	3	1

Согласно традиции русского народа решающую роль в выборе невесты принадлежала родителям жениха, реже самому жениху. На семейном совете решали, подходит ли невеста, не находится ли она в родстве или свойстве с женихом и т.п. Выбор невесты (3) картины, авторами являются Никитин С. «Выбор невесты», Седов Г. «Выбор невесты царем», Маковский К.Е. «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем».

После сватовства проводился осмотр хозяйства жениха и смотрины невесты вступавшими в родство сторонами. Смотрины представлены (3) картинами Мясоедов Г.Г. «Смотрины невесты», Петров Н.П. «Смотрины невесты» и Румянцев А.А. «Смотрины».

Следующим этапом после смотрин при положительном исходе является сговор, который проводился в доме невесты, непременно участниками сговора являлись члены вступающих в родство семейных коллективов, что видно из картины Шильдера Н.Г. «Сговор невесты», 1859.

Домашнее обручение проводилось родителями невесты и сводилось к обмену кольцами между женихом и невестой и заканчивалось одеванием колец, после чего молодые люди официально становились женихом и невестой. Домашнее обручение затра-

гивается художниками в (2) картинах. Волков А.М. «Прерванное обручение», 1860 и Яблонская Т.Н. «Обрученные», 1966.

Приданное всегда было важным условием свадьбы, в него входило: постель, платье, домашняя утварь, украшения. Приготовление приданного невестой можно увидеть в (3) картинах: Маковский В.Е. «Покупка приданного», 1897-98, Максимов В.М. «Шитье приданного», 1866. Встречала приданное мать жениха или его старшая сестра, «случалось, что приданное принималось строго по росписи, проверяя каждую вещь»⁴, такой сюжет изобразил Пукирев В.В. в картине «Прием приданного по росписи».

Период подготовки к свадьбе, нередко называемый «девичником» или «девичниками». Термин «девичник» имеет несколько значений, в большинстве случаев им обозначался «последний заключительный пир молодежи в доме невесты накануне свадьбы»⁵, изображение девичника можно увидеть в картине Перова Н.Г. «Накануне девичника. (Проводы невесты из бани)», 1870.

Свадьба характеризуется не менее сложным комплексом многоплановых действий, обычаев и обрядов со строго определенными функциями, к свадебным обрядам относятся:

- одевание невесты (3) картины: Бронников Ф.А. «Сборы к венцу», 1856, Куликов И.С. «Убор невесты», 1907, Феклистов В.Е. «Приготовление невесты к венцу»;

- благословение жениха/невесты родителями (1) картина;

- свадебный поезд (1) картина Рябушкин А.П. «Свадебный поезд в Москве»;

- свадебный выкуп (1) картина Трутовский К.А. «Свадебный выкуп», 1881.

Изображение свадьбы встречается в (80) картинах. Художники изобразили:

- встреча молодых родителями;

- время года, когда происходило празднование (Ткачев А.П. и И.С. «Зимняя свадьба»):

- социальные характеристики героев свадьбы (Теребенев М.М. «Крестьянская свадьба», Цветаева О.М. «Боярская свадьба», Антонов Ф.В. «Свадьба в рабочей семье»);

- национальные особенности свадьбы (Дмитриев И.В. «Чувашская свадьба», Скворцов Л.Ф. «Марийская свадьба» Пиросманишвили Н. «Свадьба в Грузии былых времен»).

Семья – не статичное образование, с течением времени она развивается. Развитие семьи отражается в фазах ее жизненного цикла. В настоящее время «понятие «жизненный цикл семьи» используется в первую очередь для описания ряда характерных для нуклеарной семьи важнейших событий, а «расстояние» от одного события до другого называется стадией жизненного цикла»⁶.

Исследователи выделяют различное количество фаз жизненного цикла семьи, отечественный социолог Антонов А.И. выделяет пять семейных событий (заключение брака, рождение первенца, рождение последнего ребенка, отделение от родителей взрослых детей или, точнее рождение первого внука, смерть одного и другого супругов прародителей), образующих в свою очередь следующие 4 стадии семейного цикла:

Стадия предродительства – период вступления в брак и зачатие первенца.

Стадия репродуктивного родительства – стадия, на которой появляется первый ребенок и возможно рождение второго и последующих детей.

Стадия социализированного родительства – стадия воспитания детей.

Стадия прародительства наступает с появлением первого внука, что превращает родителей-основателей в прародителей в бабушку и дедушку.

Семейный цикл может выделяться по самым разным основаниям и насчитывать неодинаковое число фаз, учитывающих все возможные события в семье (болезни, разлука, смерть, развод и т.д.). Стадии жизненного цикла семьи, можно увидеть на картинах русских и советских художников XIX-XX веков, что видно из табл. 3.

⁴ Свадьба по всем правилам./Автор составитель Т.А. Новоселова.– Ростов н/Д: Дладис, 2001. – с.47.

⁵ Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2001. – С. 65.

⁶ Лукьянова И.Е., Прохорова Э.М., Миновская Л.П. Семейведение: Уч. пособие /Под ред. Е.И. Сигиды. – М.: Инфра-М, 2009. – С. 73.

Таблица 3

Жизненный цикл семьи по материалам русского и советского искусства XIX-XX веков

Вступление в брак	Рождение первенца	Рождение прочих детей	Преращение брака	
			развод	смерть одного из супругов (вдовство)
3	13	5	1	23

Момент заключения брак зафиксирован художниками в 3 картинах Карнеев А.Е. «Неравный брак», и Пукирев В.В. «Неравный брак», 1862. Рождение первого и последующих детей (18 картин): Васильев В.А. «Сын родился», Касаткин Н.А. «Первенец – выздоравливающий», Овчинников Н.В. «Первенец», и др.

Период распада семьи представлен разводом (1) картина Попков В.Е. «Развод», 1966, и смертью одного из супругов или вдовство (23) картины Богданов-бельский Н.П. «Горе», Капков Я.Ф. «Вдовушка», Федотов П.А. «Вдовушка» и др.

В отечественной и западной социологии существует множество точек зрения на определение «семья», однако все они сводятся к четырем основным положениям:

- семья – ячейка общества;
- семья – форма организации быта;
- семья – супружеский союз;
- семья – союз родственников.

В данной статье будет использовано определение семьи, которое было дано Питиримом Сорокиным: «легальный союз (часто пожизненный) супругов с одной стороны, союз родителей и детей, с другой союз родственников и свойственников»⁷.

Классификация типов семьи создается представителями различных отраслей знания: антропология, статистика, социология, психология, экономика и др., остановимся на социологической классификации семьи. Согласно социологии, в зависимости от принадлежности семьи бывают двух типов: родительская (семья происхождения) и прокреационная (семья созданная взрослыми детьми).

По количеству поколений входящих в состав семьи, семьи делятся на: расширенную (3 и более поколений) и нуклеарную (семья созданная взрослыми детьми).

По числу родителей семьи делятся на полную семью (2 родителя) и неполную (1 родитель).

Если учитывать число детей, то принято выделять 3 типа семьи: бездетная, однодетная (1 ребенок) и многодетная (3 и более детей).

Патриархальная и матриархальная семьи характеризуют исторические этапы развития общества и подразделяются в зависимости от экономического господства супругов: в первом случае мужа, а во втором жены.

За исследуемый промежуток времени было найдено 865 картин, из них 166 используют в своем сюжете образ семьи. Анализ репродукций картин проводился по определенным параметрам: число родителей в семье, количество детей в семье и тип семьи полученные результаты можно увидеть в табл. 4.

Таблица 4

Структурные и количественные характеристики семьи по материалам русской и советской живописи XIX-XX веков

Число родителей в семье			Число детей в семье ⁸				Тип семьи	
полная	неполная		1	2	3	4	нуклеарная	расширенная
	отец	мать						
136	1	22	13	80	43	21	116	33

⁷ Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки /Перепеч. с изд. 1979 года. – М.: ЦСП., 2003.

⁸ 1- нет детей, 2-один ребенок, 3 – два ребенка, 4 – три и более детей.

Первый параметр – число родителей в семье показал, что семья на картине в большинстве случаев полная (136), реже неполная (23). В качестве исключения были выделены картины, где в качестве семьи были написаны только женщины (4) картины, только жена (1) картина, только мужчины семьи (2) картины, только дети (4) картины, или все члены семьи (2) картины, что не дает возможности четко определить ни число родителей в семье, ни число детей.

Второй параметр анализа – число детей в семье показал, что один ребенок встречается в (80) картинах, двое детей (43) картина, реже встречаются семьи с тремя и более детьми (21), бездетная (13) картин. На картинах где изображена бездетная семья, изображена семья в ожидании ребенка (Брюллов К.П. «Итальянская семья (в ожидании ребенка)», 1830, или только жена (Ветенин В.В. «Семья», 1974).

Анализируя репродукции картин согласно третьему критерию – тип семьи, можно увидеть, что в большинстве работ семья нуклеарная (114) картины, реже расширенная (33) картин.

Внутрисемейные роли также можно увидеть в произведениях изобразительного искусства (89) картин. По комплектности внутрисемейных ролей нуклеарные семьи могут быть полными имеющими 12 возможных ролей⁹. В основу типологии положено утверждение «Я имею» или «У меня есть»:

- 2 роли супружеские: муж-жена;
- родительские роли: мать-отец;
- 4 роли родственно-родительские: сыновья, дочери, сын, дочь;
- 4 семейно-родственные роли: братья, сестры, брат, сестра.

Таблица 5

Внутрисемейные роли в изобразительном искусстве

Супружеские роли	Родительские роли	Родственно-родительские	Семейно-родственные
33	28	7	21

Супружеские роли или изображение мужа и жены встречаются в (33) картинах, как правило, супруги изображены вместе, реже с детьми: Журавлев Ф.С. «Жена модница», Пукирев В.В. «Ревнивая жена», Федотов П.А. «Жена модница. Львица» и др.

Родительские роли (изображение отца – матери) затрагивается художниками в (28) картинах: Герасимов С.В. «Мать партизана», Жуков Н.Н. «Портрет матери», Шагал М.З. «Отец» и др.

Родственно-родительские роли представлены скудно (7) картины, которые содержат в своем сюжете изображения сына Моисеенко Е.Е. «Сын», 1969, Попков В.Е. «Мать и сын», 1970 и др.

Семейно-родственные роли или изображение брата или сестры встречается реже (21) картин и представлен работами Игнера Г.Б. «Брат и сестра», Малевича К.С. «Сестры», Щербаков В.В. «Сестры» и др. Необходимо отметить, что роль сестры в изобразительном искусстве встречается чаще, чем брата.

Родственные и свойственные свойства, где «свойство есть существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов»¹⁰. Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является свойственником. Для обозначения отношений свойства существуют особые термины (зять, тесть, теща, золовка и т.п.).

В найденных полотнах свойственные свойства представлены (5) картинами: свекор (Маковский В.Е. «Свекор», 1888), тесть (Пчелин В.Н. «Молодые у тестя»), свекровь (Суханов А.Г. «Суровая свекровь»), теща (Крамской И.Н. «Портрет Ф.Р. Салтыковой тещи художника», Телин В.Н. «Тещины блины»).

⁹ Антонов А.И., Медков В.М., Социология семьи.- М.: Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления «Братя Карич». – 1996.- С. 83.

¹⁰ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. – С.81.

Семейные роли (204) самый распространенный сюжет в картинах русских и советских художников. Условно все семейные роли изображенные, на картинах можно разделить по темам: кормление ребенка матерью, мать и дитя, материнство, прогулка с ребенком, отец и сын, результаты количественного анализа можно увидеть в табл. 6.

Таблица 6

Семейные роли мужчины и женщины по материалам русских и советских художников XIX-XX веков

Кормление ребенка матерью	Мать сын/дочь	Материнство	Прогулка с ребенком	Отец и сын/дочь
21	127	24	7	25

Изображение прародителей бабушка/дедушка (49) картины, в большинстве случаев они изображены вместе с внуками: Лемох К.В. «Бабушка и внучка», Маковские К.Е. «Рассказы деда», Максимов В.М. «Бабушкины сказки».

Единичными сюжетами являются изображения беременности жены (3), крестный родитель (1), мачеха (2), похороны ребенка (2): Журавлев Ф.С. «Мачеха», Максимов В.М. «Мечты о будущем», Степанов А.С. «Беседа крестной матери», Ярошенко Н.А. «Похороны ребенка», ссора супругов (2) картины.

Подводя итог необходимо отметить, что в материалах изобразительного искусства (репродукциях картин) отражены периоды добрачного поведения, стадии жизненного цикла семьи, система родства и свойства, структурные и демографические характеристики семьи, Семья на картине в большинстве случаев изображена полной с одним или двумя детьми.

Таблица 7

Сводная таблица тем и ролей, которые затрагиваются русскими и советскими художниками XIX-XX веков

Тема	Количество	Роль	Количество
Добрачное поведение	41	Родители	7
Родители	7	Жених/невеста	34
Семья	166	Мать/отец	28
Свадьба	80	Брат/сестра	21
Жененный цикл семьи	45	Муж/жена	33
Похороны ребенка	2	Дед/бабка	49
Беременность	3	Система родства и свойства	12
Влюбленные	7	Сваты/сваха	4
Свадебные обряды	19	Мачеха/отчим	2
Однополая любовь	2	Материнство/отцовство	204
Изображение работающей женщины	30	Крестный родитель	1
		Семейно-бытовые ситуации	64
Всего		865	

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996.
2. Батлина Т.С. Демография в литературе и искусстве / под ред. Э.К. Васильевой. – Мысль, 1986.
3. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2001.

4. Кравченко А.И. Социология: учебник. – М.: ТК Велби, Проспект, 2004
5. Лукьянова И.Е., Прохорова Э.М., Миновская Л.П. Семейное воспитание: Уч. пособие /Под ред. Е.И. Сигиды. – М.: Инфра-М, 2009.
6. Осипович Т.Е. Коммунизм. Феминизм. Освобождение женщин и Александра Коллонтай // Женщина в обществе: мифы и реалии. – М.: Информация XXI век, 2000.
7. Свадьба по всем правилам/автор-составитель Т.А. Новоселова.– Ростов н/Д: Дладис, 2001.
8. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки / перепеч. с изд. 1979 года. – М.: ЦСП., 2003.

RESEARCH OF FAMILY IMAGES IN FINE ART (CONTENT-ANALYSIS OF MATERIALS OF RUSSIAN AND SOVIET ART OF XIX-XX CENTURIES)

L. A. SOLOVIEVA

*Belgorod State National
Research University*

The article presents the results of research of the represented images of families, household roles and relative and typical relations in fine arts.

Key words: marriage, intra-family roles, prenuptial behaviour, life cycle of families, incomplete family, full family, family, kinship.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОТИВОРЕЧИЕ И ПЕРСПЕКТИВА

Г.Н. ТРАВНИКОВ

*Институт инновационной
образовательной политики
и права «Эврика – Пермь»*

e-mail: travnikovgn@mail.ru

В статье рассматривается *функциональный подход к педагогической деятельности*, центральным противоречием педагогической деятельности является создание целостного человека. Целостность в педагогике рассматривается исходя из многообразия функций и результатов образовательного процесса, но речь идет о гармонии двух векторов развития ученика: самоидентичности и самотрансценденции. Важнейшим критерием организации педагогической деятельности, который реализует становление целостной индивидуальности, является многомерность педагогической деятельности. Возможность развития ученика в процессе образования возникает при организации многомерности его бытия.

Ключевые слова: человек, функция, функциональный подход, деятельность, рефлексия, многомерность, целостность, развитие, философская антропология.

Для антропологически ориентированной педагогической деятельности характерен ряд особенностей: осознанная постановка гуманистических целей, антропологическая ориентированность (акцентирование на развитии человека), целостность и продуманность всех компонентов образовательной системы, четкая организация педагогического процесса, высокие нравственные ориентиры и природосообразные, ненасильственные методы деятельности.

При этом отношение к человеку в педагогической деятельности является сугубо практическим, поскольку, во-первых, обязательно имеется образец продукта педагогической деятельности (образ будущего человека); во-вторых, реально задан исходный материал, преобразуемый педагогической деятельностью (образ настоящего человека); в-третьих, существуют специальные способы педагогического воздействия, которые выбираются на основании антропологической матрицы и преобразуют исходный материал в заданный вид.

Рассматриваемый анализ ставит как ключевое противоречие педагогической деятельности противопоставление воспроизводства человека в рамках существующей традиции и воспитание нового типа человека, который способен выйти за пределы этих же границ. В целом же педагогика выступает своеобразным функционально-практическим измерением антропологического образа человека и призвана реализовать эти образы. При этом актуальным остается вопрос, какие образы предлагает педагогика в качестве образца, как и насколько она сама понимает задачу реализации этого образа. Рассмотрим, как отражается указанное выше противоречие педагогической деятельности и осмысление задачи по реализации этих образов в педагогической деятельности самими педагогами в рефлексии, под которой понимается приобретенная сознанием способность уже не просто познавать, а познавать самого себя, не просто знать, а знать, что знаешь, способность сосредоточиться на себе самом и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением. Рефлексию педагогической деятельности можно рассматривать как качество (характеристику), присущее и присутствующее в современной педагогической деятельности в той или иной мере, на том или ином уровне развития этой деятельности.

Опыт философско-антропологической рефлексии образа человека приводит к выводу о том, что в педагогической деятельности отражаются важнейшие измерения бытия человека и его деятельности в природе, обществе и культуре. Педагоги подчеркивают сложную целостность, многомерность, многоуровневость и динамизм человека. Философское осмысление образа человека может служить некой антропологической матрицей педагогической деятельности, ориентиром-опорой ее содержания и инструментом обра-

зовательного процесса, направленного на развитие человека. Главным моментом этой матрицы является двойственность образа человека по отношению к его воспроизводству культурной системой и развитию им этой системы.

Гуманистическая позиция предписывает рассмотрение понятия «человек» в качестве исходной категории. Содержание педагогической деятельности каждым своим элементом должно углублять понимание сущности человека, вести к поиску ответа на вопрос, что такое человек, способствовать становлению отношения к человеку как к ценности, началу всех начал. Но в реальной педагогике ученик в основном остается воспитуемым и воспроизводимым учителем и системой существом, которое не выходит за рамки образа настоящего. Такой вывод следует из анализа деятельности ученика в реальной системе образования.

«Деятельность человека – необходимое условие его развития, в процессе которого приобретает жизненный опыт, познается окружающая действительность, усваиваются знания, вырабатываются умения и навыки, благодаря чему развивается и сама деятельность»¹. Но собственно развитие деятельности в системе образования не акцентируется. Вообще возникает впечатление, что развитие понимается в педагогике как продолжение уже полученного эталона поведения, между тем система образования должна учитывать развитие как учителя, в частности в инновационном аспекте деятельности, так и ученика. Если же деятельность учителя не включает в себя элемент развития самого учителя, то учитель как человек на уровне функционирования утрачивает легитимность важнейшего человеческого качества познания себя, которое следует из антропологического образа человека.

Однако с позиции самой педагогики деятельность должна обеспечивать познание и преобразование окружающего мира. Рассматривая вопрос о функциях педагогической деятельности, необходимо исходить из особенностей функционального подхода как метода познания и, прежде всего, из анализа его ключевого понятия – функции.

В философских науках понятие «функция» рассматривается как отношение двух групп объектов, в котором изменению одного из них соответствует изменение другого. Она может рассматриваться с точки зрения последствий (благоприятных, неблагоприятных), вызываемых изменением одного параметра в других параметрах объекта (функциональность), или с точки зрения взаимосвязи отдельных частей в рамках некоторого целого (функционирование). В другом значении функция трактуется «как обязанность, круг деятельности, название, роль»².

Функция представляет собой одну из наиболее существенных характеристик тех явлений и объектов, которые имеют сложное строение: «Ни одна система не может быть правильно понята, если не понята природа способа действий, способа поведения системы и ее элементов как определенной совокупности функций»³. Это обстоятельство объясняет широкое распространение функционального анализа как одного из важнейших методов научного исследования и неоднозначность толкования самого понятия «функция».

В литературе отмечается, что существенная особенность функции состоит в том, что она является динамической характеристикой, которая понимается как деятельность или результат деятельности. При этом функция рассматривается «как проявление объекта вовне, по отношению к другим объектам или системе в целом»⁴, «как поведение части в целом»⁵, как указание «на ту роль, которую определенный социальный институт или частный социальный процесс выполняет по отношению к целому»⁶.

¹ Давыдов, В.В. Проблемы развивающего обучения. – М.: АПН СССР, 1986. – С. 9.

² Словарь иностранных слов. – 18-е изд., – М., 1989. – С. 557.

³ Удачина, Л.В. Структура и функция как выражение сущности // Взаимосвязь категорий. – Свердловск, 1970. – С. 44.

⁴ Евстафьева, Л.И. Особенности функционального подхода (методологические аспекты) // Философские науки. – 1977. – № 5. – С. 151.

⁵ Удачина, Л.В. Структура и функция как выражение сущности // Взаимосвязь категорий. – Свердловск, 1970. – С. 44.

⁶ Здравомыслов, А.Г. Функция в социологии // Философская энциклопедия: в 5 т. – Т. 5. – М., 1970. – С. 419.

Другой важнейшей чертой функции является направленность на сохранение существования определенного объекта или системы. Поэтому важное методологическое значение имеет вычленение того целого, по отношению к которому выполняется данная функция, так как ее характер определяется природой целого.

Важным моментом понимания функции, которое предполагается педагогикой, является постоянное усложнение как системы педагогической деятельности, так и ее объекта (ученика) и субъекта (учителя). Далеко не секрет, что в начальных классах учится успешно больший процент учеников по сравнению со средней и старшей школой. Возникает впечатление, что ученики по мере усложнения содержания программы не способны усложнять собственные познавательные навыки и действия. То есть в систему образования в должной мере не заложено развитие ученика. Существенным недостатком понимания педагогической функции является отсутствие особенной функции развития. Усложнение и развитие – взаимосвязанные моменты образовательной системы, и они вытекают из образа человека как существа развивающегося.

Существенным моментом развития и усложнения является общая тенденция изменения культурной среды и образа человека. Например, в XX веке происходит усиление роли внимания человека к самому себе, вырастают, с одной стороны, моменты свободы, с другой, элементы саморефлексии и самоконтроля ученика и человека вообще. Педагогическая система оказывается консервативной и не успевает отреагировать на изменение общества, и вместо того, чтобы готовить человека к выходу в будущее общество, она готовит его к прошлому обществу.

Современное общество ставит новые задачи саморефлексии перед каждым человеком. Эти задачи связаны с усложнением конкретной обывденной ситуации человека вообще в современной культуре, что подразумевает новые горизонты психологического и экзистенциального понимания мира и человека.

Философская антропология как методологическое основание современного научного знания о человеке задает конкретным наукам и педагогике исходные посылки. Этот процесс получил название «антропологизация знания»⁷. С этой точки зрения предоставляется возможность рассмотреть проблему повседневности, которая становится одной из центральных проблем всего гуманитарного знания. Мир повседневности – это система жизненных практик, т.е. привычных образов жизни индивидов в обществе или группе. Однако и эти практики не могут теперь пониматься как данные. Они должны пониматься в развитии самой повседневности.

Рассмотрим определение проблем сложности и развития в различных педагогических концепциях.

Наиболее актуальной проблемой в современных педагогических концепциях является проблема сложности. основополагающими принципами в изучении человека являются микроанализ и многомерность. То, что человек – существо многомерное, утверждается исследованиями в философии, но при этом возникают проблемы возможности многомерного постижения человека, поиска особой методологии для подобного анализа и определения потенциала традиционных методов для определения многомерности.

Интересный подход к данной проблеме предложил В. Франкл, применив метод «димензиональной онтологии» к раскрытию «многомерности человека»⁸.

Законы онтологии человека В. Франкла на практике становятся важнейшим моментом проявления сложности ученика, ибо вполне можно допустить многомерность его поведения в учебной ситуации. И эта многомерность не должна восприниматься как противоречие заданию, как нарушение дисциплины, так как она является проявлением индивидуальности.

Близким по смыслу «димензиональной онтологии» является метод интервальной антропологии, который предлагают Ф.В. Лазарев и Брюс А. Литтл в книге «Многомерный человек»⁹ (2001 г.). Их исходной установкой является не генерализация и обобщение, а метод ограничения, поиск различий, инаковостей. Следовательно, появляется сама идея

⁷ Казаринов Н.В., Филатова, О.Г., Хренов, А.Е. Социология. – М., 2000. – С. 157.

⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – С. 50.

⁹ Лазарев Ф.В., Брюс, А. Литтл. Многомерный человек. – Симферополь. 2001. – С.131.

интервала – отыскание «клеточки» многомерного бытия. «Клеточка» подобного типа как фактор, проявляющий усложнение человека в педагогической деятельности, становится важным элементом этой деятельности, если последняя подразумевает развитие ученика.

В рамках интервального мышления человек рассматривается как многомерный феномен. Интервальный подход дает нам возможность понять, что человеческое существование ситуативно, интервально. Фундаментальной чертой бытия человека является то, что человек никогда не равен ни одной конкретной ситуации. У него существует принципиальная возможность, выражаясь словами В. Франкла, вхождения в измерение специфически человеческих проявлений.

Таким образом, философская антропология как методология показывает путь не от множественности проекций человека к его многомерности и целостности, а, напротив, от многомерного единства человека к ситуациям, где это единство проявляется, актуализируется, где зарождаются новые возможности его бесконечного вариативного поведения. В этом случае развитие ученика реализуется как свертывание сложности его поведения в его индивидуальную многомерность. Отметим, что эта многомерность не проявляется полностью, она более потенциальна, чем актуальна, но и многомерный ученик интереснее и ближе к образу человека, тогда как лишение многомерности создает условия для становления человека как некоего подобию автомата.

Для зарождения новых возможностей бесконечного вариативного поведения человека необходимы новые нетрадиционные методы толкования, постижения, понимания того, как разглядеть человека в его бесконечных проявлениях, как перейти от одноплоскостных проекций к объемному измерению. Эти толкования уже выработаны философией и антропологией, но пока не используются педагогией.

Множество научных разрозненных данных не отменяют единства человека, а проявляют его особым образом. Специфическим и эффективным вариантом проявления многомерности в поведении ученика выступает диалог вообще, поэтому необходимо расширять диалог (создавать определенное диалоговое пространство для взаимосогласования точек зрения) между всеми контекстами бытия, в которые вовлечен человек.

Итак, многомерность как проявление развития ученика и системы образования – важный момент самой системы образования. Между тем развитие предполагает новые качества самого человека в педагогической деятельности: самоидентичность и самотрансценденцию. Первое означает сохранение учеником некоей константности понимания самого себя, а второе – постоянное стремление преобразования себя и своего окружения. Таким образом, развитие ученика полагает исходное противоречие педагогической деятельности – противопоставление воспроизводства человека в рамках существующей традиции и воспитание нового типа человека, который способен выйти за пределы этих же границ.

Самотождественность означает постоянство мира человека и человека в мире и предполагает согласие человека с самим собой, гармонию его желаний, духовных устремлений, ценностей и поступков, единство самооценки и самоактуализации. Самотрансценденция выражает постоянное стремление человека преодолеть свои собственные границы и трансцендировать себя в различные сферы бытия. Категории самоидентичности и самотрансценденции позволяют рассмотреть мир человека и человека в мире в их неразрывном единстве и взаимопроникновении как основные онтологические различия единой антропологической целостности.

Задача соединения двух названных сторон индивидуальности в одном ученике порождает задачу сохранения целостности самого ученика. Но сам образ целостности и способ его формирования может быть разным. Например, в современной педагогике делается упор на самоидентичность (воспитание преемственности) в ущерб самотрансценденции (креации и искусству перехода пределов).

Категория целого и производное от нее понятие целостности служит обобщенной характеристикой объектов, обладающих сложной внутренней структурой, достаточной интегрированностью, самодостаточностью, качественным своеобразием, автономностью и причастностью к другой более фундаментальной целостности. Понятие целостности

тесно связано с такими философскими категориями, как часть и целое, благодаря связям которых образуется целое. Рассматривая «целостность человека»¹⁰, выделим ряд положений, которые помогут нам глубже понять эту фундаментальную антропологическую константу:

- 1) всякое целое причастно другому более фундаментальному целому;
- 2) часть, оторванная от целого, утрачивает основные свойства этого целого;
- 3) целое не сводится к сумме его частей;
- 4) часть есть проявление целого.

Таким образом, целостность человека – это не просто сумма его атрибутивных характеристик (физических, социальных, культурно-исторических и др.), она означает, прежде всего, его причастность к другой более фундаментальной целостности (космосу, миру, природе, бытию, абсолюту). Названные фундаментальные антропологические константы позволяют осуществить категориальное моделирование человека, то есть выявить проблемное поле, очертить его границы и определить направления исследования человека.

Педагогика в свете антропологического подхода выступает как функция внутрисистемного воспроизводства человека настоящего через усвоение им культурных форм поведения, с одной стороны, и формирования человека будущего, с другой. Первая сторона закладывает в ученика нормы, существующие в культуре и обществе, а вторая – способности преодоления пределов культуры, в которой он формировался.

На наш взгляд, модель антропологической целостности человека, изложенная выше, может быть расширена и дополнена через исследование категорий педагогики, что позволит раскрыть концептуальную содержательную характеристику педагогической деятельности.

Функциональный анализ педагогической деятельности не выявляет существенно-го качества образа человека, его способности к развитию. Это качество не находит выражения в функциях педагогики, более того, проведенный анализ учения о функциях дает основания говорить о трех явлениях, которые имеют место в области развития знаний о структуре педагогической деятельности: об увеличении числа функций (сегодня превышает два десятка), их иерархизации и детализации. Детализация функций не ведет, а наоборот, уводит в сторону от понимания специфики педагогической деятельности. В этой связи уместно замечание А.Э. Штейнмеца о том, что количество функций педагогической деятельности «возросло не столько по причине выявления действительно новых компонентов, сколько по причине неопределенности термина «функция»¹¹. Недостаточная устойчивость названий компонентов сочетается с высокой изменчивостью в их отнесенности к ближайшему родовому понятию.

Вышеизложенное подтверждается наличием в литературе преимущественно эмпирического рассмотрения вопроса и побуждает искать новые подходы к выявлению сущности понятия «педагогическая деятельность».

Возникает вопрос о возможности действительного целостного понимания педагогической деятельности, которая исходит из антропологического образа человека. Ключевым в педагогике оказывается воспроизводство человека, нужного культуре, но не создание человека, переходящего границы культуры, так как это не входит в сферу традиционной педагогической деятельности. В воспроизводстве главным является акцент на профессионализм педагога, в создании – на саморефлексию и изменчивость позиции учителя и его отношения с учеником.

Педагогика развития, в отличие от педагогики воспроизводства, предполагает существенно иной образ человека (целостный, антропологический) и методику образовательного процесса (многомерность всей педагогической деятельности). В первом случае педагог развивает саму целостность ребенка и является в лучшем случае эталоном его самоидентичности, а ученик заимствует у учителя способность рефлексировать свою самоидентичность. Во втором случае педагог дает ребенку инструментарий самотрансцендирования и развития путем совершенствования своей собственной деятельно-

¹⁰ Бибихин В.В. Узнай себя. – СПб., 1998. – С.155.

¹¹ Штейнмец А.Э. Психологическая подготовка к педагогической деятельности: дис. д-ра психолог. наук. – СПб., 1998. – С. 33.

сти, и осмысления ее многомерности. При этом ученик часто выступает по отношению к педагогу, особенно первого типа, как «неблагодарное» существо.

В контексте основного противоречия педагогической деятельности можно зафиксировать преобладание такого понимания этой деятельности, которое акцентирует воспроизводство в ученике настоящего образа учителя, и в лучшем случае, ученик при этом получает способность быть самостождественным человеком. Несколько иной смысл в педагогическую деятельность вкладывается в направлении вальдорфской педагогики, где акцентируется самотрансцендентальная способность ученика к развитию.

Итак, обобщим сначала традиционную позицию педагогики во взгляде на это противоречие. На уровне функционального анализа педагогической деятельности можно выделить основное ее противоречие, одна сторона которого активно развивается в рамках педагогической науки, а вторая активно игнорируется, за исключением некоторых учений, которые критикуются именно из-за их идеологической странности, в то время как их методологические и методические находки в направлении развития второй стороны противоречия (создания человека развивающего) игнорируются. С одной стороны, нельзя полностью принять позицию самотренсцендирования, ибо в этом случае человек, обученный только этому, получает неустойчивое бытие, с другой стороны, педагогика видит проблему и пытается уже имеющимися средствами ее разрешить или хотя бы осветить. Но, не признав и не поняв основного противоречия, педагогическая наука оказывается в ситуации решения задачи не теми средствами: для решения новой задачи целостности воспроизводства и развития предлагается старое решение, основанное на воспроизводстве.

Это противоречие показывает, что педагогика и ее концепция педагогической деятельности приходит в противоречие с образом человека в антропологии. В русле этого разрешения противоречия воспроизводства – развития лежит и инновационная педагогическая деятельность, в которой предельно собраны способы выхода из кризиса без понимания основного противоречия, породившего этот кризис.

Итак, в самой педагогической деятельности заложена возможность многомерного человека, способного к развитию, и это залог новаций в педагогике. Направление новаций определяется культурными векторами развития человечества. Современная антропология ставит эталоном для педагогической деятельности формирование человека целостного, способного как к преемственности и ее интериоризации в самостождественность, так и к самотрансценденции и способности преодолевать пределы культуры. Единство этих векторов задает целостность и полноценность человека. Но для этого и педагог должен стать полноценным носителем обеих сторон ключевого противоречия педагогической деятельности или должен погрузиться в процесс развития культуры, в новейшие представления о человеке и о типе человека, который необходим современной культуре.

Можно определить несколько направлений новаций: во-первых, новации связанные с формированием устойчивой самостождественности ученика, во-вторых, новации, связанные с развитием способности к самотрансценденции, и, в-третьих, новации, направленные на формирование интереса к существующему развитию культуры как исходному вектору саморазвития.

В итоге инновация может рассматриваться как трехуровневая система, включающая, во-первых, уровень человека (педагога и ученика) как движение в направлении развития культуры, к ее высшим достижениям; во-вторых, уровень педагога или развитие педагога, рассматривающегося как организатора педагогической деятельности, в-третьих, уровень ученика, предполагающий его развитие в педагогической деятельности.

Теоретически каждое из трех направлений и каждый из трех уровней может стать запускающим для саморазвивающейся индивидуальности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Центральным противоречием педагогической деятельности является создание целостного человека. Целостность в педагогике рассматривается исходя из многообразия функций и результатов образовательного процесса, но речь идет о гармонии двух векторов развития ученика: самостождественности и самотрансценденции. Первая сторона более развита в современных концепциях и технологиях педагогической деятельности и означает сохранение учеником собственной позиции и индивидуальности. Это необхо-

димый компонент на пути формирования самостоятельной индивидуальности, на пути к антропологическому образу человека. Вторая сторона, самотранцендирование, предполагает стремление и способности к переходу собственных границ, и этот переход должен быть синхронным с самоидентификацией, тогда достигается целостность индивидуальности, ее воспроизводство и развитие как взаимообосновывающие, хотя и противоречащие друг другу процессы в становлении человека. Исходя из этого вывода, можно говорить о структуре (клеточке) педагогической деятельности, как о двух сторонах-векторах становления индивидуальности.

Важнейшим критерием организации педагогической деятельности, который реализует становление целостной индивидуальности, является многомерность педагогической деятельности. Возможность развития ученика в процессе образования возникает при организации многомерности его бытия. Причем многомерность касается всех сторон педагогической деятельности, является необходимым атрибутом педагогической деятельности и касается не обилия функций, а возможности разного отношения к этой деятельности со стороны педагога и ученика. Педагог должен научиться допускать особенную, неявную позицию ученика по отношению к цели, результату, мотиву и всем компонентам педагогической деятельности. Это многообразие и непрямолинейность отношений разных участников педагогической деятельности к компонентам педагогической деятельности мы называем многомерностью, которая существенным образом отличается от противоречивости, конфликтности этой деятельности и является необходимым атрибутом развития ученика и становления индивидуальности.

Инновационная деятельность исходно должна включать в себя, во-первых, создание новых технологий (критерий новизны), во-вторых, и это главное, создание новой индивидуальности (личностный критерий). При анализе трех уровней самой педагогической деятельности (человека, педагога и ученика) показана ориентация педагогической деятельности и педагогических концепций в основном на первый критерий.

На уровне человека этот критерий раскрывается в сложном и противоречивом процессе развития культуры, который имеет положительные и негативные тенденции. Индивидуальность необходима ученику для того, чтобы самостоятельно и свободно ориентироваться в этом сложном мире людей.

На уровне педагога личностный критерий раскрывается в усилении рефлексивной способности педагога. Высшим результатом такой рефлексии становится понимание модели человека, который должен являться образцом, результатом собственных действий педагога. И тут рефлексия должна акцентировать разные цели педагога: во-первых, достижение результата в виде определенного объема знаний, во-вторых, создание индивидуальности ученика. А в их единстве – создание индивидуальности ученика, способной самостоятельно развиваться и осваивать знания, переходя границы данного материала уже в процессе обучения.

На уровне ученика новации опираются на создание особого типа образовательной среды. Именно с этим понятием связан вопрос о саморазвитии ученика. Образовательная среда – то понятие, которое вбирает в себя новации, акцентирующие личностный результат саморазвития ученика. Среда создает для ученика пространство самостоятельного движения в образовательном процессе, соучастие в педагогической деятельности.

Список литературы

1. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. – М.: АПН СССР, 1986. – С. 9.
2. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., – М., 1989. – С. 557.
3. Удачина Л.В. Структура и функция как выражение сущности // Взаимосвязь категорий. – Свердловск, 1970. – С. 44.
4. Евстафьева Л.И. Особенности функционального подхода (методологические аспекты) // Философские науки. – 1977. – № 5. – С. 151.
5. Здравомыслов А.Г. Функция в социологии // Философская энциклопедия: в 5 т. – Т. 5. – М., 1970. – С. 419.
6. Казаринов Н.В., Филатова, О.Г., Хренов, А.Е. Социология. – М., 2000. – С. 157.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – С. 50.
8. Лазарев Ф.В., Брюс, А. Литтл. Многомерный человек. – Симферополь. 2001. – С.131.

9. Бибихин В.В. Узнай себя. – СПб., 1998. – С.155.
10. Штейнмец А.Э. Психологическая подготовка к педагогической деятельности: дис. ... д-ра психолог. наук. – СПб., 1998. – С. 33.

FUNCTIONAL APPROACH TO EDUCATIONAL ACTIVITY: CONTRADICTIONS AND PERSPECTIVE

G.N. TRAVNIKOV

*Institute of innovative educational
policy and law “Eurika – Perm”*

e-mail: travnikovgn@mail.ru

The article deals with the functional approach to educational activity. The main contradictions of educational activity are formation of the integral person. Integrity in pedagogy is regarded from variety of functions and results of educational process but the kernel of it is in harmony of two vectors of development: self-identity and self-transcendence. The main criterion of formation of educational activity which realizes creation of integral individuality is diversity of pedagogical activity. Possibility of development of the taught person rises in variety of his existence.

Key words: person, man, function, functional approach, activity, reflection, variety, integrity, development, philosophical anthropology.

УДК 34.97(6)

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ (IV-VIII ВВ.)

В.Г. УСТЯН*Новомосковский филиал
Университета
Российской Академии
образования**e-mail:
Viktoria.ustyan@gmail.com*

Материалы данной статьи являются частью исследования, посвященного процессу возникновения европейских представлений о всеобщем, безусловном и неотъемлемом достоинстве человека. Автор полагает, что именно христианские мыслители – святые отцы Церкви – создали теоретические условия для процесса десакрализации и демократизации, десоциализации и дефизиологизации античных представлений о достоинстве человека; именно христианское мировидение сынициировало и отвоевало такое представление о достоинстве человека, которое оформило впоследствии аксиологические параметры европейской культуры. Они основаны на признании онтологического достоинства человека – достоинства, которое не нуждается в физиологическом или социальном обосновании.

Ключевые слова: Вселенские соборы, святые отцы Церкви, достоинство человека, богочеловечество, обожение, Логос, Иисус Христос, несториане, арианство, монофелиты, тварность, телесность, человек.

Решение проблемы достоинства человека, начиная с IV века, совершается на качественно ином уровне: если в период распространения христианства в языческом мире – во II – IV веках – достоинство человека мыслилось святыми отцами в рамках этизации этого мира, изменения его нравов, то в последующем – в IV – VIII веках – проблема достоинства человека погружается на уровень внутрехристианских богословских споров по вопросам воплощения и триединства. Специальной концентрации внимания полемизирующих богословов на проблеме достоинства человека не было, однако принцип взаимообусловленности Бого-человеческого достоинства, проявившийся в учениях апологетов, четко действует и в рамках догматических решений. Какое из христианских пониманий достоинства человека является наиболее адекватным истинам Откровения – вопрос, в котором позволительно сконцентрировать идеи антропологического подтекста в различных подходах к решению христологических проблем. Наиболее значимые для православного вероучения ответы были сформулированы св. Афанасием Великим, св. Василием Великим, св. Григорием Богословом, св. Григорием Нисским, св. Иоанном Златоустом, св. Иоанном Кассианом Римлянином, св. Максимом Исповедником, св. Иоанном Дамаскиным.

Св. Афанасий Великий (293 – 373 гг.) – третий, после св. Климента Александрийского и Оригена, крупнейший представитель александрийского периода развития святоотеческой мысли – назван великим за тот вклад, который он внес в утверждение идеи единосущия Христа. Для христианского понимания достоинства человека идея единосущия (*homoousios*) стержневая, организующая концепции Троицы, Богочеловечества Иисуса Христа и личности человека.

Идея единосущия возникла и закреплялась в борьбе с арианством. Арий, будучи александрийским священником, «упростил» христианство, сделал понятным каждому новообращенному учение о Воплощении и Троице. Рациональный подход, за пределы которого не выходил Арий, диктовал представление о Боге как о замкнутой в своей трансцендентности монаде; Христос же представлялся при этом как сотворенный, как высшая, но все же тварь, как нравственно совершенное существо и не более того, не Бог-Сын, предвечно рожденный. Отрицая божественное достоинство Христа, его Бого-человеческую посредническую силу, Арий лишал и человека того высшего достоинства, которым является обожение – реальное соединение человека с Богом. Перспективу такого соединения св. Афанасий в трактате «О воплощении» обозначил через утверждение божественности Христа: «Через Воплощение Слова Разум, от Которого исходит все, открылся как Посланник и Святой...Он, действительно, принял человечность, чтобы мы

стали Богом»¹. В этих словах закрепились идея надприродного достоинства человека, обусловленного Богочеловечеством Иисуса Христа. Формула – «Слово стало плотным, чтобы люди могли стать духоносными» – была фактически узаконена на Первом Вселенском Соборе (г. Никея, 325 г.) в лаконичной оппозиции терминов «единосущный» и «подобосущный».

Таким образом, св. Афанасию Великому принадлежит обоснование особого достоинства человека, которое вытекает из новозаветной специфики: человек не только образ и подобие Божии, но сопричастник Божий в человечестве Слова, сотелесник Христа и потому бессмертен. Бессмертие – наивысшее из возможных представлений о достоинстве тварного – есть результат освобождения тела от своей тленности и психо-физической немощи, возможный по причине спасительного пребывания Слова в человеческом теле². Благодаря слову, сыны человеческие получили достоинство противостояния смерти, грехам и искушениям, получили потенциальное достоинство сынов Божиих, осуществить которое призваны христиане в процессе своего обожения.

Св. Афанасий в трактате «О воплощении» не рассуждает о достоинстве человека – он пишет о достоинстве Бога³. Богослов косвенно принижает достоинство человека через констатацию человеческой немощи, которая не может присутствовать в Сыне Божием: «Кто среди людей...учил о девственности и не считал это достоинство невозможным для людей? <...>...кто собрался проповедовать о достойном житии и воздержании и против поклонения идолам, кроме Господа всех...»⁴. Принцип метаморфозности сопровождает тему достоинства человека на всем пути ее развития: у св. Афанасия достоинство человека доказывается от противоположного, через утверждение того, что Христос не простой человек, но Сын Божий, и только поэтому, приобщаясь к Нему, человек имеет возможность восстановить свое утраченное достоинство богоподобия. Христос претворяет не стихию, не животное, не материал, но человеческое в божественное, поднимает немощное и незначительное до уровня всемогущего и всезначимого, восстанавливает сверхкосмическое достоинство человека: «Эту тайну евреи злословят, греки высмеивают, но мы превозносим; ...потому что в Своей Человечности Он кажется не таким ценным. <....> И то, что эти умники высмеивают как «человеческое», Он Своей...силой делает божественным»⁵. В трактате «О воплощении» св. Афанасия Великого впервые за весь предшествующий период развития святоотеческой мысли употребляется понятие «христианское достоинство»⁶, которое отождествляется с достоинством человека – иного достоинства у человека, помимо достоинства сопричастности Богу через Сына, быть, как считали святые отцы Церкви, не может.

Воплощение идеи обожения, реальность обожения и конкретные пути его осуществления открываются в жизнеописании св. Антония, которое составил св. Афанасий во время пребывания у монахов египетской пустыни. «Житие преп. Антония» следует считать первой фиксацией монашеского пути. Это путь, отличный от интеллектуального приобщения Богу, путь аскетического преодоления человеком своей греховной природы посредством охристовления. «Житие преп. Антония» фиксирует методу мироотреченного подвижничества, направленного на стяжание такого достоинства, которое в православии получает статус святости, закрепляющий факт обоженного состояния человека. Особое значение «Житие преп. Антония» имеет по причине присущего ему характера синтезированного опыта: подвизавшийся Антоний старался вбирать в себя все, чем отличались его предшественники, имена которых не известны. Духовный путь Антония представляется поэтому примером сложившейся к IV веку специфики египетского монашества и образцом для многовекового монашества в последующем.

¹Св. Афанасий Великий. Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии его к нам во плоти // Восточные отцы и учителя церкви IV века. Антология. В трех томах. – МФГИ, 1998. – С. 68.

² См. там же, 4, 5, 7, 8, 10, 21 – 30. – С. 31, 32, 33, 34, 35, 43 – 50.

³ См. там же, 6, 7, 10. – С. 32 – 33, 33, 35.

⁴ Там же, 51 – С. 66. См. также 48, 49, 53 – С. 64, 65, 67.

⁵ Там же, 1 – С. 28 – 29.

⁶ См. там же, 57. – С. 70.

Богословие св. Афанасия Великого в территориально-временном отношении является принадлежностью александрийского направления периода апологетов, но, в сущности, преодолевает интеллектуалистическую направленность линии Климента – Оригена. Св. Афанасий заложил фундамент специфически христианского решения проблемы достоинства человека. Именно поэтому его именуют Великим. Деятельность св. Афанасия Великого полагает новый период в развитии святоотеческой мысли – период Великих соборов, на которых были выработаны и закреплены основные догматы христианского вероучения, выражающие особое, христианское представление о достоинстве человека.

Ближайшие преемники преп. Антония Великого – св. Макарий Египетский, св. Марк Подвижник и прп. авва Исая (IV в.), а также Иоанн Кассиан Римлянин, св. Ефрем Сириан и прп. Нил Синайский (IV в.), в последующие века – прп. Исихий, пресвитер Иерусалимский и авва Зосима (V в.), св. Иоанн Лествичник, св. Исаак Сириан, свв. Варсануфий и Иоанн (VI в.), прп. Авва Дорофей (к. VI – н. VII вв.), св. Феодор Студит (VIII в.) и св. Григорий Синаит (XIV в.), чьи наставления включает святоотеческий сборник «Добротолюбие», раскрывают путь стяжания богочеловеческого достоинства как борьбу с восемью главными страстями в условиях оставления «мира», как требует того приближение к христианскому совершенству (Мф 19, 21). Внутренним механизмом этой подвижнической системы можно считать слова Марка Подвижника: «...всякая добродетель ... есть ничто иное, как удаление от греха...»⁷. «Удаление от греха» предполагает активизацию сил человеческой воли в духовной брани за чистоту сердца, которое, освободившись от плена мира, где власть придержащий – диавол (Мф 4), удостоивается благодати приобщенности Богу. Добротолюбие, доброе делание, в святоотеческом понимании, не подразумевает эмпирически полезных дел, благоустраивающих видимый мир. Доброе делание по-святоотечески – праксис – аскетическая практика, очищающая подсознание от вожделения (алчности) и гордыни, этой метафизической ловушки, из которой высвобождаются жизненные силы человека для стяжания непреходящего достоинства: «...так очи души достойной и верной, просвещенные Божественным светом, духовно видят... Жениха-Господа...»⁸. Аскеза есть ничто иное, как возрастание в смирении, а смирение – способность к бескорыстной любви, той, которая проявляется в сознании своей виновности во всем и за всех, «ибо любовь хотя по порядку последняя есть из добродетелей, но по достоинству она первая из них всех...»⁹. Святоотеческое предание свидетельствует: для подвизавшихся на путь духовного трезвения нет большей опасности, чем соблазн осуждения менее совершенных ближних. Творческая любовь для святых отцов превышает ветхозаветной морали закона, ведь «если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал 2:21). Онтологическое достоинство человека, таинство личности возвышаются и практически противопоставляются в христианстве достоинству справедливого, благоустроенного общества. Поэтому социальная экстраполяция святоотеческих представлений о достоинстве человека и путях стяжания его неизбежно приводит к нивелировке экзистенциальных оснований православия.

В начале своих антропологических размышлений **св. Василий Великий** (ок. 329 – 379), архиепископ Кесарийский, полагает размышления о сущности человека, ее непознанности, которую необходимо преодолевать, поскольку достоинство человека столь велико, что через постижение его сложности осуществляется познание Творца¹⁰. Оно должно начинаться с Божественной космогонии, в которой человек занимает особое место. Его происхождение связано не с повелением «Да будет человек!», как «Да будет свет!», но с размеренного обдумывания – «Сотворим человека по образу Нашему и подобию» (Быт. 1, 26), которое свидетельствует об особом достоинстве человека как любимом, совершенном творении. Поэтому Василий Великий призывает: «Осознай же свое досто-

⁷ Марк Подвижник. 226 глав к тем, которые думают оправдаться делами // Добротолюбие. Т. 1. – Свято-Троицкая Лавра, 1993. – С. 540.

⁸ Макарий Великий. Наставления // Там же, с. 267.

⁹ Марк Подвижник. 226 глав к тем, которые думают оправдаться делами // Там же, с. 541.

¹⁰ См.: Василий Великий. Беседы на Шестоднев. – «Журнал Московской Патриархии», 1972, № 1. – Беседа 10. 2.

инство», – и называет человека «достойным существом»¹¹. Размышляя далее над ветхозаветной антропогенной формулой достоинства, святитель указывает на преимущества человека как существа разумного. Телесность и разумность свидетельствуют о двойственности, о «внешнем» и «внутреннем человеке», то есть его «я», или «разумном начале души»¹², которое позволяет человеку «владычествовать» над всей остальной тварью: «...да владычествуйте над рыбами..., птицами..., зверями... Вот благословение, вот законодательство, вот достоинство, данное нам от Бога»¹³.

Однако конфликт явного и должного побуждает св. Василия к пафосному вопрошанию человека: «Почему же ты поработаешься страстями? Почему пренебрегаешь своим достоинством и становишься рабом греха?»¹⁴. Способность владычествовать над своими страстями означает проявление в человеке заложенного в нем образа Божьего и потенции его подобия, достоинством является способность развиваться согласно собственному волеизъявлению, «...дабы ты совершенствовался и стал достойным исходящего от Бога воздаяния»¹⁵. Направление развития указаны в Евангелии: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть», свойство же совершенства – всеблагодать: «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных». В стяжании подобия необходимо облечься во Христа, то есть милосердие и благодать¹⁶. Таким образом св. Василий Великий в процессе толкования достоинства человека совмещает ветхозаветную антропогению и новозаветную этику.

Размеренной балансировкой между признанием гносеологического достоинства человека в сфере богопознания и ограничением его отмечена оппозиция св. Василия Великого Евномию, который настаивал на способности человека постигать Божественную сущность. Евномий в своих диалектических построениях исходил из Бого-человеческой логико-онтологической связи и способности человека к исчерпывающему богопознанию через анализ имени Божия – «нерожденный». Св. Василий Великий, оспорив Евномия на уровне лингво-гносеологическом, переводит проблему в сферу чистого богословия и антропологии: человек способен постигать только «энергии» Бога, но не Его сущность. Сущность чего-либо недоступна для постижения (это про-кантианская идея «вещи в себе»), поскольку всегда остается некий иррациональный остаток, не поддающийся анализу, не разлагаемый на признаки. Устанавливая общую меру познавательной способности ума человеческого, св. Василий различает три ее уровня, соответствующих степени этического достоинства: плотский, душевный и духовный. Сугубо философскую доктрину Евномия св. Василий разбавляет этико-религиозными воззрениями – ум человеческий поврежден бесовским прилогом и адекватно постигать «энергии» способен только при условии очищения сознания¹⁷. Поскольку Божественные энергии вложены в человека при его творении, постольку самопознание является средством богопознания: «Если внемлешь себе – ты не будешь иметь нужды искать следов Зиждителя в устройстве вселенной, но в себе самом, как бы в малом каком-то мире, усмотришь великую премудрость своего Создателя»¹⁸. В самом приеме сравнения по аналогии Бог-человек заложено видение высочайшего достоинства человека. Побуждение «внемли себе» (Втор. 15, 9) рефреном повторяется в «Беседе 3» св. Василия Великого, в которой он утверждает принципиальную способность человека к самоконтролю, самоанализу и победе над плотским, видит в нем самом этический камертон. Основания для признания такого высокого достоинства человека сокрыты в его богосродной сущности, в ней же – и средства для стяжа-

¹¹ См.: Василий Великий. Беседы на Шестоднев. – «Журнал Московской Патриархии», 1972, № 1. – Беседа, 10. 3.

¹² Там же, 10. 7.

¹³ Там же, 10. 14.

¹⁴ Там же, 10. 8.

¹⁵ Василий Великий. Беседы на Шестоднев. – «Журнал Московской Патриархии», 1972, № 1. – Беседа 10. 16.

¹⁶ См. там же, 10. 17.

¹⁷ См. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. – Новый исправленный перевод Московской Духовной Академии. – СПб., 1911. – Т. III. – С. 281 – 282.

¹⁸ Там же, том II, с. 98.

ния богоподобия: «Только внемли себе, чтобы знать тебе здравие и болезнь души», «Внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себе»¹⁹.

Гносеологическая оппозиция Евномия – св. Василия Великого содержит в себе различные подходы к решению проблемы достоинства человека. Оно, с первого взгляда, предельно возвышается Евномием, который, в принципе, устанавливал неоплатоническую сущностную идентичность Божественного и человеческого. Св. Василий проводит различие между сущностью Бога и его «энергиями», чтобы не допустить родственной, преемственной связи между тварью и Творцом. Эта связь, согласно св. Василию, устанавливается динамично, в процессе обожения. Таким образом, Евномием достоинство человека мыслится как безусловное, статично-пантеистическое; св. Василием – как перспективное, рассчитанное на возрастание, стяжание, что требует активизации духовных способностей человека и, в конечном итоге, действительно высоко ставит его достоинство как микрокосма. Данная дихотомия в границах столкновения эманационного и креационистского подходов к достоинству человека имеет важное значение в качестве показателя эволюции представлений о достоинстве человека в период первых столетий нашей эры.

Для антропологических воззрений **св. Григория Богослова** (330 – 390 гг.) характерен объединяющий принцип срединности, обоснованный доказательствами соразмерности Вселенной и требующий от человека согласованности с этой соразмерностью²⁰. Специфика достоинства человека обусловлена его срединным положением: соединением невидимой и видимой природы, проникновением великого в малое (разумной души в тело), способностью умозерцанием сочетать земной мир и горнее царство, временное и вечное; человека св. Григорий Богослов именуется ангелом, пребывающим между низостью и величием, наделенным духом для прославления Создателя и плотью для страдания, смирения и научения²¹.

Основной идейный мотив, организующий святоотеческие представления о достоинстве человека, который обозначен в данной работе как взаимообусловленность Бого-человеческого достоинства, именуется св. Григорием Богословом «сорастворением достоинства»: «...нужно и Богу снисходить к нам... и нам восходить к Нему,...при сорастворении достоинства должно происходить общение Бога с людьми. Доколе же пребывают они в собственном достоинстве, — Бог в достоинстве высоты, а человек — низости, дотоле благодать несоединима, человеколюбие несообщимо, и посреди великая... пропасть, которая отделяет... сотворенное и преходящее естество от несотворенного и постоянного»²².

Если у св. Афанасия Великого достоинство человека отстаивается в утверждении полноты Божества в Спасителе, то св. Григорий Богослов в спорах с Аполлинарием отстаивает во Христе полноту человечества: «Ибо не воспринятое не уврачевано, но что соединилось с Богом, то и спасется»²³. В обоих случаях не последней заботой богословов является стремление укоренить в Боге достоинство человека. Оно заключается в способности обожения посредством Воплощенного Слова, посредством срастворения, сращения человека с Богом.

Оппонент св. Григория Богослова – Аполлинарий – выдвинул философски-безупречный тезис о невозможности совершенного соединения двух совершенных природ. Для единства требуется поэтому, как считал Аполлинарий, некоторое умаление человеческого во Христе: «несовершенное, соединившись с совершенным, не порождает двойства»²⁴. Аполлинарий лишает Спасителя человеческих ума и воли на том основании, что они греховны.

¹⁹ См. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. – Новый исправленный перевод Московской Духовной Академии. – СПб., 1911. – Т. III. – С. 94.

²⁰ См.: Св. Григорий Богослов. Слово 28, о богословии второе // Св. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. – Мн.: Харвест, 2000. – Т. 1. – С. 22 – 30, С. 344 – 350.

²¹ См.: Св. Григорий Богослов. Слово 38, на Богоявление, или на Рождество Спасителя // Там же. – С. 11, 446.

²² Св. Григорий Богослов. Слово 41, на Святую Пятидесятницу // Там же. – С. 12, 493.

²³ Св. Григорий Богослов. К пресвитеру Кледонию, против Аполлинария первое // Там же. – С. 481.

²⁴ Флоровский Г. Восточные отцы Церкви – М., 2005. – С. 171.

В этом контексте особую важность для онтологического закрепления достоинства человека приобретает дифференциация понятий «воплощение» и «вочеловечивание», «подобный» и «единосущный». Обосновать полное восприятие Христом человеческой природы, за исключением ее греховности, возможно только исходя из сотериологических предпосылок: человек не спасается, если не воспринимается Христом полностью. Кроме того, ум и воля не менее греховны, чем плоть, поэтому воспринявший одно, вбирает и остальное. Греховность не аргумент для отказа в приятии человеческого Богом, поскольку совершается оно в целях уврачевания. Таким образом, акт вочеловечивания Бога удостоверяет высокое достоинство человека, так как само восприятие человеческого осуществляется при условии возможности отъятия греха от его сущности – грех не сущностное, но привносимое в человеческую природу качество.

Святитель Григорий Нисский (ок. 330 – ок. 395 гг.) в трактатах «Об устройении человека», дополняющих «Шестоднев» св. Василия, убедительно показал: идея творения мира *ex nihilo* (из ничего) не обязательно имеет своим следствием вывод об онтологической разности Бога и человека, который делали сторонники неоплатонизма и оригенизма. Идея творения *ex nihilo* может питать самую оптимистическую антропологию, поскольку рождает мысль о прямой, непосредственной, безыпостасной (в неоплатоническом аспекте означающей убывание энергий от Единого ко многому) причастности человека божественному бытию как сотворенное – Творцу: человек изначально – «достоцственная тварь», «сопиршественик» Божий, «дабы иметь наслаждение, сродственное божественному», властимущий, бессмертный, ведающий правду²⁵. В контексте его полемики с Оригеном особое значение приобретают главы трактата «Об устройении человека», изыясняющие достоинство человеческого тела: «Почему человек лишен природой орудий и покрова» (Гл. 7); «Почему у человека прямой стан, и о том, что руки даны для слова» (Гл. 8) и т. д.

В теоцентрической антропологии св. Григория Нисского догреховная человеческая природа трактуется как причастница всякого блага, а принявшая крещение как призванная к подражанию Божескому естеству и царскому достоинству Иисуса²⁶. Взаимообусловленность величания достоинства Творца и высшей твари является гарантией восстановления падшего человека, которое предполагает возвращение бывшего достоинства первозданного образа. Человек не был сотворен для обожения, он был обожен изначально. Но не абсолютно. Человек содержал в себе «начаток всякого блага», чтобы каждая из способностей пробуждала желание соответствующего Божественного качества²⁷. Взаимообусловленность божественного и человеческого достоинства проявляется в тождественности катафатических атрибутов Бога и человека: высшая тварь, как и Творец, царственен, разумен, свободен, изначально бессмертен. Однако чем же отличается человеческое достоинство от божественного? Непрерывающейся способностью к движению: процесс теозиса бесконечен. Первообраз – в бытии, образ сотворенный – в становлении, его достоинство – в развитии. В антропологии св. Григория Нисского обоснованно преодолевается античное представление о достоинстве человека как микрокосме: вся совокупность тварного не уступает по достоинству Творцу, образ и подобие которого запечатлены в человеке, возвышающемся над всем тварным своей духоносностью, богоподобием.

Максималистский подход в трактовке богоподобия человека неизбежно приводит св. Григория Нисского к переходу от катафатического перечисления атрибутов божественного в человеческом образе к апофатическому закреплению его достоинства, к утверждению его непостижимости и неисчерпаемости как образа Божия²⁸. Так принцип взаимобусловленности божественного и человеческого достоинства приобретает гносеологические очертания. Постигание есть обладание, поэтому не только тварь не может овладеть Богом, но и тварью, сотворенной «по образу и подобию», невозможно овладеть ни другой тварью, ни самим Богом – Бог не может заставить человека любить себя, но он помогает, споспешествует, он сам любит.

²⁵ Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб., 1995. – С. 22 – 24.

²⁶ См. Там же. – С. 25.

²⁷ См.: Св. Григорий Нисский. Большое огласительное слово // Восточные отцы и учителя церкви IV века. Антология. Том II. – МФГИ, 1998. – С. 149 – 200.

²⁸ См.: Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб., 1995. – С. 41 – 42.

Есть разница в апофатическом подходе к богопознанию платоников и св. Григория Нисского. Если для первых Бог непознаваем в силу несовершенства человеческого разума, то для святого Григория – по причине непостижимости самой природы своей: даже ангелы небесные не могут видеть его. Таким образом, св. Григорий остается верен своему общему настроению защиты достоинства человека, перемещая акцент с несовершенства человеческой природы на недостижимое совершенство природы божественной. Можно сказать, вся антропология Гр. Нисского содержит в себе прямую или косвенную апологию достоинства человека. Для нее характерна патетически-радостная тональность, обусловленная отсутствием акцента на падении человека и восприятием грехопадения как следствия достоинства человека, для врага его – дьявола – нестерпимого.

В антропологии св. Григория Нисского ведущая роль в спасении отводится свободной воле человека, искаженной, но не убитой грехом. Учение святителя занимает срединную позицию между августинизмом и пелагианством. Св. Григорий Нисский обозначает три ступени богопознания, влечение к которому свидетельствует о призвании к стяжанию достоинства, – очищение, ясное видение творения и боговидение (обожение). Св. Григорий заключает: Бог непостижим, недостижим, путь к нему бесконечен, и способность идти по этому пути с возрастающей жаждой при осознании ее неутолимости – свойство действительно достойной души: истинное содержание любви – в ожидании возможности большего.

Образ и подобие в природном составе достоинства человека не различаются Григорием Нисским, в отличие от остальных представителей святоотеческого корпуса. Если бы человек изначально был лишен подобия, он не смог бы соделаться причастником Божиим, поскольку подобное познается подобным²⁹.

Антропология св. Григория Нисского не содержит в себе элементов юридика, как, впрочем, и вся святоотеческая традиция. В этом также сказывается принцип взаимобусловленности достоинства Бога и человека. Актуализация таких атрибутов Отца, как любовь, милость, заключающих понятие о его всесовершенстве, не позволяют христологичную антропологию ограничивать понятиями «вина», «жертва», «искушение», «оправдание», но возвышают ее до утверждения онтологического преображения, восстановления образа падшего в теозисе.

Отстаивая в полемике с аполлинаризмом полноту воспринятого Спасителем человечества, св. Григорий Нисский утверждает достоинство всего состава человека, развивает апологию человеческого рождения, питания, сна и смерти Спасителя. Он проявляет естественную, богосотворенную природу, без примеси фантазмов и порочной страстности: «Бог же рождается не в пороке каком, но в естестве человеческом»³⁰. Оно «срастворяется» во Христе с божеским, освящая весь состав человеческого. Только во Христе человек восстанавливает свое достоинство обоженной твари. Поэтому так важно для Григория Нисского объяснить действительную силу Крещения и Евхаристии.

Это «причастие превосходнейшего» – таинство Евхаристии – источник благодати, дарующей склонность к благолюбию. В трактате «На пресветлое празднество» св. Григорий Нисский замечает однако: если с человеком не произошло перемены – крещеный был недостоин соединения с Богом, он «подкидыш», «ибо Христос, соединивший Собою с Богом человека, соединяет только то, что достойно соединения с Богом»³¹. Это утверждение можно принять за отголосок идеи о прединации, то есть предопределенном спасении, обоснованном бл. Августином. Однако контекст показывает: оно есть отрицание всеисильности благодати. И последнее возвышает достоинство человека как волевого существа, подтверждает абсолютность его свободы: благодать должна быть встречена волевым желанием добра.

В исповедальном сочинении «Плач и моление ко Христу» св. Григорий Нисский демонстрирует ту закономерность, которая станет образцовой для православия: чем полнее в человеке сознание изначального достоинства как богоподобного, тем острее ощущение собственного недостойнства, греховности и падшести. Констатация своего недос-

²⁹ См.: Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб., 1995. – С. 64 – 72.

³⁰ Цит. по: Флоровский Г. Восточные отцы Церкви. – М., 2005. – С. 233.

³¹ Там же. – С.237.

тоинства не есть признак богооставленности и безволия, но свидетельствует о ясности разума, о неутолимой жажде очищения и победе над самостью, филиавтией.

В святоотеческом наследии нет более величественной характеристики достоинства человека, чем та, которую формулирует св. Григорий Нисский: «Когда ты обращаешься к Нему, то становишься тем же, что и Он... Нет ничего среди сущего, что могло бы сравниться с твоим величием. Бог может пядью измерить все небо. Земля и море заключены в Его горсти. И хотя Он так велик..., ты способен заключить Его в себе, Он живет в тебе и не испытывает стеснения, пребывая в твоём существе, – Он, сказавший: Вселюсь в них и буду ходить в них (2 Кор. 6, 16)»³². Эти слова, открывающие глубинный, сущностно-целевой смысл достоинства человека как образа Божьего, могут считаться выражением идеального должностования, в то время как действительность, запечатленная в исповедальном слове св. Григория Нисского, являет нам образ иного плана – не помышляющего о своем достоинстве, уничиженного сознанием собственного бессилия, алчущего «раба». Такую позицию в богочеловеческих отношениях, при которой благодать непосредственно зависит от степени осознания человеком своей недостойности ее, можно назвать метаморфозностью достоинства. Опыт святых отцов показывает: стяжание Духа Святого пропорционально самоумалению, теозису – кенозису, горнее достоинство – недостойству долънему.

Св. Иоанн Златоуст (344/354 – 407 гг.) решает проблему достоинства человека путем следования направлению Оригена: в IV веке, по прошествии столетия после написания трактата «Против Цельса», проблема антиномичного соотношения космоцентризма и теоцентризма остается актуальной, как можно заключить из «Беседы на Книгу Бытия»³³ св. Иоанна Златоуста. Он этизирует способы решения проблемы, вводя в аргументацию понятия божественной любви и человеческого благодарения³⁴. Не используя натуралистических доводов причинно-следственного характера в своем обосновании креационного антропоцентризма и компенсируя их отсутствие этическим обоснованием, Златоуст «требует» от слушателя активизации тех гносеологических способностей, которые Б. Паскаль лаконично назовет «разумом сердца».

Идея антропоцентризма – онтологического возвышения человека в системе творения – имеет для учения Златоуста основополагающее значение. С помощью идеи властвования, господства человека в творении обосновывается его богоподобие.³⁵ Св. Иоанн Златоуст в своих размышлениях направляется в глубину вопроса о царственном положении человека в природе и заостряет внимание на призванности человека укрепить себя в противостоянии тварности, подавить в себе «зверские помыслы»³⁶, не позволять себе «унижаться до неразумности» бессловесных³⁷. При этом св. Златоуст настаивает на принципиальном различии животной и человеческой природы. Природа человека изначально противоположна неразумной, бессловесной и «лютой», именно поэтому кротость, смирение, покорность и «вообще добродетельность» – естественные, «природные» качества человека³⁸. Если не брать во внимание идентичность нравственных следствий, то можно считать данную позицию св. Иоанна Златоуста не соответствующей формулировке достоинства человека как личности. Личность есть человек, преодолевающий свою природную заданность – такой вывод будет обозначен в результате развития святоотеческой антропологии. Корень расхождения с ней позиции св. Златоуста – в разнице семантического наполнения категории «природа». Если у Златоуста она обозначает «сотворенное» и поэтому специфична в отношении и к человеку, и к зверью, то у других святых отцов, начиная с Каппадокийцев, категория «природа» оказывается не соответствующей категории «ипостась». Поэтому воипостазированный человек, то есть преодолевший свою природу

³²Св. Григорий Нисский. Вторая гомилия на Песнь Песней // Цит. по: Клеман О. Истоки. Богослово отцов древней Церкви. – М., 1994. – С. 78.

³³ См.: Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. – Изд. «Златоуст», 1994. – Том IV. – Книга первая. Беседа шестая. – С. 47.

³⁴ См. Там же. – С.102, 111, 113.

³⁵ См.: Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. – Изд. «Златоуст», 1994. – Том IV. – Книга первая. Беседа шестая. – С. 62, 68.

³⁶ См. Там же. – С.69.

³⁷ См. Там же. – С.57.

³⁸ См. Там же. – С.69.

как индивидуальную ограниченность, определяется в православии в качестве личности³⁹. Взгляд св. Златоуста на природу достоинства человека можно считать предваряющим латинизированный, который соответствует сформулированным впоследствии определениям Боэция и Фомы Аквинского: «Личность есть индивидуальное существо разумной природы»⁴⁰ и «Всякого индивидуума разумной природы мы именуем личностью»⁴¹.

Этическая целеустремленность антропогенной экзегетики св. Иоанна Златоуста диктует следующие побудительные формулировки: «...представляя благородство нашей души, не будем делать ничего, недостойного ея, ...порабощая ее плоти...», «...чтобы не явиться недостойными неизреченных благ...»⁴². Подобие Божие св. Златоуст усматривает в таких человеческих качествах, как «кротость, смирение и вообще добродетель, по слову Христову: будьте подобни Отцу вашему, иже на небесех (Матф. V, 45)»⁴³. Промежуточной стадией от сознания своего природного достоинства к тому, что является уже неким подобием подобия есть момент осознания своего ничтожества как «происшедших из земли и в землю разрешающихся»⁴⁴. Самосознание человека как существа достойного обуславливается обязывающей благодарностью человеколюбивому Творцу, дарящему достоинство – душу – свое дыхание – существу «земляному»⁴⁵. Мы видим: достоинство не является безусловным в проекции богоотношения. Однако закрепление онтологического достоинства человека является первичным по отношению к условию соответствия ему. Достоинство не есть результат заслуг, но есть изначальное требование их. Причем, как выводит св. Златоуст, они не являются тягостными: все, что требуется от человека в оправдание его заочного достоинства – это «сокрушение сердце, смирения ума, признание во грехе, усердного прощения о прощении»⁴⁶. Злая воля человека, сравниваемая св. Златоустом с волей Каина, который «унизил данное ему от природы... право первородства» – главный фактор противодействия Божьей готовности удостоивать человека теми благами, которые он не имел от природы⁴⁷. Таким образом, понимание достоинства человека св. Иоанном Златоустом основано на взаимодополнении природного дара души и приобретаемого дара Святого Духа, что и является смыслом и целью человеческой жизни: «Сделаем же себя достойными, и с пламенным усердием обратимся к добродетели, и, подавив свои страсти, сотворим себя способными к принятию Духа, – чего да удостоимся все мы...»⁴⁸.

В богословии блаженного **Августина Иппонского** (354 – 430 гг.) нет прямых размышлений о достоинстве человека. Так, в «Исповеди» понятие «достоинство», выраженное различными словоформами, используется в следующих случаях: в случае именованья себя при обращении к Господу («...ответ по милосердию Твоему к недостойному рабу Твоему»⁴⁹), при оценке своих юношеских стремлений («Как я хотел, мерзкий и бесчестный в жалкой суетности своей, казаться благородным и достойным!»⁵⁰), в момент аналитического вопрошания («Какую пользу принесли мне, достойному сожаления, те поступки, воспоминание о которых заставляет меня краснеть...»⁵¹), при воспоминании о своем наставнике («Я приехал туда к епископу Амвросию, достойнейшему и достохвальнейшему из людей нашего времени...»⁵²), при воспоминании о своем ученике Алипии («Мужественное достоинство стряхнуло с души его цирковую грязь. ...Но был ли я досто-

³⁹ См.: Лосский, В. Н. Догматическое богословие // Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М., 1991. – С. 240 – 243.

⁴⁰ Цит. по: Шпидлик, о. Томаш. Русская идея: иное видение человека. – СПб., 2006. – С. 24.

⁴¹ См. там же.

⁴² Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. – Изд. «Златоуст», 1994. – Том IV. – Книга первая. Беседа двенадцатая. – С. 100 – 101.

⁴³ Там же, Беседа девятая, – С. 69.

⁴⁴ Там же, Беседа двенадцатая, – С. 154.

⁴⁵ См. там же.

⁴⁶ Там же, Беседа двадцатая, – С. 182.

⁴⁷ См. Там же. – С. 184.

⁴⁸ Там же, Беседа двенадцатая, – С. 92.

⁴⁹ Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 2003. – С. 9.

⁵⁰ Там же. – С. 33.

⁵¹ Там же. – С. 31.

⁵² Там же. – С. 75.

ин такого ученика?»⁵³), в связи с анализом собственной раздвоенности между сладостью богопознания и невозможностью полностью погрузиться в него («Воистину, я достоин двойного сожаления»⁵⁴), в связи с предположением своего посмертного местопребывания («Куда ушел бы я, если бы умер тогда? Конечно же, в муки адовы, достойные дел моих»⁵⁵), в связи с воспоминаниями об испрошенном матерью исцелении сына («Ты удостоил ее, ибо вовек милость Твоя...»⁵⁶) и в связи с размышлениями о спасении по милосердию Божию («...и горе всякому, даже самому достойному, если Ты не пожелаешь смилостивиться над ним»⁵⁷). Последние примеры ясно свидетельствуют о таком настрое богослова, при котором исключаются пространные размышления о достоинстве человека по причине их недейственности в теоцентрично организованном мире – возможность этих размышлений покрывается идеей предестинации (предопределения). Так, апостол Павел, к авторитету которого обращается блж. Августин в споре с Пелагием, говорит про себя: «Я недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию... Но благодатию Божиею есмь то, что есмь»⁵⁸.

Идея предестинации, безукоризненно четко и полно обоснованная блж. Августином на основе Откровения⁵⁹, логически вытекает из признания греховности самой природы человека – в Адаме «все согрешили» (Рим. 5:12). Человек «не может не грешить» («Адам – может не грешить», «Христос – не может грешить»⁶⁰) – эта формула блж. Августина полагает начало антроподицее, процессу оправдания человечества, исторически закономерно вылившемуся в феномен безрелигиозного гуманизма.

Однако христианская парадоксальность явно обнаруживает себя в рамках богословской системы блж. Августина: в его историософии и богопознании открываются черты косвенного утверждения достоинства человека. В концепции линейного развития истории все центрировано человеком – ради него движение времени от сотворения до судного дня. Кроме того, линейность развития предполагает целеустремленность, заданность рубежа, что в сопоставлении с античной цикличностью является наиболее соответствующим человеческой склонности наделять верховным, конечным смыслом свое существование. Само наличие этой склонности есть отголосок онтологически фундированного достоинства человека как образа Божьего.

Именно такое понимание человеческой изначально-тварной сущности является блж. Августином, когда обращается к толкованию учения о Св. Троице. Прием аналогии между человеческой богосродной психологией (разум, любовь, знание; память, интеллект, воля; «быть, знать, хотеть»⁶¹) и верховной Троицей приводит блж. Августина к использованию слова «личность»⁶² в значении человека как образа Троицы. Базируя в трактате «О Троице» свои доказательства на параллелях человеческое – Божественное, блж. Августин демонстрирует закономерность святоотеческой антропологии: христианский теоцентризм есть обоснование христианского антропоцентризма, достоинство Бога и достоинство человека взаимообусловлены, в данном случае по причине взаимодоказуемости состава человеческой и Божественной сущности.

Их однородность обуславливает эпистемологическое достоинство человека⁶³ – он не только предрасположен к богопознанию, но является его наиболее адекватным средством. Гносеологический оптимизм блж. Августина произрастает на почве экзистенциального опыта и свидетельствует о достоинстве человека как существе, которому открывается Абсолют как Бог-отец, милующий и ведущий. Его обнаружение и понимание воз-

⁵³ Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 2003. – С. 87.

⁵⁴ Там же. – С. 188.

⁵⁵ Там же. – С. 71.

⁵⁶ Там же. – С. 72.

⁵⁷ Там же. – С. 152.

⁵⁸ Августин. О благодати и свободном произволении // А. А. Гусейнов, Г. Ирлиц, Краткая история этики. – М., 1987. – С. 532 – 557 (приложение).

⁵⁹ См. там же.

⁶⁰ Цит. по: Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. – Мн., 2007. – С. 249.

⁶¹ Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 2003. – С. 247.

⁶² См.: Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. – Мн., 2007. – С. 252 – 253.

⁶³ См. Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 2003. – С. 157.

можно лишь в опыте интроспекции – погружении человека в свой внутренний мир⁶⁴, достоинство которого закрепляется в противоположении недостойнству эмпирического. Платонический дуализм духовно-телесного⁶⁵, приверженцем которого является блж. Августин, разрушает достоинство человека как целостного существа, однако, с другой стороны, возвышает его как призванного к аскетической брани.

Ее необходимость в деле спасения никогда не подвергалась нивелировке блж. Августином, несмотря на абсолютизацию им Божественного волюнтаризма в поздний творческий период. В трактате же раннего периода – «О благодати и свободном произволении» – содержатся доводы⁶⁶, которые вполне могут быть интерпретированы в русле идеи синергии (греч. *sinergeia* – совместное действие), разработанной преп. Иоанном Кассианом Римлянином. Однако в дальнейшем не столько приверженность Откровению и логическому обоснованию, сколько опыт самоанализа приводит блж. Августина к выводу о всеобщем человеческом недостойнстве по причине пораженности самой природы потомков Адама первородным грехом: похоть есть механизм продолжения рода, земного существования «среди сынов мира сего»⁶⁷. Таким образом, блж. Августин являет нам возрождение тех неоплатонических идей, с которыми боролись апологеты – идей недостойности тварного, телесного. Это настроение презрения к эмпирии, гнушение природным естеством будет питать «неверную» христианскую аскетику, явится основанием догмата о непорочном зачатии, обоснованием целибата священства и требования крещения младенцев.

С антропологии блж. Августина начинается в средневековой культуре линия акцентуализации человеческого достоинства. Святыми отцами всегда подразумевалось недостойнство автономного, но только бл. Августин, в результате противостояния концепции Пелагия, акцентировал, а затем односторонне утрировал идею безблагодатного достоинства человека.

В лице современника блж. Августина – **епископа Немесия Эмесского** (IV – V вв. или сер. V в.) – автора обширного трактата «О природе человека» – мы находим пример исследовательской направленности в русле анализа греко-римского антропологического наследия и поиска возможных путей его синтеза с ветхозаветной и христочентричной антропологией. Исследовательский опыт епископа Эмесского шире, чем у епископа Иппонского, который ретроспективно сконцентрировался на неоплатонизме; общая же тональность работы «О природе человека» противоположна пессимистическим выводам блж. Августина. Не почтенный Церковью статусом святости, епископ Немесий из Эмессы на протяжении всего своего трактата выдерживает тон глубочайшего почтения к природе человека, демонстрирует обоснованность такого отношения к ней и свои выводы облакает в патетичную форму: «Итак, кто может достойно оценить благородство этого существа (человека), соединяющего в себе самом смертное с бессмертным и совмещающего разумное с неразумным, представляющего своей природой образ всего творения и потому называемого «малым миром» (микрокосмом), удостоенного столь великого промысления (благоволения) Божия, что ради него – все: и настоящее, и будущее, ради него и Бог соделался человеком, – переходящего в нетление и избегающего смертности? Созданный по образу и подобию Божию, он (человек) царствует на небе, живет со Христом, есть дитя Божие, обладает всяким началом и властью. Кто может выразить словами преимущества этого существа? Оно переплывает моря, пребывает созерцанием на небе,... с ангелами и Богом беседует, приказывает твари, повелевает демонами; исследует природу существующего, усердно пытается постичь существо Божие, делается домом и храмом Божества – и всего этого достигает посредством добродетели и благочестия... Итак, зная, какого благородства мы причастны,... не посрамям нашей природы, не окажемся недостойными столь великих дарований,... променяв наслаждение всем вечным на кратковременные и незначи-

⁶⁴ См. Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 2003. – С. 112.

⁶⁵ См. Там же. – С. 124, 106.

⁶⁶ Например, «...подтвердили мы, что для жительства доброго и делания правого есть в человеке свободное произволение воли, – так же рассмотрим мы, каковы суть божественные свидетельства о благодати Божией, без которой ничто доброе сотворить не можем» (Августин. О благодати и свободном произволении // А. А. Гусейнов, Г. Ирлитц. Краткая история этики. – М., 1987. – С. 535).

⁶⁷ См. Августин А. О христианской благодати. 2:11// Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. – Мн., 2007. – С. 249.

тельные удовольствия – наоборот, через добрые дела, воздержание от пороков и благонамеренность, чему наиболее содействует обыкновенно Божество, и через молитвы будем охранять наше благородство»⁶⁸. В чем можно усмотреть причину столь панегирически-возвышенного взгляда на достоинство человека? Патрологи не располагают какими-либо сведениями об особенностях экзистенциального опыта епископа из Эмессы; судя по всему, он не соответствует до-епископальной экзистенции блж. Августина. Кроме того, Немесий Эмесский не использует положения Откровения в качестве фундаментальных для своих размышлений в том объеме, в каком делает это блж. Августин, и не сцепляет их безукоризненно прочной логической цепью. Так, размышляя о свободной воле и провидении, еп. Немесий без кавычек использует слова Христа, пересказывает их: «Бог один только – благ и премудр»⁶⁹. Кроме того, общий стиль мышления у данного автора характеризуется не метафизической, но эмпирической направленностью, не затрагивающей область человеческого подсознания. Например, освещая вопрос половой дифференциации, еп. Немесий ограничивается описанием и некоторым объяснением физиологических фактов, а также утверждением способности человека полностью контролировать «самое действие», которое «безусловно в нашей власти и зависит от души»⁷⁰. Автора не занимают вопросы о том, при каких условиях наша душа оказывается в «нашей» же власти, не является ли эта власть иллюзорной и действительно ли «наша власть» желаемая для человеческой души? Описательная психо-физиологическая парадигма еп. Немесия диктует в данном случае такое утверждение достоинства человека, которое не выходит за рамки античной трактовки его как «*homo sapiens*».

Несмотря на приверженность епископа Немесия Эмесского языческой трактовке человека как существа разумного и микрокосма, предельно уважительное отношение к философскому наследию греко-римской культуры и открытие некоторых возможностей ее синтеза с теоцентричными представлениями, не последней задачей Немесия, как показывают последующие страницы его трактата, было доказательство превосходства христианской антропологии над языческой именно по вопросу наибольшего обоснования достоинства человека. Так, при анализе воззрений на душу человека античных мудрецов (Фалеса, Пифагора, Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля, стоиков, неоплатоников), неортодоксальных христианских мыслителей (Евномия и Аполлинария) и манихейцев еп. Немесий показывает, что «самое достойное дело творения – создавать из ничего»⁷¹ и что «душа не может быть признана ни телом, ни гармонией, ни темпераментом, ни иным каким-либо качеством, ... она есть некоторая бестелесная субстанция...»⁷².

В главе «О соединении души с телом», анализируя взгляды Аммония Саккаса и Порфирия, еп. Немесий усматривает в них не только идентичность ортодоксальным, но их доказательство: «...умопостигаемое по существу своему неизменно, ... при соединении оно не уничтожается совместно с тем, с чем соединено»; данное положение «загрязняет уста тем, которые пытаются отрицать соединение Бога с человеком»⁷³, а следовательно, препятствует ликвидации основания Бого-человеческого достоинства.

Проблема человеческого волюнтаризма, раскрытая еп. Немесием Эмесским ретроспективно, в анализе эллинского наследия, решается им по-пелагиански – в этом, видимо, основная причина непочитания мыслителя ни восточной Церковью, ни западной. Достоинство человека, как и все в его жизни, не зависит от рока, фатума, способно возрасти без вмешательства звезд и их «умилостивления» – оно зависит только от добродетели как привычки – результата воспитания⁷⁴: «Ведь он (*Fatum*) не по достоинству общается (раздает) людям средства для почитания богов: в самом деле, почему этот более достоин, чем тот, когда все суть орудия рока и никто ничего не делает по своему решению, а тем более – по выбору? Ведь при таких обстоятельствах никто не может быть ни

⁶⁸ Немесий Эмесский. О природе человека. – М., 2004. – Гл. I. – С. 20.

⁶⁹ Там же, гл. XLIV, с. 92.

⁷⁰ Там же, гл. XXV, с. 61.

⁷¹ Немесий Эмесский. О природе человека. – М., 2004. – Гл. II, с. 30.

⁷² Там же, гл. II, с. 29.

⁷³ Там же, гл. III, с. 36.

⁷⁴ См. там же, гл. XXXIX, с. 78.

праведным, ни несправедным, а следовательно, – ни достойным, ни недостойным благоволения. А кто равным назначает неравное, тот несправедлив»⁷⁵. Мы видим, насколько основательно скреплены рассуждения Немесия о фатуме, воле и достоинстве человека до-христианской идеей земной справедливости; эти же мерки задают логику аксиоматичной по сути теодицеи: «...нельзя приписывать постыдных и несправедливых действий ни Богу, ни необходимости...»⁷⁶.

Минова понятие благодати, еп. Немеский находит такое решение вопроса, в котором Провидению отводится существенная роль и которое может рассматриваться как нечто синергийное, – кажущийся односторонним человеческий волюнтаризм в итоге покрывается уверенностью автора в действенность Промысла⁷⁷. Однако идеи Немесия Эмесского не могли послужить противовесом теории блж. Августина о предестинации по причине недостаточной полемической остроты, отсутствия обоснования посредством авторитета Откровения и главное – самого понятия о благодати.

Современником блаженного Августина Иппонского, имеющим идентичные границы жизненного периода, является **св. Иоанн Кассиан Римлянин** (350/360 – 435), который сформулировал такие положения о соотношении Божественной благодати и свободного произволения, которые приняты православием в качестве наиболее приемлемых. Несмотря на почитание блж. Августина (церковный день его памяти – 15 июня), его волюнтаристская крайняя позиция никогда не принималась восточной Церковью сочувственно. С самого начала у нее имелась альтернатива – учение св. Иоанна Кассиана, позднее получившее обозначение как учение о синергии – взаимодействии двух волей – воли Бога и воли человека – в деле спасения последнего. Срединная, синтезная позиция св. Иоанна Кассиана, отвечающая принципу взаимообусловленности Бого-человеческого достоинства, является наиболее оптимальным решением проблемы свободы воли и намного опережает появление аналогичных теорий Фомы Аквинского и Эразма Роттердамского (XIII в.). Однако отсутствие упоминания об этом в специальной энциклопедической статье⁷⁸ диктует необходимость концентрации нашего внимания именно на учении святого отца восточной Церкви как отстаивающем достоинство человека в тот период, когда распространение получали крайности. Кроме того, теория св. Иоанна Кассиана отвечает сегодняшним постгуманистическим настроениям, выражающим разочарованность в самодостаточности человеческого волеизъявления.

В главе «О Божественной благодати и свободном произволении как производителях духовной жизни» поучений св. Иоанна Кассиана Римлянина, собранных в «Добротолюбии» под общим названием «Обозрение духовной брани», размышления ведутся по нарастающей: начиная с утверждения всеобъемлющего распространения Божьей воли и на дела, и на помышления человека – к акцентированию момента всеобщности распространения благодати – и, через замечание о сложности понимания существа проблемы, к указанию на участие свободного человеческого произволения в деле спасения⁷⁹. Достоинство человека закрепляется в данном случае в утверждении человеческой свободы приятия или отвержения благодати: «...в человеке всегда пребывает свободное произволение принимать или не принимать сии благодатные воздействия»⁸⁰. Причем св. Иоанн Кассиан подчеркивает несущественность последовательности в процессе проявления воли и благодати, практически сводит очередность к одномоментности⁸¹. Предваряет данную синергийную кульминацию аксиоматичная защита достоинства человеческой при-

⁷⁵ Немесий Эмесский. О природе человека. – М., 2004. Гл. XXXVI, с. 73.

⁷⁶ Там же, гл. XXXIX, с. 78.

⁷⁷ «...никто не должен отрицать Промысла, потому что он печется о людях не исключительно одним каким-либо способом, но многими и разнообразными. <...> Кроме того, Бог – благ, а будучи благим, Он благотворителен, если же благотворителен, то промышляет». – Там же, гл. XLII, с. 84.

⁷⁸ См.: Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 424 – 430 (ст. «Свобода воли»).

⁷⁹ Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани // Добротолюбие. Т. 2. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – 188 – 191, с. 126 – 128.

⁸⁰ Там же, 193, с. 128.

⁸¹ См. там же, 193, с. 129.

роды посредством отрицания ее способности только ко злу⁸². Св. Иоанн Кассиан подчеркивает достоинство всякого человека, поскольку благодать всеобъемлюща, изливается на каждого представителя сущего; Бог, как «нежнейший Отец» и «сострадательный врач»⁸³, заботится о спасении своих созданий. Только одно условие есть у так утверждаемого достоинства человека – всеблагодать Творца: его благодать всегда подается даром, нет заслуженной благодати, «потому что за малые наши усилия воздает с безмерною щедростью»⁸⁴. Таким образом, в благодати, согласно св. Иоанну Кассиану, равное достоинство каждого обуславливается ценой всеобщего недостоинства перед Богом. Парадоксальность данного принципа очевидна: достоинство свободного произволения утверждается через признание недостоинства получения благодати.

Однако было бы неверным считать св. Иоанна Кассиана приверженцем уравнивания достоинства людей – он вводит градационную систему достоинства, которая действует в границах способности к богопознанию. В отличие от Климента Александрийского, который также свою этико-антропологическую систему основал на дифференциации понятий «раб Божий» и «друг Божий», св. Иоанн Кассиан в большей степени обращается к евангельскому авторитету и формулирует трехступенчатую парадигму человеческого достоинства. Стремящийся к совершенству должен восходить от начального этапа страха наказания, который свидетельствует о рабском состоянии души, к этапу надежды, на котором человек уподобляется наемнику, «ибо действует в ожидании будущего воздаяния»⁸⁵. Само совершенство, к которому призывал Христос, являет любовь человека к Богу, любовь к деянию добра не из страха наказания и не из надежды на воздаяние. Это «Богopodobие», или «состояние усыновления» даже превышает, согласно св. Иоанну Кассиану, состояние «образа и подобия»⁸⁶. Наивысшее достоинство человека достигается способностью любить врагов, поскольку и Бог «обильно изливает всякие блага на достойных и недостойных»⁸⁷. Таким образом получают гармоничное соединение идеи св. Иоанна – идея всеобъемлющей благодати Творца и идея богopodobия человека.

В иерархии космологической системы **Псевдо-Дионисия Ареопагита** (VI в.) местоположение человека позволяет говорить о его заданно-фиксированном «среднем» достоинстве, соответствующем положению между областью животного и областью ноуменального первого уровня, который составляют Ангелы, Архангелы и Начала. Приращение достоинства организуют при этом те факторы, которые способствуют не только восхождению на пути обожения, но и помощи в направлении по нему низлежащих сущностей⁸⁸. В понимании обожения Ареопагит отходит от неоплатонических представлений об отождествлении с Богом человеческих существ – они «лишь» становятся «всецело Божьими»⁸⁹, то есть сохраняют достоинство целостности. В конечных пределах богопознания, как мыслит их Псевдо-Дионисий, не умаляется достоинство телесности за счет спиритуализма: «...мы станем нетленными и бессмертными, достигшими состояния блаженства и уподобившись Христу, мы... всегда с Господом будем, наслаждаясь Его видимым Богоявлением»⁹⁰. Процесс движения по восходящей, «наращивание» достоинства было бы невозможно, если бы божественные энергии убывали от уровня к уровню, что характерно для эманационной модели неоплатоников. В человеке не возникло бы желание Бога, если бы он воспринимал небольшую долю энергии, не ведая той, которой насыщаются уровни ангельского мира. Вся заслуга Ареопагита в решении вопроса об онтологическом достоинстве человека в том и состоит, что в синтезе неоплатонизма и христианства, в иерархической системе мироздания он действительно утверждает возможность получения

⁸² Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани // Добротолубие. Т. 2. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – 188 – 191, с. 128.

⁸³ Там же, 195, с. 129.

⁸⁴ Там же, 194, с. 129.

⁸⁵ Там же, 217, с. 147.

⁸⁶ См. там же, 220, с. 149 – 150.

⁸⁷ Там же, 216, с. 146 – 147.

⁸⁸ См.: Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Гл. 13 // Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника. – СПб., 2006. – С. 98 – 106.

⁸⁹ См.: Дионисий Ареопагит. О божественных именах, I:4 // Там же. – С. 127 – 132.

⁹⁰ Дионисий Ареопагит. О божественных именах, I:4 // Там же.

всецелостной благодати на каждом уровне бытия: «...единое свойство целого Божества проявляется в том, чтобы причащающимся Его уделяться всецело, а не частично...»⁹¹.

В духовной системе **прп. Максима Исповедника** (580 – 662 гг.) выделяются следующие аспекты, локализирующие общую мотивационную установку на обоснование и защиту достоинства человека: 1) космологический аспект домостроительства, который включает в себя представление о миротворческом замысле как взаимобратимости бого-человеческого, об обожении в процессе кинесиса; 2) христоцентричный аспект бого-человеческого двоеволия, обуславливающий достоинство человека как существа, призванного к объединению противоположных космических элементов; 3) этический аспект аскетического делания. Итак, идея достоинства человека в богословии прп. Максима Исповедника инспирируется изначальной человекосоразмерной онтологической парадигмой – теоцентризм обуславливает антропоцентризм мироздания: «Основавший бытие всякой твари... прежде всех веков... имел о нем преблагий совет (решение), чтобы... и Самому стать человеком,... и человека сделать чрез соединение с Собою богом»⁹². Гениальная формула Бого-человеческого достоинства, выявленная еще св. Иринеем Лионским, получает у прп. Максима антропологически-центрированное выражение через наделение человека трех-функциональным единствообразующим достоинством – достоинством микрокосма, достоинством обожения и достоинством воссоединяющего посредника, космического медиатора.

Достоинство человека в системе прп. Максима получает атрибут амбивалентности. С одной стороны, богослов отмечает неполноценность, несамодостаточность тварного – исток, причина и цель внеположены тварному, поскольку чувственный космос есть символ ноэтического. С другой стороны, онтологическое, то есть безусловное обоснование достоинства тварного только и возможно в ситуации признания предсуществования в Боге логосов земного бытия⁹³. Общий пафос миропрятия, свойственный прп. Максиму, обусловлен метафизическим обоснованием достоинства эмпирического посредством теории логосов, содержащихся в Боге как сущности каждой вещи тварного мира. Именно поэтому полнота достоинства тварного обретается в литургическом действии, когда реально-символически осуществляется исполнение божественного замысла о мире. Из признания возможности обожения в нашем эоне вытекает рассмотрение литургии как движения к обожению, в котором верные «по усыновлению через благодать могут быть и называться богами»⁹⁴. В концепции обожения, то есть стяжания божественного достоинства, важным представляется у прп. Максима момент несогласованности с теорией Оригена об изначальной порочности движения, явившемся способом разъединения с божественной блаженной статикой созерцания. Для прп. Максима движение есть единственный путь приобщения вещественного к логическим прототипам, есть тот способ существования, который должен быть выверен в соответствии с божественным замыслом; и эту согласованность представляется способной осуществить только волевая тварность, то есть человек. Данная онто-медиативная функция человека, сообщающая ему достоинство космического устроителя, обусловлена его микрокосмической сущностью – разумом⁹⁵. Однако задачу медиации после грехопадения оказывается способным решить только Христос – в нем осуществляется воссоединение противоположностей, разделяющих мир⁹⁶. И это не замещение, но актуализация потенции человеческого достоинства, человеческого призвания: человек-Церковь, как соотнесенные образы, благодаря Христу, осуществляют свою миссию движения космоса к «предлежащим логосам», к архетипам, лишенным двойственности и распада. Этот процесс есть обожение космоса – вмещение всем вещественным божественных энергий: образ может обладать той же энергией, что и архетип, посредством Христа, в котором осуществляется перихоресис божественной и человеческой природ. В

⁹¹ Дионисий Ареопагит. О божественных именах, II:5 // Там же. – С. 149 – 150.

⁹² Цит. по: Г. Флоровский. Восточные отцы Церкви. – М., 2005. – С. 559.

⁹³ См.: Прп. Максим Исповедник. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника. – Мартис, 1993. – Т. 1. – С. 157 – 169.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См.: Флоровский Г. Восточные отцы Церкви. – М., 2005. – С. 569 – 570.

⁹⁶ См.: Прп. Максим Исповедник. Главы о богословии и домостроительстве воплощения Сына Божия // Творения преподобного Максима Исповедника. – Мартис, 1993. – Т. 1. – С. 215 – 259.

системе прп. Максима Исповедника понятие «достоинство человека» имеет, таким образом, значение должностования, оно есть выражение божественного замысла о человеке, которое обретает реальность только благодаря нозтической проекции; это понятие концентрирует в себе представление о главенствующем антропном логосе и используется прп. Максимом в значении «соответствие первообразу, или архетипу».

Для развития святоотеческой концепции достоинства человека большое значение, наряду с вышеизложенной идеей онто-медиативной функции человека, имеет учение прп. Максима⁹⁷ о равноправном совмещении во Христе двух волей – божественной и человеческой, которые, как зафиксировано Константинопольским собором в 680 году, соединены «неслиянно и нераздельно». Это равновесие божественного и человеческого в онтологическом камертоне, каковым является Спаситель, представляется предельно важным для укоренения человеческого достоинства в христоцентричном мироздании. Христос выступает при этом и нозтическим гарантом реальности феноменального мира, образует онтологический закрепленный концепт достоинства человека и его процессуальности, зафиксированный в схеме генезис – кинесис – статис, выраженной всем ходом исторического развития. Диофизитизм прп. Максима, развивая линию Халкидонского догмата, способствует сохранению определенной автономии человеческого: оно не растворяется в Божественном, не поглощается, не искажается, но пребывает в своем достоинстве целостности, волевой и энергетической независимости. Как справедливо замечает Оливье Клеман, «если бы христианство стало монофизитским или монофелитским, то было бы трудно утверждать человеческое измерение истории, трагическую и творческую свободу человека, само существование твари и преобразовать эти утверждения в христианский гуманизм...»⁹⁸.

Однако этот односторонне панегирический взгляд требует конкретизации. Прп. Максим наделяет человека гномической, то есть избирательной волей, отличающейся от естественной воли Христа, которая никогда не колеблется. В этой связи размышления о свободе воли человека приобретают дискретный характер: ее наличие, с одной стороны, свидетельствует о возможности выбора, с которым и связывает достоинство человека поверхностный, профанный гуманизм; но с позиций христианских, такая свобода личного выбора есть свобода мнимая, поскольку она противостоит естественной. К онтологическому достоинству человека гномическая воля имеет отношение отрицательное – выбор таит в себе потенцию уклонения от цели, которой является соединение с Богом.

Дифференциация человеческого достоинства и недостойности производится прп. Максимом в эсхатологической перспективе апокатастасиса таким образом, который признается наиболее приемлемым для ортодоксии, в противовес учениям об апокатастасисе Оригена и св. Григория Нисского. Согласно прп. Максиму, Бог соединится и с достойными, и с недостойными; но если первым соединением дарует «непостижимое наслаждение», то другим – «невыразимую муку», поскольку произойдет «соединение с недостойными вопреки благодати»⁹⁹.

В «Точном изложении православной веры» прп. Иоанна Дамаскина (675 – 749 гг.) не находят себе места прямые высказывания в адрес достоинства человека. Само понятие «достоинство» в антропологическом ракурсе используется в следующих случаях: во-первых, при объяснении внутреннего механизма дьявольского действия («...этот лжец и прельщает Адама надеждою на получение божеского достоинства...»)¹⁰⁰; во-вторых, в случае толкования промыслительных действий Бога, «достойно помогающего тем, которые своею правою совестью добровольно избирают добро» и «достойно» порицающего тех, кто избирает «порочные дела»¹⁰¹; и наконец, для характеристики качества участия в «святых и пречистых таинствах Господних» («...для тех, которые с верою – дос-

⁹⁷ См.: Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. – Мн., 2007. – С. 317, 319, 324 – 325.

⁹⁸ Оливье Клеман. Истоки: Богословие отцов Древней Церкви. – М., 1994. – С. 363.

⁹⁹ Малков П. Предпосылки учения об апокатастасисе у отцов церкви // Православное учение о человеке. – М. – Клин. 2004. – С. 118 – 119.

¹⁰⁰ Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. – Ростов-на-Дону, 1991. Репринт. – Кн. 2, гл. XXX, с. 190.

¹⁰¹ Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. – Ростов-на-Дону, 1991. Репринт. – Кн. 2, гл. XXIX, с. 113, а также см. Кн. 2, гл. III, с. 119.

тойно принимают, оно бывает во оставление грехов..., для тех же, которые причащаются с неверием – недостойно, бывает в наказание и кару...»¹⁰²).

Косвенное удостоверение достоинства человека прп. Иоанн Дамаскин производит посредством описания основных представлений святоотеческой антропологии, а именно излагая учение о человеке как образе и подобии Божиих. Богослов фиксирует основное из всего сказанного святыми отцами по поводу понимания ими человеческого богоподобия: образ означает разумность и одаренность свободной волей, подобие – совершенствование посредством добродетели¹⁰³.

Данная интерпретация понятия «образ Божий» содержит в себе потенцию оформления категории «личность человека», которая может выступить в качестве объединяющей для западного и восточного понимания. Если, согласно первому пониманию, личность есть существо разумной природы, а согласно второму, личность есть человек, преодолевающий свою природу, то, по утверждению прп. Иоанна Дамаскина, «человек, будучи разумным, скорее ведет природу, нежели ведется ею...»¹⁰⁴. Таким образом, формула преподобного включает в себя и причину, и последствия, и обязывающее должностное положение того особого положения человека в мироздании, которое обозначается святоотеческой категорией «личность человека».

В рамках теоцентризма, как показывает прп. Иоанн Дамаскин, все возможные представления о достоинстве человека связываются с Богом, который «чрез общение с Собою возвысил его до нетления»¹⁰⁵, отпадение от Бога есть начало тех космологических сцеплений, которые ведут к утрате достоинства – искажению образа в человеке: «...смерть произошла через человека... А все прочее должно быть приписано Богу...»¹⁰⁶, то есть человеческое происхождение и существование, управление и спасение.

Прп. Иоанн Дамаскин не использует в своей антропологии понятие «обожение», хотя описывает его предел как участие в божественном свете тех, кто «вследствие своего тяготения к Богу делается Богом»¹⁰⁷. Данная формулировка, не полагая начало размышлениям о синергичности и не являясь выводом их, все же утверждает достоинство человека как свободного существа, могущего «преуспевать в добре, получая содействие со стороны божественной благодати...»¹⁰⁸.

Примечательным фактом является почти тождественное сходство основных антропологических положений «Точного изложения православной веры» прп. Иоанна Дамаскина и трактата Немесия Эмесского «О природе человека». Не является ли курьезной ситуация, при которой по прошествии семи веков развития святоотеческой мысли автор, не предпринимая широких шагов компилятивного характера, в основном излагает подход неканонизированного епископа, отразившего в своем произведении большое уважение к эллинской мудрости? Только понятие «микрокосм» св. Дамаскин преобразует в понятие «второй мир: малый в великом», указывая при этом и на признаки величия первоизданного человека, и на причину его ничтожности – гордыню¹⁰⁹.

Сравнивая подходы к освящению вопроса о достоинстве человека, следует повторить ранее обозначенное отсутствие у прп. Иоанна Дамаскина патетичных высказываний в адрес человека и наличие такового у еп. Немесия Эмесского (см. выше). Однако, если в трактате «Первое защитительное слово против порицающих святые иконы» св. Дамаскин утверждает, что достоин поклонения только Бог¹¹⁰, то в «Точном изложении...» в главе «Об иконах» богослов пишет: «...из-за чего мы поклоняемся друг другу, если не

¹⁰² Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. – Ростов-на-Дону, 1991. Репринт. Кн. 4, гл. XIII, с. 294 – 295.

¹⁰³ См. там же, Кн. 2, гл. XII, с. 151.

¹⁰⁴ Там же, Кн. 2, гл. XVII, с. 181.

¹⁰⁵ Там же, гл. XXVII, с. 201.

¹⁰⁶ Там же, Кн. 2, гл. XXVII, с. 182.

¹⁰⁷ Там же, Кн. 2, гл. XII, с. 152.

¹⁰⁸ Там же, Кн. 2, гл. XII, с. 153.

¹⁰⁹ Там же, Кн. 2, гл. XII, с. 152.

¹¹⁰ Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Первое защитительное слово против порицающих святые иконы. – М., 1997. – XIV, с. 231.

потому, что мы сотворены по образу Божию?»¹¹¹. В этой лаконичной формулировке достоинства человека усматривается перекресток и ветхозаветной антропогенной мифологии, и святоотеческого утверждения «честь, воздаваемая изображению, переходит на первообраз»¹¹², и учения Христа – «...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40).

В трактате «Первое защитительное слово против порицающих святые иконы», явившемся в период иконоборческого движения сильнейшим идейным выражением устремлений иконопочитателей утвердить значимость и необходимость икон в христианской жизни и богослужении, аргументация св. Иоанна Дамаскина базируется на христологичной апологии вещества, материи¹¹³, и как следствие – утверждает достоинство тварного, достоинство человека, воипостазированного Христом: «...поклоняюсь Создателю, подобно мне сделавшемуся сотворенным и, не уничтожив Своего достоинства и не испытав какого-либо разделения, снизошедшему в тварь, чтобы прославить мое естество и сделать участником в божественном естестве»¹¹⁴. Обоснование иконопочитания также основано на действии закона взаимообусловленности Бого-человеческого достоинства: в изображении Христа утверждается истинность воплощения Бога-Слова, представленный в изображении человеческого тела Христос свидетельствует о божественном достоинстве человека.

Итак, в развитии святоотеческой мысли IV – VIII веков особенно важными представляются те концепты, которые напрямую способствовали формированию ортодоксальных позиций в отношении проблем сущности и природы Христа как онтологического условия достоинства человека. Святыми отцами действительно, как показывает данное исследование, в жесточайшей идеологической полемике было защищено онтологическое достоинство человека в лице Богочеловечества Иисуса Христа. Для наглядности конкретного обоснования данного положения зафиксируем в таблице итоги исследования:

Святоотеческая идея	Оппозиционная идея	Антропологическая проекция богословской полемики		Оросы Вселенских соборов
		утверждение достоинства человека	ущемление достоинства человека	
Св. Афанасий Великий «Через воплощение Слова Разум, от Которого исходит все, открылся как Посланник и Святой... Он действительно принял человечность, чтобы мы стали Богом» ¹¹⁵ .	Арий Бог – замкнутая в своей трансцендентности монада, Христос при этом – высшая тварь, нравственно совершенное существо ¹¹⁸ .	В утверждении св.Афанасия Великого закрепляется идея надприродного достоинства человека, обусловленного богочеловечеством Иисуса Христа.	Отрицая божественное достоинство Христа, его бого-человеческую посредническую силу, Арий лишал и человека того высшего достоинства, которым является обожение – реальное соединение человека с Богом.	Протокол Первого Вселенского собора (325 г.) до нашего времени не сохранился. Известно, что на этом Соборе был выработан церковный догмат о единосущии Бога-Отца и Бога-Сына и составлен Символ веры, устанавливающий исповедо-

¹¹¹ Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. Ростов-на-Дону, 1991. Репринт. – Кн.4, гл. XVI, с. 307.

¹¹² Там же.

¹¹³ «Почитаю же и благоговею и пред остальным веществом, при посредстве которого соделалось мое спасение, как пред исполненным божественной силы и благодати. Или древо крестное, трижды счастливое и *треблаженное*, не-вещество? Или не-вещество достойная почтения и святая гора? <...> Не порицай вещества, ибо оно не-достойно презрения. Из того, что произошло от Бога, нет ничего достойного презрения. Это [т.е. презрение вещества] – мнение Манихеев. Но то одно только достойно презрения, что не от Бога имело причину, а что есть наше изобретение вследствие своевольного отклонения и направления воли от того, что сообразно с природою, к тому, что противоположно ей, – т.е. грех». (Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Первое защитительное слово против порицающих святые иконы. – М., 1997. – XVI, С. 232).

¹¹⁴ Там же, IV, – С. 179.

¹¹⁵ Св. Афанасий Великий. О воплощении // Св. Афанасий Великий. Творения. – М., 1994. – С. 75.

<p>Св. Григорий Богослов «...не воспринятое не уврачевано, но что соединилось с Богом, то и спасется»¹¹⁶. Сотериологические предпосылки обоснования полного восприятия Христом человеческой природы: человек не спасается, если не воспринимается Христом полностью.</p>	<p>Аполлинарий Тезис о невозможности соединения двух совершенных природ. Для единства требуется некоторое умаление человеческого во Христе: «несовершенное, соединившись с совершенным, не порождает двойства»¹¹⁹.</p>	<p>Восприятие полноты человеческого осуществляется при условии возможности отъятия греха от человеческой сущности – грех не сущностное, но привносимое в человеческую природу качество. Поэтому акт воочеловечивания Бога удостоверяет высокое достоинство человека.</p>	<p>Посредством лишения Спасителя человеческих ума и воли на том основании, что они греховны, ущемляется достоинство человека как призванного к воссоединению с Богом.</p>	<p>вание единосуштия, в противовес оппозиционной теории подобосуштия¹²².</p>
<p>Св. Максим Исповедник Во Христе равноправно совмещаются две воли – Божественная и человеческая.</p>	<p>Патриарх Сергий «...Мы исповедуем, что есть только одна воля Господа нашего Иисуса Христа, ...ибо ни на одно мгновение Его плоть, одушевленная душой разумною, не отделяется от Бога Слова, ипостасно соединенного с ней, и что она не действовала по собственному почину и в противность воле Слова, но только тогда и так, как хотел Бог Слово» (Из «Экфесиса», декрета о вере императора Ираклия)¹²⁰.</p>	<p>Равновесие Божественного и человеческого в онтологическом «камертоне», каковым является Спаситель, предельно важно для укоренения человеческого достоинства в христоцентричном мироздании. Диофизитизм способствует сохранению определенной автономии человеческой сущности: она не растворяется в Божественном, но пребывает в целостности, волевой и энергетической независимости.</p>	<p>Позиция монофелитов ведет к нивелировке свободы воли человека, к растворению человеческого в Божественном</p>	<p>IV Вселенский собор 451 г. в Халкидоне. «... мы ... учим исповедовать ... Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и ... Совершенным по человечеству; Подлинно Бога и... подлинно человека: из разумной души и тела. Единсушным Отцу по Божеству и... единсушным нам по человечеству. Подобным нам во всем, кроме греха. ... Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым в двух природах неслитно, непреращенно, неразделимо, неразлучимо»¹²³</p>
<p>Св. Иоанн Дамаскин «...поклоняюсь Создателю, подобно мне сделавшему сотворенным и, не уничтожив Своего достоинства и не испытав какого-либо разделения, снизошедшему в тварь, чтобы прославить мое естество и сделать участником в божественном естестве»¹¹⁷.</p>	<p>«Если икона претендует изобразить Божество, то получается Божество ограниченное... Что бы мы ни назвали из поднебесной твари, нет другого...</p>	<p>Обоснование иконопочитания основано на действии закона взаимообусловленности Божественного достоинства: в изображении</p>	<p>В данном случае нарушается принцип взаимобусловленности Божественного человеческого достоинства за счет явного понижения необожженной тварности.</p>	<p>VI Вселенский собор (680 – 681 гг.) «... в Нем и две природные воли, и два природных желания, и два природных действия нераздельны, неизменны, неразлучны, неслиянны. И две природные воли, не противоположные одна другой...Но Его человеческое желание не противоречит..., а подчиняется Его божественному и всемогущему желанию»¹²⁴.</p>

¹¹⁸ См. Флоровский Г., прот. Восточные отцы Церкви. – М., 2005. – С. 42.

¹¹⁶ Св. Григорий Богослов. Послание 1. К пресвитеру Кледонию против Аполлинария // Св. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. – Мн., 2000. – Т. 1, – С. 316.

¹¹⁷ Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Первое защитительное слово против порицающих святые иконы. – М., 1997. – XVI, – С. 232.

¹¹⁹ Флоровский Г. Восточные отцы Церкви – М., 2005. – С. 171.

¹²⁰ Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. – Минск, 2007. – С. 314.

	<p>образа, который мог бы изобразить Его воплощение. Итак, только евхаристия служит иконой животворящей плоти Его»¹²¹. (По материалам иконоборческого собора 754 г.)</p>	<p>Христа утверждается истинность воплощения Бога-Слова, представленный в изображении человеческого тела Христос свидетельствует о божественном достоинстве человека.</p>		<p>VII Вселенский собор (787 г.) «...мы храним... все церковные предания... Одно из них есть изображение иконной живописью,... служащее нам удостоверением подлинного, а не призрачного воплощения Бога-Слова...»¹²⁵.</p>
--	---	---	--	---

В процессе систематизации взглядов святых отцов IV – VIII веков на достоинство человека обозначились несколько тематических направлений, концентрирующих святоотеческие идеи:

- 1) специфика интерпретации ветхозаветной антропогенной формулы «образ Божий» как фундаментального основания утверждения онтологического достоинства человека;
- 2) особенности методологических подходов к решению вопроса о достоинстве человека;
- 3) конкретика смыслового наполнения богословско-этической категории «достоинство человека»;
- 4) интерпретация ветхозаветной антропогенной формулы «подобие Божие» как выражения сущностной идентичности понятия «достоинство человека»;
- 5) определение путей стяжания достоинства человека;
- 6) особенности святоотеческой адъективации этической категории «личность».

1. Итак, онтологическое достоинство человека в учениях святых отцов фундируется следующими подходами к интерпретации формулы «образ Божий»:

- а) у св. Василия Великого образ Божий в человека понимается как разумное начало души, позволяющее владычествовать над остальной тварью;
- б) св. Григорий Нисский, как и св. Григорий Богослов¹²⁶, св. Максим Исповедник¹²⁷ и св. Иоанн Златоуст¹²⁸, вторит изъяснениям св. Василия Великого, называя отражением образа Божия в человеке царственность и премудрость и добавляя при этом, что в человеке имеются начатки всякого блага. При этом «образ» и «подобие» не дифференцируются св. Григорием: в человеке изначально заложено богоподобие как гарантия богопознания;
- в) св. Максим Исповедник связывает образ Божий в человеке с его способностью осуществлять онто-медиативную функцию, т. е. быть посредником между ноэтическим и тварным мирами. Эта способность – производная от микрокосмичности, разумности человека;
- г) св. Иоанн Дамаскин, синтезируя взгляды предшественников, связывает значение образа с разумностью, следствием которой является свободная воля. Ее наличие в человеке, как показывает наше исследование, не подвергалось сомнению ни одним из святых отцов,

¹²² См. там же, с. 115 – 116.

¹²³ Карташев А. В. Вселенские Соборы. – М., 1994. – С. 343.

¹²⁴ Там же, с. 371.

¹²¹ Там же, – С. 332.

¹²⁵ Там же, – С. 409.

¹²⁶ См. Св. Григорий Богослов. Стихотворения богословские. 8, 75 // Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: В 2 т. Том второй: Стихотворения. Письма. Завещание. – М., М., 2007. – С. 27.

¹²⁷ См. Св. Максим Исповедник. Главы богословские. 1, 11 // Творения преподобного Максима Исповедника. – Мартис, 1993. – С. 14.

¹²⁸ См. Св. Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия. Бытия // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. – Изд. «Златоуст», 1994. – Том восьмой. Книга третья. Беседа четвертая. – С. 75 – 81.

помимо блж. Августина; именно признание этой изначальной богосродной данности обуславливало возможность этических и сотериологических вероучительных идей.

2. Особенность методологии решения вопроса о достоинстве человека представлена следующими конкретными подходами святых отцов:

а) св. Афанасий Великий в трактате «О воплощении», явившемся основополагающим в деле утверждения единосущия Христа Богу-Отцу, косвенно принижает достоинство человека через констатацию человеческой немощи, которая не может присутствовать в Сыне Божиим. Достоинство человека доказывается от противного, через утверждение того, что Христос не простой человек, но Сын Божий, и только поэтому, приобщаясь к нему, человек имеет возможность восстановить свое утраченное достоинство богоподобия;

б) через различение сущности Бога и его «энергий» св. Василий Великий обосновывает, с одной стороны, непостижимость Божественной сущности, а с другой – утверждает этический путь постижения Божественных «энергий»: поскольку они вложены в человека при его творении, постольку самопознание является средством богопознания. В самом приеме онто-гносеологической Бого-человеческой аналогии заложено видение высочайшего достоинства человека;

в) в полемике с Аполлинарием св. Григорий Богослов исходит из понимания того, что обосновать полное восприятие Христом человеческой природы, за исключением ее греховности, возможно только исходя из сотериологических предпосылок. Кроме того, грех, в соответствии с данным подходом, трактуется не как сущностное, но как привносимое в человеческую природу свойство;

г) св. Григорий Нисский обосновывает свою антропологию на утверждении креационизма, который, в противовес эманационной модели мироздания, в наибольшей степени соответствует принципу взаимообусловленности Бого-человеческого достоинства. Из этого же принципа вытекают как катафатические, так и апофатические концепты достоинства человека;

д) в системе блж. Августина – его историософии, богопознании и учении о Троице – косвенно открываются пути утверждения достоинства человека;

е) Немесием Эмесским доказательство непревзойденного достоинства человека основано на анализе антропологических эмпирических, психо-физиологических фактов;

ж) св. Иоанн Кассиан Римлянин в утверждении синергийной сотериологии исходит из принципа взаимообусловленности Бого-человеческого достоинства;

з) Псевдо-Дионисий Ареопагит в своей иерархической системе мироздания утверждает возможность получения всецелостной благодати на каждом уровне бытия;

и) св. Максим Исповедник в утверждении достоинства человека как онтологического посредника в процессе одухотворения тварного составляющей мироздания исходит из признания движения как единственного пути приобщения вещественного ноэтического.

3. Особенности смыслового наполнения богословско-этической категории «достоинство человека» представлены следующими положениями святых отцов:

а) св. Афанасию Великому принадлежит обоснование такого достоинства человека, которое вытекает из новозаветной специфики: человек не только образ и подобие Божии, но сопричастник Божий в человечестве Слова. В трактате «О воплощении» впервые употребляется выражение «христианское достоинство»;

б) св. Василий Великий, именуя человека «достойным существом» и «малым миром», считает самопознание средством богопознания и в самом человеке видит этический «камертон»;

в) св. Григорий Богослов специфику достоинства человека усматривает в его срединном положении (в соединении невидимой и видимой природы, проникновением великого в малое (разумной души в тело) и т. д.). Взаимообусловленность Бого-человеческого достоинства именуется св. Григорием Богословом «сорастворением достоинства»;

г) св. Григорий Нисский обосновывает необходимость преодоления античного представления о достоинстве человека как микрокосме; переходит от катафатического перечисления атрибутов божественного в человеческом образе к апофатическому закреплению его достоинства;

д) св. Иоанн Златоуст настаивает на принципиальном различии животной и человеческой природы, достоинство человека основывается на взаимодополнении природного дара души и приобретаемого дара Святого Духа;

е) блж. Августин, при всей остроте акцентуализации человеческого достоинства, посредством взаимодоказуемости состава человеческой и Божественной сущности, а также возможности богопознания утверждает достоинство человека;

ж) Немесий Эмесский видит в человеке не поддающееся адекватной оценке достоинство и наделяет человека такими атрибутами, как «малый мир» и богоподобие, усматривая в нем цель домостроительства и констатируя царственность внутрикосмического положения;

з) св. Иоанн Кассиан Римлянин достоинство человека усматривает в утверждении человеческой свободы в приятии или отвержении благодати, при этом равное достоинство каждого обуславливается ценой всеобщего достоинства перед Богом;

и) в космологической иерархии Псевдо-Дионисия Ареопагита местоположение человека позволяет говорить о его заданно-фиксированном достоинстве посредника между областью животного и областью ноуменального первого уровня;

к) св. Максим Исповедник наделяет человека онто-медиативным и амбивалентным достоинством;

л) св. Иоанн Дамаскин понятие «микрокосм» преобразует в понятие «второй мир: малый в великом».

4. В святоотеческой интерпретации ветхозаветной антропогенной формулы «подобие Божие» выражается полнота семантического наполнения понятия «достоинство человека»; в святоотеческой традиции устанавливается семантическая идентичность представлений об удостоенности человека, обожении, богопознании и богоподобии. Данное утверждение обосновывается следующими положениями:

а) св. Василий Великий, напоминая о том направлении человеческого развития, которое указано в Евангелии («Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть»), конкретизирует: свойство божественного совершенства есть всеблагодать. Поэтому в стяжании богоподобия, или человеческого достоинства, необходимо облечься во Христа, то есть милосердие и всеблагодать. Кроме того, самопознание, согласно св. Василию Великому, является средством богопознания, и в этом приеме по аналогии Бог-человек заложено видение высочайшего достоинства человека;

б) св. Григорием Нисским догреховная человеческая природа трактуется как участница всякого блага, принявшая крещение – как призванная к подражанию царскому достоинству Иисуса. Взаимообусловленность достоинства Творца и высшей твари понимается в качестве гарантии восстановления павшего человека, которое предполагает возвращение бывшего достоинства первоначального образа. Человеческое достоинство отличается при этом от божественного непрерывающейся способностью к движению – процесс теозиса бесконечен, если первообраз – в бытии, то образ сотворенный – в становлении, и его достоинство – в развитии;

в) подобие Божие св. Иоанн Златоуст усматривает в таких человеческих качествах, как кротость и смирение, при этом самосознание человека как существа достойного обуславливается обязывающей благодарностью человеколюбивому Творцу. Св. Иоанн Златоуст полагает: достоинство не является безусловным в проекции богоотношения, однако закрепление онтологического достоинства человека является первичным по отношению к условию соответствия ему; достоинство не есть результат заслуг, но есть изначальное требование их;

г) св. Иоанн Кассиан св. Иоанна Кассиана вводит градационную систему достоинства, которая действует в границах способности к богопознанию. Формулируя трехступенчатую парадигму человеческого достоинства, св. Иоанн Кассиан назидает стремящегося к совершенству восходить от начального этапа страха к этапу надежды и от него – к совершенству, являя любовь к деянию добра не из страха наказания и не из надежды на воздаяние. Это «Богоподобие», или «состояние усыновления» даже превышает, согласно св. Иоанну Кассиану, состояние «образа и подобия». Наивысшее достоинство человека достигается способностью любить врагов, поскольку и Бог «обильно изливает всякие блага на достойных и недостойных»;

д) Пс. – Дионисий Ареопагит в понимании обожения отходит от неоплатонических представлений об отождествлении с Богом человеческих существ – они «лишь» становятся «всецело Божьими», то есть сохраняют достоинство целостности. В конечных пределах богопознания, как мыслит их Псевдо-Дионисий, не умаляется достоинство телесности за счет спиритуализма;

е) в системе прп. Максима Исповедника понятие «достоинство человека» имеет значение долженствования, оно есть выражение божественного замысла о человеке, которое обретает реальность только благодаря нозетической проекции. Ее полнота отражается, согласно диофизитизму, выражается в истончении гномического волеизъявления человека;

ж) прп. Иоанн Дамаскин лаконично формулирует богоподобие как совершенствование посредством добродетели. Преподобный не использует в своей антропологии понятие «обожение», хотя описывает его предел как боговидение, участие в божественном свете тех, кто «вследствие своего тяготения к Богу делается Богом».

5. «Методикой» стяжания достоинства можно именовать следующие святоотеческие положения:

а) св. Афанасий Великий в «Житии преп. Антония» описывает монашеский путь обожения как стяжания богочеловеческого достоинства. Это путь, отличный от интеллектуального приобщения Богу, путь аскетического преодоления человеком своей греховной природы посредством охристовления. «Житие преп. Антония» фиксирует методу мироотреченного подвижничества, направленного на стяжание такого достоинства, которое в православии получает статус святости, закрепляющий факт обоженного состояния человека;

б) ближайшие преемники преп. Антония Великого – св. Макарий Египетский, св. Марк Подвижник и прп. авва Исая (IV в.), а также Иоанн Кассиан Римлянин, св. Ефрем Сирианин и прп. Нил Синайский (IV в.), в последующие века – прп. Исихий, пресвитер Иерусалимский и авва Зосима (V в.), св. Иоанн Лествичник, св. Исаак Сирианин, свв. Варсануфий и Иоанн (VI в.), прп. Авва Дорофей (к. VI – н. VII вв.), св. Феодор Студит (VIII в.) и св. Григорий Синаит (XIV в.), раскрывают путь стяжания богочеловеческого достоинства как борьбу с восемью главными страстями в условиях оставления «мира»;

в) св. Василий Великий предельно широко определяет способ борьбы человека за свое достоинство как освобождение из-под власти страстей – источника греха. Направление освобождения – очищение поврежденного бесовским прилогом сознания;

г) Св. Иоанн Златоуст настаивает на принципиальном различии животной и человеческой природы и заостряет внимание на призванности человека укрепить себя в противостоянии тварности, подавить в себе «зверские помыслы», не позволять себе «унижаться до неразумности» бессловесных;

д) согласно блж. Августину, стяжание богочеловеческого достоинства возможно лишь посредством опыта интроспекции, предполагающем преодоление последствий первородного греха. Необходимость аскетической брани в деле спасения никогда не подвергалась нивелировке блж. Августином, несмотря на абсолютизацию им Божественного волюнтаризма в поздний творческий период;

е) как утверждает еп. Немесий Эмесский, достоинство человека зависит только от добродетели как привычки – результата воспитания;

ж) св. Иоанн Кассиан акцентирует момент человеческой свободы в приятии или отвержении благодати и, подчеркивая несущественность последовательности в процессе проявления воли и благодати, практически сводит очередность к одномоментности;

з) согласно Псевдо-Дионисию Ареопагиту, приращение человеческого достоинства организуют факторы, способствующие не только восхождению на пути обожения, но и помощи в направлении по нему низлежащих сущностей;

и) для прп. Максима Исповедника движение есть единственный путь приобщения вещественного к логическим прототипам, есть тот способ существования, который должен быть выверен в соответствии с божественным замыслом; полнота достоинства тварного обретается в литургическом действии, реально-символически осуществляющем исполнение божественного замысла о мире.

6. Святоотеческая адъективация этической категории «личность» включает в себя следующие положения:

а) начиная с Каппадокийцев, категория «природа» оказывается не соответствующей категории «ипостась». Поэтому воипостазированный человек, то есть преодолевший свою природу как индивидуальную ограниченность, определяется в православии в качестве личности;

б) корень расхождения с этой позицией св. Иоанна Златоуста – в разнице семантического наполнения категории «природа»: она обозначает «сотворенное» и поэтому специфична в отношении и к человеку, и к зверью. Взгляд св. Иоанна Златоуста на природу достоинства человека можно считать предвещающим латинизированный, который признает личностью всякое индивидуальное существо разумной природы;

в) прием аналогии между человеческой богосродной психологией (разум, любовь, знание; память, интеллект, воля; «быть, знать, хотеть») и верховной Троицей приводит блж. Августина к использованию слова «личность» в значении человека как образа Троицы;

г) у св. Иоанна Дамаскина интерпретация понятия «образ Божий» как разумности и одаренности свободной волей содержит в себе потенцию оформления категории «личность человека», которая может выступить в качестве объединяющей для западного и восточного понимания. Если, согласно первому пониманию, личность есть существо разумной природы, а согласно второму, личность есть человек, преодолевающий свою природу, то, по утверждению прп. Иоанна Дамаскина, «человек, будучи разумным, скорее ведет природу, нежели ведется ею...». Формула преподобного включает в себя и причину, и последствие, и обязывающее должествование того особого положения человека в мироздании, которое обозначается святоотеческой категорией «личность человека».

Таким образом, к концу первого тысячелетия святыми отцами были выработаны такие положения, выражающие христианское представление о достоинстве человека, которые, согласно принципу взаимообусловленности Бого-человеческого достоинства, явились основанием догматических концептов православной Церкви. Представление о божественном достоинстве человека, закрепившееся в Халкидонском догмате, обосновывало и стимулировало развитие святоотеческой сотериологии, эсхатологии, аскетики и тринитарного богословия, в рамках которых решение проблемы человека получало специфическое оформление. Неизменно оставаясь фундаментальной идеей, ветхозаветная антропогенная формула человеческого достоинства синтезировалась с новозаветными этическими представлениями и обуславливала святоотеческие представления об изначальном, необходимом и возможном достоинстве человека.

PATRISTIC VISION THE PROBLEM OF HUMAN DIGNITY IN THE PERIOD OF OECUMENICAL COUNCILS (IV – VIIIth CENTURIES)

V.G. USTYAN

*University
RAE Novomoskovsky
branch of the institute*

*e-mail:
Viktoria.ustyan@gmail.com*

The materials of the article are a part of an unprecedented research. This research is devoted to beginnings of the European conceptions about universal undoubted and inalienable human dignity. The author believes that the Christian thinkers – namely Saint Church fathers – have created theoretical conditions for desacralization and democratization, desocialization and dephysiologization process of the ancient conception about human dignity; just the Christian vision has initiated and won such a conception about human dignity which had later put into shape the axiological parameters of the European culture. They are based on the acknowledgement of ontological human dignity. This dignity does not need physiological and sociological basis.

Key words: Oecumenical councils, Saint Church fathers, human nature, unity with God, Logos, Jesus Christ, Arianism, monophelits, creature, eminentia.

УДК 316.334:37

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК ПРОСТРАНСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.Н. ШУТЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Shutenko@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема развития высшей школы как сферы самореализации личности, показана роль вуза в процессе самоопределения молодежи, раскрываются научные подходы и условия самореализации личности в процессе обучения в высшей школе.

Ключевые слова: студенческая молодежь, самореализация, экология высшей школы, самоопределение, человекоцентрированное образование, личностные функции образования.

Динамичное развитие высшей школы зависит от того, в какой мере она сможет создать условия для полноценного становления личности молодого человека, и прежде всего активизировать его внутренний потенциал как субъекта образовательного процесса.

Известно, что возрастная логика в студенческие годы требует интенсивной умственной и эмоциональной нагрузки, в силу наступления пика развития высших психических функций, интеллектуальных способностей, общей работоспособности и т.п. Поэтому ведущая задача вузовского обучения – обеспечить избыточный уровень нагрузки студентов, требующей постоянных поступательных усилий с их стороны в течение всего периода обучения. Как признают ученые, с точки зрения развития недогрузка мозга гораздо опаснее, чем его перегрузка. Следовательно, современный вуз должен создать среду интенсивного интеллектуального и личностного роста, дать молодому человеку шанс полноценного развития не только в профессиональном, но и в умственном, личностном плане.

В этой связи возникает закономерный вопрос – в чем отражается эта интенсивность развития личности в стенах вуза, по каким признакам и критериям можно судить о полноценности развития? Понятно, что академические показатели успеваемости и профессиональных знаний не всегда отвечают на этот вопрос, поскольку свидетельствуют, большей частью, о формальной стороне дела, не отражая отношенческий спектр удовлетворенности студентов своим обучением, своим личностным ростом. Отсюда возникает необходимость поиска более тонких, внутренне-ориентированных измерений.

Очевидно, что в «поле действия» таких измерений должны отслеживаться механизмы самодвижения личности в образовательных системах, отражаться существенные аспекты жизнедеятельности обучаемого как субъекта образовательного процесса.

Вместе с тем, на сегодняшний день отмечается недостаток в прикладных разработках сферы личностного роста студентов в условиях высшей школы. Ощущается дефицит исследований, в которых отражается взаимосвязь между процессом социокультурного самоопределения студенческой молодежи и особенностями построения образовательного процесса в вузе. Существующая односторонность и формализм подходов в построении образовательного процесса проявляется в том, что развитие личности студента по-прежнему рассматривается в рамках односторонне направленного вектора формирующей социализации в ходе профессиональной подготовки функционала

Известные попытки внедрить в ходе демократизации высшей школы различные социологические и социально-психологические методики (социометрические методы, рейтинговые анкеты типа «Преподаватель глазами студента» и пр.) большого прогресса не принесли, поскольку отражали внешние по отношению к образовательному процессу и частные вопросы вузовской жизни в основном управленческого порядка.

Очевидно, что проблема кроется не в слабости или неэффективности применяемых подходов, а скорее в их адекватности задачам вузовского обучения, в тех самых измерениях, отражающих предмет исследования.

На наш взгляд, в методологическом плане проблема заключается в том, что до сих пор в подавляющем большинстве предлагаемых разработок повышения эффективности

вузовского образования предмет выстраивают свой на изначальном противопоставлении образовательного процесса и личности студента, то есть продуцируют по сути всё тот же субъект-объектный подход.

Поэтому задача заключается в том, чтобы преодолеть это противоречие, понять методологически и реализовать практически принципиально важное положение. Суть его состоит в том, что нет, и не может быть никакого образовательного процесса в отрыве от личности, вернее от процесса её развития. Иными словами, процесс развития личности, отвечающий задачам культуры и профессиональной деятельности, и есть собственно образовательный процесс, точнее составляет внутреннюю логику и суть последнего. В этой связи, все попытки оценивать эффективность вузовского образования вне контекста развития личности студента представляются, по меньшей мере, как несодержательные и несостоятельные.

Таким образом, вопрос об адекватных измерениях вузовского образования лежит в сфере действия сугубо человеческого фактора, а именно в области личностного роста как отдельного студента, так и студенческой молодежи в целом. Безусловно, что феноменологически в числе таких эвристических измерений выделяется линия исследования *самореализации в вузовском обучении*.

В чем же состоит суть процесса с самореализации молодёжи в условиях вузовского обучения? Для того, чтобы ответить на данный вопрос нужно чётко представлять исходную картину развития личности в пространстве культуры во временном континууме возраста.

Очевидно, что развитие личности в условиях высшей школы в отличие от предыдущих ступеней социализации представляется, прежде всего как процесс саморазвития. Это обусловлено тем, что ведущей жизненной интенцией на данном возрастном этапе выступает экзистенциальное *стремление к самоопределению*¹. Этот главный жизненный ориентир и смысл задаёт феноменологию индивидуального опыта, содержание и динамику личностного развития, когда молодой человек решает кем он хочет стать в культуре, но ещё не знает в полной мере каким ему быть для себя самого. Он должен создать, сформировать себя самого как личность и вуз должен стать ему в этом основным подспорьем.

Стремление к самоопределению как ведущая внутренняя задача личности в свою очередь разрешается посредством механизма *самореализации*². В действительности молодой человек не может определиться не проявив себя, не выразив своя Я, не познав себя с различных сторон. Он должен состояться как можно в больших областях и сферах жизнедеятельности, и, получив обратную связь для себя, избрать свой жизненный удел. Известно, что самореализация как некая общая мотивация жизни достигает пика своей актуальности именно в период молодости, когда молодой человек, в силу своих психофизических и ментальных особенностей, обладает наибольшей энергией и работоспособностью³. Этот поиск своей целостности и отличает молодость от более поздних этапов жизни.

В целом, для студенческой молодежи самореализация выступает главной психологической задачей, которая решается ею непосредственно в стенах вуза. Опыт полноценной самореализации в вузовском обучении становится в дальнейшем надежной «экзистенциальной площадкой» выстраивания жизненного пути личности. В этой связи, важнейшей задачей вуза выступает обеспечение условий для успешной самореализации личности студента⁴.

В изучении процесса самореализации студенческой молодежи, мы считаем перспективным опираться на *социально-экологический* и *инвайронментальный* подходы. В рамках этих подходов личность рассматривается как включённый в экологию вмещающего социума (в образовательный процесс вуза) саморазвивающийся феномен. В русле дан-

¹ Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984.

² Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. – М.: Смысл, 1997. – С. 156-176.

³ Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте / НИИ Общ. и педаг. психол. АПН СССР. – М.: Педагогика, 1991.

⁴ Иванов С.А. Личность в непрерывном образовании: (Педагогические условия самореализации личности учащихся в системе непрерывного образования). – М.: АМОК, 2000.

ных подходов проблема самореализации личности в обучении предстаёт в контексте экологии жизненной среды вуза. Такой взгляд базируется на отечественной традиции «педагогики среды» (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий и др.), а также гуманистическо-культурологической традиции в психологии (М. Мид, Г. Бейтсон, К. Левин, Р. Бернс, К. Роджерс и др.).

Использование данных подходов позволяет наиболее адекватно подойти к пониманию процесса самореализации как сложного самостроительства личности в социуме, выделить роль образовательного пространства вуза как жизненно важной среды формирования психологического и социокультурного облика студенческой молодежи. В рамках этих подходов в качестве определяющей среды социокультурного становления личности рассматривается вуз и организуемый в нем образовательный процесс. Именно процесс вузовского обучения есть жизненно важное пространство самореализации студенческой молодежи. Социальная экология вуза, психологическая атмосфера и система обучения задают ту социокультурную нишу, в которой формируется не только будущий специалист, но и личность в целом⁵.

Категория самореализация наиболее полно и пристально изучалась в психологии, и в частности в гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт и др.). Представляя движение за «развитие человеческого потенциала», ученые этого направления рассматривали человека, прежде всего, с точки зрения способности к самосовершенствованию⁶. Исходный тезис психологов-гуманистов состоял в том, что сама сущность человека постоянно движет его в направлении личностного роста, творчества и самодостаточности, а личностные проблемы и деформации объясняются преимущественно неблагоприятными обстоятельствами социальной среды, препятствующими этому росту⁷. Данный тезис определил доминирующую линию трактовки понятия самореализации в науке и культуре.

Нетрудно заметить, что с узко психологических позиций самореализация предстаёт как внутренняя интенция человека выразить себя. И если обратиться к психологии в целом, то нужно констатировать, что здесь категории «самореализация» придаётся большей частью смысл индивидуального самоутверждения человека как личности⁸. При этом нередко оттеняются социальные, культурные механизмы самореализации, которые подразумеваются как изначально «встроенные» в саму природу личности, стремящейся к совершенству.

Признавая внутреннее начало самореализации, мы считаем, что в понимании феноменологии развития человека в целом, и в образовательных системах в частности, такой сугубо индивидуалистичный подход оказывается односторонним и недостаточным. Человек как личность не может реализовать себя из себя, не обратившись к чему-то большему, чем свое «Я» (В. Франкл) не познав и не преодолев ограниченность своего «Я», не изменив себя в культуре⁹. Этот процесс самоизменений, идущий вслед за самосознанием в культуре, и есть собственно процесс самореализации как обретение не столько себя для себя, сколько себя для других, для общества в целом. Только приобщившись к культуре как совокупному опыту других личностей можно познать себя, почувствовать мир своей личности. И в этом плане сфера образования становится своеобразным полем самореализации, полем поиска смыслов и способов своего личностного роста¹⁰.

В целом, мы рассматриваем понятие самореализации как некий уникальный опыт человека *быть личностью*, как механизм и способ личностного становления человека, действующий на протяжении всей жизни и задающий внутреннюю историю жизненного

⁵ Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.- социальн. академии, 2002.

⁶ Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.

⁷ Роджерс К. Что значит становиться человеком. Хрестоматия по психологии личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Бахрах, 1996.

⁸ Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. – М.: Смысл, 2002.

⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.

¹⁰ Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.- социальн. академии, 2002.

пути. Особо интенсивно и напряженно действие данного механизма складывается в период молодости, в студенческие годы жизни.

Студенчество – это особая мобильная социальная группа, специфическая общность людей, организационно объединенных институтом высшего образования. Она имеет характерные, ярко выраженные черты, определяющие ее аксиологические установки, связанные как с процессом обучения в высшей школе, так и с получением профессионального образования¹¹. В возрастном отношении студенчество охватывает юношеский возраст (в среднем 17 – 25 лет), который, как отмечал Л.С. Выготский «по общему смыслу и по основным закономерностям... составляет, скорее, начальное звено в цепи зрелых возрастов, чем заключительное в цепи периодов детского развития»¹². По свидетельству Б.Г. Ананьева, этот возрастной этап характеризуется интенсивным развитием физическое и умственного потенциала личности, повышением работоспособности и динамикой активной продуктивной (в том числе и учебной) деятельности¹³. Данный период в социально-психологическом аспекте, как отмечает И.А. Зимняя, отличается наиболее высоким уровнем познавательной мотивации, активным «потреблением культуры», высокой социальной и коммуникативной активностью, гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости¹⁴.

Одновременно в студенческом возрасте повышается и уровень культуры учебной деятельности, что способствует расширению информированности, стремлению к творческому освоению научных знаний, формированию практико-ориентированных умений и навыков, развитию самостоятельности, инициативности, социальной активности, способствующих творческому и осознанному участию в процессе взаимодействия с преподавателями вузов как равноправными партнерами педагогического общения и субъектами педагогической деятельности¹⁵.

Проблема самореализации в образовательном процессе высшей школы требует своего адекватного психолого-педагогического разрешения. В качестве ведущего, узлового момента выступает необходимость переосмысления целей высшего образования на основе понимания феноменологии становления личности в образовательном процессе.

Как отмечают сегодня многие ученые и видные деятели высшей школы, высшее образование должно перестать готовить человека для внешних нужд (производства, экономики, науки, политики и т.д.) и должно в первую очередь обеспечить выживание самого человека, то есть обратиться к проблеме становления человеческого в человеке¹⁶. Человек изначально должен стать человеком, личностью, а потом уже профессионалом, специалистом¹⁷. По своей сути полноценное образование должно жить личностью, составлять её мир и пространство её развития. Личностное измерение, таким образом, выступает сущностью построения образования, его теории и практики.

Иными словами в качестве цели образования должна рассматриваться сама личность обучаемого в динамическом состоянии поступательного развития. То есть в качестве исходной ценности для высшей школы выступает *развивающаяся личность*, личность уже существующая, становящаяся, разворачивающая свои сущностные силы во времени и в пространстве.

Многогранность категории личности убедительно показана в гуманитарной науке. Ценнейший опыт познания личности, её феноменологии накоплен в отечественной и зарубежной психологии (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, А.Г. Ковалев, А.В. Петровский, К.К. Платонов, Г. Олпорт, Г.Ю. Айзенк, Р. Кеттелл, Э. Фромм,

¹¹ Головатный Н.Ф. Студент: путь к личности. – М.: Прогресс, 1982.

¹² Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч.: В 6 т. Т.4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 255.

¹³ Ананьев Б.Г. Избр. психол. труды. – М.: Педагогика, 1980. – С. 136.

¹⁴ Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 1999.

¹⁵ Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.

¹⁶ Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.- социальн. академии, 2002.

¹⁷ Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена, 1994.

А. Маслоу., К. Роджерс, Э. Эриксон, В. Франкл, К.Г. Юнг, С. Мадди и др.). Этот научный опыт указывает на то, что невозможно свести базовые личностные свойства только лишь к действию внутренних или внешних детерминант. Личность – это образование, возникающее в единстве встречного движения социума и индивида, возникающее в момент встречи культуры и человека, момент за который нужно держаться как за тот «миг между прошлым и будущим», который и называется жизнь. Известно, что не везде и не всегда индивид может проявлять себя и жить как личность. По своей сути личность – это явление в каком-то смысле мерцающее, пульсирующее во времени, выбирающее и переопределяющее себя в меняющемся мире. Образно говоря, личность – это продолженность человека в культуре, равно как и представленность культуры в человеке.

Понятно, что личность студента еще не завершена, многое в ней только намечено, а многое еще не успело проявиться, это еще не целостная нравственная структура, она находится в состоянии самостроительства, поиска собственного «лика»¹⁸. Ей удастся найти себя, обрести внутреннюю устойчивость и целостность, личную независимость и свободу, если в этом поиске педагог и высшая школа в целом сможет организовать ее «встречу» с притягательными ценностями культуры, которые станут личными смыслами и внутренней основой жизни¹⁹. Именно в этом ключе образование, и особенно его высшая ступень, предстаёт как пространство и процесс становления личности, выступает как та сфера, в которой развивающийся человек как бы «возделывает себя» как личность на «ниве культуры».

Говоря о личности как цели образования, нужно иметь в виду, то обстоятельство, что личность, как отмечают ученые, – это всегда увязка времен (минувшего, настоящего и будущего), а значит цели образования не могут быть сведены к «подготовке» человека к чему-либо. В этом, по мнению многих авторов, и состоит суть вопроса. Личность в отличие от умений делать что-либо существует уже в настоящий момент²⁰.

Игнорирование этого принципиального положения проявляется в формулировке образовательной цели в безличных, нехарактерологических категориях, выражающих функционально-деятельностные, поведенческие, исполнительские, индивидуальные, а не личностные характеристики человека. Это имеет место в постановке целей образования в таких понятиях как «подготовка», «готовность», «обученность», «воспитанность» и т.п. Как полагают сегодня ученые, вместо функционального изучения и подготовки человека (в функции студента, конкурентного специалиста, ученого и т.п.) необходимо изучение его самого, без заранее установленных границ и мерок. Представление цели образования в качестве «модели личности» также оказывается непродуктивно, поскольку это неизбежно ведет к «подгонке» под модель реальных личностей.

Природа личности ограничивает возможность влияния на нее извне. Без ведома личности нельзя решать, какой ей быть. Личность как носитель сознания и воли может развиваться только произвольно, вернее добровольно. Этим объясняется необходимость гуманитарной методологии построения высшей школы, полагающей утверждение и реализацию категории авторства, уникальности, субъектности участников учебного процесса, диалога культур, эстетической целостности мироздания, реализации творческих сил познающего и преобразующего мир человека.

В этой методологии исходными становятся личностные измерения образования, в частности личностные функции как не характерологические качества, а те проявления человека, которые и реализуют феномен «быть личностью». Так, согласно В.В. Серикову, в качестве данных функций выступают: избирательная функция (выбор ценностей и образа жизни), опосредующая (по отношению к внешним воздействиям и внутренним импульсам поведения), критическая (в отношении предлагаемых извне ценностей и норм), функция волевой саморегуляции при достижении целей, рефлексивная, смыслотворческая, ориентирующая (построение личностной картины мира – системы смыслов), функции ответственности за

¹⁸ Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена, 1994.

¹⁹ Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.- социальн. академии, 2002.

²⁰ Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена, 1994.

принимаемые решения, обеспечения автономности и устойчивости внутреннего мира, творческого преобразования, самоутверждения (стремление к признанию своего образа «Я» окружающими), обеспечения уровня духовности в соответствии с притязаниями (предотвращение редукции жизнедеятельности к утилитарным целям)²¹.

Полнота представленности этих функций в деятельности субъектов учебного процесса может служить показателем того, что образовательный процесс достиг личностного уровня функционирования²². Развитие этих функций, как и всякое развитие, возможно лишь при условии, что они будут востребованы ситуацией жизнедеятельности студента, найдут в ней приложение. Так, присущей личности потребности в признании будет соответствовать то, что она будет признаваться в качестве таковой; стремлению личности к экспансии в окружающий мир будет отвечать многообразие творческих задач, «поставляемых» тонко конструируемым педагогическим процессом. Эта «экспансия» распространяется на образовательный процесс: его цели, содержание, формы и методы становятся предметом сотрудничества его субъектов – ученика и учителя.

Конкретным источником развития личностных функций обучающегося могут выступать представленные в образовании различные сферы его жизнедеятельности. Так, М.В. Кларин показывает, что личностный опыт может приобретаться: в сфере интеллектуально-познавательного поиска, если таковой превращается в поиск знания, наделенного личностным смыслом; в процессе коммуникативно-диалогической деятельности, если таковая ведет к выработке и апробации собственной жизненной позиции; в сфере эмоционально-личностных проявлений при поиске личностных смыслов, выработке и переживании ценностных аспектов различных действий и отношений. Учебный процесс, становящийся сферой личностного опыта, обретает адекватные этому опыту черты: открытость учащимся всех аспектов этого процесса – целей, содержания, выбора методов и форм, оценки результатов; известная непредсказуемость хода и продуктов учебной деятельности, что достигается благодаря качественно новым свойствам педагогических средств – их дискуссионности, имитации, ролевому моделированию, режиссуре и т.п.²³

В целом, для построения эффективной образовательной практики необходимо четко понимать тот факт, что человек сам сотворяет в себе личность, востребуя то личностное, что свойственно только ему. При этом основным источником и механизмом, порождающий все личностное в индивидуальности выступает *сознание* – высшая, свойственная только человеку форма понимания себя и окружающей действительности. Сознание – это не только знание, но и со-знание, страстное отношение к знанию – о себе и о мире. Содержание сознания – переживание: отчетливое знание того, что человек является тем, кто переживает чувственные и смысловые (умственные) образы, имеющие ценностную основу.

Таким образом, в контексте самореализации построение образовательной сферы должно быть направлено на овладение учащимся опытом «быть личностью» во всем многообразии форм проявлений и глубине внутренних изменений. Возникающая в связи с этим необходимость персонализации системы образования заключается в создании условий для самопроектирования учащимся своего субъективно значимого и отвечающего культуре образа «Я», создании условий для обеспечения движения к этому образу посредством развертывания в процессе обучения существенных сил и жизненных планов. Для этого образовательная деятельность (включающая как педагогическую, так и учебную деятельность) должна выстраиваться как некая *метадеятельность*, как своеобразный «посредник» и «мост» построения другой деятельности человека, деятельности по персонализации своей личности в образовании, профессии, социуме, культуре в целом.

В общем виде совокупность условий обеспечения самореализации в образовательном процессе высшей школы можно очертить рамками трёх главных педагогических задач.

Первая задача состоит в развитии ценностно-смысловой устремленности личности на достижение субъективно-значимого и отвечающего культуре (профессии, социуму) образа «Я». Данная задача означает, что образовательный процесс должен способство-

²¹ Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена, 1994.

²² Там же. – С. 78.

²³ Кларин М.В. Личностная ориентация в непрерывном образовании // Педагогика. – 1996. – № 2. – С.14-21.

вать формированию у студентов некоей идеи (мечты) собственного развития и самостроительства, достаточно высокой, трудной и притягательной для приложения собственных усилий. Она полагает наличие личностных целей, стандартов, принципов, ожиданий и убеждений относительно своего «Я», своих возможностей отвечать требованиям социума, культурным (профессиональным) нормам.

Вторая задача заключается в развитии и расширении сферы Я- компетентностей личности в процессе вузовской подготовки. Эта задача выступает центральной с точки зрения становления личности обучающегося как субъекта учебной и будущей профессиональной деятельности. Несомненно, развитие личности, особенно в профессиональном плане, есть, прежде всего, процесс роста Я- компетентностей, т.е. возможностей и способностей познать мир своей профессии и свое «Я» в ней, выстроить свою систему отношений с окружающим миром и внести свой личностный вклад в социум, культуру в целом. Понятие «Я – компетентность» выступает как личностное образование интегрирующее знание, умение, понимание и способность к творчеству в какой-либо области человеческого опыта.

Третья задача – это создание условий для развития внутренней ответственности студентов. Она полагает развитие чувства внутренней сопричастности личности не только к своему делу, учебе, работе, профессии, своему «Я», но и к другим людям, социуму, к миру в целом. Речь идёт о развитии нравственного начала и чувства авторства, неизбежно сопровождающего личностный рост человека, речь идёт о внутренней подотчетности всему тому, что делает, совершает и что происходит с человеком в его жизни.

Список литературы

1. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984.
2. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 156-176.
3. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте / НИИ Общ. и педаг. психол. АПН СССР. – М.: Педагогика, 1991.
4. Иванов С.А. Личность в непрерывном образовании (Педагогические условия самореализации личности учащихся в системе непрерывного образования). – М.: АМОК, 2000.
5. Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.- социальн. академии, 2002.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. – Спб.: Евразия, 1999.
7. Роджерс К. Что значит становиться человеком. Хрестоматия по психологии личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Бахрах, 1996.
8. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. – М.: Смысл, 2002.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
10. Головатный Н.Ф. Студент: путь к личности. – М.: Прогресс, 1982.
11. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч.: В 6 т. Т.4. – М.: Педагогика, 1984.
12. Ананьев Б.Г. Избр. психол. труды. – М.: Педагогика, 1980.
13. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 1999.
14. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.
15. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена, 1994.
16. Кларин М.В. Личностная ориентация в непрерывном образовании // Педагогика. – 1996. – № 2. – С.14-21.

HIGHER SCHOOL AS THE SPACE OF SELF-REALIZATION OF STUDENT YOUTH

E.N. SHUTENKO

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Shutenko@bsu.edu.ru

The article considers the problem of higher education as a sphere of self-realization, shows the role of higher education in the process of self-determination of youth, and reveals the scientific approaches and conditions of self-realization in the process of higher education.

Key word: self-realization, student youth, ecology of higher education, self-determination, human-centered education, personification functions of education.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

С 21 по 22 апреля 2011 года в Белгороде состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Национальный вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее». Конференция была организована Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом, Харьковским национальным университетом им. В.Н. Каразина. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике.

УДК – 342.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.Е. ТОНКОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

В данной статье представлены обобщения и выводы по поводу современных проблем правового регулирования межнациональных отношений.

Ключевые слова: государство, коррупция, кризис, власть, криминализация, реформы, легализация, правоохранительная деятельность, правовое регулирование.

Правовые границы, определяющие пределы допустимого поведения граждан в межнациональных отношениях, основываются на степени опасности и характере отклонения их действий от приемлемых для общества социальных стандартов. Эффективность норм, в совокупности составляющих систему правового регулирования, определяется правильностью выбора специальных требований, установленных законодателем, уточнением и детализацией перечня правовых ограничений, регламентированием административных процедур и комплексным развитием соответствующего законодательства. В настоящее время в Комитете Государственной Думы РФ по делам национальностей рассматривается законопроект о национальностях. Ранее модельный вариант этого законопроекта был принят Межпарламентской ассамблеей СНГ. Законопроект определяет, в какие формы могут объединяться люди по национальности – диаспоры, сообщества, за счет чего финансируются эти объединения. О том, что это достаточно сложный вопрос, свидетельствует тот факт, что работа над законопроектом с переменным успехом продолжается на протяжении пяти лет (над ним работали еще депутаты предыдущего созыва).

Фундаментом совместной деятельности государства и общества в решении национального вопроса является взаимное доверие народов в рамках справедливого социаль-

ного обмена, повышение результативности управления путем гибкого применения механизма оценки результатов деятельности государственных институтов и управленческих процессов, своевременное обновление норм государственной деятельности. Высшая компетентность государства при этом состоит в осознании границ своих полномочий в правовом пространстве и степени влияния на общество на уровне стабильных партнерских отношений между населением и органами государственной власти.

Например, в настоящее время федеральное и региональное вмешательство в деятельность органов местного самоуправления муниципальных образований допустимо в тех случаях, когда они не справляются с исполнением переданных им государственных полномочий и не могут обеспечить эффективное осуществление соответствующих мероприятий.

Тем не менее, как справедливо замечает по этому поводу И.В. Бабичев, «данное властное вмешательство государства в деятельность муниципального образования должно быть направлено исключительно на исправление дефектов программно-целевого управления деятельностью по реализации функциональной цели, в том числе широко понимаемой, и носить ограниченный во времени характер»¹.

Так, в Казахстане вступил в силу закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере обеспечения деятельности», наделяющий президента Казахстана Нурсултана Назарбаева статусом лидера нации. Согласно новому закону, с лидером нации необходимо согласовывать вопросы передачи госорганам и должностным лицам права инициирования важных вопросов, касающихся государственного устройства и безопасности страны.

Правовое регулирование межнациональных отношений тесно связано с использованием власти. Формирование государственной политики при этом во многом определяется деятельностью органов государственной власти и государственного управления, функционированием партий и других общественных организаций, инициируется их интересами и целями. Властно-управленческий аппарат нередко является основной причиной межнациональных конфликтов в обществе. Многие из них зависят от структуры общества, в котором формируются группы с разными целями, и могут быть вызваны различным социально-экономическим статусом, вероисповеданием, возрастом, местом жительства, половым различием. Разные причины социальных бед общества часто раскрываются, когда спорный политический вопрос связан с принятием закона, затратой денег или одновременно с тем и другим.

Пространство государственной власти в межнациональных отношениях – это «сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство государством»².

Она использует в качестве своих важнейших инструментов правовое регулирование и возможность легального и легитимного принуждения.

В демократическом государстве регулирование межнациональных отношений имеет достаточно четкую правовую организацию, базируется на конструктивных конституционных принципах, определяющих правовые полномочия (компетенцию) органов государственного управления, их институциональную иерархию, управленческий характер, предметно-отраслевые ориентиры, персонификационные параметры, системную соразмерность и сбалансированность³.

Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) и явившаяся естественным ее продолжением Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) затрагивают вопросы межнациональных отношений лишь косвенно. В них устанавливаются общие стандарты осуществления странами политики в области прав человека, в том числе и в сфере национальных отношений. Однако прямых регламентирующих норм,

¹ Бабичев И.В. Цели публично-правовых систем: муниципальные образования, механизмы их формирования // Журнал российского права. – 2009. – № 4. – С. 66.

² Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. – М.; СПб., 2004. – С. 7.

³ См., напр.: Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М., 2001.

касающихся данной сферы, в рассматриваемых актах не было, хотя закреплялась неотъемлемость этих прав независимо от расы, национальности, вероисповедания и т.д. Данные нормы сформировали в международном праве тот фундамент, который позволил конкретизировать положения, направленные на защиту прав национальных меньшинств. Впоследствии в международном праве появились документы, обеспечивающие правовое регулирование межнациональных отношений (например, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам, принятая Генеральной Ассамблеей ООН, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, разработанная в Совете Европы в 1994 – 1995 г г). В них получили закрепление права национальных меньшинств на развитие собственной культуры, сохранение традиций и обычаев, на пользование и обучение родному языку и другие. В соответствии с этими документами государства-участники обязаны создавать все условия для реализации национальными меньшинствами своих прав и, кроме того, всеми законными способами осуществлять защиту интересов меньшинств от противоправных посягательств.

23 января 1996 г. Германия, Люксембург и Швейцария подписали в г. Карлсруэ международную Декларацию о хартии народов и регионов, которая стала важным шагом на пути решения внутри- и межгосударственных конфликтов, возникающих в связи с нарушением прав наций, а также примером в деле обеспечения этническим группам гарантии прав и свобод, автономии и права на самоопределение. Основные положения Декларации демонстрируют сущность национальной политики, межнациональных и межгосударственных отношений в европейских странах, признание не только индивидуальных, но и коллективных прав в области сохранения национально-культурной самобытности.

В Российской Федерации закон о национально-культурной автономии был принят в 1996 году. Национально-культурная автономия – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры (в ред. Федерального закона от 10.11.2003 N 136-ФЗ). Национально-культурная автономия является видом общественно-государственного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация. Согласно Федеральному закону "Об общественных объединениях" прекращение деятельности национально-культурной автономии возможно в двух основных формах, которые по характерным признакам правового механизма можно условно назвать добровольной и принудительной. Добровольная форма прекращения деятельности национально-культурной автономии вытекает из свободного характера их создания, когда требуется лишь волеизъявление граждан. Поэтому автономия вправе сама принять решение о прекращении деятельности.

В соответствии со ст. 26 ФЗ «Об общественных объединениях» добровольная ликвидация общественной организации (самоликвидация) возможна в случае, если такое решение будет принято съездом членов союза либо на соответствующей конференции. Решение о ликвидации общественного объединения, являющегося юридическим лицом, направляется в орган, зарегистрировавший общественное объединение, для исключения указанного объединения из Единого государственного реестра юридических лиц. Процедура принудительного прекращения деятельности общественного объединения разделена на две стадии – приостановление и ликвидация.

Приостановление деятельности зарегистрированной национально-культурной автономии, как и других общественных объединений, может быть произведено в случае нарушения Конституции РФ, конституций или уставов субъектов Российской Федерации, законодательства России. Процедура приостановления деятельности федеральной национально-культурной автономии может быть инициирована только Генеральным прокурором Российской Федерации, а региональных и местных автономий – прокурором соответствующего субъекта РФ и осуществляется решением суда того же субъекта. В случае если в указанные в судебном решении о приостановлении деятельности сроки национально-культурная автономия не устранит нарушения, орган, внесший такое пред-

ставление, вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении деятельности общественного объединения.

Национально-культурная автономия может быть ликвидирована не только по основаниям, предусмотренным ФЗ «Об общественных объединениях», а и в ст. 9 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В случае приостановления деятельности общественного объединения его права приостанавливаются, а также его региональных и других структурных подразделений как учредителей средств массовой информации; им запрещается пользоваться государственными и муниципальными средствами массовой информации, организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, использовать банковские вклады, за исключением их использования для осуществления расчетов, связанных с их хозяйственной деятельностью, возмещением причиненных их действиями убытков (ущерба), уплатой налогов, сборов или штрафов, и расчетов по трудовым договорам.

Правильное, равномерное определение и закрепление полномочий внутри многонационального государства способствует установлению необходимой институциональной толерантности в системе государственного управления, оптимизирует социальную эффективность, результативность функционирования всей управленческой системы, главными элементами правового воздействия которой на общественные отношения выступают те или иные правотворческие и правоприменительные акты.

Властеотношение «веление-подчинение» в нашей стране длительное время основывалось и процветало на существовании угрозы применения санкции за неподчинение или непослушание. Не случайно многие исследователи положительно воспринимают и с удовольствием цитируют высказывание П.Л. Бергера о том, что «...власти без угрозы не существует. Как только объект власти утрачивает веру в реальность угрозы, власть бесследно исчезает»⁴.

Вместе с тем, пренебрежение достижением равнозначного статуса субъектов властеотношения в структуре многонационального государства влечет за собой разрушительные последствия, связанные с правовой незащищенностью населения и трудностями формирования гражданского общества.

Как справедливо констатирует М.Б. Смоленский, государство «на сегодняшний день оказалось неспособным создать такие условия, при которых граждане выступали бы как равноправный партнер, участвующий в принятии важнейших решений, осуществляющий в предусмотренных законом формах контроль за деятельностью властных структур»⁵.

Развитие многонационального государства подразумевает многочисленные виды отношений, которые нецелесообразно все без исключения трактовать как отношения власти. Различается потенциальная возможность и действительность возникновения отношений власти в процессе государственного управления. Осуществляя воздействие на социальную среду путем формирования соответствующих правовых норм, власть в лице государства исходит из собственных интересов и потребностей. Юридические формы деятельности государства получают при этом импульс к своему дальнейшему развитию и совершенствованию в результате столкновения и борьбы интересов различных носителей властных полномочий.

Следует отметить, что длительное время в России не были урегулированы формы взаимоотношений федеральных министерств с другими органами исполнительной власти, на что неоднократно обращали внимание ученые.

Так, Н.А. Игнатюк подчеркивает необходимость детального регулирования взаимодействия всей системы органов исполнительной власти⁶.

Общие правила взаимодействия федеральных министерств с федеральными службами и агентствами, порядок деятельности федеральных органов исполнительной

⁴ Цит. по: Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: Дис. ...канд. юрид. наук // КонсультантПлюс.

⁵ Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С.19.

⁶ См.: Игнатюк Н.А. Компетенция федеральных министерств Российской Федерации: Монография. – М., 2003. – С. 42-81.

власти были определены лишь несколько лет назад в Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, утвержденном постановлением Правительства РФ от 19 января 2005 г. № 30.

Нормотворческая деятельность органов исполнительной власти осуществляется в рамках компетенции, обозначенных Конституцией РФ и федеральными законами. Кроме того, подзаконное регулирование должно быть адекватным смыслу законов, на конкретизацию положений которых оно направлено. Подзаконный нормативный правовой акт не может устанавливать норм, которые противоречат положениям закона, во исполнение которых он принят.

В содержание подзаконного государственно-правового регулирования входит правоприменительная деятельность органов исполнительной власти, иных органов публичного управления по нормативному и индивидуальному установлению прав и обязанностей подчиненных им или координируемых ими органов и учреждений, физических и юридических лиц в различных сферах функционирования государства и общества, по обеспечению их реализации посредством осуществления властного регулирующего воздействия на названных субъектов.

Деятельность государства по обеспечению охраны и защиты прав и интересов субъектов межнациональных отношений представляет собой особый вид государственно-властной деятельности, входящий в правоохранительную форму государственной деятельности.

Вместе с тем, следует подчеркнуть бинарный характер данного процесса: с одной стороны, претворение закона в практику посредством конкретизации в нормативном правовом аспекте, а с другой стороны, непосредственное применение закона и конкретизирующего его нормативного правового акта. Применение права органами исполнительной власти представляет собой их повседневную деятельность в границах предоставленных им полномочий.

Составными частями правового регулирования межнациональных отношений, таким образом, являются:

а) подзаконное нормативное регулирование межнациональных отношений, осуществляемое посредством издания (принятия) органами управления на основе соответствующих законов подзаконных нормативных правовых актов, направленное на установление общих правил поведения в отношении неопределенного круга лиц;

б) индивидуальное регулирование межнациональных отношений на основе соответствующих законов и подзаконных нормативных правовых актов, осуществляемое посредством издания (принятия) органами управления распорядительных правовых актов и совершения властно-распорядительных действий в отношении индивидуально-определенных субъектов (физических и юридических лиц), направленное на установление, изменение или прекращение их прав и обязанностей.

Следовательно, как нам представляется, в содержание правового регулирования межнациональных отношений должны включаться только те виды подзаконной государственно-властной деятельности, которые обеспечивают позитивное регулирование данного вида общественных отношений.

Подзаконная государственно-властная деятельность органов исполнительной власти и иных государственных органов, направленная на выявление и пресечение правонарушений, на разрешение споров между участниками межнациональных отношений, на обеспечение безопасности государства и общества не входит в содержание процесса государственного управления.

Осуществляя эту деятельность, соответствующие государственные органы не управляют субъектами общественных отношений, не организуют и не регулируют их поведение, а обеспечивают охрану и защиту их прав и законных интересов от противоправных посягательств, от нарушений со стороны других субъектов.

Каждый вид государственной деятельности находит свое юридически значимое выражение в определенных юридических формах.

Правовое регулирование – юридическая функция, реализуемая государством в процессе воздействия на общественные отношения, посредством которой поведение участников этих отношений приводится в соответствие с требованиями и дозволениями, со-

держиваемися в нормах права, легитимность и обязательность исполнения которых поддерживается обществом и обеспечивается возможностями применения властной силы государства.

Само правовое регулирование можно рассматривать как часть государственного управления, поскольку эта функция принадлежит исключительно государству, которое выступает гарантом права, обладая при этом монополией на правоприменительную и правоохранительную деятельность.

Общественные отношения, в которых выражен государственный интерес, т.е. практически реализуются задачи и функции государства по управлению делами общества, обобщенно называются государственно-управленческими отношениями. Они возникают, изменяются и прекращаются не только в связи с организацией и функционированием органов государственной власти в соответствии с действующим законодательством, но и в связи с реализацией функций государственной власти в соответствии с компетенцией и полномочиями, которые осуществляются в целях управления делами общества и государства.

Качественно новыми организационно-правовыми формами взаимного сотрудничества органов власти и общества в межнациональных отношениях являются различные общественные экспертизы, проводимые общественными организациями в целях недопустимости принятия решений, не соотносящихся с интересами наций и народностей.

На наш взгляд, Российской Федерации полезно воспринять практику западноевропейских государств, поддерживающих развитие информационных ресурсов, позволяющих любому гражданину участвовать в обсуждении социально значимых проектов решений органов публичной власти. Данное направление демократизации управления должно найти соответствующие формы законодательного закрепления. Проведение общественной экспертизы решений, связанных с социальным (здравоохранение, экология, безопасность и т.п.) благополучием населения, становится обязанностью государства, требующей инициативности всех участников публично-правовых отношений.

В числе традиционных средств совершенствования межнациональных отношений следует выделить проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. Согласно статье 18 Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁷ организаторы публичного мероприятия, должностные лица и другие граждане не вправе препятствовать участникам публичного мероприятия в выражении своих мнений способом, не нарушающим общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия.

Органы государственной власти или органы местного самоуправления, которым адресуются вопросы, явившиеся причинами проведения публичного мероприятия, обязаны рассмотреть данные вопросы по существу, принять по ним необходимые решения в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и сообщить о принятых решениях организатору публичного мероприятия.

Общим объектом правового регулирования в данном случае являются межнациональные отношения, а непосредственным – поведение субъектов в связи с осуществлением государственно-властной деятельности по управлению делами государства и общества.

Сфера действия правового регулирования определяется не только границами практического осуществления государственной власти, т.е. собственно работой субъектов этой деятельности государства по реализации их задач и функций, но и всеми иными проявлениями государственной деятельности по воздействию на общественные процессы и отношения.

В советское время государство владело и распоряжалось всеми средствами производства, всевозможными объектами непроектного назначения и управляло ими непосредственно. В масштабах государственной деятельности советской власти сложилась строго централизованная система всеохватного планирования, распределения, учета, контроля и им подобных видов и форм управленческой деятельности на территории республик, входивших в СССР.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

Постсоветское государственное строительство, особенно в начальный период либерально-демократических реформ (первая половина 90-х гг. XX века), велось под лозунгами значительного уменьшения доли государственного управления в жизни общества, в первую очередь в сфере экономики. Это повлекло неоправданный уход государства от важнейших функций управления, самоустранение от необходимого воздействия на процессы приватизации госсобственности, формирования цивилизованной рыночной инфраструктуры и многого другого. Принижение роли государственного управления в целом пагубно сказалось на эффективности реформ и повлекло негативные социальные последствия, что неминуемо отразилось на снижении уровня жизни основной массы населения в целом ряде субъектов кавказского региона.

Мировой финансовый кризис начала XXI века влияет на изменение самих форм правовой регуляции межнациональных отношений, в том числе, безусловно, и тех, которые складываются в сфере осуществления государственной власти и управления. Однако служебная роль государства как ведущего субъекта управления сохраняется и в условиях разгосударствления, акционирования, становления институтов частной собственности, развития местного самоуправления и других форм общественной и частной самодеятельности.

Регулируемая социально-правовая активность населения рассматривается нами как важное условие эффективного правового регулирования межнациональных отношений. Она представляет собой форму правомерного деяния, которое характеризуется развитым правосознанием, личным участием граждан в решении социально-правовых проблем государства, укреплении законности и правопорядка.

Рассмотрение соотношения правовых ограничений и правовых возможностей с точки зрения теории конфликта нам представляется необходимым, так как может способствовать решению многих назревших вопросов развития правосознания. Являясь стержневым в структуре диалектического метода принцип противоречия способствует существенному повышению возможностей совершенствования правосознания граждан. Это объясняется тем, что, представляя собой диалектическое единство, правовые ограничения и правовые возможности, как и любая социальная целостность, существуют в условиях пульсации сопровождающих их взаимодействие конфликтов.

Посредством их диалектической ритмики, единство ограничений и стимулов, постоянно распадается и вновь воссоединяется в целостность, демонстрируя всеобщие свойства и сохраняя собственные особенные черты, поддаваясь воздействию энтропийных начал и одновременно активно сопротивляясь им.

При всем многообразии и при всей разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями общим основанием для них является, как уже отмечалось, диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия. Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимоположение, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений. Данная тенденция обусловлена не только внешними детерминантами, но и внутренней логикой собственно саморазвития.

Конфликт между правовыми ограничениями и правовыми возможностями способствует стабилизации правосознания общества, упорядочению его структуры, повышению степени его функциональной продуктивности. Рассматриваемое противоречие пребывает в двойном детерминационном ракурсе: во-первых, как следствие конкретных правоотношений, и, во-вторых, как причина определенных явлений, процессов, поведенческих акций. Выявление в природе правосознания внутренней бинарной оппозиции двух противостоящих друг другу сторон (правовых ограничений и правовых стимулов) дает возможность понимания сущности исследуемого феномена.

Размышляя на эту тему, трудно не согласиться с В. В. Лунеевым, который считает, что связь «между уровнем преступности и состоянием нравственно-правовых устоев по-

литической и особенно правящей элиты общества обычно регистрируется как прямая корреляционная связь. Она отражает общую причинную базу коррелируемых явлений, связь их криминальных состояний и устойчивую взаимообусловленность»⁸.

Это выражается в том, что «чем выше уровень преступности в обществе, тем выше уровень криминальности элитарных групп и, наоборот, чем выше криминальность элиты, тем выше уровень преступности среди всего населения той или иной страны»⁹.

Еще большей категоричностью отличаются выводы З. И. Рывкиной, по мнению которой огромное место в обществе занимают проблемы, порожденные «мафизацией» государства¹⁰.

Они порождаются двумя разными механизмами. Первый из них базируется на безответственности государства, невыполнении им его собственных функций, что, если напрямую и не порождает преступления, то, как минимум, попустительствует им. Вторым механизмом – прямое сращивание государственных чиновников с преступным миром.

Безответственность государства в выполнении собственных функций в годы реформ проявилась в том, что оно не обеспечило «правового поля» и соответствующего контроля, которые гарантировали бы общество от межнациональных конфликтов. Более того, государство и сегодня не всегда обеспечивает выполнение тех законов, которые оно само же принимает. Это свидетельствует о недостаточном уровне управления в государственных органах, криминализация которых в период кризиса становится особенно опасной.

Кроме того, по замечанию В.В. Лапаевой, «в России, к сожалению, нет ни государственно-правовых, ни общественных механизмов, способных удержать исполнительную власть в поле притяжения нашей в целом либеральной Конституции, в случае если власть сочтет целесообразным пойти по пути ограничения основных прав и свобод»¹¹.

Правовое регулирование межнациональных отношений ориентировано на реализацию интересов и потребностей населения путем непосредственного участия в процессе государственного управления. Жизнь предоставляет гражданам широкий спектр возможностей и форм самореализации, но их выбор и принятие решения принадлежат самому человеку, который не только приобретает определенный социальный статус, но и выбирает права, обязанности, имидж, нормы и правила поведения, жизненные пути и перспективы, накладывает на себя те или иные ограничения.

В этой связи следует учитывать виды политических прав личности:

- права, отражающие принадлежность лица к государству (право на гражданство, его изменение, право убежища);
- права и законные интересы, вытекающие из принципа равенства граждан перед законом (право на проведение публичных мероприятий, право на равный доступ к государственной службе и др.);
- права, направленные на осуществление принципов народовластия (избирательные права, право на референдум и т.д.);
- свобода печати и мнений, высказываний;
- свобода объединений.

Учитывая, что сознание личности и его компоненты представляют собой довольно гибкий материал, способный преобразовываться в многомерные комбинационные построения, необходимо использовать эти возможности для включения человека в процесс государственного управления. При организации данного процесса важное значение имеет сохранение и развитие уважения к человеку. Как указано в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»¹².

⁸ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М.: Норма, 1997. – С.89.

⁹ Там же.

¹⁰ Рывкина Р. В. Постсоветское государство как генератор конфликтов // Социс. – 1999. – № 5. – С.15.

¹¹ Лапаева В.В. Конституция РФ об основаниях и пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Законодательство и экономика. – 2005. – № 1. – С. 12.

¹² Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М.: ЦИК РФ, 2003. – С. 10.

Процесс правового регулирования межнациональных отношений требует поиска взаимоприемлемых решений и инициативного взаимодействия личности и общества. Необходимо, чтобы не только государство, но и само общество проявили желание разрешить ту или иную проблему, входящую в круг государственных полномочий. Без этого невозможно обеспечить эффективность социального взаимодействия и адекватной коммуникации. Правовые ограничения призваны при этом обозначить пределы негативной активности и создать условия для повышения уровня позитивной активности населения.

Степень жесткости юридического регулирования, наличие ограничений для активности субъектов права зависит от политического режима, сложившегося в государстве, демонстрирующего соотношение и взаимодействие гражданского общества и государства, объем политических, социальных, экономических прав и свобод личности и реальные возможности их осуществления.

Это приобретает особое звучание в свете теории социального обмена, которая рассматривает социальное поведение преимущественно через интеракцию, взаимодействие, подкрепляемое достижением наград и избежанием санкций. Объяснение социального обмена посредством категории интеракции базируется на том обстоятельстве, что многие виды вознаграждений, к которым стремятся люди, могут быть получены только в процессе социального взаимодействия общества и государства.

Стремясь к разрешению проблем общества люди вступают в новые для себя социальные связи и союзы в ожидании того, что это будет вознаграждено. Они поддерживают отношения и расширяют свое взаимодействие с государством потому, что они действительно находят эти действия вознаграждаемыми. Взаимодействие с государством может быть непосредственно вознаграждаемым или же может приносить опосредованное вознаграждение в виде совета либо помощи со стороны органов исполнительной власти. Одновременно, в государственных органах управление должно обеспечивать взаимодействие систем, департаментов, подразделений и служб как единого целого с целью выполнения поставленных перед ними задач.

Сложившийся в государственных органах стиль авторитарного управления автоматически переносится и на процесс развития межнациональных отношений, подавляет социально-правовую активность общества. Регламентация, формализм, проявления «казенщины» ведут к безразличию, отчуждению граждан от общественно значимой деятельности, снижению мотивации, создавая социально опасный феномен «заученной бесправности», то есть мировосприятия человека, воспитанного в системе постоянного страха и неуверенности.

Не следует фетишизировать феномен ограничения прав, который хотя и является необходимым элементом правового регулирования, но ни в коем случае не выполняет функцию «дамоклова меча» по отношению к законопослушным гражданам. Как справедливо заметил Б.С. Эбзеев, «ограничения в собственно конституционно-правовом смысле – это допускаемые конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина»¹³.

Учитывая, что государственная деятельность в значительной степени основывается на политических и правовых предписаниях, ее эффективность целесообразно рассматривать не как особенность правового регулирования, а скорее как объективную возможность, трансформация которой в реальность зависит от влияния определенных факторов. Составной частью процесса правового регулирования межнациональных отношений является совокупность реализуемых функций, комплекс используемых методов, средств и ресурсов, а также прямые и обратные взаимосвязи между субъектами и объектами управления (управляющими и управляемыми сторонами правоотношений), необходимые при этом информационные потоки, документооборот и т. п.

Таким образом, **правовое регулирование межнациональных отношений означает способ осуществления государственной деятельности, который получает развитие в ходе основанного на законах и направленного на реализацию нормативных правовых актов процесса осуществления орга-**

¹³ Эбзеев Б.С. Доклад на заседании «круглого стола» журнала «Государство и право»: Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. – 1998. – №7. – С. 24.

нами исполнительной власти (государственного управления) функций государства по оказанию населению государственных услуг в сферах экономики и культуры, социального обеспечения и здравоохранения, транспорта и связи, охраны общественного порядка, обороны страны и т.д. в соответствии с установленными административными процедурами и регламентами.

В современных условиях нестабильной ситуации государственной деятельности свойственно целесообразное расширение способов правового регулирования, в том числе за счет партнерского договора. Партнерский договор более характерен для отношений равноправных субъектов, в связи с чем способствует единению и повышению эффективности публично-правовой деятельности.

Правовое регулирование включает в себя не только обеспечение эффективного исполнения законов, но и повседневную работу по решению различных вопросов управленческого характера. Государственная деятельность в межнациональном аспекте представляет собой особую сферу правоотношений, которые складываются между государством и обществом, органами государственной власти, их должностными лицами, государственными служащими и гражданами, их организациями при взаимодействии по поводу осуществления государственной власти, оказания населению государственных услуг и управления делами общества и государства.

Право представляет собой сложную юридическую систему государственного управления, а его нормы регулируют практически все стороны общественных отношений, государственного управления, поведение физических и юридических лиц, международного сотрудничества и т. д.

Правовое регулирование межнациональных отношений имеет ясно выраженный публичный характер: с его помощью государство проводит в жизнь содержащиеся в законодательных актах формально властные предписания, осуществляет функции текущего управления, представляет собой государственную деятельность по управлению делами общества.

Правовое регулирование позволяет субъектам управления использовать предоставленные им распорядительные полномочия и права по принятию властных актов управления, которые являются обязательными и обеспечиваются мерами государственного принуждения. Существо отношений власти в любом обществе состоит в том, что властная воля субъекта власти носит определяющий характер в отличие от другой стороны отношения, являющейся адресатом властной воли с требованием и установлением обязательности подчинения и его реальным исполнением.

Исходя из этого, можно выделить *признаки* правового регулирования:

- является способом реализации функций организованных систем государства, обеспечивающим их целостность, т.е. достижение стоящих перед ними задач, сохранение их структуры, поддержание режима их деятельности;
- служит интересам взаимодействия составляющих ту или иную систему государственной власти элементов и представляющих единое целое с общими для всех элементов задачами;
- означает внутреннее качество целостной системы государственной власти, основными элементами которой является субъект (управляющий элемент) и объект (управляемый элемент), постоянно взаимодействующие на началах самоорганизации (самоуправления);
- предполагает не только внутреннее взаимодействие составляющих систему государственной власти элементов, но и осуществление управленческих функций как внутрисистемного, так и межсистемного характера. В последнем случае система высшего порядка выступает в роли субъекта государственного управления по отношению к системе низшего порядка, являющейся в рамках взаимодействия между ними объектом управления;
- обеспечивает управляющее воздействие субъекта на объект, содержанием которого является упорядочение системы государственного управления, гарантия ее функционирования в полном соответствии с закономерностями ее существования и развития.

Это целенаправленное упорядочивающее влияние, реализуемое в связях между субъектом и объектом и осуществляемое самим субъектом государственного управления;

- осуществимо при условии подчинения объекта субъекту управления на уровне субординационных отношений власти-подчинения.

Правовое регулирование подразумевает способ сознательной, целенаправленной деятельности уполномоченного органа исполнительной власти, в процессе которой достигается необходимый управленческий результат путем реализации имеющихся у него государственно-властных полномочий, потенциала партнерских взаимоотношений с населением, в том числе, на договорной (консенсуальной) основе.

Как подчеркивает В.Ф. Яковлев, «...власть и государство должны взаимодействовать с обществом, не должны пытаться управлять обществом напрямую, должны обеспечивать поддержание в нем правового порядка через регулирование общественных отношений»¹⁴.

Большинство правоуправленческих полномочий, предоставленных Конституцией и федеральными законами в ведение Российской Федерации и в совместное ведение России и субъектов РФ, осуществляется Правительством РФ. В этом проявляется центральная организующая роль правительства по осуществлению исполнительно-распорядительных функций в государстве. Постановления и распоряжения Правительства РФ составляют значительную и действенную часть источников права и законодательства. Высшие органы исполнительной власти не только проводят единую государственную политику, но и активно участвуют в ее формировании.

В рамках компетенции государственных органов можно в укрупненном виде выделить функции «организации и управления» (акты, положения, контроль), «ресурсного обеспечения» (материального, финансового, информационного), «легализации» (лицензирование, стандарты), «оказание услуг»¹⁵.

В нашей стране государственные органы слабо ориентированы на активную деятельность в сфере услуг, востребованных населением. Гораздо привычнее вводить все новые ограничения и запреты, преодоление которых связано для населения с пополнением государственной казны в виде очередных налогов или сборов. К сожалению, в отечественной доктрине и общественной практике устойчиво сохраняется стереотип публичной власти как средства принуждения, что очевидно из концепции функций государства.

Удивительно актуально звучат в этой связи слова выдающегося российского правоведа Г.Ф. Шершеневича, произнесенные им на заседании Государственной Думы более века назад: «Какие бы мы законы ни изобрели и какие бы лучшие образцы Запада мы ни приняли, они могут свободно зачахнуть в той атмосфере административного произвола, которая господствует в настоящее время»¹⁶.

Общественное мнение в регионах остается практически равнодушным к предпринимаемым со стороны федерального центра попыткам повысить эффективность правового регулирования. Помимо низкого уровня ресурсного обеспечения в государственной политике особую значимость приобрела специфическая чувствительность населения не только к содержанию правительственных мер, но и к стилю действий властных структур. Патернализм, унаследованная от коммунистических времен заорганизованность и навязываемый сверху характер борьбы с местными чиновниками обесценивают даже достаточно сильные меры.

Современные демократические принципы предполагают усиление роли гражданского общества, населения и граждан в выполнении и переориентации государственных функций. В этом смысле правовое регулирование межнациональных отношений способствует выстраиванию партнерских отношений государства и личности, которые пока не получили заметного развития и распространения. Эта слабость государственной политики делает ее результаты минимальными как на федеральном и региональном, так и на муниципальном

¹⁴ Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 14.

¹⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М., 2001. – С. 200-205.

¹⁶ См.: Государственная Дума: Стеногр. отчеты. – 1906. – Сессия 1. – Заседание 28. – С. 1445-1446.

уровнях, что может иметь фатальное стратегическое значение для всего демократического развития России.

Правовое регулирование не может совершенствоваться институциональным методом, когда учреждаются дополнительные государственные институты, обрастающие многочисленными вспомогательными органами. Увлечение институциональным методом, как правило, кроме бюджетных ассигнований, приводит к тому, что система, достигнув определенного предела сложности, становится неуправляемой.

CONTEMPORARY ISSUES OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

E.E. TONKOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The article considers the summary and conclusions on contemporary issues of legal regulation of international relations.

Key words: state, corruption, crisis, government, criminalization, reforms, legalization, law enforcement, legal regulation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арская Е.В.** кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова
- Асочаков А.А.** помощник судьи Октябрьского районного суда г. Новосибирска
- Бабинцев В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борисов С.Н.** кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
- Борисова О.С.** кандидат философских наук, ассистент кафедры философии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Герашенко В.М.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гибелев И.В.** кандидат философских наук, докторант Российского института культурологии
- Глушаченко С.Б.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- Гусева А.А.** аспирантка юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Донец Р.В.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ермаков В.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Жорник А.М.** студентка юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зайцев А.К.** доктор философских наук, профессор Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
- Калинина Г.Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
- Касаткин В.П.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Климова С.М.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Коломыцева М.А.** аспирантка кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Кузнецова Е.Н.** аспирантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Куркина М.П.** кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и менеджмента, декан факультета экономики и управления здравоохранением и факультета социальной работы Курского государственного медицинского университета
- Липич В.В.** доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Липич Т.И.** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лукьянчикова Е.Ф.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лыткин В.В.** кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой Социальная антропология и сервис Калужского государственного университета им.К.Э.Циолковского
- Мамин А.С.** кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мархгейм М.В.** доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и государственоведения юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мирошников Е.В.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Молостова Е.С.** кандидат философских наук, ассистент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Москаленко С.А.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мурадова Н.М.** ассистент кафедры философии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Надуткина И.Э.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Невлева И.М.** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Нифанов А.Н.** кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Новикова А.Е.** кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Носков В.А.** доктор философских наук, профессор
- Олейник Н.Н.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой украиноведения, профессор кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Полухин О.Н.** доктор политических наук, профессор
- Почепцов С.С.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римская О.Н.** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ринчинова Т.М.** соискатель кафедры философии Бурятского государственного университета
- Рожкова Н.В.** аспирантка кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Рязанцев С.В.** кандидат философских наук, преподаватель тульского филиала Московского университета МВД России
- Сагатовский В.Н.** доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
- Сальников Е.В.** кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин и экономики Орловского юридического института МВД России
- Самсонов В.Н.** доктор юридических наук, профессор кафедры международного и административного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Самсонова Е.В.** аспирантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Соловьева Л.А.** аспирантка кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сморгунова В.Ю.** декан юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор
- Тонков Е.Е.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Травников Г.Н.** кандидат педагогических наук, ректор института инновационной образовательной политики и права «Эврика – Пермь»

- Тычинин С.В.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Усатова Л.В.** доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Устьян В.Г.** преподаватель кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Филатова В.Ф.** кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, заведующая лабораторией региональной лингвистики Борисоглебского государственного педагогического института
- Хлебников А.Д.** судья Арбитражного суда Белгородской области, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Царик А.А.** преподаватель кафедры конституционного права Института права и экономики (г. Липецк)
- Цырендоржиева Д.Ш.** доктор философских наук, профессор, профессор, заведующая кафедрой философии Бурятского государственного университета
- Чалых И.С.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шенкао М.А.** доктор философских наук, профессор Карачаево-черкесской государственной технологической академии
- Шутенко Е.Н.** аспирантка кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Vabintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
3. Ключевые слова.
4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
5. Библиографический список.
6. Ссылки.
7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).

} на русском
и английском
языках

} на русском
языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

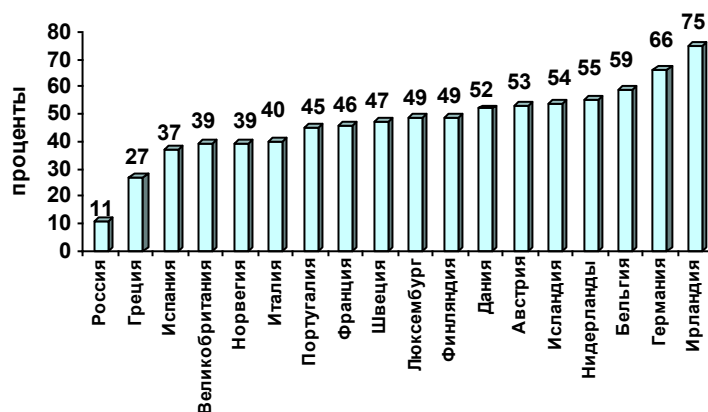

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

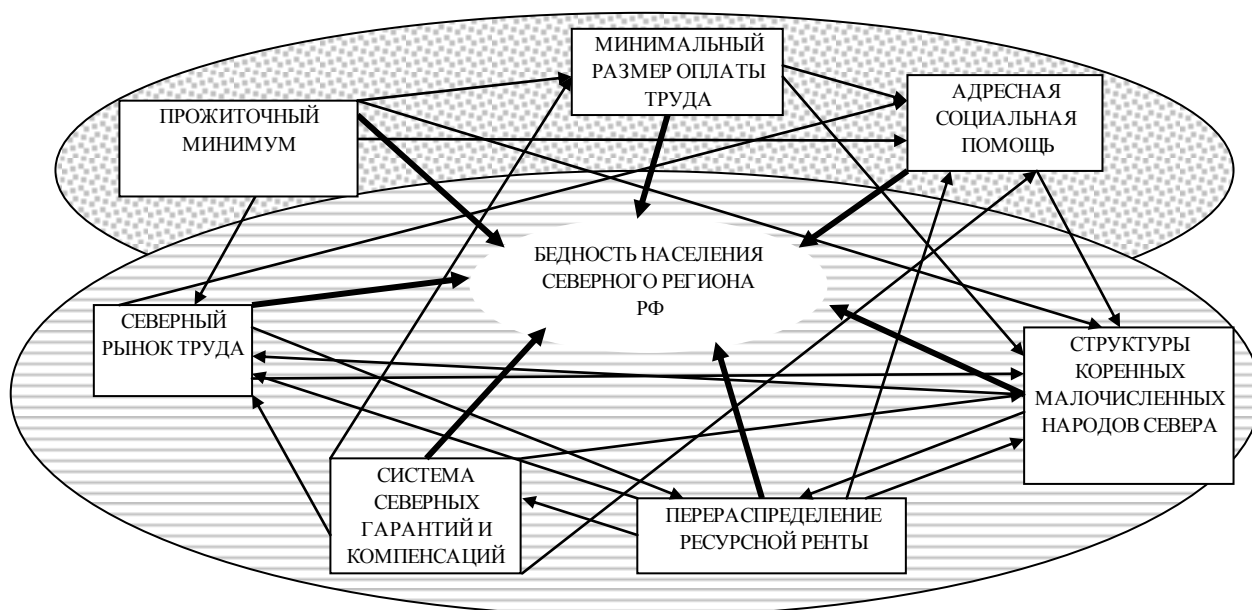

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.